

ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
КАФЕДРА МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Материалы
XVII Международного конгресса
«Блищенковские чтения»

В двух частях

ЧАСТЬ I

Москва, 13 апреля 2019 г.

Москва
Российский университет дружбы народов
2019

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ»
ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
Кафедра международного права

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

**Материалы
XVII Международного конгресса
«Блищенковские чтения»**

В двух частях

ЧАСТЬ I

Москва, 13 апреля 2019 г.

Москва
Российский университет дружбы народов
2019

УДК 341(063)
ББК 67.412
А43

Утверждено
РИС Ученого совета
Российского университета
дружбы народов

А43   Актуальные проблемы современного международного права : материалы XVII Международного конгресса «Блищенковские чтения» : в 2 ч. / отв. ред. А. Х. Абашидзе, Н. Н. Емельянова, А. М. Солнцев. Москва, 13 апреля 2019 г. – Москва : РУДН, 2019.
ISBN 978-5-209-10019-5
Ч. I. – 692 с.
ISBN 978-5-209-10018-8 (ч. I)

Издание представляет собой сборник выступлений участников XVII Международного конгресса «Блищенковские чтения», состоявшегося в РУДН 13 апреля 2019 года.

Первая часть сборника включает доклады, представленные на пленарном заседании, а также материалы секций «Теория международного права», «Международное право: новые угрозы и вызовы», «Международно-правовые проблемы снижения риска бедствий», «Интеграционное право в системе международного права», «Международно-правовая защита коренных народов. международный год языков коренных народов», «Международное гуманитарное право». *Во второй части* сборника представлены материалы секций «Международная защита прав человека», «Региональные системы защиты прав человека», «Международное морское право», «Международно-правовые проблемы миграции», «Международное спортивное право», «Международное экономическое право», «Международное уголовное право. 25 лет со дня учреждения Международного трибунала по Руанде».

Материалы данного научного форума отражают исследования известных, а также молодых учёных-правоведов, которые, несомненно, будут полезны для преподавателей, научных сотрудников, аспирантов и студентов юридических вузов, практических работников и всех интересующихся актуальными проблемами международного права и международных отношений.

ISBN 978-5-209-10018-8 (ч. I)
ISBN 978-5-209-10019-5

© Коллектив авторов, 2019
© Российский университет
дружбы народов, 2019

ВВЕДЕНИЕ

Ежегодно Международный конгресс «Блищенковские чтения» подтверждает его динамику как по кругу участников, так и по охвату новых сфер, регулируемых международным правом, что отражается на росте количества секций и круглых столов. При этом Блищенковский конгресс сохраняет и укрепляет свои следующие отличительные черты: инновационность, междисциплинарность, всеохватность и доступность для всех - известных и начинающих ученых, а также студентов, проявляющих склонность к научным исследованиям. Конгресс способствует объединению ученых по специальной проблематике, следовательно, секции данного форума становятся площадкой для апробации научных изысканий соискателей на степень кандидата и доктора наук. Круглые столы, проводимые в рамках Конгресса, сохраняют актуальность по причине обсуждения на них новых инициатив системы ООН, особенно в тематические годы и десятилетия, отмечаемые в рамках ООН.

Подтверждает динамику и участие в Блищенковских конгрессах зарубежных ученых: растет не только их количество, но и увеличивается их охват по признаку географического представительства. Все больше внимания к Конгрессу проявляют международные профессиональные ассоциации, особенно те, институциональным или индивидуальным членом которых является юридический институт РУДН и преподаватели кафедры международного права. В этом году в Конгрессе приняли участие представители Международного института космического права, Института международного права, Европейского сообщества международного права и других профессиональных ассоциаций.

Следует с удовлетворением отметить прикладное значение итогов ежегодных Конгрессов, которые непосредственно влияют на модернизацию магистерской программы кафедры по международному праву в части определения спецкурсов, основанных на межотраслевом подходе. В частности, это выражается в преподавании нового спецкурса, объединяющего международное космическое и международное воздушное право. Другим примером может быть введение нового курса «Арктика и международное право», охватывающего такие сферы, как международное морское право, охрана окружающей среды, защита прав коренных народов и др.

Перед Вами, уважаемый читатель, материалы Блищенковского конгресса 2019 г., которые увидели свет в 2020 г. – в год 60-летия РУДН.

Публикация этих материалов в рамках серий указывает на потенциал и масштаб Блищенковского конгресса, получившего всемирную известность научного сообщества, что является своеобразным подарком кафедры международного права юридического института родному Университету – РУДН.

*Аслан Хусейнович Абашидзе,
Заслуженный юрист Российской Федерации,
заведующий кафедрой международного права РУДН,
член Комитета ООН по экономическим,
социальным и культурным правам,
доктор юридических наук, профессор*

**ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ.
ПРИВЕТСТВИЯ**

**ЧЛЕН СОВЕТА ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

ул. Б.Дмитровка, д. 26, Москва, 103426

« ____ » _____ 2019 г.

№ _____

Участникам XVII
Международного конгресса
"Блищенковские чтения"

Уважаемые участники Конгресса!

Поздравляю вас с новым этапом работы площадки международного уровня, где эксперты могут обмениваться знаниями по актуальным вопросам, волнующим мировое научное сообщество.

2019 год ознаменован знаковым событием - Организация Объединенных Наций утвердила его Международным годом родных языков коренных народов. Государства призваны помогать сохранять и развивать многообразие языковых культур - как важнейшее условие сбережения народов. Язык - это не просто средство общения. Это философия народа, особое мироощущение.

Уверена, бесценный опыт, которым обмениваются участники Конгресса, откроет новые возможности в изучении и развитии исконных языков во всём мире.

От души желаю вам плодотворной работы и всего наилучшего.

Анна Отке

**Приветственное слово генерального директора межправительственной
организации в составе 22 государств-членов «Международный центр
научной и технической информации» Евгения Угриновича**
eu@icsti.int

Дорогие организаторы и участники Конгресса,

Рад поздравить Вас со знаменательным событием Международного года языков коренных народов – XVII Международным конгрессом «Блищенковские чтения». Кафедра международного права Юридического института РУДН, достойно продолжая официальные мероприятия ООН и свои лучшие традиции, собрала известных представителей юридической науки, юристов-практиков, официальных лиц, экспертов ООН и других международных организаций.

Разнообразна повестка дня сегодняшнего мероприятия, гарантирующая каждому участнику пиршество духа и высоту юридической экспертизы. От лица государств-членов Международного центра научной и технической информации (МЦНТИ) призываю Конгресс признать важным юридическое обеспечение доступа к современным научным знаниям и технологиям всех народов земли. Актуальная научно-техническая информация, трансграничный трансфер технологий и инноваций в различных сферах жизни призваны создать синергию созидательного устойчивого развития каждого народа, вне зависимости от его национального языка, и, как следствие, мир и безопасность на Земле в целом.

Международный центр научной и технической информации призывает участников Конгресса к обмену лучшими практиками юридического обеспечения права каждого народа на современное знание, лучшее образование

и использование актуальной научной и технической информации в национальных экономиках.

В соответствии с духом и буквой Всеобщей декларации прав человека и Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, Международный центр научной и технической информации организует и развивает международные контакты и информационное взаимодействие.

В год своего 50-летия, МЦНТИ выступает с инициативой многостороннего проекта открытой цифровой платформы научной и технической информации «iScience4ALL». Платформа призвана имплементировать возможности свободного доступа каждого индивида к научной и технической информации при неукоснительном соблюдении норм международного права для охраны авторских прав. Трансграничное сотрудничество в области трансфера информации и инноваций призвано повысить эффективность научно-исследовательской деятельности и продемонстрировать преимущества интеллектуальной кооперации ученых из разных стран для блага всех.

Сердечно желаю участникам и гостям Конгресса плодотворной деятельности!

13 апреля 2019 г.

Welcome speech from European Society of International Law (ESIL)

Let me immediately thank the local organizers for the kind invitation, which I accepted with a great pleasure.

I am here today under a double role: as a speaker, but first of all and most importantly as Vice-President of the European Society of International Law. For people who are no familiar to it, the European Society is one of the most important and influential scientific societies in the world dealing with international law broadly understood.

In detail, its goals are to contribute to the rule of law in international relations and to promote the study of public international law. For these purposes the Society engages in a series of activities, such as organizing exchanges of ideas on matters of common interest to international lawyers in Europe, fostering a greater appreciation of the role of the European tradition of international law and developing European perspectives in international law.

I am very glad to highlight that currently the People's Friendship University of Moscow takes part in the Society's activities as a premium institutional member. And this is because the Society is open to both individuals and Institutions. Needless to say, having your University as an ESIL institutional member is a great privilege for us and I am absolutely sure there is much room to work together in a fruitful manner. This University's mission, that is "Uniting people of different cultures by knowledge", may very well serve as an apt motto of the European Society itself!

Palombino Fulvio Maria

*Vice-President, European Society of International Law,
Professor of International Law at the Law Department
of the University of Naples Federico II,
Full Professor of International Law*

Opening speech: words of friendship

Please allow me first of all to thank the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN) for the excellent way in which they are hosting us in the beautiful city of Moscow and in Russia. I bring warm greetings from the Netherlands.

My own association with Russia has deep roots. When I was a young boy, I sometimes joined my father by ship to the harbours of Amsterdam and Rotterdam. My father operated some cargo ships. In the harbours we collected beautiful wood from Russian ships for the construction of houses. We had small domestic boats and the Russian sea vessels were huge: in my memory easily 100 meters high. The wood came down by a crane from the Russian ship. When the job was done the crane lifted me and my father all the way up to the captain's cabin. Of course, for a small boy this was very exciting and nothing less than a dream.

In the cabin my father paid cash for the wood. There were exchanges of gifts: we brought Dutch cheese and beer for the captain and his crew. In return my father got a bottle of vodka and I received empty boxes of matches with beautiful Russian images on them. We did not speak Russian and the captain did not speak Dutch. However, they were very friendly towards me. During our journey home over rivers, lakes and canals I once asked my father: 'how can it be that the Russians have such big ships?' My father replied: 'They owe it to their Czar Peter the Great, who came to the Netherlands at the end of the 16th century.' Peter the Great (1682 - 1725) had a great interest in foreign countries and cultures. He was quite a personality, towering over two meters tall. In 1697 and 1698, he visited *incognito* the then Republic of the United Netherlands and worked undercover in Dutch shipyards to learn about how to build seaworthy vessels. My father said with the knowledge he acquired in the Netherlands he later built his own big ships as well as his own navy.

In my work as a law student and later lecturer in international law I often came across the name of Czar Nicolas II (1894 - 1917). It was he who took the admirable initiative in the late 19th century to organise a World Peace Conference to discuss how to restrict warfare. For that purpose he proposed two main agenda items: 1) how to control armaments and promote disarmament? And 2) how to institutionalise the peaceful settlement of disputes?

Of course, as is the case now, rivalries existed among great powers, and it soon proved to be controversial to have the World Peace Conference in Sint Petersburg, as my name mate Czar Nicolas II intended. Therefore, he turned to his Dutch niece Wilhelmina who in 1898 had just become Queen of the Netherlands at the age of 18, after the passing away of her father William III. Nicolas II asked whether the conference could be convened in her Palace in the Hague. And so it happened that the first Hague Peace Conference took place in 1899. It was a successful conference, with delegations from 26 countries. The delegates stayed for three months in the Hague, in the Palace in the Woods of Queen Wilhelmina. The delegates were all men: can you imagine? All these men every day in the Palace of our young Queen, 18 or 19 years of age! Small wonder, that she proposed that her uncle organise the Second Hague Peace Conference in 1907, now attended by 44 countries, in the Hall of Knights in The Hague, which is part of the Dutch parliament.

During both conferences, Czar Nicolas II was assisted by his legal advisor Professor Friedrich Martens. He is no doubt one of the intellectual fathers of the legacy of the Hague Peace Conferences, as regards the law of international dispute settlement, the law of warfare, and international humanitarian Law. His deep involvement and creativity gave rise to what still today is famously known as ‘the Martens Clause’: in warfare it might at a certain moment be unclear which rules apply, but the behaviour of the warring parties should always be guided by ‘the principles of humanity’ and ‘dictates of public conscience’. This

'humanity clause' is widely known as the Martens clause, and is set out in the Hague Conventions and later also in the 1977 Protocols to the Geneva Conventions. This is an intellectual heritage that both The Hague and Russia can be proud of. Like Czar Nicolas II, Professor Martens was also a very energetic man, with a great drive. Some years ago, a beautiful novel was published on him, entitled *Professor Martens' Departure* (by Jan Koss, 1984). Reportedly, he often escaped during the weekends from The Hague to visit Amsterdam and Brussels.

Ladies and gentlemen, dear colleagues, after these introductions on the Czar Peter the Great and Czar Nicolas II, it is only logical that I now turn to my great colleague and friend Professor Aslan Abashidze. We know each other as colleagues from the UN Committee on Economic, Social and Cultural rights in Geneva, the supervisory body of independent experts which oversees the implementation by the 170 States parties to this human rights treaty. Professor Abashidze is one of the most active and committed members of this human rights treaty body, with a keen interest in knowing whether States Parties are serious about implementing the rights conferred in the Covenant, for example labour rights. As the former academic director of the Grotius Centre for International Legal Studies at Leiden University, I am also impressed by the wide range of teaching and research activities and the association with the United Nations of the Department of International Law of this University, directed by Professor Aslan Abashidze.

To conclude: with respect and in friendship, I bring this morning warm greetings from the Hague, from Leiden University and from the Netherlands to this Blischenko Congress and to all of you as participants.

Enjoy our conference. *Spassiba.*

Nicolaas Schrijver,
Professor of Public International Law, Leiden University,
President, the Institut de Droit International

ВЫСТУПЛЕНИЕ
Уполномоченного МИД России по вопросам
прав человека, демократии и верховенства права,
заместителя Директора ДГПЧ МИД России
Г.Е. ЛУКЪЯНЦЕВА
на XVII Международном конгрессе
«Блищенковские чтения»
(Москва, 13 апреля 2019 года)

Уважаемый Владимир Михайлович,
Уважаемый Аслан Хусейнович,
Уважаемые коллеги,

Для меня большая честь быть приглашенным и выступить сегодня от Министерства иностранных дел.

«Блищенковские чтения» уже давно стали значимым событием. В повестку дня нынешнего Международного конгресса включены важные и актуальные вопросы, вызывающие значительный интерес у экспертов в области международного права и общественности в целом. Это возможность углубленно, профессионально обсудить проблемы, стоящие перед мировым сообществом и Российской Федерацией в частности.

С вашего позволения хотел бы в начале как Уполномоченный МИД России по вопросам прав человека, демократии и верховенства права и представитель Департамента по гуманитарному сотрудничеству и правам человека Министерства кратко остановиться на некоторых современных тенденциях международного сотрудничества в сфере прав человека, а затем сказать несколько слов по теме Международного года языков коренных народов.

Уважаемые коллеги,

В настоящее время характерной чертой практически любой дискуссии на всех крупных международных форумах на универсальном и региональном уровнях стало присутствие правозащитного измерения. Более того, оно в той или иной мере стало неотъемлемым элементом обсуждения наиболее острых проблем

современности: обеспечение международной безопасности, выработка социально-экономической стратегии развития, охрана окружающей среды, торговля оружием, разоружение и т.д.

Правозащитные формулировки все активнее включаются в основополагающие документы, одобряемые на важнейших многосторонних встречах, в программные установки международных организаций и их структурных подразделений, включая саму ООН.

При этом ключевой тезис известного доклада бывшего Генерального секретаря К.Аннана «При большей свободе...» о том, что права человека наряду с безопасностью и развитием являются одной из трех составных частей фундамента ООН, стал скорее фиксацией сформировавшейся современной реальности, нежели новой концептуальной или доктринальной целеустановкой Организации. Одновременно стоит отметить, что в Уставе ООН «третьим столпом» Организации названо содействие добрососедскому сотрудничеству.

Приходится констатировать, что позитивный импульс развитию соответствующего направления межгосударственного взаимодействия, появившийся в конце 1980-х – начале 1990-х гг. и достигший в 1993 г. своего «пика» в форме Всемирной конференции по правам человека и принятой на ней Венской декларации и Программе действий, впоследствии «сошел на нет».

В настоящее время с новой силой встал вопрос об использовании прав человека, как и во времена «холодной войны», в качестве инструмента и поля для идеологического противостояния между Севером и Югом (как прежде между Западным и Социалистическим лагерями). К сожалению, тема прав человека не просто сохранила свой конфликтный потенциал, но и многократно его приумножила.

Современный этап межгосударственного сотрудничества в области поощрения и защиты прав человека характеризуется резко возросшим за последние годы уровнем конфронтации и политизации. Все больше государств и групп государств стремятся использовать правозащитную риторику для продвижения своих внешне- и внутривосточных интересов.

Для некоторых стран эта проблематика превратилась из инструмента отстаивания идеологических установок в идеологию как таковую. В результате их международные усилия, принимаемые формально под предлогом защиты прав человека, на деле довольно часто не имеют ничего общего с истинной заботой о соблюдении универсальных правозащитных стандартов. Более того, благородный правозащитный лозунг используется в качестве прикрытия для критики и смещения «неудобных» политических режимов и фиксации выгодных для себя геополитических реалий.

Новая тенденция в дискуссии на правозащитном направлении заключается в квалификации суверенитета государств в качестве одного из главных препятствий для решения задачи поощрения и защиты прав человека. При помощи концепций ответственности по защите и человеческой безопасности продвигается идея о том, что принцип суверенного равенства государств является неким «пережитком прошлого» и анахронизмом, препятствующим соблюдению всеми государствами-членами универсально признанных стандартов в сфере прав человека.

Другая связанная с этим характерная особенность современных межправительственных дискуссий на тему прав человека – применение «двойных стандартов» при оценке правозащитной ситуации в отдельных странах и регионах или тех или иных действий государств. При этом происходит тщательная фильтрация имеющейся нормативно-правовой базы, «отсечение» не вписывающихся в собственную концепцию и представления согласованных на международном уровне подходов с последующей абсолютизацией «нужного» нормативного содержания отдельных прав и свобод человека. Одновременно произошел фактический отказ от нашедшего отражение в основных международных правозащитных договорах постулата естественной концепции прав человека о том, что сфера действия прав одного человека заканчивается там, где начинаются интересы и права другого человека или других лиц.

Яркий пример такого подхода – продвигаемая ныне некоторыми странами концепция прав на свободу собраний и свободу

выражения мнения как якобы не поддающихся никаким ограничениям. Не вписывающиеся в такой подход установки, включая положения универсальных международных договоров по правам человека о возможности ограничения пользования упомянутыми правами и свободами в интересах обеспечения безопасности, общественной морали и соблюдения прав и свобод других, попросту отвергаются или игнорируются как «устаревшие» или не отвечающие нынешним реалиям.

Таким образом, на современную дискуссию и подходы государств к выстраиванию международного сотрудничества в правозащитной сфере накладывает отпечаток противостояние сторонников индивидуалистического подхода и тех, кто отстаивает концепцию ответственности личности перед обществом и перед государством, в том числе в контексте пользования правами и свободами человека.

Нередко приходится сталкиваться и с такими ситуациями, когда продвигаемые в правозащитной плоскости темы не имеют отношения к вопросам прав человека как таковым (по крайней мере, в том виде, в котором соответствующие положения согласовывались при включении их в текст основополагающих международных договоров по правам человека). В результате такого подхода происходит расширительное толкование действующих нормативно-правовых актов и попытка навязывания государствам обязательств, на которые они не давали своего согласия, становясь участниками соответствующих договоров. Следующий за этим шаг – установление механизма международного наблюдения за национальными действиями в соответствующей области или же включение данной проблематики в сферу мониторинга уже действующих контрольных структур и институтов.

Напрямую к этому примыкает и жесткая, бескомпромиссная линия некоторых наших «партнеров» по противодействию любым попыткам, в т.ч. усилиям России, привести в правозащитные дискуссии элемент морально-ценностного измерения прав человека.

Не менее масштабной исторической и ценностной «агрессии», в т.ч. в правозащитном контексте, подвергается и Россия.

Резко возросло число попыток провести как на национальном, так и на международном уровне разного рода инициативы, направленные на фальсификацию и переписывание истории.

Другой примечательный момент – все более явственное стремление определенной группы государств отказаться от любых элементов взаимоуважительного и конструктивного диалога и сотрудничества в сфере прав человека в пользу усиления сугубо мониторинговой составляющей в работе международных правозащитных институтов и механизмов, включая многосторонние межправительственные органы.

Сформировавшиеся в последние годы вышеупомянутые тенденции в международном сотрудничестве в правозащитной сфере привели к резкой поляризации позиций различных государств и групп государств и одновременно – к корректировке подходов отдельных «ключевых игроков» к обсуждению актуальных проблем в сфере прав человека.

Уважаемые коллеги,

Нынешний год провозглашен Генеральной Ассамблеей ООН в качестве Международного года языков коренных народов мира. Символично, что нынешний конгресс проходит буквально накануне очередной сессии Постоянного Форума ООН по вопросам коренных народов, где соответствующая проблематика, несомненно, будет одной из доминирующих.

Язык имеет решающее значение для человеческой природы и культуры и является одним из наиболее важных проявлений идентичности. На сегодняшний день языковые права затрагивают различные аспекты международного права в области прав человека, включая право на образование, в том числе на родном языке, его использование в различных сферах общественной жизни, запрет дискриминации, право на свободу выражения мнения и защиту частной жизни.

Несмотря на то, что во многих документах, принятых в последнее время, активно присутствует эта тема, языковые права, их объем и использование остаются сферой, относительно слабо регулируемой международным правом. Наличие множества обтекаемых формулировок, даже в таких профильных междуна-

родных договорах, как Рамочная Конвенция Совета Европы о защите национальных меньшинств (1995 г.) и Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств (1992 г.), которая всецело посвящена языковой проблематике, позволяет отдельным государствам, не желающим по каким-либо причинам выполнять взятые на себя обязательства, находить оправдания своим, по сути, дискриминационным действиям. Зачастую законодательство государства формально соответствует основным международно-правовым стандартам по защите прав и свобод человека, но на практике его положения в этой сфере нарушаются. Как следствие, возникают ситуации, когда языковая политика ведет к возникновению затяжных конфликтов и ограничению языковых прав меньшинств в сфере образования, получения информации на родном языке, как это происходит в странах Прибалтики и на Украине.

В настоящее время на глобальном уровне многие языки меньшинств, включая языки коренных народов, находятся под угрозой значительного сокращения или исчезновения. На этот процесс влияют различные факторы, среди которых урбанизация, миграция, преобладание национальных и международных языков, ассимиляция и сокращение числа людей, говорящих на миноритарных языках.

По оценкам экспертов, по меньшей мере половина из существующих в настоящее время порядка 7 тысяч языков на протяжении нынешнего столетия может исчезнуть или перейти в разряд «мертвых» или «умирающих» языков. В наибольшей степени это касается языков коренных народов в силу того, что эти народы, как отмечается в Декларации ООН о правах коренных народов 2007 г., «имеют непростую историческую судьбу, обусловленную их колонизацией, лишением исконных земель, территории и ресурсов, и эти народы продолжают находиться под воздействием значительных угроз, включая маргинализацию, отчуждение и неравенство в различных сферах, ассимиляцию и сокращение числа носителей языков».

Провозглашение Международного года языков коренных народов является свидетельством особого значения, которое

придается проблематике коренных народов. Внимание мировой общественности к нуждам и интересам коренных народов и их собственная активность, которая имеет сегодня небывалый размах, способствовали широкой популяризации вопросов, связанных с их правами. В рамках ООН функционируют специализированные консультативные органы по проблематике коренных народов, создаются диалоговые площадки при различных структурах для взаимодействия с коренными народами. Укрепляются механизмы контроля и мониторинга исполнения государствами своих обязательств в этой области. Практически все договорные органы ООН по правам человека, а также мониторинговые органы Совета Европы уделяют особое внимание этой проблематике. Все эти шаги, наряду с положительной практикой обеспечения прав коренных народов, находят отражение в международном праве, ведут к появлению новых международных договоров, не только ограничивающихся констатацией прав и свобод, но и подробно и детально регламентирующих их.

Уважаемые коллеги,

Разрешите в заключение пожелать участникам нынешнего Международного конгресса удачи и успехов в обсуждении всех важных и актуальных вопросов и проблем, включенных в его программу.

Благодарю за внимание.

СЕКЦИЯ

ТЕОРИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ НЕКОТОРЫХ ИММУНИТЕТОВ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ И КОНСУЛЬСКИХ СРЕДСТВ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Амиров Динар Рустемович

*канд. юрид. наук,
практикующий юрист*

На сегодняшний день на территории Российской Федерации находится значительное число транспортных средств иностранных дипломатических представительств, консульских учреждений и членов их персонала, обладающих особым правовым статусом. Существенные различия в объёме иммунитетов указанных транспортных средств требуют отдельного исследования этого вопроса.

В соответствии с ч. 3 ст. 22 Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 г. (далее – ВКДС) иммунитетом от обыска, реквизиции, ареста и исполнительных действий обладают исключительно средства передвижения дипломатического представительства¹. Однако в доктрине международного права распространена точка зрения о предоставлении этих четырёх видов иммунитетов также транспортным средствам членов их персонала. Она обосновывается двумя доводами.

Во-первых, ссылкой на ст. 30 и ст. 37 ВКДС, которые толкуются как предоставляющие эти иммунитеты транспортным средствам дипломатического и административно-технического персонала и членам их семей². Вместе с тем, существует мнение, согласно которому обозначенные иммунитеты действуют только

---

¹ Венская конвенция о консульских сношениях (Заклучена в г. Вене 18 апреля 1961 г.) // Ведомости ВС СССР. 1964. № 18. Ст. 221.

² McClanahan G.V. Diplomatic immunity / Grant V. McClanahan : foreword by Sir Nicholas las Henderspon. New York : St. Martin's press, 1989. P. 117.

в отношении автомобилей членов персонала представительства, обладающих иммунитетом от уголовной юрисдикции³.

Вторым аргументом служит то, что в международном праве и дипломатической практике не проводится различий между средствами передвижения, принадлежащими непосредственно представительству, и средствами передвижения, находящимися в личной собственности сотрудников представительства⁴.

Проект Венской конвенции о консульских сношениях 1963 г. (далее – ВККС) в ст. 30 также предполагал иммунитет средств передвижения консульского учреждения от обыска, реквизиции, ареста или исполнительных действий⁵. Однако в итоговом варианте конвенции за ними остался лишь иммунитет от реквизиции в целях государственной обороны или общественных нужд⁶.

Как известно, положения ВККС могут быть существенно расширены в двусторонних консульских договорах. В большинстве соглашений, заключённых Российской Федерацией, иммунитеты транспортных средств либо вообще не предусмотрены, либо установлены в объёме, определенном ВККС. Исключением являются консульские конвенции с Ганой⁷, Казахстаном⁸,

---

³ Aust A. Handbook of international law, 2nd edition. New York: Cambridge University Press, 2010. P. 120.

⁴ Дёмин Ю.Г. Проблема иммунитетов дипломатических средств передвижения // Московский журнал международного права. 1994. № 4. С. 99.

⁵ Draft articles on consular relations, with commentaries // Yearbook of the International Law Commission, 1961. Vol. II. P. 109.

⁶ Венская конвенция о консульских сношениях (Заключена в г. Вене 24 апреля 1963 г.) // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLV. М., 1991. С. 124–147.

⁷ Консульская конвенция между Союзом Советских Социалистических Республик и Республикой Гана (Заключена в г. Аккре 22 февраля 1985 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1986. № 18. Ст. 297.

⁸ Консульская конвенция между Российской Федерацией и Республикой Казахстан (Заключена в г. Москве 28 марта 1994 г.) // Бюллетень международных договоров. 1997. № 12.

КНДР⁹ и Турцией¹⁰, предусматривающие дипломатические иммунитеты транспортных средств консульского учреждения, а именно, их освобождение от обыска, реквизиции, ареста и исполнительных действий (по аналогии со ст. 22 ВКДС).

При этом конвенция с Ганой предоставляет указанные иммунитеты также средствам передвижения консульских должностных лиц, в то время, как конвенции с Казахстаном и КНДР расширяют действие иммунитетов на транспортные средства всех работников консульского учреждения. Таким образом, указанные договоры разграничивают иммунитеты средств передвижения консульских учреждений и работников консульских учреждений. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что в отечественной консульской договорной практике признаётся различная природа иммунитетов транспортных средств консульства и его работников.

Отдельно следует остановиться на статусе средств передвижения почётных консульских учреждений и их должностных лиц. Ни ВККС, ни двусторонние консульские договоры не предоставляют им никаких из вышеперечисленных иммунитетов. В этом смысле эти транспортные средства ничем не отличаются от транспортных средств других участников дорожного движения.

Признаком принадлежности автомобиля к иностранному дипломатическому представительству или консульскому учреждению, доступным для визуального восприятия, является наличие специального номерного знака, выданного компетентными органами государства пребывания. В Российской Федерации они имеют красные регистрационные знаки, на которых указываются цифровой код, определяющий принадлежность к тому или иному государству, серия и номер знака. Согласно установленным правилам регистрационные знаки имеют следующие серии:

---

⁹ Консульская Конвенция между Союзом Советских Социалистических Республик и Корейской Народно-Демократической Республикой (заключена в г. Москва, 17 апреля 1985 г.) // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1985. № 50. Ст. 972.

¹⁰ Консульская конвенция между Союзом Советских Социалистических Республик и Турецкой Республикой (Заключена в г. Анкаре 27 апреля 1988 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1990. № 1. Ст. 1.

- серия «CD» – для легковых автомобилей глав дипломатических представительств;

- серия «D» – для транспортных средств дипломатических представительств, консульских учреждений, в том числе возглавляемых почетными консульскими должностными лицами, и их сотрудников, аккредитованных при Министерстве иностранных дел Российской Федерации и имеющих дипломатические или консульские карточки;

- серия «Т» – для транспортных средств сотрудников дипломатических представительств, консульских учреждений, за исключением консульских учреждений, возглавляемых почетными консульскими должностными лицами, аккредитованных при Министерстве иностранных дел Российской Федерации и имеющих служебные карточки или удостоверения¹¹.

Поскольку транспортным средствам почетных консульских учреждений и их должностным лицам, имеющим консульские карточки, также присваивается серия «D», для них предусмотрен специальный цифровой код «900», не имеющий привязки к какому-либо государству.

Таким образом, в Российской Федерации при регистрации транспортных средств не производится разграничение между автомобилями иностранных дипломатических представительств, консульских учреждений и личными автомобилями членов их персонала. Кроме того, регистрационные знаки серий «D» и «Т» устанавливаются как на дипломатических, так и на консульских средствах передвижения. В связи с этим, может возникнуть ошибочное представление о принадлежности транспортного средства консульского учреждения к дипломатическому представительству и, в результате, о наличии у него иммунитета от обыска. По этой причине представляется целесообразным совершенствование действующего порядка регистрации дипломатических и консульских средств передвижения иностранных государств с тем, чтобы установленные на них номерные знаки имели отличительные черты, доступные для визуального восприятия.

---

¹¹ Приказ МВД России от 5 октября 2017 г. № 766 «О государственных регистрационных знаках транспортных средств» // СПС КонсультантПлюс.

Нормативным правовым актом, содержащим порядок реализации сотрудниками правоохранительных органов властных полномочий в отношении дипломатических и консульских транспортных средств иностранных государств, является Приказ МВД России от 23 августа 2017 г. № 664 «Об утверждении Административного регламента исполнения Министерством внутренних дел Российской Федерации государственной функции по осуществлению федерального государственного надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации в области безопасности дорожного движения» (далее – Административный регламент)¹². Следует отметить, что в нём также не проводится различий между транспортными средствами органов внешних сношений иностранных государств и транспортными средствами членов их персонала¹³.

В пп. 292 Административного регламента предусматривается возможность осуществления сотрудниками органов внутренних дел ряда административных действий в отношении транспортных средств иностранных граждан, пользующихся иммунитетом, в частности, их остановку, проверку документов, государственных регистрационных знаков транспортного средства и его технического состояния. Далее, в п. 296 Административного регламента установлен запрет на осуществление досмотра транспортного средства лица, обладающего иммунитетом, равно на предъявление требований, которые могут быть расценены, как обыск или досмотр (открыть капот, багажное отделение, иные).

---

¹² Приказ МВД России от 23 августа 2017 г. № 664 «Об утверждении Административного регламента исполнения Министерством внутренних дел Российской Федерации государственной функции по осуществлению федерального государственного надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации в области безопасности дорожного движения» // СПС КонсультантПлюс.

¹³ Об этом свидетельствует содержание положений Административного регламента, хотя в его тексте говорится как о транспортных средствах, принадлежащих дипломатическим и консульским представительствам иностранных государств, так и о транспортных средствах иностранных граждан, пользующихся иммунитетом.

Содержание последнего положения создаёт необоснованные преимущества для транспортных средств иностранных консульских учреждений и их работников (за исключением обозначенных четырёх государств) на территории нашей страны, поскольку они не предполагаются международными обязательствами Российской Федерации. С целью устранения искусственно предоставленного дипломатического статуса консульским транспортным средствам представляется целесообразным внесение соответствующих изменений в Административный регламент.

Действующее российское законодательство запрещает применение сотрудниками правоохранительных органов средств принудительной остановки транспорта в отношении транспортных средств, принадлежащих дипломатическим представительствам и консульским учреждениям иностранных государств¹⁴. Представляется, что такой запрет связан, в первую очередь, не с расширенным толкованием содержания иммунитетов указанных средств передвижения, а с необходимостью исключения возможности причинения вреда здоровью их пассажирам, которые могут пользоваться международной защитой¹⁵.

Иммунитет от реквизиции дипломатических и консульских транспортных средств также нашёл отражение в многочисленных нормативных правовых актах¹⁶. Не допускается их использование для пресечения преступлений, преследования лиц, совершивших или подозреваемых в совершении преступлений, доставления в

---

¹⁴ Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 26-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс; Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // СПС КонсультантПлюс и др.

¹⁵ Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов (Заключена в г. Нью-Йорке 14 декабря 1973 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXXIII. М., 1979. С. 90–94.

¹⁶ Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // СПС КонсультантПлюс; Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // СПС КонсультантПлюс и др.

медицинские организации граждан, нуждающихся в срочной медицинской помощи, и др.

Помимо уважения иммунитетов транспортных средств иностранных представительств, государство пребывания предпринимает меры, направленные на предотвращение и наказание посягательств на них. Согласно ст. 360 Уголовного кодекса Российской Федерации за нападение на транспортные средства лиц, пользующихся международной защитой предусмотрено лишение свободы на срок до десяти лет. Такое нападение может выражаться в блокировании, обстреле, проникновении и т.д.¹⁷ Как видится, указанные положения также должны распространяться и на транспортные средства самого дипломатического представительства и консульского учреждения иностранного государства.

Установленный на автомобиле специальный регистрационный знак не предполагает автоматического наличия у его пассажиров личной неприкосновенности и иммунитета от юрисдикции. Во-первых, объём привилегий и иммунитетов у различных категорий членов персонала иностранных дипломатических представительств и работников консульских учреждений, а также членов их семей существенно различается. Более того, работники обсуждающего персонала консульского учреждения по ВККС вообще не обладают такими иммунитетами.

Во-вторых, в транспортном средстве могут находиться лица, не обладающие привилегированным правовым статусом (друзья работников консульства, соотечественники и др.). К сожалению, имели место случаи, когда специальные регистрационные знаки устанавливались в корыстных целях на автомобилях лиц, не имевших отношения к иностранным представительством¹⁸.

---

¹⁷ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации для работников прокуратуры (постатейный) / Отв. ред. В.В. Малиновский; Науч. ред. А.И. Чучаев. 2-е изд., испр., доп. и перераб. М.: КОНТРАКТ, 2015. С. 1125.

¹⁸ Сотрудники посольства Молдавии в Москве подозреваются в передаче дипномеров третьим лицам / Первый канал. URL: https://www.1tv.ru/news/2013-05-24/67233-sotrudniki_posolstva_moldavii_v_moskve_podozrevayutsya_v_peredache_dipnomerov_tretim_litsam (дата обращения 29 апреля 2019 г.).

В конечном итоге, у сотрудников правоохранительных органов должно быть чёткое понимание отсутствия тождественности между иммунитетами дипломатических, консульских средств передвижения и иммунитетами находящихся в них лиц и, как следствие, различной природы принудительных действий, которые могут применены в их отношении.

Резюмируя изложенное, можно сделать следующие выводы.

1. Исследование норм ВКДС, ВККС, а также многочисленных двусторонних консульских договоров нашего государства продемонстрировало наличие существенных различий в иммунитетах дипломатических и консульских средств передвижения. Транспортные средства иностранных дипломатических представительств в Российской Федерации пользуются иммунитетом от обыска, реквизиции, ареста и исполнительных действий. Транспортные средства иностранных консульских учреждений, в свою очередь, наделены лишь иммунитетом от реквизиции в целях государственной обороны или общественных нужд, за исключением четырёх государств (Ганы, Казахстана, КНДР и Турции).

2. В отечественной консульской договорной практике признаётся различная природа иммунитетов средств передвижения консульских учреждений и транспортных средств его работников. Вместе с тем, в действующем законодательстве такое различие не проводится (хотя упоминаются как транспортные средства дипломатических представительств и консульских учреждений, так и транспортные средства иностранных граждан, пользующихся иммунитетом), что, в частности, выражается в установленном порядке выдачи указанным транспортным средствам одной серии регистрационных знаков – серии «D». Такой подход может привести к ошибочному распространению иммунитета от обыска и ареста транспортного средства консульского учреждения на транспортное средство его должностного лица. На сегодняшний день это возможно в отношении транспортных средств консульских должностных лиц турецких консульств в Российской Федерации.

3. Согласно существующему порядку регистрации средств передвижения иностранных дипломатических представи-

тельств и консульских учреждений на них устанавливаются идентичные регистрационные знаки. По этой причине у сотрудников правоохранительных органов может возникнуть ошибочное представление о принадлежности транспортного средства консульского учреждения к дипломатическому представительству и, в результате, о наличии у него иммунитета от обыска. Кроме того, положения отдельных нормативных правовых актов создают необоснованные преимущества для консульских средств передвижения (за исключением обозначенных четырёх государств), наделяя их фактически дипломатическим статусом на территории Российской Федерации, хотя это не предусмотрено международными обязательствами нашего государства.

4. Международные договоры Российской Федерации позволяют сотрудникам правоохранительных органов осуществлять любые принудительные действия в отношении средств передвижения иностранных почётных консульских учреждений. Вместе с тем, анализ многочисленных нормативных правовых актов показал отождествление статуса транспортных средств иностранных почётных и штатных консульских учреждений в части невозможности принятия в их отношении принудительных мер. Это обстоятельство не позволяет согласиться с мнением о том, что «выдача специальных номерных знаков носит, по большому счёту, формальный характер и связана лишь с привилегией почётного консула поднимать флаг представляемого государства на своих средствах передвижения»¹⁹.

5. Для устранения искусственно предоставленных правовых преимуществ средствам передвижения иностранных консульских учреждений и их работников, которые не установлены международными договорами Российской Федерации, потребуется внесение изменений в действующее законодательство в части, обозначенной в настоящей научной статье.

---

¹⁹ Хачатурян В.С. Сравнительно-правовой анализ статуса почётных консульских учреждений государств // Транспортное дело России. 2014. № 6. С. 53.

ПОНЯТИЕ «ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ ПРАВА» В ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Ануфриева Людмила Петровна¹

*доктор юридических наук,
профессор кафедры международного права
Московский государственный юридический
университет им. О.Е. Кутафина
lyu-anufrieva @yandex.ru*

Существующая ныне доктрина международного права использует разнообразие понятий, относящихся к такому явлению, как «принципы»: «основные принципы», «общепризнанные принципы и нормы международного права», «специальные», или «отраслевые принципы», а также "императивные нормы" ("*peremptory norms*") *jus cogens* и «общие принципы права», «общие принципы права, признанные цивилизованными нациями», каждое из которых далеко не всегда исчерпывающе определено. Это касается и категории «общие принципы права». Присутствующее в положениях Статута Международного суда (а ранее в Статуте Постоянной палаты международного правосудия (далее – ППМП) Лиги Наций) близкое последнему обозначение «общие принципы права, признанные цивилизованными нациями», несмотря на внешние признаки рудиментарности, имеет непосредственное юридическое значение и в современных условиях для теории и практики международного права. В настоящее время, как и в прошлом, бытуют несовпадающие позиции у зарубежной и российской международно-правовой науки в отношении «общих принципов права». Да и внутри себя научные доктрины указанных «миров» не характеризуются однородностью. Как следствие, в рамках международно-правовой теории до сих пор не существует развернутого, а тем более единого

---

¹ Материал подготовлен при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-01060 А.

представления о рассматриваемом понятии. С учетом этого проблема выявления сущности и содержания общих принципов права как категории международного права выступает актуальной, настоятельно требуя особого к себе внимания со стороны специалистов.

Еще Г.И. Тункин в 1970 г. в известном своем труде «Теория международного права», отвел специальный раздел, посвященный рассматриваемому понятию, озаглавив его как «Проблема «общих принципов права»². Казалось бы, в течение почти 50 лет многое должно было бы измениться: и «проблема» могла перестать существовать, и само явление из *terra incognita* превратиться в хорошо изученный предмет. Однако до сих пор в отечественной международно-правовой науке применительно к «общим принципам права» не прибавилось ясности. Более того, поскольку в иностранных изданиях вышеперечисленный ряд терминов пополняется все новыми вариантами (например, в современном учебнике международного права коллектива немецких авторов присутствует и еще одно понятие – «общие правовые принципы»³), о чем пойдет речь далее, то выходит, что состояние разработок в этой части по-прежнему еще далеко от завершенности.

Исходя из разнообразных утверждений, встречающихся в литературе по международному праву, словосочетание «общие принципы права» внушает различные варианты интерпретаций его природы и содержания: в одних случаях оно понимается как аналог термина «общепризнанные принципы и нормы» международного права, в других – как положения, общие для различных национальных правовых систем, нередко – как лишённые нормативности некие аморфные «общие контуры» каких-либо исходных, международно-правовых положений, а иногда и как «общие принципы права, свойственные международному праву».

---

² Тункин Г.И. Теория международного права/под ред. Л.Н. Шестакова. М.: Зерцало, 2006. С. 167 и сл.

³ См.: Международное право = Völkerrecht / Вольфганг Граф Витцтум, М. Боте, Р. Дольцер и др.; пер. с нем. Н. Спица; сост. В. Бергманн; 2-е изд. М.: Инфотропик Медиа, 2015. Серия "Германская юридическая литература: современный подход". Кн. 2. Раздел 4. § 163.

В отношении последнего следует констатировать, что Х. Кельзен явно выражал сомнения по поводу существования «принципов, общих правовым порядкам всех цивилизованных народов»⁴, ввиду современного ему не просто разграничения, но и политического противостояния государств по идеологическому признаку. Укрепляясь еще более в своем предположении, он подчеркивает со ссылкой на ст. 38 Статута Международного суда (далее – МС, МС ООН) о том, что последний должен разрешать переданные на его рассмотрение дела на основании международного права: «Можно поэтому утверждать, что «общие принципы права могут быть применяемы, только если они являются частью международного права, а это означает – частью права, о которой упоминается в параграфах «а» и «в» ст. 38. Следовательно, параграф «с» является излишним»⁵. Разноречивой представляется позиция Ш. Руссо, который, с одной стороны, вслед за П. Гугенхаймом, Р. Филимором и А. Ж. де Ля Праделем полагал, что это – принципы, «принятые всеми государствами *in foro domestico*», а с другой стороны, считал, что в ст. 38 Статута Постоянной палаты международного правосудия (и Статута МС) речь шла о «принципах, общих внутреннему правопорядку и международному правопорядку», о «праве вообще» («*du droit sans épithète*»), охватывающем как внутреннее право, так и международное⁶. Вместе с тем, будучи не только принципами, общими для различных национальных правовых систем, но и общими принципами международного права, эти принципы не совпадают, по его мнению, ни с конвенционными, ни с обычными нормами⁷. Более того, – на основе анализа международных судебных и арбитражных решений он видел в «общих принципах права» некий «самостоятельный источник международного права», делая при этом акцент на уникальности существования подобного вывода, поскольку иное

---

⁴ Kelsen H. Principles of International Law. N.-Y., 1952. P. 540.

⁵ Kelsen H. Principles of International Law. N.-Y., 1952. P. 540.

⁶ Rousseau Ch. Principes généraux du droit international public. P., 1944. § 511. P.880-930.

⁷ Rousseau Ch. Principes généraux du droit international public. P., 1944. § 511. P.880-930.

означало бы прийти к заключению о том, что данный подраздел Статута является излишним. Эти положения так и остаются непроясненными ни в том, что касается вопроса, какие решения из разряда международной судебной-арбитражной практики послужили основой для анализируемого заключения, ни относительно разгадки «тайны» их сути, если они не совпадают ни с договорными, ни с обычно-правовыми нормами..., ни, наконец, того, что обуславливает качество «общих принципов права» служить самостоятельным источником международного права. Однако ныне нет никаких сомнений в том, что «общие принципы права» не создают особой формы объективирования (выражения вовне) норм международного права, разумеется, не будучи формально-юридическим источником международного права.

В.М. Корецкий, посвятив специальную работу рассматриваемому предмету, однозначно утверждал, что «общие принципы права, признанные цивилизованными нациями», – это общие (основные) принципы международного права⁸. Аргументация высказанного тезиса строится автором, во-первых, на отстаивании «демократического содержания» принципов суверенитета, независимости, территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела других государств, самоопределения народов, ненападения, суверенного равенства, соблюдения международных договоров и др. как «общих» норм для всех государств, ставших основными принципами международного права, а, во-вторых, также на положениях ст. 38 Статута МС, и именно на первичности ее формулы об обязанности Суда разрешать переданные ему дела на основании международного права. «Перевод» общих принципов права (хотя бы и с учетом их «признания» «цивилизованными нациями», «демократичности» содержания т.п.) практически автоматически в разряд основных принципов международного права кажется неоправданным: руководствуясь той же логикой, следует признать и «доктрину наиболее

---

⁸ См.: Корецкий В.М. «Общие принципы права» в международном праве. // Корецкий В.М. Избранные труды: в 2-х кн. / АН УССР. Ин-т государства и права; редкол. В.В. Денисов (гл. ред.) и др. Киев: Наукова думка, 1989. Кн.2. С.165.

квалифицированных специалистов по публичному праву различных наций» источником международного права (здесь ведь также целесообразно допустить, что речь идет о специалистах не просто публичного права, а «международного публичного права»???)

В.Г. Витцтум в своем курсе международного права (2015 г.) в русском переводе употребляет и еще одно понятие – «общие правовые принципы» Примечательно, что в этом издании данный термин трактуется, во-первых, как «источник международного права», а, во-вторых, как явление, тождественное «обще-признанным нормам» международного права: так, в работе говорится: «В рамках международно-правовой доктрины в качестве источников права, помимо международных договоров и международного обычного права, фигурируют "общие правовые принципы". Эти принципы подпадают под определение "обще-признанные нормы". В ст. 38 (абз. 1с) Статута Международного суда они характеризуются как "признанные цивилизованными нациями"⁹. Таким образом, осуществлено уравнивание «общих правовых принципов», «общих принципов права, признанных цивилизованными нациями» и «обще-признанных норм международного права». К общим правовым принципам немецкие авторы отнесли и «неписаные принципы, лежащие в основе правопорядка, созданного на основании международных договоров и международного обычного права». По их мнению, существует несколько таких принципов (в частности, правило о заблуждении как основание для оспаривания действительности международного договора)¹⁰.

Напомним в свете этого, что Г.И. Тункин не разделял применительно к «общим принципам права» концепцию *non liquet* и резко возражал против их интерпретации в качестве принципов

---

⁹ Международное право = *Völkerrecht* / Вольфганг Граф Витцтум, М. Боте, Р. Дольцер и др. Указ. соч. С. 95-98, 189-190.

¹⁰ Так, в связи с этим авторы напоминают: «В решении по делу о храме Преах-Вихеар (ICJ Rep 1962, 26) Международный суд рассматривал вопрос, может ли одна из сторон ссылаться на заблуждение согласно общему правовому принципу (обще-признанная норма права)» // Указ. соч. С. 95.

права, свойственных внутригосударственному праву (национальным правовым системам отдельных государств, в частности, «буржуазных»), особенно как «принципов», «общих» для систем права классово и идеологически различающихся государств, руководствуясь классовым подходом и качественными расхождениями в праве двух систем. Исходя из принципа историзма, нельзя отрицать его правоту в контексте соответствующего исторического периода развития и государства и адекватной ему науки международного права. Однако в иную эпоху стоит взглянуть на анализируемую категорию с другой стороны. Так, в условиях усиления взаимозависимости государств, несомненно отражающейся и в праве, поступательности глобализационных процессов, разворачивающейся тенденции к унификации национально-правовых норм во все более широком международном масштабе, укрепления взаимного влияния друг на друга международного и внутригосударственного права и т.п., создается иная материальная основа для появления действительно «общих» для различных правовых систем разных государств принципов права.

В новейшей юридической литературе высказываются даже идеи о «конвергенции» международного и внутригосударственного права (Ю.С. Безбородов), которые конструируются в определенной мере с использованием и «сюжета» «общих принципов права». В частности, указывается на их роль в качестве средства гармонизации и унификации права¹¹. В некоторых иных исследованиях, посвященных «правовой», или «юридической», «конвергенции», последняя определяется как процесс взаимодействия между элементами внутри системы права как такового, между правом и неправом, между различными системами права и т.д. Теоретиками права (О.Д. Третьякова) выделяются дополнительные факторы для определения контуров конвергенции как сближения, а именно наличие иных регуляторов отношений в обществе, между системами, увеличение количества связей между

---

¹¹ См.: Безбородов Ю.С. Методы и формы правовой конвергенции в международном праве. Дисс. на соиск. уч. степени докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2019. С. 49 и сл., 181 и др.

элементами¹². Не разделяя по существу концепций конвергенции международного и внутригосударственного права, все же заметим, что, в случае, если бы данное высказывание принадлежало специалисту в области международного права, в числе упомянутых «дополнительных факторов» стоило бы указать на такой элемент, как «общие принципы права».

Не имея, однако, сейчас - применительно к затронутому моменту - намерения вдаваться в детали столь серьезного аспекта теории права вообще и конкретно теории международного права, каковым выступает указанное явление, а, значит, глубокого рассмотрения обоснованности подобных теоретических выкладок, важно подчеркнуть: пожалуй, сегодня оправданно говорить об общих принципах права, признанных большинством международного сообщества, в которых присутствуют элементы общности принципов права национально-правовых систем, оказавшихся усвоенными и международным правом. Иными словами, такие правила, как, например, *pacta sunt servanda*, *lege posteriori derogat lege anteriori*, *lege speciali derogat lege generali*, *par in parem non habet imperii*, *par in parem non habet jurisdictionem*, *pacta tertii nec nocent, nec prosunt*, *nullum crimen sine lege*, *nullum poena sine lege*, *uti possidetis* и т.п. представляют собой арсенал как внутригосударственного, так и международного права. Данные принципы являются действительно общими для обеих систем благодаря воплощению в себе наиболее ценных свойств, которые выявляют содержание права в виде исходных, сквозных идей, главных его начал, руководящих положений, разделяемых и признаваемых национальными и международно-правовой системами права. При этом стоит указать на вспомогательный, субсидиарный характер «общих принципов права» в упомянутой трактовке – они не утрачивают своего значения, как это обозначено в ст. 38 Статута Международного суда, выступая *средством для определения правовых норм*.

Наряду с этим отечественные теоретики права, не опираясь, правда, на разработки «общих принципов права» в контексте

---

¹² См.: Третьякова О.Д. Юридическая конвергенция. Дисс. на соиск. уч. степ. докт. юрид. наук. ЮВИ ФСИН России. Владимир, 2012. С. 8.

международного права, недвусмысленно отмечали различия между ними и собственно принципами, оперируя материалом внутригосударственного права: «Принципы права – писал С.С. Алексеев, – аккумулируют в себе наиболее характерные черты права, определяют его юридическую природу. Они охватывают все правовые нормы, при этом отличаются от последних наибольшей степенью обобщения, фундаментальным характером и устойчивостью». Принципы права, по его мнению, – это то, что пронизывает право, выявляет его содержание в виде исходных, сквозных идей, главных его начал, нормативно-руководящих положений»¹³.

Действие вышеупомянутого принципа историзма привело и к изменениям в восприятии «общих принципов права, признанных цивилизованными нациями», по сравнению с тем, как они были представлены в Статуте Постоянной палаты международного правосудия, а затем в Статуте Международного суда ООН. Изменения коснулись прежде всего понимания их природы и функций. Из подготовительных документов Консультативной комиссии юристов, которая была создана Лигой Наций в 1920 году для создания проекта Статута Постоянной палаты международного правосудия, следует, что комиссия руководствовалась соображениями о том, что стороны, передавая свой спор на решение международного судебного органа, рассчитывают на получение по нему решения. Однако, если суд констатирует отсутствие в праве нормы, подлежащей применению, это будет означать признание состояния «*non liquet*» ("не ясно") и, следовательно, невозможность вынесения решения. В свете этого понятие "общие принципы права" рассматривается, прежде всего, как возможность для суда избежать ситуации квалификации *non liquet*. Аналогично взирают на данное явление и немецкие авторы: «... Признанные "цивилизированными нациями" (*nations civilisées*) общие принципы права (*general principles of law*) служат главным

---

¹³ Алексеев С.С. Проблемы теории права: основные вопросы общей теории социалистического права: Курс лекций: В 2 т. Свердловск, 1972. Т. 1. С. 102; см. также: Алексеев С.С. Общая теория права. М., 1981. В 2 т. Т. 1. С. 98.

образом для восполнения пробелов и используются в качестве вспомогательного средства толкования». Они могут также фиксироваться в обычном праве или излагаться в договорах¹⁴.

Отнюдь не в унисон с этим звучат слова, присутствующие в отечественных юридических публикациях нынешнего этапа: «Случаи *non liquet* в целом контрпродуктивны для юстиции и правопорядка. Чтобы избежать их, международные арбитры обращаются к концепции общих принципов права для широкого толкования существующего правила, обоснования внутреннего убеждения судьи в том, что несколько обособленных исходных правил можно свести в единое посредством логическо-правового рассуждения. При этом не имеет существенного значения, из национального или международного права заимствованы эти исходные правила»¹⁵.

Таким образом, современные авторы присоединяются к Г.И. Тункину в его оценке подобного значения «общих принципов права». Наряду с этим их предшественник, относящийся к более раннему периоду советской науки международного права, – В.М. Корецкий – занимал отличающиеся позиции. Он весьма резко протестовал, во-первых, против придания «общим принципам права» качества выступать нормообразующим инструментом международного права, перенесенным из внутрисударственного права, доказывая с помощью обстоятельного анализа их генезиса невозможность заполнения пробелов в международном праве за счет теории *non liquet* и техники решения на такой основе международно-правовых споров. Кроме того, столь же категорично им высказывались возражения против трактовки «общих принципов права, признанных цивилизованными нациями», устраняющих западной доктриной из их содержания тождественность основным принципам международного права. Солидаризируясь с первым подходом, необходимо тем не менее признать, что второе понимание вряд ли соответствует истинному поло-

---

¹⁴ См.: Международное право = Völkerrecht / Вольфганг Граф Витцтум, М. Боте, Р. Дольцер и др. С. 95.

¹⁵ См.: Международное право: Учебник: В 2 т. / Под ред. А.Н. Вылегжанина. М., 2015. Т. 1. С. 34.

жению вещей, поскольку вытекает из сопоставления хотя бы двух обстоятельств: формула касательно «общих принципов права, признанных цивилизованными нациями», существует и в Статуте ППМП и в Статуте Международного суда ООН. И если об основных принципах международного права уместно говорить применительно ко 2-ой половине XX века как о понятии, вошедшем в научный оборот и в отчасти в позитивное право, то в отношении этапа Лиги Наций подобное выглядит явным преувеличением и расхождением с действительностью.

В заключение в результате краткого рассмотрения некоторых ключевых аспектов понятий «общие принципы права» и «общие принципы права, признанные цивилизованными нациями» с точки зрения теории международного права, представляется важным вывод о том, что на настоящем этапе следует иначе подходить к сущности и содержанию вышеуказанных понятий. С учетом произошедших изменений в подходах к международному праву, современных тенденций в понимании свойственных ему характерных черт, равно как и особенностей его соотношения с системой внутригосударственного права, думается, оправданной будет констатация, что имеется два разряда «общих принципов права» (даже и в формулировке «общих принципов права, признанных цивилизованными нациями»). Это – 1) «общие принципы права, признанные цивилизованными нациями», *общие* для множества национально-правовых систем, присутствующие во внутригосударственном праве ряда и большого количества государств; 2) «общие принципы права, признанные цивилизованными нациями», которые стали «общими» для международного сообщества (*generally recognized by civilized nations*) и так или иначе отражены в нормативном массиве международного права. В таком случае отпадет упрек в механическом перенесении «общих принципов права» из внутригосударственной системы на почву международного права как несовместимого с природой межгосударственных отношений и средствами их регулирования инструмента.

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Бурьянов Сергей Анатольевич

*канд. юрид. наук, доцент,
доцент кафедры международного права и прав человека
Московский городской педагогический университет
Burianov-msk@yandex.ru*

Мы живем в эпоху глобальной трансформации мирового правопорядка, существенного упрощения организации и недостаточной эффективности норм и институтов международного права, а в итоге, усиления нестабильности и катастрофических вызовов устойчивому развитию мирового сообщества и отдельных государств, включая Россию. Противоречивое развитие современных глобальных процессов в условиях перехода к цифровой фазе информационного уклада, а также формирование интегрированных открытых взаимозависимых общественных подсистем, требуют кардинального переосмысления международных отношений и поиска инновационных направлений реформирования международного права в интересах устойчивого развития.

В последние годы понятие и содержание глобализации было исследовано многими учеными. Полагаем, что «из многих подходов наиболее корректными представляются те, которые рассматривают глобализацию общественной системы как динамичный процесс, подразумевающий не только смену состояний, но и направленный на достижение качественно нового интеграционного состояния глобальности в планетарном масштабе»¹. «Таким образом, глобализация – это интеграционный процесс, направленный на формирование некой единой планетарной общественной, а затем и социо-техно-природной системы»².

---

¹ Buryanov S.A. The Case and Current State of Affairs in the Russian Federation from 2016 to the Beginning of 2017. Amsterdam, 2018. P. 228.

² Buryanov S.A. The Case and Current State of Affairs in the Russian Federation from 2016 to the Beginning of 2017. Amsterdam, 2018. P. 228.

Следует отметить, что одной из попыток объяснить противоречивый характер развития современных общественных процессов в некоторых регионах планеты является теория глобализации, как правило, весьма дискуссионно понимаемая как некий региональный сценарий глобализации. В указанном контексте региональные интеграционные процессы являются, прежде всего, следствием дисбаланса в формировании глобальной общественной системы вообще, и недоразвитости ее политической подсистемы, в частности. Одним из наиболее значимых дефектов современного мирового политического развития является доминирование концепции «права силы» в международных отношениях, в различные исторические периоды представленной одним или двумя (или несколькими) полюсами силы.

Завершающую интеграционную стадию процесса глобализации можно и следует называть состоянием глобальности, применительно к планетарной социальной системе в целом, а также к составляющим ее элементам (подсистемам) в различных сферах общественных отношений. Можно предположить, что состояние глобальности планетарной социальной системы, наряду с термином интеграция, наиболее емко описывают термины взаимопроникновение, взаимозависимость и открытость. В частности, об этом научно обосновано говорит М.А. Чешков, полагающий, что «глобальность означает широкую совокупность процессов и структур, соотносимых с явлениями взаимозависимости, взаимопроникновения и взаимообусловленности в планетарных рамках, результат которых – возникающая целостность бытия человечества»³.

В указанном контексте также можно согласиться с мнением, что «понятие «глобальность» следует четко развести с понятием «эволюция человечества», не допустить растворения первого во втором, ибо глобальность характеризует лишь один из аспектов эволюции человечества – взаимосвязанность,

---

³ Чешков М.А. Глобалистика: предмет, проблемы, перспективы // Общественные науки и современность. № 2. 1998. С. 129.

взаимосоотнесенность»⁴. Это значит, что процессы глобализации в случае их завершения могут привести к формированию качественно нового состояния глобальности, характеризующего кардинальную эволюцию современных общественных отношений.

Однако, «сегодня приходится констатировать неравномерный уровень развития социальных подсистем, что является одной из основных глубинных причин нестабильности и глобальных вызовов человеческой цивилизации»⁵.

Среди первых исследователей глобальных вызовов следует выделить Т. Левитта, Дж. Маклина, Р. Робертсона, Д. Медоуза и др. Здесь также следует отметить вклад В.И. Вернадского, Н.Д. Кондратьева, Н.Н. Моисеева, К.Э. Циолковского и других российских исследователей. Весьма основательно глобальные вызовы исследовались в рамках общественного аналитического центра Римский клуб, который уже в первом докладе «Пределы роста» привлек внимание мировой общественности к планетарным вызовам. В иных, также не вполне оптимистических докладах Римскому клубу, говорится о росте глобальных угроз цивилизации. Среди многочисленных причин глобальных проблем обращает на себя вывод об отставании социально-политической сферы общественных отношений.

В докладе, который подводит итоги 25 лет деятельности Римского клуба, говорится, что «сегодня мы все более осознаем, что человечество, преследуя материальную прибыль от эксплуатации природы, стремительно приближается к разрушению планеты. Постоянно существующая опасность ядерных разрушений, хотя и уменьшившаяся сейчас, а также возможность необратимых климатических изменений и их последствий, представляют собой близкую угрозу. Такие компоненты современной проблематики глобальны по характеру, и даже крупные державы не справятся с ними в одиночку. Поэтому мы призываем к между-

---

⁴ Чешков М.А. Глобалистика как научное знание. Очерки теории и категориального аппарата. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2005. С. 20.

⁵ Buryanov S.A. The Case and Current State of Affairs in the Russian Federation from 2016 to the Beginning of 2017. Amsterdam, 2018. P. 228.

народной солидарности. ... Некоторые проблемы приобрели уже такие масштабы, что их успешное разрешение невозможно. Если мы не начнем действовать немедленно, то будет слишком поздно»⁶.

С точки зрения современной российской науки, считается, что глобальные вызовы порождены возросшим воздействием деятельности человека на окружающую среду. Большинство исследователей полагают, что от решения глобальных проблем зависит выживание цивилизации. Например, по мнению авторов энциклопедического словаря, «глобальные проблемы это совокупность жизненно важных проблем, затрагивающих человечество в целом и неразрешимых в рамках отдельных государств и даже географических регионов»⁷. В частности, к ним относятся: «предотвращение термоядерной войны; сокращение стремительного роста населения («демографического взрыва» в развивающихся странах); предотвращение катастрофического загрязнения окружающей среды, в первую очередь атмосферы и Мирового океана; обеспечение дальнейшего экономического развития необходимыми природными ресурсами, особенно невозобновимыми; преодоление разрыва в уровне жизни между развитыми и развивающимися странами; устранение голода, нищеты и неграмотности и др.»⁸.

По мнению И.И. Лукашука, «особенность названных проблем в том, что они являются глобальными и могут быть решены лишь совместными усилиями государств. Международное сообщество должно стать сообществом спасения человечества. Для этого необходим более высокий уровень управления социальными процессами как на национальном, так и на глобальном

---

⁶ Кинг А., Шнайдер Б. Первая глобальная революция. Доклад Римского клуба. М.: Прогресс-Пангея. 1991. С. 8.

⁷ Философия: Энциклопедический словарь. Содержание. Под ред. А.А. Ивина. М.: Гардарики, 2004. 1072 с.

⁸ Философия: Энциклопедический словарь. Содержание. Под ред. А.А. Ивина. М.: Гардарики, 2004. 1072 с.

уровне. Существенное совершенствование управления выдвинулось на первый план»⁹.

В указанном выше контексте, актуальность необходимости поиска научно обоснованных решений глобальных вызовов не вызывает сомнений. Полагаю, что поиск путей преодоления глобальных вызовов, в т.ч. подходы к формированию адекватной системы управления глобальными процессами, должен быть основан на понимании их причин. Здесь можно согласиться, с мнением исследователей, считающих, что глобальные вызовы порождены неравномерностью развития мировой цивилизации. В частности, отмечается опережающее развитие технического могущества по сравнению с общественной организацией, отставание политического мышления, проблемы нравственных ценностей и неравномерность развития государств¹⁰. Однако, определение социально-экономической сферы в качестве ключевой представляется спорным. В частности А.Б. Вебер в качестве главной причины «нового мирового беспорядка» обоснованно называет отставание «политической глобализации» и говорит о необходимости его преодоления¹¹.

Таким образом, среди комплекса причин глобальных вызовов особо следует выделить значительное отставание развития глобальных процессов в политической сфере общественных отношений. При этом с политической сферой тесно связаны, также отстающие правовая (международно-правовая) и образовательная сферы, включая юридическое образование. В указанном контексте полагаю, что неравномерность социально-экономического развития различных государств и регионов, а также несправедливость мирового экономического обмена в значительной мере

---

⁹ Лукашук И.И. Взаимодействие международного и внутригосударственного права в условиях глобализации // Журнал российского права. № 3. 2002. С. 115-128.

¹⁰ Волков В.В. Философия: основные проблемы, понятия, термины. Учебное пособие. СПб.: Ленанд. 2015. С. 35.

¹¹ Вебер А.Б. Современный мир и проблема глобального управления // Век глобализации. №1. 2009. С. 3-16.

является следствием отставания политической, правовой и образовательной сфер общественных отношений.

В научной литературе устойчивое развитие (англ. *sustainable development*) представлено как альтернатива нерешенности последствий глобальных вызовов и реальной угрозы последовательному развитию человеческого сообщества. На уровне международных организаций данный термин получил распространение после доклада Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР) от 1987 года «Наше общее будущее»¹². Однако проблемы развития звучали и в более ранних документах межправительственных и неправительственных организаций. Также проблемы развития прозвучали в следующих документах Организации Объединенных Наций: Декларация социального прогресса и развития (1969), Декларация о праве на развитие (1986), Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию (1992), Барбадосская декларация (1996), Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций (2000), Дохинская декларация о финансировании развития: итоговый документ Международной конференции по последующей деятельности в области финансирования развития для обзора хода осуществления Монтеррейского консенсуса (2008), Декларация заседания высокого уровня Генеральной Ассамблеи на ее шестьдесят третьей сессии по среднесрочному обзору Алматинской программы действий (2008), Итоговый документ Конференции по вопросу о мировом финансово-экономическом кризисе и его последствиях для развития (2009), Декларация по итогам диалога на высоком уровне по вопросу о международной миграции и развитии (2013) и др. Представляется важным, что в 2015 г. на 70-й сессии Генеральной ассамблеи ООН, посвященной устойчивому развитию, была утверждена итоговая повестка глобального развития на период после 2015 г.

---

¹² Наше общее будущее. Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР). Перевод с английского Под редакцией С.А. Евтеева и Р.А. Перелета URL: <http://xn--80adbckdfac8cd1ahpld0f.xn--p1ai/files/monographs/OurCommonFuture-introduction.pdf> (Дата обращения: 14.03.2019).

Однако, для достижения целей устойчивого развития деклараций не достаточно. Необходимо совершенствование контрольных механизмов, включая проведение обзоров на уровне международных организаций. В частности, «необходимо разработать и подписать соответствующие соглашения между региональными и субрегиональными образованиями, создать рабочие группы по координации с целью выявления наиболее проблемных областей и определения форм сотрудничества, выработать «дорожную карту» дальнейшего сотрудничества универсальных, межрегиональных, региональных и субрегиональных механизмов в сфере достижения ЦУР»¹³.

Говоря о поиске путей преодоления глобальных вызовов, угрожающих самому существованию цивилизации, необходимо рассмотреть еще один весьма дискуссионный вопрос. Он касается прояснения объективного и субъективного характера в глобальных процессах. Вполне возможно, что от решения этого вопроса будет зависеть сама возможность воздействия людей на глобальные процессы и переход к устойчивому развитию цивилизации.

Большинство современных исследователей глобальных процессов настаивают на их объективном характере. Однако, с некоторой осторожностью, следует согласиться с мнением об усилении роли субъективного фактора. Речь идет о целенаправленной практической сознательной деятельности, направленной на позитивное сотрудничество и интеграцию в интересах устойчивого развития. Таким образом, изначально объективные процессы глобализации общественных отношений постепенно становятся подвержены возможности влияния совокупности субъективных факторов, включая политическую, научную и образовательную деятельность.

В указанном контексте рассмотрим некоторые основные научные подходы, направленные на поиск решений глобальных

---

¹³ Абашиде А.Х. и др. Достижение целей устойчивого развития (2016–2030): международно-правовое измерение // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2016. № 1. С. 65-78.

проблем и переход к устойчивому развитию цивилизации. Так, И.М. Подгузин, говоря о глобальных опасностях, несущих угрозы существованию цивилизации, отмечает необходимость поиска новых моделей на основе единого общечеловеческого подхода, а также поиска нового соотношения национальных и глобальных интересов, с учетом интересов всех стран¹⁴. А.Б. Вебер полагает, что крайне важно «придать международному сотрудничеству новое качество, адекватное изменившимся условиям бытия человечества, новым условиям обеспечения международной безопасности во всех ее ипостасях, новому уровню взаимозависимости стран и народов»¹⁵. По мнению авторов коллективного труда, «глобализация с человеческим лицом, если говорить об альтернативе, требует нового политического устройства мира, адекватного характеру и масштабу проблем, которые стоят сегодня перед человечеством. Оно состоится, если будет зиждется не на господстве одной или нескольких держав – хотя роли у разных стран могут быть различными, – а на принципах сотрудничества и солидарности»¹⁶. При этом подчеркивается, что следует различать «глобализацию как объективное явление, обусловленное в первую очередь технологической революцией в сфере информатики и телекоммуникаций, и политику неолиберального глобализма, которая позволяет США и другим государствам финансовой «семерки» направлять этот процесс прежде всего в собственных интересах»¹⁷.

В.В. Лазарев и А.Х. Саидов не без оснований полагают, что глобализация оказывает существенное влияние на все стороны права. «Эта многоплановость означает, в частности, что большинство глобальных проблем современности имеют правовой аспект и в значительной мере выступают как правовые

---

¹⁴ Подгузин И.М. Глобализация и глобальные проблемы: философско-методологический анализ: Дис. ... докт. филос. наук. М. 2003. С. 17.

¹⁵ Вебер А.Б. Современный мир и проблема глобального управления // Век глобализации. №1. 2009. С. 16.

¹⁶ Грани глобализации. Трудные вопросы современного развития. М.: Альпина Паблшер, 2003. С. 17

¹⁷ Грани глобализации. Трудные вопросы современного развития. М.: Альпина Паблшер, 2003. С. 7-8.

проблемы»¹⁸. Также следует согласиться с К.А. Бекашевым, который обоснованно говорит о взаимосвязи процессов глобализации и международного права, что требует утверждения верховенства права в международных отношениях и его постоянного совершенствования. «Верховенство права должно обеспечить непримиримое отношение к безнаказанности за геноцид, военные преступления и преступления против человечности или за нарушение норм международного гуманитарного права и грубые нарушения норм в области прав человека, а также надлежащее расследование таких нарушений и соответствующее наказание за них путем использования региональных или международных механизмов в соответствии с нормами международного права»¹⁹.

Отдельного исследования заслуживают современные научные труды, посвященные обоснованию глобального управления (*global governance*), в целях устойчивого развития. Важной вехой стал доклад «Наше глобальное соседство»²⁰ от 1995 г., подготовленный комиссией ООН по глобальному управлению и сотрудничеству. Таким образом, невзирая на относительную новизну проблематики глобального управления, «глобализация со своими преимуществами и со своими рисками выдвигает на первый план проблему поиска такой модели управления, при которой преимущества взаимозависимости смогут, если не свести на нет угрозы и вызовы глобализации, то, по крайней мере, минимизировать их»²¹. В целом, «среди наиболее известных походов к формированию системы управления глобальными процессами – мировое государство (правительство), глобальная управленческая система на основе ООН и межправительственных

---

¹⁸ Лазарев В.В., Саидов А.Х. Закономерности развития современного права и юридическая глобалистика Вестник Международного института экономики и права. № 2 (2). 2011. С. 88.

¹⁹ Бекашев К.А. Глобализация и международное право // Евразийский юридический журнал. № 1. 2014. С. 25-29.

²⁰ Более подробно на эту тему см.: Наше глобальное соседство. Доклад комиссии по глобальному управлению и сотрудничеству / Пер. с англ. А.А. Обухова. Ред. А.П. Фоменко. М.: Весь Мир, 1996. 402 с.

²¹ Немчук А.А. Глобальное управление в современном мире: политологический анализ: Диссер. ... докт. политич. наук. М. 2004. С. 242.

организаций, а также ее варианты с участием транснациональных корпораций и неправительственных организаций»²². Здесь нельзя не согласиться с И.И. Лукашук, который отрицает идею мирового государства, предлагая усиление международного сотрудничества и повышение роли и полномочий международных организаций²³. В указанном контексте крайне необходимо повышение эффективности ООН и ее специализированных учреждений. В частности, об этом говорится в Декларации тысячелетия ООН от 2000 г.

Полагаю, что подходы, подразумевающие не только сохранение, но даже увеличение высокой концентрации власти в планетарном масштабе, представляются не вполне корректными в условиях усложнения общественных отношений. А вот подходы, направленные на ограничение власти, представляются в большей мере соответствующими задачам формирования адекватного глобального управления²⁴. Д. Розенау предлагает переход к «неиерархической системе управления мировыми процессами на основе повышения роли и усиления влияния негосударственных субъектов с условным названием управление без правительства, что предполагает формирование на основе консенсуса более гибких и эффективных регуляторов без властных полномочий»²⁵. Однако, представляется, что без адекватного правового регулирования управленческая модель эффективно работать не сможет, а риски подавления горизонтальных связей вертикалью крайне велики.

В указанном контексте М.М. Лебедева предполагает два возможных сценария. Первый путь предполагает стихийную

---

²² Бурьянов С.А. Будущее международного права в условиях глобализации общественных отношений через призму творческого наследия Игоря Ивановича Лукашука // Евразийский юридический журнал. № 7 (98). 2016. С. 77-81.

²³ Лукашук И.И. Международное право. Общая часть: учебник для студентов юридических факультетов и вузов. Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2005. С. 23.

²⁴ Slaughter A.-M. A New World Order. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2004. p. 71-107.

²⁵ Rosenau J.N., Czempiel E.-O. Governance Without Government: Order and Change in World Politics. Cambridge University. 1992. 311 p.

передачу полномочий от государств другим акторам с трудно предсказуемыми последствиями. Второй путь, напротив, подразумевает выстраивание государствами совместно с другими акторами новой архитектуры мира «на основе учета интересов различных участников-государств, межгосударственных организаций, неправительственных объединений, крупнейших финансовых и бизнес-структур и т.д.»²⁶. Напрашивается вывод, что целенаправленное формирование адекватной глобальной системы управления объективно требует научно обоснованного опережающего развития глобального права и тесно с ним взаимосвязанных глобальных науки и образования, включая юридические.

Таким образом, можно согласиться с мнением исследователей, которые говорят о необходимости объединения в планетарном масштабе для решения глобальных проблем и перехода к устойчивому развитию. Наиболее серьезные подходы связаны с идеей формирования глобального управления и глобального права, в качестве его основы. При этом, глобальный фундамент необходимо строить путем укрепления и модернизации международного права и его универсальных институтов, а также существенного усиления их взаимодействия с внутригосударственными правовыми системами.

Соответственно, наиболее перспективной представляется система управления глобальными процессами, предполагающая усиление влияния институтов гражданского общества, международных организаций, включая неправительственные, и дальнейший постепенный переход к неиерархической несиловой системе управления общественно-техно-природными процессами в интересах устойчивого развития.

Полагаю, что переход к управляемости современными процессами требует, прежде всего, инновационных международных и внутригосударственных правовых принципов и норм, а затем и управленческих институтов. Исходя из указанного выше понимания процессов глобализации, модернизация взаимодействий мировых политических институтов должна быть направлена на их интеграцию, взаимопроникновение и откры-

---

²⁶ Лебедева М.М. Мировая политика. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2007. С. 338–339.

тость. Жизненно важными являются теоретическая разработка, правовое закрепление и правоприменение инновационной несиловой (неполярной) модели международных отношений на основе кардинального реформирования международного права и институтов, исключающих применение государствами силы или угрозы силой²⁷. В современных международно-правовых реалиях необходим баланс интересов, который должен прийти на смену безуспешным попыткам найти баланс сил²⁸. Здесь следует согласиться с В.А. Карташкиным в том, что «строительство прочного мира, в котором будут преобладать не сила, а законность, реализовываться фундаментальные права и свободы человека, возможно лишь при условии верховенства международного права в межгосударственных отношениях и на национальном уровне»²⁹.

В конечном итоге, в перспективе, с учетом усиления глобальных процессов, политическая организация общества должна трансформироваться в планетарную децентрализованную неиерархическую несиловую, основанную на усилении влияния гражданского общества и доверии, систему управления глобальными процессами в целях реализации прав человека и устойчивого управляемого развития человеческой цивилизации. В качестве необходимых условий эволюционного перехода к инновационной системе управления глобальными процессами следует назвать формирование эффективных международно-правовых механизмов реализации прав каждого человека без дискриминации³⁰, достижение взаимоуважения и преодоления нетерпимости, мировоззренческий нейтралитет государств.

---

²⁷ Бурьянов С.А. Принцип неприменения силы или угрозы силой в условиях усиления глобальных процессов // Евразийский юридический журнал. № 9 (100). 2016. С. 8–15.

²⁸ Фархутдинов И.З. Американская доктрина о превентивном ударе от Монро до Трампа: международно-правовые аспекты. М. 2018. 419 с.

²⁹ Карташкин В.А. Права человека: соотношение и взаимодействие международного и внутригосударственного права и их взаимодействие // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2016. № 4. С. 14–34.

³⁰ Карташкин В.А. Права человека: международная защита в условиях глобализации. М.: Норма, Инфра-М, 2011. 288 с.

КВАЛИФИКАЦИЯ АКТОВ *ULTRA VIRES* В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕЖДУНАРОДНЫХ МЕЖПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Егорова Ульяна Сергеевна,
Шилова Оксана Павловна

*студенты кафедры международного права
Российский университет дружбы народов
Egorova.uliana1998@gmail.com*

В международном праве отсутствует определение понятия *ultra vires*, но доктрина включает в это понятие следующие ситуации:

Во-первых, поведение должностного лица или органа международной организации, которое выходит за рамки компетенции этой организации рассматривается как «внешнее *ultra vires*»¹.

Во-вторых, поведение должностного лица или органа международной организации, которое выходит за рамки компетенции этого органа, но находится в рамках компетенции организации рассматривается как «внутреннее *ultra vires*»².

В контексте рассматриваемой проблематики ключевое значение имеет понятие «компетенция». Так, по мнению проф. В. Моравецкого, компетенция - это сфера предметной деятельности, т.е. сфера проблем, которыми организация и ее отдельные

---

¹ Дейкало Е.А. Поведение *ultra vires* органов или агентов международной организации как основание ее международно-правовой ответственности // Актуальные проблемы международного публичного и международного частного права: сборник научных трудов. Выпуск 4. – 2012. – С. 123.

² Дейкало Е.А. Поведение *ultra vires* органов или агентов международной организации как основание ее международно-правовой ответственности // Актуальные проблемы международного публичного и международного частного права: сборник научных трудов. Выпуск 4. – 2012. – С. 124.

органы имеют право или должны заниматься³. По мнению проф. А.Я. Капустина, компетенция, будучи юридической категорией, соотносится с понятием функций международных организаций⁴. Компетенция определяется в учредительном акте и носит договорной характер. Она не может быть произвольно изменена без согласия государств-членов международной организации, выраженной в соответствующей форме. Компетенция международных организаций может иметь специальный и функциональный характер, так как она ограничена ее уставными функциями и задачами. В доктрине выделяют предметную и юрисдикционную компетенцию. Предметная определяет круг вопросов, которыми занимается международная организация, а юрисдикционная же определяет силу актов международной организации по вопросам, входящим в ее предметную компетенцию.

Компетенция международных организаций определяется их учредительным актом, который имеет решающее значение для квалификации актов «*ultra vires*», так как именно в нем закрепляется правовая природа организации, цели и принципы, а также соответствующая компетенция.

Иными словами, если действие должностного лица или органа международной организации превышает его компетенцию, закрепленную в учредительном документе, то данное действие можно считать действием *ultra vires*.

В статье 4 Проекта статей об ответственности государств за международные противоправные деяния 2001 года⁵ и в статье 6 Проекта статей об ответственности международных организаций

---

³ См.: Моравецкий В. Функции международной организации. – М., 1976. С. 88.

⁴ См.: Капустин А.Я. Компетенция международных организаций // Международные организации: учебник / под ред. И.П. Блищенко. М., 1994. С. 70-71.

⁵ Проект статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния 2001 г. // Доклад Комиссии международного права о работе ее пятьдесят третьей сессии: док. ООН A/56/10. Нью-Йорк: ООН, 2001. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/responsibility.pdf (дата обращения 27 апреля 2019).

2011 года⁶, закрепляется общее правило о том, что в рамках международных правоотношений субъекту международного права присваивается поведение его органов, независимо от его функций, а также иных лиц или образований, если они действуют в своем официальном качестве, по указанию или под контролем таких органов⁷.

При этом признается, что, в случае, когда лицо действует от своего имени, а не от имени государства или международной организации, последствия его действий не могут являться основанием для привлечения к ответственности субъекта международного права. Особенно важно разграничивать понятия «действовать от частного лица», что означает действовать от собственного имени, и понятие «действовать в официальном качестве», но в нарушение своей компетенции, которое означает, что поведение лица носит характер *ultra vires*.

Многие заслуженные юристы международного права обеспокоены действиями *ultra vires*, особенно, когда они возникают в ходе деятельности такой влиятельной международной межправительственной организации как Организация Объединенных Наций (ООН).

Дело в том, что любой учредительный акт международной организации представляет собой международный договор, который согласно статье 2 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года⁸ (далее Венская конвенция 1969)

---

⁶ Проект статей об ответственности международных организаций с комментариями, принятый во втором чтении // Доклад Комиссии международного права о работе ее шестьдесят третьей сессии: док. ООН: A/66/10. Нью-Йорк: ООН, 2011. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/intorg_responsibility.pdf (дата обращения 27 апреля 2019).

⁷ Дейкало Е.А. Поведение *ultra vires* органов или агентов международной организации как основание ее международно-правовой ответственности // Актуальные проблемы международного публичного и международного частного права: сборник научных трудов. Выпуск 4. – 2012. – 223 с.

⁸ Венская конвенция о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (дата обращения 25 апреля 2019).

имеет согласительную природу. Следовательно, если государство, подписавшее учредительный акт, не согласно с принятием акта *ultra vires* органа международной организации, то оно вправе заявить и его неправомерности и об отказе его выполнять.

В доктрине международного права проблема актов *ultra vires* довольно имеет дискуссионный характер. В особенности это касается тех случаев, когда речь идёт о концепциях т.н. «подразумеваемых полномочий» и «имманентных полномочий».

Сторонники концепции «подразумеваемых полномочий», в частности, проф. Г. Лаутерпахт, полагают, что когда в учредительном акте организации прямо не предусмотрены некоторые полномочия, они могут вытекать из их содержания⁹, а также из *travaux préparatoires* (с фр. яз. «из подготовительных материалов»). На практике данная концепция не раз получала подтверждение. Так, в 1949 году Международный суд ООН в деле при рассмотрении вопроса о возмещении убытков, понесенных на службе ООН, установил, что «по международному праву Организация Объединенных Наций обладает качеством международной правосубъектности, хотя в ее Уставе не содержится специального положения, в котором закреплялось бы это качество»¹⁰. МС ООН пришёл к заключению, что Организация Объединенных Наций является субъектом международного права.

В 1954 году перед Международным судом ООН также возник вопрос, вправе ли Генеральная Ассамблея ООН создавать независимый международный трибунал, ведь это прямо не предусмотрено в Уставе ООН. Суд в своем Консультативном заключении о значении решений, принятых Административным трибуналом ООН, отметил, что несмотря на то, что в Уставе ООН прямо предусмотрена задача организации способствовать обеспечению свободы и справедливости для индивидов, ООН должна постоянно заботиться о выполнении данной задачи и поэтому ей ничто не мешает использовать судебные и административные средства

---

⁹ Абашидзе А.Х. Право международных организаций: Учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры, М., 2016. С. 45.

¹⁰ Абашидзе А.Х. Право международных организаций: Учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры, М., 2016. С. 45.

для разрешения каких-либо споров, которые могут возникнуть в связи с ее персоналом¹¹. В данном случае, Международный суд признал, на основании пункта 2 статьи 7, статьи 22, и пункта 1 статьи 101 Устава ООН, что для защиты прав персонала в их спорах с международной организацией, Генеральная Ассамблея ООН должна иметь право создавать такой трибунал в целях обеспечения осуществления справедливого правосудия.

Суть «имманентных полномочий» состоит в том, что международные организации могут обладать такой компетенцией, которая прямо не предусмотрена в их учредительных актах, но вследствие возникших обстоятельств, такие полномочия могут быть приобретены организациями по их собственной инициативе в процессе деятельности.

Сторонники данной концепции утверждают, что международные организации могут предпринимать любые меры для достижения своих целей, несмотря на содержание их учредительных актов. Концепция «имманентных полномочий» получила отражение в позиции Международного суда в Деле о некоторых расходах ООН. В Консультативном заключении от 20 июня 1962 года МС ООН заключил, что когда Организация предпринимает действия, которое может рассматриваться как целесообразное, с точки зрения выполнения одной из целей ООН, то такие действия не выходят за пределы полномочий Организации.

Если сравнить концепцию *ultra vires* и концепции «имманентных» и «подразумеваемых полномочий», то можно выявить некоторое сходство. Акты *ultra vires* и акты, принятые на основе «подразумеваемых» и «имманентных» полномочий, не предусмотрены положениями учредительных актов организации и, следовательно, выходят за рамки компетенции данной организации. Однако существенное отличие состоит в том, что концепция «имманентных» и «подразумеваемых» полномочий предполагает то, что, хотя действия и не предусмотрены Уставом, они так или иначе одобряются государствами-членами организации.

---

¹¹Абашидзе А.Х. Право международных организаций: Учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры, М., 2016. С. 46.

Когда государства-члены выражают несогласие с действиями органа на основании несоответствия предоставленной ему компетенции, возникает проблема квалификации *ultra vires*. Возникает вопрос, как государствам решение органа международной организации, и кто вправе оспаривать данные решения международной организации, которые были приняты в нарушение учредительных документов данной международной организации.

Несмотря на то, что большинство «конституций» международных организаций не содержат в себе положений, разрешающих оспаривать их решения по причине превышения полномочий или допущения процедурных нарушений, данное право является неотъемлемым правом любого суверенного государства, что вытекает из консенсуального характера учредительных актов¹². Данное право было также подтверждено в особом мнении судьи Бустаманте в Деле о некоторых расходах: «Когда, по мнению одного из государств-членов, была допущена ошибка в толковании или даже имело место нарушение Устава, существует право оспорить резолюцию, в которой была отмечена ошибка, с целью определения того, является ли она отходом от Устава»¹³.

Некоторые международные организации всё же предусматривают в своем учредительном акте возможность обжалования решения или в судебном порядке, или пленарным органом данной организации. Так, Международная организация гражданской авиации в статье 84 Конвенции о международной гражданской авиации 1944 г.¹⁴ указывает, что их решения могут быть обжалованы в третейском суде *ad hoc* или в Постоянной палате международного правосудия. При этом, исходя из практики, решения, признанные *ultra vires*, не являются недействительными с самого начала, а только перестают порождать юридические обязательства, начиная с даты признания их таковыми.

---

¹² Osieke E. The legal validity of *ultra vires* decisions of international organizations. // AJIL (Washington, D.C.) 77:239–256, April 1983. P. 253.

¹³ Certain expenses of the United Nations: advisory opinion of 20 July 1962. International Court of Justice Reports. The Hague, 1962. P. 304.

¹⁴ Конвенция о международной гражданской авиации (Чикаго, 7 декабря 1944 г.). // СПС ГАРАНТ

Обстоятельства осложняются тем, что решения *ultra vires*, вынесенные в рамках ООН, таким органом как Советом Безопасности ООН, не имеет возможности оспаривания. Решения Совета Безопасности согласно Уставу ООН, не предусматривают возможности его пересмотра каким-либо иным органом ООН.

Совет Безопасности также не может рассмотреть дело о квалификации собственного решения в качестве *ultra vires*, так как в данном случае он будет выступать как заинтересованное лицо, и, следовательно, не сможет вынести справедливое решение.

Совет Безопасности ограничен Уставом, как и любой орган ООН, но стал расширять свои полномочия, что, несомненно, порождает беспокойство государств в связи с этой участвовавшей практикой. Ярким примером осуществления Советом Безопасности нормотворческих полномочий является принятие Резолюции 1540 (2004), направленной на предотвращение актов терроризма с использованием оружия массового уничтожения. В данной резолюции Совет Безопасности подтверждает, что распространение ядерного, химического и биологического оружия, а также средств его доставки представляет угрозу для международного мира и безопасности, а также устанавливает ряд обязательств для всех государств, в том числе обязательства воздерживаться от оказания в любой форме поддержки негосударственным субъектам, которые пытаются разрабатывать, приобретать, производить, перевозить, передавать или применять ядерное, химическое и биологическое оружие и средства его доставки¹⁵.

Резолюция вызвала беспокойство некоторых государств в связи с новой ролью Совета Безопасности по осуществлению «нормотворчества». Согласно Уставу ООН, статье 96 пункту 1, Совет Безопасности ООН и ГА ООН имеет право запрашивать консультативное заключение у Международного суда ООН по любому юридическому вопросу, но ни в Уставе, ни в Статуте Международ-

---

¹⁵ Резолюция СБ ООН 1540 о нераспространении ядерного, химического, биологического оружия от 28 апреля 2004 года. URL: https://eurasiangroup.org/files/uploads/files/International_legal_documents/UN_SCR/1540_2004_rus.pdf (дата обращения 25 апреля 2019).

ного суда не указано, что Суд может рассматривать спор между государством или государствами и Советом Безопасности. Если рассматривать историю разработки Устава ООН и подготовительные материалы (*travaux preparatoires*), то можно обнаружить, что многие государства выступали за осуществление судебного контроля в отношении актов Совета Безопасности, однако постоянные члены СБ ООН осознанно избегали даже «видимости» какого-либо судебного контроля. Ярким примером тому, является отклонение двух поправок, внесенных делегацией Бельгии в ходе работы над проектом Устава ООН. Первая поправка предлагала закрепить право каждого государства обращаться в Международный суд ООН с запросом о том, нарушает ли рекомендация или резолюция Совета Безопасности неотъемлемые права государства-члена, и если Суд устанавливал нарушение, то Совет Безопасности должен был либо передать решение этого вопроса в Генеральную Ассамблею, либо отменить свое решение. После неудачи с принятием этой поправки, делегация предложила создать или определить орган, который был бы наделен правом толкования Устава ООН, и, следовательно, орган, который был бы вправе толковать компетенцию главных органов ООН. Но поправка также не была принята, и участники решили, что каждый орган будет самостоятельно определять свою компетенцию.

Особое внимание следует обратить на «конституционный кризис» Международного суда ООН, когда теоретическая проблема осуществления судебного контроля перешла в практическую. Так, в Деле Локерби, Совет Безопасности принял Резолюцию 731 и обязал Ливию выдать двух своих граждан, подозреваемых в организации взрыва самолета, после того, как Ливия отказалась выдать им своих граждан на основании положений Монреальской конвенции 1971 года о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации¹⁶, в которых подтверждается право государства либо выдать лиц, виновных в совершении преступления, либо самим судить их.

---

¹⁶ Монреальская конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации 1971 года. // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/aviation_security.shtml (дата обращения 25 апреля 2019).

После принятия Резолюции 731 Ливия обратилась в Международный суд, требуя признать действия США и Великобритании неправомерными и нарушающими положения Монреальской Конвенции. При этом Ливия отмечала, что считает резолюцию СБ ООН неправомерной, так как она нарушает принцип международного права, согласно которому ни одно государство не может быть принуждено к экстрадиции своих граждан.

Надо отметить, что обращение Ливии в Суд было в целом расценено как попытка уйти от ответственности за поддержку терроризма¹⁷.

Международный суд оказался в довольно сложной ситуации, он должен был либо осуществить контроль в отношении Совета Безопасности ООН, либо отказаться от этой уникальной возможности. После обращения Ливии в Международный суд, Совет Безопасности принял Резолюцию 745, в которой были закреплены экономические санкции в отношении Ливии. Так как рассмотрение вопросов наличия компетенции у Совета Безопасности не относится к компетенции Международного суда, в этой ситуации Суд не стал идти вразрез с решениями Совета Безопасности и отказал Ливии.

Суд указал, что обязательства Ливии по Резолюции 731 (1992) имеют приоритетное значение перед ее обязательствами по Монреальской конвенции в силу статьи 25 и 103 Устава ООН. Однако, указал, что он может вернуться на стадии рассмотрения по существу этого дела к вопросу о правомерности резолюций Совета Безопасности ООН. При этом мнения судей разделились. Ряд судей выразили обеспокоенность действиями Совета Безопасности и в той или иной форме выступили за контроль со стороны Суда в отношении правомерности резолюций Совета Безопасности и в поддержку роли Суда как хранителя законности в ООН¹⁸.

---

¹⁷ Исполинов А.С. Контроль Международного суда ООН над решениями Совета Безопасности. // Законодательство. 2015. № 12. С. 48-62.

¹⁸ «Суд действует как хранитель Устава и международного права в целом, на международной арене нет выше органа, который был бы наделен судебными функциями и имел бы цели решать вопросы толкования и применения международного права» в: Dissenting Opinion by Judge Weeramantry. P. 56. URL: <https://www.icj-cij.org/files/case-related/95/095-19960708-ADV-01-12-EN.pdf> (дата обращения 13.03.2019).

Некоторые судьи обратили внимание на уникальность как фактуры, так и всех правовых обстоятельств дела, поступившего на их рассмотрение¹⁹, отмечая, что второго шанса на установление судебного контроля за решениями Совета Безопасности может и не быть. Некоторые судьи *ad hoc* встали на сторону Ливии в споре, заявив о неправомерности Резолюции 745. К таким судьям относятся судья Эль Кошер и судья Аджибола, которые указали, что Суд должен оценить правомерность Резолюции 731 (1992).

Крайне неудобные для Совета Безопасности вопросы в своем особом мнении задал судья Шахабуддин: «Есть какие-то пределы свободы усмотрения для Совета? Если они все же есть, то каковы они и какой орган, кроме Совета Безопасности, компетентен указывать на эти пределы?»²⁰.

Подводя итоги, можно отметить, что перспективы хотя бы какого -либо контроля довольно туманны. Причиной этому является нежелание постоянных членов Совета Безопасности ощущать внешний контроль. Нужно признать, что большинство постоянных членов Совета такая слабость Суда вполне устраивает. Кроме этого, нужно подчеркнуть, что действия *ultra vires*, могут признаваться правомерными, если большинство государств выразило согласие на это, даже если они выражают их молчаливым согласием. Всё это может повлечь то, что действия *ultra vires* могут угрожать устойчивости системы международного права в целом, а также нарушать суверенное равенство государств и принцип невмешательства во внутренние дела, что будет серьезно влиять на правовую ситуацию в государствах-участниках ООН и в мире в целом.

---

¹⁹ Ibid. P. 54.

²⁰ Separate Opinion of Judge Shahabuddeen. Pt. (iii), 2–3. URL: <https://www.icj-cij.org/files/case-related/97/097-19950922-ORD-01-04-EN.pdf> (дата обращения 13.03.2019).

СООТНОШЕНИЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ И КОНСУЛЬСКИХ ПРИВИЛЕГИЙ И ИММУНИТЕТОВ

**Землянкин Егор Валерьевич,
Фартунов Егор Александрович**

*студенты кафедры международного права
Российский университет дружбы народов*

В настоящее время, дипломатические и консульские привилегии и иммунитеты регулируются Венской конвенцией о дипломатических сношениях 1961 года и Венской конвенцией о консульских сношениях 1963 года, соответственно. Однако институт привилегий и иммунитетов, как дипломатических, так и консульских, начал формироваться задолго до принятия упомянутых конвенций.

Так в Древней Индии, Законы Ману гласили: "Поднимающий руку на посла идет к гибели и уничтожению". В те времена, посол и посольские помещения находились под покровительством божества. В Древней Греции, лица, уполномоченные для ведения внешних сношений, делились на религиозных – вестников и светских – старейшин. Вестники всегда обладали полной неприкосновенностью, старейшины были неприкосновенны постольку, поскольку они выполняли посольские функции. Считалось, что и старейшины, и вестники находились под покровительством Гермеса как в мирное время, так и в военное¹. В Древнем Риме, право на льготы и привилегии посла давал золотой перстень, который выполнял функцию верительной грамоты. Пробразы консульских привилегий и иммунитетов в древнем мире можно наблюдать в Древней Греции. Там существовал институт проксении, с помощью которого иностранец, проживающий на территории того или иного полиса, мог выбрать себе «защитника», исполнявшего посреднические функции в юридических и политических

---

¹ Международное право: учебник / под ред. А. Н. Вылегжанина. – М.: Юрайт, 2011. – С.50.

отношениях между ним и государством. Данный институт схож с институтом консульской службы. Проксен назначался из числа подданных государства пребывания, представляемое государство не могло требовать от него верности, тогда как государство пребывания могло применить к нему принуждение. В этой связи, проксеном назначалось лицо, пользовавшееся большим влиянием и авторитетом в своей стране. Проксены пользовались некоторыми правами, привилегиями и иммунитетами. Так, например, государство назначения гарантировало им личную неприкосновенность, безопасность, как в мирное время, так и в случае войны с государством проксена. Они освобождались от уплаты большинства налогов: обладали правом на беспошлинный ввоз и вывоз товаров, на первоочередное рассмотрение дел в судах, имели во всякое время доступ на заседания народных собраний и других высших органов власти. Проксен занимал почетные места на представлениях, пользовался специальной печатью с гербом представляемого государства и помещал щит с изображением герба у входа в свое жилище. В целом, обязанности, права, привилегии проксенов в различных греческих полисах были чрезвычайно разнообразны и различались как по своему характеру, так и по объему, полностью зависели от воли повелителей².

В более развитых формах институт консульского представительства сложился в эпоху средневековья, из-за бурного развития торгово-экономических связей государств Средиземноморья. Крестовые походы создали условия для развития торговли и мореплавания между городами Средиземноморья и Ближнего Востока, что, в свою очередь, вызвало необходимость защиты прав купцов и торговых судов. В этой связи, консульский институт получает свое дальнейшее развитие. Статус консулов и их функции закреплялись в специальных кодексах.

---

² Торшина О. М. История становления и развития консульской службы // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2009. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-stanovleniya-i-razvitiya-konsul'skoy-sluzhby> (дата обращения: 26.04.2019).

В то время на консулов нередко возлагались и дипломатические функции. Во многих странах Средиземноморья они поддерживали непосредственные контакты с главами государств, выполняли дипломатические поручения, например, вели дипломатические переговоры. К привилегиям консулов в то время относили: личную и имущественную неприкосновенность; освобождение от налогов и сборов; право использовать герб и щит представляемого государства, а также право носить оружие.

В эпоху Возрождения вместо отправки специальных миссий стали учреждаться постоянные представительства. По этим же причинам в это же время институт консулов переживал заметное снижение своей роли. Дипломатические представительства в этот период продолжали пользоваться неприкосновенностью, которая всё ещё основывалась на религии. В период религиозных распрей, государства стали прибегать к практике изъятия послов из-под уголовной юрисдикции, ответственности не подлежали даже те послы, которые подозревались в заговоре. В данном контексте уместно сослаться на такой дипломатический казус: испанский посол Мендоса в 1584 году был обвинён английским правительством в заговоре, имевшем целью свергнуть английскую королеву Елизавету I. При этом возник вопрос, можно ли судить испанского посла в английском суде. Совет Королевы обратился за консультацией к известному итальянскому дипломату, правоведу, знатоку дипломатического права Альберико Джентили (автор трактата «Три книги о посольствах» 1585 г.) Тот дал заключение, что Мендоса должен быть подвергнут наказанию испанским сувереном, а следовательно, должен быть выслан из Англии³.

Вскоре выяснилось, что дипломатические представительства, которые занимались общеполитическими и представительскими вопросами, были не в состоянии должным образом обеспечивать защиту торговых и промышленных интересов государства. Со второй половины XVIII в. испытанный на практике институт консулов вновь начал возрождаться. Начинается

---

³ Зонова Т. В. Настольная книга дипломатов // Дипломатический вестник. 2001. № 8. – С. 24-25.

новый этап развития этого института, заключаются специальные консульские договоры и конвенции, ведется работа по кодификации консульских функций, привилегий и иммунитетов. Первым международно-правовым документом по консульским вопросам была франко-испанская консульская конвенция, подписанная в 1769 г., а в 1788 г. – франко-американская; эти консульские конвенции явились первым шагом на пути кодификации консульского права⁴.

После подписания Вестфальского мира такие иммунитеты послов как: изъятие из уголовной юрисдикции страны пребывания, а также личная неприкосновенность посла и его семьи получили своё закрепление в виде международно-правового обычая. В данный период начинает уделяться повышенное внимание дипломатическим и консульским иммунитетам. Это работы Гуго Гроция, Э. Вателя и многих других юристов, занимавшихся международным правом. В течение длительного времени дипломатические права и привилегии определялись обычно-правовыми нормами, которые сложились главным образом на основе многолетнего применения определённых правил, установленных Протоколами Венского и Аахенского конгрессов 1815 и 1818 годов, соответственно.

Далее в период между двумя мировыми войнами предпринимались попытки кодификации сложившихся к тому времени норм, касающихся как дипломатических, так и консульских привилегий и иммунитетов. Хотя на универсальном уровне такие попытки и потерпели неудачу, на региональном уровне был достигнут определённый прогресс, выразившийся в подписании Каракасской конвенции о консульских функциях 1911 г., а также двух Гаванских конвенций 1928 года о дипломатических служащих и о консульских служащих, участниками которых были государства Панамериканского союза. К 1933 г. в мире было заключено около одной тысячи соглашений по вопросам консульских сношений и иммунитетов. В рамках Лиги Наций была предпринята попытка кодификации консульского права, но она закончилась безуспешно из-за многочисленных различий

---

⁴ Петренко Р.И. Основы консульского права. М., 1986. С. 13.

консульской практики государств и противоречивости различных доктрин. Какой-либо единой основы для организации и функционирования консульской службы не существовало до 50-х годов прошлого столетия.

Первая универсальная кодификация обычных норм дипломатического и консульского права была предпринята только в 60-х годах XX столетия, органом Генеральной ассамблеи ООН – Комиссией международного права, результатом работы которой стала Венская конвенция о дипломатических сношениях от 18 апреля 1961 года. Следующая конвенция была принята 24 апреля 1963 году и касалась уже консульских сношений.

Для сравнения современных дипломатических и консульских привилегий и иммунитетов необходимо обратиться к положениям Венских конвенций 1961 и 1963 г. При сравнении положений конвенций можно выделить как схожие моменты, так и различия в привилегиях и иммунитетах.

Если рассматривать сходства, то можно выделить то, что как в дипломатических, так и в консульских сношениях представляемые государства могут пользоваться своими государственными символами, а именно флагом и гербом в государстве пребывания. Государственный флаг представляемого государства может быть вывешен, и его государственный герб укреплен на здании, занимаемом как дипломатическим представительством, так и консульским учреждением⁵, на его входных дверях, а также на резиденции главы представительства или учреждения и, когда это связано с исполнением служебных обязанностей, на их транспортных средствах. Также, в обоих случаях государство пребывания обязано оказать содействие аккредитуемому или представляемому государству в приобретении помещений, необходимых для выполнения соответствующих функций.

В помещения дипломатических представительств власти государства пребывания не могут вступать иначе, как с согласия

---

⁵ Блищенко И.П. Дипломатическое право. – М., 1990. С. 31.

главы представительства⁶, в то время, как в помещения консульских учреждений власти государства пребывания могут вступить и без согласия главы учреждения в случае чрезвычайной ситуации, требующей безотлагательных мер защиты. Данное положение закреплено в статье 31 Конвенции 1963 г. и носит название «пожарная оговорка», которая означает, что в чрезвычайных случаях, согласие главы консульского учреждения подразумевается. Тем не менее, Советский Союз был против данной оговорки, и в своих двусторонних консульских соглашениях исключал её, приравнивая тем самым данное положение к положению дипломатических представительств.

Аккредитующее государство и глава представительства, также как и консульские учреждения и из главы освобождаются от всех государственных, районных и муниципальных налогов, сборов и пошлин в отношении помещений представительства, собственных или наемных, кроме таких налогов, сборов и пошлин, которые представляют собой плату за конкретные виды обслуживания⁷.

Неприкосновенностью также пользуются архивы и корреспонденция. Как дипломатическая, так и консульская почта, не подлежит ни вскрытию, ни задержанию, все места, составляющие почту, должны иметь специальные внешние знаки, которые будут указывать на их характер.

Если привилегии и иммунитеты консульских и дипломатических представительств во многом схожи, то привилегии консульских и дипломатических должностных лиц отличаются друг от друга. Рассматривая такие отличия, в первую очередь, стоит обратить внимание на право государства пребывания возбудить уголовное дело в отношении консульского сотрудника. Это сильно отличается от положения, в котором находится дипломатический сотрудник, который ни в каком случае не может быть привлечён к уголовной ответственности в государ-

---

⁶ Венская конвенция о дипломатических сношениях от 18 апреля 1961 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/dip_rel.shtml (дата обращения 25.04.2019).

⁷ Лукашук И. И. Международное право. М, 2005. С. 517.

стве пребывания. Как дипломатические, так и консульские служащие, пользуются личной неприкосновенностью и не подлежат аресту и задержанию в любой форме. Тем не менее, консульские работники, в отличие от дипломатических, могут быть привлечены к уголовной ответственности в стране пребывания, но только за совершение тяжкого преступления.

Также одним из различий является возможность вызова в суд персонала консульского учреждения, если консул отказывается от дачи показаний, то применение мер принудительного характера к консулу недопустимо. Дипломат, в свою очередь, не обязан давать свидетельские показания, но может дать согласие на свое участие по делу в качестве свидетеля. Согласно Венской конвенции 1963 года, консульские должностные лица и консульские служащие не подлежат юрисдикции судебных и административных органов государства пребывания в отношении действий, совершенных при выполнении ими консульских функций⁸, но и в этом случае осуществление такой юрисдикции допускается в отношении некоторых гражданских исков. Если рассматривать фискальный иммунитет, то дипломатический сотрудник освобождается от уплаты всех видов налогов и обязательных платежей в связи с осуществлением своих функций. Однако для консульских сотрудников сделано исключение в отношении частного недвижимого имущества, частного дохода, источник которого находится в государстве пребывания. В этих случаях, на них фискальный иммунитет не распространяется. Представляемое государство вправе отказаться от любых иммунитетов работника консульского учреждения⁹. В случае возбуждения таким работникам дела в суде, он будет лишён права ссылаться на свой иммунитет в отношении встречного иска.

---

⁸ Венская конвенция о консульских сношениях от 24 апреля 1963 г.
URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/consular.pdf (дата обращения: 26.04.2019).

⁹ Венская конвенция о консульских сношениях от 24 апреля 1963 г.
URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/consular.pdf (дата обращения: 26.04.2019).

Рассмотрев различия между дипломатическими и консульскими привилегиями и иммунитетами, можно с уверенностью сказать, что персонал дипломатического представительства и дипломатическое представительство имеют больший объём привилегий и иммунитетов по сравнению с привилегиями и иммунитетами консульского учреждения и его персонала.

РЕШЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО СУДА ООН ПРОВОДИТЬ ПЕРЕГОВОРЫ ПО ДОСТУПУ К ТИХОМУ ОКЕАНУ (БОЛИВИЯ – ЧИЛИ)

Карбальо М.С.

*аспирант кафедры международного права
Российский университет дружбы народов
soniacarballom@gmail.com*

После чилийского вторжения, произошедшего 14 февраля 1879 года¹, и последующей потери Боливией своего побережья, она перестала быть морской державой, и у нее возникли сложности во взаимодействии с миром. Это отрицательно повлияло на ее экономическое и социальное развитие. Помимо потери территории общей площадью около 120.000 км², Боливия лишилась природных ресурсов, которыми богаты эти земли и прибрежная зона².

17 февраля 2011 года Президент многонационального государства Боливия Эво Моралес на одной из пресс-конференций заявил, что он намерен ждать до 23 марта 2011 года, предложит ли Чили конкретное³, полезное и осуществимое решение морской проблемы Боливии, которое можно было бы рассматривать как основу для обсуждения пункта VI Повестки дня из 13 пунктов. Чили не внесло никаких предложений⁴.

---

¹ Carrasco D. S. Historia de las relaciones Chileno-bolivianas / D. S Carrasco // Santiago, Edit. Universitaria, Chile. – 1999, 15 septiembre. – № 7. – P. 45–188.

² Lagos C. G. Historia de las fronteras de Chile, los tratados de límites con Bolivia / C. G. Lagos // Santiago, Edit. Andrés Bello, Chile. – 1981, 12 diciembre. – № 1. – P. 78–155.

³ Карбальо М. С. История тихоокеанской войны, причины и последствия для Боливии / М. С. Карбальо // Россия, Москва. – Евразийский юридический журнал. – 2017. – № 10 (113). – С. 95 – 97.

⁴ Libro Azul. Ministerio de la Presidencia y Ministerio de Relaciones Exteriores / Antecedentes Históricos y la Pérdida del Litoral boliviano // La Paz, Bolivia 2014. P. 15–35.

В соответствии с Верховным Декретом № 834 от 5 апреля 2011 года были созданы Национальный совет по морским притязаниям – организация по разработке стратегий и определению политики в области морских возмещений и Стратегическое управление по морским притязаниям ДИРЕМАР – организация, осуществляющая разработку политических стратегий в области морских возмещений⁵. Это специализированная организация, на которую возложена функция содействия в подготовке иска для обращения в международные суды и поддержке процесса ходатайства по нему⁶.

Первым шагом при подготовке иска стало составление искового заявления для возбуждения процесса против Республики Чили в Международном Суде, штаб-квартира которого находится в Гааге. Эта функция была осуществлена ДИРЕМАР при поддержке Национального совета по морским притязаниям и международных консультантов, специализирующихся на международном праве.

Этой командой были проведены исследование и анализ возможных юридических альтернатив для обоснования иска. А именно полная подборка, проработка и систематизация большого количества исторических и юридических документов, полученных из различных национальных и международных источников.

24 апреля 2013 года боливийская делегация на высшем уровне во главе с Министром иностранных дел и уполномоченным представителем подали иск (ходатайство) в Международный Суд, судебный орган по решению споров в системе ООН⁷.

---

⁵ Constitución Política del Estado Plurinacional de Bolivia de 07 de febrero del 2009. “Nueva Constitución Política del Estado boliviano”// Gaceta Oficial del Estado Plurinacional de Bolivia del 09 de febrero del 2009. – Режим доступа: https://www.oas.org/dil/esp/Constitucion_Bolivia.pdf (дата обращения 07.10.2018).

⁶ Decreto Supremo N° 834, от 5.04.2011: офиц. текст [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.lexivox.org/norms/BO-DS-N834.html> (дата обращения: 07.10.2018).

⁷ *Libro Azul*. Ministerio de la Presidencia y Ministerio de Relaciones Exteriores / Antecedentes Históricos y la Pérdida del Litoral boliviano // La Paz, Bolivia 2014. P. 15–35.

Боливия сочла, что Международный Суд является компетентным органом для решения данного спора⁸. Ранее, посредством присоединения Чили и Боливии к Американскому договору о мирном решении споров 1948 года (*Pacto de Bogotá*), они обязались разрешать возникающие споры в Международном Суде.

Согласно статье XXXI указанного договора, стороны могут обратиться в Международный Суд для разрешения споров юридического характера, возникающих между ними в вопросах: интерпретации договоров; любого вопроса относительно международного права; в случаях обнаружения фактов, если такое установлено, о нарушении обязательств, предусмотренных международным правом; вида и размера компенсации, причитающейся за нарушение международных обязательств.

В иске Боливия утверждает, что Чили обязалось вести с Боливией переговоры с целью предоставления ей суверенного выхода к морю посредством соглашений, дипломатической практики и ряда заявлений, сделанных официальными чилийскими лицами высшего ранга.

Среди чилийских обязательств наиболее значимыми среди прочих признаны: Соглашение о передаче территории 18 мая 1895 года и дополнительные протоколы; Протокольный акт 10 января 1920 года, обмен нотами 1 и 20 июня 1950 года; Меморандум Трукко 10 июля 1961 года; совместная Декларация, подписанная в Чаранье 8 февраля 1975 года и чилийская нота 19 декабря 1975 года. Эти многочисленные инструменты доказывают неоспоримую очевидность того, что Чили взяла на себя обязательство найти решение проблеме морской изолированности Боливии посредством ведения переговоров с целью достижения договоренности⁹.

---

⁸ *Sater W. Andean Tragedy. Fighting the War of the Pacific, 1879-1884 / W. Sater // Lincoln, 2017. – P. 8 – 39.*

⁹ *Becerra R. R. El tratado de 1904 la gran estafa / R.R. Becerra // La Paz, Bolivia. – 2004, 22 mayo. – № 2. – P. 33–225.*

Боливия обратилась к Международному Суду с просьбой «рассудить» и «заявить», что¹⁰:

а) Чили обязано вести переговоры с Боливией с целью достижения соглашения, по которому Боливии будет предоставлен полностью суверенный выход к Тихому Океану;

б) Чили не выполнило это обязательство;

с) Чили должно добросовестно исполнить данное обязательство, неотложно и формально, в разумный срок и эффективным способом с целью предоставить Боливии полностью суверенный выход к Тихому Океану.

Спустя почти 5 лет, Международный Суд 1 октября 2018 г. вынес решение по делу об обязательстве предоставить выход к Тихому океану (Боливия против Чили). Решение суда окончательное, не подлежит апелляции и имеет очень важное значение для сторон¹¹:

1) двенадцать из пятнадцати судей проголосовали за то, чтобы Чили не брало на себя юридических обязательств по вступлению в переговоры по поводу предоставления суверенного выхода к Тихому Океану для Многонационального государства Боливии, и

2) двенадцать из пятнадцати судей проголосовали за то, чтобы это решение было окончательным для Многонационального государства Боливия.

Прежде чем рассмотреть юридические основания, представленные Боливией, по поводу возложения на Чили обязательства вступить в переговоры о предоставлении Боливии выхода к Тихому Океану, Суд напоминает, что в своем представлении Боливия обратилась в Суд с просьбой рассудить и признать, что

---

¹⁰ *Libro Azul*. Ministerio de la Presidencia y Ministerio de Relaciones Exteriores / Antecedentes Históricos y la Pérdida del Litoral boliviano // La Paz, Bolivia 2014. P. 15–35.

¹¹ Fallo de la Corte Internacional de Justicia en la demanda “Obligación de negociar el acceso al Océano Pacífico” (Bolivia vs. Chile). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://correodelsur.com/files/1_5015106124672663610.pdf (дата обращения: 10.11.2018).

«Чили имеет обязательство вступить в переговоры с Боливией для создания соглашения, по которому Боливия получает суверенный выход к Тихому Океану». По этому пункту, Суд указал, что в своем заявлении от 24 сентября 2015 г. в предварительном ответном заявлении Чили «Боливия не просит Суд постановить то, что она имеет право на суверенный выход к морю». То, что утверждает Боливия в своем представлении, так это то, что Чили обязано вступить в переговоры «для выработки соглашения, по которому Боливия получит суверенный выход». Как по еще более общему пункту, Суд отмечает, что если государства свободны вступить в переговоры и завершить их, то они могут согласиться с обязательством вступить в переговоры. В этом случае государства по международному праву должны начать переговоры.

Впоследствии Суд проанализировал различные основания, на которые ссылается Боливия, для поддержания своего требования о том, что Чили обязано вступить в переговоры о предоставлении суверенного выхода к Тихому Океану, и среди них:

1. Двусторонние соглашения. По этому типу источников Суд напоминает о том, что требование Боливии основано на нескольких двусторонних договорах, по которым Чили берет на себя обязательства о вступлении в переговоры о предоставлении суверенного выхода к морю Боливии. Боливия ссылается на ряд инструментов, на которых основано данное обязательство. А именно она ссылается на¹²:

а) «Акт Протокола», иными словами, закрепление совещания, проведенного в январе 1920 г. между министром иностранных дел Боливии и уполномоченным министром Чили, как и последующие после этой встречи документы;

б) Обмен дипломатическими нотами между сторонами в 1950 г., меморандум Посла Чили в Боливии сеньора Мануэля Трукко 1961 г.

---

¹² *Карбальо М. С.* Право Боливии обратиться в Международный Суд в Гааге с целью разрешения спора с Чили / М. С. Карбальо // Россия, Москва. – Евразийский юридический журнал. – 2018. – № 10 (125). – С. 34 – 36.

в) Совместная декларация, подписанная президентами Боливии и Чили в Чаранье 8 февраля 1975 г.

г) Переписка министров иностранных дел Боливии и Чили в ноябре 1986 г.

д) Совместная декларация министров иностранных дел Боливии и Чили от 22 февраля 2000 г, так называемая «Декларация Альграве».

е) Документ, известный как «Программа из 13 пунктов», подписанный на совещании двусторонней группы в 2006 г.

Иными словами, Суд пришел к заключению, что среди представленных Боливией документов ни один не устанавливает обязательства для Чили вступить в переговоры по предоставлению Боливии суверенного выхода к Тихому океану. Ни «Акт Протокола», ни последующие документы не указывают на то, что Чили взяла на себя обязательства вступить в переговоры о предоставлении суверенного выхода к морю для Боливии.

Обмен дипломатическими нотами в 1950 г. не может считаться международным договором, а Меморандум Трукко не создает и не подтверждает существование какого-либо обязательства о вступлении в переговоры по вопросу выхода к морю для Боливии. Копии сообщений 1986 г. не идентичны оригиналам и ни в одной из них нет ссылки на предоставление выхода к морю Боливии. Так же этот вопрос не затронут в «Декларации Альграве», по которому на Чили возлагается обязательство вступить в переговоры по предоставлению Боливии выхода к морю¹³.

В итоге, если так называемая «морская тема» и включена в Повестку 13 пунктов, то в слишком общем варианте, который не подразумевает предоставления суверенного выхода к морю Боливии, одно лишь упоминание этой темы не порождает никакого обязательства о вступлении в переговоры по этой теме.

---

¹³ Ларин Е. А., Щелчков А. А., Казаков В. П., Ирурооски М., Стефанони П., Иванов Н. С. История Перу с древнейших времен до конца XX века / Е. А. Ларин, А. А. Щелчков, В. П. Казаков, М. Ирурооски, П. Стефанони, Н. С. Иванов. // Иститут всеобщей истории РАН. – М. 2000. С. 237 – 248.

2. Заявления Чили и односторонние акты. По поводу аргумента Боливии о том, что декларации и другие односторонние акты Чили порождают обязательство вступить в переговоры по поводу предоставления суверенного выхода к морю Боливии, Суд указывает, что эти декларации и односторонние акты содержат не принятие юридического обязательства, а волеизъявление провести переговоры. Например, Чили заявляет, что «готова действовать тому, чтобы Боливия приобрела свой собственный выход к морю» и что «готова рассмотреть любое предложение Боливии, направленного на разрешение этого вопроса».

В другом случае, Чили заявило в своем «неизменном намерении рассмотреть вместе с братской страной в процессе честных и дружеских переговоров, какие преграды стоят на пути развития Боливии в условиях неимения побережья». Редакции этих текстов не подразумевают того, что Чили юридически взяло на себя эти обязательства.

Таким образом, Суд постановил, что ни из одного из деклараций или односторонних актов Чили не следует, что оно берет на себя обязательство вступить в процесс переговоров по поводу предоставления Боливии суверенного выхода к морю.

3. Согласие. Впоследствии Суд рассмотрел заявление Боливии о том, что Чили согласна вступить в переговоры по поводу предоставления Боливии суверенного выхода к Тихому Океану. Замечено, что Боливия не назвала ни одну декларацию, по которой Чили бы возразила против такого обязательства. Таким образом, согласие не может служить юридическим основанием для обязательства вступить в переговоры о предоставлении Боливии суверенного выхода к морю.

4. Эстоппель. По поводу заявления Боливии, основанного на эстоппеле, Суд напоминает, что «Основными элементами, необходимыми для эстоппеля» являются «декларация или заявление от одной стороны другой, при котором вторая сторона убеждает в своем ущербе или выгоде». Суд находит, что эти необходимые условия не выполнены. Если Чили и выразило несколько раз волю вступить в переговоры по поводу предоставления

суверенного выхода к морю для Боливии, эти заявления не вызывают обязательства вступить в переговоры. Боливия не доказала, что поменяла свою позицию в ущерб себе или в пользу Чили, согласно тому, что представило Чили. Таким образом, эстоппель не может служить в качестве юридического основания для предоставления суверенного выхода к морю для Боливии.

5. Юридические ожидания. По заявлению Боливии о том, что Чили отказывается вступить в новые переговоры, и что «юридические ожидания Боливии нарушены», Суд указывает на то, что ссылки на юридические ожидания не могут быть использованы в судебных спорах между международными инвесторами и принимающими государствами, в которых применяются статьи договора о равном и справедливом обращении. Суд считает, что из таких отсылок не следует того, что в общем международном праве есть принципы, которые бы порождали юридические ожидания по поводу того, какие основания могут рассматриваться в качестве юридических ожиданий. Таким образом, аргумент Боливии, основанный на юридических ожиданиях, также не имеет оснований.

6. Статья 2, параграф 3 Устава ООН и статья 3 Устава Организации Американских Государств. Далее, Суд рассмотрел обязательство вступить в переговоры на основании статьи 2, параграфа 3 Устава ООН и статьи 3 Устава Организации Американских Государств. Суд напомнил, что, согласно предыдущему утверждению, «все члены разрешают свои споры мирными способами и таким образом, чтобы мир и международная безопасность не были подвергнуты риску». Для Суда этот параграф накладывает обязанность разрешать вопросы таким образом, чтобы не затрагивать мир, международную безопасность и правосудие, но ни в одном документе не указано, что единственным способом разрешения споров могут быть только переговоры.

Суд постановил, что у Чили нет обязательства вступить в переговорный процесс с Боливией по поводу предоставления суверенного выхода к морю для последней. По Уставу ОАГ Суд напоминает, что в статье 3 (i) (c) также сказано, что «споры

между двумя и более государствами должны разрешаться мирным путем». Суд также считает, что данное положение не может являться юридическим основанием для возложения обязательства на Чили начать переговоры по поводу предоставления Боливии выхода к морю.

7. Резолюции Генеральной Ассамблеи ОАГ¹⁴. Суд считает, что ссылка Боливии на 11 резолюций Генеральной Ассамблеи ОАГ, в которых рассматривается тема предоставления суверенного выхода к морю Боливии подтверждают то, что Чили согласно провести переговоры по этой теме.

Также Суд не находит ни в одной резолюции никакого упоминания о том, что у Чили есть такое обязательство. Эти резолюции только рекомендуют Боливии и Чили начать переговоры по этой теме. Также как обе стороны признают, резолюции ОАГ носят только рекомендательный характер и не возлагают международных обязательств. Таким образом, Суд не может ссылаться на содержание этих резолюций ни по поводу отношения Чили к принятым нормам, ни по тому, что Чили взяло на себя обязательства по вступлению в переговоры по поводу предоставления суверенного выхода к Тихому Океану Боливии.

8. Важность юридических инструментов¹⁵, действий и поведения в целом. В конце Суд рассматривает заявление Боливии о том, что, если есть такой инструмент, акт или поведение, который в отдельности порождал бы обязательство о предоставлении суверенного выхода к морю, все элементы могут иметь «решающий эффект», представленные в целом перед Судом. Так как анализ показывает, что ни один из документов не содержит подобных ссылок, если разобрать в целом вместе эти документы, они также не дают никакого обязательства по предоставлению суверенного выхода к морю Боливии.

---

¹⁴ Карбальо М. С. Позиция ОАГ по поводу территориального спора Боливии и Чили / М. С. Карбальо // Россия, Москва. – Евразийский юридический журнал. – 2018. – № 6 (121). – С. 66–68.

¹⁵ Alvaréz T. F. Política y Derecho Internacional / T. F. Alvaréz // La Habana, Cuba. – 1974, 28 abril. – P. 34–89.

Согласно заключению по поводу существования обязательства вступить в переговоры по поводу предоставления суверенного выхода к морю Боливии, Суд заявил, что между Боливией и Чили существует долгая история диалога, обменов нотами и переговоры по поводу поиска решения по предоставлению побережья Боливии, которое было потеряно во время Тихоокеанской войны по мирному договору 1904 г.¹⁶ Однако, Суд не может решить на основании предоставленного материала, что у «Чили есть обязанность вступить в переговоры с Боливией для выработки соглашения, по которому Боливия получит суверенный выход к Тихому Океану». В заключение Суд не может принять другие представленные Боливией документы, по которым это обязательство возникает, зная, что Чили не выполнило это обязательство и зная, что Чили должно было его выполнить добровольно и без задержек, то есть в течение разумного срока и эффективным путем. Суд добавляет, что это решение не следует воспринимать как конец переговоров между сторонами, которые должны продолжать вести диалог и делать это по-добрососедски, разбирая вопросы, связанные с Боливией. Решение вопроса зависит от единого подхода сторон.

Наконец, по результатам исследования были сделаны следующие выводы и предложения:

- Боливия снова должна установить отношения взаимного доверия с Чили путем диалога и дипломатии, без решения вопроса о суверенитете спорной территории, чтобы не затруднять будущих отношений, которые могут существовать в экономической и социальной сферах в интересах развития народов обеих стран.

- Морские и водные ресурсы Тихого океана имеют большое значение для государств региона (Боливия и Чили), но поскольку нынешний спор между обоими государствами приводит к нестабильности в регионе, по этой причине считается, что

---

¹⁶ *Becerra R. R. El tratado de 1904 la gran estafa / R.R. Becerra // La Paz, Bolivia. – 2004, 22 mayo. – № 2. – P. 33–225.*

наиболее уместным и логичным решением проблемы было бы заключение специального соглашения между Чили и Боливией о совместной эксплуатации морских ресурсов прибрежной зоны. Конечно, в этом случае Чили должна предоставить Боливии возможность при определенных условиях, указанных в соглашении, осуществлять экономическую деятельность в своих территориальных водах.

- Создание на оспариваемой территории района с особым режимом с целью интеграции границ и таможенного сотрудничества, экономического сотрудничества, бесплатного транзита и авторизации портов через чилийскую территорию, что выгодно для коммерческой и социальной политики Боливии и Чили, всегда с учетом взаимовыгодного доверия между обоими государствами.

- Создание смешанных комиссий с равноправным участием обоих государств в качестве специального международно-правового механизма по осуществлению совместной эксплуатации подтверждается широкой международной практикой.

СООТНОШЕНИЕ ПРИНЦИПОВ ПРАВА НАЦИЙ НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ И ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ ГОСУДАРСТВА

Ломсадзе Николай Малхазович

*студент кафедры международного права
Российский университет дружбы народов
bilalker@mail.ru*

В условиях современной глобализации большую роль приобретает проблема национально-этнической целостности народов. Это является одной из главных проблем возникновения этнических конфликтов, которые сопровождаются массовыми фактами терроризма и насилия. Подобные реалии связаны с принципом наций на самоопределение. Данная норма находит свою критику в связи с существованием принципа на территориальную целостность всех государств. На наш взгляд, вышеназванные принципы находятся в совокупности и считаем, что они должны рассматриваться в едином правовом поле.

Самоопределение народов и территориальная целостность государств являются основополагающими принципами современного международного права, так как проблема возникновения новых государств напрямую связана с признанием за определенным народом права на его самоопределение.

Принцип территориальной целостности закреплён в п. 2 ст. 1 Устава ООН и его содержание сводится к тому, что «запрещено любое посягательство на целостность государственных границ, при этом данные правоотношения должны быть построены на принципе взаимном уважении государств по отношению друг к другу¹. При этом не следует забывать, что новое государство может возникнуть и в ходе сепарации, т.е. процесса выхода из

---

¹ Устав Организации Объединённых Наций (Принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключённых СССР с иностранными государствами. Вып. XII. М., 1956.

состава государства какой-либо его части. Это порождает многочисленные коллизии в международном праве.

Относительно принципа права нации на самоопределение можно отметить, что он имеет множество проблем и противоречий. Впервые данный принцип, как уже отмечалось выше, был закреплен в Уставе ООН, а особую популярность приобрел после завершения Второй мировой войны. В первоначальной трактовке принцип самоопределения понимался как «политико-правовое обоснование борьбы колоний за независимость», но в современном мире он стал неким оружием в руках представителей сепаратистских движений. Рассматриваемый принцип кроме того был зафиксирован и в других источниках международного права, например, в Декларации о принципах международного права 1970 г.², в Итоговом документе Венской встречи 1986 г.³, а также в других международно-правовых актах. Не следует забывать и о положениях Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах (п. 1 ст. 1)⁴ и Международном пакте и гражданских и политических правах (п. 1 ст. 1)⁵. В силу содержания вышеперечисленных документов, все государства имеют право свободно устанавливать свой статус и свободно обеспечивать свое экономическое, социальное и культурное развитие.

---

² Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций 1970 г. // Действующее международное право. В 3 т. Т. 1. М.: МНИМП, 1996.

³ Итоговый документ Венской встречи государств - участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1989 г. URL: <https://www.osce.org/ru/mc/40885?download=true> (дата обращения 11.04.2019).

⁴ Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. // Сборник стандартов и норм ООН в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. ООН. Нью-Йорк, 1992.

⁵ Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения 11.04.2019).

Однако, несмотря на многочисленное количество нормативных документов, ни в одном из них не были четко определены субъекты правоотношений. Также следует отметить и отсутствие единого механизма на предоставление нации право на самоопределение. В современном мире существует множество примеров в виде государств, которые хотели использовать свое право на самоопределение, однако, чаще всего, это приводит прежде всего к возникновению многочисленных вооруженных конфликтов и политических репрессий.

Следует отметить, что не существует четких критериев, которые определяют порядок признания новых государств мировым сообществом, а существование государства де-факто не гарантирует его национальной и политической целостности, а соответственно и не закрепляет международные права государства⁶. К числу таких государств, например, можно отнести Южную Осетию, Абхазию, Украину.

Обращая внимание на проблему коллизии, возникающей между принципами территориальной целостности и права народов на самоопределение, можно прийти к выводу о том, что в современном мире существуют три концепции к пониманию этого вопроса. Так, первая теория основывается на том, что принцип территориальной целостности преобладает над принципом права на самоопределение, другая теория характеризуется противоположным подходом, и, наконец, третья концепция закрепляет, что принципы обладают равной юридической силой. Однако, на мой взгляд, возникновение коллизии между принципами складывается, прежде всего, из-за не совсем корректного толкования основной сути обоих принципов.

В процессе становления новых государств, основанных на основе реализации права народов на самоопределение возникает угроза территориальной целостности государств. В российской доктрине тот принцип не получил своего законодательного закрепления. Данная ситуация возникла из-за несоответствия между формулировками в русском и английском тексте Устава

---

⁶ Хабриева Т.Я. Современные проблемы самоопределения этносов. Сравнительно-правовое исследование. М., 2015. С. 17.

ООН. В русском варианте говорится о территориальной неприкосновенности, а в английском – о территориальной целостности (*territorial integrity*)⁷.

Следует отметить, что принцип территориальной целостности регулирует отношения между различными государствами, которые на основе норм международного права, взяли на себя обязанность уважать территориальную неприкосновенность государств, соответственно и границ между ними, право же народа на самоопределение возникает, как правило, внутри определенного государства. Таким образом, принцип права народом на самоопределение должен являться принципом, который не должен приводить к дроблению государств на большое количество мелких государств, а должен быть направлен на создание сильного многонационального государства, что обуславливает существование в рамках одного государства различных субъектов федерации, хотя и являющихся независимыми по своему территориальному принципу, но подчиняющимися единой централизованной федеральной власти. Так, например, ст. 65 Конституции РФ⁸ закрепляет федеративное устройство государства, в состав которого входят республики, края, области, автономные округа и автономные области. Таким образом, рассматриваемый принцип является некоторым механизмом, который обеспечивает мирное сосуществование многочисленных народов внутри одного государства, без ущемления культурных прав наций.

Однако, следует отметить, что принцип нации на самоопределение иногда перерастает в сецессию. Основанием для этого могут быть случаи колониальной борьбы, борьбы аннексированных территорий, а также случаи террористических национальных движений, существующих внутри государств. Так, например В. Романов и вовсе считал, что, предоставляя право

---

⁷ Остроухов Н.В. Территориальная целостность государств и ее обеспечение: теоретико-правовые и международные изменения // Вестник РУНД. Серия «Юридические науки». 2013. № 3. С. 245.

⁸ Конституция Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации, № 31, 04.08.2014, ст. 4398.

народу на самоопределения, международно-правовые организации «сеют» в государстве «разрушительную систему», подрывающую внутреннее устройство государств⁹. Таким образом, право народов на самоопределение можно рассматривать с точки зрения внешнего и внутреннего аспекта. Внешнее самоопределение при этом выражается в установлении международно-правового статуса определенной территории, а внутренний – в решении народов вопроса о своем развитии. Во внутреннем самоопределении также можно выделить такие компоненты как необходимость демократического участия граждан в управлении жизни общества и обеспечение этническим группам право на доступ к управлению государством¹⁰. По мнению, А. Кассезе, если народ лишается право на внутреннее самоопределение, он начинает искать самоопределение внешнее¹¹. К этому мнению приходят и российские правоведы, отмечая, что внешнее самоопределение считается законным, если власти государства делают невозможность осуществление внутреннего самоопределения¹².

Реализация принципа на самоопределение, осуществляемое народом с соблюдением международно-правовых конвенций в конечном счете, приводит к созданию нового государства. Внутреннее самоопределение состоит в предоставлении народу всеобъемлющих гражданских, политических, экономических, социальных и культурных прав и свобод, не нарушая при этом принципов территориальной целостности государств. В Деклара-

---

⁹ Романов В.А. Принцип самоопределения и территориальной целостности государств // Дипломатический вестник. 2010. № 9.

¹⁰ Явкин Н.В. Проблема обеспечения единства и территориальной целостности в условиях борьбы народов за самоопределение: автореф. дисс. ... канд. полит. наук. Н. Новгород, 2004. С. 13.

¹¹ Cassese A. Self Determination of Peoples: A Legal Reappraisal. Cambridge, 1995. P. 365.

¹² Остроухов Н.В. Территориальная целостность государств в современном международном праве и ее обеспечение в Российской Федерации и на постсоветском пространстве: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. С. 32.

ции о принципах международного права¹³ подчеркивается, что «каждое государство обязано воздерживаться в своих международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной целостности или политической независимости любого государства, так и каким-либо иным образом, несовместимым с целями Организации Объединенных Наций».

Все государства в соответствии с вышеупомянутым принципов должны стремиться к мирному разрешению международных споров, в том числе связанные с самоопределением народов и принципов территориальной целостности, мирными средствами.

Таким образом, на мой взгляд, для отсутствия коллизионных проблем в международном праве, необходимо прежде всего наличие кодифицированных нормативно-правовых актов, как в международном, так и в национальном праве, которые бы квалифицировали основные допустимые способы борьбы нации за независимость, а также определил условия, при которых она может считаться правомерной. При этом следует учитывать, что право на самоопределение не должно ущемлять территориальную целостность государств, таким образом соблюдение баланса этих принципов обеспечивает соблюдение международного законодательства во всех странах мира.

---

¹³ Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций 1970 г. // Действующее международное право. В 3 т. Т. 1. М.: МНИМП, 1996.

К ВОПРОСУ О ПРИЗНАНИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ НОВЫХ ПРАВИТЕЛЬСТВ В АФРИКЕ

Мезяев А.Б.

*доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой
международного права Университета управления «ТИСБИ»,
главный редактор «Казанского журнала международного права
и международных отношений»*

Международно-правовая и дипломатическая позиция СССР по признанию новых государств и правительств африканского континента особо ярко проявилась в 1960-х годах, что было связано с процессом деколонизации. Напомним, что только в 1960 году на континенте появилось восемнадцать новых независимых государств.

Как правило, Советский Союз признавал независимость того или иного государства в канун или в день провозглашения независимости. Уникальным является признание СССР Алжира, которое произошло за два года до фактического достижения независимости этого государства, когда СССР признал *de facto* временное правительство Алжира 3 октября 1960 года.¹

Что касается признания правительств, то оно проводилось параллельно с признанием государства. В зависимости от конкретной ситуации это делалось либо в акте о признании государства, либо в отдельных документах, например, телеграммах Председателя Президиума Верховного Совета СССР соответствующему руководителю с поздравлением с избранием.

---

¹Находясь на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН Н.Хрущев принял членов алжирского правительства, которые также участвовали в работе Ассамблеи и заявил, что данную встречу следует рассматривать как *de facto* признание временного правительства Алжира. Он заявил: "Я считаю, что не только мы его признаем, но его признают многие страны мира, и в первую голову его признал президент Франции де Голль, который вступил в переговоры с представителями этого временного алжирского правительства». (СССР и арабские страны, 1917-1960. М., 1961, с. 747).

В настоящее время официальные документы о признании государств оформляются указами президента РФ. Однако документы о признании правительств, если таковые и имеются, не публикуются. Таким образом, для выяснения позиции российского государства приходится использовать источники, которые проявляют позицию правительства в иных формах.

Мы полагаем, что в последние годы политика государства в области признания новых правительств производится в форме информационных сообщений Министерства иностранных дел РФ. Подчеркнём, что речь идёт о сообщениях подчёркнуто информационного характера. Это проявляется, во-первых, в названиях данных документов (как правило, это «сообщение» или «комментарий») и, во-вторых, в издаваемом их подразделении (Департамент информации и печати МИД РФ). Конечно, утверждение о том, что указанные сообщения МИД РФ используются в качестве средства выражения признания либо непризнания новых правительств, носит гипотетический характер. Однако эти сообщения являются единственными общедоступными документами, которые систематически излагают официальную позицию России в данном вопросе.

Следует отметить, что если по форме практически все сообщения имеют информационный характер, то по сути, они отражают отношение России к прошедшим выборам. Можно привести лишь немного примеров, когда подобного рода сообщения были, действительно (или в большей степени) информационными. Так, 22 мая 2019 года МИД РФ сообщил о том, что «действующий Президент Южно-Африканской Республики Сирил Рамафоза² был избран главой государства в ходе первого

---

²Хотелось бы обратить внимание на то, чтобы мы, наконец, правильно начали писать и название государства, и имя его президента. С 1994 года бывшая Южно-Африканская Республика (ЮАР) называется *Республика Южная Африка* (ЮАР). Разница незначительная для нас, а для южноафриканцев она принципиальная: ЮАР – это государство апартеида, с которым покончено, а РЮА – это новое демократическое государство. Что касается правильного написания имени главы ЮАР – Сирил *Рамафоса*. Очень хотелось бы, чтобы информационные сообщения наших правительственных ведомств готовились на высоком профессиональном уровне.

заседания нового состава Национальной ассамблеи, сформированного при абсолютном большинстве правящей партии «Африканский национальный конгресс» по итогам состоявшихся в ЮАР 8 мая всеобщих выборов». МИД РФ сообщил, что на церемонии инаугурации Президента ЮАР Россию будет представлять министр природных ресурсов и экологии РФ.³

Будучи информационными по форме, большинство сообщений МИД о выборах носят явно выражают отношение государства к их итогам.

Рассмотрим, например, сообщение для СМИ, подготовленное департаментом информации и печати МИД в марте 2019 года в связи с президентскими выборами в Союзе Коморских Островов:

26 марта Национальная независимая избирательная комиссия Союза Коморских Островов (СКО) обнародовала предварительные результаты состоявшегося в стране 24 марта первого тура досрочных президентских выборов. Наибольшее количество голосов набрал действующий Президент СКО А. Ассумани – 60,77 %. На втором месте – представитель партии Джува А.Махамуду (14,62 %). Всего было зарегистрировано 13 кандидатов.

По оценкам местных и международных наблюдателей, в числе которых были представители от Африканского союза, Сообщества развития Юга Африки, Общего рынка Восточной и Южной Африки, Лиги арабских государств, Мадагаскара и России, выборы прошли в целом в спокойной обстановке, серьезных нарушений не отмечено. Призывы отдельных групп оппозиции бойкотировать голосование, организовать беспорядки не получили поддержки населения.

Если из текста сообщения МИД об избрании президента РЮА С.Рамапосы видно, что Россия фактически поздравляет и президента, и победившую партию (АНК), то в данном тексте производится более сдержанное признание ситуации, как

---

³http://www.mid.ru/web/guest/maps/za/-/asset_publisher/mNKyBR4ugevQ/content/id/3656991

юридической, так и фактической. Из сообщения видно, что Россия полагается на признание как со стороны Африканского Союза, так и своих собственных наблюдателей, а также со стороны ряда региональных организаций.

Такое полагание на общеконтинентальную организацию и на крупные региональные организации в Африке являются, в целом, выражением взятой на вооружение в последние годы политики «африканским проблемам – африканское решение» (АП-АР), которая была неоднократно озвучена российской дипломатией на самом высоком уровне. В последний раз она была в очередной раз подтверждена министром иностранных дел РФ С.В. Лавровым на экономической конференции «Россия – Африка» в Москве в июне 2019 г. Конечно, данная политика относится, в первую очередь, к вопросам разрешения вооружённых конфликтов. Однако можно предположить, что не только в отношении них.

Сам Африканский Союз рассматривает неконституционную смену власти в качестве тяжкого международного преступления. Юрисдикция Африканского Суда (по Протоколу Малабо) распространяется всего на 14 составов преступлений, один из которых – неконституционная смена власти. Таким образом, очевидно, что государственные перевороты рассматриваются самим Африканским Союзом не только как нежелательное явление, которое уже давно является основанием для применения определённых санкций политического порядка (в рамках АС), но и как международное преступление. Таким образом, есть все основания полагать, что российское понимание политики АП-АР может включать и вопрос о признании либо непризнании правительств, пришедших к власти неконституционным путём.

Впрочем, следует отметить и опасности слепого применения политики АП-АР, что связано, прежде всего, с не всегда последовательной и принципиальной политикой самого АС и отдельных его членов. Эта проблема уже ярко проявилась в ситуации с выборами в Гамбии в декабре 2016 года и в ситуации с выборами в Кот-д’Ивуаре в октябре 2010 года (о чём подробнее ниже).

Продолжим анализ практики «информационных» сообщений МИД РФ по вопросам признания. В мае 2019 г. Департамент информации и печати МИД России опубликовал следующее заявление в связи с президентскими выборами в Республике Экваториальная Гвинея: *«2 мая Конституционный суд Республики Экваториальная Гвинея обнародовал итоги президентских выборов, состоявшихся в этой стране 24 апреля. По официальным данным, победу одержал действующий глава государства Т.Обианг Нгема Мбасого, набравший 93,5% голосов избирателей. Наблюдатели от Африканского союза признали выборы состоявшимися. Серьезных нарушений, способных повлиять на волеизъявление граждан, не отмечено. В Москве рассчитывают, что проведенные в дружественной нам Экваториальной Гвинеи президентские выборы послужат дальнейшему поступательному продвижению республики по пути стабильного политического и социально-экономического развития»*⁴.

Аналогичное по своей структуре «сообщение» МИД России опубликовал в связи с выборами в Республике Чад в мае 2018 года. Здесь также имеется ссылка на подведение окончательных итогов выборов со стороны Конституционного совета Республики с одной стороны, и на признание выборов Африканским союзом и Экономическим сообществом государств Центральной Африки, с другой. Обратим внимание: в данных сообщениях даётся ссылка как на внутреннюю, так и на внешнюю легитимацию новых правительств.

В то же время, имеются примеры, когда отсутствие обеих форм такой легитимации (вообще или в полной мере) не препятствовало признанию нового правительства. Так, в комментарии МИД РФ о президентских выборах в Сенегале в феврале 2018 года говорится: *«28 февраля Национальная избирательная комиссия Сенегала объявила официальные итоги состоявшихся 24 февраля президентских выборов, согласно которым победу*

---

⁴ Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с президентскими выборами в Республике Экваториальная Гвинея http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2262293.

уже в первом туре одержал действующий глава государства М.Салл, набравший более 58% голосов избирателей. В течение восьми дней ожидается утверждение Конституционным советом страны результатов голосования»⁵.

Как видим, в данном случае, для признания нового правительства не потребовалась ни ссылка на наблюдателей, ни даже исполнение всех конституционных процедур в полной мере (они как бы презюмируются, что, вероятно, не вполне правильно).⁶

Аналогичная индифферентность к указанным критериям наблюдается в комментарии Департамента информации и печати МИД России о президентских выборах в Республике Мали, состоявшихся 12 августа 2018 года: *«По официальным данным, победу одержал действующий глава государства И.Б. Кейта, набравший 67,17 % голосов. Его соперника – лидера ведущей оппозиционной партии «Союз за республику и демократию» С. Сиссе поддержали 32,83 % избирателей. И.Б. Кейта известен как опытный и авторитетный политик. Выражаем уверенность, что ощутимая поддержка, оказанная ему малийскими гражданами, позволит избранному Президенту эффективно добиваться преодоления затяжного кризиса в Мали, стабилизации обстановки и скорейшего восстановления активной роли Бамако в международных делах»⁷.*

Здесь также никаких ссылок ни на внутреннюю, ни на внешнюю легитимацию. При этом мы не имеем в виду, что

---

⁵ http://www.mid.ru/web/guest/kommentarii_predstavatelya/-asset_publisher/MCZ7HQUMdqBY/content/id/3550102.

⁶ Не станем комментировать весьма странное «приветствие» проведения президентских выборов в Сенегале, ставших, якобы, «важным этапом в продвижении сенегальского общества по пути ... демократического развития». Неуместность этого «приветствия» связана с тем, что Сенегал – практически единственное государство Африки, в котором выборы проводились с начала обретения независимости и в котором ни разу не было государственных переворотов. Многопартийные выборы в Сенегале проводятся с 1963 года – на четверть века ранее, чем в нашей стране.

⁷ http://www.mid.ru/web/guest/kommentarii_predstavatelya/-asset_publisher/MCZ7HQUMdqBY/content/id/3320440.

выборы в Сенегале или Мали не были проведены в соответствии с законом или не были легитимны. Речь идёт о том, что в одних случаях российский МИД весьма детально упоминает эти вопросы, а в других – не упоминает их вовсе. В этой связи возникает вопрос: насколько эти факторы, действительно, имеют значение, даже тогда, когда они упоминаются.

Данный вопрос становится ещё более важным, когда мы сталкиваемся с ещё более серьёзными исключениями из, казалось бы, общего правила. Так, события в Кот-д’Ивуаре (КДИ) в ноябре 2010 года показали, что внешняя легитимация является для России более важной нежели внутренняя. Более того, даже тогда, когда эта легитимация находится в прямом и явном противоречии с конституцией государства. Так, решение Конституционного Суда КДИ о победе Л. Гбагбо не получило определяющего значения для РФ в вопросе о признании правительства КДИ. Было признано правительство, которое получило – при явном нарушении конституции страны – признание Африканского Союза, точнее, его большинства. Можно говорить о том, что признание, в конечном счёте, получило правительство, которое одержало победу *de facto*. Однако при этом утрачивается принципиальная позиция государства относительно права.

В такой ситуации трудно понять, насколько искренне звучит, скажем такая ссылка на соблюдение конституционных процедур на выборах, которая была сделана в сообщении МИД РФ об итогах президентских выборов в Союзе Коморских Островов: *«В Москве считают важным, чтобы избирательный процесс на Коморских островах был завершён в строгом соответствии с национальными конституционными нормами, и все кандидаты на пост главы коморского государства действовали исключительно в правовом поле»*⁸.

В ряде случаев выражение признание нового правительства делается в более осторожной форме, чем обычно. Так, «сообщение» о победе М. Бухари на президентских выборах в Нигерии в феврале 2019 года, содержит упоминание об «забо-

---

⁸ http://www.mid.ru/web/guest/maps/km/-/asset_publisher/inQP3j7QpE3n/content/id/3592077.

ченности беспорядками, имевшими место во время голосования в отдельных штатах, задержками с открытием избирательных участков в ряде регионов страны, переносом выборов на некоторых участках» на другое время.⁹ Кроме того, указание на то, что международных наблюдатели не отметили нарушений в ходе выборов, осторожно указывает на отсутствие лишь «серьёзных» нарушений.

Впрочем, остаётся загадкой заключительная часть «сообщения», в котором Москва приветствуют состоявшиеся выборы «как рубежное событие в общественно-политическом развитии дружественной Нигерии». Такое заявление могло быть понятным в исторических условиях Судана 1986 года,¹⁰ Замбии 1991 года,¹¹ или Южной Африки 1994 года.¹² Однако в условиях даже не избрания, а переизбрания на новый срок «старого» президента, указание на «рубежность» выборов не вполне ясна.

Осторожность «сообщения» МИД по нигерийским выборам была вполне обоснована, учитывая, в том числе, активное участие судебной власти в рассмотрении электоральных споров. И хотя до сих пор суды ни разу не удовлетворяли иски проигравших президентские выборы, 2019 год не стал исключением: проигравший М. Бухари бывший вице-президент Нигерии А. Абубакар подал иск, который в настоящее время рассматривается специальным судом.

---

⁹ Сообщение для СМИ «О президентских выборах в Федеративной Республике Нигерии» от 27 февраля 2019 г. // http://www.mid.ru/web/guest/maps/ng/-/asset_publisher/iNMQPIiyNxv4/content/id/3548390.

¹⁰ Демократические выборы после многолетней диктатуры Дж. Нимейри (в стране не проводились выборы, но лишь «референдум») о продлении его власти).

¹¹ Первые многопартийные выборы после длительной истории существования однопартийной системы.

¹² Первые выборы с участием большинства коренного населения страны.

Следует отметить и ещё один аспект. Внутренняя легитимация нового правительства не обязательно связывается с соблюдением конституционных процедур на выборах, но даже и с самими выборами. В случае, если существует более-менее широкий национальный диалог, даже выход за рамки конституции не препятствует признанию нового правительства. Так, используя традиционную форму «комментария», в апреле 2016 года российский МИД сообщил о признании нового правительства Республики Южный Судан, хотя никаких выборов не проводилось. Однако участие в формировании данного правительства «широкого круга политических сил» (с подчёркиванием участия оппозиции) было сочтено как достаточное для признания такого правительства: *«По поступившим сообщениям, 28 апреля в Южном Судане сформировано Переходное правительство национального единства (ППНЕ). В соответствии с положениями подписанного в августе 2015 года. Соглашения об урегулировании конфликта в Республике Южный Судан и другими договоренностями в состав ППНЕ вошли представители широкого круга политических сил, включая правительственные и оппозиционные. Новый кабинет министров будет действовать в течение двух с половиной лет – до проведения всеобщих выборов»*¹³.

При этом МИД РФ обосновал свою позицию признания правительства, которое никто не выбирал выражением надежды в том, «что активная работа переходного правительства РЮС будет способствовать скорейшему восстановлению мира и национального согласия в стране».

Наконец, следует обратить внимание на случай продолжение признания правительства в тех случаях, когда его полномочия истекли.

Здесь следует выделить два примера. Первый – истечение полномочий президента Гамбии Я. Джамме в январе 2017 года. Несмотря на то, что избирательный спор был передан в суд,

---

¹³ Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с формированием нового правительства Республики Южный Судан // http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2260591.

а высший законодательный орган страны продлил полномочия главы государства на период окончательного решения дела в Верховном суде, Африканский союз и ЭКОВАС грубым образом нарушили основополагающие принципы международного права и совершили военное вторжение в Гамбию для «восстановления демократии» – то есть смещения Джамме и ввода в президентский дворец «избранного президента» А.Барроу. Россия *de facto* одобрила это решение, проголосовав за резолюцию СБ ООН 2337 в январе 2017 года. Другим примером является признание полномочий за президентом ДРК Ж. Кабиллой после истечения срока его мандата в 2016 году. Россия также *de facto* признала правительство Ж. Кабиллы в рамках СБ ООН. Подчеркнём – имелись все правовые основания для продолжения признания старого правительства в Гамбии и непризнания такового в ДРК. Однако решения были приняты прямо противоположные. И опять-таки, минимальные объяснения этой позиции мы находим в сообщениях МИД РФ.

23 января 2017 г. МИД сообщил, что «в гамбийском посольстве в Дакаре (Сенегал) состоялась инаугурация избранного Президента Исламской Республики Гамбии А.Барроу. Прежний глава государства Я. Джамме 21 января покинул Банжул». Объясняя свою позицию в отношении нового правительства, МИД продолжает: «Россия поддержала резолюцию 2337 Совета Безопасности ООН по положению в Гамбии. При этом наша принципиальная позиция заключалась в *приоритете, прежде всего, политических средств* разблокирования постэлекторального кризиса в этой стране. В Москве рассчитывают на скорейшее возвращение жизни в Гамбии в нормальное русло».¹⁴ Позиция, в целом, понятная. Однако вопрос о том, почему были отброшены правовые средства разрешения кризиса, хотя они были задействованы в полной мере, и ситуация полностью находилась в правовом

---

¹⁴ Комментарий Департамента информации и печати МИД России о положении в Гамбии // http://www.mid.ru/web/guest/kommentarii_predstavatelya/-/asset_publisher/MCZ7HQUMdqBY/content/id/2609459.

поле, не понятно. Тем более, что указанная резолюция СБ ООН, на самом деле, одобрила отнюдь не политические, а военные меры.

Подводя итоги краткому рассмотрению практики Российской Федерации по вопросу о признании новых правительств стран Африки, можно сделать следующие выводы.

1) В настоящее время отсутствуют какие-либо официальные публикации документов, касающиеся признания новых правительств, однако в качестве таковых могут рассматриваться регулярные «информационные» сообщения МИД РФ по итогам выборов в тех или иных странах.

2) Политика АП-АР в целом, допустима, однако не всегда в полной мере позволяет России проводить принципиальную международно-правовую политику, включая уважение принципов суверенитета государств, невмешательства во внутренние дела и др.

3) Общее правило, согласно которым проводится российская политика признания новых правительств в Африке состоит в том, что признанию подлежит правительство, которое получило как внутреннюю, так и внешнюю легитимацию. При этом внутренняя легитимация означает соблюдение конституционных процедур, а внешняя – в признании выборов со стороны Африканского союза и/или региональных организаций. Участие российских наблюдателей на выборах в Африке носит исключительный характер.

4) Наряду с общим правилом имеется ряд случаев, когда и внутренняя, и внешняя легитимация не играют для РФ роли при принятии решения о признании нового правительства. Имеются случаи, когда признание происходит в отношении правительств, которые не были избраны, но получили некоторую степень легитимации иными средствами (национальный диалог и др.). Достаточное большое количество исключений из общего правила позволяет поставить вопрос о том, является ли оно, действительно, правилом или одним из равноправных проявлений политики признания.

КОНЦЕПЦИЯ ОБЩЕГО НАСЛЕДИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ СОВРЕМЕННОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Ончукова Мария Олеговна

студентка

*Всероссийский государственный университет юстиции
Российская правовая академия Министерства юстиции
Российской Федерации*

Как известно, на сегодняшний день в международном праве выделяют три вида правового режима территорий: государственный, смешанный, международный. В отношении последнего все большее значение приобретает концепция общего наследия человечества (*common heritage of mankind*), обозначающая пространства и ресурсы, находящиеся за пределами государственной юрисдикции и принадлежащие международному сообществу в целом, которое определяет их правовой режим, включая правила пользования¹.

Концепция общего наследия человечества утвердилась в теории международного права сравнительно недавно, а именно во второй половине двадцатого века. Однако формально она существовала еще с самых древних времен, так как все то, что находилось за пределами распространения суверенитета определенного государства, рассматривалось как никому не принадлежащее (*res nullius*).

Первоначально концепция общего наследия человечества имела отношение к исключительно морскому праву. В связи с этим, стоит вспомнить выступление посла Мальты А. Пардо на Генеральной Ассамблее ООН в 1967 г. Он предлагал рассматривать дно морей и океанов в качестве общего наследия человечества, так как данные территории в силу их труднодоступности не находятся под государственной юрисдикцией, но в дальнейшем

---

¹ Лукашук И.И. Международное право. Особенная часть. М., 2005. С. 135.

существует возможность их милитаризации, расширения государственных притязаний на них ввиду технологического развития². Стоит упомянуть тот факт, что изначально А. Пардо предполагал распространение данной концепции на все водное пространство, то есть и на поверхность воды, и на водный столб, и на дно, и недра. Однако мальтийский посол вынужден был признать, что многие государства отвергнут эту идею.

Меморандум А. Пардо стал своего рода предпосылкой закрепления концепции общего наследия человечества в международно-правовых документах. Так, согласно положению Декларации принципов, регулирующих режим дна морей и океанов и его недр за пределами действия национальной юрисдикции, «дно морей и океанов и его недра за пределами действия национальной юрисдикции (далее этот район), а также ресурсы этого района, являются общим достоянием человечества»³.

Позже концепция общего наследия человечества получила свое отражение в основном международном документе, устанавливающем режим морского пространства, – в Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву 1982 г. (далее Конвенция ООН по морскому праву). Согласно статье 136 Конвенции ООН по морскому праву, «Район и его ресурсы являются общим наследием человечества»⁴. В отношении принадлежности Района (то есть дна морей, океанов и его недра за пределами национальной юрисдикции) и его ресурсов устанавливается правило о невозможности заявления государством претензий на суверенитет или суверенные права или их осуществление

---

² Pardo A. Address to the 22nd session of the General Assembly of the United Nations dated 18 August 1967 // U.N. Doc. A/6695. 1967.

³ Резолюция ГА ООН. Декларация принципов, регулирующих режим дна морей и океанов и его недр за пределами действия национальной юрисдикции. 17 декабря 1970 г. A/RES/2749(XXV). URL: <https://www.refworld.org.ru/docid/528c9c154.html> (дата обращения 23 апреля 2019 г.).

⁴ Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву от 10 декабря 1982 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 48. Ст. 5493.

в отношении какой бы то ни было части Района или его ресурсов, а так же устанавливается запрет на присвоение какой-либо части из них. Субъектом прав на ресурсы Района признается «все человечество, от имени которого действует Орган» (Международный орган по морскому дну)⁵.

Как известно, США не ратифицировали Конвенцию ООН по морскому праву. Возможно, одной из причин является как раз концепция общего наследия человечества, даже несмотря на то, что она распространяет свое действие не на все водное пространство, а лишь на дно морей и океанов.

Во второй половине двадцатого века человек начинает осваивать ранее неизведанный Космос. Соответственно, концепция общего наследия человечества получила свое воплощение и в режиме космического пространства, установленном Договором о принципах, регулирующих деятельность государств в исследовании и использовании космического пространства, включая Луну и другие небесные тела 1967 г.. Согласно ему, «исследование и использование космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, осуществляются на благо и в интересах всех стран, независимо от степени их экономического или научного развития, и являются достоянием всего человечества»⁶, а «космическое пространство, включая Луну и другие небесные тела, не подлежит национальному присвоению ни путем провозглашения на них суверенитета, ни путем использования или оккупации, ни любыми другими средствами»⁷.

---

⁵ Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву от 10 декабря 1982 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 48. Ст. 5493.

⁶ Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела от 27 января 1967 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1967. № 44. Ст. 588.

⁷ Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела от 27 января 1967 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1967. № 44. Ст. 588.

Также в соответствии с Соглашением о Луне 1979 г. «Луна и ее природные ресурсы являются общим наследием человечества... Луна не подлежит национальному присвоению ни путем провозглашения на нее суверенитета, ни путем использования или оккупации, ни любыми другими средствами, поверхность или недра Луны, а также участки ее поверхности или недр или природные ресурсы там, где они находятся, не могут быть собственностью какого-либо государства, международной межправительственной или неправительственной организации, национальной организации или неправительственного учреждения или любого физического лица, государства-участники обязуются установить международный режим, включая соответствующие процедуры, для регулирования эксплуатации природных ресурсов Луны, когда будет очевидно, что такая эксплуатация станет возможной в ближайшее время»⁸.

Немаловажным является то, что концепция общего наследия человечества прослеживается и в Договоре об Антарктике 1959 г. (далее Договор). В данном документе прописано, что «Антарктика используется только в мирных целях»⁹. Более того, в статье 4 указано на то, что «никакие действия или деятельность, имеющие место, пока настоящий Договор находится в силе, не образуют основы для заявления, поддержания или отрицания какой-либо претензии на территориальный суверенитет в Антарктике и не создают никаких прав суверенитета в Антарктике»¹⁰. Таким образом, Договор «заморозил» территориальные притязания Великобритании, Аргентины, Чили, Норвегии, Новой Зеландии и других стран на различных части Антарктики.

Рассматриваемая концепция не ограничивается только природными сферами нашей планеты, но также действует и в отношении культурного наследия. Подтверждение этого можно

---

⁸ Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах от 18 декабря 1979 г. // Сборник «Действующее международное право». Т. 3.

⁹ Договор об Антарктике от 1 декабря 1959 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1961. № 31. Ст. 329.

¹⁰ Договор об Антарктике от 1 декабря 1959 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1961. № 31. Ст. 329.

найти в рекомендациях и конвенциях Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (далее ЮНЕСКО)¹¹.

Более того концепция общего наследия человечества может стать основой для решения многих проблем. Озабоченность в последнее время по поводу использования ядерных технологий и ресурсов в военных и мирных целях также привела к скорейшему предложению о том, что ядерные ресурсы находятся в совместном владении и управлении и не принадлежат ни одному государству.

С точки зрения автора, представляется крайне интересным и актуальным аспект распространения концепции общего наследия человечества в сравнительно новой, бурно развивающейся информационной сфере. В минувшем веке развитие радиосвязи поставило вопрос о распределении радиочастот, спектр которых ограничен¹². Современный же этап развития характеризуется возрастающей ролью информационной сферы, представляющей собой совокупность информации, информационной инфраструктуры, субъектов, осуществляющих сбор, формирование, распространение и использование информации, а также системы регулирования возникающих при этом отношений. Мировое сообщество постепенно приходит к пониманию того, что противостоять угрозам в информационном пространстве необходимо совместными усилиями, что уже само по себе является шагом к восприятию информационной сферы как «достоинства» всего человечества.

Говоря о практическом применении концепции общего наследия человечества в различных сферах, необходимо понимать саму сущность рассматриваемого феномена.

Безусловно, данная концепция обладает рядом специфических положительных (зачастую весьма утопических) признаков. Во-первых, она носит исключительно мирный характер, то есть предполагает всякое исключение военных действий в

---

¹¹ Гайбуллаева Л.И. Международно-правовая защита объектов материального культурного наследия // Актуальные проблемы права: материалы III Международной научной конференции. М., 2014.

¹² Авхадеев В.Р. Антарктика и концепция общего наследия человечества // Социально-экономические и технические системы. КамПИ, 2006. № 13.

отношении объектов. Во-вторых, реализация концепции общего наследия человечества имеет перспективную направленность, нацеленность на будущие поколения. В-третьих, получение выгоды от использования общего достояния должно производиться на справедливой и недискриминационной основе, учитывая интересы как развитых, так и развивающихся стран.

Однако концепция общего наследия человечества не является идеальной и имеет несколько дискуссионных моментов. Во-первых, отсутствие субъекта, императивно определяющего интересы мирового сообщества и формирующего в связи с ними направления международно-правового регулирования объектов. Касаясь водного пространства ранее упомянутый мальтийский посол А. Пардо в своем меморандуме предполагал для реализации данных принципов заключение договора, который должен предусматривать создание международного агентства для принятия юрисдикции в качестве попечителя над морским дном и дном океана, лежащими за пределами национальных юрисдикций. На данный момент такое «агентство» представлено в виде Международного органа по морскому дну, но остается открытым вопрос о степени обязательности его решений в случае нарушения международных норм.

Что же касается иных областей, то неопределенность ответственного субъекта в них еще значительнее. Определение субъекта весьма проблематично в силу того, что государства в определенных случаях не желают поступиться своими интересами в угоду общемировым интересам.

В то же время в не менее актуальном информационном пространстве также есть проблема конкретизации субъекта. Сегодня в таких государствах, как Китай, Корейская Народно-Демократическая Республика, в связи с их политическим курсом функционирует автономная система Интернета. С недавнего времени к этому стремится и Россия. В остальной же развитой части мира наблюдается американизация информационных платформ в целом и глобальной сети Интернет, в частности.

Во-вторых, весьма революционным, по мнению автора, становится раскрытие вопроса об объекте концепции общего наследия человечества. Изначально данная концепция была ориентирована

на объекты, расположенные за территориальными пределами государств. В современной интерпретации территориальное размещение не имеет столь важного значения. Поэтому концепция общего наследия человечества неизбежно ставит вопрос о ее влиянии на суверенитет государства и его территориальное верховенство, о том, что данные понятия не являются «абсолютными». Соответственно, правовые ограничения государственной власти в международном контексте ставят вопрос об установлении относительного характера суверенитета, включая частичную функционализацию государственной территории, а в определенных случаях и ресурсов. В качестве примера можно привести Конвенцию ЮНЕСКО о культурном наследии от 16 ноября 1972 г., определяющую необходимость сохранения определенных объектов в интересах всего человечества в силу их высокой ценности, а также Конвенцию о биологическом разнообразии от 5 июня 1992 г., возлагающую на государства обязательство по нанесению ущерба окружающей среде других государств или районов за пределами действия национальной юрисдикции. Таким образом, думается, что суверенитет не абсолютен, и у государства нет права исключительно по своему усмотрению распорядиться всей своей территорией и находящимися на ней ресурсами. Следовательно, автор смеет предположить, что некоторые основополагающие принципы международного права, в частности, принцип суверенного равенства государства, равноправия и самоопределения народов, невмешательства в дела, входящие во внутреннюю компетенцию государства, под влиянием концепции общего наследия человечества в какой-то степени становятся имманентными.

Концепция общего наследия человечества, являясь относительно новым международно-правовым режимом и нося интеграционный и справедливый характер, оказывает значительное влияние на регулирование различных по своей природе объектов, а ее модификации и расширение сферы распространения способны затронуть подход к основным понятиям в международном праве. Однако для успешного практического применения данной концепции потребуются время и определенные перемены в политическом курсе государств, в правосознании людей в целом.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ УСЫНОВЛЕНИЯ ИНОСТРАНЦАМИ ГРАЖДАН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Прокудина Юлия Николаевна

*студентка Высшей школы юриспруденции
Санкт-Петербургского политехнического университета
prokudinaj@rambler.ru*

8 февраля 2019 года министром Просвещения Российской Федерации был внесен в Правительство России законопроект об изменении процедуры усыновления несовершеннолетних. Общеизвестный факт, что процедура усыновления является сложным и долговременным процессом. Более 40 тысяч детей в Российской Федерации остаются без попечения родителей и хотят обрести новый дом. Но многие боятся идти на подобный шаг не из-за груза ответственности за чужого ребенка, а из-за сложности реализации данного процесса. Но если усыновления внутри страны – долговременный и затруднительный процесс, то международное усыновление еще более проблематичное явление из-за его субъектного состава. Потому что данный тип осложняется правовыми нормами другого государства.

В национальном законодательстве усыновление или удочерение признается приоритетной формой устройства детей, оставшихся без попечения родителей. В ст. 124 Семейного Кодекса Российской Федерации (СК РФ) установлено, что данный процесс допускается иностранными гражданами или лицами без гражданства только в случаях, если не предоставляется возможность передать этих детей на воспитание в семьи граждан Российской Федерации, либо на усыновление родственникам детей независимо от гражданства и места жительства этих родственников¹. Как же быстро и своевременно понять, что устройство русского ребенка невозможно в русскую семью? Как учесть

---

¹ Федеральный закон от 29 декабря 1995 г. «Семейный Кодекс Российской Федерации» // Российская газета 22 октября 2007 г. №33

«желательность преимущества воспитания ребенка и его этническое происхождение, религиозную и культурную принадлежность и родной язык» и при этом дать ребенку надежду на создание новой семьи?

Вопрос усыновления иностранными гражданами и лицами без гражданства русских детей всегда был остер и злободневен. Во многих иностранных государствах процедура усыновления реализуется сложнее, чем в России. Например, в Германии усыновляемый должен «влииться» в новую семью, как в родную, поэтому ребенку необходимо прекратить все контакты с биологическими родителями. Усыновление в немецком государстве возможно только обоими супругами. Предельный возраст усыновителей должен быть 21 год для женщин и 25 – для мужчин. В германском законодательстве есть возможность признать усыновление недействительным, в российском государстве данного решения нет.

Во Франции для осуществления процедуры простого усыновления необходимо согласие его биологических родителей. Кроме того, судья должен получить не просто согласие ребенка на усыновление, но и установить характер сложившихся между ним и усыновляемым отношений. Данная норма императивно закреплена в Гражданском кодексе Франции «Могут быть усыновлены только дети, знакомые с усыновителями в течение, по меньшей мере, шести месяцев».

В США нет единого подхода к вопросу усыновления: каждый штат решает его самостоятельно. В США усыновление ребенка возможно только для определенных категорий жителей США. Семейная пара должна быть в браке не менее двух лет. Если усыновлять собирается одинокий человек, его возраст минимальный - 25 лет, уровень дохода семьи или одинокого усыновителя должен на 25 % превышать средний уровень дохода данного региона США. Также каждый претендент на усыновление обязан сдать отпечатки пальцев и пройти проверку в полиции и ФБР².

---

² Печкунова М.С. Правовые основы усыновления детей иностранными гражданами, по законодательству Российской Федерации //Гуманитарные научные исследования. 2018, №3 [Электронный ресурс]. URL: <http://human.snauka.ru/2018/03/24864> (дата обращения: 20.03.2019).

В 2015 году процент усыновление детей не гражданами Российской Федерации составило 11 %. При этом самыми популярными странами, граждане которых усыновляли или удочеряли русских детей стали Италия, Испания, Франция, Германия.

Правовое регулирование в области усыновления осуществляется с помощью международной Конвенции о защите детей и сотрудничестве в отношении иностранного усыновления, принятой в Гааге 29 мая 1993 г. и подписанной Российской Федерацией 7 сентября 2000 года. Однако данный международный договор не ратифицирован Россией, поэтому юридической силы не имеет.

Как пишет юрист А.В. Чешев: «Процедура международного усыновления требует повышенного внимания, поскольку усыновляемые дети передаются на воспитание в семьи иностранных граждан, как правило, на территорию другого государства»³. Это обуславливается необходимостью формирования особого порядка международного усыновления и системы мер контроля за усыновленными детьми в целях защиты их прав и законных интересов на территории иностранного государства. Сложность правового регулирования данных семейных правоотношений обуславливается тем, что их участники имеют гражданство двух и более государств. А, значит, обязаны соблюдать и собственное законодательство.

Существует ряд ограничений, которые не дают возможность предполагаемым усыновителям дать ребенку хорошую обстановку для полноценного и всестороннего развития, не смогут предоставить ему необходимое образование, заботу или даже любви. На сегодняшний день усыновителями в Российской Федерации способны стать все совершеннолетние лица, но есть исключения.

При заключении международного усыновления, органы опеки обязаны проверить нормы законодательства на факт законности. Ведь во многих государствах предельный возраст составляет 21-25 лет. И в случае несоблюдения международной нормы,

---

³ Чешев А.В. Правовые основы усыновления иностранными гражданами российский детей // Legal Concept 2010. С. 4.

если в законодательстве существует основание признания усыновления недействительным, как будет реализовывать решение суда на территории нашего государства?

Следует отметить, что в практике встречаются случаи, когда усыновление детей, связано злоупотреблением должностными полномочиями, с взяточничеством, фальсификацией документов и прочими незаконными действиями со стороны будущих опекунов.

При усыновлении/удочерении детей могут возникать альтернативы, связанные с обеспечением безопасности детей-граждан России (или иного государства), усыновленных/удочеренных иностранными гражданами⁴. Помимо этого, незаконными являются действия по усыновлению (удочерению) детей, передаче их под опеку (попечительство), на воспитание в приемные семьи, совершенные в нарушение установленного законом Российской Федерации порядка.

С 2013 года в России установлен запрет по усыновлению детей иностранными гражданами, а именно гражданами США. С одной стороны, причинно-следственную связь в данном юридическом факте понять можно. Но не нарушает ли это международные нормы, касающиеся прав ребенка? В пункте 1 ст. 20 Конвенции о правах ребенка, ратифицированной Верховным Советом СССР 13.06.1990 г., зафиксировано: «Ребенок, который временно или постоянно лишен своего семейного окружения или который в его собственных наилучших интересах не может оставаться в таком окружении, имеет право на особую защиту и помощь, предоставляемые государством». Согласно 21 ст. данного международного договора, международное усыновление признается альтернативным способом внутрисоциального усыновления. Но Федеральный закон Российской Федерации от 28 декабря 2012 года № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека,

---

⁴ Балащенко А.И., Нелина В.И. Проблемы усыновления российских детей иностранными гражданами. Усыновление в России URL: <https://sibac.info/studconf/science/xvi/70009> (дата обращения: 20.03.2019 г.).

прав и свобод гражданина Российской Федерации» нарушает выше упомянутую международную норму.

Таким образом, такое явление как международное усыновление имеет ряд правовых проблем и преград. Несмотря на то, что за последние годы в национальное законодательство были внесены изменения, касающиеся усыновления, пути преодоления устоявшихся проблем не были решены. Принятие закона «Димы Яковлева» с одной стороны, создало базис для защиты прав и законных интересов детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, ограничив право граждан США усыновлять детей Российской Федерации. Но, с другой стороны, данный закон вызвал массу споров и дискуссий о нарушении международных норм, в частности, Соглашения между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о сотрудничестве в области усыновления (удочерения) детей.

Последствием вступления в силу выше упомянутого закона стало обращение в Европейский суд по правам человека американских усыновителей, в отношении которых были начаты, но не завершены в 2012 г. процедуры принятия российскими судами решений об усыновлении российских детей. 17 января 2017 г. Европейским судом было принято решение, согласно которому запрет России на усыновление детей дискриминирует потенциальных родителей из США. «В частности, запрет не позволил принять российских детей в США по признаку национальной принадлежности заявителей, и был применен независимо от статуса процедуры усыновления ребенка», – говорится в документе. В пользу 45 американских истцов, которым было отказано в усыновлении детей, несмотря на то, что они уже начали эту процедуру, в соответствии с решением суда Россия в качестве покрытия морального ущерба должна выплатить 75 тыс. евро⁵.

Также одна из проблем – международное незаконное усыновление, связанное с нарушением национального и международного права. Причинами нарушений служит злоупотребление

---

⁵ Россию осудили не по-детски. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2017/01/17/10479515.shtml>.

должностными полномочиями, с взяточничеством, фальсификация документов и прочие незаконные действия со стороны будущих опекунов. Например, усыновление братьев и сестер разными семьями, нарушение приоритета усыновления, умолчание, заведомо ложное предоставление сведений об обстоятельствах, отнесенных к усыновлению.

В связи со внесением изменений в скором времени в законодательство в области усыновления, возможно, какие-то из этих аспектов правового регулирования устроятся. Но необходимо детально регламентировать требования, предъявляемые к иностранным гражданам и лицам без гражданства, желающим усыновить российских детей, а также при решении судебных споров о вопросах усыновления не забывать о нормах законодательства стран гражданской принадлежности потенциального усыновителя. Также необходимо ввести на законодательном уровне такое правовое понятие как «незаконное усыновление», которое будет признаваться в судебном порядке.

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОМИССИИ МЕЖДУНАРОДНОГО
ПРАВА ООН ПО КОДИФИКАЦИИ
И ПРОГРЕССИВНОМУ РАЗВИТИЮ
ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ПРАВА
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ**

Рахманов Шухрат Наимович

*канд. юрид. наук,
исследователь Лундского Университета (Швеция)
shuxratjon@gmail.com*

Дипломатическое право международных организаций является молодой и динамично развивающейся отраслью международного права, имеющей связь как с дипломатическим и консульским правом, так и правом международных организаций. Формирование дипломатического права международных организаций протекает в рамках процесса кодификации и прогрессивного развития, осуществляемого Организацией Объединенных Наций.

В пункте 1(а) статьи 13 Устава Организации Объединенных Наций предусматривается, что Ассамблея «организует исследования и делает рекомендации в целях ... поощрения прогрессивного развития международного права и его кодификации». Генеральная Ассамблея оперативно приступила к реализации на практике этого положения. На своей первой сессии в 1946 г. она учредила Комитет по прогрессивному развитию международного права и его кодификации (известный под названием «Комитет семнадцати»), который заседал с мая по июнь 1947 г. и рекомендовал учредить Комиссию международного права.

Комиссия международного права является вспомогательным органом Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, цель которого заключается в поощрении прогрессивного развития международного права и его кодификации. Деятельность Комиссии регулируется Положением, содержа-

щимся в приложении к Резолюции 174 (II) Генеральной Ассамблеи от 21 ноября 1947 года (с внесенными поправками).

Ниже проанализируем деятельность как самой ООН, так и Комиссии международного ООН по кодификации и прогрессивному развитию как дипломатического и консульского права в целом, так и дипломатического права международных организаций, в частности.

13 февраля 1946 г. Генеральная Ассамблея ООН на своем 31-м пленарном заседании приняла тексты Конвенции о привилегиях и иммунитетах Объединенных Наций и Соглашения между ООН и США.

Конвенция ООН о привилегиях и иммунитетах Объединенных Наций была подписана 13 октября 1946 г., а соглашение между Организацией Объединенных Наций и Соединенными Штатами о штаб-квартире ООН было подписано 26 июня 1947 г. До этого, 1 июля 1946 г. Организация Объединенных Наций подписала договор с Правительством Швейцарской Конфедерации об учреждениях ООН на территории Швейцарской Конфедерации.

21 ноября 1947 г. Генеральная Ассамблея ООН на своей II сессии утвердила Конвенцию о привилегиях и иммунитетах специализированных учреждений, разработав, таким образом, пакет документов, регламентирующих все аспекты иммунитетов и привилегий самой организации, ее сотрудников, штаб-квартиры и специализированных учреждений. Необходимо отметить о такой немаловажной детали, как то, что многие международные организации, не имеющих своих актов в области иммунитетов и привилегий, пользуются положениями Конвенции 1947 г.

Принятие Конвенции о привилегиях и иммунитетах ООН от 13 февраля 1946 г., и Конвенции о привилегиях и иммунитетах специализированных учреждений ООН от 21 ноября 1947 г.¹ послужило основой возникновения нового института дипломати-

---

¹ Текст конвенций см.: Действующее международное право. В 3-х томах / Составители Ю.М. Колосов и Э.С. Кривчикова. Том 1. – М.: МНИМП, 1999. – С. 620-632.

ческого и консульского права – дипломатического права международных организаций.

В дальнейшем в рамках ООН была продолжена работа по кодификации дипломатического права. Она началась разработкой проекта конвенции о дипломатических сношениях и иммунитете в Комиссии международного права ООН в 1955 г., когда специальным докладчиком комиссии был подготовлен доклад и проект статей о дипломатических сношениях и иммунитетах².

На IX сессии Комиссии международного права ООН в 1957 г. был подготовлен предварительный проект конвенции по этому вопросу, а на X сессии в 1958 г., с учетом замечаний государств-членов ООН, – окончательный проект конвенции³.

По решению Генеральной Ассамблеи ООН, принятому на ее XIV сессии в 1959 г., весной 1961 г. в Вене для рассмотрения этого проекта была созвана международная конференция. Конференция проходила со 2 марта по 14 апреля 1961 г. Конвенция была выработана и принята конференцией большинством в 72 голоса при одном воздержавшемся (Тунис). Против не голосовала ни одна делегация. На этой конференции, на основе проекта, подготовленного Комиссией международного права ООН, была разработана и 18 апреля 1961 г. принята Венская конвенция о дипломатических сношениях⁴. Одновременно с конвенцией были приняты Факультативный протокол о приобретении гражданства и Факультативный протокол об обязательном

---

² Relations et immunités diplomatiques. Rapport présenté par A. E. F. Sandström, rapporteur spécial // Y. United Nations. Yearbook of the International Law Commission, 1955. – New York, 1960. – Vol. II. – P. 9-17.

³ Об этих проектах см. подр.: Тункин Г.И. Вопросы посольского права на IX сессии Комиссии международного права ООН // Ж. Сов. государство и право. – 1957. – № 12. – С. 73-83; Тункин Г.И., Романов В.А. Два проекта Комиссии международного права ООН // Ж. Сов. государство и право. – 1958. – №12. – С. 66-74.

⁴ Романов В.А. Венская конвенция о дипломатических сношениях и основные вопросы кодификации международного права в области дипломатических привилегий и иммунитетов // Ж. Сов. ежегодник международного права. 1961. – М.: Изд-во Академии наук, 1962. – С. 65.

разрешении споров к Венской конвенции о дипломатических сношениях⁵.

В дальнейшем, для кодификации консульского института Генеральная Ассамблея инициировала вопрос о кодификации консульского права, в связи с чем возложила на Комиссию международного права разработку проекта Конвенции о консульских сношениях и иммунитетах⁶.

На своей VII сессии в 1955 г. Комиссия международного права ООН назначила чешского юриста профессора Я. Жоурека специальным докладчиком для подготовки проекта конвенции по этому вопросу⁷.

Проект статей о консульских сношениях и иммунитетах был представлен Комиссии международного права ООН на его IX сессии в 1957 г. специальным докладчиком профессором Я. Жоуреком⁸.

На своей X сессии в 1958 г. Комиссия международного права ООН впервые рассмотрела проект статей о консульских сношениях и иммунитетах, подготовленный профессором Я. Жоуреком⁹.

На своей XI сессии Комиссия международного права ООН, с учетом замечаний государств-членов ООН, продолжила рассмотрение проекта статей о консульских сношениях и имму-

---

⁵ Работа Комиссии международного права. Изд. 5-е. – Нью-Йорк: ООН, 1997. – С. 301-315.

⁶ Следует отметить, что еще в 1946 г. Комиссия международного права, составляя перечень отраслей права, по которым следовало бы провести работу по кодификации, включила в него вопрос «Консульские сношения и иммунитеты» // Хлестов О.Н. Венская конференция ООН 1963 г. по консульским сношениям // Сов. государство и право. – М., 1963. – № 11. – С. 114.

⁷ Хлестов О.Н. Венская конференция ООН 1963 г. по консульским сношениям // Сов. государство и право. – М., 1963. – № 11. – С. 114.

⁸ Тункин Г.И., Романов В.А. Два проекта Комиссии международного права ООН // Сов. государство и право. – М., 1958. – № 12. – С. 66.

⁹ См. Тункин Г.И., Романов В.А. Два проекта Комиссии международного права ООН // Сов. государство и право. – М., 1958. – № 12. – С. 66-74.

нитетах, в частности, были рассмотрены первые 19 статей проекта, в которых речь шла об установлении консульских отношений, учреждении консульств, назначении и признании консулов, характере консульских функций¹⁰.

XII сессия Комиссии международного права ООН состоялась с 25 апреля по 1 июля 1960 г. Основным вопросом, который занял почти всю сессию комиссии, был вопрос о консульских сношениях и иммунитетах. В дополнение к первоначальному проекту специальный докладчик представил XII сессии 13 новых статей. Эти статьи были составлены с учетом положений проекта статей о дипломатических сношениях и иммунитетах, принятого комиссией в 1958 г. В общей сложности XII сессия обсудила 41 статью¹¹. В конце своей сессии Комиссия решила направить проект статей о консульских сношениях правительствам государств-членов ООН для ознакомления и комментариев, и в 1961 г. на своей XII сессии закончить выработку проекта статей о консульских сношениях и иммунитетах с учетом поступивших замечаний и предложений¹².

В сентябре 1960 г. проект статей о консульских сношениях был направлен правительствам государств-членов ООН для ознакомления и комментариев¹³. Как справедливо отмечал юрист-международник О.Н. Хлестов, «проект явился удачной попыткой кодификации и прогрессивного развития норм международного права, регламентирующих консульские отношения между государствами, и создавал хорошую базу для

---

¹⁰ Тункин Г.И., Быков Д.В. Проект кодекса консульского права: К итогам XII сессии Комиссии международного права ООН // Сов. государство и право. – М., 1961. – № 1. – С. 56.

¹¹ Тункин Г.И., Быков Д.В. Проект кодекса консульского права: К итогам XII сессии Комиссии международного права ООН // Сов. государство и право. – М., 1961. – № 1. – С. 56.

¹² Тункин Г.И., Быков Д.В. Проект кодекса консульского права: К итогам XII сессии Комиссии международного права ООН // Сов. государство и право. – М., 1961. – № 1. – С. 66.

¹³ Консульское право и консульская служба: Учебник / Отв. ред. М.А. Сарсембаев. – Алматы: Данекер, 2000. – С. 72.

заклучения конвенции по этому вопросу»¹⁴, что, в свою очередь, способствовало бы «развитию дружественных отношений между нациями независимо от различий в их конституционных и социальных системах»¹⁵.

В 1961 г. XIII сессия Комиссии международного права Организации Объединенных Наций одобрила проект Конвенции и представила его на XVI сессию Генеральной Ассамблеи ООН¹⁶.

Государства-члены, рассмотрев в XVI сессии Генеральной Ассамблеи ООН доклад Комиссии международного права относительно проделанной ею работы, приняли Резолюцию 1685 (XVI) о созыве международной конференции полномочных представителей правительств для рассмотрения вопроса о консульских отношениях и выработки соответствующей конвенции. При этом Генеральная Ассамблея, отметив, что «проект статей о консульских сношениях, выработанный Комиссией международного права, образует пригодную основу для разработки конвенции...», решила передать его конференции в качестве основы для обсуждения¹⁷. Таким образом, как справедливо отмечал юрист-международник О.Н. Хлестов, «делегации,

---

¹⁴ Хлестов О.Н. Венская конференция ООН 1963 г. по консульским сношениям // Сов. государство и право. – М., 1963. – № 11. – С. 114.

¹⁵ Пункт 6 Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН № 1685 (XVI) от 18 декабря 1961 г. (XVI сессия Генеральной Ассамблеи ООН).

¹⁶ Проект конвенции, подготовленный Комиссией международного права ООН на базе двусторонних соглашений по консульским вопросам и практики государств в этой области с использованием проектов конвенций и материалов, которые были разработаны в прошлом при попытках кодифицировать консульское право, состоял из четырех глав что без изменений в количестве, но с незначительными изменениями в названиях нашло отражение в окончательном тексте конвенции // Текст проекта конвенции о консульских отношениях, составленный Комиссией международного права ООН в 1961 г. на XIII сессии, см.: Блищенко И.П., Дурденевский В.Н. Дипломатическое и консульское право. – М.: Изд-во института международных отношений, 1973.

¹⁷ Пункт 5 Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН № 1685 (XVI) от 18 декабря 1961 г. (XVI сессия Генеральной Ассамблеи ООН).

прибывшие в Вену для участия в конференции, имели хорошо разработанный документ – проект конвенции...»¹⁸.

По решению Генеральной Ассамблеи ООН, принятому на ее XVI сессии в 1961 г., весной 1963 г. в Вене для рассмотрения этого проекта была созвана международная конференция, проходившая с начала марта по конец апреля 1963 г.¹⁹. Конференция ООН по консульским сношениям была наиболее многочисленной из конференций по правовым вопросам, которые проводились по линии ООН с момента образования²⁰. В ее работе приняли участие 92 государства, три государства – Боливия, Гватемала и Парагвай – были представлены наблюдателями. Кроме того, присутствовали наблюдатели от ряда специализированных учреждений ООН и заинтересованных международных организаций²¹. Как отмечается в диссертационной работе Ю.Д. Ильина, «это стало первой действительной попыткой в деле прогрессивной кодификации консульского права, выраженного в принятии универсальной отраслевой конвенции»²².

24 апреля 1963 г. в Вене на дипломатической конференции уполномоченных представителей была принята Венская конвенция о консульских сношениях (вступила в силу 19 марта 1967 г.)²³.

---

¹⁸ Хлестов О.Н. Венская конференция ООН 1963 г. по консульским сношениям // Сов. государство и право. – М., 1963. – № 11. – С. 114.

¹⁹ Official records of the diplomatic conference of the consular relations und immunities, Vienna, 1961-1963. – Vienna: United Nations, 1963. Vol. 2. – P. 4-5.

²⁰ Для сравнения, в первой конференции ООН по морскому праву в 1958 г. участвовали 86 государств, во второй конференции ООН по морскому праву в 1960 г. – 88 государств; в Венской конференции 1961 г. по дипломатическим сношениям и иммунитетам – 81 государство.

²¹ Хлестов О.Н. Венская конференция ООН 1963 г. по консульским сношениям // Сов. государство и право. – М., 1963. – № 11. – С. 113.

²² Ильин Ю.Д. Основные тенденции в развитии и прогрессивной кодификации современного консульского права: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М.: МГИМО МИД, 1966. – С. 9.

²³ См. подр.: Венская конвенция о консульских сношениях от 24 апреля 1963 г. // Действующее международное право. В 3-х томах / Сост. Ю.М. Колосов и Э.С. Кривчикова. Том 1. – М.: Изд-во Московского независимого института международного права, 1999. – С. 528-562.

Проект конвенции, подготовленный комиссией, не содержал статей о порядке разрешения споров, связанных с толкованием и применением конвенции. Как известно, в последние годы при выработке в рамках ООН многосторонних конвенций по правовым вопросам сложилась практика, при которой вырабатывался факультативный протокол об обязательной юрисдикции Международного суда ООН. В итоге полуторамесячной работы конференция разработала Конвенцию о консульских сношениях, а также два факультативных протокола: об обязательном разрешении споров и о приобретении гражданства сотрудниками консульства²⁴. Поэтому были приняты Факультативный протокол о приобретении гражданства от 24 апреля 1963 г. и Факультативный протокол об обязательном разрешении споров от 24 апреля 1963 г. к Венской конвенции о консульских сношениях 1963 г.²⁵

Генеральная Ассамблея ООН в Резолюции 2780 (XXVI) от 3 декабря 1971 г., считая, что преступления против дипломатических агентов и других лиц, пользующихся международной защитой, угрожают безопасности этих лиц и создают серьезную угрозу поддержанию нормальных отношений между государствами, предложила Комиссии международного права ООН изучить данный вопрос и предложить рекомендации.

Комиссия международного права во исполнение Резолюции 2780 (XXVI) Генеральной Ассамблеи ООН от 3 декабря 1971 г., подготовила доклад, а впоследствии – проект конвенции. 14 декабря 1973 г. Генеральная Ассамблея приняла Конвенцию о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов²⁶.

---

²⁴ Хлестов О.Н. Венская конференция ООН 1963 г. по консульским сношениям // Сов. государство и право. – М., 1963. – № 11. – С. 118.

²⁵ Official records of the diplomatic conference of the consular relations und immunities, Vienna, 1961-1963. Vol. 3. – Vienna: United Nations, 1963. – P. 433-455.

²⁶ Пункт 1 ст. 1 Конвенции о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов от 14 декабря 1973 г. // Международно-правовые основы борьбы с терроризмом: Сборник документов / сост. В.С. Овчинский. – М.: ИНФРА-М, 2003. С. 28.

Генеральная Ассамблея ООН Резолюцией 1289(ХІІІ) «О разработке комплекса вопросов об институте представительства и его конвенционном закреплении» от 5 декабря 1958 г., поручила Комиссии международного права разработать вопрос о конвенционном закреплении института представительства. С этого времени была начата работа по кодификации специальных конвенций по данному вопросу, а также по разработке общих принципов дипломатического статуса представительств государств при международных организациях²⁷.

Комиссия международного права разработала полный текст проекта статей о представительстве государств в их отношениях с межправительственными организациями в два этапа, с 4 мая по 10 июля 1970 г., на своей XXII сессии – приняла в первом чтении, а на XXIII сессии – во втором чтении. В 1971 г. Комиссия международного права окончательно разработала проект статей о представительстве государств в их сношениях с международными организациями²⁸.

С 4 февраля по 14 марта 1975 г. в Вене по решению Генеральной Ассамблеи ООН была проведена международная конференция ООН по вопросу о представительстве государств в их отношениях с международными организациями²⁹.

Комиссия международного права представила проект Конвенции о представительстве государств в их отношениях с международными организациями, в целом вполне приемлемый для делегаций участвующих стран, т.к. он соответствовал уже сложившейся на тот период международно-правовой и дипломатической практике.

Конвенция была открыта для подписания в Вене до 30 сентября 1975 г., а затем до 30 марта 1976 г. – в центральных

---

²⁷ Богданов О.В. Штаб-квартира ООН в Нью-Йорке (международно-правовые аспекты). – М.: Международные отношения, 1976. – С. 80.

²⁸ Мовчан А.П. Кодификация и прогрессивное развитие международного права. – М., 1972. – С. 210; Блищенко И.П., Жданов Н.В. Принцип неприкосновенности дипломатического агента // Сов. ежегодник международного права. 1973. – М.: Наука, 1975. – С. 191.

²⁹ Кузнецов С.А. Представители государств в международных организациях. – М.: Международные отношения, 1980. – С. 36.

учреждениях ООН в Нью-Йорке. Она вступит в силу на тридцатый день после сдачи на хранение 35-й ратификационной грамоты или 35-го документа о присоединении³⁰.

Таким образом, можем увидеть, что на всех этапах кодификации и прогрессивного развития, как дипломатического и консульского права, так и дипломатического права международных организаций, Комиссия международного права ООН принимала активное участие, и почти все конвенционные акты были разработаны именно Комиссией.

Вместе с тем, считается, что в настоящий период требуется активизация деятельности Комиссии международного права ООН в области именно прогрессивного развития дипломатического права международных организаций. В частности, появление новых форм и протоколов связи, в особенности беспроводной, таких как, *WiFi, Bluetooth, NFC, 4G и 5G*, опτικο-волоконных сетей требует коренного пересмотра существующих конвенций и договоров. Кроме того, активное расширение числа международных организаций, расширение числа их персонала, т.е. международных должностных лиц, также требует пересмотра существующих договорных основ в сторону укрепления самостоятельности и автономности международных организаций, наделения их действительной правосубъектностью. Также требует особого внимания вопрос о недопущении вмешательства принимающих государств в деятельность международных организаций, для предотвращения которого необходимо размещать органы международных организаций в различных государствах-членах, а не в одной, как на примере множества международных организаций, в частности ООН.

Также считаем актуальным и злободневным вопрос о развитии кодификации дипломатического права международных организаций со стороны Комиссии международного права ООН, который фактически остановился после принятия Конвенции о персонале ООН и связанного с ней персонала 1994 г. и протокола к нему. Видится актуальной разработка единой конвенции о сношениях международных организаций по модели Венской конвенции о дипломатических сношениях.

---

³⁰ На сегодняшний день Конвенция не вступила в силу.

УСТНЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ДОГОВОРЫ В СИСТЕМЕ ИСТОЧНИКОВ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Ромашев Юрий Сергеевич

доктор юридических наук, профессор,
профессор департамента общих и межотраслевых
юридических дисциплин факультета права
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
romashev_us@mail.ru

В науке международного права недостаточно внимания уделяется устным международным договорам. Это обусловлено, прежде всего, низкой активностью их использования по сравнению с письменными международными договорами, определенным недоверием к ним, как правило, отсутствием гласности при их заключении, сложностями идентификации среди других соглашений, а также проблемами, связанными с определением их юридической обязательности.

Нередко устные международные договоры именуют «джентльменскими соглашениями» (англ. *gentlemen's agreement*). Данное понятие используется для обозначения различных актов – от морально-политических до международно-правовых обязательств¹. В практике международных отношений для обозначения такого рода соглашений используют также термины «моральные соглашения», «политические соглашения», «нормативные джентльменские соглашения», «не обязывающие соглашения», «необязательные соглашения», «соглашения, лишённые юридической силы», «незаконные или неправовые соглашения», «соглашения *de facto*», «соглашения мягкого права», «международные договоренности»² и др.

---

¹ Лукашук И.И. Современное право международных договоров. Том I. Заключение международных договоров: в 2 т.: М.: «Волтерс Клувер», 2004. С. 540.

² Klabbbers Jan. The Concept of Treaty in International Law. The Hague/London/Boston: Kluwer Law International, 1996. P. 18.

В целом сложилась устойчивая давняя практика заключения устных международных договоров. По сравнению с письменными международными договорами они более мобильны. Они могут гибко учитывать текущие потребности межгосударственных отношений. При этом существует возможность пересмотра их положений при изменении обстоятельств³. Использование устных международных договоров позволяет ускорить и упростить процедуру принятия небольших по объему международных договоров. Заключившие их стороны могут более свободно устанавливать пределы своих действий. Такого рода договоры не требуют ратификации в законодательных органах своих государств, если соответствуют национальным законам его участников. Применение на практике такого источника права нередко позволяло избегать негативных внутривнутриполитических дискуссий.

Проблематика устных международных договоров редко рассматривается в работах ученых как в нашей стране, так и за рубежом. В учебниках по международному праву им также уделяется не так много внимания⁴. Основное внимание, как правило, сосредотачивается на письменных международных договорах.

В доктрине международного права в отношении данного правового источника самые различные точки зрения: от его неприятия – до полного или частичного одобрения. Вместе с тем, существование устных международных договоров, подтверждено практикой отношений на международной арене. Данный вопрос нашел отражение в Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., довольно часто становился предметом

---

³ *Lipson Ch. Why are some international agreements informal? // International Organization. Vol. 45, No. 4 (Autumn, 1991). P. 501.*

⁴ *Международное право: учебник/ под общ. ред. А.В. Капустина. М.: Гардприки, 2008. 617 с.; Международное право: Учебник// отв. ред. д.ю.н., проф. С.А. Егоров. М.: Статут, 2016. 848 с.; Международное право: Учебник// отв. ред. Б.Р. Тузмухамедов. 4-е изд., перераб. М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. 576 с. и др.*

обсуждения в Комиссии международного права⁵. На наш взгляд, сложилась обычная норма международного права об их наличии.

Нередко критика устных международных договоров, была обусловлена «закулисной» их заключения, что они является инструментом тайной дипломатии в ущерб слабым в экономическом, политическом и военном отношении государствах. Вместе с тем, неприятие негласных международных договоров не может, на наш взгляд, лишать государства возможности заключать не противоречащие основным принципам международного права, императивным нормам общего международного права (*jus cogens*) договоры, носящие конфиденциальный характер.

В соответствии со статьей 102 Устава ООН на такого рода неопубликованные и не зарегистрированные в этой организации международные договоры, его стороны не могут ссылаться ни в одном из ее органов, в том числе в Международном Суде. Участники устных международных договоров этой цели и не преследуют, т.к., заключая не всегда гласные договоры, они стремятся не снижать их полезный эффект и не нанести ущерб национальным интересам друг друга. Официальные международные разбирательства им, наверное, также не нужны. Нерегистрация устного или иного международного договора, отсутствие его промульгации не лишают как письменный, так и устный международный договор юридической силы. Этот вывод можно встретить и в доктрине международного права.

Источниками права устных международных договоров в своей основе пока являются обычные нормы международного права, как и в целом источниками общего права международных договоров. В договорном праве содержится не так много специальных норм, посвященных такого рода международным договорам. В частности, о наличии устных международных договоров можно встретить в Конвенции о праве международных договоров 1969 г. Согласно ее статье 3 тот факт, что настоящая Конвенция не применяется к международным соглашениям не в пись-

---

⁵ Документ ООН Doc. A/CN.4/101. March 14. 1956. Art. 1 (1).

менной форме, не затрагивает юридической силы таких соглашений. Однако, нельзя считать, что данная Конвенция закрепила возможность существования устных международных договоров и отметила их юридическую силу. Устные международные договоры заключались и ранее, до принятия данной Конвенции.

Как в теории, так и в практике международных отношений наиболее проблемными вопросами являются выявление устного международного договора среди простых соглашений или договоренностей между их сторонами, как политических, личных, так и иных не являющихся юридически обязательными.

Нельзя отождествлять джентльменские соглашения по личным, частным вопросам, с соглашениями, создающими правоотношения между государствами, иными субъектами международного права. Недопустимо ставить между ними равенство.

Устное соглашение в своей основе всегда основывалось на моральной ответственности тех, кто их давал, на честном слове. В случае невыполнения одной из сторон такого соглашения, подрывался ее авторитет. Нарушитель терпел не просто моральные, но и политические издержки. Появлялись сомнения в том, что с ним нельзя о чем-либо договариваться в устной форме. В отношениях с таким партнером в дальнейшем проявлялась особая осторожность.

На наш взгляд, основными признаками устного международного договора, которые позволяют отличить его от обычного соглашения или простой договоренности, не имеющих юридически обязательный характер, являются – намерение сторон заключить такого рода договор, обеспечиваемого принудительной силой государства, иного субъекта международного права по реализации его положений. Об этом говорится и в Справочном руководстве сборника договоров ООН, где особо подчеркивается, что хотя устные соглашения могут быть редкими, они могут иметь такую же обязательную силу, что и договоры, в зависимости от намерения сторон⁶. И.И. Лукашук также подчеркивал, что

---

⁶ United Nations Treaty Collection (Treaty Reference Guide). URL: https://www.gc.noaa.gov/documents/gcil_treaty_guide.pdf (дата обращения: 10.09.2018).

важно выраженное намерение заключить договор⁷. Однако при этом должна иметь место убежденность его участников в юридической силе такого соглашения, его положений. Поэтому, при идентификации устных международных договоров, прежде всего, необходимо знать каких установок придерживаются его стороны. Тогда и споры относительно наименований такого рода соглашений не имеют смысла. Так, доказательством заключения устного международного договора может служить предложение одной из сторон не заключать письменный международный договор, а довольствоваться джентльменским соглашением такой же юридической силы.

В зависимости от уровня заключения, устные международные договоры можно подразделять на традиционные виды – межгосударственные, межправительственные и международные договоры межведомственного характера. Они могут быть как двусторонними, так и многосторонними. Однако, как показывает практика, чаще всего, заключаются двусторонние договоры, его участниками становится ограниченное число государств.

Устные международные договоры относятся к разновидностям договоров, заключенных в упрощенной форме. Т.е. они не являются классическими и, как правило, регулируют какой-либо узкий вопрос межгосударственных отношений и нередко содержат небольшое количество норм и даже могут содержать какое-либо одно обязательство. Устные международные договоры могут представлять собой и индивидуальные акты, содержать в том числе положения рекомендательного характера.

Как правило, устные международные договоры рассчитаны на небольшой срок, довольно часто на разовые события. Это обусловлено тем, что часто зависят от политического доверия государств и их представителей. А такого рода отношения как показывает практика не долговременны.

---

⁷ Лукашук И.И. Современное право международных договоров. Том I. Заключение международных договоров: в 2 т.: М.: «Волтерс Клувер», 2004. С. 533.

Для устных международных договоров несвойственна процедура заключения письменных договоров. Она регулируется нормами общего международного права. На внутригосударственном уровне такой вопрос довольно редко регулируется законодательством государства.

Теоретически устный международный договор может быть изменен его сторонами. Он может прекратить свое существование если стороны согласны на это, а также в случае коренного изменения обстоятельств, при которых договор был заключен. Устный международный договор может быть прекращен в случае существенного невыполнения одной из сторон его положений.

Исключительно законодательство конкретного государства определяет способ, с помощью которого устные международные договоры становятся частью правовой системы государства, в частности, путем текстуального включения его положений во внутригосударственное право. Они могут найти отражение в отдельных международных документах (коммюнике, письменные заявления, протоколы по результатам переговоров и т.п.). Их можно также встретить в международных документах в виде ссылок, указывающих на их существование. Однако, это не меняет их устный характер. По мнению С.В. Черниченко, они служат доказательством заключения такого рода договоров, передавая их содержание⁸.

Опубликование устных международных договоров, т.е. способ промульгации, также определяется самим государством. В 1982 г. Конгресс США принял поправку в закон о публикации международных договоров 1972 г., в котором был установлен порядок письменного закрепления устных соглашений.

Вышеизложенное, анализ практики заключения устных международных договоров, международные обычаи и доктрины ученых в данной области, потребности активизации использования этого уникального источника международного права, введения его в международный оборот, позволяет заключить, что такого рода договоры, на наш взгляд, должны:

---

⁸ Черниченко С.В. Контуры международного права. Общие вопросы. М.: «Научная книга», 2014. С. 125.

- соответствовать общепризнанным принципам международного права;
- не противоречить Уставу ООН, как и письменные международные договоры членов этой международной организации;
- не противоречить законодательству государств-участников;
- заключаться в рамках полномочий должностных лиц, предоставляемых национальным законодательством и международным правом.

Важным обстоятельством является то, что при заключении таких международных договоров смена представляющих государство, иных субъектов международного права должностных лиц, не должна влечь за собой прекращения международных обязательств. Сторона такого договора может быть не связана договорными обязательствами, если другая ссылается на него как на личные обязательства предшественников.

Намерение сторон заключить устный международный договор, их убежденность в его юридической силе являются основными признаками, позволяющими выделить такого рода договор, от иных устных международных соглашений и договоренностей, не имеющих юридически обязательную силу. Об этом сторонам важно обращать внимание при заключении устных международных договоров.

Предлагается ввести в научный оборот и практику межгосударственных отношений следующее определение рассмотренного источника международного права: устный международный договор – это юридически-обязательное международное соглашение, заключенное между государствами, иными субъектами международного права их уполномоченными представителями в устной форме и регулируемое международным правом, независимо от его конкретного наименования и возможного его дальнейшего документального закрепления, призванное регулировать межгосударственные отношения, и обеспечиваемое принудительной силой заключивших его субъектов международного права.

ВСЕЛЕНСКИЕ СОБОРЫ ПЕРВОГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н.Э. КАК ПРООБРАЗ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ

Рыбаулин Владимир Александрович

студент
vovr98@yandex.ru

Вера в том или ином виде всегда играла наиважнейшую роль в развитии и вообще существовании общества и человека как индивида. Наиболее на данный момент устойчивая и, по воздействию на личность и общество, совершенная вера – это вера, объективированная религией. Наиболее это прослеживается при рассмотрении религий авраамических, в апогее породивших христианский институт церкви-посредника между человеком и Богом, отсутствующий в иных религиях. Таким образом, религия возвела веру в ранг института прямого управления обществом и человеком, во многом предвосхитив те институты, которые появились столетия и даже тысячелетия спустя, в частности, в праве – современном наиболее эффективном общественном регуляторе. Кроме очевидной связи канонического права с семейным и некоторыми иными отраслями, существуют элементы, которые, можно сказать, во многом обусловили современное международное право, формы осуществления мирного взаимодействия между государствами. Речь пойдет о двух взаимосвязанных явлениях первого тысячелетия нашей эры: символах веры и Вселенских соборах, на которых эти символы веры принимались.

Почему только 1-го тысячелетия? Ведь многие важные политические и религиозные решения были приняты уже во втором тысячелетии, когда Папское Государство укрепилось в своей власти в средневековом мире – взять хотя бы Никейский собор 1054 года, завершивший Церковный раскол христианской Церкви. Дело в том, что только Соборы первого тысячелетия можно именовать действительно межгосударственными и истинно вселенскими. Если же мы обратимся к более поздним

соборам, то обнаружим, что, во-первых, в них, зачастую, принимали участие далеко не все католические иерархи, не говоря уже о представителях иных христианских ответвлений; во-вторых, с развитием возможностей перемещения и расселением и миграцией народов, а также развитием государств и дипломатии, для европейского человека стали доступны для постоянного контакта совершенно иные культуры и народы, никогда не придерживавшиеся христианских догм и, тем более, христианской веры, соответственно Вселенские соборы уже становились, фактически, не вселенскими, а носили локальный европейский характер; в-третьих, достаточно часто, религиозные соборы второго тысячелетия решали вопросы чисто догматического характера или были просто элементом борьбы за папский престол – их решения не выплескивались за пределы Святого Престола. Для Соборов же первого тысячелетия была характерна и всемирность, и действительная всецерковность, и международная политическая острота, и синкретичность вопросов религии, политики и права, и, наконец, подавляющее большинство Символов Веры были приняты именно в первом тысячелетии – и именно эти символы веры не просто утверждали ту или иную религиозную догму, но и выступали легитимизирующими актами религиозной и светской власти Папы Римского или же Императора Византии через Византийского Патриарха. Таким образом, именно первое тысячелетие интересно с точки зрения влияния и предвосхищения этими соборами международно-правовых институтов.

Теперь стоит сказать о том, почему настолько важно рассматривать эти как бы международные соборы и акты в рамках исследования международного права как такового. Как уже было сказано, Церковь, объективированная папой и Святым Престолом, мысля себя как вселенскую и единственно доминирующую над всеми иными властями организацию, во многом предвосхитила сформировавшиеся гораздо позже институты международного права – папство само по себе мыслило себя наднациональным, наднациональным. Уже этот последний тезис позволяет говорить о схожести с такими наднациональными организациями как Лига Наций или даже ООН – папство регулярно на протяжении

всей своей истории старалось выступать в качестве либо посредника, либо посредника-сюзерена, за исключением периодов подпадания папства под жесткий контроль одного из государств (Авиньонские папы, Пий 7 при Наполеоне, папы под влиянием австрийского канцлера Меттерниха¹). Но что более важно, сама форма выкристаллизовывания Церкви как единой вселенской организации происходило на основе явлений, которые в современности можно было бы отнести к международному праву – международных соборов и принимаемых на них актов. Таким образом задолго до Вестфальского мира и задолго до трудов Гуго Гроция в Европе появились институты, в совокупности, образующие то, что позже будет названо международным правом, что позволяет наиболее полно и целостно изучать те процессы в международном праве, которые мы можем наблюдать сейчас, а также поставить вопрос о современной роли папства на международной арене.

Так почему же Вселенские соборы 1-го тысячелетия н.э. можно назвать действительно всемирными? Ответ кроется в той политической и геополитической ситуации, которая сложилась в середине 1-го тысячелетия. Если Никейский собор 325 года соби­рался еще во время живой и деятельной Римской Империи, то уже Второй Константинопольский собор 553 года состоялся на ее руинах². И именно в этом кроется «всемирность» Соборов 1-го тысячелетия – в феномене классической империи, лучшим образцом которой является Римская Империя. основополагающим отличием империи (равно как и империалистически направленной политики, хотя и в меньшей степени) от иных государств, является отнюдь не монархическая форма правления (наличие императора как главы государства – такое понимание империи было характерно скорее для Священной Римской Империи), но особое отношение к окружающим империю территориям. Для классической империи существует всего три типа территорий: территории

---

¹ Енё Гергей «История Папства» Пер. с венг. О. В. Громова. М.: Республика, 1996. Ст. 426.

² Енё Гергей «История Папства» Пер. с венг. О. В. Громова. М.: Республика, 1996. Ст. 254.

собственно империи, территории-сателлиты и территории, еще не захваченные империей³. Также можно добавить территории, которые империю не интересуют.

Эта классификация даёт понимание того, что для империи не существует «не своих», «чужих» территорий – проще говоря, есть подчиненные и еще не подчиненные земли. То есть равноправных соседей для классической империи нет и быть не может – что это как не претензия на всемирность? Римская Империя тем более не видела никаких для себя границ, что действительно в пределах ее досягаемости в итоге не осталось ни одного сильного, автономного государства, которое не только составляло бы конкуренцию Риму, но еще и имели бы государственную организацию, близкую к римскому уровню, а не представляли бы собой тем или иным образом организованные «варварские» племена. Дополнительным доказательством этого тезиса является тот факт, что под конец своего существования Римская империя воевала, фактически, сама с собой, раздираемая на части своими собственными правителями – то есть реального внешнего противника до вторжения варваров на территорию Империи, фактически, и не было⁴. Однако остаются территории, которые хоть и были в досягаемости Рима, но по каким-либо причинам не были захвачены или оккупированы им – именно эти территории и являются четвертой «категорией» земель, которые империю просто не интересуют.

Рассмотрим карту Римской империи – мы увидим, что она разрослась вокруг колыбели европейской культуры – Средиземноморья. На западе – воды океана. На юге – засушливые и, как правило, необитаемые пустыни. На севере – холодные и непригодные пустоши или леса. На востоке – густые, труднопроходимые германские леса, населенные полупокоренными племенами, которые, в общем-то, уже подчинены Риму и даже служат

---

³ Доменик Левин «Российская империя и её враги с XVI в. до наших дней» Монография. Пер. с англ. А. Козлика, А. Платонова. М.: Европа, 2007. Ст. 33.

⁴ Грант М. «Крушение Римской империи» Пер. с англ. Б. Бриксмана. М.: Terra Книжный клуб, 1998. Ст. 54.

в его армии. Более того, на момент расцвета и падения Римской Империи приходится Климатический пессимум раннего Средневековья (250-750 гг.)⁵ – существенное и долгосрочное похолодание в Европе, естественным образом ограничившее римскую экспансию на север и на восток – при этом необходимо упомянуть, что до нашей эры Рим преимущественно осваивал территории южные, а север и северо-восток начал покорять ближе к Нашей Эре и активно развернул там свою деятельность как раз уже примерно в начале Климатического пессимума. Таким образом совершенно очевидно, что территория Римской Империи была всем доступным на тот момент миром, над которым можно было распространить свою власть. То есть отношения, охватывающие территорию всей Римской Империи после ее падения при том же уровне транспортных возможностей и возможностей расселения, являются всемирными и, фактически, международными – до иных народов с тем же цивилизационным уровнем развития добраться было крайне затруднительно.

В 476 году Ромул Август под давлением захватчиков отказывается от императорского престола, и Западная Римская Империя исчезает с актуальной политической карты мира⁶. Византийская империя через некоторое время постепенно начнет сдавать уже свои территориальные позиции под давлением кочевников с юго-востока, ослабляя контроль в дальних регионах. В результате образуются целые регионы, где по тем или иным причинам не остается административной власти – ни имперской, ни какой-либо иной, имеющей определенную устойчивость. Местная национальная власть пока еще слишком слаба – сказывается многовековой гнет империи – и выражена в скорее культурно-религиозных учреждениях, которые Римом сохранялись, но до власти толком не допускались. Единственной относительно легальной и уж точно легитимной властью остаются митрополиты христианской церкви, которая еще Константином фактически была

---

⁵ Монин А.С., Шишков Ю.А. История климата. Л.: Гидрометиздат, 1979. Ст. 211.

⁶ Грант М. «Крушение Римской империи» Пер. с англ. Б. Бриксмана. М.: Terra Книжный клуб, 1998. Ст. 300.

возведена в ранг государственной религии, как наиболее универсальная вера, необходимая для скрепления разросшейся империи⁷. Митрополиты еще не полностью, но уже относительно подчинены епископу Рима – то есть Папе Римскому. Папа же медленно, но упорно добивается первенства как в вопросах веры, так и в вопросах политики и права – с переменным успехом. В своих стремлениях Папа наталкивается на сопротивление Восточной Римской Империи во главе с императором и подчиненным ему Патриархом Константинопольским, следующих программе цезаре-папизма – модели сосуществования государства и церкви, при которой глава церкви фактически является государственным служащим и подчиняется императору, соединяющем в себе и светскую, и духовную власть. Эту же модель восточно-имперские правители старались навязать Папе – на какой-то период это действительно удалось посредством давления на Святой Престол Равеннского экзархата, византийской провинции на территории Апеннин – поставленный Константинополем экзарх в зависимости от конкретного Папы в той или иной степени диктовал тому светскую и духовную политику⁸. Более того, на Папу довлели и новообразованные варварские королевства, наиболее повлиявшим на папство среди которых было Королевство лангобардов. В такой ситуации Святой Престол был вынужден бороться не просто за геополитическое и духовное влияние, но за само свое существование как автономного субъекта межгосударственных отношений, что и обусловило разработку идеи церкви как единого властного надгосударственного образования. Эта идея продиктовала использование Папством всех доступных инструментов для создания единого европейского межгосударственного политико-правового пространства, над которым Папа смог бы вознестись. Особенно интересны в этом свете Вселенские Соборы, где наиболее отчетливо видна борьба папства и цезаре-папизма.

---

⁷ Енё Гергей «История Папства» Пер. с венг. О. В. Громова. М.: Республика, 1996. Ст. 97.

⁸ Енё Гергей «История Папства» Пер. с венг. О. В. Громова. М.: Республика, 1996. Ст. 135.

Начинать речь непосредственно о Вселенских Соборах необходимо с наиболее значимых актов, принятых на них, – Символов Веры. Основные символы веры были приняты еще до падения Западной Римской Империи, однако особый экспансионистский, наднациональный характер Римской Империи позволяет говорить об этих символах веры и о соответствующих Соборах как о квази-международных. Более того, эти акты продолжают действовать на протяжении всего существования христианской католической церкви. Несмотря на то, что Символ Веры читается и зачастую используется как молитва, в ней нет собственно молитвенного содержания, самой просьбы – просто «Верую в...» и дальше по тексту в зависимости от варианта. То есть Символ Веры представляет собой лишь кратко изложенную формулу основных догматов, то есть формулу того, как, собственно, устроено религиозное мироздание. Таким образом, это уже не молитва, а определенный акт, принимаемый уполномоченным на то наднациональным органом и имеющий обязательное действие, распространяющий свое действие на всех жителей доступных территорий, за нарушение норм которого следует санкционируемое церковью, государством или государствами наказание – в Никейском Символе веры есть строки, грозящие анафемой несогласным, к примеру⁹. Хотя эти акты носят, если толковать непосредственно их текст, чисто религиозный характер, однако в данном случае необходимо учитывать особую мифологичность, религиозность мировосприятия того периода истории. Исходя из этого, можно подразделить политико-правовой аспект на две составляющие.

Во-первых, речь идет о непосредственной актуальности и важности устанавливаемых в Символах Веры положений. Как уже было сказано выше, сознание людей того периода было в достаточной степени синкретично, то есть научное, мифологическое, религиозное и проч. сливалось в единый субстрат, снабженный как логическими, так и эмоциональными внутренними связками. То есть для человека 1-го тысячелетия вопрос о наличии

---

⁹ Mansi, *Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio*. Tom I. Paris 1901. P. 23.

проявления Бога в Сыне и т. д. является вопросом реального положения вещей, от которого зависят соответствующие действия общества и каждого человека, выражающиеся в обрядах и повседневном быте. Вопросы веры представляли собой вопросы бытия как такового, вопросы физического положения вещей. Учитывая общую синкретичность сфер знания, можно констатировать, что такие вопросы для того периода аналогичны вопросам, выносимым на повестку Совета Безопасности ООН и Генеральной Ассамблеи ООН. Даже более уместно будет провести аналогию с такими международными конференциями, как Конференция в Рио и многие прочие – где на основании мнения учёных принимались соответствующие правовые документы.

Во-вторых, наиболее мощный общественный регулятор на тот момент – религия. Религия была неотделима от политики и права. Соответственно установление межнациональной, а после и межгосударственной, единой правовой и политической системы требовало установления единого религиозного порядка и, соответственно, занявший определяющее, приоритетное положение в этой системе в виде главного иерарха церкви, определял бы этот порядок и диктовал бы правовое и политическое развитие остальным европейским странам.

Также необходимо отметить непротиворечивость этих актов, дополняемость их одним другим. К примеру, Никейский символ веры 325 года говорит об единосущности Бога Отца и Бога сына, а принятый в 451 году на 4-м Вселенском Соборе пояснил отдельно вопрос единства двух самостоятельных сущностей Христа (утвердил монофелитство)¹⁰. Можно провести аналогию с конвенциями и протоколами к ним. То есть, опять же, эти Символы Веры не являются единственными, категорическими и всеопределяющими – они являются коллективно принятыми актами, носящими сущностное для того мировосприятия значение и подлежащие дополнению другими актами того же уровня в зависимости от сложившейся ситуации. Более того, если говорить

---

¹⁰ Mansi, *Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio*. Tom I. Paris 1901. Pp. 23-34.

о Халкидонском Соборе, то необходимо отметить, что он имел и значительное политическое значение – поддержка монофелитства означала поддержку цезарепапизма, то есть той системы, где церковный иерарх находится под императором. Однако эти акты и соборы хотя и продолжали сохранять свой вес и на постимперском пространстве, они имели место до падения Западной Римской Империи.

Те же Соборы, которые имели место после 476 года, становились действительно межгосударственными, так как, как было сказано выше, участвовали в них уже многочисленные представители из разных государств. К примеру на Втором Константинопольском вселенском соборе 553 г. присутствовало 164 человек, среди которых преобладали восточные иерархи, а на Втором Никейском соборе 747 г. уже 245, причем на Соборе было достигнуто соглашение между представителями востока и запада, что, опять же, говорит о высоком политическом значении Соборов¹¹.

Обращаясь ко Второму Никейскому вселенскому собору 747 г. необходимо также отметить определяющую его роль для международной обстановки того периода, опять же, в связи с принятыми на нем постулатами. Как уже было указано, на Соборе было достигнуто соглашение между востоком и западом, то есть между Святым Престолом и Восточной Римской Империей, с которой до этого Папа находился в натянутых отношениях. Можно выделить два основополагающих момента: во-первых, на соборе было осуждено иконоборчество, являвшееся доминирующим в Восточной церкви до того момента, что обусловило не просто кратковременное примирение между западной и восточной церквами, но признание примата духовного авторитета Папы, а, соответственно, и его лидирующего политического статуса; во-вторых, на Собор демонстративно не был приглашен Карл Великий, что, как пишет историк Церкви Ене Гергий в работе «История папства»¹², означало фактическое намеренное исключение Карла и Франкской империи из

---

¹¹ Mansi, *Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio*. Tom I. Paris 1901. Pp. 40-56.

¹² Енё Гергей «История Папства» Пер. с венг. О. В. Громова. М.: Республика, 1996. Ст. 158.

процесса международного общения. Папа Адриан 2 развил идею примата Папы: на Четвертом Константинопольском Соборе 879-880 гг. вместе с низложением оппозиционного Папе патриарха Фотия было принято решение о неподсудности Папы Римского никому, включая Вселенский Собор. Также было отвергнуто учение от трихотомии, то есть о соединении в человеке тела, души и духа, что закрепило роль Католической церкви как необходимого посредника между человеком и Богом. Если последнее окончательно и официально утвердило Церковь как главного «нормоприменителя» религии, которая являлась мощнейшим общественным регулятором, то тезис об абсолютной неподсудности Папы Римского имеет важнейшее правовое значение, которое можно назвать квазимеждународно-правовым. Отныне Папа стал не просто высшим арбитром в межгосударственных спорах, но приобрел неприкосновенность.

Эти и многие другие примеры однозначно свидетельствуют о коренном значении Вселенских Соборов для международного общения, межгосударственной политики и установления меж- и надгосударственных правовых норм, которые пусть и были синкретичны с религиозными, но представляли собой всё те же обязательные к исполнению под угрозой наказания со стороны государства. Более того, профессор М. А. Таубе ещё в конце XIX в. называл Соборы «прототипами современных конгрессов»¹³, однако не придавал им большого значения. Автор же данной работы придерживается мнения о необходимости тщательного изучения и применения опыта того периода, когда в Европе выкристаллизовывались будущие институты международного права, для целей преодоления современного кризиса системы международных отношений и недопущения дисфункции сложившихся институтов. Применительно же к международным организациям и конференциям, наиболее адекватной европейской предтечей, в рамках которых зародилась система межгосударственного общения в Европе, являются Вселенские Соборы, что и обосновывалось в данной статье.

---

¹³ Таубе М.А. История зарождения современного международного права (средние века). Том I: Введение и часть общая СПб. 1894. Ст. 97.

ПРИНЦИП PACTA SUNT SERVANDA В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Савельев Владимир Михайлович

студент Российского университета дружбы народов
wow050299@yandex.ru

Ровно 50 лет назад произошло знаменательное событие – была подписана Венская конвенция о праве международных договоров 1969 года (далее – Венская конвенция), ознаменовавшая собой новую веху в развитии фундаментальной отрасли международного права - права международных договоров. В связи с этим, довольно актуальным вопросом является анализ особенностей действия принципа *pacta sunt servanda* в современных международно-правовых реалиях.

Так, в настоящее время принцип *pacta sunt servanda* является важной частью одного из императивных принципов международного права, которые составляют прочную основу для всей международно-правовой системы, основанной на сотрудничестве между субъектами международного права, поддержании стабильного международного мира и обеспечения безопасности. Этот принцип - фундаментальный, поскольку зародился одновременно с возникновением самого международного права. Выражается это в том, что само существование международного права кажется немислимым без действия принципа *pacta sunt servanda*, в содержании которого воспроизводится намерение государств добросовестно и строго следовать принятым на себя международно-правовым обязательствам, ибо, в противном случае, невозможно развитие и поддержание дружественных отношений между государствами, осуществление взаимовыгодного сотрудничества, что, тем самым, препятствует установлению стабильного международного правопорядка, в котором заинтересованы и к которому стремятся все государства без исключения. Также, основополагающий характер принципа *pacta sunt servanda* подчеркивается в Проекте статей о праве международных договоров

с комментарием, принятом на 18-й сессии Комиссии международного права ООН в 1966 году¹.

Всё более быстрые темпы научно-технического прогресса, воздействие глобализационных процессов, расширение договорной базы между субъектами международного права, а также иные особенности, характерные для современного социума не могли не сказаться на системе международно-правовых отношений в целом и на *pacta sunt servanda* в частности. Так, на этом фоне углубляется взаимное сотрудничество между государствами, усиливается их взаимозависимость. И если, в целом, правовое содержание принципа *pacta sunt servanda* является по сей день актуальным и не требует изменений, то в сфере его действия наметились определенные тенденции.

Так, с одной стороны, современный этап развития международного сотрудничества характеризуется повышением роли принципа как одной из фундаментальных норм всей международно-правовой системы, что выражается в нивелировании угрозы его нарушения в определенных отраслях международного права.

Изначально государства добровольно брали на себя обязательства и должны были добросовестно следовать им, но всегда существовал риск их невыполнения. С учетом этого принцип *pacta sunt servanda* призван создать правовое препятствие для невыполнения или недобросовестного выполнения государствами своих международно-правовых обязательств. Однако в настоящее время в связи с объективными процессами, происходящими в мире, в некоторых областях международно-правового взаимодействия государства «вынуждены» следовать принятым на себя обязательствам, что непосредственным образом сказывается на эффективности реализации принципа *pacta sunt servanda*.

Подобная ситуация характерна для технологически зависимых отраслей международного права, в которых межгосудар-

---

¹ Draft Articles on the Law of Treaties with commentaries. 1966. URL: http://legal.un.org/docs/?path=../ilc/texts/instruments/english/commentaries/1_1_1966.pdf&lang=EF (дата обращения 20.03.2019).

ственная деятельность лишь сравнительно недавно начала набирать обороты, а также для таких отраслей, в которых государства оказываются «связанными» своими международно-правовыми обязательствами в силу того, что при их нарушении миру угрожают всеобщий хаос, что естественно ставит международный мир и безопасность под угрозу. Так, например, ст. XVI Договора о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела 1967 года² закрепляет право государств-участников данного договора на выход из него через 1 год после предварительной нотификации, однако следует отметить, что настоящее соглашение представляет собой основу для всего массива международно-правовых актов в сфере космического права, и никакое государство-участник в настоящее время не будет прибегать к процедуре, предусмотренной в данной статье, особенно на фоне всё большего вовлечения государств в космическую сферу деятельности. Примеры правовой «связанности» своими обязательствами можно отчетливо найти в сфере морского и воздушного права, т.к. именно данные области обеспечивают осуществление эффективной логистики между государствами, что благотворно сказывается на их экономических взаимоотношениях и способствует устойчивому развитию как отдельно взятых государств, так и мира в целом, и нарушение таких обязательств, как уже отмечалось выше, приведет ко всеобщему хаосу.

Особое внимание заслуживает подобного рода ситуация в области экологического права. И хотя в нынешнее время экологическое право преимущественно состоит из положений «мягкого» права, т.н. *soft law*, по своей сути не закрепляющих международно-правовых обязательств, количество международных договоров в этой сфере будет только увеличиваться, что также будет приводить к «связанности» государств своими междуна-

---

² Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела от 27 января 1967 года // Ведомости ВС СССР. № 44. Ст. 588.

родно-правовыми обязательствами. Причина подобной «связанности» заключается в том, что настала эра антропоцена, пагубное антропогенное воздействие на окружающую среду постоянно увеличивается, это приводит к целому ряду проблем глобального масштаба. Так, профессор Юридической школы им. Элизабет Хауб Университета Пейса (США, Нью-Йорк), Николас Робинсон, акцентирует своё внимание на следующих проблемах: радиационное излучение фактически добралось до центра Земли; чрезмерное использование пластика привело к тому, что его отходы проникли уже в самые глубокие части океанов; растущее загрязнение воздуха приводит к выпадению кислотных осадков, что, в свою очередь, приводит к накоплению вредных химических веществ в биосфере. Указанные проблемы не являются единственными, здесь важно отметить то, что без их разрешения люди могут оказаться на грани гибели и воспрепятствовать этому можно лишь совместными усилиями всего человечества. Так, 29 апреля 2016 года на Всемирном конгрессе по экологическому праву в Рио-де-Жанейро была принята Всемирная декларация Международного союза охраны природы об экологическом правопорядке³, в рамках которой провозглашается концепция «*Rule of Law of Nature*», т.н. концепция «Верховенства права в экологических отношениях». Данная концепция устанавливает намерение государств принимать любые необходимые меры для укрепления экологического правопорядка как национального, так и международного, тем самым, способствуя развитию международно-договорной базы между государствами, что укрепляет процесс дальнейшего «связывания» государств международно-правовыми обязательствами в сфере экологического права.

Другая тенденция, предопределяющая особенности реализации принципа *pacta sunt servanda* в современном мире, несет в себе совершенно противоположное значение – умаление роли

---

³ Всемирная декларация МСОП об экологическом правопорядке от 29 апреля 2016. URL: https://www.iucn.org/sites/dev/files/content/documents/worlddecenvirlawmarch2017.russian_0.pdf (дата обращения 10.04.2019).

pacta sunt servanda государствами путем нарушения своих международно-правовых обязательств. Ярким примером тому является нарастающее противостояние между конституционным судами и международными судебными органами, характеризующееся ростом числа прецедентов признания неисполнимыми решений международных судебных органов, прежде всего, в сфере защиты прав и свобод человека.

Если рассматривать в этом вопросе Российскую Федерацию, то на данный момент было всего 2 случая постановки вопроса относительно возможности исполнения решений международных судебных органов. Это касается постановлений Европейского суда по правам человека (далее - ЕСПЧ): Постановление КС РФ от 19.04.2016 г. №12-П по делу «Анчугов и Гладков против России» (невозможность исполнения в части мер индивидуального характера, а также в части мер общего характера, предполагающих внесение изменений в ч. 3 ст. 32 Конституции РФ) и Постановление КС РФ от 19.01.2017 №1-П по делу от 31.07.2014 г. «ОАО «Нефтяная компания ЮКОС» («ОАО Neftyanaya kompaniya «Yukos») против Российской Федерации».

Предысторией этому послужило принятие КС РФ Постановления по делу об исполнении решений ЕСПЧ на территории РФ от 14.07.2015 №21-П. В данном постановлении Конституционный суд РФ подтвердил приоритет Конституции, согласно которому практическая реализация Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года (далее – ЕКЧП) и основанных на ней правовых позиций ЕСПЧ возможна лишь, при признании за Конституцией верховенства и высшей юридической силы. Также, в нём было признано право законодателя предусмотреть особый правовой механизм решения вопроса о возможности или невозможности исполнения вынесенного по жалобе против Российской Федерации решения международного органа по защите прав и свобод человека. По мнению Конституционного суда РФ, Россия может в порядке исключения отступить от выполнения возлагаемых на нее обязательств, когда такое отступление является единственным возможным способом избежать прямого нарушения основополагающих принципов и норм Конституции РФ.

Следствием данного Постановления стало внесение изменений и дополнений в Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 №1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», внесенных посредством ФКЗ от 14.12.2015 №7-ФКЗ⁴. Так, согласно пункту 3.2 статьи 3 №1-ФКЗ, Конституционный суд РФ имеет право по запросу уполномоченного федерального органа исполнительной власти рассмотреть вопрос и принять решение о возможности или невозможности исполнения решения международного органа по защите прав и свобод человека в целом или в части, если положения международного договора в данном судом истолковании предположительно приводят к коллизии с соответствующими положениями Конституции Российской Федерации.

В целом, следует отметить, что в Постановлении от 14.07.2015 № 21-П Конституционный суд выразил доктрину национальной конституционной идентичности, в основу которой, по мнению Г.А. Гаджиева⁵, положено «реалистическое допущение возможности неуспеха в достижении компромисса между национальным российским и наднациональным европейским правопорядками».

Критикуя данное Постановление, необходимо отметить мнение С.В. Черниченко⁶, согласно которому «Конституция РФ обладает высшей юридической силой только для Российской Федерации, а решения, принимаемые международными органами... нормы международного права, создаваемые ими в отношении России (как и в отношении других государств – участников таких

---

⁴ Федеральный конституционный закон от 14.12.2015 №7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 51 (ч. I). Ст. 7229.

⁵ Гаджиев Г.А. Конституционная идентичность и права человека в России. URL: http://www.ksrf.ru/ru/News/Documents/report_Гаджиев%20_2016.pdf.

⁶ Черниченко С.В. Европейский суд по правам человека: проблема неисполнимости постановлений // Московский журнал международного права. 2018. № 3. С. 6-17.

договоров), имеют международно-правовой характер и касаются тем самым не только России, но и других государств-участников». Тем самым, проф. С.В. Черниченко делает вывод о том, что ссылка на авторитет Конституции РФ как правового акта, обладающего высшей юридической силой для России, для других участников значения не имеет. При этом, это вовсе не означает, что выражение согласия Российской Федерацией на обязательность положений ЕКЧП означает автоматическое признание обязательного исполнения всех решений ЕСПЧ. Хотя статья 46 ЕКЧП закрепляет обязательство государств по исполнению постановлений ЕСПЧ по любому делу, в котором они выступают сторонами, однако на решение ЕСПЧ, которое расходится с нормами *jus cogens* (что вполне возможно, вследствие «эволютивного» толкования Европейским судом положений Конвенции и Протоколов к ней) можно распространить положения ст. 53 Венской конвенции 1969 года, в которой предусматривается, что договор, противоречащий императивным нормам международного права, является ничтожным.

Акцентируя своё дальнейшее внимание на доктрине национальной конституционной идентичности, важно отметить, что из себя представляет т.н. конституционная идентичность. Конституционная идентичность – это совокупность национальных социокультурных и правовых особенностей государства, которая выражается в его конституционных нормах о фундаментальных правах и основах конституционного строя, обеспечивающих те самые конституционные права.

В.Д. Зорькин⁷ отметил, что в настоящее время доктрина национальной конституционной идентичности активно используется судебными органами конституционного контроля и в других государствах. Так, например, Конституционный суд Венгрии установил, что он уполномочен осуществлять конституционный

---

⁷ Зорькин В.Д. Конституционная идентичность России: доктрина и практика // Доклад на Международной конференции по конституционному правосудию. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Info/Conferences/Pages/Conference2017.aspx> (дата обращения 20.03.2019).

контроль *ultra vires*, если решение международного органа непосредственным или косвенным образом затрагивает конституционную идентичность государства и его национальный суверенитет. Или же позиция Конституционного суда Италии, в основе которой лежит полномочие Суда по применению разработанной им ранее доктрины *counter-limits*⁸, позволяющей в порядке исключения отступить от исполнения обязательств, проистекающих из норм европейского права, если подобные обязательства противоречат постулатам национального конституционного правопорядка. Также, к доктрине национальной конституционной идентичности обратился Верховный суд Аргентины посредством признания 14 февраля 2017 года неисполнимости решения Межамериканского суда по правам человека (далее МАСПЧ) от 2011 г., которое касалось обеспечения свободы информации в СМИ. Свою позицию Верховный суд аргументировал тем, что МАСПЧ принял решение *ultra vires*, тем самым, МАСПЧ не обладал достаточной компетенцией для отмены судебного акта национального суда. Подобное решение породило целую волну критики как со стороны Межамериканского суда, так и со стороны аргентинской общественности в силу того, что, по мнению критикующих, Верховный суд Аргентины фактически признал за собой полномочие по пересмотру компетенции международного органа по правам человека, что нарушает нормы международного права.

Данная ситуация не может не вызывать беспокойства. Ведь фактически здесь речь идет о непосредственном нарушении принципа *pacta sunt servanda*. Так, например, Нил Муйжниекс, комиссар Совета Европы по правам человека (2012-2018 гг.), справедливо заметил, что, ратифицировав ЕКЧП, государство обязано соблюдать её положения в соответствии со ст. 26 Венской конвенции, а также «оно не может ссылаться на положения

---

⁸ Martinico G. Is the European Convention going to be ‘Supreme’? A comparative-constitutional overview of ECHR and EU Law before National Courts // The European Journal of International Law. Vol. 23. no. 2. 2012. P. 401-424.

своего внутреннего права в качестве оправдания для невыполнения им договора, в том числе ЕКЧП»⁹.

Однако, необходимо отметить, что подобные позиции конституционных судов возникли не на пустом месте. Причины этого кроются в следующих тенденциях: во-первых, процесс социокультурной глобализации влечет за собой, помимо положительных изменений, огромные издержки, выражающиеся в закреплении за наименее развитыми странами их периферийности, в ослаблении социальной политики в благополучных развивающихся странах, в росте террористической угрозы, миграционном давлении на государства-лидеры глобализации, что приводит к усилению популистских настроений в обществе и стремлению государств сформировать некое понимание собственной специфики, которая не поддается унификации, в целях защиты подобного рода отличительных ценностей; во-вторых, универсализация в области прав человека без учета социокультурных особенностей конкретного государства, растущий активизм международных судебных органов по защите прав человека в сфере толкования положений международных договоров, по мнению профессора политологии и права Северо-Западного университета (США, Эванстон) Дж. Кэйрен, приводит к нарушению «монополии национальных судебных органов на определение значения и роли международного права в национальной правовой системе» и выражается в коллизии международного и национального правопорядка и посягательства на государственный суверенитет¹⁰, что влечет за собой ответную реакцию государств для защиты собственных интересов.

Подводя итог всему вышесказанному, следует отметить, что действие принципа *pacta sunt servanda* характеризуется двумя взаимобратными процессами.

---

⁹ Muižnieks N. Non-implementation of the Court's judgments: our shared responsibility // Сайт Совета Европы. URL: <https://www.coe.int/en/web/commissioner/-/non-implementation-of-the-court-s-judgments-our-shared-responsibility> (дата обращения - 12.04.2019).

¹⁰ Alter K.J. National Perspective on International Constitutional Review: Diverging Optics // Northwestern Public Law Research Paper. 2017. No. 17. P. 11.

Во-первых, в сфере таких отраслей международного права, как морское, экологическое, воздушное, космическое право, значение принципа *pacta sunt servanda* усиливается в силу того, что объективно существующая действительность не оставляет за государствами права выбора модели поведения и диктует беспрекословное выполнение взятых на себя международно-правовых обязательств.

Во-вторых, в настоящее время взаимоотношения между конституционными судебными органами государств и международными судебными органами испытывают не самые лучшие времена, что приводит к неисполнению первыми решений последних. При этом, неисполнение таких решений обосновывается доктриной национальной конституционной идентичности, в основе которой лежит признание за конституцией приоритета в отношении международного права, что приводит к нарушению международно-правовых обязательств государства, проистекающих из норм *jus cogens*, в частности принципа *pacta sunt servanda*. Чтобы избежать этого, необходимо постепенно отойти от концепции национальной конституционной идентичности и обеспечивать защиту государственных интересов путем признания подобных решений международных органов неисполнимыми в силу их противоречия нормам *jus cogens*.

Таким образом, в настоящее время на реализации принципа *pacta sunt servanda* оказывают воздействие две диаметрально противоположные тенденции. С одной стороны, принцип *pacta sunt servanda* не только не теряет своей актуальности, но и, наоборот, его роль в межгосударственных отношениях усиливается. С другой стороны, существует непосредственная угроза эффективной реализации принципа *pacta sunt servanda*, которая может быть решена лишь на основе взаимного сотрудничества между субъектами международного права.

ПРАВО И ЛОГИКА КАЗАХСТАНСКОЙ И МЕЖДУНАРОДНОЙ ТРАНСПОРТНОЙ ЛОГИСТИКИ

Сарсембаев М.А.

*доктор юридических наук, профессор
daneker@mail.ru*

Логистика – многогранное понятие, каждая грань которого имеет свое определение. Так, есть определение логистики, которая трактуется как комплекс научных взглядов о тщательном планировании, эффективном управлении, мониторинге и контроле в отношении движения грузовых, информационных, денежно-финансовых потоков в соответствующих системах. Если рассматривать логистику с точки зрения менеджмента, то ее можно определить как стратегическое регулирование грузопотоков, которые проходят стадии закупок, перевозок, продажи, хранения, доставки. Мы предлагаем более развернутое практическое определение логистики: ее можно определить как управление потоками грузов, товаров посредством необходимых видов транспортных средств, потоками связанных с ними финансов, осуществляемое путем выбора наиболее рационального, эффективного, оптимального варианта перевозки, доставки товара, груза определенного объема в оговоренное заказчиком время, по нужному адресу с минимальными издержками. Логистика способствует тому, чтобы на отдельном предприятии и в группе предприятий издержки были оптимизированы, а производство, сбыт производимой продукции, сервис были рационализированы.

Логистика может быть разнообразной. По видам различают военную, таможенную, закупочную, финансовую, информационную, торговую, складскую, транспортную логистику. Нас интересует в первую очередь транспортная логистика, под которой понимается выбор одного или нескольких видов транспорта как способа транспортирования груза и надлежащего перевозчика, определение наиболее оптимального маршрута движения

транспорта с грузом (товарами), доставка данного груза в оговоренное место и время. Деление на виды логистики достаточно условное, поскольку они в той или иной мере взаимосвязаны, тем не менее, следует отметить, что у транспортной логистики есть свои особенности. Одна из главных особенностей транспортной логистики состоит в том, что если многие виды логистики могут функционировать в значительной мере автономно друг от друга, то без транспорта практически ни один вид логистики обойтись не может. Это обстоятельство предопределило важность транспортной логистики и желание автора исследовать именно этот вид логистики.

Поэтому последнее определение логистики и обозначение ее высокой цели, а также национальная и мировая транспортная логистика находятся в центре внимания данной научной статьи.

Логика – это наука о формах, законах, методах правильного мышления, интеллектуальной деятельности человека. Как видим, логистика и логика, хотя и представляют собой несколько созвучные понятия, это все же разные понятия, разные науки. Но это не значит, что они не могут сотрудничать друг с другом. Логистика связана не только с логикой, но и с правом, как казахстанским, так и международным.

Хотя, конечно, с учетом того, что страна находится и функционирует в рамках рыночной экономики более четверти века, в которой внутренняя и международная логистика является ее неотъемлемой частью, тем не менее казахстанский законодатель, по моему мнению, все еще не вник во все тонкости этого понятия. Именно поэтому в правовом поле Казахстана отдельного, специализированного закона о логистике пока еще нет. Но удивительно и не совсем логично то, что закона о логистике в казахстанском законодательстве нет, следовательно, нет общего логического и юридического понимания логистики, но зато казахстанский законодатель позаботился не только о разработке, но и о принятии закона о внесении изменений и дополнений в ряд законодательных актов Республики Казахстан по вопросам логистики. Для убедительности привожу Закон Республики Казахстан от 27 октября 2015 года № 363-V ЗРК «О внесении изменений

и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам развития дорожно-транспортной инфраструктуры, транспортной логистики и авиаперевозок». Этим законом статья 12 Закона Республики Казахстан от 21 сентября 1994 года «О транспорте в Республике Казахстан» изложена в следующей редакции: «Железнодорожный, морской, внутренний водный, воздушный и автомобильный транспорт организует систему смешанных перевозок с применением принципов транспортной логистики и использованием транспортной инфраструктуры». Далее статья 15-2 этого же казахстанского закона изложена так: «1. На территории Республики Казахстан в зависимости от выполняемых операций могут создаваться международные и региональные транспортно-логистические центры. Международные транспортно-логистические центры предназначены для выполнения операций с грузами и транспортными средствами, перемещаемыми через таможенную границу Евразийского экономического союза, в том числе осмотра, включая таможенные и пограничные операции в соответствии с законодательством Республики Казахстан. Региональные транспортно-логистические центры предназначены для выполнения операций с грузами и транспортными средствами в пределах Евразийского экономического союза. 2. Уполномоченный государственный орган разрабатывает и утверждает типовые требования по обустройству и техническому оснащению транспортно-логистических центров». «Принцип транспортной логистики», «транспортно-логистический центр» в тексте анализируемого Закона приведены, но почему-то здесь не приведены определения понятий «логистики», «транспортной логистики». Такие определения могли бы содействовать более углубленному пониманию понятий «принцип транспортной логистики» и «транспортно-логистический центр». Разработчики будущих казахстанских законов о логистике могут воспользоваться определениями «логистики», «транспортной логистики», которые приведены в начале данной научной статьи.

Поскольку в казахстанском законодательстве нет определения «логистики», а в казахстанской юридической науке нет

определения понятия «логистическое право» или «право логистики», хотелось бы привести свой вариант определения данного понятия. Исходя из логики и содержания казахстанского законодательства о транспорте и логистических центрах, логики и содержания зарубежного права о разных видах транспорта логистике, из рассуждений зарубежных специалистов в этой сфере (теоретиков и практиков) можно привести следующее определение логистического права. Логистическое право можно определить как совокупность норм национального и международного публичного и частного права по урегулированию деятельности государств, юридических и физических лиц, определяющих направления грузовых, финансовых потоков в определенной последовательности в соответствии с установленными договорами логистическими целями и задачами поставкой груза в пункт назначения в установленный срок при продуманных минимальных затратах.

Попробуем показать, как право и логика взаимодействуют в логистических компаниях, специализирующихся как на внутригосударственных, так и международных поставках грузов, товаров. Такие компании могут соединять и обеспечивать обе стороны логистической деятельности. Кроме того, есть немало компаний и предприятий, занятых в различных сферах экономической, предпринимательской деятельности, имеющие в своих структурах логистические управления (отделы), а также юридические отделы, содействующие логистической деятельности предприятий. Эти структурные подразделения должны добиваться успехов, прорывов в логистической работе. Что понимают под прорывом в логистике? Под прорывом в логистике понимают необходимость достижения гибкости, ускорения, надежности во всей цепочке поставок и необходимость сокращения издержек. Маржу (прибыль, складывающуюся между ценой и себестоимостью перевозки груза) в логистике согласно законам рынка между собой делят грузоперевозчики и грузообладатели: этому результату способствует новый онлайн-сервис под названием *A2B.Direct* или «*Грузовой UBER*», обеспечивающий взаимодей-

ствии перевозчиков грузов и грузовладельцами на всех этапах транспортирования грузов *без посредников*.

Что делать, если предприятие, фирма не имеет достаточных финансовых средств, чтобы автоматизировать операции на складе? Тем не менее логистические вопросы решать безусловно надо. В течение рабочей недели есть дни с интенсивной загрузкой работы, остальные дни характеризуются меньшей интенсивностью. Естественно, нужно определенным образом оптимизировать дни, отличающиеся интенсивной загруженностью. Творчески настроенные логисты стремятся перенести хотя бы один из интенсивных дней на малозагруженный день, либо они стремятся сместить погрузку или загрузку товара в интенсивные дни на склады в регионах и филиалах, в малоинтенсивные дни прорабатывают возможности повышения производительности труда рабочего персонала, организывают проведение подготовительных работ в незагруженные дни.

Логистические компании сталкиваются со следующими проблемами, в ходе которых они теряют немалые денежные средства. Так, в процессе логистической работы не всегда организуют правовую экспертизу договорных отношений в области грузоперевозок, правовую экспертизу документооборота при грузоперевозках. Другой, организационной проблемой логистов является отсутствие четко проработанного делового плана мероприятий по обеспечению перевозок грузов по логически разумным схемам и направлениям. Логисты совместно с юристами должны разрабатывать и доводить до сведения исполнителей ясных рекомендаций по уменьшению возможных рисков в процессе грузоперевозок. Не нужно вступать в сотрудничество с «сомнительными» зарубежными партнерами: во избежание этого юристы должны отслеживать реестры добросовестных и недобросовестных предпринимателей, имеющиеся в зарубежных странах. Посредством надежной страховой компании логистические фирмы и предприятия должны застраховать возможные грузоперевозочные риски. Во избежание этих и других рисков, целесообразно обеспечивать транспортно-логистические действия непрерывным юридическим сопровождением посредством как отече-

твенных, так и зарубежных юристов. При таком юридическом сопровождении грузов и действий логистов, водителей транспортных средств, грузоотправителей, грузополучателей возникающие проблемы организационного и правового характера будут разрешаться на первоначальной стадии их возникновения.

Хотелось бы рекомендовать начинающим логистическим компаниям, чтобы они обратили внимание на быстрорастущую электронную коммерцию, торговлю («*e-commerce*»), Быстрая заявка на нужный товар, груз предполагает такую же быструю экспресс-доставку заказанного груза. Логистам и юристам следует изучить понятия «кросс-докинга» и «фулфилмента». Термин «кросс-докинг» происходит от двух английских слов: *cross* «пересекать» и *docking* «причаливание, состыкование»; на этой основе данный термин следует понимать как приёмку и отгрузку соответствующего груза через один и тот же склад напрямую, который не размещают в этом или других складах на долговременной основе. Другой термин «*fulfilment*» (в переводе с английского языка – «выполнение») означает совокупность мер по обработке заказов грузовладельцев по перевозке и доставке того или иного груза; это – комплекс мер, вбирающий в себя официальную приемку товара (груза), его возможное хранение, упаковку, комплектацию. Именно в этих сегментах логистические фирмы могут получать солидные доходы.

Логистам и юристам особенно старшего поколения безусловно нужно работать в Интернете, на онлайн-платформах, быть в шаговой доступности для всех участников транспортно-логистического процесса. Зная об этом, ощущая близкие контакты, грузовладельцы будут обращаться именно в эту логистическую компанию. Логисты должны совместно работать не только с юридическим отделом, но и с коммерческим, торговым, внешнеэкономическим, экспортно-импортным и другими отделами. Такой подход позволяет достигать «эффекта синергии» (синергия – означает эффект, при котором целое результативнее, чем сумма частей этого целого в отдельности). Необходимо убеждать коллег по компании, что логист является равноправным партнером в налаживании успешного бизнеса, в отлаживании логически

обоснованных и разнообразных связей между всеми структурными подразделениями компании. Было бы целесообразно обозначать показатели эффективной деятельности как логистического и других отделов компании. Каждый сотрудник логистической компании мог бы видеть показатели своей работы и показатели всей компании в целом. Это с точки зрения трудового права мотивировало бы каждого сотрудника к использованию дополнительных внутренних ресурсов с тем, чтобы достичь еще больших результатов и соответственно лучших показателей. Соответственно он мог бы рассчитывать на премиальные и моральные поощрения. Надо в быстром темпе перейти к внедрению электронного документооборота. Что это дает? Внедрение электронных документов в транспортно-логистический процесс приведет к автоматизации всех внутригосударственных и международных цепочек поставок грузов, товаров, а также снимет практически все претензии к деятельности логистов, юристов, поскольку электронный процесс документирования и документооборота минимизирует до предела ошибки в работе всех подразделений, логистического и юридического в первую очередь. Логисты должны на постоянной основе анализировать запасы товаров и грузов на складах компании: это позволит лучше прогнозировать будущие продажи. Внедрение автоматизированной системы управления перевозками позволило обеспечивать оперативную отчетность, четкую информированность по экономике грузоперевозок на основании данных бухгалтерского учета компании.

Надо стабилизировать отношения прежде всего с постоянными крупными заказчиками услуг транспортно-логистической компании. Порой целесообразно уменьшить численность грузоперевозок, которые называются разовыми и спотовыми (spot – это английский финансовый термин, означающий немедленное осуществление как поставки, так и оплаты за него (как в магазине) – применительно к нашей теме спотовыми называют такие перевозки грузов, повышенная оплата за которые осуществляется в день осуществленной перевозки). При этом логист должен знать, что такой заказчик на перевозку груза выгоден чаще всего на кратковременной основе. Необходимо постоянно

отслеживать и анализировать все транспортно-логистические направления, которые обслуживаются данной компанией и решительно отказываться от неприбыльных направлений. Причем неприбыльными могут быть как отечественные, так и международные направления.

Не менее интересным и полезным для логистов и юристов является скрупулезное изучение межстрановых сравнений эффективности логистики. Это можно видеть на основе приводимых данных в международных рейтингах и индексах, которые составлены на основе информации показателей транспортно-логистических услуг по странам. В этой связи следует обратить внимание на Logistics Performance Index (Индекс эффективности логистики), который публикуется каждые 2 года Всемирным Банком. Этот международный Индекс демонстрирует объединенный показатель результативности работы логистического сектора, соединяющий сведения об основных составляющих эффективности в один комплексный показатель. В этом Индексе Казахстан в 2018 году занял 71-е место среди 160 государств мира, улучшив свои позиции на 6 пунктов в сравнении с 2016 годом. При этом Республика Казахстан опередила Россию, занявшую 75 место, Узбекистан с его 99 местом, Беларусь (у нее – 103 место), Кыргызстан (на 108 месте), Грузию (119 место), Туркменистан (126 место), Таджикистан (134 место). Как видим, Казахстан является лидером по мировой логистике среди государств-членов СНГ. Этот Индекс представляет собой международный документ, в котором характеризуется общий уровень развития мировой логистики, в том числе транспортной логистики. Каждая страна, в том числе Республика Казахстан, может сравнивать свои приведенные ключевые показатели с такими же показателями других государств, приведенных в Индексе. Эти показатели таковы: эффективность таможенного администрирования, качество транспортно-логистической инфраструктуры, простота в организации международных перевозок грузов (товаров), профессионализм и качество оказываемых логистических услуг, возможность отслеживания нахождения товаров на любой стадии перевозки, своевременность отгрузки товаров и грузов.

Наиболее высокими у Казахстана оказались показатели по срокам доставки грузов (50 место) и показатели по эффективности таможенного оформления (65 место), наиболее низкими у страны оказались показатели по компетентности в логистике (90 место), показатели по простоте организации международных грузоперевозок (84 место). Если сравнивать все таблицы индексов от первоначального года (2007 год) до последнего (2018 год), то получается следующая картина. В 2007 году согласно этому международному Индексу Казахстан занимал 133 место, через 2 года в 2010 году он улучшил на 71 позицию свои показатели и оказался на 62 месте, в 2012 году ухудшил свои показатели, заняв 86 место, далее в 2014 году ему отвели 88 место; в последующие годы Казахстан хотя понемногу, но упорно и последовательно улучшал свою логистическую деятельность: в 2016 году – 77 место, в 2018 году – 71 место. Если так дело пойдет и дальше, то мы скоро дойдем до 40-го места: это как раз та планка, которую мы поставили перед страной на ближнюю перспективу. Для достижения успеха в данном Индексе мы должны обратить особое внимание на необходимость повышения компетентности в логистике, на умение четко и умело организовывать международные перевозки, на усовершенствование приборов и механизмов, с помощью которых грузовладельцы могли бы отслеживать нахождение своих грузов в процессе осуществления их перевозок казахстанскими логистическими предприятиями. Кроме того, Казахстану целесообразно в разных формах тщательно изучать логистический опыт Германии, Швеции, Бельгии, Австрии, Люксембурга, Нидерландов, Сингапура, занимающие во всемирном Индексе эффективности логистики лидирующие позиции.

Казахстан хочет добиться вхождения в 30-ку конкурентоспособных государств. Это достигается за счет конкурентоспособности экономики страны в современном глобализованно-торгово-экономическом пространстве. Это достигается в значительной мере благодаря высокому уровню развития транспортной инфраструктуры республики. В процессе реализации своих глобальных планов мы должны постоянно отслеживать ряд международных рейтингов и индексов. Так, в рейтинге Global Compe-

titiveness Index (Глобальный индекс конкурентоспособности) 2019 года Казахстану отвели 55 место (улучшение по сравнению с 2018 годом (59 место). По рейтингу Quality Of Overall Infrastructure (Общее качество инфраструктуры) Республика Казахстан находится на 77-м месте. При этом качество автомобильных дорог, воздушной инфраструктуры, портов, железных дорог несколько улучшилось.

Есть несколько методов оценки эффективности логистической деятельности, которые будут интересны и полезны для руководителей логистических и юридических подразделений хозяйствующих субъектов. Метод учета затрат основан на стоимостном критерии по каждой отдельной функции логистики на том или ином предприятии. Данный стоимостной критерий обычно устанавливают на единицу веса, поставляемого или отгружаемого продукта, поставку в целом. Сравнивая затраты в комплексе и по всем направлениям на основе стоимостных критериев и поставленных целей определяют расхождение по конечным результатам, что позволяет вносить нужные поправки в деятельность логистического подразделения. Метод сервиса предполагает оценку оказываемых услуг по времени (протяженности оказания услуг), по точности (исполнению в срок); последовательности (соблюдению графика технологического процесса). Юристы могут сформулировать стандарты оценки эффективности, которые проявляются в постоянном контроле запасов товаров в текущем году и нахождении возможности их сокращения на складах предприятия, в обслуживании потребителей на уровне оперативной отгрузки товаров и груза, в недопущении расходов на деятельность логистического отдела выше 3,5 процентов от объема продаж в соответствующем году, в недопущении транспортных расходов выше 2,5 процентов от объема продаж, в сокращении повреждений товаров в процессах погрузки-разгрузки до 10 процентов от объема продаж, в поддержании высокой точности исполнения заказов на уровне почти 100 процентов.

Еще одним из средств оценки эффективности логистической деятельности является умение аналитически моделировать процессы. Так, к таким моделям можно отнести экономические:

здесь речь идет как о собственном опыте предприятия, так и об использовании опыта других компаний и стран, творческое использование которых окажет реальное содействие в повышении эффективности логистики предприятия. Логика подсказывает, что для улучшения результативности управления логистикой нужно в письменном и устном виде создавать и коллегиально обсуждать имитационные ситуации. Нужно формулировать затруднительные, тупиковые ситуации, которые вполне могут возникнуть в логистической деятельности в будущем, и давать возможность сотрудникам предлагать самые различные варианты решения этих ситуаций. При этом нужно заранее оговорить, что нормально будут восприниматься любые предложения, вплоть до абсурдных. Все эти и другие имитационные модели можно разработать в виде компьютерных программ и совершенствовать их.

После проведения оценок эффективности руководители упомянутых подразделений должны настроить своих подчиненных на повышение эффективности управления логистикой на всех этапах цепи поставок как внутри страны, так и за его пределами. Логистические компании или предприятия, в составе которых функционируют логистические управления (отделы) используют самые разные средства, чтобы повысить эффективность управления транспортно-логистической деятельностью. Одним из методов достижения цели об эффективности логистики и юридической деятельности является творческое использование технических систем инжиниринга (изобретательности) для проектного планирования и контроля в отношении результатов принятых и исполненных решений. Сегодня уже есть системы по конкретным направлениям деятельности подразделений предприятия: «рабочее место логиста», «рабочее место менеджера», «рабочее место юриста». Нужно использовать эти системы с учетом особенностей каждого предприятия, компании. Другим методом повышения логистической, юридической, менеджерской и иной деятельности является создание творческой и деловой атмосферы в коллективах компаний, внедрение и обеспечение поощрения сотрудников за оригинальность предложенных решений,

за добросовестное и четкое выполнение своих повседневных обязанностей.

Чтобы обеспечить более успешную деятельность в логистической сфере в масштабе всей страны, нужно принять новые казахстанские законы, которые можно назвать примерно так: *«О логистической работе предприятий»*, *«О передаче прав на реализацию логистических процессов логистическим операторам»*. В будущем законе *«О логистической работе предприятий»* можно предусмотреть определение понятий «логистика», «логистическая деятельность», «транспортная логистика», «финансовая логистика», «торговая логистика», принципы логистической деятельности, организационно-правовой механизм управления логистической деятельностью, механизм соединения транспорта и логистики, права и обязанности участников логистического сервиса, ответственность в сфере логистики. Будущий казахстанский закон *«О передаче прав на реализацию логистических процессов логистическим операторам»* необходим потому, что предприятиям, не специализирующимся в логистической деятельности удобно и выгодно (дешевле) не самим заниматься логистической работой в отношении поставок своей продукции, а передать эти логистические процессы профессионалам – логистическим операторам. В таком законе можно разместить определения терминов-понятий «автономная логистика», «логистический оператор», «учет затрат в логистике», «логистический провайдер», «менеджмент в логистических процессах». В отдельных статьях закона можно раскрыть критерии эффективности работы логистического оператора, поиск груза в «умной логистике», внедрение и использование цифровизированных приборов и механизмов в транспортных средствах, вопросы ответственности логистических операторов, провайдеров. Следующие логистические услуги могут стать предметом ряда статей рассматриваемого законопроекта: транспортно-экспедиционные услуги, услуги по складу, складским операциям, оказание услуг по таможенному оформлению, предоставление услуг оператором по координации процесса закупок товаров.

В международном праве вопросам мировой логистики уделяется определенное внимание. Оно в той или иной мере проявляется в 305 международно-правовых документах, посвященных урегулированию вопросов транспорта, дорог, путей сообщения. Наиболее характерными, имеющими отношение к мировой логистике, можно назвать такие международные конвенции, как: Брюссельская конвенция об унификации некоторых правил о коносаменте от 25 августа 1924 года, Конвенция о дорожном движении от 19 сентября 1949 года (действует в редакции 1968 года); Конвенция о договоре международной перевозки грузов автомобильным транспортом от 19 мая 1956 года, Международная конвенция об упрощении и гармонизации таможенных процедур от 18 мая 1973 года, Конвенция о международных железнодорожных перевозках от 9 мая 1980 года в редакции Протокола об изменениях от 3 июня 1999 года. Но в международном праве нет специализированной конвенции по вопросам мировой логистики. Думается, было бы целесообразно под эгидой ООН (ЮНИДО) разработать и принять универсальную международную конвенцию под примерно таким названием: *«Об основных логистических требованиях, предъявляемых в процессе осуществления международных грузоперевозок»*.

Выводы. Ни одно предприятие, ни одна компания не может обойтись без логистики, с помощью которой достигается оптимальная перевозка и доставка грузов по назначению. Логистическую работу каждая фирма может осуществлять сама. Вместе с тем, она может войти в договорные отношения со специализированными логистическими компаниями и передать всю эту работу профессиональным логистам. В рамках логистических компаний можно совершенствовать логистическую деятельность, обрести навыки по нахождению и реализации наиболее оптимальных цепей поставок грузов, товаров, по использованию наиболее подходящих видов транспорта в целях ускоренного перемещения грузов. Транспортно-логистическая деятельность в Казахстане и за его пределами будет осуществляться более разумно, логично, оперативно, если будут разработаны и приняты новые казахстанские законы «О логистической работе

предприятий», «О передаче прав на реализацию логистических процессов логистическим операторам». Эта деятельность на международной арене станет более содержательной, если более рационально будут использованы существующие нормы о логистической деятельности в международных договорах и соглашениях о всех видах транспорта, а также разработаны и приняты новые специализированные международные соглашения о логистической деятельности.

Литература по теме

Создается крупнейшая железнодорожно-логистическая компания Европы. – В журнале: Транспорт. – 2013. – № 41. – С. 19.

Учрежден Евразийский союз транспортных, экспедиторских и логистических организаций. Транспорт. – 2012. – № 26. – С. 34.

Перспективы терминально-логистических центров. – В журнале: Международный экспедитор. – 2013. – № 1. – С. 18-23.

Информационные и интернет-технологии на транспорте и логистике.- В журнале: Интегрированная логистика. – 2013. – № 4. – С. 26-29.

Новый этап в развитии транспорта и логистики за рубежом. – В журнале: Транспорт: наука, техника, управление. – 2014. – № 12. – С. 46-51.

Транспортная логистика. Под общей редакцией Л.Б. Миротина. – Москва: изд-во «Экзамен», 2003. – 512 с.

Гаджинский А.М. Логистика: Учебник для высших средних и специальных учебных заведений. – 21-е издание, перераб. и доп. – Москва: издательско-торговая корпорация «Дашков и КО», 2014. – 420 с.

Уотерс Д. Логистика. Управление цепью поставок. Пер. с англ. – Москва: ЮНИТИ – ДАНА, 2003. – 503 с.

Один из важнейших холдингов страны (логистика как одно из направлений деятельности). – В журнале: Oil & Gas of Kazakhstan. – Астана. – 2019. – № 4. – С. 86-91.

5 ключевых проектов по переработке в Каспийском регионе и Центральной Азии. — В журнале: Oil & Gas of Kazakhstan. – Астана. – 2019. - № 4. – С. 172-173.

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАН, РЕГУЛИРУЮЩЕЕ ПОРЯДОК И ПРЕДЕЛЫ ДЕЙСТВИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА НА ИХ ТЕРРИТОРИИ

Тлепина Шолпан Валерьевна

*доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой Международного права
Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева
sholpanw@yandex.kz*

Пристальное внимание вопросам соотношения международного и внутригосударственного права, учитывая комплексность предмета исследования, уделялось с самого начала зарождения исследований в области теории международного права. Происходящие процессы глобализации, интеграции на международной арене все больше способствуют актуализации изучения вопросов соотношения этих двух неразрывно связанных между собой систем юридических норм.

Объективным выражением наличия непосредственной взаимосвязи между международным и национальным правом являются национальные конституции. Именно в конституции, акте высшей юридической силы, можно выявить какова позиция международно-правовых норм в национальном праве отдельного государства.

В доктрине конституционного права положение о том, что международный договор является одним из источников конституционного права, общепринято и в целом не дискутируется.

Наряду с договорно-правовыми нормами в международном праве существуют и обычные нормы, имеющие обязательную юридическую силу¹.

Многие общепризнанные нормы и принципы международного права относятся к нормам международного обычного

---

¹ Швядас Г., Чяпас А. Имплементация принципов международного права в уголовное законодательство Литовской Республики // Современное уголовное право и криминология. М., 2007. С. 144-159.

права. В юридической доктрине ряд ученых основываются на положении, что международное право покоится в основном на обычае. Дж. Кунцом высказывалась точка зрения, что обычай является иерархически более высокой формой норм международного права, чем договор².

По словам Л. Оппенгейма, «обычай является первоисточником международного права, договоры являются источником, сила которого вытекает из обычаев»³.

Следует также заметить, что в соответствии со ст. 38 Статута Международного суда ООН (1945 г.) суд «обязан решать переданные ему споры на основании международного права, применяет:

а) международные конвенции, как общие, так и специальные, устанавливающие правила, определенно признанные спорящими государствами;

б) международный обычай как доказательство всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы...»

Это обстоятельство дало основание профессору И.И. Лукашук заключить, что договор и обычай являются универсальными источниками, их юридическая сила вытекает из общего международного права⁴. В юридической доктрине данное положение носит общепризнанный характер и никем не оспаривается⁵.

Также немаловажным является то обстоятельство, что международные обычно-правовые нормы содержат большое

---

² Лазарев М.И. Теоретические вопросы современного международного морского права. М., 1983. С. 165.

³ Оппенгейм Л. Международное право. Т. 1, п/т 1. М., 1948. С. 35; Kelsen H. The Law of Unated Nations. London, New York, 1950. С. 706; Kunz J.L. Sanctions in International Law. AJIL. Vol. 54, 1960. № 2. С. 324; Левин Д.Б. Основные проблемы современного международного права. М., 1958. С. 105; David V. Sankce v mezinardnim pravu. Vrno., 1976. С. 11.

⁴ Лукашук И.И. Международное право: общая часть. М., 2008. С. 166.

⁵ Диноршоев А.М. Имплементация норм международного права как фактор, способствующий коллизии законодательства в области прав человека в Таджикистане // Юридическая техника. 2017. № 11. С. 422-425.

количество норм, имеющих универсальный характер в отношении как международного, так и внутреннего права. Например, обычно-правовые нормы, содержащиеся во Всеобщей декларации прав человека (1948), носят обязательный характер для всех государств. Если даже в силу определенных причин те или иные государства, скажем, не присоединились к таким универсальным международным правовым актам о правах человека, как Международные пакты о гражданских и политических правах и об экономических, социальных и культурных правах (1966), являющимся по своей правовой природе международными договорами, то и в этом случае нормы, содержащиеся в этих документах, носят обязательный для этих государств характер.

Таким образом, с точки зрения международного права, трудно обосновать положение о том, почему, например, императивные нормы международного права, к которым относятся по существу общепризнанные принципы и нормы международного права, обладают в правовой системе той или иной страны более низким статусом, чем договорно-правовые нормы, на что справедливо указывается и в юридической литературе⁶. Положения конституции и национального законодательства, которые устанавливают условия и пределы действия международного права, позволяют говорить о том, что международные правовые акты как источники права являются важным аспектом взаимодействия международного и национального права⁷. Специфика юридических свойств международно-правовых норм заключается в том, что они не могут действовать непосредственно на территории государства без помощи национального права, поскольку государство должно обеспечить его фактическое исполнение на всей

---

⁶ Каландарли С.Г. Особенности международных правовых актов как источников конституционного права Азербайджанской Республики // Современное право. 2013. №8. С. 152-157.

⁷ Француз А.И. Актуальные вопросы и теоретико-правовые основы механизма имплементации норм международного гуманитарного права в национальное законодательство Украины // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Д. Экономические и юридические науки. Теория и история государства и права. 2015. № 5. С. 143-147.

своей территории всеми органами и лицами, находящимися под его юрисдикцией⁸.

Пределы действия международного права мы наблюдаем в ряде статей конституций постсоветских государств. Например, в Конституции Азербайджанской Республики, где предусмотрены гарантии осуществления международно-правовых норм, получившие свое отражение в ряде ст. 1, 7, 10, 12, 95 (ч. 1 п. 4), 109 (п. 17 и 30), 130 (ч. 3 п. 6 и ч. 10), 148 (ч. 2), 151. Так, ст. 148 «Акты, входящие в систему законодательства Азербайджанской Республики» Конституции Азербайджанской Республики содержит важное положение о том, что международные договоры, стороной которых является Азербайджанская Республика, – составная часть системы законодательства Азербайджанской Республики, т. е. международные договорно-правовые нормы непосредственно включены в правовую систему страны. Включение международно-правовых норм непосредственно в правовую систему страны имеет важное практическое значение. Оно позволяет правоприменительным органам (включая и суды) в рамках своих полномочий, определенных законом, непосредственно применять международные договорно-правовые нормы. Особенно это важно относительно основных прав и свобод человека, получивших правовое закрепление в таких базовых международных документах универсального и регионального характера, как Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г., Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. и Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г.⁹.

---

⁸ Минина Н.В. Проблемы имплементации норм международного права в российской правовой системе // Вестник ВИ МВД России. 2011. № 4. С. 137-140.

⁹ Ахмедов М.Б., Ревин В.П., Ревина В.В. Процессы имплементации международных правовых норм в национальное право Азербайджанской Республики и Российской Федерации // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика право. 2018. № 1. С. 74-82.

Парламент Азербайджанской Республики – Милли Меджлис – устанавливает общие правила по вопросам ратификации и денонсации международных договоров. Конституция Азербайджанской Республики устанавливает акты, входящие в систему законодательства Азербайджанской Республики. К ним отнесены: международные договоры, стороной которых является Азербайджанская Республика. О соотношении международно-правовых норм и национального законодательства говорится следующее: «При возникновении противоречия между нормативно-правовыми актами, входящими в систему законодательства Азербайджанской Республики (исключая Конституцию Азербайджанской Республики и акты, принятые путем референдума), и межгосударственными договорами, стороной которых является Азербайджанская Республика, применяются международные договоры».

В Конституции Эстонской Республики (от 28 июня 1992 года) закреплено, что общепризнанные принципы и нормы международного права являются неотъемлемой частью правовой системы Эстонии¹⁰.

Ст. 10 Конституции Республики Таджикистан провозглашает: международно-правовые акты, признанные Таджикистаном, являются составной частью правовой системы республики. В случае несоответствия законов республики признанным международно-правовым актам применяются нормы международно-правовых актов¹¹.

В правовой системе Республики Таджикистан вопросы соотношения международного и внутригосударственного права, закреплены в статье 10 Конституции Республики Таджикистан: международно-правовые акты, признанные Таджикистаном, являются составной частью правовой системы республики. В случае несоответствия законов республики признанным междуна-

---

¹⁰ Конституция Эстонской Республики (принята 28 июня 1992 года) URL: http://www.concourt.am/armenian/legal_resources/world_constitutions/constit/estonia/estoni-r.htm (дата обращения 1 декабря 2018 г.).

¹¹ Конституция Республики Таджикистан (принята всенародным референдумом 6 ноября 1994 года). URL: <http://www.president.tj/ru/taxonomu/term/5/112>. (дата обращения 1 декабря 2018 г.).

родно-правовым актам применяются нормы международно-правовых актов. Содержание этой статьи Конституции подразумевает, что нормы международного права являются составной и неотъемлемой частью правовой системы Республики Таджикистан.

Л. Оппенгейм отмечал сочетание начала развития международного права как универсального и системного явления с победой «конституционного правительства над неограниченным»¹². В конце XIX в. Ф.Ф. Мартенс писал следующее: «... современное положительное международное право нельзя понять, не зная действующего государственного права образованных народов». По его словам, нормы государственного (конституционного) права «очевидно, должны оказывать влияние на право, обеспечивающее социальные интересы каждого народа в области международных отношений»¹³.

Аксиоматичным считается утверждение, согласно которому внутригосударственные системы права, в частности, конституции и национальные отрасли права в целом, подвержены значительному влиянию со стороны международного права. Это подтверждается тем, что положения многих новейших конституций, которые устанавливают основы правового статуса личности, заимствованы из ключевых международных договоров по правам человека. Существенное значение для конституционного регулирования имеют положения законов, отражающие содержание принципов международного права, создают юридические предпосылки для участия государств в разных интеграционных процессах, обеспечивают реализацию международно-правовых норм во внутригосударственных отношениях и ряд других. По мнению некоторых авторов, за счет роста влияния международного права на внутригосударственное право наблюдается тенденция «конституционализации международного права»¹⁴. Сближение содер-

---

¹² Оппенгейм Л. Международное право. Т. 1. М., 1948. С. 100.

¹³ Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. Т. 1. М., 2008. С. 162.

¹⁴ Лукашук И.И. Взаимодействие международного и внутригосударственного права в условиях глобализации // Журнал российского права. 2002. № 3. С. 121.

жания международного права и новейших конституций, среди прочего, поясняется сходством и совпадением по предметам регулирования. Соответствующие изменения в конституционном регулировании были в определенной степени обусловлены становлением современного международного права. Одной из особенностей новейших конституций является наличие в их текстах положений о внешнеполитической деятельности государства, где в общей форме идет речь о международном праве. В определенных странах участие государства в развитии международного права классифицируется как конституционно определенные задачи (цели) внешнеполитической деятельности. Так, в ст. 2 Конституции Швейцарии установлено, что государство выступает за «мирный и справедливый международно-правовой порядок», а согласно ст. 90 Конституции Нидерландов «правительство должно содействовать развитию международного правопорядка»¹⁵. Зачастую в основных законах определяются принципы внешнеполитической деятельности государства и устанавливается их связь с международным правом. В определенных случаях в конституции государства провозглашаются конкретные принципы внешнеполитической деятельности государства (Азербайджан, Туркменистан).

Среди основных принципов международного права в контексте исследуемой проблематики следует выделить принцип добросовестного исполнения международных обязательств. В ряде конституций требование исполнения международных договоров сформулировано как принцип или один из принципов внешнеполитической деятельности государства (Азербайджан, Молдова). Международно-правовое «звучание» имеют другие положения конституций, в частности, о постоянном нейтралитете либо о постоянно нейтральном государстве (Молдова, Туркменистан).

Вопрос соотношения по юридической силе актов национального права и международных договоров решается, хотя и частично, в положениях конституций, касающихся верховенства

---

¹⁵ Шаповал В.Н. К вопросу о взаимосвязях Конституции и международного права // Вестник Саратовской Государственной юридической академии. 2013. № 4 (93). С. 109-116.

международного права. В то же время данные положения сформулированы различным способом. Обычно речь идет о примате, верховенстве международных договоров относительно законов или относительно законов и подзаконных актов¹⁶.

Основные законы Азербайджана и Таджикистана предусматривают, что если международными договорами установлены иные правила, чем те, которые содержатся в законе или подзаконном акте, применяются правила договора. В условиях, когда в конституции не предусмотрен примат международных договоров, не исчезает практическая необходимость определения их соотношения по силе с актами национального права. В случае ратификации международного договора путем принятия закона договор объективно приобретает силу закона. Юридическая сила договора зависит, в частности, от предварительного одобрения договора парламентом, а также от места акта, которым выражено такое согласие, в иерархической системе национального права. Конституционно признанный приоритет международного права не имеет абсолютного характера и обычно не касается самого основного закона.

Существует тенденция к установлению фактического приоритета международных договоров, которые регламентируют процессы общеевропейской интеграции, относительно отдельных положений основных законов государств-участников этих процессов. Данную тенденцию отражает предусмотренная теми же конституциями передача части полномочий государственных органов соответствующим наднациональным учреждениям. Однако данная тенденция не отрицает юридических свойств конституции как основного закона государства, значения конституционного регулирования для организации и осуществления всех функций государства, включая внешние¹⁷.

---

¹⁶ Шаповал В.Н. К вопросу о взаимосвязях Конституции и международного права // Вестник Саратовской Государственной юридической академии. 2013. № 4 (93). С. 109-116.

¹⁷ Шаповал В.Н. К вопросу о взаимосвязях Конституции и международного права // Вестник Саратовской Государственной юридической академии. 2013. № 4 (93). С. 109-116.

Таким образом, в доктринах конституционного права постсоветских стран признается, что одним из источников конституционного права является международный договор. Одновременно, как известно, в международном праве существуют и обычные нормы, имеющие обязательную юридическую силу.

Многие общепризнанные нормы и принципы относятся к нормам международного обычного права.

Следует отметить, что императивные нормы международного права в правовых системах государств обладают более низким статусом, чем договорно-правовые нормы.

Международно-правовые нормы не могут непосредственно действовать на территории государства без помощи национального права. Вместе с тем, конституции и отрасли права подвержены влиянию со стороны международного права. В конституциях предусмотрен примат международных договоров.

Анализ опыта конституционно-правового развития рассмотренных постсоветских стран показывает прикладное отношение к международному праву, его прогрессивному развитию, соответствие фундаментальным нормам международного права и Устава ООН.

Республики обладают многозначительным (правотворческим, правоприменительным, судейно-административным, арбитражным) ресурсом участия в совершенствовании международного права. Этот потенциал можно прогнозировать посредством многофакторного и многоаспектного государственного сотрудничества с разными странами и международными организациями.

Роль стратегического партнерства, равноправных отношений в сфере широкой интеграции, построения общего евразийского политического и экономического пространства и международного правопорядка будет объективно возрастать в этом направлении¹⁸.

Национальное право республик приспосабливается к возрастающей роли внутригосударственной правовой системы в имплементации норм международного права.

---

¹⁸ Лукашук И.И. Международное право: общая часть. М., 2008. С. 166.

Международное право является частью национального права, и это обеспечивает параллельное функционирование норм обеих систем права в той сфере внутригосударственных отношений, которую определяет законодатель. В то же время национальное право на данном этапе остается доминирующим регулятором внутригосударственных отношений. Однако если государство в определенной сфере посредством международного договора приняло на себя обязательство, то в случае коллизии между нормами международного договора, содержащимися в международном договоре, участником которого является государство, и нормами его внутреннего права приоритет имеют нормы, которые содержатся в международном договоре.

СУВЕРЕННОЕ РАВЕНСТВО ГОСУДАРСТВ И ВОПРОС ОБ ИХ РЕАЛЬНОМ РАВНОПРАВИИ

Черниченко С.В.

*заслуженный деятель науки РФ, профессор,
доктор юридических наук*

Принцип суверенного равенства государств – один из основных принципов международного права (базовых принципов). Он признается всеми государствами мира и имеет универсальный характер. Его содержание раскрыто в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 24 октября 1970 года, в резолюции 2625 (XXV).

Эта резолюция является рекомендацией. Но она была принята без голосования и рассматривается как официальное толкование со стороны ООН почти всех основных принципов международного права. Никогда никто из членов ООН не сомневался в авторитете данной Декларации.

В Декларации сказано, что все государства пользуются суверенным равенством. Они имеют одинаковые права и обязанности и являются равноправными членами международного сообщества.

Понятие суверенного равенства включает, в частности, такие элементы:

- а) государства юридически равны;
- б) каждое государство пользуется правами, присущими полному суверенитету;
- в) каждое государство обязано уважать правосубъектность других государств.

Эти элементы должны быть выделены, когда необходимо обсудить вопросы о равноправии государств в сфере международных отношений.

В английском тексте Декларации о принципах международного права употребляется одно и то же слово «*equal*», идет ли речь об одинаковых правах и обязанностях государств, или о том, что они являются полноправными членами международного сообщества, или о том, что все государства юридически равны. Это побуждает думать, что государства именно равны юридически, а не об их равноправии.

Если же мы говорим об их равноправии, а не об их юридическом равенстве, необходимо иметь в виду, что государства имеют в той или иной степени разную правоспособность и дееспособность. Одинаковые права и обязанности государств могут иметь разный объем. Это видно при рассмотрении их правоспособности и дееспособности. Германия после разгрома в 1945 году была правоспособной, но не дееспособной. Победившие державы на Берлинской (Потсдамской) конференции намечали после денацификации и демилитаризации Германии провести свободные выборы и тем самым восстановить дееспособность Германии. Поскольку дальнейший ход событий привел к созданию ФРГ и ГДР, Германия (1871 – 1949 гг. приблизительно) прекратила свое существование как субъект международного права.

Ирак потерял свою дееспособность во время американской и британской оккупации, но не перестал быть членом ООН, не утратил своей правоспособности и, разумеется, своего суверенитета.

Другой пример различия, на этот раз правоспособности, это так называемое «взвешенное голосование», иногда встречающееся в международных организациях, когда члены организации обладают разным количеством голосов при принятии решений.

Наконец, институт постоянного членства в Совете Безопасности ООН также свидетельствует о различии правоспособности между постоянными и другими членами Совета безопасности. Объяснение этому простое. Именно на постоянных членах лежит особая ответственность за поддержание международного мира.

Необходимо отметить, что передача каким-либо государством суверенных прав международной организации возможна.

Трансформация этих прав в полномочия организации не влечет за собой перехода суверенитета частично к этой организации. Трансформация таких прав в компетенцию организации не говорит об утрате членами организации какой-то части своего суверенитета. Например, члены Европейского Союза сохраняют свой суверенитет. Суверенитет неделим.

Возникает вопрос о том, как следует понимать положение Декларации о полном суверенитете, присущем государству. Если государства как носители суверенитета равны, нельзя говорить о полном суверенитете. Он либо есть, либо его нет. Возможно, здесь присутствует просто грамматическое усиление тезиса о суверенном равенстве государств, так как термин «суверенитет» встречается в философии и иногда в политологии, но несколько в другом значении.

Вопрос о полном суверенитете может возникнуть в отношении Украины и Белоруссии в период их нахождения в составе СССР. Они были частью Советского Союза. Они считались суверенными по советской Конституции. Но это не был суверенитет в международно - правовом смысле. Однако в ООН они рассматривались как такие же члены ООН, как и самостоятельные государства. Видимо, это была правовая фикция, обусловленная политическими соображениями (или правовое допущение).

Индия стала членом ООН еще в то время, когда она находилась в зависимости от Великобритании. Она получила независимость в 1947 году. Она являлась продолжателем Индии, которая была членом с самого начала создания ООН. Пакистан, который раньше был частью Индии, был принят в ООН как новое государство.

Все сказанное выше необходимо учитывать при анализе вопросов, относящихся к государственному суверенитету.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ МАЛЬТИЙСКОГО ОРДЕНА

Шахмурадов Андрей Рауфович

*студент кафедры международного права
Российский университет дружбы народов
Shahmuradovandrei@mail.ru*

В первую очередь, необходимо определить, что понимается под международной правосубъектностью. Единственным на данный момент международно-правовым актом, косвенно раскрывающим понятие международной правосубъектности, является консультативное заключение Международного суда ООН «Возмещение за увечья, понесенные на службе ООН» 1949 года, в котором говорится, что субъект международного права обладает международными правами и обязанностями, а также имеет возможность отстаивать свои права с помощью заявления международных претензий¹. Из этого положения можно вывести определение международной правосубъектности. Международная правосубъектность это способность иметь международные права и обязанности, а также возможность отстаивать свои права, заявляя международные претензии. К сожалению, в настоящее время ни в одном международно-правовом договоре не дается ее определение, могущее раз и навсегда поставить точку этом вопросе. Поэтому до сих пор в доктрине международного права существует множество концепций правосубъектности. К примеру, Роланд Портман выделяет пять концепций международной правосубъектности: формальную, индивидуалистическую, эффективных участников, концепцию исключительно государств и концепцию признания². Наличие разногласий в определении сути международной правосубъектности, разумеется, приводит ко

---

¹ Reparation for injuries suffered in the service of the United Nations, Advisory Opinion: I.C.J. Reports 1949. P. 174.

² Portmann R. Legal personality in international law, Cambridge University Press, 2010. P. 13.

множеству споров относительно того, являются ли конкретные участники международных отношений субъектами международного права. Среди всех этих споров привлекают внимание дискуссии о правосубъектности Святого Престола и Суверенного военного гостеприимного ордена Святого Иоанна, Иерусалима, Родоса и Мальты. Высказываются различные мнения о правовой природе этих публичных образований. Однако международная правосубъектность Святого Престола в наше время практически не оспаривается. Преобладающая в науке международного права точка зрения относит его к *persona sui generis*, то есть единственному в своем роде, международная правосубъектность которого не зависит от наличия суверенной территории³. Ситуация же с Мальтийским Орденом значительно отличается, так как многими государствами и научными деятелями правосубъектность Ордена не признается вообще. Для того, чтобы дать оценку международной правосубъектности Ордена, необходимо обратиться к его истории. Истоки деятельности Мальтийского Ордена лежат еще в 600 году, когда по поручению папы римского Григория в Иерусалиме был построен госпиталь для постоя и лечения пилигримов. Но сам Орден был основан только в 1113 году Жераром Благословенным. С этого момента начинается история госпитальеров как официального образования. В последующие годы иоанниты отказались от своей изначально цели, начав масштабную военную деятельность на Святой земле⁴. После падения Иерусалимского королевства в 1291 году Орден укрылся сначала на Кипре, а затем укрепился на Родосе, где просуществовал до 1522, когда турецкий султан с помощью многочисленного войска изгнал госпитальеров с острова. Тогда рыцари обосновались на Мальте, превратив пустующий остров в хорошо укрепленный аванпост. В 1798 году Наполеон в ходе своей военной кампании

---

³ Дьяченко С.В. Особенности международной правосубъектности Святого Престола // Автореферат диссертации, МГИМО МИД РФ, 2008. С. 8.

⁴ Эддисон Ч. Орден тамплиеров. История братства рыцарей Храма и лондонского Темпла / пер. с англ. О.Д. Сидоровой. – М: Центрполиграф, 2018. С. 55-59.

изгнал иоаннитов с Мальты. После этого Орден фактически разделился. Короткое время часть мальтийских рыцарей жила при дворе императора Павла I в России, а другая часть расселилась по континентальной Европе. В итоге рыцари разделились на множество сегрегаций, однако исторический Орден обосновался в 1834 году в Риме⁵. В 1962 году был избран новый Великий Магистр, Мохана ди Колоњи, при котором началась деятельность Ордена на международной арене. При посредничестве Святого Престола Мальтийский Орден начал претендовать на признание государств и установление дипломатических отношений с ними. Нунции настойчиво просили представителей стран оказать Святому Престолу маленькую услугу, установив дипломатические отношения с Суверенным военным гостеприимным орденом. Так, в настоящее время Мальтийский Орден поддерживает дипломатические отношения более чем со ста странами. Кроме того, еще с 60-х годов прошлого столетия Орден активно устанавливает отношения на уровне представительств с международными организациями⁶. Сейчас Мальтийский Орден имеет статус постоянного наблюдателя при Генеральной Ассамблее ООН, а также специальные наблюдательские миссии при специализированных учреждениях ООН, в том числе, при МФСР, ЮНЕСКО, ФАО, ЮНИДО, ЮНЕП, ВОЗ и некоторых других. У Ордена имеются официальные представительства при Африканском союзе в Аддис-Абабе, при Совете Европы в Страсбурге и при Международном Комитете Красного Креста в Женеве⁷. Орден чеканит собственную монету, так называемый мальтийский скудо, который,

---

⁵ Андреев А.Р., Захаров В.А., Настенко И.А. История Мальтийского Ордена XI–XX веков. М: SPSL – «Русская панорама». 1999 г. С. 15-77.

⁶ Захаров В.А. Проблемы суверенитета Мальтийского ордена и его международно-правовое положение // «Современное право», № 5, 2007. С. 103-104.

⁷ Многосторонние отношения Ордена. Официальный сайт Суверенного Мальтийского Ордена. URL: <https://www.orderofmalta.int/diplomatic-activities/multilateral-relations> (дата обращения 28.04.2019).

впрочем, не является официальным средством денежных расчетов⁸. У иоаннитов имеются и свои почтовые марки, хотя сам Орден не является членом Всемирного почтового союза. Дабы легитимизировать хождение собственных почтовых марок, руководство Ордена заключает с государствами специальные почтовые соглашения, а затем использует маркированные конверты для письма вкупе с признанными марками, в том числе почтовыми марками Святого Престола. Мальтийский Орден выказывает сильную заинтересованность в реализации благотворительных и гуманитарных программ. У иоаннитов значимое место занимает так называемая «гуманитарная дипломатия», в рамках которой Орден помогает государствам в решении вопросов здравоохранения, социального обеспечения и спасения жертв вооруженных конфликтов⁹. Своей деятельностью мальтийские рыцари добились упрочения роли Ордена в международных отношениях, поэтому вопрос об их суверенитете и дипломатическом признании стал менее острым. В конституции Мальтийского Ордена статус суверенного субъекта международного права закрепляется в третьей статье¹⁰. Из сложившейся в международном праве и описанной выше практики явствует, что международная правосубъектность Мальтийского Ордена фактически подтверждается существующими политико-правовыми связями самого Ордена с другими государствами и международными организациями. Однако нерешенным остается вопрос о характере международной правосубъектности Мальтийского Ордена. В доктрине на этот счет существуют разные взгляды. Некоторые обозначают

---

⁸ Cuhaj G.S. Standard Catalog of World paper money. Specialized issues — 12-е изд. — Iola: Krause Publications, 2013. P. 45.

⁹ Гуманитарная дипломатия. Официальный сайт Суверенного Мальтийского Ордена. URL: <https://www.orderofmalta.int/diplomatic-activities/humanitarian-diplomacy> (дата обращения 26.04.2019).

¹⁰ Конституционная хартия и кодекс Суверенного военного гостеприимного ордена Святого Иоанна, Иерусалима, Родоса и Мальты от 27 июня 1961 год (с изменениями от 1997 года). URL: <https://www.orderofmalta.int/wp-content/uploads/2016/07/Sovereign-Order-of-Malta-Constitutional-Charter-and-code.pdf> (дата обращения 26.04.2019).

Орден экстерриториальным государственным образованием. В.А. Захаров, например, считает, что при определенных оговорках Мальтийский Орден можно отнести как и к категории несuverенных (вторичных) субъектов международного права, так и к категории специфических международных общественных организаций¹¹. Г.В. Игнатенко и О.И. Тиунов в своем учебнике относят Мальтийский Орден именно к государствовподобным образованиям. Они отмечают, что для подобных субъектов международного права характерен относительно самостоятельный международно-правовой статус¹². Трудно не согласиться с их мнением, поскольку детальностью Мальтийского Ордена ограничивается, как минимум, Святым Престолом. Это исходит как из фактической стороны (официальной религией является католичество), так и из правовой (в соответствии с положениями части третьей статьи тринадцатой Конституции Ордена Папа римский участвует в процедуре выборов Великого Магистра). Поэтому в заключении данной статьи следует подытожить: Мальтийский Орден является субъектом международного права, о чем свидетельствует практика его международных сношений, исторические особенности и огромная роль в осуществлении благотворительной гуманистической деятельности во многих странах; Мальтийский Орден по характеру своей международной правосубъектности является государствовподобным образованием, производным и относительно самостоятельным субъектом международного права.

---

¹¹ Захаров В.А. Проблемы суверенитета Мальтийского ордена и его международно-правовое положение // «Современное право», № 5. 2007. С. 106.

¹² Игнатенко Г.В., Тиунов О.И. Государствовподобные образования // Международное право: Учеб. для вузов / Отв. ред. Г.В. Игнатенко и О.И. Тиунов. – М.: НОРМА–ИНФРА, 1999. С. 79.

ЮРИДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И СУЩНОСТЬ СОМАТИЧЕСКИХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Щербакова Екатерина Андреевна

студент

Российский университет дружбы народов

Для начала обратимся к теории и вспомним три основных поколения прав человека: первое из них представляет собой гражданские и политические права, закрепленные в Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 года¹ (соответственно это право на жизнь, на личную неприкосновенность, на свободу передвижения и др.), второе – экономические, социальные и культурные права, закрепленные в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах 1966 года² (это право на труд, на социальное обеспечение, на отдых, на образование и др.) и третье – так называемые коллективные права или права солидарности (право народов на самоопределение, на развитие, на международный мир и безопасность).

Однако во второй половине XX века появляется новая концепция прав человека, которая получила название соматических прав, что обусловлено несколькими факторами: во-первых, это стремительный технологический прогресс, во-вторых, высокие достижения в науке и медицине, в-третьих, смена мировоззрения у большинства населения. В связи с вышеперечисленными изменениями, которые произошли за последние 50-70 лет мы можем выделить новую правовую категорию соматических

---

¹ Резолюция ГА ООН. Международный пакт о гражданских и политических правах. 16 декабря 1966 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения 27 апреля 2019 г.).

² Резолюция ГА ООН. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах. 16 декабря 1966 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (дата обращения 27 апреля 2019 г.).

прав, которая «в международном праве обычно обозначается как «защита прав человека в сфере биоэтики» или «права человека и развитие биологии и медицины»³.

Считается, что одним из основоположников данной концепции прав человека является В.И. Крусс, который определяет эти права как «... группу таких прав, которые основываются на фундаментальной мировоззренческой уверенности в «праве» человека самостоятельно распоряжаться своим телом: осуществлять его «модернизацию», «реставрацию» и даже «фундаментальную реконструкцию», изменять функциональные возможности организма и расширять их технико-агрегатными либо медикаментозными средствами»⁴. Существует и другая точка зрения, согласно которой соматические права представляют собой признанную государством и обществом возможность определенного поведения, которая выражается в полномочиях человека распоряжаться своим собственным телом. Таким образом, в XXI веке человек получает реальную возможность изменить себя и, в целом, весь человеческий род: стали возможными однополые браки, при невозможности иметь ребенка семейные пары могут обращаться в центры репродуктивных технологий, а в дальнейшем будущем может появиться возможность клонирования человека⁵.

Далее приведем классификацию соматических прав, разработанную М.А. Лавриком⁶:

---

³Абашидзе А.Х., Солнцев А.М. Нюрнбергский кодекс и дальнейшее международно-правовое регулирование вопросов биоэтики // Российский ежегодник международного права. 2006. СПб., 2007. С. 122-133; Глушкова С.И. Права человека в России: Учебное пособие. М., 2005. С. 363-391; Йорыш А.И. Правовые и этические проблемы клонирования человека // Государство и право. 1998. № 11. С. 67.

⁴Крусс В.И. Актуальные аспекты проблемы злоупотребления правами и свободами человека / В.И. Крусс // Государство и право. 2002. № 7. С. 46-53.

⁵См. Абашидзе А.А., Солнцев А.М. Новое поколение прав человека: соматические права // Московский журнал международного права. Январь-март 2009 г. № 1 (73). С. 69-70.

⁶Лаврик М.А. К теории соматических прав человека // Сибирский юридический вестник. 2005. № 3. С. 24-25.

1) право на смерть (например, эвтаназия разрешена в Нидерландах, Бельгии, Голландии, Швейцарии (в кантоне Цюрих), Люксембурге, Канаде, в некоторых штатах США (Вашингтон, Вермонт, Джорджия и Орегон);

2) права человека относительно его органов и тканей (например, в Российской Федерации в законодательстве закрепляется презумпция согласия умершего человека на изъятие органов и (или) тканей для трансплантации⁷);

3) сексуальные права человека;

4) репродуктивные права человека (право на искусственное оплодотворение, на аборт и др.);

5) право на перемену пола;

6) право на клонирование как всего организма, так и отдельных органов;

7) право на употребление наркотиков и психотропных веществ.

Стоит также отметить, что теоретическая разработка соматических прав начиналась в рамках конституционного права и развивали данную концепцию вышеупомянутые ученые – В.И. Крусс и М.А. Лаврик⁸, а также в рамках теории права и философии права – А.И. Ковлер и О.Э. Старовойтова.

В науке существует такая точка зрения, согласно которой соматические права входят в категорию личностных прав⁹. Соматические права на данном этапе развития не представляется возможным встроить в существующую классификацию прав и свобод человека и гражданина ввиду того, что, с одной стороны, они направлены на самого человека, на возможность распоряжаться

---

⁷ О трансплантации органов и (или) тканей человека: Федеральный Закон от 22.12.1992 № 4180-1 (в ред. 23.05.2016). URL: <http://base.garant.ru/136366/> (дата обращения 27 апреля 2019 г.)

⁸ Крусс. В.И. Личностные («соматические») права человека в конституционном и философско-правовом измерении: к постановке проблемы // Государство и право. 2000. № 10. С. 43-50; Лаврик М.А. Права человека: новации в понимании и юридической фиксации // Электронный журнал «Российское право в Интернете». 2005 (03).

⁹ См. Ковлер. А.А. Антропология права. М., 2002. С. 89.

своим телом, а с другой стороны, данные действия требуют признания со стороны общества и государства. Нельзя не согласиться с такой позицией, ведь действительно, по своей сути, соматические права связаны с самим человеком, его органами и тканями, то есть телесной оболочкой.

Однако существует и прямо противоположная точка зрения относительно возникновения и места соматических прав – другие ученые считают, что соматические права являются частью естественных прав, «при этом в системе прав право на жизнь и право на смерть являются центральными»¹⁰.

Рассмотрим основные особенности соматических прав:

1. Уникальный и специфический характер объекта прав – тело самого человека.
2. Становление соматических прав неразрывно связано с научно-техническим прогрессом и развитием науки и медицины.
3. Спорное отношение к данной категории прав со стороны морали, религии и политики.
4. Взаимосвязь с основными конституционными правами человека ввиду особой связи с естественными правами человека.
5. Свообразные правовые последствия (так как все зависит от права человека на распоряжение своим телом)
6. Необходимость признания со стороны общества и государства.

Исходя из вышеперечисленных признаков, мы можем сделать вывод, что соматические права можно считать самостоятельной правовой категорией.

Далее остановимся на основных международных организациях, в рамках которых регулируются отдельные аспекты реализации соматических прав: это ООН, Организация ООН по образованию, науке и культуре (ЮНЕСКО) и Совет Европы. Особого внимания заслуживают два документа, среди которых резолюция Комиссии по правам человека 2003/69 «Права человека

---

¹⁰ Старовойтова О.Э. Юридический механизм реализации и защиты соматических прав человека и гражданина в Российской Федерации: историко-правовой и теоретический анализ: автореферат. дис. д-ра юрид. Наук. СПб., 2006. С. 14.

и биоэтика» от 25 апреля 2003 года¹¹ и проект международной конвенции ООН против клонирования человека в целях воспроизводства от 2003 года¹², в котором утверждается, что «клонирование человека в каких бы то ни было целях является аморальным, нравственно отвратительным и противоречащим должному уважению человеческой личности и не может быть оправдано или признано допустимым», и выражается озабоченность эксплуатации женщин в будущем. Также одним из главных постулатов данного документа является призыв к государствам принимать меры по запрещению определенных методов генной инженерии, которые могут негативно отразиться на уважении человеческого достоинства. Однако ввиду отсутствия консенсуса между государствами данная конвенция не была принята (80 государств проголосовали «за», в том числе Российская Федерация, 79 – «против» и 15 государств воздержались). Следует отметить и Декларацию ООН о клонировании человека, принятую Резолюцией 59/280 Генеральной Ассамблеи от 8 марта 2005 года¹³, которая призывает государства-члены «принять все меры, необходимые для соответствующей защиты человеческой жизни в процессе применения биологических наук», «запретить все формы клонирования людей в такой мере, в какой они несовместимы с человеческим достоинством и защитой человеческой жизни», «принять меры, необходимые для запрещения использования методов генной инженерии, которые могут противоречить человеческому достоинству» и «принять меры для предотвращения эксплуатации женщин в процессе применения биологических наук».

---

¹¹ Резолюция Комиссии по правам человека 2003/69. Права человека и биоэтика. 25 апреля 2003 г. URL: <https://undocs.org/ru/E/CN.4/2003/L.95> (дата обращения 28 апреля 2019 г.).

¹² См. Резолюция ГА ООН. Международная конвенция против клонирования человека в целях воспроизводства. 2003 г. URL: https://digitallibrary.un.org/record/507789/files/A_58_L-37-RU.pdf (дата обращения 28 апреля 2019 г.).

¹³ См. Резолюция ГА ООН 59/280. Декларация ООН о клонировании человека. 8 марта 2005 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/decl_clon.shtml (дата обращения 28 апреля 2019 г.).

Особым документом в данной области также можно считать Конвенцию о защите прав и достоинства человечества в связи с применением достижений биологии и медицины, которая принята Советом Европы 4 апреля 1997 года¹⁴. В Конвенции фиксируются основные положения в биотехнологической области, например, запрет на выбор пола (статья 14), запрет дискриминации по признаку генетического наследия (статья 11), защита лиц, выступающих в 59/ качестве испытуемых (статья 16) и др.

Что же касается регулирования соматических прав в Российской Федерации, то на данный момент отсутствует единый закон, однако в 1997 году проект федерального закона «О правовых основах биоэтики и гарантиях ее обеспечения» был внесен в Государственную Думу, но в 2003 году был отклонен¹⁵.

Подводя итог вышеизложенному, можем сделать вывод, что в XXI веке концепция соматических прав получила широкое развитие. Однако нельзя не признать тот факт, что на данный момент эти права не получили достаточного урегулирования с правовой точки зрения как в Российской Федерации, так и за рубежом, и по сей день этот вопрос остается проблемным: наблюдается негативное отношение к таким правам как со стороны общества, так и со стороны государства, поэтому данный институт требует дальнейшего изучения и правовой регламентации.

---

¹⁴ См. Совет Европы. Конвенция о защите прав и достоинства человечества в связи с применением достижений биологии и медицины. 4 апреля 1997 г. URL: <http://hrlibrary.umn.edu/russian/euro/Rz37.html> (дата обращения 28 апреля 2019 г.).

¹⁵ Постановление Государственной Думы РФ № 1253-III ГД URL: <http://base.garant.ru/3101506/> (дата обращения 28 апреля 2019 г.).

СЕКЦИЯ

**МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО:
НОВЫЕ УГРОЗЫ И ВЫЗОВЫ**

СОВРЕМЕННЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ: ОСОБЕННОСТИ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Байрамов Фарман Джангир оглы,

*кандидат юридических наук,
и.о. заведующего кафедрой уголовного права и процесса
Московского государственного
гуманитарно-экономического университета*

Международные отношения – это совокупность политических, экономических и иных связей и отношений между основными субъектами международного права.

Вместе с тем, современные международные отношения связаны не только с политикой и экономикой, они проявляются в разных сферах общественной жизни, в том числе таких, как право, история, культура, философия и религия.

Конечно же, международные правоотношения на современном этапе своего развития очень тесно взаимосвязаны с таким процессом как глобализация.

Можно выделить следующие основные особенности состояния международных отношений современности.

К первой особенности можно отнести то обстоятельство, что в современном мире становится все больше глобальных угроз, для решения которых государствам необходимо объединяться и находить способы и средства для их решения.

При этом, глобальные угрозы условно можно разделить на две основные категории - традиционные и новые. Традиционными угрозами являются - нераспространение оружия массового поражения, угроза войны с применением ядерного вооружения и загрязнение окружающей среды.

Ко второй категории угроз можно отнести такие угрозы как: международный терроризм, международная информационная безопасность, возрастание роли и влияния Транс Национальных Корпораций (далее – ТНК) на мировую экономическую и правовую системы.

Второй особенностью современного развития международных отношений является то, что они развиваются, как правило, в интересах экономически сильных стран, при этом ущемляя интересы менее сильных стран, путем несправедливого перераспределения ресурсов планеты, а также навязывания им западного мировоззрения и ценностей.

Учитывая, что доминирующее место среди сильнейших стран мира занимает США, интенсивно происходит процесс американизации других стран, проходящий под различными предложениями и лозунгами. Суть этих процессов сводится к тому, что США является практически единственным образцом и оплотом демократии, и она может и должна помочь другим странам в процессе демократизации.

Третьей особенностью является то, что сегодня большую и важную роль в международных отношениях играет Китай (КНР), со своей мощной экономикой. Мощная быстрорастущая экономика дает Китаю возможность оказывать влияние на международные отношения и распределение сил в мире. Конечно же, в настоящее время Российская Федерация интенсивно развивается и наращивает свой военный и экономический потенциал, увеличивает возможности для участия в международных отношениях и высказывает свое видение мирового устройства с учетом современных реалий. То есть появляются новые центры силы на международной арене.

Четвертой важной особенностью современных международных отношений является возникновение ТНК, основная цель которых получение прибыли, в связи, с чем они открывают новые и новые филиалы и представительства на территории иностранных государств. Крупные ТНК обладают большими экономическими ресурсами, которые превосходят экономическую мощь не только небольших государств, но и некоторых крупных стран.

Особенностью современного мира, также является то, что США и её международная политика – деструктивный фактор в международных отношениях и в международном праве.

Приведем краткий перечень грубых нарушений принципов и норм международного права со стороны США за последние 20 лет:

- незаконное вооруженное вторжение и бомбардировка Югославии;
- незаконное вооруженное вторжение в Афганистан;
- незаконное вооруженное вторжение в Ирак, свержение законной власти и, наконец, фактически уничтожение государства;
- незаконная бомбардировка Ливии, свержение законной власти и уничтожение государства;
- незаконное вооруженное вторжение в Сирийскую Арабскую республику и поддержка там незаконных вооруженных формирований;
- признание Иерусалима столицей Израиля;
- односторонний выход из соглашения по ядерной программе Ирана;
- односторонний выход из договора по ракетам малой и средней дальности;
- признание оккупации Израилем Голанских высот Сирии и т.д.

Соединенные Штаты Америки, как обладатели мощной экономики и военной силы, хоть и не считаются с мнением остальных участников мирового сообщества, но в последние годы такая американская гегемония сталкивается с неприязнью и отвержением такого видения мироустройства, со стороны крупных геополитических игроков, в том числе со стороны союзников США.

Как правильно отметил Богатуров А.Д., «США все шире применяют стратегию «вовлечения», терпеливо и последовательно втягивая бывших и потенциальных соперников в отношения сотрудничества с собой, превращая их в партнеров - пусть «упирающихся», «несогласных», не во всем надежных, но партнеров, а не противников. В этом смысл политики «навязанного консенсуса»»¹.

---

¹ Богатуров А.Д. Современный международный порядок. Журнал "Международные процессы" Том 1. Номер 1 (1). Январь-апрель 2003.

Если вкратце обозначить современную позицию США и Великобритании, то она звучит следующим образом – мы страны победители «холодной войны», поэтому нет международного права, а есть право, определяемое нами.

Поэтому важно понимать, что как Вторая мировая война опрокинула основы международного режима, сложившегося после Первой мировой войны (в частности, Лига Наций прекратила свое существование), так и с распадом СССР изменился миропорядок, сложившийся после Второй мировой войны, изменились важнейшие социально-политические факторы, влияющие на развитие международного права и международных отношений. Можно констатировать, что закончилось международное право с многополярным миром, наступили древние времена «права сильного».

Чем быстрее это обстоятельство поймут и возьмут на «вооружение» во внешней политике Россия и другие государства, тем быстрее начнется процесс создание новых общемировых структур и институтов, занимающихся вопросами мира и безопасности.

В рамках проведенного анализа состояния современных международных отношений можно предложить следующее:

- необходимо создать новую международную организацию без участия США или реорганизовать уже существующую международную организацию, например, ОБСЕ опять же без участия США;
- необходимо создать специальный международный трибунал для расследования преступлений, совершенных администрациями США после 1991 г.;
- в международных отношениях постепенно создавать условия и атмосферу, вытесняющую США из системы международного права;
- во взаимоотношениях с США и их верным союзником в Европе – Великобританией, исключить, насколько это возможно, ссылки и упоминания о нормах и принципах международного права, а руководствоваться исключительно «правом сильного».

На сегодняшний день выполнение этих предложений кажется нереальной, но вполне реализуемой, при условии объединения политических и экономических ресурсов большинства стран мира.

Литература

1. Богатуров А.Д. Современный международный порядок. Журнал Международные процессы. Том 1. Номер 1 (1). Январь-апрель 2003. С. 3.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ БИМЕДИЦИНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЭМБРИОНОВ

Бухарбаева Сабина

*магистрант Российского Университета Дружбы Народов
sabina96_1111@mail.ru*

Технический прогресс открыл аспекты биотехнологических исследований, которые были немыслимы при разработке основных международных документов, в том числе и по правам человека. Человеческая жизнь может быть создана *in vitro* путём выращивания эмбрионов «в пробирке».

Более того, современный уровень развития технологий позволяет проводить различные манипуляции с эмбрионами. Например, получение их стволовых клеток или изменение генетического набора зародыша. Примером последнего является рождение генетически модифицированных детей в Китае в 2018 году. Ученые из Китая вмешались в геном зародыша на 24 неделе, наделив эмбрион врожденным иммунитетом к вирусу иммунодефицита человека (далее ВИЧ) за счет удаления участка макромолекулы дезоксирибонуклеиновой кислоты (далее ДНК), известного как *CCR5*¹. Данный опыт вызвал весьма бурные споры. Большинство экспертов-генетиков сомневается в этичности и целесообразности редактирования ДНК человеческих эмбрионов, поскольку вызывают большие опасения долгосрочные последствия подобного вмешательства в геном. Кроме того, подобные биотехнологические возможности порождают дискуссии о правомерности проведения подобных исследований.

---

¹Китайский профессор объявил о рождении генетически модифицированных детей. Ученые в гневе. // Новостной портал BBC News URL: <https://www.bbc.com/russian/features-46347487> (дата обращения: 23 декабря 2018 г.).

Прежде, чем анализировать международно-правовые нормы в области проведения исследований на эмбрионах необходимо и определить понятие «эмбрион» и обусловить его правовой статус.

Дефиниция термина «эмбрион» отсутствует в каких-либо международно-правовых документах универсального уровня. Однако в рабочих материалах Совета Европы указано, что некоторые ученые называют эмбрионом организм человека на стадии развития до 15 дней, затем организм уже становится внутриутробным плодом². «Эмбрионом» по праву Европейского Союза (далее ЕС) называется «любая человеческая яйцеклетка ... способная начать процесс человеческого развития»³. Таким образом, на данный момент нет единого понимания указанного термина. Исследователи приводят идеологические, моральные, этические и другие причины того, что государства не могут прийти к консенсусу не только по вышеуказанному вопросу, а также в отношении правового статуса эмбриона и проведения различных исследований на них.

Существуют различные мнения и теории относительно статуса эмбриона. Согласно одной из них, эмбрион является человеком и, соответственно, должен обладать правами, присущими человеку, в том числе и правом на жизнь. Кроме того, эмбрион, как и любой другой человек, имеет право давать или не давать согласие на исследование, однако сделать это каким-либо образом не может, поэтому, по их мнению, такие исследования проводить нельзя. Другая теория опровергает возможность отнесения эмбриона к человеку, не смотря на то, что он имеет некоторые свойства, присущие человеческому существу, и это значит, что проведение исследований не нарушает ничьих прав. И третья теория допускает проведение опытов на эмбрионах, но при этом

---

²Тарасьянц Е.В. Международно-правовое регулирование биомедицинских исследований с использованием эмбрионов человека // Современное право. 2009. № 9. С. 118-122.

³The Dossiers of the European Institute of Bioethics. Embryo Research – European Overview. 17.03.2015 URL: <https://www.ieb-eib.org/en/pdf/dossier-en-embryo-research.pdf> (дата обращения 9 марта 2019 г.).

запрещает создание эмбрионов с целью проведения исследований на них⁴.

Право человека на жизнь гарантируется рядом универсальных конвенций, деклараций и др. Также принцип, согласно которому каждый человек имеет право на признание его правосубъектности, закреплен в основных международно-правовых документах, таких как Всеобщая декларация прав человека (ст. 6)⁵ и Международный пакт о гражданских и политических правах (ст. 16)⁶. Однако в них остается открытым вопрос о моменте наступления правосубъектности человека.

Положения о праве на жизнь еще не рождённого ребенка содержится в Декларации прав ребенка, принятой Резолюцией 1386(XIV) Генеральной Ассамблеи Организации Объединённых Наций (далее ООН) от 20 ноября 1959 г., которая провозглашает в преамбуле, что ребенок нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту, как до, так и после рождения⁷. Данное положение повторяется в Конвенции ООН о правах ребенка. При этом под ребенком в ст.1 данной Конвенции понимается «каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста, если по за-

---

⁴Тарасьянц Е.В. Международно-правовое регулирование биомедицинских исследований с использованием эмбрионов человека // Современное право. 2009. № 9. С. 118-122.

⁵Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1978 года. Официальный сайт ООН URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения 9 марта 2019 г.).

⁶Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 года. Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения 23 декабря 2018 г.).

⁷Декларация прав ребенка. Принята Резолюцией 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1959 г. Официальный сайт ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/childdec (дата обращения 23 декабря 2018 г.).

кону, применимому к данному ребенку, он не достигает совершеннолетия ранее»⁸. Это означает, что международно-правовые акты направлены на установление обязательств по надлежащей защите эмбриона, но конкретный момент должного наступления данной защиты не определен. Но в Американской конвенции о правах человека ст. 4 закреплено, что право на жизнь защищается законом, как правило, с момента зачатия⁹. Однако, вышеуказанные нормы, несмотря на то, что они налагают обязательства по защите не родившегося ребёнка, не тождественны признанию правосубъектности зародыша. Таким образом, правовое положение эмбриона всё же является неопределённым.

Международные органы, как правило, не признают правоспособность не родившихся детей. Комитет по правам ребенка прямо не признает наличия правоспособности у эмбриона¹⁰, а Европейский суд по правам человека (далее ЕСПЧ) и, ранее, Европейская комиссия по правам человека неоднократно высказывались по этому вопросу. Но оба органа избегали давать четкое мнение на этот счет, ограничиваясь уклончивыми и неопределенными формулировками. В своих решениях Комиссия по делам «Н против Норвегии» и «Х против Соединенного Королевства» отрицала возможность признания

---

⁸Конвенция о правах ребенка. Принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1989. Официальный сайт ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon#a5 (дата обращения 23 декабря 2018 г.).

⁹Американская конвенция о правах человека. Принята Межамериканской конференцией по правам человека 22 ноября 1969г. Сайт Библиотеки по правам человека Университета Миннесоты. URL: <http://hrlibrary.umn.edu/russian/instree/Rzoas3con.html> (дата обращения 23 декабря 2018 г.).

¹⁰Тарасьянц Е.В. Международно-правовое регулирование биомедицинских исследований с использованием эмбрионов человека // Современное право. 2009. № 9. С. 118-122.

абсолютного права на жизнь плода¹¹ и понятие «каждый», указанное в ст. 2 Европейской конвенции по правам человека (далее ЕКПЧ) не включает не родившихся детей¹². Однако она оставила открытым вопрос о том, должен ли зародыш постепенно пользоваться защитой в соответствии с ЕКПЧ. Тем не менее, ЕСПЧ в деле «Во против Франции» утверждал, что европейского консенсуса по определению начала жизни нет. Учитывая возможность зародыша стать человеком, он имеет право на защиту человеческого достоинства, однако не имеет права на жизнь по ст. 2 ЕКПЧ¹³.

Анализ показал, что в данных обстоятельствах, не смотря на имеющиеся пробелы в данной области, государства и организации не стремятся их восполнить, возможно потому, что любая правовая позиция в отношении эмбрионов вызовет необходимость в регулировании аборт и репродуктивных прав человека, а также усиление разногласий в отношении данных вопросов. Кроме того, любое международно-правовое закрепление статуса эмбрионов может повлечь определенные трудности для науки внутри государств в условиях сегодняшней гонки технологий, в том числе и биотехнологий.

В отношении исследований на эмбрионах основополагающим документом является Конвенция о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением достижений биологии и медицины 1997 года (далее Конвенция о правах человека и биомедицины / Конвенция)¹⁴, которая запрещает создание

---

¹¹ H. v. Norway, Decision of the European Commission of human rights no.17004/90 19 May 1992. URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:\[%22001-1759%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:[%22001-1759%22]}) (дата обращения 23 декабря 2018 г.).

¹² X. v. United Kingdom, Decision of the European Commission of human rights no. 8416/78. 13 May 1980. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/app/conversion/pdf/?library=ECHR&id=001-74270&filename=001-74270.pdf> (дата обращения 23 декабря 2018 г.).

¹³ Vo v. France: Judgment of 8 July 2004//Reports of Judgments and Decisions 2004-VIII. Hudoc. URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/search.asp?skin=hudoc-en> (дата обращения 23 декабря 2018 г.).

¹⁴ Конвенция о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением достижений биологии и медицины от 4 апреля 1997 года. Сайт Библиотеки по правам человека Университета Миннесоты. URL: <http://hrlibrary.umn.edu/russian/euro/Rz37.html> (дата обращения 23 декабря 2018 г.).

человеческих эмбрионов исключительно для исследовательских целей, так же как получение финансовой выгоды от человеческого тела и его частей. Часть 1 статьи 18 Конвенции гласит, что «если государство разрешает проводить исследования эмбрионов *in vitro*, оно должно обеспечивать адекватную защиту эмбриона»¹⁵. Однако термин «адекватная защита» подробно не определен. Следовательно, государства-члены имеют условное разрешение на исследования с «избыточными» эмбрионами, т.е. не использованных для какой-то определенной супружеской пары, например, и доимплантационных эмбрионов. Эти эмбрионы создавались в терапевтических целях, не для исследований на них, а значит, положения п. 2 ст. 18 Конвенции о правах человека и биомедицине не нарушены. В свете дискуссий о статусе эмбриона человека встает вопрос о том, что является более гуманным и этически корректным: подвергать их разрушению как неостребованные или использовать для проведения исследований?

Итак, рассмотрим некоторые аспекты использования эмбрионов.

Одной из наиболее острых является проблема использования эмбриональных стволовых клеток. Однако, обязательных универсальных международно-правовых документов в данной области нет.

В своем докладе «Использование эмбриональных стволовых клеток в терапевтических исследованиях» от 6 апреля 2001 г. Международный комитет ЮНЕСКО по биоэтике (далее Комитет) заявил, что вопрос о регулировании исследований с участием эмбриональных стволовых клеток человека является этическим вопросом и что не только право, но и обязанность каждого отдельного общества поднять данный вопрос в собственном законодательстве. Комитет рекомендовал, чтобы в тех странах, где разрешены исследования эмбрионов, оно подлежало государственному регулированию, с тем чтобы обеспечить надлежащее

---

¹⁵ Конвенция о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением достижений биологии и медицины от 4 апреля 1997 года. Сайт Библиотеки по правам человека Университета Миннесоты. URL: <http://hrlibrary.umn.edu/russian/euro/Rz37.html> (дата обращения 23 декабря 2018 г.).

соблюдение этических принципов. Согласно рекомендации Комитета, использование так называемых «избыточных» эмбрионов для исследования стволовых клеток должно быть связано со свободным и осознанным согласием доноров, а исследовательские проекты должны рассматриваться комитетами по этике. Кроме того, Комитет выступил за тщательную оценку преимуществ и рисков альтернативных методов получения стволовых клеток¹⁶.

На региональном уровне наиболее широкое регулирование проводит Европейский Союз. Так, в 2003 году Европейская комиссия подготовила доклад, который включал правовые и этические вопросы использования стволовых клеток. В отчете обобщены требования к проведению исследований с использованием эмбриональных стволовых клеток, в том числе дополнительных эмбрионов¹⁷. Положения доклада повторяют многие положения Заключения №15 Европейской группы по этике «Об этических аспектах изучения и использования человеческих стволовых клеток» (далее – Заключение № 15).

В соответствии с пунктом 2.4 Заключения № 15 существуют особые требования к стволовым клеткам, полученным из плода или эмбрионов. Что касается получения стволовых клеток из тканей плода, помимо согласия, также требуется гарантия, что для целей получения тканей не будет прервана беременность и что такое получение не повлияет на планирование аборта и способ его выполнения¹⁸. Во втором случае возникает вопрос о моральном статусе человеческого эмбриона.

---

¹⁶ The Use of embryonic stem cells in therapeutic research: report of the IBC on the ethical aspects of human embryonic stem cell research. 2001. Цифровая библиотека ЮНЕСКО. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000132287> (дата обращения 6 марта 2019 г.).

¹⁷ Commission staff working paper. Report on human embryonic stem cell research. Report of the Commission of the European communities. SEC(2003) 441/2. 13 November 2003. URL: <http://ec.europa.eu/transparency/regdoc/rep/2/2003/EN/2-2003-441-EN-2-0.Pdf> (дата обращения: 6 марта 2019 г.).

¹⁸ Opinion 15 of the European Group on Ethics in Science and New Technologies (European Commission) on Ethical aspects of human stem cell research and use. 14 November 2000. URL: <https://publications.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/45da0341-687d-4486-8a99-6b625de26d30/language-en/format-PDF/source-77404507> (дата обращения 6 марта 2019 г.).

В настоящее время ЕС проводит исследования по использованию стволовых клеток в соответствии с 7-й Рамочной программой, согласно которой исследовательская деятельность для создания эмбрионов человека в исследовательских целях или для получения стволовых клеток, в том числе путем переноса ядра соматической клетки (так называемое терапевтическое клонирование) не подлежит финансированию¹⁹.

Также в ЕС существуют ряд общеобязательных документов, регулирующих данную область отношений. Таким образом, в соответствии с пунктом 2с статьи 6 Директивы 98/44/ЕС о правовой защите биотехнологических изобретений, «использование эмбрионов в промышленных и коммерческих целях не подлежит патентованию»²⁰. В одном из дел Большая Палата Европейского Суда справедливости рассмотрела вопрос о действительности указанной Директивы и интерпретации некоторых её положений²¹. В своем решении указала, что человеческий организм на различных этапах его развития не может считаться патентоспособным изобретением²². Кроме того, в рамках ЕС по 2013 год реализовывались различные рамочные программы, а с 2014 года введена крупномасштабная программа финансирования ЕС «*Horizon 2020*», одна из целей которой - финансирование иссле-

---

¹⁹ Тарасьянц Е.В. Международно-правовое регулирование биомедицинских исследований с использованием эмбрионов человека // Современное право. 2009. № 9. С. 118-122.

²⁰ Directive 98/44 / EC of the European Parliament and of the Council of 6 July 1998 on the legal protection of biotechnological inventions. OJ L 213, 30.7.1998, p. 13–21. official website of European Union law URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A31998L0044> (дата обращения: 9 марта 2019 г.).

²¹ Judgment of the Court of Justice (Grand Chamber) of 18 October 2011, Case C-34/10. The website of InfoCuria - Case-law of the Court of Justice. URL: <http://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=&docid=111402&pageIndex=0&do> (дата обращения: 9 марта 2019 г.).

²² Тарасьянц Е.В. Международно-правовое регулирование биомедицинских исследований с использованием эмбрионов человека // Современное право. 2009. № 9. С. 118-122.

дований, которые ограничиваются использованием ранее установленных линий стволовых клеток, так как «средства ЕС не могут использоваться для получения новых линий стволовых клеток или для исследований, в которых уничтожаются эмбрионы, например, получение стволовых клеток»²³.

Также исследования на эмбрионах связаны с проблемой клонирования. Законодательства государств по этому вопросу также различаются. Однако репродуктивное клонирование, запрещается как национальным законодательством ряда государств, так и так и Всеобщей Декларацией о геноме человека и правах человека²⁴, а также Дополнительным протоколом к Конвенции о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины, касающийся запрещения клонирования человеческих существ (далее Протокол). Согласно статье 3 Протокола «статьи 1 и 2 Протокола являются неотъемлемой частью Конвенции о правах человека и биомедицине»²⁵. Кроме того, в Пояснительном докладе к Протоколу говорится, что следует выделить три случая клонирования: клонирование клеток как метод, использование эмбриональных клеток при клонировании и клонирование человека, например, с применения методов разделения эмбриона или трансплантации ядра. Первый случай полностью приемлем с точки зрения этики, второй подлежит рассмотрению в протоколе о защите эмбриона.

---

²³Research with human embryonic stem cells. Research of the German Reference Centre for Ethics in the Life Sciences. <http://www.drze.de/in-focus/stem-cell-research/laws-and-regulations> (дата обращения: 9 марта 2019 г.).

²⁴ Всеобщая Декларация о геноме человека и правах человека. Принята 11 ноября 1997 года Генеральной конференцией ООН по вопросам образования, науки и культуры. Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/human_genome.shtml (дата обращения: 24 декабря 2018 г.).

²⁵Дополнительным протоколом к Конвенции о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины, касающийся запрещения клонирования человеческих существ от 12 января 1998 г. СДСЕ № 168. URL: <http://conventions.coe.int/Treaty/rus/Treaties/Htm/168.htm> (дата обращения: 24 декабря 2018 г.).

Последствия третьего случая рассматриваются Протоколом. Поэтому создание эмбрионов путем клонирования для последующего использования в исследованиях является незаконным, поскольку это противоречит Конвенции о правах человека и биомедицине и ее Протоколу.

Таким образом, изучение международных правовых актов об исследованиях на человеческих эмбрионах показывает, что по многим вопросам у государств существуют разногласия. Во-первых, на международном уровне не закреплено понятие эмбриона или зародыша. Более того, на данный момент нет даже единого понимания сущности эмбриона (клетка или человеческий организм на определенной стадии развития), а также возраста зародыша, в течении которого он считается таковым, обычно это 14-15 дней. Во-вторых, все еще ведется дискуссия о статусе эмбриона, и в настоящий момент он определяется внутренним законодательством государств. В-третьих, защита не рождённой жизни в целом в соответствии с нормами в области прав человека на международном уровне является очень слабой, а защита эмбриона *in vitro*, в частности, отсутствует. И, в-четвертых, государства не могут или не желают прийти к консенсусу по поводу вопросов проведения исследований эмбрионов, в том числе и эмбриональных стволовых клеток.

НОВЫЕ ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОМУ ПРАВУ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Вохминцев Игорь Вадимович

*студент кафедры международных отношений,
зарубежной истории и документоведения
Самарского национального исследовательского
университета имени академика С.П. Королева
igor.nk.ru@gmail.com*

Современный этап развития права международной безопасности не отвечает новым текущему положению дел на международной арене. Это связано с появлением новых концептов, методов и инструментов в межгосударственных отношениях. В частности активное применение таких внешнеполитических концептов как «Мягкая сила», «Геоэкономика» и «Политическое противостояния» никак не отражены в существующих нормах всеобъемлющей международной безопасности. Таким образом, возникает пробел, как на уровне универсальной системы коллективной безопасности, так и на уровне региональной системы коллективной безопасности. Именно этим определяется актуальность работы; существующие лакуны позволяют государствам использовать их в своих целях, подрывая основы международной безопасности на обоих уровнях. Более того, нерешенность этой проблемы может губительно сказаться на текущих договорах и организациях коллективной безопасности, что приведет к еще большей разбалансированности международной системы в целом.

Ключевым понятием в праве международной безопасности является понятие агрессии. Определение агрессии утверждено резолюцией 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1974 года (далее Резолюция 3314), где в статье 1 сказано следующее: «Агрессией является применение вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства, или каким-либо другим образом, несовместимым

с Уставом Организации Объединенных Наций, как это установлено в настоящем определении»¹. Таким образом, статья акцентирует внимание в первую очередь на применение вооруженной силы, как акта агрессии, хотя и присутствует оговорка и об ином характере агрессии. Статья 4 этой резолюции наделяет Совет Безопасности ООН(далее СБ ООН) такой обязанностью, как определение иных актов, попадающих под понятие агрессии согласно Уставу ООН². Сопоставим понятие агрессии и других концептов.

«Мягкая сила» впервые упоминается Дж. Наем в 1990-х годах. Она означает такую форму внешнеполитического воздействия, которая позволяет достигать желаемого результата не с помощью принуждения и давления, а через убеждение и привлечение на свою сторону зарубежной аудитории с помощью ценностей, культуры и политического курса³. Хотя в последнее время, страны под ее прикрытием используют гораздо более агрессивные по форме, но не по определению методы воздействия, которые все равно вне рамок традиционных методов. Таким образом «мягкая сила» использует средства вне рамок понятия агрессия, более того СБ ООН не расценил это как «иные акты попадающие под понятие агрессии». Хотя конечная цель применения «мягкой силы» совпадает с вооруженной агрессией, а именно преимущество одного государства над другим. Активно разрабатывается и концепт «Геоэкономики», одно из определений которого звучит следующим образом: «Использование экономических инструментов для реализации и отстаивания национальных интересов и достижения позитивных геополитических результатов, а так же последствия экономических действий других стран для

---

¹ Определение агрессии // Сайт Организации Объединенных наций
URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/aggression.shtml
(дата обращения: 1 марта 2019 г.).

² Определение агрессии // Сайт Организации Объединенных наций
URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/aggression.shtml
(дата обращения: 1 марта 2019 г.).

³ Nye S.J. Soft Power. The Means to Success in World Politics. New York: New York: Public Affairs, 2004. С. 192.

геополитических целей данной страны»⁴. Это определение было дано Р. Блэквиллом, кадровым дипломатом США и старшим научным сотрудником совета по международным отношениям и Д. Харрис, также старшим научным сотрудником совета по международным отношениям. Здесь тоже нет и намёка на вооруженные силы или агрессию. Также в результате таких действий государство не лишается суверенитета в классическом понимании, нет угрозы территориальной целостности и политической независимости. Классическими примерами, демонстрирующими обе концепции, являются уже не вызывающее сомнение роль США в «Арабской весне»⁵ и «План Маршала». Объединяет все эти формы концепт «Политического противостояния», выдвинутый в 1948 году госсекретарём США в период «Холодной войны» Дж.Кеннаном: «В самом широком смысле, политическое противостояние является использованием всех имеющихся средств государства, за исключением военных, для достижения своих национальных целей. Такие операции носят открытый и скрытый характер. Они. Используются политические альянсы, экономические меры, пропаганда, тайная поддержка «дружественных» иностранных элементов, психологическая война и содействие подпольному сопротивлению во враждебной стране»⁶. Несмотря на дату появления, благодаря современным технологиям, это определение актуально как никогда. Примером такого комплексного подхода может служить любой региональный конфликт в довоенной фазе между США и СССР во время «Холодной Войны». Поддержка, скрытая и открытая, дружественных сил, пропаганда своих ценностей, воздействие на элиты и граждан. Получается, что на универсальном уровне обеспечения коллективной безопасности не существует почти никаких реальных препятствий для противоправных в основе, но почти не доказуемых на

---

⁴ Блэквилл Р, Харрис Д., Война иными средствами. М., 2017. С. 25.

⁵ Публичная дипломатия США и революции в арабском мире // Мир и политика. 2011. № 4. С. 45-57.

⁶ Modern Political Warfare Current Practices and Possible Responses / Linda Robinson, Todd C. Helmus, Raphael S. Cohen, Alireza Nader, Andrew Raddin, Madeline Magnuson, Katya Migacheva, Rand Corporation, 2018. С. 13.

практике, действий государств. А с учетом активного вхождения в профессиональное использование таких технологий как «психологическая» и «информационная война», как например полевой устав Армии США FM-33-1, появившийся еще в 1979 году, но в современных условиях получивший новый вес, «Психологические операции»⁷ и так называемая «Доктрина Герасимова»⁸, главы Генерального штаба ВС РФ, говорят о активной заинтересованности стран в применении таких методов.

Теперь рассмотрим региональный уровень обеспечения коллективной безопасности. Для демонстрации, обратимся к уставу наиболее мощной, влиятельной и сильной системы коллективной безопасности регионального уровня- Организация Североатлантического договора(далее НАТО). Статья 5 Североатлантического договора(далее Устав НАТО) звучит следующим образом: «Договаривающиеся стороны соглашаются с тем, что вооруженное нападение на одну или нескольких из них в Европе или Северной Америке будет рассматриваться как нападение на них в целом и, следовательно, соглашаются с тем, что в случае если подобное вооруженное нападение будет иметь место, каждая из них, в порядке осуществления права на индивидуальную или коллективную самооборону, признаваемого Статьей 51-ой Устава Организации Объединенных Наций, окажет помощь Договаривающейся стороне...». В этой статье сказано только о её имплементации лишь в случае вооруженного нападения. Этот документ был принят в 1949 году, еще до резолюции 3314 ООН. Получается ситуация, что мощнейшая региональная организация по обеспечению коллективной обороны абсолютно бессильна против воздействия на её членов новыми методами политического противостояния. Так как они не попадают под вооруженное нападение. Но если представить себе ситуацию и приравнять понятия «вооруженного нападения» и «применение вооруженной силы», то получается следующее толкование; всякое

---

⁷ HEADQUARTERS DEPARTMENT OF THE ARMY PSYCHOLOGICAL OPERATIONS FM 33-1. Washigton DC: 1979.

⁸ В. Герасимов Современные войны и актуальные вопросы обороны страны // Вестник академии военных наук. 2017. № 2. С. 9.

вооруженное нападение или иные действия, приравненные к ней СБ ООН являются агрессией с вытекающими обстоятельствами. Но сможет ли СБ ООН, в котором 2 постоянных члена не входят в НАТО, способен принять решение в помощь альянсу. Даже если такой механизм будет использован, совершенно неясно как будет использована существующая правовая база, ведь вооруженная агрессия или нападение всегда проводится с каким-либо инструментарием, а так как общепринятого понятия «оружие» в международном праве также отсутствует, то сделать это будет почти невозможно. Так же возникают большие сомнения по поводу солидарности всех членов НАТО, в случае неявных признаков агрессии. Политические традиции Европы сложились таким образом, что любое правительство, решившее выполнить свои обязательства по статье 5 Устава НАТО, но при неясных и неустановленных обстоятельствах, почти наверняка столкнется с общественным непониманием внутри страны. Обратимся к статье 7 Устава Организации договора коллективной безопасности (далее Устав ОДКБ): «Для достижения целей Организации государства – члены принимают совместные меры к формированию в ее рамках действенной системы коллективной безопасности, обеспечивающей коллективную защиту в случае возникновения угрозы безопасности, стабильности, территориальной целостности и суверенитету и реализацию права на коллективную оборону,...»⁹. При использовании концепта «мягкой силы» угроза безопасности, территориальной целостности и стабильности не возникает. Таким образом, ОДКБ тоже может столкнуться с тем же самым, что и НАТО.

Проанализировав оба уровня обеспечения коллективной безопасности, актов международного и национального права в сравнении с существующими реалиями, явно видны недостатки системы. Во-первых, для текущей ситуации в отношении между

---

⁹ УСТАВ ОРГАНИЗАЦИИ ДОГОВОРА О КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ // ОРГАНИЗАЦИИ ДОГОВОРА О КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

URL: http://www.odkb-csto.org/documents/detail.php?ELEMENT_ID=124
(дата обращения: 12 февраля 2019 г.).

государствами справедлива ситуация, что любое вооруженное нападение истолковывается как агрессия, но не любая агрессия — это обязательно вооруженное нападение. Во-вторых, агрессия может проводиться с использованием инструментов, далеких классического понимания «оружие», хотя и для него не существует единого определения. В третьих, ни универсальная, ни региональная системы коллективной безопасности, сегодня, не готовы к новым вызовам и угрозам в правовой сфере. А при отсутствии правовой основы, все решения будут имплементироваться по принципу *ad hoc* и соответственно *extra jus*.

СООТНОШЕНИЕ ЭВТАНАЗИИ И ПРАВА НА ЖИЗНЬ

Горбунова Анна Александровна

*студентка кафедры международного права
Российского университета дружбы народов
Annagorbunova8448@gmail.com*

Широко обсуждаемый в международных кругах вопрос о соотношении эвтаназии и права на жизнь на сегодняшний момент стоит максимально остро. Естественное и неотчуждаемое право человека – это право на жизнь, но включено ли в него право распоряжаться смертью? Ключевая проблематика данной темы заключается в неоднозначности подходов к соответствующему вопросу. В соответствии с тем, что право на жизнь и здоровье относятся к категории субъективных прав, они обязаны поддерживаться государством и им же охраняться. Так, является ли эвтаназия «поддержкой» права на жизнь? Из этого вытекает сопутствующий вопрос о делегировании права на осуществление эвтаназии: должны ли это делать врачи, близкие родственники или же иные лица? И, в таком случае, становятся ли они исполнителями воли умирающего или же помощниками осуществления суицида? Все перечисленные вопросы имеют спорный характер и ни один из них не имеет однозначного ответа, и все же, одна из основных целей данной статьи это найти обобщенную позицию мирового сообщества по соответствующей проблематике путем изучения позиций Европейского суда по правам человека (далее ЕСПЧ), органов Организация Объединенных Наций (далее ООН), а также доктрин.

Для рассмотрения данной темы стоит начать с определения различий между непосредственно эвтаназией и ассистируемым врачом самоубийством. И так, говоря о первом, мы имеем ввиду осуществляемое руками медиков целенаправленное ускорение смерти больного человека (обоснуемое, как правило, безнадёжностью его состояния и соображениями избавления его от

страданий) [1, с. 3]¹. «Долг врача состоит не только в том, чтобы восстанавливать здоровье, но и в том, чтобы облегчать страдания и мучения, причиняемые болезнями, в том случае, когда уже нет никакой надежды на спасение и можно лишь сделать саму смерть более легкой и спокойной, потому что эта эвтаназия уже сама по себе является немалым счастьем»². То есть в данном случае именно постороннее лицо, будучи зачастую врачом, вводит смертельную инъекцию умирающему, тогда как ассистируемое врачом самоубийство предполагает предоставление «последнего шага» самому пациенту (врач, например, выдает ядовитые вещества человеку, изъявляющему волю умереть, а тот, в свою очередь, сам их принимает). В пример можем взять Закон штата Вашингтон «О достойной смерти» 2008 года, в соответствии с которым дееспособный (имеется ввиду здравомыслящий) пациент, страдающий неизлечимым заболеванием, вправе требовать в письменной форме от врача назначения ему смертельной дозы лекарства, которое он принимает самостоятельно³.

Другой вопрос касается «ассистируемого врачом самоубийства» (*physician-assisted suicide*), который во многих случаях государствами воспринимается отрицательно (так, например, опрос *Populus* показал, что 82% британской общественности согласны с предложениями законопроекта о введении ассистируемого самоубийства, тогда как в свободном голосовании в парламенте Соединенного Королевства 11 сентября 2015 года только 118 депутатов были за и 330 против, таким образом, не приняв законопроект⁴). И все же, для некоторых государств ассистируемое врачом самоубийство является наиболее приемлемым, чем непосредственно эвтаназия.

---

¹ Рыбин В.А. Философские основания проблемы эвтаназии: методологический анализ, 2006 г.

² Бэкон Ф. Соч. в 2 т., т. 2. М., 1978, с. 269.

³ Казимирская Ю.В.. "Право на эвтаназию как ограничение права на жизнь (сравнительно-правовой аспект)" Вестник Московского университета МВД России, по11, 2012, pp. 15-17.

⁴ "Dignity in Dying Poll" Populus. 2015. Archived from the original on June 17, 2015.

С моральной точки зрения это два разных действия, однако факт разрешения суицида в двух этих случаях оспорить никоим образом нельзя, из чего следует сопутствующий вопрос о включении права на смерть в естественные права на жизнь. Для дачи каких-либо выводов стоит рассмотреть те национальные законодательства государств, которые внедрили эвтаназию и ассистируемое врачом самоубийство, их аргументацию и оценку тех государств, что придерживаются негативной точки зрения к данному вопросу в целом.

Так, по состоянию на март 2018 года эвтаназия человека легальна в Нидерландах⁵, Бельгии⁶, Колумбии⁷, Люксембурге⁸ и Канаде⁹, а также в середине 2019 года будет принят закон о легализации эвтаназии в австралийском штате Виктория. В Швейцарии, Германии, Нидерландах и в некоторых штатах США (Вашингтон, Орегон, Колорадо, Гавайи, Вермонт, Монтана, Вашингтон, округ Колумбия и Калифорния) мы можем наблюдать разрешенное ассистируемое врачом самоубийство. Тогда как все остальные государства выступают против.

И так, для дачи ответа на вопрос о неприемлемости эвтаназии в тех или иных государствах стоит обратиться к практике ЕСПЧ по данной тематике и выяснить основные проблемные моменты, а также позиции сторон, участвующие в том или ином деле. Постановление Европейского Суда по правам человека

---

⁵ Termination of Life on Request and Assisted Suicide Act April 2001.

URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/1269682.stm>.

⁶ The "Euthanasia Act" 2002 year.

URL: http://www.ejustice.just.fgov.be/cgi/article_body.pl?language=nl&pub_date=2002-06-22&numac=2002009590&caller=summary

⁷ May 1997 the Colombian Constitutional Court allowed for the euthanasia by passing Article 326 of the 1980 Penal Code (in McDougall, Jennifer Fecio; Gorman, Martha (2008) case).

⁸ In April, 2009 Luxembourg's parliament amended the country's constitution by legalized euthanasia and assisted suicide. URL: <https://www.bmj.com/content/338/bmj.b1248>.

⁹ After a lengthy delay, the House of Commons passed a Bill (C-14) in mid June 2016 that allows for doctor-assisted suicide in February 6, 2015. URL: <https://www.bbc.com/news/world-us-canada-36566214>.

от 29 апреля 2002 года «Претти против Соединенного Королевства»¹⁰ является на сегодняшний день одним из громких дел по соответствующему вопросу и содержит себе множество мнений участников процесса. Обстоятельства дела были таковы, что заявительница страдала неизлечимым дегенеративным заболеванием, которое не позволяло ей самостоятельно передвигаться. В связи с этим самостоятельно осуществить суицид не могла и попросила о помощи в этом своего мужа, после чего адвокат заявительницы обратился в суд Соединенного Королевства с просьбой дать обязательство не подвергать супруга заявительницы судебному преследованию в случае, если тот поможет ей совершить самоубийство, поскольку в Соединенном Королевстве эвтаназия или же любые другие способы помощи в суициде не разрешены. После отклонения жалобы в национальном суде, последовала частная жалоба в Европейский Суд по правам человека, где основанием её подачи является нарушение ряда статей Европейской конвенции по правам человека 1950 года. Так, адвокат заявительницы утверждал следующее: «Статья 2 Конвенции защищает не саму жизнь, а право на жизнь. Целью этой статьи Конвенции является защита людей от третьих лиц (государства и органов государственной власти). Однако эта статья Конвенции признаёт, что люди сами должны решать, жить им или нет, и тем самым защищает право человека на самоопределение в вопросах жизни и смерти»¹¹. На что был дан ряд аргументов со стороны представителя власти Соединенного Королевства, который утверждал следующее: «При толковании такого рода статьи нельзя прийти к выводу, что она обеспечивает право на смерть или право совершить самоубийство, воспользовавшись помощью

---

¹⁰ Претти против Соединенного Королевства (Pretty v. the United Kingdom) 29 апреля 2002 года, no. 2346/02, ECHR 2002-III.

¹¹ Адвокат заявительницы П. Хаверс в деле «Претти против Соединенного Королевства» [PRETTY V. THE UNITED KINGDOM] (жалоба № 5129/03) ПОСТАНОВЛЕНИЕ г. Страсбург 29 апреля 2002 г.

другого лица»¹². Таким образом, представители Соединенного Королевства явно негативно относятся к вопросу эвтаназии, что свидетельствует не только ранее представленная цитата, а также невнесение соответствующего закона в национальное законодательство страны.

31 января 1994 г. был опубликован доклад Специального комитета Палаты лордов по медицинской этике: «Смерть человека оказывает влияние на жизнь других людей, часто таким образом и в такой степени, что это невозможно предвидеть заранее. Мы считаем, что проблема эвтаназии является одним из тех вопросов, в которых интерес личности неотделим от интереса общества в целом. Мы пришли к этому выводу в том числе и потому, что мы не считаем возможным установить пределы, в рамках которых добровольная эвтаназия оставалась бы безопасной»¹³.

Однако в этом деле была отображена и точка зрения международного сообщества, в частности суд обратился к Рекомендации 1418 Парламентской ассамблеи Совета Европы¹⁴, где сказано следующее: «Чтобы Комитет министров побуждал государства — членов Совета Европы к уважению и защите достоинства неизлечимо больных и умирающих лиц во всех отношениях:

(с) путем оставления в силе запрета на умышленное причинение смерти неизлечимо больным или умирающим лицам:

(i) признавая, что право на жизнь, особенно если речь идет о неизлечимо больном или умирающем человеке, гарантируется государствами — членами Совета Европы в силу статьи 2

---

¹² Европейский суд по правам человека, четвертая секция; дело «Претти против Соединенного Королевства» [PRETTY V. THE UNITED KINGDOM] (жалоба № 5129/03) ПОСТАНОВЛЕНИЕ г. Страсбург 29 апреля 2002 г.

¹³ Официальный документ Палаты лордов HL 21-1, 1994, с. 11, § 26.

¹⁴ Parliamentary Assembly. Recommendation 1418 (1999) Protection of the Human Rights and Dignity of the Terminally Ill and the Dying. Text adopted by the Assembly on 25 June 1999 (24th Sitting. URL: <http://assembly.coe.int/main.asp?link=/Documents/AdoptedText/ta99/EREC1418.htm> (дата обращения 29.04.2019).

Европейской конвенции о защите прав человека, в которой сказано, что “никто не может быть умышленно лишен жизни”;

(ii) признавая, что желание неизлечимо больного или умирающего человека покончить с собой ни при каких обстоятельствах не может являться юридическим притязанием на то, чтобы умереть от руки другого лица;

(iii) признавая, что желание неизлечимо больного или умирающего человека покончить с собой ни при каких обстоятельствах не может само по себе являться юридическим оправданием принятия действий, направленных на причинение смерти».

На сегодняшний момент все государства, кроме ранее перечисленных, закрепляют уголовную ответственность за асси-тируемое самоубийство, что говорит о негативном отношении множества в целом к вопросу эвтаназии. ЕСПЧ же разделяет точку зрения Парламентской ассамблеи Совета Европы, поскольку в своих решениях часто на нее опирается и всячески осуждает механизмы регулирования вопросами эвтаназии в тех государствах, где она закреплена. ЕСПЧ множество раз выражал обеспокоенность и многочисленные жалобы по поводу возможных законодательных пробелов, так, стоит рассмотреть дело 2010 года «Альды Гросс против Швейцарии». 82-летняя жительница Цюриха подала жалобу в ЕСПЧ, основанную на нежелании заявительницы подвергаться естественному процессу старения, при этом у заявительницы не было выявлено смертельной болезни. На протяжении многих лет она безуспешно пыталась найти врача, который выписал бы ей этанинал натрия для смертельной инъекции. Женщина обратилась в Страсбургский суд с жалобой на нарушение статьи 8 (право на уважение частной и семейной жизни) Европейской конвенции о правах человека. Суд признал нарушение прав, отметив страдания заявительницы, и указал на пробелы в швейцарском законодательстве и судебной практике. Согласно судебной практике, врач может выписать препарат лишь при соблюдении определенных условий, оговариваемых в руководстве Академии медицинских наук. Таким образом, в своем решении ЕСПЧ обратил внимание властей Швейцарии на пробелы в национальном законодательстве, допускающее

эвтаназию, но недостаточно четко регулирующее право на смертельную инъекцию.

Таким образом, можно отметить, что государствам, внедряющим в национальное законодательство эвтаназию, следует относиться с предельной осторожностью к механизму реализации соответствующего закона. Кроме того, в целях нивелирования угрозы злоупотребления данным законом, следует создавать определенную систему органов, в компетенцию которых будет входить мониторинг и контроль за соблюдением исполнения соответствующих процедур эвтаназии. В ином же случае возможны злоупотребления и нарушения прав человека. С моей же точки зрения, это и является основной проблемой непринятия эвтаназии в национальное законодательство многих государств, поскольку не все государства могут создать эффективную систему органов, способную поддерживать и сохранять соответствующие права граждан.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРАВО: ПОНЯТИЕ, СИСТЕМА, ПЕРСПЕКТИВЫ

Дорожкина Екатерина Андреевна

*студентка Юридического института Владимирского
государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых*

На сегодняшний день образование является одним из приоритетных направлений развития государства. Подготовка квалифицированных специалистов различных направлений играет важную роль в эффективном управлении страны. В условиях глобализации образование активно интегрируется в сферу международного сотрудничества путем создания новых образовательных систем, что указывает на необходимость создания единого образовательного пространства.

Целью нашей работы является определение сущности международного образовательного права, его места и роли в системе международного права. Для этого необходимо вывести дефиницию термина «международное образовательное право», проанализировать его систему и выявить дальнейшие перспективы развития данной отрасли.

Международное образовательное право не является самостоятельной отраслью международного права, однако уже продолжительное время находится на стадии формирования. Так как ни в одном международном правовом акте не закреплено понятие международного образовательного права, мы можем обратиться к его доктринальному толкованию.

Поскольку данная сфера отношений считается совершенно новым явлением в международном праве, ученые выделяют две основные позиции: одни считают, что международное образовательное право является комплексной отраслью, другие отрицают это, аргументировав отсутствием у него предмета и метода регулирования. К числу последних относится Е.В. Мартыненко, который в своей работе обращает наше внимание на то, что международное образовательное право не входит в систему

современного международного права еще и потому, что в нем отсутствует один из основных элементов отрасли – предмет правового регулирования¹.

Мы склонны частично не согласиться с таким суждением, аргументировав это тем, что в международном образовательном праве предметом будут являться общественные отношения между субъектами международного права, а также образовательные стандарты, призванные регулировать данную область.

Однако при наличии предмета регулирования в международном образовательном праве отсутствует иная составляющая отрасли – объект. В настоящее время не существует единой образовательной системы, которая бы регламентировала вопросы международного образования. Попытка решить данную проблему была предпринята еще в 1980 году путем создания в Коста-Рике Университета мира, дабы «обеспечить человечество международным высшим учебным заведением по вопросам мира»². Схожая ситуация была, когда правоведы решали судьбу пенитенциарного права в вопросе становления его как самостоятельной отрасли. Главное отличие лишь в том, что по сравнению с ним, международное образовательное право является совершенно новым явлением в современном международном праве.

Помимо прочего, значение имеет также метод правового регулирования. В отрасли международного образовательного права он будет преимущественно диспозитивный, то есть субъектам предоставлено право самостоятельно регулировать отношения в пределах, установленных законами. Важно, что поощрительный и рекомендательный методы наравне с дозволением призваны обеспечить наиболее оптимальное решение вопросов международного образования.

---

¹ Мартыненко Е.В. Международное образовательное право: Учеб. пособие. М.: РУДН, 2008. – С. 5.

² Международное соглашение о создании Университета мира и Устав Университета мира (принят резолюцией ГА ООН 34/111 от 14 декабря 1979 г.) // Сборник международных договоров СССР, выпуск XLIII, 1989 год.

Однако тот факт, что данную сферу общественных отношений регулируют нормы смежных отраслей (право международных организаций, международное право прав человека, право международных договоров, трудовое, финансовое, налоговое, гражданское, административное право и другие), а также отсутствие автономности норм, составляющих содержание отрасли, говорят о том, что международное образовательное право еще не настолько развито, чтобы представлять собой самостоятельную отрасль международного права. Исходя из этого, оно будет считаться комплексной отраслью права.

Е.В. Мартыненко в своей работе делит субъектов международного образовательного права на две категории: первичных и вторичных (производных).³ К первым, естественно, относятся государства, а также в некоторых случаях нации и народности. Государства как субъекты права активно участвуют в международных отношениях путем заключения дву- и многосторонних соглашений, продвижения собственных международных образовательных программ, обмена специалистами и т.д. Вторую группу представляют международные межправительственные организации. Они создаются первичными субъектами права в качестве вспомогательных элементов механизма регулирования данной отрасли.

Стоит также обратить внимание на характер регулирования. Поскольку отношения в сфере образования реализовываются между публичными субъектами права – государствами, они регулируются в публично-правовом порядке. Однако если рассматривать образовательное право с точки зрения конституционного права человека на образование, то нарушение такого права будет расценено как нарушение личного (гражданского) права человека, которое будет разрешаться в порядке частноправового регулирования.

Идея о создании единого образовательного пространства появилась еще во второй половине 20 века. На базе этого

---

³ Мартыненко Е.В. Международное образовательное право: Учеб. пособие. М.: РУДН, 2008. – С. 14.

предложения в 1991 году стартовал так называемый Болонский процесс, суть которого состоит в создании такого пространства в рамках Европы. Единое образовательное пространство предполагалось сформировать также на территории государств – участников СНГ, о чем говорит соответствующее Соглашение от 17 января 1997 года⁴.

За столь длительное время сформировался достаточно крупный блок источников международного образовательного права.⁵ Сюда включены документы глобальных международных организаций, документы региональных структур, иные документы международного права. Все их можно разделить на:

- Документы ООН: Всеобщая декларация прав человека 1948 г.⁶, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г.⁷, Декларация о праве на развитие 1986 г.⁸ и др.

- Документы ЮНЕСКО: Конвенция о борьбе с дискриминацией в области образования 1960 г.⁹ и др.

---

⁴ Соглашение о сотрудничестве по формированию единого (общего) образовательного пространства Содружества Независимых Государств // Бюллетень международных договоров N 7, июль 2002 года, N 22, 01.02.97.

⁵ Букалерева Л.А., Шагиева Р.В. Международное сотрудничество в сфере образования: проблемы правового регулирования в условиях глобализации // Вестник Казанского технологического университета. – 2013. С. 50-51.

⁶ Всеобщая декларация прав человека (принята и провозглашена ГА ООН 10 декабря 1948 года) // Российская газета, № 245, 10.12.1998.

⁷ Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (принят резолюцией ГА ООН № 2200 (XXI) от 16.12.1966 года) // Действующее международное право. В 3 т. М.: МНИМП, 1996, том 2.

⁸ Декларация о праве на развитие (принята резолюцией 41/128 ГА ООН от 4 декабря 1986 года) // Текст официально опубликован не был.

⁹ Конвенция о борьбе с дискриминацией в области образования (принята Генеральной конференцией ООН по вопросам образования, науки и культуры, 14.12.1960) // Официальные документы в образовании. Информационный бюллетень, N 33, ноябрь, 2006 год.

- Документы МОТ: Конвенция № 142 о профессиональной ориентации и профессиональной подготовке в области развития людских ресурсов 1957 г.¹⁰ и др.

- Документы Совета Европы: Европейская Конвенция об эквивалентности дипломов, ведущих к доступу в университеты 1953 г.¹¹ и др.

- Документы СНГ: Соглашение о сотрудничестве в области образования 1992 г.¹² и др.

Таким образом, на основе всего вышеперечисленного мы можем определить международное образовательное право как систему договорных и обычных норм, регулирующих отношения между субъектами международного права, складывающиеся по поводу создания и реализации международных образовательных стандартов, признания национально-правовых документов об образовании, установления требований к единым образовательным системам, а также создания единого образовательного пространства.

Система международного образовательного права представляет собой стройную структуру, которая содержит нормы и институты. Стоит отметить, что данная отрасль является комплексной, поэтому она регулируется еще и совокупностью институтов иной отраслевой принадлежности. Так в систему международного образовательного права включены нормы и институты: 1) выступающие элементом трудового права (институт трудового договора); 2) затрагивающие сферу административного права (институт управления); 3) входящие в сферу гражданского права (нормы, регулирующие деятельность образовательных организаций как юридических лиц) и другие.

---

¹⁰ Конвенция о профессиональной ориентации и профессиональной подготовке в области развития людских ресурсов № 142 // Конвенции и рекомендации, принятые МКТ. 1957-1990 гг., Женева, 1991.

¹¹ Европейская Конвенция об эквивалентности дипломов, ведущих к доступу в университеты (ETS № 015) // Собрание законодательства Российской Федерации, N 51, 17.12.2001, ст.4835.

¹² Соглашение о сотрудничестве в области образования (Ташкент. 15 мая 1992 г.) // Бюллетень международных договоров, 1994 г., № 6, с. 9.

В условиях глобализации стандартизация образования видится как перспективное направление деятельности субъектов международного права. Создание единых требований к преподавательскому составу отдельных категорий, единого перечня прав и обязанностей, системы поощрений и наказаний является несомненным плюсом. Как утверждает О.Д. Федоров, практическое использование международных образовательных программ охватывает «все ключевые элементы формирования позитивных представлений о государстве за рубежом»¹³, тем самым создавая совершенно новый образ страны. Однако не все образовательные программы стоит унифицировать. Медицина, механика и машиностроение, архитектура, искусство и другие направления естественных наук можно регулировать едиными стандартами, так как их сущность от этого не изменится. Но если взять, к примеру, юриспруденцию, то нелогичным будет учить будущих специалистов по общим меркам в силу того, что после обучения им придется подтверждать квалификацию по национальным стандартам.

Таким образом, международное образовательное право еще не достигло того рубежа, когда его можно уже называть самостоятельной отраслью современного международного права. Правоведам необходимо создать новые, автономные нормы, которые будут регулировать лишь эту сферу общественных отношений, и систематизировать уже имеющиеся. Также важно серьезно доработать систему отрасли путем создания органов, способных реализовать поставленные задачи и функции в области международного образования. Однако на данном этапе уже достигнуто немало успехов: действуют базовые принципы международного образования, применяются международные образовательные программы, создаются единые образовательные пространства.

---

¹³ Федоров О.Д. Международные образовательные программы в инструментарию политики государства // Человек и образование. – 2014. – № 2 (39). – С. 129.

К ВОПРОСУ О РЕГУЛИРОВАНИИ РОБОТОТЕХНИКИ И ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

Ермекова Айгерим

*магистрант 1 курса кафедры международного права
Российского университета дружбы народов
aikosyasweet@gmail.com*

Слова известного писателя Уильяма Гибсона относительно того, что будущее уже наступило, неоднократно подтверждаются технологиями сегодняшнего дня, активным применением искусственного интеллекта, созданием нового поколения роботов. Так, с использованием технологий искусственного интеллекта, а также снимков со спутников ученым удалось прогнозировать урожаи, которые позволили повысить производительность сельского хозяйства; другим примером является, когда такие технологии применялись для определения местонахождения жертв, формирования порядка экстренной помощи в случаях возникновения стихийных бедствий. Несомненно, появление новых технологий меняет все сферы жизнедеятельности человека и особенно важным становится вопрос о влиянии современных технологий, таких как робототехника и искусственный интеллект на современное международное право.

В июне 2017 года в Женеве прошел Всемирный саммит «Искусственный интеллект во благо», где поднимался вопрос о применении искусственного интеллекта для достижения Целей устойчивого развития¹. Например, для разрешения вопроса лик-

---

¹*ЦУР – цели устойчивого развития, изложенные в Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 года, которая была принята мировыми лидерами в сентябре 2015 года на историческом саммите Организации Объединенных Наций. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года от 25 сентября 2015 год // Официальный сайт ООН URL:

видации нищеты был предложен вариант использования искусственного интеллекта и спутникового картографирования, которые позволили бы произвести анализ данных о нищете в режиме реального времени и с учетом этого выработали бы рекомендации по дальнейшему распределению ресурсов. В качестве примера, можно еще привести достижение цели сохранения морских экосистем посредством применения следующих функций искусственного интеллекта как распознавание образов для мониторинга миграции морской фауны, контроля численности популяций для борьбы с незаконным промыслом и т.д.²

Таким образом, развитие искусственного интеллекта и робототехники играет не последнюю роль в решении проблем, которые ставятся перед международным сообществом, в том числе и в рамках международного экологического права.

На наш взгляд, свидетельством того, что будущее уже наступило является наделение гражданством робота. Так, наиболее приближенный к человеческому облику, робот София, стала подданной Саудовской Аравии осенью 2017 года. Этот робот был разработан гонконгской компанией *Hanson Robotics* еще в 2015 году. Он уникален тем, что имеет 72 мимических эмоции, способен обучаться, общаться, шутить. Однажды София неудачно пошутила про уничтожение человечества³. Но, что если все-таки это была не шутка, и тогда целесообразно обратить внимания на использование робототехники и искусственного интеллекта в военных целях в рамках международного гуманитарного права. Так, профессор Института Брукинга П. Сингер в своей работе

<https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/about/development-agenda/> (дата обращения 26.04.19).

² ИИ во благо общества. Как искусственный интеллект может ускорить темпы устойчивого развития // ITU News Magazine URL: https://www.itu.int/en/itunews/Documents/2017/2017-01/2017_ITUNews01-ru.pdf (дата обращения 02.04.19).

³ Савина И. Вести (Украина): роботы и люди — кто окажется более человечным. // Новостной портал Иносми.ру URL: <https://inosmi.ru/social/20190102/244003818.html> (дата обращения 15.04.19).

«Военные роботы и законы войны» поднимает вопрос о международной глобальной безопасности в век технологической революции, говорит о появлении новых видов оружия и отсутствия соответствующих законов, о том, что данная проблема не может быть решена лишь усилиями одного государства, тогда как разработки военных роботов ведутся в более 43 государствах именно с целью создания смертоносных автономных систем вооружений (далее САС)⁴. Ограничение в области разработок и применения искусственного интеллекта и робототехники в военных целях должно быть регламентировано в рамках международного гуманитарного права, поскольку касается вопросов применения конкретных видов вооружений и затрагивает законные оборонные интересы государств. Международно-правовым актом, преследующим цель регламентации различных видов вооружений в плане возможности их применения ввиду отсутствия запрета или ограничения их применения в вооруженных конфликтах является Конвенция о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие 1981 года⁵. Однако, ни данная конвенция, ни протоколы к ней не регламентируют САС. Данной проблематикой занимается Группа правительственных экспертов, встреча которой прошла в ноябре 2017 года, где участники пришли к выводу об ответственности государств за разработку любых вооружений, после в апреле 2018 года в Женеве состоялась еще одна встреча, в ходе которой была отмечена ответственность государств за каждый случай летального исхода в результате применения их войсками смертоносных систем в вооруженных

---

⁴ Singer P. W. Military Robots and the Laws of War // The New Atlantis a journal of technology&society URL: <https://www.thenewatlantis.com/publications/military-robots-and-the-laws-of-war> (accessed 17.04.19).

⁵ Конвенция о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие от 10 апреля 1981 г. // Официальный сайт ООН URL: <https://www.un.org/ru/peace/mine/conweapons.shtml> (дата обращения 25.04.19).

конфликтах, а также сформулированы 10 возможных руководящих принципов, касающихся применения САС, которые содержатся в Докладе группы правительственных экспертов по новым технологиям в области смертоносных автономных систем вооружений от 23 октября 2018 года⁶.

Данные принципы признают, что разработка САС должна соответствовать нормам международного гуманитарного права, также регулируют вопросы ответственности. Так, согласно второму принципу, «ответственность человека за решения по использованию систем вооружений должна быть сохранена», поскольку нельзя передать машинам ответственность за последствия⁷.

Таким образом, ответственность за последствия использования САС должна быть обеспечена в соответствии с международным правом, включая установление ответственности «цепочки командования и контроля со стороны людей». Государствам необходимо решить, в соответствии с их обязательствами по гуманитарному праву, при каких обстоятельствах применение автономного оружия неприемлемо. Следует также принять в расчет риск попадания такого оружия в руки террористов.

Некоторые принципы касаются необходимости оценки риска новых технологий в целом. Группой правительственных экспертов поднимается также вопрос контроля над автономными системами вооружений, которые не должны мешать доступу к мирному использованию «умных автономных технологий»⁸.

---

⁶ Report of the 2018 session of the Group of Governmental Experts on Emerging Technologies in the Area of Lethal Autonomous Weapons Systems // UN Geneva URL: <https://undocs.org/en/CCW/GGE.1/2018/3> (accessed 19.04.19).

⁷ Report of the 2018 session of the Group of Governmental Experts on Emerging Technologies in the Area of Lethal Autonomous Weapons Systems // UN Geneva URL: <https://undocs.org/en/CCW/GGE.1/2018/3> (accessed 19.04.19).

⁸ Report of the 2018 session of the Group of Governmental Experts on Emerging Technologies in the Area of Lethal Autonomous Weapons Systems // UN Geneva URL: <https://undocs.org/en/CCW/GGE.1/2018/3> (accessed 19.04.19).

Говоря о появлении новых средств и методов войны в результате возникновения новых технологий, совершенствования робототехники и искусственного интеллекта в целях применения в вооруженных конфликтах, Высокий представитель ООН по вопросам разоружения Исуми Накамицу подняла вопрос о непредсказуемости таких технологий и вытекающих из этого нежелательных последствий. В этой связи она подчеркнула необходимость «достижения консенсуса в отношении общего понимания возможных ограничений, касающихся степени автономии в использовании смертоносного оружия»⁹.

Таким образом, данные принципы регулируют деятельность САС, однако возникает очень много вопросов касательно определения самого понятия САС, его структурных элементов, базовых критериев. По аналогии, можно сравнить с Азиломарскими принципами искусственного интеллекта, затрагивающими вопросы регулирования исследований в сфере искусственного интеллекта, которые были сформулированы в январе 2017 года в США по итогам конференции разработчиков и представителей таких компаний как *Google, Apple, Facebook*¹⁰.

В данном случае, также отсутствует толкование понятий и определение юридического статуса «искусственного интеллекта».

На наш взгляд, робототехника и искусственный интеллект так или иначе взаимодействуют практически со всеми отраслями международного права, рассмотрим взаимосвязь с такой отраслью как, международное право прав человека. Так, в Докладе независимого эксперта для Совета по правам человека при ООН

---

⁹ООН и САС - Официальный сайт ЮНЕСКО

URL:

https://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:L1M_bIU9DbEJ:

<https://ru.unesco.org/news/oon-i->

[sas+&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=ru&client=safari](https://ru.unesco.org/news/oon-i-sas+&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=ru&client=safari) (дата обращения 29.03.19).

¹⁰Азиломарские принципы искусственного интеллекта // Исследовательский центр проблем регулирования робототехники и искусственного интеллекта URL: http://robopravo.ru/azilomarskiie_printsipy_ii (дата обращения 10.04.19).

(2017 г.) отмечается, что «использование ассистивных технологий и робототехники при уходе за пожилыми людьми может повысить их достоинство или, наоборот, унижить его». Бурное развитие технологий, обладающих автономностью, требует соответствующей нормативно-правовой базы, позволяющей регулировать процесс их разработки, планирования и внедрения. При этом особую роль играют общепризнанные принципы международного права и конституционные основы, которые гарантируют право на жизнь; подчеркивают, что достоинство личности охраняется государством, и ничто не может быть основанием для его умаления¹¹.

Несмотря на актуальность, на сегодняшний день международным сообществом на универсальном уровне еще не были приняты основные подходы в регулировании отношений, возникающих по поводу применения робототехники и технологий искусственного интеллекта. Однако как показывает практика, многие правовые вопросы наиболее эффективно решаются на региональном уровне.

В 2012 г. Европейская Комиссия запустила исследовательский проект «*RoboLaw*», цель которого определить новые вызовы, порождаемые в европейском правовом поле технологиями в сфере био-робототехники (включая искусственный интеллект) и разработать соответствующие рекомендации, пути решения, возникающих проблем. Результатом данного проекта является отчет «Руководство по регулированию робототехники», предоставленный в 2014 году, целью которого было учреждение надлежащей правовой среды для развития роботизированных технологий в Европе¹².

В феврале 2016 года Европарламент принял резолюцию «Нормы гражданского права в робототехнике», в которой пред-

---

¹¹Preliminary draft report of COMEST on robotics ethics // UNESCO official website URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000245532> (accessed 19.04.19).

¹²Понкин И.В., Редькина А.И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2018. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-s-tochki-zreniya-prava> (дата обращения 20.04.2019).

лагается введение единой системы классификации роботов, формирование общеевропейской системы их регистрации, а также определение пределов ответственности. Резолюция не является обязательным документом, носит рекомендательный характер. В приложении к резолюции содержится перечень критериев определения умных роботов, например такой робот должен обладать способностью обучаться на основе приобретенного опыта и адаптироваться под внешнюю среду¹³.

Анализ данного документа показал, что в нем не содержится критериев касательно понятия «искусственный интеллект», несмотря на то что «робототехника и искусственный интеллект» в нормах резолюции не рассматриваются по отдельности.

В ноябре 2017 года Исследовательским центром проблем регулирования робототехники и искусственного интеллекта в России была предложена «Модельная конвенция о робототехнике и искусственном интеллекте». В данной конвенции к объектам робототехники относят все категории роботов в самом широком их понимании независимо от их назначения, степени опасности, мобильности или автономности, а также киберфизические системы с искусственным интеллектом в любой форме¹⁴.

В конвенции содержатся правила создания и использования роботов, а также ограничения в применении военных роботов. Конвенция предусматривает создание наднационального института регулирования на уровне ООН¹⁵.

---

¹³ Этические и правовые вопросы искусственного интеллекта // Российский Совет по международным делам URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/eticheskie-i-pravovye-voprosy-iskusstvennogo-intellekta/?sphrase_id=26277782 (дата обращения 16.04.19).

¹⁴ Модельная конвенция о робототехнике и искусственном интеллекте // Исследовательский центр проблем регулирования робототехники и искусственного интеллекта URL: http://robopravo.ru/modielnaia_konvientsiia (дата обращения 21.04.19).

¹⁵ Модельная конвенция о робототехнике и искусственном интеллекте // Исследовательский центр проблем регулирования робототехники и искусственного интеллекта URL: http://robopravo.ru/modielnaia_konvientsiia (дата обращения 21.04.19).

Однако, в предложенной конвенции содержатся правовые пробелы, такие как неразрешенная проблема унификации используемых понятий «робот», «роботизированный механизм» и «киберфизическая система».

Для определения понятия искусственный интеллект, обратимся к юридической доктрине. Наиболее полно и всеобъемлюще данное понятие раскрывается в работах российских ученых И.В. Понкина и А.И. Редькиной так, искусственный интеллект – это искусственная сложная кибернетическая компьютерно-программно- аппаратная система, обладающая автономностью в самообучении и в выработке и принятии решений, самостоятельностью в само-включении-отключении-перезапуске, возможностью воспрепятствия внешнему отключению, а также энергетической автономностью¹⁶.

Также рассмотрим другие дефиниции понятия «робот». Авторами законопроекта «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации в части совершенствования правового регулирования отношений в области робототехники» В. Наумовым и В. Архиповым предлагается следующее определение понятия робот: «устройство, способное действовать, определять свои действия и оценивать их последствия на основе информации, поступающей из внешней среды, без полного контроля со стороны человека»¹⁷. А в работе П.М. Морхата робот – это: «автоматическое, полностью или частично автономное сис-

---

¹⁶ Понкин И. В., Редькина А. И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2018. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-s-tochki-zreniya-prava> (дата обращения 10.04.2019).

¹⁷ Архипов В.В., Наумов В.Б. Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России закона о робототехнике // Труды СПИИРАН. 2017. Вып. 6(55). URL: <http://ittrpgups.ru/index.php/sp/article/download/3621/2116> (дата обращения: 06.04.19).

темное устройство (компьютерно-программно-аппаратное – виртуальное или киберфизическое), предназначенное для выполнения различного рода работ»¹⁸.

Таким образом, отметим, что развитие технологий искусственного интеллекта, а также робототехники существенно влияет и на развитие международного права как в целом, так и на отдельные его отрасли. Анализ документов показал, что на сегодняшний день нет универсального подхода к разграничению и определению данных понятий, установлению их юридического статуса, более того понятие «искусственного интеллекта» в международных документах не раскрывается, а лишь в законодательствах отдельных государств, либо в правовой доктрине, в то время как к пониманию слова «робот, робототехника» существует несколько подходов. На наш взгляд, робот – автоматическое устройство, способное взаимодействовать с внешней средой, а искусственный интеллект – это система, благодаря которой роботы и адаптируют свои действия под внешние факторы, основываясь на продолжающемся сборе данных.

---

¹⁸ Морхат П.М. Возможности, особенности и условия применения искусственного интеллекта в юридической практике // Администратор суда. 2018. № 2. С. 8-12.

ВОПРОСЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ КОРПОРАЦИЙ В СОВРЕМЕННОМ МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

Каражан Бекмырза Серикович

*преподаватель кафедры международного права
Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева
bkarazhan@mail.ru*

Процесс мировой глобализации, который особенно отчетливо наблюдается последние десятилетия, значительно изменил мировой порядок и заставил смотреть на вещи под другим углом. В происходящих изменениях немаловажную роль играют так называемые «транснациональные корпорации» (далее ТНК). Если раньше в международном праве на первых ролях практически всегда выступали государства или международные организации, которые, в свою очередь, состоят из таких же государств, обладающими общими интересами, то сейчас ТНК все больше распространяют свое влияние, тем самым, показывая, что они если даже не вышли на определяющую роль в мировом развитии, то по крайней мере, достигли такого уровня значимости, что мировому сообществу не помешало бы пересмотреть некоторые вещи, связанные с их деятельностью. Чтобы понять, насколько выросли ТНК за последнее время достаточно знать тот факт, что американская частная компания *Walmart* на момент написания данной статьи имеет приблизительно сопоставимый показатель финансового оборота с показателем внутреннего валового продукта одной из самых развитых стран Европы – Норвегии¹.

Несомненно, ТНК в наше время стали драйверами технологического развития. Некоторые из них сумели запустить в кос-

---

¹Trivett V. 25 US Mega Corporations: Where They Rank If They Were Countries / Informational portal "Business insider" URL: <https://www.businessinsider.com/25-corporations-bigger-than-countries-2011-6#visa-is-bigger-than-zimbabwe-2> (дата обращения: 28.03.2019).

мос сразу десятки спутников². Однако есть и обратная сторона медали. Вместе с новыми технологиями пришли и новые вызовы. Иногда, недобросовестная деятельность крупных частных компании становилась причиной различных техногенных катастроф, а сотрудников таких компании могли ограничивать в их правах. Многие авторы, изучающие данную область, согласятся с мнением, что международное право не выработало четкую правовую базу, регулирующую деятельность ТНК. К сожалению, есть огромные пробелы в вопросе ответственности ТНК в рамках международного права. Это связано, прежде всего с правосубъектностью таких образований. Как мы знаем, ТНК не являются полноценными субъектами международного права, хоть они и действуют на территориях многих стран.

Для рассмотрения вопросов ответственности ТНК мы должны в первую очередь понять, что они из себя представляют. Наиболее четкое определение ТНК содержится в Проекте норм, касающихся обязанности ТНК и других предприятий в области прав человека 2003 года, согласно которому, ТНК – субъект экономической деятельности, производящий свои операции более чем в одной стране, или группа субъектов экономической деятельности, производящих свои операции в двух или более странах, независимо от того, в какой юридической форме они выступают, находятся ли в своей собственной стране или стране, в которой осуществляются операции, а также независимо от того, осуществляют ли они свою деятельность в индивидуальном или коллективном качестве³. Необходимо отметить, что иногда для обозначения таких образований используют другие термины.

---

² Roulette J. SpaceX launches biggest U.S. 'rideshare' mission with 64 satellites / Reuters News Agency URL: <https://www.reuters.com/article/us-space-spacex/spacex-launches-biggest-u-s-rideshare-mission-with-64-satellites-idUSKBN1O22JQ> (датаобращения: 28.03.2019).

³ Проект норм, касающихся обязанности транснациональных корпораций и других предприятий в области прав человека / Электронная библиотека Организации Объединенных Наций URL: https://digitallibrary.un.org/record/498842/files/E_CN.4_Sub.2_2003_12-RU.pdf (дата обращения: 29.03.2019).

Например, в Организации экономического развития и сотрудничества предпочитают использовать термин «международные предприятия»⁴. Иногда даже встречаются такие понятия как «мультинациональная компания», «глобальное предприятие», «всемирное предприятие». В данной работе в дальнейшем будут использоваться все термины для обозначения ТНК. Как бы не разнились названия, суть остается той же. В кругах специалистов они позиционируются как субъекты экономических взаимоотношений, которые действуют на территории многих стран, однако не обладающие полной правосубъектностью в рамках международного права.

Вопрос правосубъектности данных образований тесно связан с институтом международно-правовой ответственности. Правовая природа ТНК позволяет им работать на территориях практически любых государств, заключать с ними договор, влиять на внутриэкономическую ситуацию, при этом не являясь субъектом международного права. Это и создает определенные трудности в решении проблемы, связанной с ответственностью ТНК.

Идея создания правового механизма привлечения ТНК к ответственности сама по себе не нова. Начиная уже с 1970-х годов, эта тема широко обсуждается в профессиональных кругах⁵. Как раз в это время очень большими темпами развивались крупные компании, все более проникая в новые рынки.

В практике деятельности ТНК, как мы уже отмечали, встречаются факты нарушения норм международного права. Иногда работники таких корпораций могут быть ущемлены в своих правах, известны случаи совершения ТНК международных преступлений.

---

⁴ OECD Guidelines for Multinational Enterprises / Official website of The Organisation for Economic Co-operation and Development URL: <http://www.oecd.org/investment/mne/1922428.pdf> _____ (дата обращения: 30.03.2019).

⁵ Сулейманов М.Р. К вопросу об ответственности ТНК за нарушения в области международного права / Вестник экономики, права и социологии, 2016, № 1., С. 194.

В области защиты прав человека специалисты пытались найти точки соприкосновения в деле поиска решений самых острых проблем. Наиболее серьезным шагом в этом направлении был разработка «Проекта норм, касающихся обязанности транснациональных корпораций и других предприятий в области прав человека» (далее Проект норм) 2003 года. Документ структурирован следующим образом: Преамбула, общие обязательства, право на равные возможности и недискриминационный режим, право на личную безопасность, права трудящихся, уважение национального суверенитета и прав человека, обязательства, касающиеся защиты интересов потребителей, обязательства, касающиеся охраны окружающей среды, общие положения о порядке осуществления, определения. Несмотря на приложенные усилия в разработке данного документа, он был отвергнут Комиссией Организаций Объединенных Наций (далее ООН) по правам человека как не имеющий правовой основы⁶. Возможно, не успешность этой идеи связана с боязнью развивающихся государств конкуренции их национального законодательства с данным проектом.

Говоря о связи норм международного права и национального законодательства, необходимо отметить, что национальное законодательство некоторых стран предусматривает правовую ответственность ТНК за нарушение в области прав человека. Если быть конкретнее, Закон Соединенных Штатов Америки об обжаловании иностранцами деликтов (далее Закон США) предоставляет возможность подачи исков в отношении ТНК иностранным гражданам за нарушение прав человека.

Принятый Первым Конгрессом как часть Закона о судебной власти 1789 года, Закон США был characterized как «отличный от любого другого в американском праве» и «неизвестно любому другому правовой системы в мире». В своем нынешнем виде полный текст устава содержит следующее: «окружные суды должны иметь первоначальную юрисдикцию любого граждан-

---

⁶ См. Сулейманов М.Р. К вопросу об ответственности ТНК за нарушения в области международного права // Вестник экономики, права и социологии, 2016, № 1., С. 194.

ского иска иностранных граждан в отношении только деликтов, совершенных в нарушение Закона наций или договора США». Данное предложение было предметом повышенного интереса в последние десятилетия, так как он развивался от малоизвестного положения, касающегося юрисдикции до популярного средства среди не граждан США для требования в американских судах возмещения за травмы, вызванные нарушениями прав человека и террористическими актами⁷.

Одним из первых дел, рассматривавшихся по Закону США было судебное разбирательство *Doe vs. Unocol*. Истцы, жители Мьянмы, заявляли о виновности Корпорации *Unocol* в совершении актов насилия, пыток, принудительного труда, а также принудительном перемещении людей, которые осуществлялись военными силами государства Мьянма при осуществлении строительства трубопровода. В 1997 году федеральный окружной суд в Калифорнии отклонил ходатайство корпорации *Unocol* о прекращении дела и постановил, что корпорация вполне может подлежать ответственности. Суд подтвердил в своем решении, что как корпорации, так и их служащие, осуществляющие управленческие функции, могут нести юридическую ответственность по Закону США за нарушения, совершенные корпорацией за пределами государственных границ США. В результате дела закончились мировым соглашением сторон, по которому *Unocol* согласилась выплатить истцам компенсацию⁸.

Комиссия ООН по правам человека хоть и не одобрила Проект норм, 2011 году сама стала инициатором создания уже другого документа, связанного с ответственностью ТНК за нарушение норм в области прав человека. Речь идет о Руководящих

---

⁷ Mulligan S. The Alien Tort Statute (ATS): A Primer, 2018 / Congressional Research Service URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R44947/4> (дата обращения: 01.04.2019).

⁸ Натапов С.Л. Ответственность транснациональных корпораций за нарушение международного права прав человека // Бизнес в законе 2008, 3 С. 180 URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/otvetstvennost-transnatsionalnyh-korporatsiy-za-narushenie-mezhdunarodnogo-prava-prav-cheloveka> (дата обращения: 01.04.2019).

принципах предпринимательской деятельности в аспекте прав человека. Согласно данным принципам государства, так же, как и сами ТНК должны обеспечить наилучшие условия для защиты прав человека. Документ состоит из трех глав: в первой главе говорится об обязанности государств, а также их сотрудничестве с предприятиями в защите прав человека; вторая глава содержит базовые принципы и принципы деятельности самих предприятий; третья же глава затрагивает такие важные моменты, как доступ к средствам правовой защиты, куда входят судебные и внесудебные механизмы рассмотрения жалоб⁹.

Похожий документ с похожим названием выпустила уже другая авторитетная международная организация – Организация экономического сотрудничества и развития (далее ОЭСР). Руководящие принципы ОЭСР для многонациональных предприятий (далее Руководящие принципы) – это рекомендации, подготовленные государствами для многонациональных предприятий, которые осуществляют деятельность в присоединившихся государствах или из присоединившихся государств. Они включают в себя необязательные принципы и стандарты ответственного осуществления хозяйственной деятельности в мировом масштабе в соответствии применимым законодательством и стандартами, признанными на международном уровне¹⁰. Однако, важно подметить, что эти принципы имеют рекомендательный характер.

Вообще в вопросе об ответственности ТНК очень высока роль «мягкого права». Еще одним ярким примером «мягкого права» может послужить принятие 1977 году Международной Организацией Труда Трёхсторонней декларации принципов,

---

⁹ Руководящие принципы предпринимательской деятельности в аспекте прав человека HR/PUB/11/04 2011

// Официальный сайт Управления Организаций Объединенных Наций в области прав человека URL: https://www.ohchr.org/documents/publications/guidingprinciplesbusinesshr_ru.pdf (дата обращения: 02.04.2019).

¹⁰ Руководящие принципы Организации экономического сотрудничества и развития 2011 // Официальный сайт ОЭСР URL: <http://mneguidelines.oecd.org/guidelines/MNEGuidelinesRussian.pdf> (дата обращения: 02.04.2019).

касающихся многонациональных корпораций и социальной политики. Декларация, в первую очередь, связана с трудовыми отношениями в ТНК. Она регулирует вопросы занятости, образования, условий труда¹¹.

Ну и самым ярким, наиболее популярным примером «мягкого права» в области ответственности ТНК, пожалуй, является так называемый «Глобальный Договор». 1999 году на тот момент Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан лично инициировал разработку этого документа. Глобальный Договор концептуально задуман как добровольное партнерство между ООН и отдельными компаниями (предприятиями). Поэтому речь идет не о международно-правовом договоре, а о самообязательстве корпораций, взятом ими по отношению к ООН. Идея заключается в том, что ТНК на добровольной основе соглашается выполнять десять основных принципов, описанных в документе в области прав человека, трудового права, права окружающей среды и борьбы с коррупцией. Кроме этого, компании-участники признают обязанность ежегодно представлять отчет о реализации соответствующих обязательств. Если компания два раза подряд нарушит эти обязательства, то в Глобальном договоре она больше участвовать не сможет¹². На сегодняшний день уже более десяти тысяч участников из тридцати стран присоединились к Договору¹³.

---

¹¹ Трехсторонняя декларация принципов, касающихся многонациональных корпораций и социальной политики 1977 // Официальный сайт Международной Организаций Труда URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_emp/---emp_ent/documents/publication/wcms_574716.pdf (дата обращения: 02.04.2019).

¹² Вайлерт К. Транснациональные корпорации вне правового поля? Действие международно-правовых стандартов и его пределы // Институт Макса Планка по зарубежному публичному и международному праву Выпуск 1 (2012) 1, С. 168-171 URL: http://dpp.mpil.de/01_2012/01_2012_125_172.pdf (дата обращения: 02.04.2019).

¹³ См. Сулейманов М.Р. К вопросу об ответственности ТНК за нарушения в области международного права / Вестник экономики, права и социологии, 2016, № 1. С. 194.

Существует и другие региональные международные договоры. Но значимость большинства из них в мировом масштабе сведена к нулю. На территории постсоветских стран действует Конвенция от 6 марта 1998 года «О транснациональных корпорациях». Данный международный нормативный акт позволил таким странам как Россия, Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Молдавия, Таджикистан и Украина в начальном этапе сверить часы по отношению к деятельности ТНК. Однако сами проблемы ответственности ТНК в Конвенции не затрагиваются.

Еще один часто дискутируемый вопрос – вопрос ответственности ТНК за международные налоговые преступления. По мнению некоторых авторов, изучающих данную область, привлечение ТНК к ответственности за налоговые преступления вполне возможен. В качестве аргументов приводится американская доктрина *qui facit per alea facit per se* (тот, кто действует через другого, действует сам). Используя эту доктрину, мы можем рассматривать корпорацию как юридическое лицо, которое обладает информацией, принимает решение и действует через своих индивидуальных членов. Следовательно, можно привлечь ТНК за налоговые преступления, при условии, что в будущих международных договорах в области борьбы с экономическими преступлениями будут закреплены соответствующие положения¹⁴.

Несмотря на то, что возможность привлечения к ответственности ТНК все время ставится под сомнение, некоторые международные нормативно-правовые акты содержат положения, предусматривающие уголовную ответственность юридических лиц. К таковым можно отнести Европейскую конвенцию о защите окружающей среды средствами уголовного права, Конвенцию ООН о противодействии коррупции, Конвенцию ООН о борьбе с финансированием терроризма, Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности.

Подводя итоги данной работы, мы можем говорить об высокой актуальности исследуемой темы. Если в семидесятых

---

¹⁴ Мурзагалиев Е.Ч. Ответственность транснациональных корпораций в международном налоговом праве: теория и практика // Евразийский юридический журнал №3 (46) 2012. С. 25.

годах прошлого века страны уже говорили об урегулировании деятельности ТНК, в сегодняшнем глобализованном мире вопрос ответственности ТНК имеет чрезвычайную важность. Связано это в первую очередь с быстро растущей ролью ТНК в глобальном мире. Мы так же выяснили, что несмотря на всю сложность, связанную с правосубъектностью ТНК, а следовательно с международно-правовой ответственностью ТНК, прецеденты привлечения таковых в правовой практике имеются, а некоторые региональные и даже универсальные международные договоры содержат положения об ответственности ТНК, хоть и не содержат или же не в состоянии обеспечить механизмы исполнения таких норм и по нашему мнению, в обозримом будущем перед мировым сообществом возникнет необходимость возобновления переговоров по данному вопросу.

СЕВЕРОКОРЕЙСКАЯ ЯДЕРНАЯ ПРОГРАММА: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Карпов Василий Александрович

студент

Юридический институт РУДН

Вторая половина 20 века ознаменовалась противостоянием двух сверхдержав. СССР и США боролись за мировое господство и стремились навязать другим свои правила. В результате суверенитет многих государств был нарушен. Современные геополитические противоречия зародились в период холодной войны, когда шло противостояние социалистических и капиталистических идей. Этому предшествовало формирование Международного права в рамках Ялтинско-Потсдамской системы. Главными недостатками которой были односторонность, ввиду того, что всё решали страны победители во Второй Мировой войне и отсутствие крепкой договорно-правовой базы. На фоне этого наблюдалось несовершенство механизма регулирования международных отношений. То, что вчерашние союзники превратились во врагов, привело к тому, что очень важные функции международного права, как: создание условий для международного сотрудничества, обеспечение международной безопасности, стали не так актуальны и игнорировались в отношениях между субъектами международного права. На фоне глубокого системного кризиса международного права, противостояния сверхдержав с их противоположными ценностями и идеологией зародился северо-корейский кризис, о котором пойдёт речь в нашем исследовании.

В международном праве на глобальном и региональном уровне продолжает оставаться одной из самых острых Северо-корейская ядерная проблема. В её основе лежат внутрикорейские противоречия и высокая геополитическая заинтересованность Южной Кореи, Китая, Японии, России и США на Корейском

полуострове и в данном регионе¹. Ситуация осложняется наличием у многих из этих государств ядерного оружия.

Международно-правовой режим нераспространения ядерного оружия является основой для механизма поддержания международной безопасности. В основе этого лежит договор о нераспространении ядерного оружия (далее ДНЯО)². Данное соглашение было подписано в 1968 году странами депозитариями (СССР, США и Великобританией) и представляет собой универсальный многосторонний международный акт. Его цель не только предотвратить распространение ядерного оружия, но и обеспечить строгое выполнение обязательств по договору государств-участников, то есть создать эффективные механизмы контроля в этой области.

В 1957 году была создана международная межправительственная организация Международное агентство по атомной энергии (далее МАГАТЭ) для развития международного сотрудничества в области применения мирного атома, однако благодаря ДНЯО, возлагает на себя функции по заключению соглашений о гарантиях с государствами-участниками.

Северокорейскую ядерную программу условно можно разделить на два этапа. Первый этап длился около тридцати лет (с начала 1950-х по 1980-е гг.). В эти годы Северная Корея проводила первые исследования в данной области, целью которых было изобретение своего собственного ядерного оружия, ввиду того что иных путей его заполучить не было т.к. международные договоры активно его препятствовали распространению. Эти попытки закончились бы неудачей, если бы не помощь СССР. Союз согласился помочь социалистическому соседу со строительством АЭС, при условии, что Северная Корея подпишет договор ДНЯО. В 1985 они туда вступили и СССР, ссылаясь на ст. 4 п.2 ДНЯО стал делиться оборудованием и научно технической

---

¹ Асмолов К. Основные перспективы развития ситуации в Северо-Восточной Азии // Проблемы Дальнего Востока. 2008г. – 39-42 с.

² ДНЯО: URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml (дата обращения 02.04.2019 г.).

информацией по использованию атомной энергии в мирных целях³. Таким образом, первый период заложил основу для дальнейшего создания ядерного оружия в КНДР.

Второй этап начинается очень положительно с точки зрения поддержания международного мира и безопасности. Холодная война закончилась и вслед за этим в 1991г. обе Кореи вступили в Совет Безопасности ООН. Год спустя в 1992г. была подписана совместная декларация о безъядерном статусе Корейского полуострова. Однако после ситуацию в регионе обострила Северная Корея, перестав выполнять свои договорные обязательства в ДНЯО и МАГАТЭ.

Почувствовав, что нет никаких причин соблюдать эти соглашения в 2003 году Северная Корея вышла из ДНЯО⁴. Выход оказался противоречивым и не до конца законно обоснованным. Ссылаясь на статью 10 данного договора, они уведомили за 3 месяца только постоянных членов, (а не всех участников соглашения, как и должны были) и СБ ООН о скорой денонсации, мотивировав свой выход «тяжелой ситуацией в результате которой возникла серьёзная угрозой интересам государства», а также сильным давлением со стороны США. Тут и возникает первый важный вопрос: «Если есть нарушение международного права со стороны Северной Кореи в связи с неточным соблюдением процедуры денонсации».

Безусловно, нарушение есть. Вина в том, что это произошло лежит прежде всего на государствах-членах, СБ ООН и МАГАТЭ, которые, на наш взгляд, проявили себя очень безответственно не отреагировав на данный шаг соответствующими мерами. Кроме того, нельзя было не отметить отсутствие согласия между государствами-участниками. Так США в 1995-2000гг. отказывались обсуждать вопросы, связанные с разоружением в формате ДНЯО. Кроме того, в 2002 году США выходят из

---

³ Корейский ядерный кризис: перспективы деэскалации/ под ред. А.Г. Арбатова. – М. : ИМЭМО РАН, 2013 г. – 60-69 с.

⁴ Банн Дж. Право выхода из ДНЯО – мнение двух участников переговоров по выработке Договора // Дж.Банн, Р. Темирбаев // Ядерный контроль. ПИР-ЦЕНТР. – 2005 г. – 30-34 с.

договора ПРО. Как итог Северная Корея в 2005 году объявляет о создании ядерного оружия и в 2006 году проводит ядерные испытания. Всё это должно быть учтено в дальнейшем для того, чтобы государства-участники не использовали ДНЯО, как легальный способ получения технологий «мирного атома» с последующей денонсацией данного соглашения. Мы считаем, что выход следует ужесточить. Критерии и причины, а также иные формальности должны быть поставлены под жесткий контроль ввиду того, что речь идёт о бесконтрольном распространении технологий, способных нанести вред человечеству. МАГАТЭ следует усилить контроль за ядерной деятельностью государств, желающих расторгнуть соглашение. Необходимо организовать последующие выходы проверки, в качестве инновационного шага, предложить государству, вернуть полученные технологии, выдать все собственные наработки и чертежи. Очевидно, что КНДР на такие условия не согласится, так как ядерное оружие для них единственный способ «заявить о себе как державе» и оказывать существенное давление на своих соседей.

Решение Северокорейской ядерной проблемы с применением силы ничем хорошим не закончится. А санкции, вводимые против КНДР ещё больше понизят и без того низкий уровень жизни населения. На наш взгляд единственный способ установить мир на корейском полуострове объединить Северную и Южную Корею в единое государство. Но станет ли коммунистическое правительство идти на такое шаг. Для них смена режима- это потеря власти. С другой стороны мирный договор не выгоден богатой Южной Кореи, которая будет вынуждена тянуть «нищих и отсталых северных соседей».

Таким образом, изучая международно-правовые аспекты Северокорейской Ядерной программы, можно сделать следующие выводы: механизмы ДНЯО и МАГАТЭ в вопросах контроля за распространением ядерных технологий несовершенны. Политика государств по урегулированию Северокорейской ядерной проблемы не привела к серьёзным сдвигам, а лишь усугубила существовавшее положение. Угроза всему мировому сообществу продолжает игнорироваться, что может свидетельствовать о глубоко системном кризисе международного права.

МИРНОЕ РАЗРЕШЕНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СПОРОВ (НА ПРИМЕРЕ ГОЛАНСКИХ ВЫСОТ)

Кодиров Ахрорджон Зафарович

*студент 3 курса Юридического института
Российский университет дружбы народов
ahror-98@mail.ru*

Исследование территориальных споров имеет большое значение для международного сообщества, так как на анализе уже произошедших событий можно предотвратить зарождающиеся конфликты. Если посмотреть на историю вопроса, то мы можем наблюдать, что территориальные споры значительно чаще приводят к вооруженным конфликтам, чем иные виды споров, в частности, морские, экономические и другие.

Территориальный спор – это разногласия, возникшие между двумя и (или) более государствами относительно правового режима и принадлежности определенной территории. Каждый неурегулированный территориальный спор может стать основанием для совершения акта агрессии со стороны того или иного государства.

Территориальный спор между государствами носит характер международного спора. Один из общепризнанных принципов международного права гласит, что любой международный спор должен быть урегулирован мирными средствами. Данное положение нашло свое закрепление в ст. 2 п. 3 Устава ООН, где сказано: «Государства-члены ООН разрешают свои международные споры мирными средствами»¹. Таким образом, при разрешении международных споров, любое применение силы является нарушением принципов и норм международного права, и знаменует собой возникновение международно-правовой ответственности.

---

¹ Устав Организации Объединенных Наций от 26 июня 1945 г. Ст. 2 п. 3. URL: <https://www.un.org/ru/charter-united-nations/> (дата обращения 13.03.2019).

На сегодняшний день в разных регионах мира между государствами существует множество споров относительно юридической принадлежности конкретных территорий. Примером такого спора, который длится на протяжении 52 лет, является конфликт между Сирией и Израилем по поводу территории под названием Голанские высоты.

Голанские высоты – это спорная территория площадью около 1800 кв. км, которая находится на границе между Сирией и Израилем. Голанские высоты представляют собой территорию, на которой, благодаря плодородной почве, хорошо развито сельское хозяйство. В настоящее время контроль над ней осуществляет Израиль.

До 1967 г. настоящая территория принадлежала Сирии, однако 4 июня того же года Израиль нанес удар по сирийским позициям и к 9 июня оккупировал всю территорию Голанских высот. Причиной применения силы со стороны Израиля послужило то, что еще в 1964 г. Ливан и Сирия начали работы по отводу вод двух основных притоков Иордана – реки Хацабани с истоком в Ливане и реки Баниас с истоком в Сирии – с целью переброски воды в реку Ярмук, протекающую по иорданской территории. И тем самым эти государства лишили бы Израиль двух третей всей воды реки Иордан. Израиль расценил эти попытки как акт объявления войны и подверг территорию проведения работ обстрелу. В ноябре 1964 г. израильская авиация разбомбила строительные участки, находившиеся вне досягаемости артиллерии.

Еще одним событием, ставшим отправной точкой агрессии Израиля, стало закрытие 22 мая Египтом Тиранского пролива для всех израильских судов и всех кораблей, направлявшихся в Эйлат. Эта блокада перерезала единственный путь, по которому в Израиль поступали различные товары из Азии, а также нефть из Ирана².

---

² Ковальчук А.А. Сирийская Арабская Республика в «Шестидневной войны» 1967 г. // Общество: Философия, История, Культура 2016. № 9. С. 90-91.

На тот момент основным городом и административной столицей района считался город Эль-Кунейтра, который на сегодняшний день из-за частых вооруженных конфликтов практически полностью разрушен. По итогам «Шестидневной войны» Совет Безопасности ООН единогласно принял резолюцию 242 от 22 ноября 1967 г., согласно которой Израиль обязуется вывести свои войска с территорий, оккупированных во время недавнего конфликта³. Однако Израилем не были исполнены обязательства по резолюции.

С 1967 по 1981 г. большая часть Голанских высот (1150 кв. км) находилась под управлением израильских вооруженных сил по Северному военному округу. В течение всего этого времени израильские власти осуществляли двойственную политику, стремясь полностью отделить Голаны от Сирии, и после этого присоединить их к Израилю. Приказ № 1 израильского военного командования гласил, что «территория Голанских высот является закрытой военной зоной, и никто из жителей вне зависимости от национальной принадлежности, не может въехать в этот район или выехать из него». Приказ № 58 от 17 сентября 1967 г. запрещал гражданам Сирии посещать Голаны⁴.

В октябре 1973 г. Сирия предприняла попытку вернуть под свой контроль оккупированную территорию, путем атаки на израильские войска, однако все закончилась безуспешно. После завершения «Октябрьской войны» 1973 года, США выступили с предложением о проведении мирной конференции и заключении мирного соглашения⁵.

---

³ Резолюция Совета Безопасности ООН № 242 // Документ СБ ООН S/RES/242 (1967) от 22 ноября 1967 г. // URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/242\(1967\)](https://undocs.org/ru/S/RES/242(1967)) (дата обращения 06.04.2019).

⁴ Крылов А.В. Израиль продолжает расширять свои поселения // Ежегодник ИМИ – 2015 / Гл. ред. А.А. Орлов, ред. выпуска П.Б. Паршин, А.Л. Чечевишников. — М.: МГИМО-Университет, 2015. Вып. 1 (11). С. 154.

⁵ Аль Ахмад А.Х. Сирийские Голанские высоты в свете международного права. // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 4. С. 189.

31 мая 1974 г. в Женеве состоялась конференция, где между конфликтующими государствами Израилем и Сирией было подписано Соглашение о разъединении войск в районе Голанских высот. В соответствии с данным соглашением оба государства обязались прекратить огонь и военные действия на Голанах, однако вопрос об установлении границ между Сирией и Израилем так и не был урегулирован⁶. Данное соглашение послужило принятием Советом Безопасности ООН Резолюции 350, согласно которой закреплялись все достигнутые пункты вышеупомянутого соглашения⁷. Ключевым положением Резолюции 350 является учреждение Зоны Сил ООН по наблюдению за разъединением (СООННР) на Голанских высотах. Основная задача Сил заключается в проведении международного контроля над разъединением вооруженных сил Израиля и Сирии в районе Голан. Согласно Резолюции 350 буферная зона растянулась примерно на 80 км с юга на север и на расстояние от 500 м до 10 км с востока на запад.

14 декабря 1981 г. Кнессет Израиля (законодательный орган Израиля) принял закон о Голанских высотах, который предусматривал распространение израильского законодательства, юрисдикции и государственного управления на всю территорию оккупированных сирийских Голанских высот⁸.

Международное сообщество осудило действия Израиля по поводу присоединения оккупированной территории сирийских Голанских высот. В связи с решением Израиля аннексировать территорию Голанских высот, Совет Безопасности ООН

---

⁶ Аль Ахмад А.Х. Сирийские Голанские высоты в свете международного права. // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 4. С. 189.

⁷ Резолюция Совета Безопасности ООН № 350 // Документ СБ ООН S/RES/350 (1974) от 31 мая 1974 г. // URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/350\(1974\)](https://undocs.org/ru/S/RES/350(1974)) (дата обращения 06.04.2019).

⁸ Крылов А.В. Израиль продолжает расширять свои поселения // Ежегодник ИМИ – 2015 / Гл. ред. А.А. Орлов, ред. выпуска П.Б. Паршин, А.Л. Чечевишников. – М.: МГИМО-Университет, 2015. Вып. 1 (11). С. 155.

17 декабря 1981 г. единогласно принял Резолюцию 497, которая постановила, что «решение Израиля установить свои законы, юрисдикцию и управление на оккупированных сирийских Голанских высотах является недействительным и не имеет международной юридической силы», требовала, чтобы «Израиль, оккупирующая держава, немедленно отменил свое решение» и заявляла, что «все положения Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны от 12 августа 1949 г. по-прежнему распространяются на сирийскую территорию, оккупированную Израилем с июня 1967 г.»⁹.

Однако, несмотря на многочисленные резолюции Совета Безопасности ООН, двусторонние соглашения, а также другие акты, касающиеся мирного урегулирования территориального конфликта между Израилем и Сирией, Израиль не выполняет возложенные на него обязанности, что затрудняет разрешение существующего и по сей день спора, относительно юридической принадлежности Голанских высот.

США, изначально выступавшие против такой незаконной оккупации Израилем, на сегодняшний день радикально изменили свою позицию по поводу настоящего спора. Дональд Трамп на встрече с премьер-министром Израиля Биньямином Нетаньяху подписал указ о признании суверенитета Израиля над Голанскими высотами¹⁰. Такое решение Президента США еще больше усугубило отношения между государствами. Международное сообщество осудило такое решение и подчеркнуло, что намерение США признать израильский суверенитет над Голанскими высо-

---

⁹ Резолюция Совета Безопасности ООН № 497 // Документ СБ ООН S/RES/497 (1981) от 17 декабря 1981 г. // URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/497\(1981\)](https://undocs.org/ru/S/RES/497(1981)) (дата обращения 06.04.2019).

¹⁰ Указ Президента США от 25.03.2019 г. «О признании Голанских высот частью Израиля». URL: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/proclamation-recognizing-golan-heights-part-state-israel/> (дата обращения 06.04.2019).

тами ведёт к грубому нарушению международного права, препятствует урегулированию сирийского кризиса, усугубляет положение на всём Ближнем Востоке¹¹.

Вопрос о принадлежности территорий был и остается главным в международном праве, так как принадлежность территории и установление границ являются основной причиной противостояния между государствами. Оккупация Израилем части территории Сирии в июне 1967 г. и строительство на этой территории поселений не признается государствами-членами ООН, так как действия Израиля квалифицируются как грубое нарушение Устава ООН, норм и принципов международного права. Позиция ООН основывается на международном признании незаконности строительства на оккупированном и аннексированном районе Голан поселений. В связи с этим, ООН продолжает свои усилия по мирному разрешению конфликта между Сирией и Израилем, на основе выполнения обеими сторонами спора вышеупомянутых резолюций Совета Безопасности ООН, как международно-правовой платформы урегулирования данного конфликта.

В заключение, исходя из вышесказанного, можно отметить, что исполнение обеими сторонами конфликта вышеупомянутых резолюций Совета Безопасности ООН, как это предписывает Устав ООН, приведет к урегулированию вопроса о Голанских высотах и разрешит сирийско-израильский конфликт.

---

¹¹ Лавров обвинил США в стремлении «поставить крест» на международном праве. Сайт РБК. URL: <https://www.rbc.ru/tags/?tag=Голанские%20высоты> (дата обращения 06.04.2019).

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОМУ ОБОРОТУ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ОРГАНОВ В РАМКАХ ВОЗ

Козлова Анастасия Алексеевна

*преподаватель кафедры прав человека и международного права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя*

Случаи незаконного оборота человеческих органов в последнее время принимают масштабный, повсеместный, и, следовательно, глобальный характер, что обуславливает необходимость концентрации национальных и международно-правовых средств и повышение их эффективности по борьбе с данным общественно опасным явлением.

В 2016 году по данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) было пересажено 135 860 органов, то есть на 7,25 % больше, чем годом ранее¹. Согласно данным ВОЗ, количество пересаженных человеческих органов удовлетворяет менее 10 процентов реальных потребностей во всем мире². Такая ситуация приводит к появлению нелегального рынка как при добровольном согласии доноров, (причинами которого служат различные личностные проблемы социального характера), так и в результате преступных действий, включая насильственное изъятие человеческих органов, часто сопряженное с убийством доноров³. Нередко такие преступные деяния связаны с деятельностью транснациональных организованных преступных групп.

---

¹ Global Observatory on Donation and Transplantation // Официальный сайт ВОЗ. URL: <http://www.transplant-observatory.org/> (дата обращения: 25.02.2019 г.).

² Position statement on the proposal for a global kidney exchange // Официальный сайт Всемирной организации здравоохранения. URL: <http://www.who.int/transplantation/donation/GKE-statement.pdf?ua=1> (дата обращения: 15.03.2019 г.).

³ Козлова А.А. Международно-правовые основы сотрудничества государств в сфере противодействия незаконному обороту человеческих органов: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / Козлова Анастасия Алексеевна. – Москва, 2019. – С. 4.

Как отмечается на официальном сайте Совета Европы, по данным ВОЗ, каждый год трансплантируют около 10 тысяч нелегально проданных человеческих органов⁴. Именно эти обстоятельства предопределяют постоянный призыв главных и функциональных правозащитных органов системы ООН государствам-членам «противодействовать торговле людьми в целях изъятия органов и торговле человеческими органами»⁵.

Глобальность масштаба проблемы обуславливает повышенное внимание к данному вопросу со стороны Всемирной Организации Здравоохранения. ВОЗ является одной из значимых организаций в области международного сотрудничества государств в области здравоохранения в рамках системы ООН. Высшим органом ВОЗ является Всемирная ассамблея здравоохранения, которая работает над соблюдением этических норм в области донорства и трансплантологии.

ВОЗ осуждает незаконный оборот человеческих органов и утверждает, что данное преступление не соответствует большинству основных человеческих ценностей и противоречит Всеобщей декларации прав человека 1948 г.⁶, а также духу Устава ВОЗ 1948 г.⁷. Запрет всех форм коммерциализации человеческих

---

⁴ Торговля человеческими органами: Конвенция Совета Европы вступает в силу URL: https://search.coe.int/directorate_of_communications/Pages/result_details.aspx?ObjectId=090000168078efda (дата обращения: 29.03.2019 г.).

⁵ Резолюция 71/322, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 8 сентября 2017 г. «Усиление и поощрение эффективных мер и международного сотрудничества в сфере донорства и трансплантации органов с целью препятствовать и противодействовать торговле людьми для изъятия органов и торговле человеческими органами» // Официальный сайт ООН. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/71/322> (дата обращения: 15.04.2019 г.).

⁶ Всеобщая декларация прав человека / Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года // Российская газета. – 1995 г. – 5 апреля. – № 67 (дата обращения: 25.03.2019 г.).

⁷ Устав (Конституция) принят Международной конференцией здравоохранения, проходившей в Нью-Йорке с 19 июня по 22 июля 1946 г. подписан 22 июля 1946 г. представителями 61 страны (Off. Rec. Wld Hlth Org., 2, 100) и вступил в силу 7 апреля 1948 г. // Официальный сайт ВОЗ. URL: http://www.who.int/governance/eb/who_constitution_ru.pdf (дата обращения: 25.03.2019 г.).

органов, сформулирован в рекомендательных актах данной международной организации.

Так, ВОЗ неоднократно принимались резолюции в сфере трансплантации человеческих органов (в частности, Резолюции WHA40.13, WHA42.5, WHA44.25, WHA57.18)⁸.

Всемирная ассамблея здравоохранения (ВАЗ) в резолюции WHA42.5 «О предотвращении купли-продажи человеческих органов» в мае 1989 г. осудила покупку и продажу человеческих органов и призвала национальных законодателей активизировать свои усилия в данной области.

В 1991 г. ВАЗ в резолюции WHA44.25 одобрила Руководящие принципы по трансплантации органов человека⁹, которые оказали влияние на дальнейшее развитие законодательства большинства государств. Основное внимание уделялось ключевым вопросам, таким как: добровольное и информированное согласие и некоммерческая деятельность в отношении человеческих органов и тканей. Также содержались положения о том, что должна быть запрещена реклама человеческих органов в коммерческих целях.

В резолюции ВАЗ WHA57.18 от 22 мая 2004 г. «Трансплантация человеческих органов и тканей» содержится призыв к государствам-членам «принимать меры для защиты самых бедных и уязвимых групп от «трансплантационного туризма» и продажи тканей и органов, уделяя внимание более широкой проблеме международной торговли тканями и органами человека»¹⁰.

---

⁸ Официальные реквизиты резолюций Всемирной ассамблеи здравоохранения ВОЗ.

⁹ WHO, World Health Assembly. Resolution WHA 42.5 on «preventing the purchase and sale of human organs», and Resolution WHA44.5 on «Guiding principles on human organ transplantation», 1991. URL: http://www.who.int/ethics/topics/transplantation_guiding_principles/en/ (дата обращения: 15.03.2019 г.).

¹⁰ Резолюция WHA57.18 «Трансплантация органов и тканей человека». Принята на 57-ой сессии Всемирной ассамблеи здравоохранения 22 мая 2004 г. // Официальный сайт ВОЗ. URL: http://www.who.int/transplantation/en/A57_R18-ru.pdf?ua=1 (дата обращения: 25.03.2019 г.).

В 2010 г. ВАЗ приняла резолюцию WHA63.22 «Трансплантация органов и тканей человека», на основании которой она утвердила обновленный вариант Руководящих принципов ВОЗ¹¹, которые предусматривают усиление принципов человеческого достоинства и солидарности, а также обязанность государств-членов обеспечивать защиту уязвимых и малоимущих групп населения от эксплуатации и предоставлять справедливый доступ к безопасным медицинским продуктам человеческого происхождения. Запрет на использование человеческих органов в коммерческих целях выражен в руководящем принципе 5: «предоставление клеток, тканей и органов живым донором осуществляется только на безвозмездной основе, без какой-то денежной выплаты или другого вознаграждения в денежном выражении. Необходимо запретить покупку или предложение о покупке клеток, тканей или органов для трансплантации, либо их продажу живым донором или ближайшим родственником умершего»¹².

Стоит отметить, что Руководящие принципы ВОЗ четко определяют принцип, согласно которому человеческое тело не должно быть источником финансовой выгоды, что является основным условием противодействия незаконному обороту

---

¹¹ Резолюция Всемирной ассамблеи здравоохранения WHA63.22 «Трансплантация органов и тканей человека». Принята на 63-ой сессии Всемирной ассамблеи здравоохранения 21 октября 2010 г. // Официальный сайт ВОЗ. URL: http://apps.who.int/gb/ebwha/pdf_files/WHA63/A63_R22-ru.pdf?ua=1 (дата обращения: 25.03.2019 г.).

Резолюция Всемирной ассамблеи здравоохранения WHA63.22 «Трансплантация органов и тканей человека». Принята на 63-ой сессии Всемирной ассамблеи здравоохранения 21 октября 2010 г. // Официальный сайт ВОЗ. URL: http://apps.who.int/gb/ebwha/pdf_files/WHA63/A63_R22-ru.pdf?ua=1 (дата обращения: 22.03.2019 г.).

¹² Руководящие принципы ВОЗ по трансплантации человеческих клеток, тканей и органов. Утверждены на Шестьдесят третьей сессии Всемирной Ассамблеи здравоохранения в мае 2010 года // Официальный сайт ВОЗ. URL: http://www.who.int/transplantation/Guiding_PrinciplesTransplantation_WHA63.22ru.pdf (дата обращения: 22.03.2019 г.).

человеческих органов. Это является важнейшим международным принципом в контексте защиты прав человека.

ВОЗ учредила международную Целевую группу по донорству и трансплантации человеческих органов и тканей (Task Force), которая состоит из 31 эксперта из всех регионов. Основной целью данной Группы является оказание поддержки в осуществлении Руководящих принципов ВОЗ на глобальном уровне, помощь государствам-членам в создании и укреплении их систем в области донорства и трансплантации на национальном уровне или при необходимости в рамках регионального сотрудничества. Также одной из функций является поддержание в создании глобального механизма управления для эффективной координации усилий по противодействию торговли человеческими органами и трансплантационного туризма, включая реестры трансплантации. В августе 2018 года Целевой группой ВОЗ было принято Заявление о позиции по предложению глобального обмена почками¹³, в котором выразила озабоченность по предложенной Global Kidney Exchange concept (GKE), которая противоречит Руководящим принципам ВОЗ.

Также порядок трансплантации человеческих органов регламентируют официальные документы Всемирной Медицинской Ассамблеи (далее – ВМА). В октябре 1985 года на XXXVII сессии ВМА было принято Заявление о торговле живыми органами, в котором была «осуждена купля-продажа человеческих органов для трансплантации»¹⁴.

---

¹³ Position statement on the proposal for a global kidney exchange // Официальный сайт Всемирной организации здравоохранения. URL: <http://www.who.int/transplantation/donation/GKE-statement.pdf?ua=1> (дата обращения: 25.03.2019 г.).

¹⁴ Заявление о торговле живыми органами. Принято на XXXVII сессии Всемирной Медицинской Ассамблеи в 1985 году. URL: <http://www.medcollegelib.ru/ru/doc/ISBN9785970429754-0003.html> (дата обращения: 25.03.2018 г.).

На XXXIX сессии ВМА в 1987 году была принята Декларация о трансплантации человеческих органов¹⁵. В ней приведены 8 принципов, которые рекомендованы всем врачам, занимающихся пересадкой человеческих органов. Данная Декларация содержит положение о том, что «ни один врач не может взять на себя ответственность за проведение операции по пересадке органа до тех пор, пока не будет обеспечено соблюдение прав и донора, и реципиента»¹⁶.

На 46-ой сессии ВМА в сентябре 1994 г. была принята Резолюция по вопросам поведения врачей при осуществлении трансплантации человеческих органов, в которой была выражена серьезная озабоченность возрастающим количеством сообщений об участии врачей в операциях по трансплантации человеческих органов, изъятых из тел «заключенных, приговоренных к смертной казни, не имеющих возможности отказаться от этого или без их предварительного согласия; лиц страдающих психическими и физическими недостатками, чья смерть рассматривается как облегчение их страданий и как основание для забора их органов; бедных людей, которые согласились расстаться со своими органами по коммерческому соображениям; детей украденных с этой целью»¹⁷.

В октябре 2012 года на 63-й сессии Генеральной Ассамблеи ВМА было принято Заявление о пожертвовании органов и

---

¹⁵ Декларация ВМА о трансплантации человеческих органов 1987 г. // University of Minnesota Human Rights Library. URL: <http://hrlibrary.umn.edu/center/uppermidwest/> (дата обращения: 25.03.2018 г.).

¹⁶ Декларация ВМА о трансплантации человеческих органов 1987 г. // University of Minnesota Human Rights Library. URL: <http://hrlibrary.umn.edu/center/uppermidwest/> (дата обращения: 25.03.2018 г.).

¹⁷ Резолюция по вопросам поведения врачей при осуществлении трансплантации человеческих органов. Принята на 46-й сессии Всемирной Медицинской Ассамблеей в 1994 г. URL: <http://www.medcollegelib.ru/ru/doc/ISBN9785970429754-0003.html> (дата обращения: 25.03.2019 г.).

тканей¹⁸. В соответствии с данным заявлением не допускается пересадка человеческих органов, которые были получены незаконно, а также осуждается купля-продажа органов для получения прибыли.

Стандарты и принципы ВОЗ не имеют юридически обязательного характера, но служат ориентирующим руководством для органов и специалистов здравоохранения различных стран. В частности, они были не только широко признаны многими государствами, но также были включены во многие профессиональные стандарты и внутригосударственное законодательство стран.

Таким образом, эффективное международное сотрудничество в области незаконного оборота человеческих органов невозможно без активного участия международных организаций. Существует внушительный диапазон существующих резолюций и рекомендаций, касающихся незаконного оборота человеческих органов, принятых ВОЗ. Данные документы направлены на соблюдение общего принципа: запрет на получение финансовой выгоды от человеческого тела, который поддерживается данной организацией.

---

¹⁸ Заявление о пожертвовании органов и тканей. Принято на 63-й сессии Всемирной Медицинской Ассамблеи в 2012 г. // Официальный сайт ВМА. URL: <http://www.wma.net/en/30publications/10policies/o3/index.html> (дата обращения: 25.03.2019 г.).

ПРАВО ВЕТО В СОВЕТЕ БЕЗОПАСНОСТИ ООН – КЛЮЧЕВОЙ АСПЕКТ В ПОВЕСТКЕ РЕФОРМИРОВАНИЯ ООН

Красицкая Екатерина Сергеевна

*студент 1 курса магистратуры
кафедры международного права
Российский университет дружбы народов
krasitskaya1806@gmail.com*

Создание Организации Объединенных Наций (далее – ООН) как универсальной международной организации является безусловным достижением человечества. ООН была создана в 1945 году с основными целями – поддержание международного мира и безопасности, предотвращение и подавление агрессии, решение международных споров мирными средствами, развитие культурных, экономических и политических связей между народами¹. Одним из важнейших органов ООН, задачей которого является поддержание международного мира и безопасности, является Совет Безопасности ООН (далее – СБ ООН).

СБ ООН в соответствии со ст. 23 Устава ООН состоит из 15 членов, 5 из них являются постоянными – Россия, США, Китай, Франция и Великобритания. Главной прерогативой государств, имеющих статус постоянного члена в СБ ООН, стала возможность применять право вето с целью блокирования решений, что является одним из важнейших вопросов реформирования этого органа и предметом горячих споров в мировом сообществе.

Вето² – право, означающее полномочие лица или группы лиц в одностороннем порядке заблокировать принятие того или

---

¹ Устав Организации Объединенных Наций от 26 июня 1945 г. URL: <http://www.un.org/ru/documents/charter/index.shtml> (дата обращения: 16.03.2019).

² Вето. Политика: толковый слов. / под общ. ред. И. М. Осадчая. – М.: ИНФРА-М, 2001. С. 336.

иною решения. Право вето постоянных членов Совета Безопасности ООН изначально было закреплено в уставе в форме принципа единогласия постоянных членов. Важно и то, что само слово «вето» в уставе не указано. В нем установлено лишь, что решения Совета Безопасности ООН считаются принятыми, если за них поданы голоса 9 членов Совета, включая совпадающие голоса постоянных членов³. Право вето действует, когда государства рассматривают вопрос, который относится к вопросам «по существу»: среди прочих при приеме в ООН новых членов; принятие мер в отношении нарушения мира, угрозы миру; по предложениям о мирном разрешении международных споров; при избрании Генерального секретаря ООН и внесении поправок в Устав ООН. Единственные вопросы, по которым право вето применяться не может, – это процедурные вопросы. То есть для принятия решения по непроцедурным вопросам необходимо 9 голосов Совета Безопасности ООН, включая 5 голосов постоянных членов (принцип единогласия), а при рассмотрении процедурного вопроса необходима поддержка любых 9 членов СБ⁴.

Необходимость реформирования как самой Организации Объединенных Наций, так и Совета Безопасности ООН, в частности, очевидна. «Механизм совместного решения проблем в СБ не всегда работает эффективно, не все его резолюции выполняются, возможности используются недостаточно»⁵. Проблема носит актуальный характер достаточно давно, и, к сожалению, все еще остается нерешенной. Так, еще в XX веке деятельность Совета Безопасности ООН находилась под сильным влиянием со стороны постоянных членов, в первую очередь, США и СССР. Если происходил вооруженный конфликт (в Афганистане, во

---

³ Устав Организации Объединенных Наций от 26 июня 1945 г. URL: <http://www.un.org/ru/documents/charter/index.shtml> (дата обращения: 16.03.2019).

⁴ Устав Организации Объединенных Наций от 26 июня 1945 г. URL: <http://www.un.org/ru/documents/charter/index.shtml> (дата обращения: 16.03.2019).

⁵ Калядин А. Реформа, которая поможет Совету Безопасности ООН / А. Калядин // *Международная жизнь*. – 2016. – № 6. С. 120-136.

Вьетнаме и т.д.), то постоянные члены зачастую блокировали работу Совета Безопасности ООН, используя право вето в случаях, когда предложенные проекты резолюций противоречили их геополитическим интересам. Эта тенденция продолжается и в настоящее время. Примерами могут служить события, происходящие в Сирии: блокирование Россией и Китаем резолюций о введении санкций против режима Башара Асада; украинский политический кризис в Крыму, когда Россия наложила право вето на резолюцию, объявляющую референдум о присоединении Крыма к России незаконным; постоянное применение вето США по проектам резолюций, связанных с ближневосточным урегулированием: так, с 2001 года Вашингтон заблокировал десять резолюций (последний раз 18 декабря 2017 года), касающихся палестино-израильского конфликта. По факту, в Совете Безопасности ООН образовалось 2 «политических лагеря»: Россия и Китай против блока Организации Североатлантического договора (далее – НАТО): США, Франции и Великобритании. Попытки принять «выгодную» резолюцию встречают вето со стороны членов СБ ООН, что ставит под сомнение эффективность деятельности Совета Безопасности ООН по обеспечению международного мира и безопасности.

Так, члены СБ ООН с 1946 года пользовались правом вето 277 раз: СССР/Россия – 133; США – 83; Великобритания – 32; Франция – 18; Китай – 11. Франция и Великобритания не использовали право вето со времен «холодной войны», остальные же, напротив, делают это все чаще: США 16 раз, Россия 14 раз, Китай 10 раз. Все большее число государств выражают свое недовольство таким положением, выступая за отмену или ограничение права вето. Например, предлагается хотя бы отменить возможность его применения, когда на повестке дня в ООН рассматриваются такие вопросы, как геноцид и другие международные преступления. В своем интервью Генеральный секретарь ООН Антониу Гуттериш признал, что «вето стало инструментом, который используется слишком часто»⁶, из-за чего Совет Безопасности не может решать глобальные международные проблемы.

---

⁶ Генсек ООН признал, что Совбез в существующем виде не может решить международные проблемы. – Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5149459> (дата обращения 11.02.2019).

Против применения права вето выступают многие государства. Так, в 2013 году Франция выступила с предложением ограничить право вето в ситуациях, когда требуются срочные меры для предотвращения международных преступлений. В связи с предложением предполагалось ввести специальную процедуру: по запросу по меньшей мере 50 стран Генеральный секретарь ООН будет проводить оценку рассматриваемой ситуации. В случае, если совершенные деяния будут квалифицированы как серьезные преступления, будет применяться «джентельменское соглашение», т.е. добровольный отказ от применения права вето. При этом акцентируется внимание на том, что не требуется вносить изменения в Устав ООН, поскольку речь идет о добровольном решении постоянных членов Совета не применять право вето. Но предполагается, что этот механизм не будет применяться, когда это будет затрагивать непосредственные интересы хотя бы одного постоянного члена СБ ООН⁷. Сложно говорить о приемлемости и эффективности данного предложения, так как нет никаких гарантий, что информация о случаях геноцида, преступлений против человечности либо же военных преступлений не будет лишь приемом в информационной войне⁸. Кроме того, в соответствии со ст. 103 Устава ООН в случае, если обязательства Членов ООН по Уставу окажутся в противоречии с их обязательствами по какому-либо иному международному соглашению, преимущественную силу имеют обязательства по Уставу ООН⁹.

---

⁷ См.: Право вето: статья Жана-Мориса Рипера в газете «Коммерсант». – Режим доступа: <https://ru.ambafrance.org/Pravo-veto-stat-ya-ZHana-Morisa-Ripera-v-gazete-Kommersant> (дата обращения 17.02.2019).

⁸ Как было в случае с осуществлением военных действий НАТО против Югославии, когда одним из предлогов для этого послужило утверждение о геноциде и широкомасштабных убийствах мирного албанского населения Косова и Метохии, однако впоследствии это не было подтверждено в докладах ОБСЕ о нарушении прав человека в Косово.

⁹ Устав Организации Объединенных Наций от 26 июня 1945 г. URL: <http://www.un.org/ru/documents/charter/index.shtml> (дата обращения: 16.03.2019).

Следует отметить, что с сентября 2017 года эту инициативу поддерживают уже 114 государств.

Против права вето активно выступает и Италия, по мнению которой настоящее положение Совета Безопасности ООН мешает ему принимать резолюции, когда необходимо его срочное вмешательство. Также предложение отмены права вето поддерживает группа «Единство во имя согласия», куда входят, кроме Италии, Алжир, Мексика, Канада, Пакистан, Южная Корея, Аргентина, Колумбия, Коста-Рика, Кения, Испания, Турция, Индонезия и некоторые другие развивающиеся страны. «Группа четырех»¹⁰ пока предлагает отложить реформу касательно права вето, акцентируя внимание на необходимости для начала принятия новых членов. Африканский союз же выступает за то, чтобы новые члены немедленно получили право вето после их включения в СБ ООН¹¹.

По словам Директора Института США и Канады Сергея Рогова, ООН признавала, что все государства равны, но некоторые являются «более равными», что подтверждается правом вето постоянных членов СБ ООН. Но обращается внимание на тот факт, что список великих держав был актуален на 1945 год, а другие, на сегодняшний день великие государства, такие как Германия, Италия, Япония, лишены каких-либо прав. И спустя 70 лет, список главных мировых лидеров устарел, необходима значительная доработка в этом вопросе, поэтому идея постоянных членов Совета с правом вето оказывается на сегодняшний день неэффективной¹². Но расширение состава Совета Безопасности

---

¹⁰ В составе «Группы четырех» Германия, Япония, Индия и Бразилия – еще в 2005 году предложили проект реформы, в соответствии с которым число постоянных членов Совета Безопасности ООН должно увеличиться на 6, а непостоянных – на 4 члена.

¹¹ См.: Как предлагали реформировать ООН. Досье – Режим доступа: <https://tass.ru/info/4570615> (дата обращения: 15.03.2019).

¹² См.: Интервью директора Института США и Канады Сергея Рогова // РИА «Новости». – 2005. – 23 марта. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ria.ru/interview/20050323/39559681.html>. (дата обращения 18.03.2019).

ООН и наделение его новых постоянных членов правом вето вызывает, в свою очередь, определенные опасения и сомнения, так как может привести к еще большему дисбалансу сил на международном уровне и вызвать еще большие затруднения при принятии согласованных решений по ключевым вопросам мировой политики. Так же возникает вопрос, как это повлияет на способность Совета оперативно реагировать на ситуации, возникающие в сфере международно-правовых отношений.

На данный момент можно сказать, что против отмены права вето уверенно выступают США, Китай и Россия, в отличие от Великобритании и Франции, которые в последнее время высказываются за ограничение права вето. Хотя полностью отказываться от права вето не готов никто, несмотря на множество разногласий, в одном они едины – право вето как таковое должно быть сохранено¹³. По словам постоянного представителя Российской Федерации в Совете Безопасности ООН, Виталия Чуркина, «право вето является стержневым элементом механизма принятия коллективных решений – элементом, стимулирующим членов Совета на поиск компромиссов. Право вето – краеугольный камень всей архитектуры ООН. Без него лишилась бы устойчивости вся конструкция»¹⁴. На Генеральной Ассамблее ООН в 2018 г. представитель российского постоянного представительства Алексей Богуславский заявил: «Россия как постоянный член Совета Безопасности отмечает необходимость придания этому органу более представительного характера, прежде всего, за счет развивающихся государств Азии, Африки и Латинской Америки. Однако мы выступаем за сохранение компактного характера состава Совета Безопасности. Для России неприемлемы любые идеи, ведущие к ущемлению прерогатив нынешних постоянных

---

¹³ См.: Постоянная «пятерка» СБ ООН отстояла право вето // Столетие. – Режим доступа: http://www.stoletie.ru/lenta/postoyannay_pyatarka_sb_oon_otstoyala_pravo_veto_2009-03-18.html (дата обращения: 18.03.2019).

¹⁴ Россия ответила желающим лишить ее права вето в ООН. – Режим доступа: <http://www.azglobus.net/4944-rossiya-otvetila-zhelayuschim-lishit-ee-prava-veto-voon.html> (дата обращения: 20.03.2019).

членов СБ, включая институт вето. Следует помнить: данный институт является важным фактором, стимулирующим членов Совета к поиску сбалансированных решений. Применение вето или угроза его применения не раз избавляли ООН от ассоциирования с сомнительными авантюрами»¹⁵.

Важно упомянуть о гипотетически существующей возможности обойти право вето постоянного члена СБ ООН, к чему в последнее время желают прибегнуть западные страны, желая обойти право вето России. Это касается ситуации в Сирии, а именно США и страны Европейского союза желают перенести рассмотрение вопросов о предполагаемом использовании химического оружия в Сирии в Генеральную Ассамблею ООН¹⁶. Такую возможность «предоставляет» специальный акт – Резолюция Генеральной Ассамблеи 377(V) «Единство в пользу мира», принятия которой добились США и их союзники в начале Корейской войны (1950-1953 гг.). В соответствии с этим документом ГА ООН наделяется полномочиями принимать меры в случаях угрозы миру, нарушения мира или акта агрессии, если Совет Безопасности ООН не в состоянии действовать из-за позиции одного из постоянных членов, голосующих против. В таких случаях предусматривается, что в течении 24 часов созывается чрезвычайная специальная сессия ГА ООН, на которой государствам могут быть рекомендованы коллективные меры для поддержания международного мира и безопасности¹⁷. Данная резолюция была принята с попыткой преодоления права вето СССР, который блокировал отправку в Корею миротворческих сил ООН. Эта мера использовалась

---

¹⁵ Россия выступила против отмены права вето в Совбезе ООН. – Режим доступа: <https://easaily.com/ru/news/2018/11/21/rossiya-vystupila-protiv-otmeny-prava-veto-v-sovbeze-oon> (дата обращения 20.03.2019).

¹⁶ См.: Guardian: западные страны хотят перенести в Генассамблею ООН обсуждение вопросов по Сирии. – Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5154261> (дата обращения 21.03.2019).

¹⁷ Резолюция 377 (V) Генеральной Ассамблеи ООН «Единство в пользу мира» (3 ноября 1950 года) A/RES/377 (V) – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/ga/5/docs/5res.shtml> (дата обращения: 20.03.2019).

еще 10 раз, последний случай был в 2006 году и был связан с израильской деятельностью на палестинских территориях.

Следует отметить, что Резолюция «Единство в пользу мира» вызывает неоднозначную оценку среди отечественных ученых. Так, проф. К.А. Бекашев акцентирует внимание на том, что Генеральная Ассамблея ООН имеет право на основании этой резолюции принять меры в случае угрозы миру, нарушения мира или акта агрессии, но это может быть лишь в форме рекомендаций и в том случае, если это не противоречит Уставу ООН¹⁸. В целом можно говорить о существовании противоречий между Резолюцией 377 и положениями Устава ООН, а именно п. 1 ст. 12 Устава, где указано: «Генеральная Ассамблея не может делать какие-либо рекомендации, касающиеся спора или ситуации, по отношению к которому Совет Безопасности выполняет возложенные на него функции, если Совет Безопасности не запросит об этом»¹⁹.

Разумеется, все трудности в вопросах реформирования упираются в политические интересы. Экспертами было выдвинуто множество вариантов реформирования как ООН, так и непосредственно Совета Безопасности ООН. Касаясь права вето, можно выделить следующие:

1. Полная отмена права вето.
2. Ограничение использования вето в принятии некоторых важнейших решений (такие как геноцид, военные преступления, терроризм и т.д.). Предполагается, что государства добровольно будут отказываться от использования права вето в подобных случаях²⁰.

---

¹⁸ См.: Бекашев К.А. Право Организации Объединенных Наций. Специализированные учреждения ООН // Международное публичное право: учеб. / Отв. ред. К.А. Бекашев. – М.: Проспект, 2009. – С. 566.

¹⁹ Устав Организации Объединенных Наций от 26 июня 1945 г. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/charter/index.shtml> (дата обращения: 16.03.2019).

²⁰ См.: Юрченко М.М. ООН - 70: проблемы реформирования / М.М. Юрченко // Мировая экономика и международные отношения. – 2017. – № 5. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29215336>. (дата обращения: 21.03.2019).

3. Временное ограничение права вето для нарушителя действующей резолюции ООН²¹. К примеру, государству – нарушителю будет запрещено использовать свое право вето в последующих 2 или 3 голосованиях.

4. Изменение силы вето – для того, чтобы отклонить решение, потребуется выдвинуть не одно, а два вето²².

Делая выводы, можно сказать, что реформа «зависла» на политических интересах, а особенно на политических интересах пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН. Ведь получается, что, пока кто-то один против, реформа представляется невыполнимой. В связи с возникновением новых глобальных проблем в мире, таких как международный терроризм, агрессия и военные действия в различных регионах, массовые и грубые нарушения прав человека, эффективно действующая структура по поддержанию мира и международной безопасности просто необходима. Возможность постоянных членов не включать важнейшие вопросы мира и безопасности в повестку дня Совета Безопасности ООН, еще больше ставит под сомнение эффективность деятельности этого органа.

Учитывая опыт прошлых лет, серьезных положительных сдвигов в ближайшее время не произойдет. Необходимость реформы осознают все страны, однако в этом существуют и свои сложности. Каждый из проектов, представленных по данной теме преследует узкие интересы, но только наличие воли, желания государств быть «объединенными нациями» поможет эффективно и результативно провести комплекс реформ.

---

²¹ См.: Юрченко М.М. ООН – 70: проблемы реформирования / М.М. Юрченко // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2017. – № 5. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29215336>. (дата обращения: 21.03.2019).

²² См.: Мирзаян Г. Организация Соединенных Штатов / Г. Мирзаян // «Эксперт». – № 39 – 2017. – С. 46-47.

ЭКСТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ПРИМЕНЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Кулушов Акнур

*студент кафедры международного права
Российского университета дружбы народов
kulushovaknur98@gmail.com*

В современном глобализированном мире государства все чаще действуют за пределами своей собственной территории. Их экстерриториальные действия могут негативно сказаться на правах человека на территории другого государства. В связи с этим возникает вопрос, обеспечивают ли международные договоры по правам человека правовые рамки для такого рода действий со стороны государства? Под экстерриториальными действиями государства понимаются действия или бездействие, предпринимаемые государственными органами за пределами их территории, с одной стороны, и действия или бездействие, совершаемые на территории государства, но производящие последствия за пределами территории, с другой стороны¹.

Дискуссии по правовому вопросу об ответственности государств за права человека в отношении экстерриториальных актов всегда были сосредоточены на гражданских и политических правах. На сегодняшний день это даже более актуально в эпоху борьбы с терроризмом, когда такие экстерриториальные акты, как целенаправленное убийство подозреваемых террористов, практика выдачи или содержание в местах лишения свободы противника на внешней территории, привлекают внимание общественности к этой проблеме.

Когда государство ратифицирует договор о правах человека, оно берет на себя обязательство уважать и обеспечивать

---

¹ Алан Бойл, «Права человека и окружающая среда, что же дальше?» // Европейский журнал международного права, 2012. С. 615

уважение прав, содержащихся в этом договоре². Возникают вопросы относительно того, применяются ли эти обязательства только к лицам на территории государства или, если применяются вне его территории, то в какой степени эти обязательства распространяются на деятельность его агентов (в том числе вооруженных сил) экстерриториально. Чтобы определить, применимы ли внутренние обязательства государства в области прав человека к его вооруженным силам, действующим за границей, некоторые из основных договоров по правам человека требуют, чтобы сначала была проведена оценка того, была ли жертва предполагаемого нарушения «объектом государства или в пределах юрисдикции государства»

Хотя государства в основном осуществляют юрисдикцию территориально (в результате чего государства несут ответственность за права человека отдельных лиц на своей территории), договорные органы по правам человека считают, что в определенных ситуациях, когда государство обеспечивает определенную степень власти или контроля над людьми или территорией экстерриториально (или как выделяется в некоторых доктринальных работах осуществляет контроль над источником вреда, приносящим урон или вред вне территории государства), то лица, на которых распространяются эта власть или контроль, могут подпадать под «юрисдикцию» государства в соответствии с его обязательствами в области прав человека. В таких случаях обязательства государства в области прав человека могут применяться в той мере, в которой государство контролирует вред, причиненный отдельным лицам, и это считается нарушением прав человека³. Важно различать два отдельных вопроса. Во-первых, применимо ли обязательство в области прав человека в таких ситуациях вообще. Второе, если на первый ответ дается утвердительный ответ, - это степень и объем обязательства в сложившихся обстоятельствах.

---

² Американская конвенция о правах человека от 1969 г.

³ Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territory, Advisory opinion of International Court of Justice on 9 July 2004.

Обязательства в области прав человека не применяются автоматически так же экстерриториально, как и территориально. Тот факт, что лицо, находящееся за пределами государства, подпадает под его юрисдикцию в области прав человека, не обязательно означает, что полный диапазон обязательств в области прав человека применим так же, как и внутри страны⁴. Во многих случаях, когда существует юрисдикция в области прав человека, применимы только те права, которые «имеют отношение к ситуации». Это относится к степени контроля, которое государство осуществляет в данных обстоятельствах, и к правам, которые оно имеет в своих силах гарантировать. Например, если человек находится во временном задержании, соответствующие права, вероятно, будут правом не подвергаться пыткам или правом на жизнь, тогда как право на образование вряд ли будет иметь значение. Оценка того, являются ли права релевантными и применимыми, или неуместными и неприменимыми, называется «делением и адаптацией» ('dividing and tailoring').

Степень применимости обязательства в экстерриториальных ситуациях может зависеть от обстоятельств. Некоторые права могут не применяться в полном объеме. Например, было установлено, что процессуальное обязательство по расследованию смерти в соответствии с правом на жизнь может в меньшей степени применяться в враждебной ситуации. Кроме того, если ситуация классифицируется как вооруженный конфликт и применяется право вооруженного конфликта, этот свод законов может также влиять на обязательства в области прав человека⁵.

При определении применимости экстерриториальных обязательств в области прав необходимо учитывать следующие критерии:

а. Существует ли одна или несколько основ, на которых могут применяться экстерриториальные обязательства в области

---

⁴ Al-Skeini v United Kingdom, Merits and just satisfaction, App No 55721/07, ECHR 2011.

⁵ Jaloud v Netherlands, Merits and just satisfaction, App No 47708/08, ECHR 2014.

прав человека? То есть осуществляет ли государство экстерриториальную власть и контроль над территорией или отдельным лицом?

б. Если существует юрисдикция в области прав человека, каков объем обязательств государства уважать или обеспечивать эти права человека? Применим ли к ситуации полный спектр прав человека, или применимы только «соответствующие» права?

в. Какова степень конкретного обязательства в области прав человека в данных обстоятельствах? Подходит ли обязательство для применения иначе, чем это было бы внутри страны и в мирное время, потому что государство действует в условиях вооруженного конфликта или враждебной ситуации?

Юрисдикция в международных договорах по правам человека

В договорах о правах человека содержатся различные положения о степени охвата договорных обязательств, а иногда и о юрисдикции. Региональные и глобальные договоры, регулирующие гражданские или политические права, часто конкретно налагают на государства обязательства предоставлять договорные права тем, кто «находится в пределах» или «подпадает» под их юрисдикцию⁶.

Те договоры о правах человека, которые запрещают международные преступления, такие как пытки или геноцид, могут налагать немедленные и бесспорные экстерриториальные обязательства на государства-участники. Например, Конвенция против пыток требует, чтобы государства принимали меры, ведущие к судебному преследованию за пытки, где бы они ни совершались их гражданами (включая их агентов), предлагая, чтобы обязанность государственных агентов не совершать пыток применяется экстерриториально.

Некоторые инструменты, особенно те, которые регулируют экономические, социальные или культурные права, не содержат оговорки о юрисдикции. Международный Суд постановил, что Международный пакт об экономических, социальных и

---

⁶ Assanidze v Georgia, Admissibility, Merits and just satisfaction, App No 71503/01, ECHR 2004.

культурных правах может иметь экстерриториальный эффект в некоторых обстоятельствах, таких как оккупационные ситуации.

Территориальная юрисдикция

На своей собственной территории при нормальных обстоятельствах государство обязано соблюдать все свои обязательства в области прав человека, вытекающие из договоров о правах человека или других источников права. Территориальная юрисдикция вытекает из понятия суверенитета государства, которое дает государству право предписывать и обеспечивать соблюдение законов, применимых к тем, которые находятся на их территории, включая территориальное море и воздушное пространство⁷. Государства могут издавать законы и действовать так, как они считают нужным в этом пространстве, с учетом обязательств по международному праву, включая обязательства в области прав человека. И наоборот, в общих чертах суверенные государства не могут применять свои законы в другом суверенном государстве без разрешения этого государства.

Обязательства государства в области прав человека также могут быть изменены, если оно теряет контроль над территорией в пределах его международно признанных границ⁸.

Управление и контроль государственными агентами

Осуществление агентом государства полномочий и контроля над лицом, находящимся за пределами территории этого государства, приводит к возникновению экстерриториальной юрисдикции в области прав человека. Эта форма экстерриториальной юрисдикции наиболее четко установлена в ходе операций по задержанию, когда агенты государства осуществляют физический контроль и полномочия над личностью. Юрисдикция может также возникать в других ситуациях, например, когда агенты

---

⁷ Dennis M. Application of Human Rights Treaties Extraterritorially During times of Armed Conflicts and Military Occupation. ASIL Proclamation, 2006. P. 86.

⁸ Dennis M. Application of Human Rights Treaties Extraterritorially During times of Armed Conflicts and Military Occupation. ASIL Proclamation, 2006. P. 90.

государства осуществляют полномочия и контроль над лицом, проходящим через контрольно-пропускной пункт⁹.

Юрисдикция, основанная на полномочиях и контроле государственных агентов, создает для государств обязательства уважать и защищать права человека лиц, над которыми осуществляется прямой контроль. Как и в случае с другими категориями юрисдикции, о которых говорилось выше, тот факт, что полномочия агента государства приводят ситуацию к юрисдикции государства, не означает, что в данной ситуации применяется весь спектр прав человека, и, конечно, что права человека были нарушены. Осуществление экстерриториальной юрисдикции на основе полномочий государственного агента по своей сути подлечит «разделению и адаптации». Государства обязаны осуществлять только те права, которые «имеют отношение к положению личности». Кроме того, и, как объяснялось выше, применение международного права прав человека в вооруженных конфликтах зависит от контекста.

Заключение и оценка

Когда государства действуют экстерриториально, применяются международные и региональные договоры по правам человека, если они осуществляют юрисдикцию. Два вида кейсов признаются всеми договорными органами по правам человека как экстерриториальное осуществление юрисдикции, а именно эффективный общий контроль над территорией в результате военной оккупации или по приглашению другого государства, с одной стороны, и действия, предпринятые Государственными дипломатическими и консульскими органами вне территории государства. Первая категория дел описывает необходимые отношения для осуществления юрисдикции в пространстве и остается неоспоримой. На территории, над которой государство осуществляет эффективный общий контроль, государство обязано гарантировать полную защиту прав человека всем лицам, и его ответ-

---

⁹ Kreijen R. State, Sovereignty and International Governance. Oxford, 2002. P. 701.

ственность связана с действиями местных властей, которые государство поддерживает. Вторая категория дел указывает на личные отношения, необходимые для осуществления юрисдикции.

Вопрос, на который должны ответить те договорные органы, заключается в том, следует ли как-то адаптировать эту проблему к сценариям, которые включают позитивные обязательства в области прав человека. Это будет ключевой вопрос в случаях трансграничного экологического вреда, причиненного частными субъектами, например, когда единственная возможность установить ответственность государства-вредителя за права человека состоит в том, чтобы утверждать, что государство воздерживается от предотвращения причинения частным субъектам вреда окружающей среде и тем самым нарушает свои позитивные обязательства по отношению к лицам, пострадавшим от вреда на чужой земле. Однако государство имеет позитивные обязательства перед этими лицами, только если они подпадают под его юрисдикцию.

Применение международных договоров по правам человека к экстерриториальным государственным актам может встретить сопротивление. Многие государства рассматривают применение международных договоров по правам человека к экстерриториальным государственным актам как препятствие для эффективной борьбы с терроризмом. В основном невыраженные опасения относительно готовности государств участвовать в международных операциях по поддержанию мира после установления их ответственности за права человека за экстерриториальные акты также являются причиной преобладающего скептицизма в отношении широкой ответственности за такие действия со стороны прав человека. Однако, если к правам человека относятся серьезно, государства должны нести ответственность за свои экстерриториальные действия, если они осуществляют власть и контроль за границей. В долгосрочной перспективе борьба с терроризмом, а также операции по поддержанию мира выиграют от ответственности государств за права человека за экстерриториальные акты, поскольку решительная приверженность уважению прав человека усилит легитимность таких действий.

ПРИМЕНЕНИЕ СМЕРТНОЙ КАЗНИ В СВЕТЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Кутовая Мария Игоревна

*студентка кафедры международного права
Российского университета дружбы народов
shark_1999@mail.ua*

Защита прав человека является важнейшим направлением деятельности любого государства. Права человека не зависят от религии, идеологии, национальности, социального статуса в обществе, классовой принадлежности, полового признака либо каких-то внешних признаков. Признание, соблюдение и защита этих прав является не только внутригосударственным делом, но и также объектом международного регулирования.

В доктрине нашла отражение позиция, согласно которой право на жизнь является абсолютным и присущим человеку с рождения. Следовательно, если его хоть в какой-то степени ограничить, то это приведет к его полному отсутствию¹.

Но право на жизнь все же может подлежать некоторым ограничениям, если выполнены определенные условия.

Так, Всеобщая декларация прав человека 1948 г. в статье 29 п. 2 закрепляет условия возможного ограничения прав, закрепленных в этом документе: «При осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе»².

---

¹ Данной концепции придерживается А.Э. Ушамирский и В.А. Четвернин.

² Всеобщая декларация прав человека, принята Резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года. Ст. 29 п. 2. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения 10.03.2019).

Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г.³ (далее – Пакт) в ст. 6 п. 1 закрепляет запрет произвольного лишения человека права на жизнь. В тех странах, где такой вид наказания сохранился, Пакт призывает заменить его на альтернативный вид наказания, а в случае отсутствия такой возможности, решение о его применении должно выноситься в форме окончательного приговора компетентного суда⁴.

Второй Факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах, направленный на отмену смертной казни от 15 декабря 1989 года, также допускает смертную казнь. Так, в статье 2 предусматривается применение смертной казни в военное время, после признания вины в совершении наиболее тяжких преступлений военного характера, совершенных в военное время⁵.

Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. в статье 2 регламентирует порядок и случаи, когда лишение жизни не будет рассматриваться как лишение человека права на жизнь: 1) защита другого лица 2) осуществление задержания либо предотвращение побега лица 3) подавление мятежа или бунта⁶.

---

³ Международный пакт о гражданских и политических правах, принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года. Ст. 6 п. 1. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/ractpol.shtml (дата обращения 10.03.2019).

⁴ Международный пакт о гражданских и политических правах, принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года. Ст. 6 п. 2. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/ractpol.shtml (дата обращения 10.03.2019).

⁵ Второй Факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах, направленный на отмену смертной казни, принят резолюцией 44/128 Генеральной Ассамблеи от 15 декабря 1989 года. Ст.2 п.1. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/deathpro.shtml (дата обращения 10.03.2019).

⁶ Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Заключена в г. Риме 04.11.1950, с изм. от 13.05.2004 (вместе с "Протоколом [N 1]" (Подписан в г. Париже 20.03.1952), "Протоколом N 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней" (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), "Протоколом N 7" (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29160/ (дата обращения 10.03.2019).

В Протоколе № 6 к этой Конвенции в ст. 1 провозглашается отмена смертной казни, однако в следующей статье этого документа отмечается, что государство может предусмотреть такой вид наказания за определенные действия⁷.

Проанализировав это, можно сделать неоднозначный вывод: с одной стороны, международно-правовые документы пытаются закрепить полную отмену применения этого вида наказания, а с другой, они допускают возможность её реализации в случае определенных ситуаций.

По данным международной неправительственной организации *Amnesty International*, деятельность которой направлена на обеспечение и защиту прав человека, на сегодняшний день половина стран мира сохранила смертную казнь в перечне вида наказаний. Принято выделять следующие группы стран в зависимости от применения смертной казни:

1) Страны, законодательство которых не предусматривает применения смертной казни. К ним, в частности, относится: Албания, Австралия, Болгария, Великобритания, Греция, Ирландия, Канада, Кипр, Литва, Маврикий, Нидерланды, Украина, Филиппины, Эквадор и другие⁸.

Можно не сомневаться, что важную роль в этом сыграл Совет Европы, который еще 28 апреля 1983 г. принял Протокол № 6 к Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г.

2) Применение смертной казни возможно за совершение особо тяжких преступлений или при особых обстоятельствах. В 1995 году численность таких государств составляла 14, к 2007 году эта цифра снизилась до 11: Аргентина, Боливия, Бразилия,

---

⁷ Протокол № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, Страсбург, 28 апреля 1983 г. URL: <http://www.echr.ru/documents/doc/2440804/2440804.htm> (дата обращения 10.03.2019).

⁸ Официальный сайт Amnesty International, статья: «Страны, отменившие и сохраняющие смертную казнь». // <https://amnesty.org.ru/node/671/> (дата обращения 10.03.2019).

Израиль, Кыргызстан, Латвия, Острова Кука, Перу, Сальвадор, Фиджи, Чили⁹.

3) Государства, сохранившие смертную казнь в законодательстве, но не применяющие её на практике в течение последних 10 и более лет (Конго, Тунис, Российская Федерация и другие¹⁰).

4) Государства, использующие смертную казнь в качестве наказания за общеуголовные преступления. К их числу относятся некоторые бывшие республики Советского Союза, Вьетнам, Куба, США, а также ряд азиатских стран, большой ряд африканских и арабских государств.

Также в докладе *Amnesty International* за 2017-2018 г. приводится следующая информация, касательно смертной казни в зарубежных странах: Китай, по-прежнему остаётся лидером в плане применения такой меры наказания к преступникам. В Китае ежегодно казнят более 5 тыс. человек, 53 состава преступлений предусматривают этот вид наказания. Чаще всего, приговор выносится после первого судебного разбирательства, потом может быть подана апелляционная жалоба в вышестоящий суд (но по статистике, судебные решения не изменяются). После 2007 года каждый приговор о применении смертной казни направляется для проверки в Верховный суд¹¹.

Серьезные нарушения международно-правовых обязательств существуют со стороны Пакистана. Так, в 2014 году был отменен неофициальный мораторий на смертную казнь, были

---

⁹ Официальный сайт Amnesty International, статья: «Страны, отменившие и сохраняющие смертную казнь». // <https://amnesty.org.ru/node/671/> (дата обращения 10.03.2019).

¹⁰ Официальный сайт Amnesty International, статья: «Страны, отменившие и сохраняющие смертную казнь». // <https://amnesty.org.ru/node/671/> (дата обращения 10.03.2019).

¹¹ Доклад Amnesty International 2017/18: Права человека в современном мире, 1 января 2018, доступ по следующему адресу: <https://www.refworld.org.ru/docid/5adef3ae4.html> (дата обращения 10.03.2019).

казнены сотни людей, включая и тех лиц, которые на момент совершения преступления не достигли совершеннолетия либо те, у которых имелись психические расстройства¹².

Среди государств Европы смертную казнь как вид наказания применяет Белоруссия. Необходимо отметить, что на 2017 год показатель применения смертной казни снизился на 50 процентов (с 4-х до 2-х раз применения). Так, в апреле 2017 года был казнен Сергей Востриков¹³, который находился в камере смертников с мая 2016 г.

Грубейшее нарушение судебного процесса, осуществляемое гражданскими и военными судами, было выявлено в Египте. При вынесении решений, судьи не рассматривали представляемые доказательства. В основном, вердикты и приговоры выносились за счёт признательных показаний самих обвиняемых, которые, как правило, были получены в результате применения мер физического и психологического принуждения¹⁴.

Среди арабских государств Ирак лидирует в отношении частоты применения смертной казни, что часто сопровождается нарушениями установленных правил справедливого судебного процесса¹⁵.

---

¹² Доклад Amnesty International 2017/18: Права человека в современном мире, 1 января 2018, доступ по следующему адресу: <https://www.refworld.org.ru/docid/5adef3ae4.html> (дата обращения 10.03.2019).

¹³ В мае 2016 года Гомельский областной суд признал С. Вострикова виновным в изнасилованиях, насильственных действиях сексуального характера, убийствах с особой жестокостью с целью скрыть другое преступление.

¹⁴ Доклад Amnesty International 2017/18: Права человека в современном мире, 1 января 2018, доступ по следующему адресу: <https://www.refworld.org.ru/docid/5adef3ae4.html> (дата обращения 10.03.2019).

¹⁵ Доклад Amnesty International 2017/18: Права человека в современном мире, 1 января 2018, доступ по следующему адресу: <https://www.refworld.org.ru/docid/5adef3ae4.html> (дата обращения 10.03.2019).

В Исламской Республике Иран подвергли смертной казни 4 человек, не достигших возраста 18 лет. При этом, в камерах смертников ожидают исполнения приговора ещё 92 малолетних преступника¹⁶.

В Саудовской Аравии не прекращается тенденция, выносить смертные приговоры за действия, криминализация которых международными стандартами не допускается: «колдовство», «прелюбодеяние» и иные. При этом, родственники не ставятся в известность о предстоящей казни близкого.

Возникает вопрос относительно того, чем руководствуются государства при решении вопроса о том, какие меры наказания устанавливать в конкретном случае совершения правонарушения.

Многие государства рассматривают смертную казнь как сдерживающее и устрашающее средство. Такой превентивный метод мало эффективен, что подтверждает исследование, проведенное Р. Гудом¹⁷ по заказу ООН в 1988 году. В своей книге¹⁸ автор констатирует отсутствие научных оснований полагать, что казни обладают более устрашающим эффектом нежели другие виды наказания, а также отмечает отсутствие каких-либо иных доказательств, которые бы могли подтвердить, что смертной казни присуще свойство сдерживания потенциальных убийц.

Вместе с тем, И. Эрлих в 70-х годах 20 века на основе проведенного исследования утверждал, что одна смертная казнь убийцы спасает восемь других жизней¹⁹.

---

¹⁶ Доклад Amnesty International 2017/18: Права человека в современном мире, 1 января 2018, доступ по следующему адресу: <https://www.refworld.org.ru/docid/5adef3ae4.html> (дата обращения 10.03.2019).

¹⁷ Профессор криминологии и научный сотрудник Центра криминологии Оксфордского университета.

¹⁸ Hood R. *The Death Penalty: A World-wide Perspective*. – Oxford: Clarendon Press, 2002. P. 354.

¹⁹ Ehrlich I. *The Deterrent Effect of Capital Punishment: A Question of Life or Death* // *American Economic Review*. – 1975. – No. 65. P. 45.

Нельзя не согласиться со сторонниками смертной казни, которые утверждают, что данный вид наказания имеет превентивный эффект, хотя бы потому, что лицо, совершившее особо тяжкое преступление, ввиду специфики меры наказания, не сможет причинить какой-либо другой вред обществу.

Но, на наш взгляд, невозможно провести объективные научные исследования касательно взаимосвязи применения смертной казни и сокращения преступности, так как это требует учета множества факторов (социально-экономическое положение страны, геополитическое положение государства, миграция), что крайне сложно.

Другой причиной применения смертной казни государствами является потребность «воздаяния по заслугам». Иными словами, преступник должен ощутить на себе всю тяжесть наказания за свои противоправные действия. Здесь прослеживается аналогия с причинами, при наступлении которых допускалась кровная месть в древние времена (принцип талиона).

Во время приведения смертного приговора в силу, страдает не только преступник, но также его родственники и близкие ему люди. Во-первых, это связано с потерей родного человека, во-вторых, в большинстве государств после приведения в исполнение приговора, информация о захоронении тела преступника не сообщается. С одной стороны, это делается, чтобы избежать надругательства над телом преступника со стороны потерпевших либо его подражателей, а с другой, имеет скрытый смысл. Так, например, в Китае тела расстрелянных используют в качестве доноров для трансплантации органов. Это не может не сказываться и на выборе средств осуществления смертельного приговора. В Китайской Народной Республике все чаще прибегают к смертной казни путем расстрела, так как вводимая инъекция отравляет весь организм, после чего донорство невозможно.

Следующей причиной применения смертной казни являются соображения экономической целесообразности. Альтернативой смертной казни является такой вид наказания как пожизненное лишение свободы, что влечет дополнительную нагрузку

на бюджет государства. Получается, что законопослушные граждане косвенно обеспечивают всем жизненно необходимым тех лиц, которые своими действиями причиняют вред не только им, но и всему обществу в целом.

Вне зависимости от выработанной политики государства, применение смертной казни должно согласовываться с принятыми на себя государством международно-правовыми обязательствами, как это диктует один из принципов международного права «*pacta sunt servanda*».

При этом важно контролировать процесс соблюдения обязательства каждой стороной, чтобы, в случае нарушения, суметь своевременно отреагировать и скоординировать реакцию мирового сообщества, не допуская нарушения стабильности и эффективности функционирования международного правопорядка в целом.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ МЕЖДУНАРОДНОМУ ЯДЕРНОМУ ТЕРРОРИЗМУ

**Лобанов Егор Ильич,
Дичь Ольга Дмитриевна**

*студенты Высшей школы юриспруденции
и судебно-технической экспертизы Санкт-Петербургского
политехнического университета Петра Великого*

Терроризм, по своей сущности, является методом воздействия на политических противников, или на общественное сознание, путем применения физического насилия. Терроризм имеет глубокие корни, которые уходят еще в древние времена. В первом веке нашей эры экстремистские группировки иудейских националистов устранили представителей знати, которые выступали за мир с римлянами. Таким образом, они пресекали развитие коллаборационизма. Классическим примером Средневекового терроризма являются нападения на правящие династии, которые совершались адептами секты ассасинов. Они терроризировали правящие верхи на протяжении нескольких веков. Также под их удары попадали халифы, военачальники и представители духовенства. Таким образом, изначально терроризмом считался акт политического убийства¹.

Однако терроризм не всегда был направлен только в сторону государства. В конце 18 века, после Великой французской революции, политические группировки проводили массовые казни населения, которые были уличены в противодействии революции. Данные разнятся от 16 000 до 40 000 убитых.

Так, на территории России исторически запечатлены периоды «Белого», «Красного» и «Большого» террора². Все они

---

¹ Белашева И.В. Психология терроризма / И.В. Белашева, Д.А. Ершова. – М: СКФУ, 2016. – С. 33.

² Кузнецов И.Н. История: учебник для бакалавров / И.Н. Кузнецов. – М: Москва, 2017. – С. 141.

являлись крайними формами репрессивной политической борьбы, а также средством устрашения.

Но вторая мировая война становится поворотным пунктом. После войны терроризм становится глобальным вопросом. Если до начала 20 века целью атак приходилось, как правило, политические деятели, то политика немецкого государства, а также Хиросима и Нагасаки изменили отношение к цене человеческой жизни в глобальном масштабе.

С момента своего рождения, терроризм претерпел метаморфозу. Сегодня, как правило, мотивом террористического акта является искаженная форма религии, что, в принципе, не исключает политическую подоплеку.

Развитие технологий, а также прогресс в военной сфере, рано или поздно доходит и до рук экстремистов. Как показывает практика, зачастую с группировками не могут совладать целые армии определенных стран, таких как Афганистан, Пакистан, Иран и другие. Почувствовав силу, амбиции экстремистов переросли из локальных в геополитические. Тем самым они несут угрозу мировому порядку. Поэтому в 21 веке борьба с терроризмом стала приоритетной задачей всего мира.

Как правило, экстремисты нацеливают свою деятельность на такие сферы жизни как: политика, экономика, общество. Даже спустя несколько веков, их тактика остается прежней – чем больше угроза, тем больше и страх. С тех пор как ядерное оружие было изобретено и использовано, террористы устремили свой взгляд на оружие массового поражения.

Ядерный терроризм – это гипотетический вид терроризма, при котором может быть использовано ядерное оружие или радиоактивные материалы. К данному виду терроризма привлечено мировое внимание, поскольку опасность от потенциального урона и последствий, которые могут быть нанесены атакой, слишком велики. Благо, данный вид является только концепцией, и он не был осуществлен в реальности.

На сегодняшний день выделяют несколько способов, с помощью которого террористы могут совершить атаку. К ним относят:

1) Ядерная бомба:

- кража ядерной бомбы из запасов страны, которая обладает таковой. Считается наиболее опасным вариантом, поскольку современные виды ядерного оружия компактны и могут быть транспортированы до места теракта на обычном транспорте;

- запуск баллистической ракеты с объекта;

- кустарно собранная бомба.

2) «Грязная бомба»:

- захват Атомной электростанции или иного объекта, работающего с радиоактивными материалами, с последующим минированием и взрывом;

- создание бомбы из радиоактивных материалов для обычного неядерного боеприпаса.

3) Загрязнение окружающей среды:

- распыление радиоактивных материалов;

- загрязнение радиоактивными материалами источники питьевой воды;

- добавление радиоактивных материалов в еду, на стадии изготовления.

Так или иначе, даже если ядерный терроризм и существует только на бумаге, попытки его осуществить уже были приняты. Так, во время первой чеченской войны бойцы Джохара Дудаева планировали произвести захват атомной подводной лодки Военно-Морского флота России. В 1975 году террористическая организация требовала от властей США крупной денежной суммы, в противном случае они грозились детонировать ядерную боеголовку в Бостоне.

Важным этапом в борьбе с терроризмом стала Международная Конвенция о борьбе с финансированием терроризма, принятая в 1999 году³. Она продолжила международную борьбу с терроризмом, а также подняла вопрос о его денежной поддержке. Конвенция требовала от участников предпринимать шаги и воспрепятствовать финансированию группировок. Особое внимание

---

³ О ратификации Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма: Федеральный закон от 10.07.2002 N 88-ФЗ // Российская газета. 2002 г.

уделялось на организации, которые под видом благотворительности, вовлечены в противоправную деятельность, требовалось привлечь их к ответственности. А также документ предусматривает выявление, блокирование и арест фондов, предназначенных для террористической деятельности. Банковская тайна более не является достаточным основанием для отказа в сотрудничестве.

Понимание реальности угрозы, исходящей от возможных обладателей радиоактивных материалов, побудило руководство России и США взять на себя инициативу по решению проблемы их сохранности в международном масштабе. В 2003 году под председательством делегаций двух государств состоялась Международная конференция, в ходе которой 140 государств взяли на себя обязательства предпринять практические меры в направлении снижения угрозы, исходящей от использования радиоактивных материалов для создания «грязных бомб» или устройств для их рассеяния.

В 2005 году был принят новый программный документ ООН – Международная Конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма⁴. Данный документ охватывает широкий перечень преступных деяний, необходимых пресечь участникам договора. В конвенции призывается наказывать также попытки совершить преступление, соучастие и угрозу совершения преступления. Не менее важным является сотрудничество государств, предотвращение террористического акта путем обмена информацией и оказании помощи, как в уголовном расследовании, так и в случае кризисной ситуации.

Для борьбы с ядерным терроризмом необходимо сотрудничество во многих отраслях. Одним из самых важных является сотрудничество международных правоохранительных служб по нейтрализации террористических группировок. Необходимо создание комплекса подготовленных мер, которые будут содействовать ограничению ущерба и ликвидации последствий. Однако главным элементом по сдерживанию и пресечению

---

⁴ О ратификации Международной конвенции о борьбе с актами ядерного терроризма: Федеральный закон от 02.10.2006 N 158-ФЗ // Российская газета. 2006 г.

вооруженного нападения на ядерный объект является тщательно проработанная система его физической защиты.

Развитие ядерной технологии привело к увеличению числа специальных предприятий, таких как атомные электростанции, обогатительные предприятия, установки по переработке отработанного топлива. Основываясь на информации Международного агентства по атомной энергии, не все перечисленные станции обеспечены должной защитой. На некоторых вообще не проводились проверки систем на случай сценария потенциальной угрозы. Судить о возможных последствиях можно по уже случившимся.

Совершенно понятно, что создать систему физической защиты всех предприятий, которые работают с радиоактивными веществами – это очень тяжелая и затратная задача. Но надо отдавать себе отчет в том, что обеспечить безопасностью данные комплексы все равно выйдет дешевле, нежели устранять возможные последствия террористического акта.

Не менее важным является создание полной базы уже произошедших инцидентов, связанных с радиоактивными веществами, а также создание сценариев ликвидации угрозы и возможных последствий. Население следует информировать о правилах поведения в случае угрозы такого вида террористической атаки.

В конечном счете, государства сегодня движутся в направлении сдерживания террористических организация от использования оружия массового поражения. Международная борьба с терроризмом с каждым годом достигает новые вершины. Однако производство ядерного оружия не уходит на спад. На сегодняшний день 9 государств владеет ядерным оружием, 93 % от всего количества – у России и США. Не смотря на общественное настроение на этот счет, желание каждого государства «обезопасить» себя лишь вызывает эскалацию конфликта. Так или иначе, если угроза ядерного удара и не исходит от терроризма, то вероятность ядерных ударов все равно остается очень высокой. Стрелки символических часов Судного дня, которые демонстрируют международную напряженность ядерного конфликта, сдвинулись на такое же время, как и в 1953 году – на без двух минут двенадцать.

ИМИДЖ КАК СУБЪЕКТИВНЫЙ ФАКТОР ВОСПРИЯТИЯ ГОСУДАРСТВА

Малаев Денис Витальевич

*студент Гуманитарного института Владимирского
государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых
dmalaev@my.com*

Последние десятилетия можно охарактеризовать как время активного развития научно-технического прогресса, а также его проникновения во многие сферы жизни общества и государства.

Посредством информационно-коммуникационных технологий и особенно сети Интернет, чья роль в современном мире продолжает расти, была сформирована новая реальность, новое пространство, т.н. «киберпространство», открывшее огромное количество возможностей для человека. В этом пространстве люди посредством ИКТ и Интернета могут выстроить отношения (виртуальные), которые, с одной стороны, весьма похожи на реальные (примеры – обмен информацией, получение образования, совершение покупок, предоставление каких-либо услуг и проч.) а с другой – имеют свои отличительные черты (например, возможна анонимность пользователей и отсутствие четкой регламентации их взаимодействия). Стоит отметить, что деятельность в рамках информационного пространства происходит при отсутствии полного контроля со стороны какого-либо государства.

В настоящее время, когда человечество переходит к следующей стадии своего развития – информационному обществу – возникает потребность сформировать обновленный взгляд на систему права и ее компоненты. Примером влияния новейших технологий на юридическо-правовые структуры является признание на современном этапе развития права юридической силы виртуальных действий (совершение противоправных действий с использованием ИКТ наказуемо). Стремительное развитие ИКТ приводит к усилению роли информационного права в совре-

менном мире. Вопрос об урегулировании деятельности в Интернете все чаще и чаще обсуждается как на национальном, так и на международном уровне, на что существуют различные точки зрения: от необходимости жесткого контроля в данной области до полной свободы действий в киберпространстве.

«Кто владеет информацией, тот владеет миром» – знаменитая фраза Натана Ротшильда как нельзя лучше отражает важность той роли, которую играют на сегодняшний день разного рода сведения, знания, идеи. В руках человека, имеющего доступ источникам информации, закрытых для других, находится весьма ценный ресурс.

С течением времени поток информации увеличивается, таким образом, согласно исследованиям компании International Data Corporation (IDC)¹, объем общемировых данных вырастет с 33 зеттабайт (ЗБ) в 2018 г. до 175 ЗБ в 2025 г. В современных международных отношениях возрастает роль средств массовой информации (СМИ), которые занимаются сбором, обработкой и передачей информации. Значение и влияние масс-медиа достаточно велико даже несмотря на то, что официально они не являются частью политической системы, неформальное сравнение СМИ с тремя традиционными ветвями власти (исполнительной, законодательной, судебной), как «четвертой власти» (fourth estate/ fourth power) – прямое тому подтверждение. Средства массовой информации оказывают непосредственное влияние на процессы интеграции и глобализации, помогая «стирать» границы между государствами. С помощью Интернета, телевидения, радио, газет и журналов каждый день огромное количество людей по всему миру получает сведения о событиях, происходящих в разных точках земного шара. Стоит заметить, что задачей СМИ является не просто освещение каких-либо событий, зачастую проводится тщательный отбор предоставляемой информации, определяется направление дискуссии. Нередко публикуемые сообщения могут содержать неявную оценку, сосредотачивая

---

¹ IDC Report: The Digitization of the World From Edge to Core URL: <https://www.seagate.com/files/www-content/our-story/trends/files/idc-seagate-dataage-whitepaper.pdf>.

внимание общественности на определенных моментах, тем самым формируя у людей мнение о том или ином происшествии посредством использования различных речевых техник и других приемов.

Считается, что путем более широкого распространения всей информации, СМИ эффективно способствуют построению диалога между представителями всех государств, укреплению мира и взаимопонимания. При помощи масс-медиа с одной стороны, происходит сближение наций и установлению взаимопонимания между ними, обмену обычаями и традициями, разного рода достижениями и т.д., в то время как с другой – их деятельность может являться угрозой международной безопасности и стабильности.

Появление на рубеже XX и XXI веков новых и продолжающих совершенствоваться технологий, а также средств работы с информацией имеет как положительные, так и отрицательные последствия. Примером последнего на сегодняшний день является использование ИКТ и информации в качестве орудия в новом виде противостояния - информационной войне. С.А. Иванов², рассматривая вышеупомянутый феномен, выделяет два важнейших его аспекта:

- военное противостояние, действия, предпринимаемые для нанесения ущерба информационным системам, ресурсам с целью получения информационного превосходства;
- психологическая война, которая предполагает воздействие на общественное сознание таким образом, чтобы заставить людей действовать против своих интересов.

Нельзя не согласиться с автором, отмечающим, что важнейшее значение имеет воздействие на сознание людей.

Каким образом создается образ государства за рубежом? В качестве «проводников» следует выделить деятельность дипломатов, внешнеэкономические контакты, достижения науки,

---

² Иванов С.А. Информационная война: сущность и основные формы проявления // Известия АлтГУ. – 2013. – № 4 (80) – С. 279.

культуры и спорта – различные международные форумы и фестивали, конференции и др. мероприятия. Все вышеупомянутое оказывает влияние на формирование имиджа государства – сложившего стихийно (в результате долгих контактов/ опыта взаимодействия конкретных людей) или же целенаправленно, искусственно созданного образа, оказывающего эмоционально-психологическое воздействие на человека. Важно отметить

Стратегически заданный непривлекательный образ, овладев массовым сознанием, превращается в образ врага, активизирующий эмоциональные процессы, связанные с желанием дать решительный отпор враждебным силам, от которых исходит серьезная опасность³. Именно поэтому формирование имиджа является одним из первоочередных интересов и стратегических задач государства, ведь тот может оказать решительное влияние на характер взаимодействия с другими членами мирового сообщества. Для каждой страны очень важно создать образ, отражающий положительные черты и достоинства.

Если рассмотреть одну из актуальнейших тем – восприятие России на Западе, то можно отметить видение ее в рез

К неутешительному заключению приходят М. М. Русяева, Е. Б. Нешина и Е. Ф. Черемушкина⁴, чьи исследования показали, что западным публикациям о России присуща негативная тональность. «Наиболее частотными эпитетами являются «тяжелая», «непонятная», «агрессивная», «непредсказуемая» страна. Среди популярных метафор «медведь», «империя», «загадка»».

Согласно наблюдениям К.П. Постерняк и Н.Б. Боевой-Омелечко⁵, Россия в британском медиадискурсе представлена

---

³ Двойненко, М.О. Медиаобраз врага в контексте технологий мягкой силы / М.О. Двойненко // Научный журнал «Дискурс-Пи». – 2017. – С. 183-184.

⁴ Россия глазами Европы. Имидж страны через призму языка: моногр. / М. М. Русяева, Е. Б. Нешина, Е. Ф. Черемушкина. – Саранск : ЮрЭкс-Практик, 2018. – С. 120.

⁵ Boeva-Omelechko, N.B Posternyak K.P., The formation of the image of Russia in the British political mass media discourse.

как очень опасная и агрессивная страна, которая угрожает или же оказывает давление на другие государства, стремясь стать сверхдержавой. «Эта страна не заслуживает уважения, в силу того, что слаба экономически воспринимается как неудачник. Она странная, непонятная, расточительная и неразумная, хоть и имеет огромное культурное наследие» – именно такой образ России формируется британскими СМИ.

Таким образом, Россия предстает в негативном свете, сохранив не только предрассудки времен холодной войны (олицетворение опасности и угрозы, наращивание вооружения, коррупция, экономическая отсталость, и т.п.), негативные образы, создаваемые западными СМИ, значительно преобладают над позитивными.

На основе рассмотренного примера становится очевидной вся опасность информационных противостояний, в связи с чем можно отметить, что международному праву на современном этапе брошен серьезный вызов. Если использование обычных вооружений и средств ведения военных действий странами по отношению друг к другу регламентировано международным правом и договоренностями, то современные информационные войны ведутся при полном отсутствии соблюдения международных правовых (которые еще и не разработаны) и морально-этических норм. Получается, что одной чаше весов находятся сотрудничество и взаимопонимание, во многом зависящие от свободы информации и выражения мнений, а на другой – неограниченность той же свободы информации, которая может послужить не только преградой во взаимоотношениях между людьми, но и угрозой. Несмотря на то, что процесс международно-правового регулирования информационного пространства на сегодняшний день еще далек от завершения, стоит отметить - ИКТ и связанным с ними правоотношениям не только удалось добиться признания, но стимулировать развитие правовых систем, направленное на постепенную адаптацию к новым угрозам современности.

URL: https://www.researchgate.net/publication/329010034_The_formation_of_the_image_of_Russia_in_the_British_political_mass_media_discourse.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПРИЗНАНИЯ США: ОТ КОСОВСКОГО ПРЕЦЕДЕНТА ДО ГОЛАНСКИХ ВЫСОТ

Мальсагова Амина Саид-Селамовна

*студентка Всероссийского государственного
университета юстиции
Amisha2@mail.ru*

Выбранная мною тема актуальна ввиду продолжающегося арабо-израильского конфликта, в т.ч. в отношении Голан, а также специфического поведения США на международной арене. Так, 25 марта 2019 г. Д. Трамп подписал декларацию о суверенитете Израиля над Голанскими высотами, тем самым США выступили как первое государство, признавшее суверенитет Израиля над Голанами. Возникает вопрос, насколько правомерен данный акт США, обладает ли он юридической силой? И каковы последствия для общей политической ситуации?

Стоит начать с исторической справки. В январе 1944 года Сирия провозгласила независимость, а территория Голан была включена в государственные границы Сирии. Независимость Сирии была признана 17 апреля 1946 года.

С 5 по 10 июня 1967 шла так называемая Шестидневная война (Израиль против коалиции арабских государств), результатами которой стали победа Израиля и оккупация последним Голанских высот. Зелёная черта 1949 года стала административной границей между Израилем и новыми территориями.

22 ноября 1967 – Совет Безопасности ООН (далее СБ ООН) единогласно принял резолюцию 242¹, требующую «установления справедливого и прочного мира на Ближнем Востоке, который должен включать применение нижеследующих принципов: 1) вывод израильских вооружённых сил с территорий,

---

¹ Резолюция СБ ООН. Положение на Ближнем Востоке. S/RES/242 (1967). URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/242\(1967\)](https://undocs.org/ru/S/RES/242(1967)) (дата обращения – 10 апреля 2019 г.).

оккупированных во время недавнего конфликта; 2) прекращение всех претензий или состояний войны и уважение и признание суверенитета, территориальной целостности и политической независимости каждого государства в данном районе и их права жить в мире в безопасных и признанных границах, не подвергаясь угрозам силой или её применению»².

В 1973 году Сирия и Египет напали на Израиль — началась «война Судного дня». Военные действия велись и на Голанских высотах: Сирия пыталась отбить территории, но наткнулась на ожесточенное сопротивление израильтян. Израилю удалось не только удержать Голанские высоты, но и перейти в наступление вглубь Сирии. В следующем году Сирия и Израиль заключили соглашение о перемирии и разъединении войск. В день его подписания СБ ООН принял резолюцию 350³, в соответствии с которой были учреждены Силы Организации Объединенных Наций по наблюдению за разъединением (СОООНП/UNDOF). Фактической линией разграничения между Сирией и Израилем, которые де-юре пребывают в состоянии войны, остаётся нейтральная демилитаризованная полоса, в основном соответствующая Пурпурной линии — демаркационной линии между силами Израиля и Сирии по окончании Шестидневной войны.

В 1981 году Израиль решил внести изменения в своё законодательство посредством ратификации кнессетом 14 декабря этого же года Закона о Голанских высотах⁴, согласно основным положениям которого:

---

² Резолюция СБ ООН. Положение на Ближнем Востоке. S/RES/242 (1967). URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/242\(1967\)](https://undocs.org/ru/S/RES/242(1967)) (дата обращения – 10 апреля 2019 г.).

³ Резолюция СБ ООН. Положение на Ближнем Востоке. 31 мая 1974 г. S/RES/350 (1974) URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/350\(1974\)](https://undocs.org/ru/S/RES/350(1974)) (дата обращения – 10 апреля 2019 г.).

⁴ Закон о Голанских высотах от 14 декабря 1981 г. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/international-legal-materials/article/israel-law-on-golan-heights/C8D4DA1C41291FAB59B717B6EC124B33> (дата обращения – 10 апреля 2019 г.).

- Закон, юрисдикция и администрация государства Израиль вступают в силу на Голанских высотах, как это описано в Приложении;

- Закон вступит в силу со дня его принятия кнессетом;

- Министр внутренних дел отвечает за осуществление этого закона, и имеет право, на основе консультаций с министром юстиции, принять правила его дальнейшего осуществления и сформулировать правила временных положений, касающихся дальнейшего применения норм и правил, директив, административных распоряжений, а также прав и обязанностей, которые были в силе на Голанских высотах до принятия этого закона.

Соответствующей оказалась реакция мировой общественности, а главным образом СБ ООН, который не признал данное решение и принял Резолюцию 497 от 17 декабря 1981 года⁵. Что касается содержания резолюции, то согласно её положениям СБ ООН постановил, что «решение Израиля установить свои законы, юрисдикцию и управление на оккупированных сирийских Голанских высотах является недействительным и не имеет международной юридической силы», требовал чтобы Израиль, как оккупирующая держава, немедленно отменил своё решение, заявил, что: «все положения Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны от 12 августа 1949 года по-прежнему распространяются на сирийскую территорию, оккупированную Израилем с июня 1967 года, а также просил Генерального секретаря представить Совету Безопасности доклад об осуществлении настоящей резолюции в течение двух недель, и постановил, что «в случае невыполнения её Израилем Совет соберётся срочно, и не позднее 5 января 1982 года, для того чтобы рассмотреть принятие должных мер в соответствии с Уставом Организации Объединённых Наций»⁶.

---

⁵ Резолюция СБ ООН. Положение на оккупированных арабских территориях. 17 декабря 1981. S/RES/497(1981).

URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/497\(1981\)](https://undocs.org/ru/S/RES/497(1981)) (дата обращения – 10 апреля 2019).

⁶ Резолюция СБ ООН. Положение на оккупированных арабских территориях. 17 декабря 1981. S/RES/497(1981).

URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/497\(1981\)](https://undocs.org/ru/S/RES/497(1981)) (дата обращения – 10 апреля 2019).

Теперь хотелось бы рассмотреть значимость Голанских высот как стратегического объекта для Израиля. В первую очередь это военный аспект, поскольку с вершин Голан свободно простреливается значительная часть израильской территории, исходя из чего потеря Голан грозит Израиллю снижением его обороноспособности. Не менее важным является аспект водоснабжения: более 30 % питьевой воды Израиль черпает из источников, протекающих по территории Голанских высот. По мнению экспертов Бюро по связям с евреями СНГ и Восточной Европы при канцелярии премьер-министра («Натив»), передача Голанских высот Сирии была бы связана с потерей 70 % водосборного бассейна Кинерета. Согласно этому мнению, переход Голан под сирийский контроль неминуемо приведет Израиль к водному голоду и экологической катастрофе. Ещё в качестве одного аспекта можно рассмотреть экономический, поскольку Голаны представляют собой один из самых экономически благополучных районов Израиля. Процедура, связанная с уходом с Голан, включая переселение жителей и необходимость увеличить воинский контингент на границе с Сирией, повлечет расходы, которые Израиль не сможет покрыть из государственного бюджета.

Говоря о неправомочности проводимой в отношении Голан политики Израилем и США, хочу напомнить об обязанности всех государств соблюдать основополагающие принципы международного права, в первую очередь такие как принцип территориальной целостности, принцип неприменения силы или угрозы силой и др. Так, статья 2 Устава ООН гласит: «все члены Организации Объединенных Наций воздерживаются в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с Целями Объединенных Наций»⁷.

Также данный принцип раскрыт в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с

---

⁷ Устав ООН от 26 июня 1945 г. URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121087 (дата обращения – 10 апреля 2019).

Уставом Организации Объединенных Наций 1970 г.: «территория государства не может быть объектом военной оккупации, являющейся результатом применения силы в нарушение положений Устава, территория государства не должна быть объектом приобретения другим государством в результате угрозы силой или ее применения, никакие территориальные приобретения, являющиеся результатом угрозы силой или ее применения, не должны признаваться законными»⁸.

Таким образом, мы можем наблюдать ярое нарушение международно-правовых норм Израилем и, соответственно, США – в качестве единого государства, признавшим принадлежность Голанских высот к территории Израиля и его суверенитет, несмотря на оккупацию.

Данное неожиданное решение президента США Д. Трампа вызвало резонанс в сфере международных отношений и осуждение мировым сообществом. Так, против столь радикального решения выступили Великобритания, Канада, Швейцария и другие европейские страны (все 28 государств – членов Европейского союза (ЕС) четко заявили, что их общая позиция остается неизменной.); Россия; Япония и др. Стоит ли говорить о реакции мусульманских стран?

27 марта 2019 года было проведено экстренное заседание СБ ООН по Голанским высотам, в начале которого заместитель Генерального Секретаря ООН Розмэри Дикарло высказалась следующим образом: «мы надеемся, что развитие событий не будет использовано в качестве оправдания действий, которые бы нарушили стабильность на Голанах и за их пределами»⁹. Заместитель Генерального секретаря по операциям по поддержанию мира Жан-Пьер Лакруа заявил, что риск эскалации напряженности в

---

⁸ Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций от 24 октября 1970 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения 10 апреля 2019 г.).

⁹ Заседание СБ ООН 27 марта 2019 г. URL: <https://undocs.org/ru/S/PV.8493> (дата обращения 10 апреля 2019 г.).

этом регионе сохраняется¹⁰. Постоянный представитель Великобритании Карен Пирс указала на то, что Лондон по-прежнему считает Голаны оккупированной Израилем территорией¹¹. Аналогичную позицию представил постоянный представитель Польши Йоанна Вронецка¹². Главное противостояние наблюдалось в ходе обмена мнениями представителями США и России. Родни Хантер со своей стороны заявил, что мир между Сирией и Израилем почти невозможен, а также призвал Россию «использовать своё влияние на Дамаск»¹³, чтобы Сирия полностью вывела свои войска из этой зоны, в ответ на что Владимир Сафронков – представитель России – подверг критике позицию США и заявил¹⁴, что решение Вашингтона нарушает резолюцию СБ ООН, а Голаны являются частью территории Сирийской республики и принятое США одностороннее решение усугубляет напряженность.

Данный акт признания США невольно заставляет вспомнить так называемый Косовский прецедент, когда США одними из первых признали Косово в качестве отдельного государства. Несомненно, такое неординарное поведение мировой державы создаёт угрозу распространения практики одностороннего признания, ведь, как говорится, дурной пример заразителен. В заключение хотелось бы сказать, что такой ход Д. Трампа грозит лишь обострению ситуации на Ближнем Востоке, напряжению политической ситуации в мире, а также опасным прецедентом. Так, это первый прецедент признания объекта приобретения другим государством в результате угрозы силой или её применения.

---

¹⁰ Заседание СБ ООН 27 марта 2019 г. URL: <https://undocs.org/ru/S/PV.8493> (дата обращения 10 апреля 2019 г.).

¹¹ Заседание СБ ООН 27 марта 2019 г. URL: <https://undocs.org/ru/S/PV.8493> (дата обращения 10 апреля 2019 г.).

¹² Заседание СБ ООН 27 марта 2019 г. URL: <https://undocs.org/ru/S/PV.8493> (дата обращения 10 апреля 2019 г.).

¹³ Заседание СБ ООН 27 марта 2019 г. URL: <https://undocs.org/ru/S/PV.8493> (дата обращения 10 апреля 2019 г.).

¹⁴ Заседание СБ ООН 27 марта 2019 г. URL: <https://undocs.org/ru/S/PV.8493> (дата обращения 10 апреля 2019 г.).

ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ РОБОТОТЕХНИКИ

**Мельников Даниил Геннадьевич,
Никитенко Валентина Алексеевна**

студенты

*Всероссийского государственного университета юстиции
biuk250@gmail.com*

Исследование проблем регулирования сферы робототехники в международном праве не представляется возможным без рассмотрения уже имеющихся источников. Поэтому в данной статье мы изучим основные международные источники регулирования робототехники, выявим основные проблемы и подведем итог по теме.

Следует признать, что исследование проблематики киберсферы началось достаточно давно. В зарубежной доктрине, как будет описано далее, найдены источники, датированные 90-ми годами 20 века, нельзя сказать, что это давно, если сравнивать с другими международными сферами, однако именно с 2017 года правовое регулирование данной сферы нуждается в необходимых для всего мира источниках. На момент этого исследования накоплен, к сожалению, достаточно скудный ряд документов, которые, тем не менее, стоит рассмотреть.

Рассмотрим систему источников Европейского Союза (далее ЕС). ЕС является одной из самых ключевых юрисдикций, в которой проблемы регулирования искусственного интеллекта и роботизации проработаны наиболее полно. Самым главным документом и, пожалуй, единственным источником международного права, регулирующим роботизацию, является Резолюция Европарламента от 16 февраля 2017 года «Нормы гражданского права о робототехнике» (2015/2013(INL)). Стоит разобрать основные положения этого документа:

1) три закона робототехники Азимова должны интерпретироваться исключительно как адресованные разработчикам,

операторам роботов и самообучающимся роботам, ибо эти законы невозможно перевести в машинный код.

2) существует необходимость создания полезных правил, которые смогли бы урегулировать вопросы ответственности, подотчетности и прозрачности, одновременно отражая европейские гуманистические ценности. Более того, такие правила не должны пагубно влиять на исследования и инновации в сфере робототехники.

3) главная цель - создание особых принципов, благодаря которым технологическая революция принесет пользу человечеству, а доступность робототехники и Искусственного интеллекта (далее ИИ) будет массовой. В то же время они должны позволять, насколько это возможно, избегать потенциальных ошибок.

4) принять во внимание Хартию Робототехники, которая была составлена научным подразделением по перспективному анализу и Исследовательским центром Европарламента. В этом документе предлагается кодекс этических норм разработчиков в сфере робототехники, кодекс для комитетов по этике научных исследований, лицензии для разработчиков и для пользователей.

5) осознавать важность осторожных и постепенных действий в сфере робототехники, дабы избежать подавления инновационных процессов.

6) необходимость принятия во внимание гражданско-правовых вопросов робототехники.

Важным вопросом, затронутым в этой резолюции, является вопрос ответственности, который мы затронем позже в этой статье. Развитие робототехники за последние годы продемонстрировало человечеству роботов, которые могут выполнять деятельность, ранее подвластную только людям. Очень важно на этом этапе верно и всецело оценить возможный ущерб, который может принести такой робот. Данная резолюция обращает внимание на принцип прозрачности, в том контексте, что любому принятому с помощью ИИ решению, которое повлияет на жизнь одного или более людей, всегда должно быть обеспечено рациональное объяснение. Необходимо, чтобы выполненные систе-

мами с ИИ операции всегда можно было изложить в форме, понятной человеку. Необходимо оборудовать продвинутых роботов «черным ящиком», который будет записывать данные о каждой совершенной операции, а также логику рассуждений, по которым машина приняла те или иные решения. Более того, расширенное сотрудничество между Комиссией ЕС и странами-членами ЕС является необходимым условием установления в ЕС единых трансграничных правил; эти правила будут поощрять сотрудничество между промышленными секторами разных стран и обеспечат внедрение в ЕС роботов, соответствующих установленным стандартам безопасности, а также отвечающих этическим принципам, отраженным в законодательстве ЕС. Подводя итоги, стоит сказать, что вмешательство в организм человека, которое упоминается в резолюции, обязательно должно быть этически обоснованно, что пока что отсутствует в этом документе.

Существуют иные проекты международных актов, реализованы различные подходы и концепции, среди которых – «Горизонт-2020» («*Horizon 2020*»). Эта программа является самой масштабной и рамочной для технологического развития и научных исследований, она рассчитана с 2014 по 2020 годы и обеспечивает частное и публичное финансирование проектов. Некоторые направления программы – 5G сеть, экологический транспорт, роботизация. «Горизонт-2020» способствует созданию частно-правовых партнерств таких как «*SPARC*» - частно-государственное партнерство между властями ЕС и некоммерческой организацией «*aisbl euRobotics*»¹. Ими была разработана «Дорожная карта развития робототехники «*Robotics-2020*» («*Multi-Annual Roadmap*»)². Структура «*Robotics-2020*»: производство роботов и компонентов; промышленные роботы; сервисные и потребительские роботы (доставка, инфраструктура, автоматизированный

---

¹ Незнамов А.В., Наумов В.Б. Стратегия регулирования робототехники и киберфизических систем // Закон, № 2, 2018. С. 69-90.

² Robotics 2020 Multi-Annual Roadmap: For Robotics in Europe. Horizon 2020 Call ICT-2016 (ICT-25 & ICT-26) [Electronic resource] // euRobotics [Site]. – // URL: <https://www.eu-robotics.net/sparc/upload/about/files/H2020-Robotics-Multi-Annual-Roadmap-ICT-2016.pdf> (accessed: 28.03.2019).

транспорт); здравоохранение и уход за больными и пожилыми людьми; на земле и за ее пределами: наземные и космические роботы, роботы-исследователи и т.д.

Другим не менее важным источником международного законодательства от ЕС является Декларация о сотрудничестве в области искусственного интеллекта³. 10 апреля 2018 года была подписана Декларация 25-ю государствами – членами ЕС в области искусственного интеллекта по ряду направлений, в том числе повышение технологического и производственного потенциала Европы в области ИИ, решение социально-экономических проблем – преобразования рынков труда и модернизация систем образования и обучения в Европе, обеспечение надлежащих правовых и этических норм, в основе которых лежат основные права и ценности ЕС, включая неприкосновенность частной жизни и защиту персональных данных и др.

Последним важным источником международного законодательства является «Женевская конвенция о защите гражданского населения в военное время» (далее Женевская конвенция). Женевская конвенция не является ярко выраженной нормативной базой, регулирующей сферу робототехники целиком, но меня заинтересовал один из принципов, содержащихся в ней, а именно: «Женевские конвенции требуют от сторон, участвующих в конфликте, проводить различие между гражданским населением и непосредственными участниками военных действий с целью обеспечения защиты гражданского населения и гражданских объектов». Запрещены нападения как на гражданское население в целом, так и на отдельных мирных граждан. Вот тут и кроется парадокс: в соответствии с Международным гуманитарным правом операторы дронов не являются комбатантами, а значит, по ним нельзя нанести ответный удар, поэтому они могут безгранично применять насилие, что, определенно, нарушает нормы международного права.

---

³ EU Member States sign up to cooperate on Artificial Intelligence [Electronic resource] // European Commission [Site]. – // URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/news/eu-member-states-sign-cooperate-artificial-intelligence> (accessed: 28.03.2019).

Лондонским Бюро журналистских расследований была представлена статистика количества погибших от атак дронов в Пакистане на момент волнений с 2004 по 2013 год. В целом, дронами было убито 3300 человек, из которых 500-800 – мирные жители. Это довольно внушительные цифры, а ведь я беру только Пакистан, незарегистрированных нарушений дронами в мире на сегодняшний момент огромное количество.

Необходимо упомянуть про нескончаемые нарушения пересечения границ Украинскими беспилотниками, ведь буквально вчера, беспилотный летательный аппарат (далее БЛА) Украины был сбит на границе РФ. Компания *Forecast International* продемонстрировала статистику, где говорится, что до 2023 года на производство БЛА будет потрачено 67,3 млрд долларов. Я считаю, что это немалая сумма и она будет увеличиваться с каждым десятилетием, будет наращиваться и количество выпускаемых беспилотников.

В будущем, когда технологии позволят создать иные роботизированные боевые машины, этот документ также следует применять.

При таком неоднозначном и коротком количестве международных источников и отсутствии регулирования на уровне ООН, для данного вопроса следует рассмотреть национальное законодательство стран, которые дальше всех продвинулись в регулировании киберфизической сферы.

Пожалуй, одной из самых известных программ по развитию робототехники является «Национальная робототехническая инициатива 2011 года» в США. Эта программа представляет из себя некий план финансирования некоторых проектов. Инициатива интегрирует предложения различных государственных ведомств США по финансированию исследований. Документ подготавливает Национальный Научный Фонд (*NSF*). Следующие правительственные органы принимают участие в этой программе: NASA, Департамента Обороны, Департамента Энергетики, Департамента Сельского Хозяйства, Национального Института Здоровья. Данный документ является ярким примером межведомственного взаимодействия для финансирования и реализации робототехнических проектов. Дорожная карта развития робото-

техники 2009 года, обновленная в 2016 году. Вполне себе концептуальный подход к развитию рассматриваемой отрасли прослеживается в Дорожной карте развития робототехники. Авторы карты озабочены в первую очередь тем, что действующее законодательство тормозит развитие робототехники, а также указывают на сферы, которым необходимо законодательное регулирование. В числе таких находятся: безопасность, ответственность, страхование и защита конфиденциальной информации. Еще одним немаловажным документом является «*Artificial Intelligence Research, Development & Regulation*» (февраль 2017). Это рекомендации Института электротехники и электроники (*IEEE*) США, в которых главной темой является ИИ, который наиболее полно отвечает всем запросам людей в целом. IEEE предлагает Правительству США принять политику в области ИИ, которая будет иметь возможность для предоставления специалистов ИИ в различные области публичной и частной деятельности, оказывать поддержку в исследованиях и разработках для обеспечения лидерства США в этой сфере, разработать эффективное регулирование ИИ для обеспечения общественного благосостояния.

Южная Корея является безусловным лидером по роботизации экономики государства. Одним из сопутствующих этому факторов является разработка и систематизация норм, регулирующих сферу робототехники и ИИ. Закон о развитии и распространении умных роботов («*Intelligent robots development and distribution promotion act*»)⁴ – был принят в конце 2008 года, его реализация поручена Корейскому институту развития умных роботов. По статистике исследователей, выручка от внедрения этого Закона составляет около 32 млрд. долларов США⁵. Данный проект представляет собой специальные условия для компаний,

---

⁴ Закон «О развитии и распространении умных роботов» [Электронный ресурс] // Исследовательский центр «Робоправо» [Сайт]. – URL: http://robopravo.ru/zakon_iuzhnoi_koriei_2008 (дата обращения: 28.03.2019).

⁵ Закон «О содействии развитию и распространению умных роботов» [Электронный ресурс] // Исследовательский центр «Робоправо» [Сайт]. – URL: <http://robopravo.ru/uploads/s/z/6/g/z6gj0wkwhv1o/file/nqPVARXE.pdf> (дата обращения: 28.03.2019).

занимающихся производством робототехники, созданием ИИ, определяет меры для государственной поддержки развития этих сфер. Вместе с этим, в Законе содержатся и уголовно-правовые нормы, которые разграничивают компетенцию конкретных государственных органов и местных властей в связи с реализацией административных реформ в стране. Корейский устав этических норм для роботов – «*Robot Ethics Charter*» 2007 года. Устав является результатом совместных работ ученых, исследователей, юристов и государственных деятелей Кореи, целью которого является установление определенных этических рамок для сосуществования ИИ, роботов и человека.

Перейдем к проблемам. При рассмотрении различных источников международного регулирования робототехники можно говорить, что все страны развиваются по собственному пути и, на примере Кореи, стоит сказать, что необходимо комплексное и систематизированное регулирование этой сферы, которое должно включать в себя национальное регулирование; концепцию или стратегию, рассматривающие будущий аспект развития технологий в стране и в мире; отраслевые законы и подзаконные акты, направленные на управление отдельными категориями роботов и киберфизических систем, отдельных отраслей их применения. Наиболее оптимальным вариантом можно выделить постепенное развитие регулирования в отраслях.

Следующей проблемой можно выделить рассмотрение роботов и ИИ как субъектов права. В международной практике этот вопрос постоянно всплывает во всех имеющихся документах. ЕС подходит к этому вопросу так – необходимо введение особого правового статуса⁶. Наиболее продвинутые в развитии роботы могут именоваться в праве как электронные лица и нести ответственность за ущерб, причиненный другим лицам. Однако,

---

⁶ Civil Law Rules on Robotics, European Parliament resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//NONSGML+TA+P8-TA-2017-0051+0+DOC+PDF+V0//EN> (дата обращения: 28.03.2019).

также стоит поднять вопрос – так стоит ли ИИ нести ответственность, если создал его человек и он его хозяин? Принимая во внимание тот факт, что автономность роботов будет расти и расти, необходимо создание конкретизирующих правовых актов, которые позволят установить правовую ответственность третьих лиц за действия такого рода роботов. Также недостаточно имеющихся правил, которые позволяют устанавливать лицо, которое будет вынуждено компенсировать ущерб, причиненного роботом, в случае, когда он действует самостоятельно.

Не так давно было опубликовано открытое письмо к Европейской комиссии с призывом не предоставлять роботам статус субъекта как такового, так как это является абсурдом, может привести к нарушению прав человека⁷.

Третья проблема напрямую связана со второй – введение «Страхования роботов», чтобы их действия могли рассматриваться как обстоятельства непреодолимой силы, но подобное нововведение может касаться лишь определенных ситуаций и не полностью сможет регулировать ответственность.

На основе проблем, выявленных нами ранее, мы заключаем, что для решения проблем правового регулирования робототехники стоит выделить следующие моменты:

1) необходимо создание общемировых источников регулирования, международных актов и договоров для создания единого правового поля между странами;

2) возможность введения страхования в будущем ИИ и роботов – частично может регулировать ответственность за нанесенный ущерб третьим лицам;

3) приход к единому подходу к понятию того, кто есть робот или ИИ – субъект права или нет, объект или юр. лицо;

4) комплексная и систематизированная проработка правовой базы на государственном уровне для выхода на международную арену.

---

⁷ Open Letter to the European Commission: Artificial Intelligence and Robotics [Электронный ресурс]. URL: <http://www.robotics-openletter.eu/> (дата обращения 28.03.2019).

ЭКСТРЕМИЗМ КАК СОЦИАЛЬНО ОПАСНОЕ ПРОТИВОПРАВНОЕ ДЕЯНИЕ ПО МЕЖДУНАРОДНОМУ ПРАВУ (ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ)

Мельшина К.Ю.

канд. юрид. наук

XXI век характеризуется повышением активности в некоторых регионах мира, исходящей от террористических и экстремистских организаций. Сложившиеся обстоятельства способствовали тому, что борьба с экстремизмом стала одной из относительно самостоятельных и приоритетных задач в деятельности Организации Объединенных Наций, поскольку экстремизм, наравне с терроризмом, становится угрозой безопасности для государств и всего человечества в целом.

Согласно психолого-политическому пониманию «экстремизм» означает расположение в наиболее удаленной от центра точке, «предельный», находящийся на краю, нарушающий принятые в обществе нормы, прежде всего общие моральные стандарты¹. Поскольку проблема определения экстремизма в целом, как социально опасного явления, зависит от того, что в каждом конкретном обществе считается нормой, а что – отклонением от нее, т.е. девиантным поведением, данное обстоятельство является объяснением почему до сих пор не выработана общеприемлемая дефиниция экстремизма.

Отсюда возникает научная задача выяснить сущность экстремизма, с которым сталкиваются государства и все международное сообщество, что, в свою очередь, предопределяет необходимость обратиться к предпосылкам зарождения экстремизма как социально опасного явления.

В историческом плане изначально экстремизм имел религиозную окраску и нередко служил в качестве почвы для религиозных войн. Дело в том, что экстремизм был связан, прежде

---

¹ Бидова Б.Б. Психолого-политическое понимание экстремизма // Молодой ученый. 2013. № 1. С. 259. <https://moluch.ru/archive/48/6069>

всего, с деятельностью религиозных объединений, когда «навязчивая» миссионерская деятельность приверженцев одной религии вызывала ответное негативное поведение у адептов, исповедующих другие культы².

В конце XI в. религиозными догмами уже обосновывали захватнические войны. Военные походы в период XII–XIII вв., известные как «крестовые», устраивались для грабежей, истребления инаковерцев и были прикрыты религиозными лозунгами. К. Федерн писал о жестокостях средневековой религии, показателем которой может быть эпизод, когда, истребив в Иерусалиме мужчин, женщин и детей, крестоносцы пали на колени перед гробом Искупителя в пламенном молитвенном рвении³.

В средние века в деятельности католической церкви экстремизм проявлялся в борьбе с инакомыслием посредством уничтожения людей на кострах «святой» инквизиции (лат. *Inquīsitīō*) – «розыски», «расследование». Говоря об инквизиции, не стоит забывать о том, что христианская идеология в то время была государственной идеологией, религия рассматривалась как основа нравственности в частности и общественного порядка в целом. Как пишет Н.В. Будур: «в те времена спасение души было важнее жизни человеческого тела, отрицание церковного авторитета в этих условиях было восстанием и против государства, то есть угрожало его целостности, с чем никогда власти не могли мириться»⁴. Таким образом христианские епископы и местные синоды, обличали некоторых богословов, ведьм, инаковерцев, как еретиков и определяли доктрину христианства⁵.

---

² *Инаева Д.Д.* Религиозный экстремизм: исторические истоки зарождения // Молодой ученый. 2016. № 1. С. 799.

³ *Федерн К.* Данте и его время. М.: Издание Товарищества И.Д. Сытина, 1911. С. 13.

⁴ *Будур Н.В.* Повседневная жизнь инквизиции в средние века. М.: Молодая гвардия, 2011. – 384 с. – (Серия: Живая история: Повседневная жизнь человечества).

⁵ См: *Новохацкая Л. П.* Охота на ведьм: (Из истории церков. инквизиции). – Киев : Б. и., 1990. – 61 с., *Бейджент, М.* Инквизиция: Святая инквизиция: хранители веры или палачи прогресса / Майкл Бейджент, Ричард Ли; [Пер. с англ. А. Озерова]. - М.: Эксмо, 2003 – 346 с., *Желина, Бен.* Dragon Age. Инквизиция - Санкт-Петербург: Белый Единорог, 2014. – 261.

Период, так называемый «рассвет испанской короны» (XV в.), характеризовался покорением мавров-мусульман испанскими католиками для принятия ими христианства или выдворения их из страны. С этого момента наблюдалась широкомасштабная средневековая инквизиция («охота на ведьм», «охота за еретиками») в западной Европе⁶.

Впоследствии инквизиция сменилась новой религиозной войной между католиками и протестантами (сторонниками Мартина Лютера) по причине того, что последние объявили несостоятельным католический догмат о том, что церковь и духовенство являются необходимыми посредниками между Богом и человеком⁷. Итогом войны был Аугсбургский религиозный договор 1555 г., который закрепил принцип *cujus regio, ejus religio* (пер. с лат.: «чья власть, того и вера») ⁸. Согласно этому принципу, подданным, не желавшим переходить в выбранную князем веру, оставалось воспользоваться правом *jus emigrandi*, т.е. эмиграция на территорию, на которой исповедовалась их конфессия⁹. Этот период характеризовался новой волной насилия и кровопролития, основанного на религиозных мотивах. Примером жестокости того времени являлось массовое убийство во Франции гугенотов (протестантов) в «ночь длинных ножей» на праздник св. Варфоломея 24 августа 1572 г.¹⁰.

Колониальные захваты Испанией и Португалией земель в Новом свете сопровождались массовыми истреблениями коренного населения¹¹.

---

⁶ Ведюшкин В. А., Попова Г. А. (отв. ред.) История Испании. Том 1. С древнейших времён до конца XVII в. М.: Индрик, 2012. – 696 с.

⁷ Карева В.В. История Средних веков. М.: ПСТБИ, 1999.

⁸ Веджвуд С.В. Тридцатилетняя война. М.: АСТ, Астрель, Полиграфиздат, 2012.

⁹ Аугсбургский договор 1555 г. http://www.lwl.org/westfaelische-geschichte/portal/Internet/finde/langDatensatz.php?urlID=739&url_tabelle=tab_quelle.

¹⁰ Руффини Ф. Религиозная свобода. М.: ИВИ РАН, 1995. С. 79.

¹¹ Возникновение колониальных империй. Последствия Великих географических открытий // История с конца XV до конца XVIII века. <http://knowhistory.ru/837-voznikновение-kolonialnyh-imperiy-posledstviya-velikih-geograficheskikh-otkrytiy.html>.

Колониальное прошлое многих государств обусловило возникновение смешанных обществ, в которых цвет кожи человека, его национальная, религиозная или этническая принадлежность стали определяющими правового статуса личности. И сегодня эти различия нередко порождают дискриминацию на почве расовой, религиозной и национальной нетерпимости.

Крупной религиозной войной, затронувшей практически все европейские страны, являлась так называемая «тридцатилетняя война» (с 1618 по 1648 гг.)¹². Она началась как религиозное столкновение между протестантами и католиками, но затем переросла в борьбу за власть и доминирование в Священной Римской империи и в Европе в целом. Предпосылкой религиозных недовольств стал изживший себя к этому времени Аугсбургский религиозный договор 1555 г., а также разногласия и взаимные обвинения имперских курфюрстов (князя, которые с 13 в. имели право избрания королей и императоров), князей и сословий обеих религий. Война закончилась подписанием в 1648 г. Вестфальского мирного договора (Вестфальский мир), который образовался из двух соглашений – Мюнстерского и Оснабрюкского, согласно которым приверженцы крупнейших течений христианства на территории Священной Римской империи (католицизма, лютеранства и кальвинизма) обрели в ней равные права. Оснабрюкское соглашение от 24 октября 1648 г.¹³ прямо закрепляло положение о том, что «Договор о религиозном мире» 1555 г. в том виде, как он был утвержден в Аугсбурге и впоследствии зафиксирован в различных законах империи, считался действительным во всех его статьях. Новые совместно принятые положения, которые касались отдельных спорных статей, считались неизменной нормативной основой Оснабрюкского мирного договора. Между всеми без исключения курфюрстами, князьями и сословиями обеих религий должно было установиться полное равенство. Мюнстерского договор, в основном касался территориальных разногласий, и был подписан между Республикой Соединён-

---

¹² Алексеев В.М. Тридцатилетняя война. Л.: Учпедгиз, 1961; Parker G. The Thirty Years' War. N. Y.: Routledge, 1997.

¹³ Хрестоматия по истории международных отношений / Сост. Д.В. Кузнецов. Книга 3. Новое время. – Благовещенск, 2013. – 1024 с.

ных провинций Нидерландов и Испании. Этот договор стал знаковым событием для истории Соединённых провинций и одним из ключевых событий нидерландской истории, согласно его положениям Соединённые Провинции Нидерландов обрели независимость от Священной Римской империи¹⁴.

Таким образом, религиям предоставлялись равные права и запрещались любые насильственные или оскорбительные действия. Вестфальский мир уравнил в правах католиков и протестантов (кальвинистов и лютеран), узаконил конфискацию церковных земель, осуществленную до 1624 г., и отменил ранее действовавший принцип *cujus regio, ejus religio* (лат. «чья власть, того и вера»), вместо которого провозглашался принцип веротерпимости, что в дальнейшем снизило значение конфессионального фактора в отношениях между государствами.

Согласно положениям Вестфальского мирного договора 1648 г., главная роль в международных отношениях, ранее принадлежавшая монархам, перешла к суверенным государствам. В Европе сложилось определенное равновесие, или баланс сил основных государств того времени. Итогом Тридцатилетней войны стало ослабление влияния религиозных факторов на жизнь государств Европы, а также становление Вестфальской системы международных отношений¹⁵.

Со сменой роли религии в обществе на, образно говоря, более «светскую» экстремизм постепенно трансформируется и становится инструментом для проведения политики и свержения неугодных государственных режимов, но уже не по религиозным мотивам, а по политическим. Важным этапом утверждения светского общества стала Французская революция 1789 г.¹⁶, она, провозгласив девиз: «*Liberté*,

---

¹⁴ Там же.

¹⁵ История международных отношений: учебник / под ред. А.В. Торкунова, М.М. Наринского: в 3 т. Т. 1. М.: Аспект Пресс, 2012. С. 76.

¹⁶ См.: Белл Д., Иноземцев В.Л. Эпоха разобщенности: Размышления о мире XXI века. М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2007; Манфред А. Французская революция. М.: РГБ, 2008. С. 150–170; Чудинов А.В. История Французской революции. М.: РОССПЭН, 2017; Захер Я.М. Великая французская революция: учебник и хрестоматия. 4-е изд., перераб. Л.: Прибой, 1927.

Égalité, Fraternité)» (пер. с франц.: «Свобода, равенство, братство»), тем самым положила основу публичным протестам граждан. Итогом Французской революции стала Декларация прав человека и гражданина 1789 г.¹⁷, определившая индивидуальные права человека. Согласно 2 статье этого акта, естественными правами человека и гражданина объявлялись свобода личности, свобода слова, свобода убеждений, право на сопротивление угнетению. Ранее в 1776 году тринадцать соединенных Штатов Америки единогласно приняли Декларацию независимости¹⁸, в которой закрепили следующее: «разумеется, благоразумие требует, чтобы правительства, установленные с давних пор, не менялись бы под влиянием несущественных и быстротечных обстоятельств; соответственно, весь опыт прошлого подтверждает, что люди склонны скорее сносить пороки до тех пор, пока их можно терпеть, нежели использовать свое право упразднить правительственные формы, ставшие для них привычными, но когда длинный ряд злоупотреблений и насилий, неизменно подчиненных одной и той же цели, свидетельствует о коварном замысле вынудить народ смириться с неограниченным деспотизмом, свержение такого правительства и создание новых гарантий безопасности на будущее становится правом и обязанностью народа». Возникает мысль о том, что правительства Франции и США своими же действиями в важнейших исторических документах развязали руки антигосударственным силам, которые выступают угрозой государственному строю и легитимной власти, что нередко приобретает черты экстремизма.

Сам термин «экстремизм» начали употреблять позже, в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.), как обозначение противостояния крайне левых и крайне правых сил в политике.

В этом деле особо выделялась Россия, которую в начале XX в. охватили революционные движения. Впоследствии революция привела к свержению российского самодержавия. Аналогичные события в виде бунта и заговора известны в политической

---

¹⁷ Декларация прав человека и гражданина 1789 г. <http://larevolution.ru/declaration.html>.

¹⁸ Декларация независимости 1776 г. <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/indpndnc.htm>.

жизни России еще раньше, что отразилось, в частности, в Соборном уложении 1649 г.¹⁹, которое выделяло их в качестве преступлений, имеющих экстремистский характер.

Вторая мировая война сопровождалась истреблением людей по национальному признаку, что составляло основу идеологии нацистской Германии. Национальный признак и национальное превосходство являлись основанием для заключения в концентрационных лагерях Третьего рейха детей, женщин и стариков вопреки всем принципам гуманности. В частности, ещё до начала войны Гитлер говорил следующее: «Мы должны развить технику обезлюдивания. Если вы спросите меня, что я понимаю под обезлюдиванием, я скажу, что имею виду устранение целых расовых единиц. Я имею право устранить миллионы низшей расы, которые размножаются, как черви»²⁰. До и во время Второй мировой войны совершался холокост, который, согласно посланию Генерального секретаря ООН означал - преследование и массовое уничтожение нацистами евреев, цыган и других этнических и социальных групп²¹. Неопровержимые факты свидетельствуют о систематическом преследовании и истреблении евреев, цыган и славян немецкими нацистами в период с 1933 по 1945 г. В период существования нацистской Германии их депортировали в концентрационные лагеря, так называемые «лагеря смерти», где массово уничтожали.

Негативное отношение к евреям (расовый антисемитизм) зародилось в середине XIX в. и было тесно связано с идеями создания общего государства для всех немецкоязычных жителей Европы. Это трактовалось как биологическая борьба двух мировоззрений, носителями которых были две расы – «арийская» и «семитская»²². Так среди еврейского этноса геноциду подверглись 6 милли-

---

¹⁹ М.Н. Тихомиров, П.П. Епифанов. Соборное уложение 1649 года. М., Изд-во Моск. ун-та, 1961.

²⁰ См: Фролов М.И. и др. Велика Отечественная война в учебнике «История России. XX век».

²¹ Пан Ги Мун Послание по случаю Международного дня памяти жертв Холокоста. <http://www.un.org/russian/sg/messages/2009/holocaustremembrance09.shtml>.

²² Михман Д. Катастрофа европейского еврейства. Т. 1. Тель-Авив: Открытый университет Израиля, 2001. С. 71.

онов евреев Европы, именно это число было закреплено в приговорах Нюрнбергского трибунала²³. «Энциклопедия геноцида» содержит оценку жертв славянского геноцида (граждане СССР), которая свидетельствует об уничтожении около 15,5–19,5 млн человек²⁴. На оккупированных территориях СССР, в лагерях смерти и концентрационных лагерях на территории Польши и других стран были убиты десятки тысяч цыган. Историки полагают, что в ходе Холокоста умерщвлено примерно четверть всех цыган в Европе²⁵.

Тем не менее полного списка жертв геноцида, совершенного в период Второй мировой войны не существует, поскольку нацисты тщательно уничтожали следы зверских злодеяний.

В целом Вторая мировая война на протяжении всего периода характеризовалась высокой степенью жестокости, нравственным падением общества и масштабными зачистками населения по национальному признаку.

Не удивительно, что борьба с этими явлениями и жестокостями, сопровождающими мир, на определенном этапе стала предметом озабоченности ООН. В 1945 году в Преамбуле Устава ООН народы Объединенных Наций изъявили намерения: «избавить грядущие поколения от бедствий войны, дважды в нашей жизни принесшей человечеству невыразимое горе, и вновь утвердить веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности, в равноправие мужчин и женщин и в равенство прав больших и малых наций, и создать условия, при которых могут соблюдаться справедливость и уважение к обязательствам, вытекающим из договоров и других источников международного права, и содействовать социальному прогрессу и улучшению условий жизни при большей свободе», в достижении

---

²³ Приговор Нюрнбергского трибунала 1945 г. <http://nurnbergprozesses.narod.ru/022/11.htm>.

²⁴ Encyclopedia of Genocide – P. 176 https://books.google.de/books?id=8Q30HcvCVuIC&hl=ru&source=gbs_navlinks_s.

²⁵ GENOCIDE OF EUROPEAN ROMA (GYPSIES), 1939–1945 <https://encyclopedia.ushmm.org/content/en/article/genocide-of-european-roma-gypsies-1939-1945>.

этих целей договорились: «проявлять терпимость и жить вместе, в мире друг с другом, как добрые соседи, и объединить наши силы для поддержания международного мира и безопасности, и обеспечить принятием принципов и установлением методов, чтобы вооруженные силы применялись не иначе, как в общих интересах, и использовать международный аппарат для содействия экономическому и социальному прогрессу всех народов»²⁶.

В 1948 году Всеобщая декларация прав человека закрепила, что «пренебрежение и презрение к правам человека привели к варварским актам, которые возмущают совесть человечества, и что создание такого мира, в котором люди будут иметь свободу слова и убеждений и будут свободны от страха и нужды, провозглашено как высокое стремление людей»²⁷.

После окончания Второй мировой войны мир столкнулся с новой угрозой безопасности в виде терроризма. Применительно к терроризму премьер-министр Израиля Б. Нетаньяху подметил важный момент: изначально (т.е. в 1960–1980 гг.) международный терроризм был средством борьбы нескольких государств и выступал альтернативой обычной войне²⁸.

Согласно данным специалистов, в период с 1976 по 1996 г. регистрировалось от 320 до 660 терактов в год, которые можно причислить к международному терроризму, а затем волна террора пошла на спад, хотя масштаб и жестокость терактов выросли²⁹. С каждым годом рост террористических организаций увеличивался, и уже к началу 1990-х гг. в мире действовало около

---

²⁶ Устав ООН 1945 г. <https://www.un.org/ru/charter-united-nations/>.

²⁷ Всеобщая декларация прав человека 1948 г. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml.

²⁸ *Нетаньяху Б.* Война с терроризмом: как демократии могут нанести поражение сети международного терроризма. М.: Альпина Паблишерз, 2002.

²⁹ *Бобков Ф.Д., Иванов Е.Ф., Свечников А.Л., Чаплинский С.П.* Современный глобальный капитализм. М.: ОЛМА-Пресс, 2003.

500 террористических организаций, которые только за одно десятилетие совершили более 6500 актов международного терроризма³⁰.

Необратимые изменения в международных отношениях начались в XXI в., и они связаны с глобализацией, изменившей мировую политику и экономику и серьезно сказавшейся на безопасности мирового сообщества. Специалисты выделяют следующие основные тенденции глобализации: растущая взаимосвязь и взаимозависимость всех сегментов мировой экономики и политики, немедленная реакция мирового сообщества на любое событие, в том числе местного значения, в какой-либо стране, а также всеобщее национальное, религиозное и культурно-цивилизационное «перемешивание» населения современного мира³¹. Именно в этот период мир столкнулся с новой волной терроризма, началом которого можно считать события, произошедшие 11 сентября 2001 г. в США, когда террористы экстремистской организации «Аль-Каида», созданной США в Афганистане, атаковали с помощью захваченных самолетов ряд объектов на территории самих же США. Президент РФ В.В. Путин относительно новой волны террористических актов заявил следующее: «не должно быть двойных стандартов, нельзя делить террористов на «хороших» и «плохих», и, конечно, недопустимо и крайне опасно пытаться использовать террористические и радикальные, экстремистские группировки в политических или геополитических интересах».

Реакция ООН на экстремизм началась в контексте борьбы с терроризмом в середине 90-х гг. XX в. Первые упоминания об экстремизме содержатся в резолюции Генеральной Ассамблеи

---

³⁰ Современные международные отношения: учебник / под ред. А.В. Торкунова. Разд. I. Современная система международных отношений. М.: Российская политическая энциклопедия, 1999. С. 205. http://www.e-reading.club/bookreader.php/1021561/Torkunov_-_Sovremennye_mezhdunarodnye_otnosheniya.html.

³¹ *Сатановский Е.Я.* Глобализация терроризма и ее последствия // Россия и мусульманский мир. 2012. № 1. С. 4.

ООН №49/60, принятой в 1994 г., в которой экстремизм упоминался наряду с терроризмом. В ней ГА ООН выражает глубокую озабоченность тем, что «во многих регионах мира все чаще совершаются акты терроризма, в основе которых лежит нетерпимость и экстремизм»³². Эта резолюция квалифицировала экстремизм в качестве угрозы международному миру и безопасности.

В начале XXI в. экстремизм стал выделяться в качестве отдельной проблемы, стоящей перед всем международным сообществом.

Совет Безопасности ООН в Резолюции № 2178 (2014 г.) СБ ООН констатирует, что «угроза экстремизма становится более расщепленной»³³. Ежегодно в своих резолюциях³⁴ СБ ООН призывает государства активизировать усилия по противодействию экстремизму, предлагает государствам выработать целенаправленные подходы к этому. На протяжении нескольких лет из-за событий в Сирии 2015-2018 г. СБ ООН высказывал свою обеспокоенность действиями «Исламского государства Ирака и Леванта» (ИГИЛ), также известного как «Даиш» (террористическая организация, чья деятельность на территории РФ запрещена), выражающимися в том, что данное террористическое образование

---

³² Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 49/60 от 9 декабря 1994 г. «Меры по ликвидации международного терроризма». <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N95/768/21/PDF/N9576821.pdf> (дата обращения: 17.08.2017).

³³ Резолюция № 2178, принятая Советом Безопасности ООН на его 7272-м заседании 24 сентября 2014 г. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N14/548/01/PDF/N1454801.pdf>.

³⁴ Резолюция № 2178, принятая Советом Безопасности ООН на его 7272-м заседании 24 сентября 2014 г. / Резолюция № 2195, принятая Советом Безопасности на его 7351-м заседании 19 декабря 2014 г. / Резолюция № 2249, принятая Советом Безопасности ООН на его 7565-м заседании 20 ноября 2015 г. / Резолюция № 2322, принятая Советом Безопасности ООН на его 7831-м заседании 12 декабря 2016 г. / Резолюция № 2309, принятая Советом Безопасности ООН на его 7775-м заседании 22 сентября 2016 г. / Резолюция № 2354, принятая Советом Безопасности ООН на его 7949-м заседании 24 мая 2017 г. / Резолюция № 2368, принятая Советом Безопасности ООН на его 8007-м заседании 20 июля 2017 г.

«проповедует насильственную экстремистскую идеологию, совершает террористические акты, продолжает грубые систематические масштабные нападения на гражданское население»³⁵.

В отношении противодействия экстремизму особо выделяется Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), поскольку первый специальный международный акт, на основе которого государства взяли обязательства бороться с экстремизмом был принят под эгидой этой организации еще в 2001 году - Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом³⁶. В 2017 г. в рамках ШОС была разработана и принята конвенция, посвященная исключительно борьбе с экстремизмом, – Конвенция Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму³⁷. Данная Конвенция, с одной стороны, сохраняет преемственность предшествующего акта и вносит новые элементы в механизм противодействия экстремизму. С другой стороны, по сравнению с Конвенцией 2001 г. она: а) расширила понятие «экстремизм»; б) ввела новое понятие «экстремистский акт».

Анализ истории и процесса трансформации экстремизма позволяет воспринимать экстремизм в качестве отдельной угрозы международному миру, и безопасности. На международно-правовом уровне понимание и квалификация экстремизма выросли через близстоящее, но не однородное явление – терроризм. Об этом свидетельствуют резолюции ГА ООН, СБ ООН, Конвенции ШОС и другие международно-правовые документы. Экстремизм позиционируется в современном обществе как сложное противоправное социальное явление, противодействие которому возможно только благодаря коллективным усилиям международного сообщества.

---

³⁵ Резолюция № 2249, принятая Советом Безопасности ООН на его 7565-м заседании 20 ноября 2015 г. <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UN-DOC/GEN/N15/384/16/PDF/N1538416.pdf>.

³⁶ Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (заключена 15.06.2001 в г. Шанхае). http://www.mid.ru/foreign_policy/international_safety/crime/-/asset_publisher/3F5lZsLVsX4R/content/id/579622.

³⁷ Конвенция Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму. 2017. [http://ecrats.org/upload/iblock/349/Конвенция%20по%20экстремизму%20\(русский\).pdf](http://ecrats.org/upload/iblock/349/Конвенция%20по%20экстремизму%20(русский).pdf).

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ФУНКЦИОНИРОВАНИИ СНГ

Михайлов Иван Романович

*студент юридического института
Российского университета дружбы народов*

После распада Советского союза в 1991 г. государства бывшие члены СССР создали новое образование – Содружество Независимых государств. Учредителями СНГ стали 11 государств: Азербайджан, Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Молдавия, Россия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан и Украина.

В 1993 г. к Содружеству присоединилась Грузия, но в 2008 г. заявила о выходе из СНГ из-за конфликта в Южной Осетии.

В январе 1993 г. был принят Устав СНГ. Устав является правовой основой СНГ, который должен способствовать укреплению сотрудничества в экономической, гуманитарной и других областях между его членами¹. Его подписали представители Армении, Белоруссии, Казахстана, Кыргызстана, России, Таджикистана и Узбекистана.

СНГ является региональной международной организацией, направленной в первую очередь на восстановление производства в странах, бывших членах СССР, а также для консолидации сотрудничества между ними в различных областях. Естественно, как и любая международная организация, Содружество сталкивается с различными трудностями и проблемами в своей деятельности.

В данной статье будут выделены наиболее актуальные и важные проблемы функционирования СНГ, такие как:

1. Проблема функционирования органов СНГ.
2. Проблема эффективности отдельных соглашений, принятых в рамках СНГ.

---

¹ Устав Содружества Независимых Государств (г. Минск, 22 января 1993 г.). URL: <http://www.cis.minsk.by/page.php?id=180>.

3. Проблема военно-политического сотрудничества в СНГ (Договор о коллективной безопасности 15 мая 1992 г.).

На данный момент в СНГ функционирует 84 органа. Организационная структура весьма развита – Совет глав государств, Совет глав правительств, Совет министров иностранных дел, Экономический суд, различные органы отраслевого сотрудничества и др. Все эти структуры принимают решения, договоры, соглашения, конвенции. Однако во многих из них принимала участие лишь часть государств, а большая часть подписанных договоров до сих пор не реализованы. В этом кроется ключевая проблема функционирования органов СНГ – отсутствие в уставных документах правовой силы решений, принятых различными комитетами и органами, отсутствие механизма принуждения к исполнению обязательств стран-участников по договорам.

Ярким примером плохого функционирования органов СНГ может послужить Межгосударственный экономический комитет (МЭК), созданный в 1994 г. для координации усилий в развитии Экономического союза. МЭК провел работу, подготовив большое количество документов, охватывающих разные стороны экономического взаимодействия стран СНГ, однако реализация данных соглашений была очень низкой, так как:

1. В значительной части принятых соглашений по вопросам социально-экономического характера носила декларативный характер из-за того, что отсутствовал какой-либо механизм реализации целей и задач.

2. Во многих соглашениях отсутствовали положения о финансовом обеспечении принимаемых решений.

3. В этих соглашениях не были определены внутригосударственные органы, которые бы несли ответственность за их выполнение.

4. Помимо отсутствия национальных органов управления, в соглашениях не предусматривался межгосударственный контроль за выполнением обязательств, которые взяли на себя государства, которые подписали соглашение.

5. Также разработчики не предусмотрели отмены уже принятых по данным вопросам соглашений, которые потеряли свою актуальность, либо выполненных частично.

Другим примером может послужить Экономический суд СНГ, одной из основных обязанностей которого является обеспечение государствами своих экономических и иных обязательств по договорам СНГ². Правовая сила решений Экономического Суда не установлена в его учредительных документах, что дает основание утверждать о том, что эти решения носят скорее рекомендательный характер, в том числе и в отношении мер по устранению государством нарушения и последствий.

Проблема эффективности соглашений в рамках СНГ истекают из предыдущей проблемы в том числе из-за того, что многие решения органов носят рекомендательный характер. Однако основой неэффективности выступает сама деятельность Содружества. Как известно, основы деятельности организаций заложены в их уставных документах, поэтому чтобы следует к ним обратиться к учредительным актам, чтобы разобраться в проблеме. В ст. 10 Соглашения о создании СНГ от 30 декабря 1991 г. сказано, что «каждый член СНГ имеет право приостановить действие настоящего Соглашения или отдельных его частей, уведомив об этом участников Соглашения за год»³. Кроме того, в ст. 3 Временного соглашения о Совете глав государств и глав правительств СНГ говорится, что «любое государство может заявить о

---

² "Соглашение о статусе Экономического суда Содружества Независимых Государств" (Заключено в г. Москве 06.07.1992) (с изм. от 13.09.2017 г.) (вместе с "Положением об Экономическом суде Содружества Независимых Государств"). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_880/.

³ Постановление ВС РФ от 12.12.1991 N 2014-1 "О ратификации Соглашения о создании Содружества Независимых Государств" (вместе с Соглашением от 08.12.1991 "О создании Содружества Независимых Государств", Протоколом от 21.12.1991, "Соглашением о координационных институтах Содружества Независимых Государств", "Протоколом совещания глав независимых государств", решением Совета глав государств Содружества Независимых Государств от 21.12.1991, "Соглашением о совместных мерах в отношении ядерного оружия", "Алма-Атинской декларацией"). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_30726/.

своей незаинтересованности в том или ином вопросе»⁴. Данные положения закладывают принцип выборочного или частичного участия государств в деятельности СНГ. На практике это проявляется таким образом: 11 подписей стоит под Соглашением по стратегическим силам СНГ, 10 стран подписали Соглашение об использовании воздушного пространства, а Договор о коллективной безопасности всего лишь 6 и т.д. В этом плане хочется отдельно выделить Таможенный союз членов СНГ. В марте 1992 года было заключено Соглашение об основных принципах таможенной политики, который не поддержали Азербайджан и Украина, Молдавия сделала оговорки, неприемлемые для остальных участников.

Как говорил С.Н. Лебедев (Исполнительный секретарь СНГ): «В отличие от многих международных организаций его основополагающий документ – Устав СНГ – не ставит перед государствами – участниками задач в достижении общей конечной цели, не налагает на государства обязанностей, а лишь фиксирует их готовность сотрудничать. Нет в СНГ и органов с наднациональными полномочиями»⁵. Эта фраза дает понимание того, что в СНГ слабо развит механизм взаимодействия стран-участниц. На практике это выливается в то, что определенные государства заключают двусторонние договоры в определенных областях, как например договор между Россией и Белоруссией «О создании союзного государства» 1999 года, либо создание многостороннего договора, который ратифицируют лишь часть государств-участников, несмотря на важность таких соглашений в рамках всего содружества, к примеру создание единой системы тарифов либо таможенного контроля, которые не будут реализованы в полной мере, несмотря на многолетние переговоры.

Проблему реализации Коллективной безопасности СНГ стоит рассмотреть отдельно, хоть она напрямую связана с

---

⁴ Временное соглашение о Совете глав государств и совете глав правительств СНГ от 21 декабря 1991 г. URL: <http://www.cis.minsk.by/page.php?id=10914>.

⁵ Содружество Независимых Государств: новый этап развития (научно-практический журнал "Проблемы управления", № 1 (26) 2008 г.

предыдущей, однако имеет ряд своих особенностей. Военная интеграция пошла в дезинтегрированном направлении из-за выхода Грузии и Узбекистана.

Первой причиной такого неудачного положения состоит в том, что на территории СНГ до сих пор продолжают внутренние вооруженные конфликты в странах Содружества. К ним можно отнести Абхазию, Южную Осетию, Приднестровье, Нагорный Карабах, где совсем недавно возобновлялись военные действия, например обстрел ВС Азербайджана по объектам на территории Армении в Тавушской области⁶. Сейчас в эту группу можно включить и такие территории, как Луганская и Донецкая республики. Это безусловно негативно влияет военную интеграцию, так как создает нестабильную ситуацию в регионах. По этой причине в 2008 году Грузия вышла из Договора из-за конфликта в Южной Осетии.

Вторая немаловажная причина заключается в общем недоверии и соперничестве государств-участников, которые борются за лидерство в регионах и ключевые роли в договорах и конвенциях. По некоторым версиям именно из-за этого Узбекистан вышел из Договора о коллективной безопасности. А.А. Королев писал: «Узбекистан, который борется за лидерство в этом регионе, видит в Казахстане соперника. Он вышел из Организации Договора о коллективной безопасности, где лидирующую роль Россия»⁷.

Третью причину можно увидеть в неудачной попытке создать Объединенные вооруженные силы СНГ в 1992 году, чьей целью было обеспечение безопасности государств-участников. Некоторые руководители увидели в Главном командовании ОВС наднациональный орган военного управления, который впоследствии стал бы усиливать свой авторитет и влияние на Совет глав государств СНГ.

---

⁶ С.С. Вардазарян Система коллективной безопасности стран-членов СНГ // Baikal Research Journal. 2017. Т. 8, № 3.

⁷ А.А. Королев, М.М. Мухамеджанов Содружество Независимых государств: История создания, проблемы, перспективы развития. // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 4. С. 106-111.

В этой статье были подробно рассмотрены некоторые проблемы функционирования СНГ, но на самом деле их гораздо больше. К ним можно отнести и проблему структуры органов СНГ, статус которых в некоторых случаях не определен вовсе. Отдельно можно выделить дистанцирование некоторых государств СНГ от решений вопросов Содружества. Также можно выделить общее недовольство некоторыми двусторонними соглашениями государств-членов и т.д.

На данный момент можно точно говорить о том, что в СНГ довольно слабо развит консультационно-доминирующий механизм. Также укреплению Содружества мешает различие различия размеров, экономического, научно-технического, социального, культурного развития государств-участников и этнические различия. Обострения противоречий также связаны с тем, что некоторые страны Содружества рассматривают других членов не как партнеров, а как потенциальных конкурентов, что безусловно влияет на все СНГ. Можно сказать, что Содружество Независимых государств региональной международной организацией без четкой концепции, функций, с непродуманным механизмом взаимодействия стран-участниц. Ситуацию в СНГ можно назвать нестабильной. Немаловажную роль в этом играют конфликты, то и дело возникающие на территориях государств-участников СНГ. Существуют различные прогнозы и разработки путей развития СНГ, однако очевидным решением большей части проблем будет не формальная, а действенная система коллективной безопасности, налаживание сотрудничества между государствами-членами, выработка многосторонних соглашений, направленных на решение конкретных проблем Содружества в различных сферах, а также создание условий для урегулирования обстановки в нестабильных регионах.

ПРОБЛЕМЫ МАЛЫХ ОСТРОВНЫХ РАЗВИВАЮЩИХСЯ ГОСУДАРСТВ В ФОКУСЕ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Михеева Виктория Игоревна

*аспирант кафедры международного права
Российского университета дружбы народов
victoriem17@gmail.com*

Устойчивое развитие стало постоянной повесткой дня современности, которое, согласно докладу, представленному более 30 лет назад, предполагает удовлетворение растущих потребностей человечества без возникновения каких-либо угроз благополучию будущих поколений¹. Поэтому устойчивое развитие в последнее время значителен в качестве одной из приоритетных задач в деятельности Организации Объединенных Наций (ООН).

Впервые решимость международного сообщества предпринимать конкретные шаги, необходимые для достижения устойчивого и вместе с тем долгосрочного развития, была зафиксирована в Международной стратегии развития на третье Десятилетие развития Организации Объединенных Наций 1980 г.² В резолюции, на основе которой была принята данная Международная стратегия, заявлено о том, что процесс экономического развития в длительной перспективе должен отвечать экологическим требованиям и способствовать сохранению экологического баланса.

Устойчивое развитие и связанные с ним аспекты имеют непосредственное отношение к праву на развитие, и эта связь, в частности, проявляется в том, что устойчивое развитие опирается

---

¹ Доклад Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды и развития «Наше общее будущее». 4 августа 1987 г. Док. ООН A/42/427. URL: <https://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf> (дата обращения 1 апреля 2019 г.).

² Принята резолюцией 35/56 Генеральной Ассамблеи от 5 декабря 1980 года. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/35/56> (дата обращения 1 апреля 2019 г.).

на концепцию преобразовательных процессов развития, которая, в свою очередь, предполагает международную солидарность, равное участие всех заинтересованных сторон в процессе развития и справедливое распределение ресурсов. Следовательно, учет этой связи между устойчивым развитием и правом на развитие обеспечивает ориентированное на человека развитие³.

Концепция преобразовательных процессов развития легла в основу резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 70/1 от 25 сентября 2015 г., на которой зиждется Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года (Повестка дня)⁴. Цели в области устойчивого развития (ЦУР), провозглашенные в этой Повестке дня, и 169 задач по их достижению ознаменовали собой продолжение работы по достижению устойчивого развития, начатой в 2000 г. с принятием Целей развития тысячелетия (ЦРТ)⁵. Новая Повестка дня с новыми целями и задачами направлена на реализацию всех основных категорий прав человека и обеспечение экономического, экологического и социального компонентов устойчивого развития. В зависимости от контекста все ЦУР затрагивают все государства без исключения. Однако их достижение является более важным для тех государств, которые находятся в различных уязвимых положениях, как, например, государства, не имеющие выхода к морю; малые островные развивающиеся государства и наименее развитые государства, многие из которых оказались не в состоянии достичь ЦРТ⁶.

---

³ Часто задаваемые вопросы о праве на развитие. Изложение фактов №37. Организация Объединенных Наций, Нью-Йорк и Женева, 2016 г. URL: https://www.ohchr.org/Documents/Publications/FSheet37_RtD_ru.pdf (дата обращения 2 апреля 2019 г.).

⁴ Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. Док. ООН A/RES/70/1, 21 October 2015. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/70/1> (дата обращения 2 апреля 2019 г.).

⁵ Док. ООН A/RES/69/313, 17 august 2015. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/69/313> (дата обращения 2 апреля 2019 г.).

⁶ Права человека и вызовы XXI века: учебное пособие / под ред. А.Х. Абашидзе. – М.: РУДН, 2016. – С. 49.

В данной статье предпринимается попытка выявить основные проблемы малых островных развивающихся государств в контексте устойчивого развития, которые, с одной стороны, характеризуются богатым биологическим разнообразием, объектами культурного и природного наследия, а, с другой стороны, уязвимым положением из-за их географической отдаленности от материков и сильной зависимости от климатических условий⁷.

Выделение малых островных развивающихся государств (МОРАГ) в качестве уязвимой группы государств со всеми характерными проблемами, включая международно-правовые, произошло в рамках Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД); на ее третьей сессии в 1972 г. была создана специальная группа экспертов для изучения проблем малых островных государств⁸. Впоследствии ЮНКТАД официально признала существование особых проблем данной группы государств и призвала к принятию особых мер для их международной поддержки⁹. Поскольку не были выработаны согласованные критерии, речь может идти лишь о неофициальном списке МОРАГ¹⁰. Однако, чтобы подтолкнуть систему ООН к признанию проблем МОРАГ, ЮНКТАД выработала собственный подход, основан-

---

⁷ Сайт Организации Объединенных Наций. URL: <https://www.un.org/ru/events/islands2014/didyouknow.shtml> (дата обращения 2 апреля 2019 г.).

⁸ Proceedings of the United Nations Conference on Trade and Development. Third session, Santiago de Chile, 13 April to 21 May 1972. Vol. I a, part one. Summaries of statements by heads of delegation. United Nations, New York, 1973. URL: [https://www.unog.ch/80256EDD006B8954/\(httpAssets\)/3F1AFABA17CDE87BC1257CF5005C1200/\\$file/TD-180-Vol.1A.Part.1.pdf](https://www.unog.ch/80256EDD006B8954/(httpAssets)/3F1AFABA17CDE87BC1257CF5005C1200/$file/TD-180-Vol.1A.Part.1.pdf) (дата обращения 3 апреля 2019 г.).

⁹ Деятельность ЮНКТАД в поддержку малых островных развивающихся государств. Док. ООН TD/B/64/9, 10 July 2017. URL: https://unctad.org/meetings/en/SessionalDocuments/tdb64d9_ru.pdf (дата обращения 3 апреля 2019 г.).

¹⁰ UNCTAD's unofficial list of SIDS. URL: <https://unctad.org/en/pages/aldc/Small%20Island%20Developing%20States/UNCTAD%C2%B4s-unofficial-list-of-SIDS.aspx> (дата обращения 4 апреля 2019 г.).

ный на т.н. «аналитическом списке» малых островных государств¹¹, который включает в себя 28 государств¹². Причисляя государства к этой группе, ЮНКТАД ориентируется на следующие признаки: их малые размеры с точки зрения численности населения; она не должна превышать 5 млн. человек; их островное, т.е. изолированное положение; наличие статуса развивающейся страны, что определяется ЮНКТАД с помощью показателей валового национального дохода на душу населения (ВНД) и индекса экономической уязвимости; оно должно быть самоуправляемым образованием, а не зависимой или ассоциированной территорией¹³.

На основе рекомендации Генерального секретаря ООН (доклад)¹⁴ Генеральная Ассамблея приняла резолюцию 56/227 от 24 декабря 2001 г.¹⁵, в которой было предусмотрено создание Канцелярии Высокого представителя по наименее развитым

---

¹¹ Деятельность ЮНКТАД в поддержку малых островных развивающихся государств. Док. ООН TD/B/64/9, 10 July 2017. URL: https://unctad.org/meetings/en/SessionalDocuments/tdb64d9_ru.pdf (дата обращения 4 апреля 2019 г.).

¹² Антигуа и Барбуда; Багамские Острова; Барбадос; Вануату; Гренада; Доминика; Кабо-Верде; Кирибати; Коморские Острова; Маврикий; Мальдивские Острова; Маршалловы Острова; Микронезия (Федеративные Штаты); Науру; Палау; Самоа; Сан-Томе и Принсипи; Сейшельские Острова; Сент-Винсент и Гренадины; Сент-Китс и Невис; Сент-Люсия; Соломоновы Острова; Тимор-Лешти; Тонга; Тринидад и Тобаго; Тувалу; Фиджи; Ямайка.

¹³ Деятельность ЮНКТАД в поддержку малых островных развивающихся государств. Док. ООН TD/B/64/9, 10 July 2017. URL: https://unctad.org/meetings/en/SessionalDocuments/tdb64d9_ru.pdf (дата обращения 4 апреля 2019 г.).

¹⁴ Механизм последующей деятельности для координации, контроля за ходом осуществления и обзора хода осуществления Программы действий для наименее развитых стран на десятилетие 2001-2010 годов. Док. ООН A/56/645, 23 November 2001. URL: <https://undocs.org/ru/A/56/645> (дата обращения 4 апреля 2019 г.).

¹⁵ Док. ООН A/RES/56/227, 28 February 2002. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/56/227> (дата обращения 4 апреля 2019 г.).

странам, развивающимся странам, не имеющим выхода к морю, и малым островным развивающимся государствам (название которой можно обозначить аббревиатурой КВПНРМ) с целью координации деятельности, принятия мер и контроля за осуществлением программ, нацеленных на достижение устойчивого развития этими тремя группами государств. Данная Канцелярия Высокого представителя относит к МОРАГ 58 государств из трех географических регионов: Карибского бассейна; Тихого океана; Африки, Атлантического и Индийского океанов, Средиземного и Южно-Китайского морей. В данный список входит 28 государств из списка ЮНКТАД и 30 государств, также обозначенных КВПНРМ в качестве МОРАГ¹⁶.

Количественная разница объясняется тем, что не все государства, входящие в список КВПНРМ, отвечают критериям выделения МОРАГ, составленные ЮНКТАД. Например, Папуа-Новая Гвинея, которая является островным государством, не входит в список ЮНКТАД, поскольку численность населения в этом государстве составляет более 8 млн. человек, что превышает максимальный показатель в 5 млн. человек, установленный ЮНКТАД. А такие государства, как, например, Белиз, Гвинея-Бисау и Суринам не удовлетворяют критерию ЮНКТАД, касающемуся островного или изолированного положения, и поэтому также не входят в «аналитический список».

---

¹⁶ Ангилья; Антигуа и Барбуда; Американские Виргинские Острова; Американское Самоа; Аруба; Багамские Острова; Барбадос; Бахрейн; Белиз; Бермудские Острова; Британские Виргинские Острова; Вануату; Гаити; Гайана; Гваделупа; Гвинея-Бисау; Гренада; Гуам; Доминика; Доминиканская Республика; Кабо-Верде; Каймановы Острова; Кирибати; Коморские Острова; Куба; Кюрасао; Маврикий; Мальдивские Острова; Мартиника; Маршалловы Острова; Микронезия (Федеративные Штаты); Монтсеррат; Науру; Ниуэ; Новая Каледония; Острова Кука; Острова Теркс и Кайкос; Палау; Папуа-Новая Гвинея; Пуэрто-Рико; Самоа; Сан-Томе и Принсипи; Северные Марианские Острова; Сейшельские Острова; Сент-Винсент и Гренадины; Сент-Китс и Невис; Сент-Люсия; Сингапур; Синт-Мартен; Соломоновы Острова; Суринам; Тимор-Лешти; Тонга; Тринидад и Тобаго; Тувалу; Фиджи; Французская Полинезия; Ямайка.

Признаки уязвимости МОРАГ в относительно полном виде нашли закрепление в Аддис-Абебской программе действий: малый размер, удаленность, узость ресурсной и экспортной базы и незащищенность перед глобальными экологическими угрозами¹⁷.

Что касается основных проблем, стоящих на пути МОРАГ к устойчивому развитию, они нашли отражение в Программе действий по ускоренному развитию малых островных развивающихся государств («Путь Самоа»)¹⁸, которыми являются: изменение климата и повышение уровня моря; зависимость от импортируемых ископаемых видов топлива; проблемы продовольственной безопасности; проблемы доступа к чистой питьевой воде по причине загрязнения и чрезмерного использования поверхностных, грунтовых и прибрежных вод, вторжения соленых вод, засухи и эрозии почв; проблемы рациональной утилизации отходов по причине отдаленности островных государств; инфекционные и неинфекционные заболевания; проблема нищеты и т.д.

Проблемы МОРАГ нашли отражение в 8 из 17 ЦУР и соответствующих задачах, что указывает на их глобальный характер:

- Цель 3. «Обеспечение здорового образа жизни и содействии благополучию для всех в любом возрасте» Соответствующая задача 3.с.: «Существенно увеличить финансирование здравоохранения и набор, развитие, профессиональную подготовку и удержание медицинских кадров... в малых островных развивающихся государствах»;
- Цель 4. «Обеспечение всеохватного и справедливого качественного образования и поощрение возможности обучения

---

¹⁷ Аддис-Абебская программа действий третьей Международной конференции по финансированию развития (Аддис-Абебская программа действий). Принята резолюцией Генеральной Ассамблеи 69/313 от 27 июля 2015 года. URL: https://unctad.org/meetings/en/SessionalDocuments/ares69d313_ru.pdf (дата обращения 5 апреля 2019 г.).

¹⁸ Программа действий по ускоренному развитию малых островных развивающихся государств («Путь Самоа»). Принята резолюцией Генеральной Ассамблеи от 14 ноября 2014 г. Док. ООН A/RES/69/15, 15 December 2014. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/69/15> (дата обращения 5 апреля 2019 г.).

на протяжении всей жизни для всех». Задачами Цели 4 является следующее: «4.b. К 2020 году значительно увеличить... количество стипендий..., особенно малым островным развивающимся государствам..., для получения высшего образования, включая профессионально-техническое образование и обучение по вопросам информационно-коммуникационных технологий, технические, инженерные и научные программы...». «4.c. К 2030 году значительно увеличить число квалифицированных учителей, в том числе посредством международного сотрудничества в подготовке учителей... в малых островных развивающихся государствах»;

- Цель 7. «Обеспечение доступа к недорогим, надежным, устойчивым и современным источникам энергии для всех» Задачей данной Цели является: «7.b. К 2030 году расширить инфраструктуру и модернизировать технологии для современного и устойчивого энергоснабжения для всех..., в частности, в малых островных развивающихся государствах»;

- Цель 9. «Создание стойкой инфраструктуры, содействии всеохватной и устойчивой индустриализации и инновациям». Для достижения Цели 9 необходимо: «9.a. Содействовать развитию экологически устойчивой и стойкой инфраструктуры... за счет увеличения финансовой, технологической и технической поддержки... малых островных развивающихся государств»;

- Цель 10. «Сокращение неравенства внутри стран и между ними» предполагает выполнение следующей задачи: «10.b. Поощрять выделение официальной помощи в целях развития и финансовые потоки, в том числе прямые иностранные инвестиции..., особенно в малые островные государства..., в соответствии с их планами и программами»;

- Цель 13. «Принятие срочных мер по борьбе с изменением климата и его последствиями» имеет задачей «13.b. Содействовать созданию механизмов по укреплению возможностей планирования и управления, связанных с изменением климата, ... в малых островных развивающихся государствах, уделяя, в частности, повышенное внимание женщинам, молодежи, а также местным и маргинализированным общинам»;

- Цель 14. «Сохранение и рациональное использование океанов, морей и морских ресурсов в интересах устойчивого развития». Задачами данной Цели является следующее: «14.7. К 2030 году повысить экономические выгоды, получаемые малыми островными развивающимися государствами..., в том числе благодаря экологически рациональной организации рыбного хозяйства, аквакультуры и туризма». «14.a. Увеличить объем научных знаний, расширить научные исследования и обеспечить передачу морских технологий..., с тем чтобы улучшить экологическое состояние океанской среды и повысить вклад морского биоразнообразия в развитие... малых островных развивающихся государств»;

- Цель 17. «Укрепление средств осуществления и активизации работы в рамках Глобального партнерства в интересах устойчивого развития». Для ее достижения необходимо: «17.18. К 2020 году усилить поддержку в целях наращивания потенциала... малых островных развивающихся государств, с тем чтобы значительно повысить доступность высококачественных, актуальных и достоверных данных, дезагрегированных по уровню доходов, гендерной принадлежности, возрасту, расе, национальности, миграционному статусу, инвалидности, географическому местонахождению и другим характеристикам, значимым с учетом национальных условий»¹⁹.

Отсутствие международно-правового режима малых островных развивающихся государств, под которым понимается особый статус, предполагающий оказание комплекса международных мер в поддержку усилий по повышению устойчивости малых островных развивающихся государств²⁰, ввиду отсутствия

---

¹⁹ Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. Док. ООН A/RES/70/1, 21 October 2015. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/70/1> (дата обращения 5 апреля 2019 г.).

²⁰ Деятельность ЮНКТАД в поддержку малых островных развивающихся государств. Док. ООН TD/B/64/9, 10 July 2017. URL: https://unctad.org/meetings/en/SessionalDocuments/tdb64d9_ru.pdf (дата обращения 6 апреля 2019 г.).

критериев отнесения ограничивает меры международной поддержки. Исходя из этого, необходимо, прежде всего, на основе официально признанных критериев четко определить государства-бенефициары мер международной поддержки МОРАГ, в особенности те государства, которые находятся в особо неблагоприятном положении и требуют особого внимания международного сообщества.

СОТРУДНИЧЕСТВО ГОСУДАРСТВ – УЧАСТНИКОВ ИНТЕРПОЛА В БОРЬБЕ С ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Мысина Анастасия Ильинична

*адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
по кафедре прав человека и международного права
shlenkovanastasiya@gmail.com*

В настоящее время инновации в сфере информационных технологий в большинстве случаев не только совершенствуют условия жизнедеятельности общества, но также формируют комфортную среду для осуществления противоправной деятельности¹. Преступления в сфере информационных технологий охватывают все точки земного шара и с высокой скоростью пересекают национальные границы, что делает распространение подобного рода противоправных деяний транснациональной проблемой, требующей согласованных усилий со стороны правоохранительных органов различных государств². Большинству современных технологий характерно наличие определенных уязвимостей, именно они все чаще применяются злоумышленниками в целях реализации преступной активности. Такие феномены, как, например, Даркнет и криптовалюты не только способствуют развитию преступлений в сфере информационных технологий, но также активно используются в целях легализации доходов, полученных преступным путем, финансирования терроризма, незаконного

---

¹ Русскевич Е.А. Уголовное право и «цифровая преступность». Проблемы и решения. Инфра-М: Научная мысль, 2019. 227 с.

² Гончар В.В. О важности формирования единообразного понятийного аппарата, необходимого для расследования преступлений в сфере компьютерной информации // Вестник экономической безопасности № 1, мосу МВД России имени В.Я. Кикотя, М., 2018. С. 225-230.

оборота наркотиков³, человеческих органов⁴ и т.д., что, в свою очередь, делает сотрудничество государств по линии правоохранительных органов особенно актуальным.

Наибольшей результативностью в рамках противодействия преступлениям в сфере информационных технологий отличаются специализированные правоохранительные международные организации⁵, так как их функции сосредоточены непосредственно на вопросах борьбы с преступностью⁶. Центральное место среди них занимает Международная организация уголовной полиции Интерпол. В контексте рассматриваемой проблемы указанная организация координирует межгосударственное сотрудничество по противодействию преступлениям в области информационных технологий, а также осуществляет работу по развитию потенциала противодействия криминальной активности в рассматриваемой сфере. В деятельности Интерпола большую роль играет глобальная сеть связи «I-24/7 (*Interpol Global Communications System 24/7*)». Данная система обеспечивает государствам – участникам оперативный доступ к базам данных, а также своевременный обмен информацией. К числу основных инициатив Интерпола по противодействию криминальной активности в рамках анализируемой сферы, выступают:

---

³ Ализаде В.А., Волеводз А.Г. Судебная практика по делам о преступлениях в сфере незаконного оборота наркотиков, совершенных с использованием криптовалюты: от разных подходов к предложению единого понимания // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2018. № 1 (36). С. 306-333.

⁴ Козлова А.А. Международно-правовые основы сотрудничества государств в сфере противодействия незаконному обороту человеческих органов: дис. ... канд. Юрид. Наук: 12.00.10 / Козлова Анастасия Алексеевна. – Москва, 2019. 164 с.

⁵ Грицаев С.А., Степанченко А.А. Основные международно-правовые проблемы установления правопорядка в постконфликтных государствах. // Журнал «Вестник Московского университета МВД России», № 4, 2015 г. С. 139-143.

⁶ Федулов В.И. Международно-правовые аспекты защиты компьютерной информации: дис. ... Канд. Юрид. Наук 12.00.10. М., 2006. 192 с.

- кибер-разведка и анализ;
- цифровая криминалистика;
- национальные кибер-обзоры;
- оперативная и следственная поддержка;
- инновации и исследования;
- укрепление потенциала;
- деятельность Глобального комплекса инноваций.

Глобальный комплекс инноваций Интерпола, образованный в 2014 г. в Сингапуре является одним из лидирующих механизмов координации международного сотрудничества по выявлению, расследованию, а также предупреждению преступлений в области информационных технологий. Указанный комплекс осуществляет глобальную кибер-экспертизу информации, получаемой которая поступает со стороны партнеров из частного сектора и государств – участников.

Глобальный комплекс обращает внимание национальных правоохранительных структур на то, что в ходе разработки рациональных подходов к изучению рассматриваемой проблемы возможности информационных технологий могут эффективно применяться в профессиональной полицейской деятельности. Квадрокоптеры, к примеру, могут использоваться в целях разведки местности, фиксации доказательств, документирования преступной активности и т.д. Таким образом, весь спектр информационных технологий представляется обоснованным изучать с различных сторон:

- 1) в качестве потенциальной угрозы безопасности;
- 2) в качестве возможного инструмента обеспечения правопорядка;
- 3) в качестве средства документирования преступной активности и фиксации доказательств.

В рамках Глобального комплекса инноваций Интерпола функционируют следующие лаборатории:

- фьючерсов и форсайта;
- киберпространства и новых технологий;
- адаптивной политики;
- цифровой криминалистики.⁷

---

⁷ Официальный сайт Интерпола. URL: <https://www.interpol.int/Crimes/Cybercrime> (дата обращения: 20.03.2019).

Интерпол координирует большое количество различных операций по раскрытию, а также предупреждению подобного рода преступлений. Так, в ходе совместной операции Нигерийской комиссии по экономическим и финансовым преступлениям и Интерпола в 2016 г. Полиция задержала главаря транснациональной преступной группы, организовавшей совершение более тысячи актов мошенничества на сумму свыше 60 миллионов долларов США с участием по меньшей мере 40 человек из Нигерии, Малайзии и Южной Африки посредством применения разнообразных мошеннических схем в сфере электронной почты.⁸

Интерпол также организует проекты по укреплению потенциала борьбы с киберпреступностью в рамках отдельных регионов⁹. Так, к примеру, трехлетний (2018–2021 гг.) Проект развития Северной и Южной Америки расширяет возможности 35 государств Латинской Америки и Карибского бассейна в области противодействия преступлениям в сфере информационных технологий. Указанный проект предоставляет государствам оценку кибер-угроз, а также наставничество над специализированными подразделениями, осуществляющими противодействие киберпреступности и оборудование, необходимое для реализации обучения и развития кибер-криминалистики¹⁰.

Следует отметить и проект «Глобальное действие в борьбе с киберпреступностью» (GLACY +), разработанный по инициативе Совета Европы и Европейского союза и сосредоточенный на вопросах раскрытия потенциала борьбы с преступлениями, совершаемыми в исследуемой области, в рамках Азиатско-Тихоокеанского региона, Африки, Латинской Америки и Карибского

---

⁸ Официальный сайт Интерпола. URL: <https://www.interpol.int/Crimes/Cybercrime> (дата обращения: 19.03.2019).

⁹ Шленкова А.И., Пузырева Ю.В. Актуальные вопросы регионального сотрудничества государств в борьбе с преступлениями международного характера // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. Барнаульский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации. Барнаул, 2016. С. 50-52.

¹⁰ Официальный сайт Интерпола. URL: <https://www.interpol.int/Crimes/Cybercrime> (дата обращения: 20.03.2019).

бассейна. Интерпол занимается координацией правоприменительных аспектов указанного проекта путем оценки угроз и содействия в организации обучения¹¹.

Колоссальное значение имеют и операции «кибервсплеска», которые объединяют представителей правоохранительных органов различных государств в целях осуществления проработки огромного количества информации об угрозах, возникающих в сфере информационных технологий. Подобные операции организовывались на основе взаимодействия правоохранительных органов и частного сектора с целью выявления контрольных и командных серверов, распространяющих вредоносное программное обеспечение. В результате осуществления указанных операций на территории Азиатско-Тихоокеанского региона оказалось выявлено примерно 270 скомпрометированных веб-сайтов, в их числе правительственные порталы¹². Большую роль Интерпол сыграл также в реализации подобных операций на пространстве Северной и Южной Америки. После совместной работы было выявлено 26 скомпрометированных правительственных веб-сайтов, 6 хакерских групп, ряд преступников-одиночек и получено значительное количество информации о 40 случаях фишинга и распространения вредоносных программ¹³.

Необходимо отметить, что в рамках Интерпола функционирует служба по кибернетическим возможностям Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (далее – АСЕАН), оказывающая содействие АСЕАН в подготовке и проведении различных кибер-расследований и операций. Рассматриваемая служба образована в 2018 г. при содействии Министерства внутренних дел Сингапура и активно осуществляет поддержку правоохранительных органов по противодействию киберпреступности путем

---

¹¹ Официальный сайт Интерпола. URL: <https://www.interpol.int/Crimes/Cybercrime> (дата обращения: 18.03.2019).

¹² Официальный сайт Интерпола. URL: <https://www.interpol.int/Crimes/Cybercrime> (дата обращения: 20.03.2019).

¹³ Официальный сайт Интерпола. URL: <https://www.interpol.int/Crimes/Cybercrime> (дата обращения: 18.03.2019).

оказания содействия в проведении расследований, оперативной координации и разведывательной деятельности¹⁴.

Следует обратить внимание и на то, что Интерпол приносит значимый вклад в осуществление подготовки специализируемых в исследуемой сфере полицейских кадров посредством организации учений, семинаров, электронного обучения. Присутствуют и практические занятия, в ходе проведения которых моделируются приближенные к реальности сценарии развития событий. Новым направлением проведения исследований Интерпола представляется формирование алгоритма действий сотрудников правоохранительных органов, обнаруживших дроны или иные информационные технологии, предположительно применяемые в целях осуществления преступной активности, к примеру, транспортировки запрещенных предметов или дистанционного наблюдения. С 5 по 16 ноября 2018 г. проводились специально организованные мероприятия, в ходе которых различные эксперты по беспилотникам из Болгарии, Великобритании, Ливана, США, Нидерландов, Испании осуществили испытания более 10 типов квадрокоптеров. Проводилась симуляция определенных действий, которые целесообразно совершать представителям правоохранительных органов. Результаты проведения мероприятия сформулированы в глобальных рекомендациях, которые, в свою очередь, представляют собой систему мер реагирования, предпринимаемых при обнаружении беспилотников или других информационных технологий, предположительно применяемых для осуществления криминальной деятельности¹⁵.

Таким образом, представляется обоснованным выделить следующие тенденции развития сотрудничества государств – участников Интерпола по противодействию преступлениям в сфере информационных технологий:

- разработка современных эффективных мер предупреждения преступлений в сфере информационных технологий;

---

¹⁴ Официальный сайт Интерпола. URL: <https://www.interpol.int/Crimes/Cybercrime> (дата обращения: 19.03.2019).

¹⁵ Официальный сайт Интерпола. URL: <https://www.interpol.int/Crimes/Cybercrime> (дата обращения: 20.03.2019).

- содействие в подготовке полицейских кадров, специализирующихся на различных направлениях противодействия преступлениям в сфере информационных технологий;
- поддержка и развитие потенциала регионального сотрудничества в исследуемой области;
- вовлечение в процесс осуществления противодействия транснациональным преступлениям в сфере информационных технологий представителей гражданского общества и частного сектора;
- активное внедрение и использование современных информационных технологий в целях решения задач правоохранительной деятельности.

Подводя итоги всему вышеизложенному, необходимо отметить, что сотрудничество государств – участников Интерпола по противодействию преступлениям в сфере информационных технологий имеет огромное значение, поскольку лучшие специалисты со всего мира объединяют свои усилия под эгидой данной организации в целях выявления результативных решений проблем, систематически возникающих в анализируемой сфере. Интерпол охватывает колоссальное количество участников, соответственно и результаты их совместной деятельности играют значительную роль в масштабах всего мирового сообщества. Транснациональное сотрудничество на платформе Интерпола оказывает положительное влияние на укрепление и развитие плодотворных международных отношений, реализует эффективный обмен опытом, а также разработку новых форм межгосударственного взаимодействия.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВ

Патидинов Акмалдин Вахиджанович

*студент кафедры международных отношений,
зарубежной истории и документоведения
Самарского национального исследовательского
университета им. академика С.П. Королева
akmalpat@gmail.com*

Современный этап развития общества характеризуется совершенствованием информационных технологий и созданием глобального информационного пространства. Как и всякое явление, эти процессы имеют свои негативные стороны. Развитые страны с высоким уровнем цифровизации многих сфер жизнедеятельности общества часто попадают в ловушку своей технологичности. Чем шире применяются ими информационные технологии и чаще используют глобальную сеть, чем сложнее их информационная инфраструктура, тем ниже защищенность от кибератак и выше причиняемый ущерб. Например, в 2017 году ущерб мировой экономики от преступлений, совершаемых с помощью ИКТ, составил \$600 млрд¹. Если не предпринять решительных мер по борьбе с этой угрозой, то по негативному сценарию к концу 2019 года этот показатель может увеличиться до \$2 трлн, а в 2020 году – до \$3 трлн².

Международное сотрудничество в области обеспечения информационной безопасности на мировом уровне усложняется и противоречиями в государственных интересах. Дальнейшее формирование глобального режима, направленного на обеспечение безопасности в информационной сфере, определяется позициями наиболее влиятельных стран-участников переговорного

---

¹ Агентство экономической информации Прайм. URL: https://1prime.ru/telecommunications_and_technologies/20180221/828482857.html.

² Агентство ТАСС. Ущерб мировой экономике от киберпреступности. URL: <https://tass.ru/politika/5551244>.

процесса. Ключевыми субъектами сотрудничества на глобальном уровне являются Соединенные Штаты Америки, Российская Федерация, Китай, а также страны ЕС (Великобритания, Франция и Германия). Именно эти страны обладают наибольшим потенциалом в данной сфере. У каждой страны своя точка зрения по этой проблеме, что делает невозможным подписание универсального международного нормативно-правового договора по борьбе с применением информационных технологий.

2018 год стал годом самых мощных DDos-атак за всю историю интернета. В феврале того же года сервера веб-сервиса для хостинга и разработки IT-проектов Github, подверглись атаке с потоком в 1.5 терабит в секунду, хотя они и были рассчитаны на атаку в 50 раз больше, чем когда-либо случалось на просторах Интернета – 1.3 терабит в секунду³. И с правовой точки зрения напрашивается лишь один вывод – ни один из существующих правовых механизмов не помог не только предотвратить эти киберпреступления, но и не может контролировать их распространение и повторение.

В настоящее время активно идут процессы накопления международного опыта в сфере обеспечения информационной безопасности особенно в рамках деятельности таких международных организаций, как ООН, Совет Европы, Европейский Союз, БРИКС, ШОС, ЕАЭС.

В прошлом году в рамках ООН были приняты две российские резолюции от 8 ноября 2018 года «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности»⁴ и резолюция от 17 декабря 2018 года «Противодействие использованию информационно-коммуникационных

---

³ Обзор новостей от Лаборатории Касперского. DDos-атаки в 2018 году. URL: <https://securelist.ru/ddos-report-in-q1-2018/89700/>.

⁴ О принятии Генассамблеей ООН российской резолюции по международной информбезопасности. URL: http://www.mid.ru/mezdunarodnaa-informacionnaa-bezopasnost/-/asset_publisher/UsCUTiw2pO53/content/id/3437775.

технологий в преступных целях»⁵. В первом документе, как утверждают российские деятели, описаны первые в истории «правила дорожного движения» в информационной сфере. Их смысл – заложить основу мирного взаимодействия государств в ней, обеспечить предотвращение войн, конфронтации и любых агрессивных действий. Речь идет о таких принципиально важных положениях, как обязательства использовать информационно-коммуникационные технологии исключительно в мирных целях, соблюдать в информационном пространстве принцип государственного суверенитета, сотрудничать в борьбе с применением информационных технологий в преступных и террористических целях, предотвращать распространение скрытых вредоносных функций в ИТ-продукции.

Ключевая задача второй инициативы – это запуск широкой транспарентной политической дискуссии по противодействию информационной преступности, поиск и формулирование ответа на один из актуальных вызовов современности. Резолюция направлена на достижение глобального консенсуса и разработку конкретных практических решений в сфере борьбы с киберпреступностью в условиях отсутствия действенных международно-правовых инструментов.⁶

Эти идеи получили широкую поддержку международного сообщества. Соавторами резолюции стали 36 государств, среди которых все наши партнеры по БРИКС, ШОС, ОДКБ. В пользу ее принятия выступило большинство развивающихся стран Азии, Африки, Латинской Америки.

В ходе голосования США и страны ЕС наглядно продемонстрировали, что они не намерены выносить обсуждение темы

---

⁵ О принятии Генассамблеей ООН российской резолюции по противодействию информпреступности. URL: http://www.mid.ru/mezdunarodnaa-informacionnaa-bezopasnost/-/asset_publisher/UsCUTiw2pO53/content/id/3449030.

⁶ О принятии Генассамблеей ООН российской резолюции по противодействию информпреступности. URL: http://www.mid.ru/mezdunarodnaa-informacionnaa-bezopasnost/-/asset_publisher/UsCUTiw2pO53/content/id/3449030.

борьбы с киберпреступностью на площадку ООН. Их стратегическая задача – поддержать выгодный для них статус-кво в международном информационном пространстве, нацеленный на сохранение цифрового неравенства между различными членами мирового сообщества. Эти страны против и прогрессивных идей, поддержанных всеми остальными государствами. Тем самым они фактически противопоставили себя всему международному сообществу. Эти государства активно нагнетают в СМИ атмосферу недоверия и раскручивают обвинения в кибератаках в адрес третьих стран. Это говорит о том, что в реальности они преследуют собственные цели и не заинтересованы в объективном и прагматичном решении проблем, связанных с обеспечением МИБ, а также в придании переговорному процессу по этой теме открытого и прозрачного для всех участников характера.

В рамках Всемирного Форума по управлению Интернетом в Париже в 2018 году, французский президент Эмманюэль Макрон предложил инициативу в области обеспечения информационной безопасности «Парижский призыв к доверию и безопасности в киберпространстве».⁷ К документу присоединились 51 государство, 50 международных и региональных организаций, более 170 частных компаний и корпораций. Основная мысль этого документа – необходимость обеспечения мира и безопасности в международной информационной сфере, что в принципе, соответствует российским взглядам.

Однако, существуют и ряд сомнительных пунктов в этом документе. Складывается ощущение, что миру навязывается Будапештская конвенция Совета Европы по киберпреступности 2001г., как «важнейший» международно-правовой документ против киберпреступности. Тогда как, во-первых, оно было подготовлено еще в 1997-2001 годах, когда преступления в информационной среде были довольно простыми и многие из них либо оставались незафиксированными, либо были маловажными.

---

⁷ Парижский призыв к доверию и безопасности в киберпространстве. Комментарий МИД России. URL: http://www.mid.ru/mezhdunarodnaa-informacionnaa-bezopasnost/-/asset_publisher/UsCUTiw2pO53/content/id/3413302.

Во-вторых, этот документ фактически закрепляет принцип нарушения государственного суверенитета, что неприемлемо для современных стран. В частности, в статье 32 говорится, что спецслужбы стран-участниц договора имеют право вмешиваться в информационное поле других стран без их ведома. В-третьих, предусматривает уравнивание в правах государств и негосударственных акторов и тем самым размывает ключевую роль государств в обеспечении информационной безопасности.

Некоторые пункты этого документа могут быть поняты как признание допустимости вооруженного конфликта между государствами в киберпространстве с применением информационно-коммуникационных технологий, что в принципе противоречит Уставу ООН.

Таким образом, очевидно, что без равного взаимодействия государств невозможно добиться эффективных мер по обеспечению информационной безопасности. В настоящее время у международного сообщества нет единого подхода по решению данной проблемы. Проблема столь глобальная, что требует такого же глобального решения. Борьба с киберпреступностью не проблема одного государства, наоборот, это касается каждого государства вне зависимости от уровня их технологического развития. Принципиально важно обеспечить предотвращение возникновения конфликтов в информационной среде и необходимо обеспечить использование информационных технологии исключительно в мирных целях.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ВЫХОДА США ИЗ ДОГОВОРА О ЛИКВИДАЦИИ РАКЕТ СРЕДНЕЙ И МЕНЬШЕЙ ДАЛЬНОСТИ (ДРСМД)

Рахимов Комрон Хакимджонович

*аспирант кафедры международного права
Российского университета дружбы народов (RUDN University)
rahimov_k93@mail.ru*

В настоящее время в числе наиболее важных проблем развития цивилизации в XXI веке на первый план выдвинулся комплекс проблем обеспечения глобальной безопасности. В последние годы эти проблемы существенным образом обостряются и становятся приоритетными, отодвигая на второй план все другие проблемы развития современной цивилизации.

Проблема безопасности мирового сообщества включает в себя вопросы сохранения и поддержания мира, международной политики недопущения эскалации конфликтов и разрастания локальных войн, сокращения оружия массового уничтожения и обычных вооружений, запрет на определенные виды вооружений и полная ликвидация их запасов и т.д.

Собственно, проблематичность в сфере международной, национальной, общественной и личной безопасности для людей в современном глобальном мире создают риски и угрозы различного масштаба и характера¹.

На общемировом уровне таковыми являются:

- международная политическая напряженность и состояние «холодной войны» между геополитическими антагонистами;
- гонка вооружений и невыполнение в полном объеме решений по международным программам сокращения стратегических запасов вооружений;
- межэтнические, религиозные и межкультурные конфликты;

---

¹ См.: Кузьмин Э.Л. Миропорядок и международное право // Международная жизнь. 2010. № 9. С. 75-90.

- международный терроризм;
- деятельность нелегитимных политических режимов;
- разрыв в уровнях социально-экономического развития регионов и стран мира как дестабилизирующий фактор.

Деятельность по защите мира и обеспечению безопасности на международном уровне в рамках существующей практики включает в себя:

- международные соглашения и программы по сокращению вооружений;
- программы контроля за производством вооружений и ограничения на торговлю им;
- вооруженное вмешательство международных миротворческих сил в межгосударственные конфликты;
- дипломатическое посредничество в переговорах между враждующими сторонами;
- запрет на продажу оружия, а также эмбарго на экспорт или импорт стран-участниц конфликтов;
- предоставление гуманитарной и финансовой помощи на определенных условиях.

Глобальная безопасность - система международных отношений, основанная на соблюдении всеми государствами общепризнанных принципов и норм международного права, исключающая решение спорных вопросов и разногласий между ними с помощью силы или угрозы.

Основными способами обеспечения глобальной безопасности являются: многосторонние и двусторонние договоры по обеспечению взаимной безопасности заинтересованных сторон; объединения государств в экономические, экологические и другие альянсы с целью обеспечения большей предсказуемости и регулируемости мировых финансовых отношений, защиты окружающей среды от загрязнения и проч.; глобальные международные организации и региональные структуры, призванные выработать общие принципы и нормы поведения в различных сферах взаимоотношений государств (демилитаризация, демократизация, гуманизация, установление верховенства права и т.п.), механизмы повышения транспарентности и укрепления

доверия, раннего предупреждения и регулирования конфликтов; институты для поддержания глобальной безопасности.

В современном мире продолжает обостряться комплекс проблем международной и национальной безопасности, укрупняется масштаб новых вызовов и угроз. К наиболее серьезным, фундаментальным угрозам глобального характера следует отнести систематическое игнорирование группой стран основополагающих норм международного права, тенденцию к односторонним подходам, применению методов силового или санкционного давления на суверенные государства, вмешательства в их внутренние дела.

К системным рискам для глобальной безопасности на современном этапе относится эскалация напряженности и рост конфликтного потенциала, усиление конфронтации в различных регионах мира, конвенциализация опоры на силовой фактор, распространение блоковых подходов вместо устойчивых коллективных решений на основе компромисса и взаимного учета интересов.

Серьезными угрозами глобального уровня, прямо влияющими на безопасность большинства стран и целых регионов, остаются международный терроризм, наркотрафик, распространение ядерного оружия, а также угрозы международной информационной безопасности.

На новом этапе технологического развития вооружений и военной техники в условиях роста международной напряженности, особую актуальность приобретают вопросы современного состояния системы контроля над вооружениями, а также нераспространения оружия массового уничтожения (ОМУ) и средств его доставки.

Обеспечение контроля над вооружениями является одним из ключевых условий поддержания глобальной безопасности. Россия как член ШОС последовательно выступает за укрепление глобальной безопасности, стабильности на стратегическом и региональном уровнях. В этих целях Российская Федерация:

а) неукоснительно соблюдает свои международные обязательства в отношении контроля над вооружениями, добиваясь того же от своих партнеров;

б) придает важное значение выполнению Договора между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки

о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений от 8 апреля 2010 г.;

в) неизменно придерживается курса на упрочение политических и правовых основ режима нераспространения ядерного оружия, других видов оружия массового уничтожения.

Краеугольным соглашением в сфере наступательных ядерных вооружений является заключенный в 2010 году Пражский Договор СНВ между Россией и США, который установил потолки для стратегических сил каждой из двух держав по числу развернутых носителей и по числу боезарядов на них в 700 и 1550 единиц соответственно. Участие в этом соглашении обеспечивает сегодня сохранение стратегического паритета и стратегической стабильности между двумя странами.

Развязанная на Западе антироссийская кампания и не снижающаяся напряженность в российско-американских отношениях (включая санкционный режим против РФ) серьезно затрудняют диалог о сохранении Договора и о дальнейших возможных сокращениях.

В 2002 году США в одностороннем порядке вышли из Договора по ПРО 1972 года, который являлся важнейшим элементом системы стратегической стабильности. Получив тем самым свободу действий, Вашингтон, помимо развития ПРО на национальной территории, развертывает региональные сегменты ПРО в Евро-Атлантическом и Азиатско-Тихоокеанском регионах.

Такие намерения, и в особенности планы создания позиционного района ПРО в Европе, вызвали серьезную озабоченность в России в связи с тем, что эти средства могут быть как направлены против стратегических ядерных сил РФ, так и использоваться для нанесения ударов по российской территории².

Принципиальной позицией РФ является сохранение стратегического паритета с учетом потенциала противоракетная оборона (ПРО) США, американского потенциала обычного высокоточного оружия большой дальности, а также перспектив присоединения к пока еще двустороннему диалогу по СНВ третьих стран.

---

² См.: Шмелёв Н.П. Что нужно России от запада // Современная Европа. 2012. № 2 (50). С. 5-12.

Договор о ракетах средней и меньшей дальности (1987 год) – бесспорное соглашение, предусматривающее ликвидацию и запрещение производства, испытания и развертывания СССР/Россией и США баллистических и крылатых ракет наземного базирования с дальностью от 500 до 5500 км.

Договор стал важным элементом стратегической стабильности, так как ликвидировал определенные односторонние преимущества США, связанные с размещением на территории Европы ракет средней дальности в ядерном оснащении с минимальным полетным временем до территории России. С возможным стремлением США вернуть эти односторонние преимущества может быть связана возросшая в последнее время критика Договора со стороны Вашингтона и обсуждение возможностей выхода из него. Дальнейшая судьба Договора находится под угрозой.

Выход США из Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД) будет иметь самые негативные последствия, заметно ослабит региональную и глобальную безопасность. Фактически в перспективе речь может идти о деградации и даже обрушении всей архитектуры контроля над вооружениями и нераспространения оружия массового уничтожения³.

Российская сторона обеспокоена сохраняющимся присутствием в Европе американского ядерного оружия. В Европе по-прежнему размещен американский ядерный арсенал, насчитывающий до 200 авиабомб. Хотя Россия после распада СССР вывела свои ядерные вооружения на национальную территорию, США не последовали этому примеру⁴.

---

³ См.: Панова А.В. Международные проблемы энергетической безопасности: позиции России и США. // В сборнике: Актуальные проблемы международного права и внешнеэкономической деятельности Материалы международной научно-практической конференции преподавателей и студентов. Юридический институт Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых. 2017. С. 121-124.

⁴ МИД призвал США вывести ядерное оружие из Европы, 18 декабря 2017 г. URL: <https://topwar.ru/132210-midprizval-sshavyvesti-yadernye-vooruzheniyaizevropy.html> (дата обращения 13.03.2019 г).

В качестве одного из препятствий для переговоров по дальнейшим сокращениям тактического ядерного оружия Россия и США рассматривают отсутствие перспектив по присоединению к этому процессу других ядерных государств. С середины 2020-х годов США планируют начать цикл полного обновления своих стратегических ядерных сил (стратегической ядерной триады). Стратегическая ядерная триада включает в себя три компонента: стратегическую авиацию, межконтинентальные баллистические ракеты и атомные подводные лодки, оснащенные баллистическими и крылатыми ракетами подводного базирования. Расходы на программу, рассчитанную на 30 лет, составят около 1,2 трлн долл. Модернизацию своих ядерных сил проводит и Россия.

В случае проблем с заключением нового договора или не продлением срока действия Пражского договора намечаемые программы могут быть пересмотрены в сторону увеличения числа стратегических систем и боезарядов, что может создать потенциальные условия для новой гонки вооружений. В настоящее время ведущие военные державы мира разворачивают значительное количество разнообразных ударных систем большой дальности, прежде всего высокоточных конвенциональных вооружений, способных поражать цели, которые в прошлом можно было уничтожить только с использованием ядерных боеприпасов.

В США эти планы реализуются в рамках концепции неядерного быстрого глобального удара. Аналогичные вооружения создаются в России и КНР. Введение ограничений в этой области стоит на повестке дня. Ведущие военные державы активно осуществляют разработки и частичное развертывание систем вооружения нового поколения, к которым относятся высокоточные крылатые ракеты, беспилотные системы воздушного, наземного и подводного базирования, а также кибероружие, которые будут оказывать влияние на военный баланс и стратегическую стабильность.

Однако, на международном уровне пока не выработано подходов к ограничению подобных систем. Сохраняется реальная угроза вооружения космического пространства, поскольку международное право, в соответствии с Договором о космосе 1967 года, напрямую не запрещает размещения в космосе любого оружия,

кроме оружия массового уничтожения. Россия последовательно борется против милитаризации космического пространства.

В 2004 году Россией в одностороннем порядке объявлено об отказе размещать оружие в космосе первой. В 2008 году Россия и Китай на Конференции по разоружению в Женеве официально внесли проект Договора о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве, применения силы или угрозы силой в отношении космических объектов (ДПРОК). Однако США блокируют переговоры, поскольку Вашингтон традиционно не устраивают перспективы любых ограничений военно-космической деятельности. Начиная с 1999 года страны Запада под разными предложениями затягивали процесс ратификации.

Соглашения об адаптации (1999 год), Договора об обычных вооруженных силах в Европе 1990 года. Тем временем НАТО прошло через несколько волн расширений, что увеличивало «перекос» в численности обычных вооружений в пользу альянса. В этой ситуации в 2015 году Россия была вынуждена полностью приостановить свое участие в Договоре. Процесс расширения НАТО на Восток и приближения военной инфраструктуры альянса к российским границам на протяжении многих лет является фактором, осложняющим диалог России со странами Запада в сфере «жесткой безопасности». Украинский кризис 2014 года был использован Западом для укрепления и наращивания силовой составляющей по линии НАТО и размещения военных контингентов альянса вблизи западных рубежей России, что серьезно обострило военно-политическую ситуацию в Европе⁵.

Основополагающим фактором в обеспечении глобальной безопасности является эффективный контроль над ядерным оружием. В настоящее время сложилась противоречивая ситуация в данной области, когда, с одной стороны, предпринимаются активные шаги по недопущению распространения и применения ядерного оружия, с другой, – нарушаются международные соглашения в этой сфере. Очень важно, чтобы в условиях нара-

---

⁵ Шумилов, В. М. Международное право / В.М. Шумилов. – М.: Международные отношения, 2017. С. 82

тающей конфликтности военно-политической обстановки в разных регионах мира ядерные и неядерные государства выполнили свои договорные обязательства в полном объеме и не допустили применение или попадание ядерного оружия в руки террористических организаций.

Основными инструментами режима нераспространения ядерного оружия являются соглашения в области уменьшения ядерной опасности, запрещения ядерных испытаний, ограничения и сокращения ядерных вооружений, договоры о зонах, свободных от ядерного оружия, а также целый ряд различных инициатив по борьбе с ядерным распространением, незаконным оборотом радиоактивных материалов, актами ядерного терроризма и др.

Ключевыми договорами в вопросах нераспространения ядерного оружия являются Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) и Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ).

В настоящее время, режим нераспространения ядерного оружия испытывает серьезные трудности, связанные с нарушениями ключевых международных договоров в данной области, главным среди которых считается ДНЯО. Отказ США и ряда других стран ратифицировать Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ), а также активность отдельных стран по продвижению открытого к подписанию Договора о запрещении ядерного оружия (ДЗЯО) - все это несет существенные риски, связанные с контролем и нераспространением ядерного оружия. Единственно возможным выходом из складывающейся ситуации является объединение дипломатических усилий по его нераспространению в рамках международного права и приверженность обязательствам в соответствии с заключенными в этой сфере соглашениями.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИИ ПО ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «КОРРУПЦИЯ»

Сизова Олеся Сергеевна

*студентка Юридического института
Владимирского государственного университета
имени А.Г. и Н.Г. Столетовых
olesya_sizova_99@mail.ru*

Международная специфика развития общества демонстрирует наличие коррупционной составляющей на ранних стадиях становления государства. Ряд исследователей подтверждают её присутствие и характеризуют коррупцию как один из системно-образующих элементов. В частности, Ш. Монтескье¹ в своих изысканиях ставил в взаимозависимость с лицом, обладающего властью, утверждая, что её злоупотребление и является предпосылками коррупционной деятельности.

Коррупция в условиях глобализации выходит за рамки одного государства. Неспособность в обеспечении национальной защиты вынуждает участвовать в процессе международной интеграции, результатом которого является, к примеру, образование интернациональных объединений. Одной из которых является Организация Объединенных Наций (далее – ООН). Несмотря на многонаправленность деятельности ООН Генеральная Ассамблея уделяет особое внимание противоборству преступлениям коррупционной направленности. Так, 31 октября 2003 г. принята Конвенция ООН против коррупции² (далее Конвенция).

На стадии предпосылок принятия конвенции, вероятно, основоположники стремились восполнить законодательные пробелы. Однако в результате она послужила не более чем связую-

---

¹ Монтескье Ш. Л. О духе законов. – М.: Мысль, 1999. – С. 137.

² Официальный сайт Организации Объединённых наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml (дата обращения 30.04.2019 г.).

щим звеном между международной регламентацией коррупционных преступлений и ответственностью в рамках национального законодательства государств, её ратифицировавших. С теоретической точки зрения интересной является попытка законодателя обойти теоретическую сторону определения коррупции, через понятия подкупа национальных и/или иностранных публичных должностных лиц и/или должностных лиц публичных международных организаций.

Так, статья 2 Конвенции, формулируя характеристику перечисленных должностных лиц исходила, как нам кажется, из национальной составляющей государства-участника ООН. Вывод основан на связывании полномочий с должностным внутригосударственным положением в законодательном, исполнительном, административном и/или судебном органах власти. При этом, если проводить параллель между Конвенцией и национальным законодательством, ратифицировавшего государство, например, Российской Федерации (далее РФ), наблюдается преемственность в нормативных подходах. Статья 285 Уголовного Кодекса РФ (далее УК РФ), содержащее понятие представителя власти, сопоставляется с понятием должностного лица в рамках Конвенции.

В тоже время, если говорить о доктринальных подходах, категория коррупция представляется в разных ипостасях. С одной стороны³, её интерпретируют с моральной точки зрения, характеризующееся разложением должностных лиц и политиков, связанным с незаконным обогащением, взяточничеством, хищением во властных структурах. С другой стороны⁴, коррупция рассматривают как общественно опасное явление в сфере политики и/или государственного управления, сопровождающего использование служебных полномочий в противоправных целях. Однако если системно рассматривать сложившуюся проблематику,

---

³ Официальный сайт – Толковый словарь Ожегова. URL: <https://slova-rozhegova.ru/word.php?wordid=12029> (дата обращения 30.04.2019 г.).

⁴ Лошакова С.А. Эволюция международно-правовых аспектов сотрудничества государств в борьбе с коррупцией / С.А. Лошакова // Безопасность бизнеса. – 2009. – № 2.

по нашему мнению, концептуально допустимо говорить о двух условных концепциях к определению понятия коррупции: восточной и западной. К первой, к примеру, можно отнести Китайскую Народную Республику (далее КНР), ко второй Федеративную Республику Германия (далее ФРГ).

Интересным является тот факт, что независимо от подходов обе концепции сталкиваются с сложностями в определении признаков коррупционной составляющей в деятельности должных лиц. К примеру: трудность выявления факта преступления, сбор достоверной доказательственной базы, а самое главное трудность в осуществлении наказания, которая связана с выстроенной взаимозависимой связи коррупционеров в разных эшелонах власти, защищающих друг друга и выступающих в качестве единой скрытой коррупционной структуры.

Сторонники восточной и западной концепции смотрят на проблему коррупции с разных сторон. Первые считают, что наказание за данный вид преступления следует ужесточить, вторые проявлять гуманность и не применять высшую меру наказания в виде смертной казни. Однако статистические данные, предоставленные международной неправительственной организацией *Transparency International*⁵, свидетельствуют о результативности смертной казни и снижению уровня коррупции. Методика расчета индекса восприятия коррупции строится по 100 бальной шкале, где 0 – это максимальный уровень коррупции. Стоит заметить, что страны, занявшие первое место (Дания), второе (Новая Зеландия) и третье места (Финляндия, Швейцария, Сингапур, Швейцария), набрали 88, 87 и 85 баллов соответственно. Данный факт служит дополнительным доказательством присутствия элементов коррупции в каждом государстве на планете.

Безусловно, в условиях глобализации международные взаимоотношения государств зачастую выходят за рамки закреп-

---

⁵ Официальный сайт Transparency International. URL: https://transparency.org.ru/research/indeks-vospriyatiya-korruptsii/rossiya-v-indekse-vospriyatiya-korruptsii-2017-posadki-ne-pomogli.html?sphrase_id=12469 (дата обращения 30.04.2019 г.).

ленных договоренностей. Так Запад многократно критиковал Восток, в лице КНР, в применении смертной казни и предлагал сменить меру наказания на пожизненное лишение свободы. Особенностью восточных стран является приверженность своим национальным интересам. Независимо от уровней межгосударственного взаимодействия они препятствуют всяческим попыткам влияния на нацию, в частности на национальное законодательство. Так, несмотря на попытки Запада, Восток остается приверженцем собственных традиций, не отменяя смертную казнь и не предоставляя альтернативных мер наказания.

С теоретической точки зрения, концепции не дают четкого формулирования понятия коррупция, интерпретируя либо понятия должностных лиц, представленных в Конвенции, либо подразумевая схожие по смыслу категории. Сложность, по нашему мнению, заключается в невозможности охватить все области проявления коррупции в рамках единого подхода, пусть даже и весьма ёмкого. Подводя итог, нашему исследованию, следует отметить, не только факт неотъемлемого присутствия коррупции в государственных структурах, но и о её распространении на все общественные сферы жизни общества. При этом мы понимаем, что невыполнимо искоренить коррупцию, она всегда будет присутствовать, но для сохранения целостности нации конкретного государства и наций всего мира первоначальные задачи обязаны быть направлены на восполнение имеющихся законодательных пробелов.

ТОЛЕРАНТНОСТЬ, ПРИНЦИП РАВЕНСТВА И «ПОЗИТИВНАЯ» ДИСКРИМИНАЦИЯ: ИХ СООТНОШЕНИЕ

**Симонов Роман Михайлович,
Фролкина Анастасия Николаевна**

студенты

*Всероссийского государственного университета
юстиции (РПА Минюста РФ)
SimonoVRomaN1999@yandex.ru
anastafrol@bk.ru*

Фундаментальной основой развития и процветания любого современного демократического государства является принцип уважения прав человека и принцип равенства, неразрывно связанный с ним. Равенство – это та категория, с помощью которой можно раскрыть все остальные институты государственно-правовой системы, однако мировая история целиком и полностью пропитана примерами нарушения этого принципа. Дискриминация проявлялась по расовым, половым, национальным и иным признакам, и на данный момент существует множество международных актов, которые помогают урегулировать вопрос неравенства в обществе.

В Всеобщей декларации прав человека, принятой международным сообществом после бесчеловечных и кровавых актов нацизма, особо подчеркивается, что основой справедливости и всеобщего мира может служить только равенство людей в их правах и достоинстве без какого бы то ни было различия в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения¹. Международный пакт о гражданских и политических правах требует

---

¹ Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. // Рос. газ. 1995. 5 апр.

от государств, чтобы они уважали и обеспечивали права и свободы лиц, проживающих на их территории или находящихся под их юрисдикцией, в равной степени, без какого-либо предпочтения по тем или иным обстоятельствам². Аналогичные по своему смыслу и содержанию нормы предусмотрены в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах³, что еще раз свидетельствует о присутствии принципа равенства прав человека во всех сферах общественной жизни.

Несмотря на вполне очевидное международно-правовое регулирование данного вопроса, неравенство существует в нашем обществе, но уже не в форме целенаправленной дискриминации обретенных субъектов, а в форме их поддержки. Позитивной дискриминацией следует считать наделение более слабых, с точки зрения закона, категорий лиц особыми правами и привилегиями. Причем зачастую такая поддержка осуществляется «не по соображениям совести», а демонстративно и из страха показаться недостаточно толерантными. Таким образом, логика позитивной дискриминации строится не на том, чтобы обеспечить принцип равенства, а на том, чтобы сформировать преимущества для лиц, которые в теории могут подвергнуться дискриминации.

В истории США начало позитивной дискриминации как меры государственной поддержки было положено еще в 1961, когда своим указом № 10925 президент Джон Кеннеди обязал организации, выполняющие госзаказы, принять любые меры для устранения всех форм дискриминации⁴. Инициатива была поддержана его преемником, президентом Линдоном Джонсоном, который решил бороться с дискриминацией путем увеличения на производствах числа работников, относящихся к ущемляемым

---

² Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 291.

³ Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 19 декабря 1966 г. // Ведомости Верховного Совета СССР, 1976 г., № 17 (1831).

⁴ Executive Order 10925 URL: <https://www.eeoc.gov/eeoc/history/35th/thelaw/eo-10925.html> (дата обращения 20 апреля 2019 г.).

меньшинствам, фактически зародив расовое квотирование⁵. Несмотря на неоднозначную реакцию общества, вызванную подобными мерами, традиция позитивной дискриминации в Америке прижилась и существует по настоящее время. Так, например, Верховный Суд США не нашел ничего противоречащего Конституции в действиях администрации учебных заведений, которые резервировали количество мест для людей, с определенной расовой принадлежностью, словно не понимая, что таким образом они еще сильнее подчеркивают различия между студентами.

Не обошла позитивная дискриминация и вопросы равенства полов, на данный момент идея гендерного квотирования реализуется во многих странах Европы. Так, п. 22 Директивы Европарламента и Совета ЕС 2006/54/ЕС разрешает государствам-членам ЕС сохранять или принимать меры, предусматривающие особые преимущества, с целью упрощения для недостаточно представленного пола осуществления профессиональной деятельности или предотвращения и компенсации ущерба профессиональной карьере⁶. Позитивный опыт гендерного квотирования имеет место в Скандинавских странах. Например, некоторые политические партии Швеции при составлении списков используют 40% квоту регулируемую представительством женщин в центральных и местных органах партии, но и там противники данной инициативы видят квотирование как недемократичный институт, негативно влияющий на объективность и честность выборов.⁷

Созданные для ликвидации неравенства меры поддержки отдельных категорий лиц дали толчок к новому пониманию принципа равенства во всем мире и, разумеется, эта тенденция не

---

⁵ Executive order 11246 URL: <https://www.archives.gov/federal-register/codification/executive-order/11246.html> (дата обращения 20 апреля 2019 г.).

⁶ Директива Европейского парламента и Совета Европейского Союза 2006/54/ЕС от 5 июля 2006 г. об имплементации принципа равных возможностей и равного обращения для мужчин и женщин в вопросах занятости и доступа к работе // N L 204, 26.7.2006, стр. 23.

⁷ Шведова Н.А. Квоты: благо или новые беды? URL: <http://www.owl.ru/win/books/policy/quota.htm> (дата обращения 20 апреля 2019 г.).

может не отразиться на международном праве, призванном защищать «всех членов человеческой семьи».

Одной из ключевых проблем является тот факт, что список «слабых групп» не является исчерпывающим, их число неуклонно растет, как и число дискриминационных признаков. Государственные институты традиционно встают на сторону меньшинств. Создается так называемая «дискриминация большинства», которая не решает ключевых задач принципа уважения прав человека, потому что служит не уравниванию, но дифференциации по каким-либо признакам. Таким образом, объем прав различных социальных групп внутри государства может увеличиваться, по сравнению с общим большинством, чему должно препятствовать международное право, оберегающее принцип равенства как неоспоримую ценность нынешнего мироустройства.

Нельзя также не упомянуть, что в понимании Европейского Суда по правам человека под дискриминацией понимается разное отношение к людям, которые находятся в одинаковом положении без весомых на то причин. Отсутствие соразмерности между средствами, которые используются при обращении с личностью и преследуемой целью и будут являться дискриминацией. При этом разумное отступление от принципа равенства будет считаться позитивной дискриминацией.⁸ Тем не менее, критерий разумности носит сугубо оценочный характер и не позволяет внести ясность в правовое поле применения указанных мер, так как может быть оспорен в каждом конкретном случае.

Помимо этого остается открытым вопрос о правовой природе позитивной дискриминации – является ли она мерой предупреждения и пресечения возможной дискриминации или выполняет, в первую очередь, компенсаторную функцию. Предоставление привилегий лицам, никогда не подвергавшимся дискриминации, но принадлежащим к потенциально или ранее ущемляемым

---

⁸ ECtHR, Konstantin Markin v. Russia [GC] 2012. 22 March. № 30078/06 URL: <http://european-court.ru/spisokreshenij-evropejskogo-suda-prinyatyx-po-zhalobam-protiv-rossii/spisok-reshenij-evropejskogo-suda-prinyatyx-po-zhalobam-protiv-rossii-v-marte-2012-goda/#22> (дата обращения 20 апреля 2019 г.).

группам, порождает общественное недовольство, зачастую принимающее довольно острые формы. И именно такие случаи используются сторонниками репрессивной толерантности в качестве аргументации своей позиции, умело проводимой через средства массовой информации.

Позитивная дискриминация служит своего рода невидимой линией, не просто разделяющей членов общества, но и противопоставляющей их друг другу – женщин и мужчин, граждан и мигрантов, верующих и нерелигиозных. При таком подходе человек рассматривается не как личность, а как совокупность множества идентичностей, по которым его можно отнести к той или иной группе. Индивидуальные качества и способности лица в восприятии окружающих отходят на второй план и становятся малозначительными, в то время как ценность и необходимость уважения прав человека сводятся к навешенному на него ярлыку. Чтобы подтвердить свой статус и заслужить признание в глазах большинства, людям, получившим определенное место в обществе при поддержке государства в рамках позитивной дискриминации, приходится прилагать вдвое больше усилий в условиях определенной социальной изолированности от коллектива.

Кроме того, позитивная дискриминация, направленная на защиту агрессивно настроенных малых социальных групп, обладает большим конфликтологическим потенциалом для общества. Наиболее ярко это проявляется в культурно-религиозной области, где противоречие между государственными ценностями, отраженными в законе, и ценностями меньшинств, порождает неблагоприятную социальную обстановку и ставит под угрозу правопорядок и благополучие граждан. Нелояльность государству, одобренная лозунгами о недискриминации, оправдывает насилие и делает его допустимой формой защиты своих прав.

В завершение необходимо отметить, что несмотря на все меры позитивной дискриминации, вопросы расовой, гендерной и сексуальной дискриминации в своих базовых проявлениях остаются нерешенными, о чем свидетельствуют многочисленные доклады Управления по правам человека ООН (УВКПЧ). Страны

мира должны не подчеркивать различия между людьми с помощью специальных норм, а стремиться к единому и равному восприятию человека с позиции его прав и обязанностей. Недаром Декларация принципов терпимости (ЮНЕСКО) говорит нам, что терпимость — это не уступка, снисхождение или потворство⁹. Терпимость, как базовое проявление толерантности и отказа от дискриминации, — это прежде всего активное отношение, формируемое на основе признания универсальных прав и основных свобод человека, а не социальная несправедливость, выраженная в позитивной дискриминации, дающей необоснованные преференции.

---

⁹ Декларация принципов терпимости (утв. резолюцией 5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 г.) URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/toleranc.shtml (дата обращения 20 апреля 2019 г.).

БИОЛОГИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕ: ТРАДИЦИОННЫЕ И НОВЫЕ УГРОЗЫ

Симонова Александра Евгеньевна

*канд. юрид. наук, доцент,
доцент кафедры прав человека и международного права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
For-Alex.07@mail.ru*

Оружие массового уничтожения (далее – ОМУ) с самого своего возникновения и дальнейшего существования явило любопытный феномен мировой политики, существенным образом трансформировав ее классические постулаты. В первую очередь и главным образом ОМУ решительным образом заставило по-новому осмыслить знаменитую максиму великого немецкого военного мыслителя Клаузувица о том, что война - продолжение политики иными средствами. Отнюдь с момента первого боевого применения ОМУ войны, пусть и локализованные территориально (например, война на Корейском полуострове 1950-1953 гг., где помимо всего прочего рассматривался вариант применения ОМУ, в частности ядерного, хотя при этом активно использовались химическое и бактериологическое), прокатывались по миру, продолжаясь вестись и по сей день, однако угрозе мировой войны (в ее новейшем измерении) был поставлен наиболее эффективный по устоявшемуся мнению «предохранитель», таким образом оружие разрабатывалось в надежде и стремлении не быть использованным, обеспечивая продолжение политики во всех измерениях только своим фактом существования. Оружие становилось иллюстрацией диалектического принципа философии, где само оружие отрицало войну (поскольку война в силу масштаба оружия обесмысливалась), а война отрицало оружие, поскольку равного ему не существовало.

Рассматривая вопрос в целом о биологическом оружии, следует отметить, что вступление в 1975 году в силу Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов

бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении 1972 года (далее – Конвенция 1972 года) знаменовала собой значительный прогрессивный этап международного сотрудничества, впервые приведший к запрещению целого вида (категории) оружия массового уничтожения, одного из его великой триады наряду с ядерным и химическим. Заключенная в период относительной разрядки противостояния между СССР и США, конвенция явилась олицетворением политики ведущих государств мира, обладающих к тому же основными арсеналами запрещаемого оружия, пойти по пути создания механизма по полной его ликвидации, включающей всю технологическую цепочку от разработки до конечного боевого применения. Механизм реализации положений Конвенции 1972 года заключался, прежде всего в непосредственной деятельности стран-участников, не предусматривая создание отдельного института (подобный подход будет применен при запрещении и ликвидации химического оружия при участии и контроле специально созданной Организации по запрещению химического оружия). Несмотря на заключение в условиях блоковой международной военно-политической конфронтации Конвенция 1972 года являлась жизнеспособным международным актом, причем ее жизнеспособность как раз и являлась следствием политики баланса потенциалов, ведущих мировых сил, стремившихся при очевидной гонке всех существующих вооружений и достижению военного паритета при вероятном конфликте, к установлению искомого баланса, в том числе в рамках международного правотворчества, обеспечивая работоспособность данным актам, хотя бы в рамках декларируемых положений. С ликвидацией СССР и распадом мировой социалистической системы, произошла стремительная «эрозия» международной договорной практики, активно продолжающаяся в настоящее время прежде всего и главным образом со стороны США, особым образом интерпретирующей международное право, стремящийся выйти из каких бы то ни было соглашений и организаций, противоречащих их политике (Договор по ПРО, ДРСМД, Договор о торговле оружием, Парижское соглашение по климату, ЮНЕСКО, Совет по правам человека ООН др.). Так, в 2001 г.

накануне (проводимой на регулярной основе с 1980 года) США в одностороннем порядке сорвали процесс принятия проекта протокола к Конвенции 1972 года. Позиция Вашингтона остается неизменной – отказ от выработки юридически обязывающего протокола, в особенности содержащего элементы верификации. В сентябре 2016 г. по вине США в ходе сегмента высокого уровня 71-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН не состоялась встреча на уровне министров иностранных дел по вопросам Восьмой Обзорной конференции Конвенции 1972 года, инициированная Председателем Конференции венгром Д. Молнармом. В ходе встречи планировалось кроме того согласовать совместное заявление депозитариев Конвенции 1972 года (Россия, США и Великобритания). США и Великобритания предлагали компенсировать отсутствие институциональной основы Конвенции 1972 года на основе механизмов Всемирной организации здравоохранения и иных международных структур, а также оказания развитыми странами развивающимся государствам помощи как в развитии мирной биологической деятельности, так и в случае применения биологического оружия.

Дальнейшее существование и развитие Конвенции 1972 года в условиях продолжающегося кризиса международного права и системы международных отношений, ее институциональной структуры зависит прежде всего от того насколько сами субъекты современного мироустройства готовы продолжать действовать в заложенных системных и структурных рамках, очевидно требующих масштабных преобразований, отражающих текущие и будущие реалии мирового порядка. Очевидно, что формальное апеллирование к авторитету ведущих мировых организации и актов одними при полном игнорировании их другими участниками приводит к все большему отрыву универсальных международных структур от действительных проблем стоящих перед мировым сообществом, повсеместным наступлением реакции, ущемлением прав и свобод, нарушением справедливости, ростом нищеты и угрозой войны. Только объединением всех прогрессивных сил, мир может ответить на надвигающуюся опасность, вернуть истинное звучание великим социальным и политическим завоеваниям человечества.

РАДИКАЛИЗАЦИЯ И ПРОТЕСТНАЯ АКТИВНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ В СВЕТЕ УГРОЗ НАЦИОНАЛЬНОЙ И МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Смыслова Вера Николаевна

*старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса
Московского государственного гуманитарно-экономического
университета*

Одной из фундаментальных категорий Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 683 (далее Стратегия), является социальная стабильность¹.

Защита конституционного строя, суверенитета, государственной и территориальной целостности Российской Федерации, основных прав и свобод человека и гражданина, сохранение гражданского мира, политической и социальной стабильности в обществе, защита населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера согласно пункту 42 Стратегии являются стратегическими целями государственной и общественной безопасности.

В указанном контексте рост протестной активности населения и возникновение конфликтных ситуаций, несомненно, могут рассматриваться в качестве своеобразных признаков нарушения социальной стабильности.

В широком смысле под протестной активностью можно понимать отдельный тип социальной активности, характеризующийся публичной, открытой и негативной репрезентацией убеждений, ценностей и поступков, отражающих реакцию на социально-экономическую или социально-политическую ситуацию отдельной личности или социальной группы, в том числе вызванные длительным бездействием органов государственной власти

---

¹ Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации" // СЗ РФ. 04.01.2016. – № 1 (часть II). – Ст. 212.

субъектов Российской Федерации и местного самоуправления в решении конкретных социальных проблем².

Таким образом, протестная активность является своеобразной реакцией населения отдельных регионов на длительное бездействие органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления на нарушения прав и законных интересов граждан в различных сферах общественных отношений, и, прежде всего, в социально-экономической сфере³.

Ради справедливости стоит отметить, что законодатель не исключает протестный характер проведения публичных мероприятий, например в силу отсутствия запрета на критику отдельных действий и решений органов государственной власти и местного самоуправления, проводимой ими политики⁴.

Кроме того, масштабные протестные акции способны стимулировать позитивные процессы в государстве и обществе, например, реформирование системы ЖКХ (жилищно-комму-

---

² Кучукян А.В. Социоструктурные детерминанты влияния виртуальных сетей на протестную активность современной молодежи. Автореф. дис. ... канд. соц. наук. Ставрополь, 2017. С. 7 – 8; Смыслова В.Н. Протестная активность населения как индикатор эффективности взаимодействия органов государственной власти и гражданского общества // Социальная справедливость и гуманизм в современном государстве и праве / мат. межд. научн. - практ. конф.: отв. ред. Т. А. Сошникова, Е. Е. Пирогова. – М.: Изд-во Московского гуманитарного университета. 2018. С. 196-198.

³ Деятельность органов прокуратуры по предупреждению преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства: пособие / [П. В. Агапов и др.]; Акад. Ген. Прокуратуры Рос. Федерации. М., – 2017. С. 18-19.

⁴ Авакьян С.А. Демократия протестных отношений: конституционно-правовое измерение // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 1. С. 3-17; Ризккинен М.А. Допустимые ограничения протестных прав граждан: Конституция РФ и стандарты международного права // Вопросы российского и международного права. 2016. Т. 6. № 10 (А). С. 47-55.

нального хозяйства), конструктивно способствовать совершенствованию конституционного строя страны⁵.

Социальная напряженность, выражается в некоторой готовности населения принять участие в акциях социального протеста. При достижении высшего («критического») уровня недовольство населения находится в стадии социального конфликта, формы проявления социальной напряженности приобретают «экстремальную» степень воздействия по дестабилизации общества, и могут выражаться в виде пикетов, митингов, забастовок, возможных вооруженных столкновений, угрожающих жизни других людей⁶.

В криминологическом аспекте стоит обратить внимание на социальную напряженность с позиции виктимологии⁷. В указанном контексте социальная напряженность может рассматриваться как ряд негативных факторов, в том числе формирующих у молодого поколения стойкую уверенность в коррумпированности представителей власти; бесперспективности конституционных методов разрешения проблем, способствующих организации массовых конституционных акций протеста с последующим провоцированием массовых беспорядков, вовлечению лиц с неустойчивой психикой или экстремистским мировоззрением в совершение террористических актов и иных преступлений⁸.

---

⁵ См.: Федеральный закон от 24.06.1998 № 89-ФЗ (ред. от 25.12.2018) "Об отходах производства и потребления" // СЗ РФ. № 26. 29.06.1998. Ст. 3009; Распоряжение Правительства РФ от 26.01.2016 № 80-р (ред. от 18.10.2018); Стратегия развития жилищно-коммунального хозяйства в Российской Федерации на период до 2020 года // СЗ РФ. № 5. 01.02.2006. Ст. 758.

⁶ Баранова Г.В. Социальная напряженность: особенности методологии и методики ее анализа и прогнозирования в регионах Российской Федерации. Автореф. дис. ... канд. соц. наук. М., 2009. С. 4.

⁷ *Виктимология* (лат. *victima* – жертва, лат. *logos* – учение) – междисциплинарная область научных знаний, исследующая виктимизацию, то есть процесс становления жертвой преступления.

⁸ О виктимологическом аспекте социальной напряженности см.: Фещенко П.Н. Социальная напряженность: проблемы криминологического воздействия: монография. М., 2018. С. 105-112.

Итоговой, наиболее опасной, фазой активной формы проявления гражданами недовольства потенциально является совершение преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства, в том числе преступлений экстремистской направленности, вплоть до перехода к «цветным революциям»⁹. Не случайно, на вопрос: «Какие глобальные угрозы, по вашему мнению, представляют наибольшую опасность для человечества в ближайшие 20 лет?», 390 (48.57%) респондентов в своих ответах указали терроризм и экстремизм¹⁰.

Так, в 2010-х гг. в рамках «арабской весны» всплеск протестных движений имел место почти во всех арабских государствах. В Марокко, Египте, Тунисе в результате произошедших революций были приняты новые конституции¹¹.

Массовые протесты в Судане, продолжавшиеся с декабря 2018 года, на фоне экономического кризиса в стране, по сообщениям средств массовой информации, 11 апреля 2019 года привели к уходу в отставку со своего поста Президента Судана Омар аль-Башира¹².

Спектр причин формирования протестной активности можно разделить на две группы: объективные и субъективные причины. Так, к объективным причинам относят проблемы в различных сферах жизни общества: социально-экономической, политической. Субъективные причины протестной активности

---

⁹ Меркурьев В.В., Соколов Д.А. Противодействие технологиям «цветных революций» // Проблемы теории и практики борьбы с экстремизмом и терроризмом: мат. Всерос. науч. – практич. конф. (25-26 сентября 2014, Ставрополь): Изд-во: Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь. 2015. С. 23-24.

¹⁰ Опрос проведен Российским Советом по международным делам. URL: <https://russianscouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/> (дата обращения: 13 апреля 2019 г.).

¹¹ «Цветные революции» и «арабская весна» в конституционно-правовом измерении : политолого - юридическое исследование : монография / Т.Я. Хабриева, В.Е. Чиркин. – М. :ИЗиСП : ИНФРА-М, 2018. С. 8-9.

¹² Reuters: президент Судана ушел в отставку. URL: <https://news.mail.ru/politics/36934034/?frommail=1> (дата обращения: 11 апреля 2019 г.).

могут быть рассмотрены через призму искаженных потребностей, интересов, мотивов, нравственных ценностях участников протестных отношений¹³.

Рассмотрим некоторые особенности и современные тенденции протестных практик в российском обществе¹⁴.

По оценке экспертов Комитета гражданских инициатив (КГИ), в первом полугодии 2018 года на фоне общего снижения показателей протестной активности, отмечен рост публичной активности, связанной с тематикой партий и выборов¹⁵.

Вместе с тем, по оценке отдельных специалистов, в дальнейшем наиболее острыми и масштабными для нашей страны будут риски экологических протестов, протестов обманутых дольщиков, протестов обманутых вкладчиков, протесты, вызванные чрезвычайными ситуациями и техногенными катастрофами¹⁶.

Среди основных современных тенденций протестных практик в российском обществе отметим их следующие виды и формы.

Во-первых, усиление силовых, в том числе неправовых, практик протестной направленности.

Во-вторых, уменьшение возраста участников протестных акций с одновременным увеличением их общего количества,

---

¹³ Фещенко П.Н. Социальная напряженность: проблемы криминологического воздействия: монография. М., 2018. С. 74-75.

¹⁴ Подробную типологию видов и форм протестной активности населения см.: Смыслова В.Н. Протестная активность населения в современных условиях: конституционно-правовой аспект // Человек. Общество. Инклюзия. 2018. № 4 (36). С. 102-103.

¹⁵ Мониторинг самочувствия регионов [Электронный ресурс] // Комитет гражданских инициатив. URL: <http://komitetgi.ru/analytics/3946> (дата обращения: 23 марта 2019 г.).

¹⁶ Меркурьев В.В. Конституционные основания и проблемы реализации уголовной ответственности за нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2018. № 6 (68). С. 95-96.; Ережипалиев Д.И. Состояние законности в сфере защиты детей от насилия и суицидов // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2018. № 5 (67). С. 29-34.

увеличение числа spectacularных форм протестной активности (виртуальный протест, монстрация, арт-активизм и др.)¹⁷.

В-третьих, формирование предпосылок новой волны столкновений на межнациональной и этнорелигиозной почве, чему благоприятствует обострение отношений с Украиной; широкое использование дешевой рабочей силы трудовых мигрантов из стран Средней Азии, республик Северного Кавказа, приводящее к существенному уменьшению возможности занятости на рынке труда для местного населения¹⁸.

В-четвертых, широкое применение внешних форм насилия, в том числе склонение несовершеннолетних к самоубийствам, вовлечение в просуицидальную субкультуру, распространение инфантицида во время активной фазы электорального цикла в 2016-17 гг.¹⁹.

Отдельную обеспокоенность вызывают массовые подростковые самосудные расправы, охватившие разные регионы России в 2017-18 гг., появление которых все чаще связывают с последствиями влияния идеологии криминальной организации

---

¹⁷ Вариант классификации молодежных движений протестной и экстремистской направленности см.: Смыслова В.Н. Вовлечение молодежи социальную практику и активную общественную деятельность как одно из направлений противодействия проявлениям молодежного экстремизма в условиях радикализации и роста протестной активности // Избранные вопросы современной науки: Монография / Научн. редактор С. П. Акутина. Изд-во «Перо»: М., 2017. С. 110-111, 124-125.

¹⁸ Смыслова В.Н. Влияние миграционных процессов на состояние преступности экстремистской направленности в условиях радикализации и роста протестной активности // Вопросы российского и международного права. 2017. Т. 7. № 4(А). С. 291; Петухова Т.Н. Межэтническая толерантность в России: теоретико-правовое исследование. Автореф. дис. ... канд. юрид.наук. Челябинск, 2013. С. 3.

¹⁹ *Инфантицид* – использование смерти и страдания детей как способа деструктивного воздействия на общественное сознание и формирование негативного отношения к правящему режиму.

«АУЕ», обнаруживающей сходство с идеологическими постулатами экстремизма²⁰.

В-пятых, проведение акций протестного характера, правовой статус которых в действующем российском законодательстве как таковой не определен. К числу таковых можно отнести голодовку. В ряде стран голодовки запрещены законодательством как действия, причиняющие ущерб здоровью граждан, поэтому массовую голодовку можно рассматривать как одну из угроз национальной безопасности²¹.

В-шестых, активизация протестной активности различных квази-гендерных групп, в частности представителей ЛГБТ-сообществ, путем перехода к открытой борьбе за легализацию однополых браков, признание правового статуса ЛГБТ-лиц во всех видах правоотношений, в том числе в неконвенциональных формах (несанкционированные митинги, шествия, открытые призывы к экстремизму)²².

Обращаясь к мировому рейтингу актуальных протестных движений и настроений, отметим, что к наиболее распространенным из них в настоящее время относятся антиглобалистские и антиамериканские течения; протесты нелегальных мигрантов и вынужденных переселенцев; протесты, направленные против пребывания в стране нелегальных мигрантов и вынужденных

---

²⁰ Смыслова В.Н. К вопросу о детерминантах современного молодежного экстремизма // Теории и проблемы политических исследований. 2017. Т. 6. № 3(А). С. 157; Шпак С.В. Криминальная субкультура молодежи в современном российском обществе: тенденции формирования и распространения. Автореф. дис. ... канд. философ. наук. Краснодар, 2012.

²¹ О правовом статусе голодовки см., например: Смыслова В.Н. Протестная активность населения в современных условиях: конституционно-правовой аспект // Человек. Общество. Инклюзия. 2018. № 4 (36). С. 101-103.

²² Смыслова В.Н. К вопросу о взаимной обусловленности экстремистских проявлений и протестной активности представителей ЛГБТ-сообществ // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 2. С. 103-104. DOI: 10.21603/2542-1840-2018-2-103-108.

переселенцев; протесты против пропаганды гомосексуализма; антитеррористические протесты и др.²³.

Так, акции протеста против повышения цен на бензин, начавшиеся во Франции в ноябре 2018 года под названием протесты "желтых жилетов", сопровождались масштабными разрушениями объектов культурного наследия и требованиями протестующих по внесению в Конституцию понятия референдума гражданской инициативы по любым вопросам²⁴. Отличительной чертой протестных акций в Париже явилась организованность и большая агрессивность.

Массовые протесты во Франции продолжились вплоть до апреля 2019 года и охватили ряд других стран - Израиль, Бельгию, Нидерланды, Новую Зеландию²⁵.

Начало XXI столетия ознаменовано количественным и качественным нарастанием реальных участников идеологической борьбы и инициированным ею информационно-психологическим противоборством²⁶.

Рост радикальных настроений среди различных слоев населения с переходом в реальные экстремистские действия является одной из тенденций новейшей истории²⁷.

---

²³ Смыслова В.Н. Протестная активность населения в современных условиях: конституционно-правовой аспект // Человек. Общество. Инклюзия. 2018. № 4 (36). С. 103-104.

²⁴ Atlantico (Франция): возможен ли во Франции сценарий настоящего восстания? 21.03.2019. URL: <https://news.mail.ru/politics/36934034/?frommail=1> (дата обращения: 11 апреля 2019 г.).

²⁵ События в Венесуэле для Макрона важнее, чем многотысячные протесты во Франции. 10.02.2019. URL: <https://politikus.ru/events/116532-sobytiya-v-venesuele-dlya-makrona-vazhnee-chem-mnogotysyachnye-protesty-vo-francii.html> (дата обращения: 13 апреля 2019 г.).

²⁶ Цыбаков Д.Л. Борьба с идеологией в современном политическом процессе: информационно-психологический аспект // Среднерусский Вестник общественных наук. 2009. № 2. С. 129-132.

²⁷ Лощаков Д.Г. Радикализация молодежи в современном российском обществе и ее факторы // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2015. № 6. С. 35-36.

В основе радикализма заложены крайние, агрессивные идеологии и действия, направленные на внесение значимых преобразований в социально-политическую систему общества.

Данная гипотеза косвенно подтверждается созданием и деятельностью в России националистических и профашистских организаций, тоталитарных, и других движений радикального толка; нагнетанием со стороны деструктивных сил, в том числе западных, межнациональной напряженности в отдельных регионах, продвижением идеологии радикальных религиозных течений²⁸.

Дестабилизация обстановки в стране с использованием национального фактора является значимой составляющей стратегии Соединенных Штатов Америки и Организации Североатлантического договора (НАТО), пытающихся реализовать политику сдерживания России путем дестабилизации внутривнутриполитической ситуации в регионах со сложной социально-политической обстановкой, попыткой нарушения территориальной целостности Российской Федерации, стимулированием радикальных настроений и действий, формирование “гибридной” идеологии²⁹.

Закреплению разбалансированной модели политической системы общественного мнения, вариантов национальных стратегий способствует также поддерживаемая в российских СМИ модель подачи политической информации в формате многочисленных ток-шоу, предполагающих столкновение полярных, и, как правило, радикальных точек зрения.

Процесс радикализации индивидуален и, также как протестная активность, вызывается комплексом индивидуальных

---

²⁸ Деятельность органов прокуратуры по предупреждению преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства: пособие / [П. В. Агапов и др.]; Акад. Ген. Прокуратуры Рос. Федерации. М. – 2017. С. 19.

²⁹ Лепехин А.В. Радикализация как способ воздействия на политические процессы и противодействие ей // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2015. № 6. С. 30.

(внутренних) и контекстуальных (внешних) факторов, происходит через трансформацию жизненных ценностей и ориентиров³⁰.

Таким образом, анализ научной литературы позволил установить, что радикализация и протестная активность населения занимают значимое место в системе детерминации экстремистских проявлений среди различных слоев и групп населения (молодежь; мигранты; лица, находящиеся в местах принудительного содержания; представители ЛГБТ-сообществ), являясь при этом взаимосвязанными и взаимообуславливающими факторами³¹.

В целях минимизации радикализации и протестной активности населения необходимо:

- неукоснительное соблюдение конституционных прав и свобод граждан или их восстановлением в случае нарушения;
- систематическое осуществление мониторинга протестной активности населения, в том числе со стороны органов прокуратуры;
- проведение целенаправленных мер по снижению очагов социальной напряженности;
- разработка комплекса мер по принятию сбалансированных решений между социально-экономическими преобразованиями в обществе и ожиданиями населения;
- профилактическая работа органов внутренних дел по пресечению правонарушений, принятие своевременных мер

---

³⁰ Внукова Л.Б. Радикализация как персональный процесс и социальный феномен : зарубежные теории и российские реалии // Вопросы безопасности. 2017. № 4. С. 60.

³¹ См. подробно: Смылова В.Н. Краткий анализ факторов, повышающих протестную активность и уровень радикализации (на примере отдельных групп населения) // Опыт дерадикализации и ресоциализации приверженцев экстремистских и террористических идеологий : в сборнике материалов международной научно-практической конференции / Отв. ред. Р.Ф. Патеев. Издательство: Изд-во Академии наук РТ. 2018. С. 249-256.

реагирования на различные формы экстремистских проявлений среди различных слоев и групп населения;

- диалог власти с населением в целях поиска решения конкретной проблемы на местном или региональном уровне;

- выявление и контроль финансовых потоков, предназначенных для формирования и поддержки протестных очагов среди населения;

- своевременное выявление и борьба с радикально-настроенными группами;

- формирование научно обоснованной государственной национальной политики, направленной на принятие системы правовых мер обеспечения межэтнической толерантности, повышение уровня правового сознания населения, предотвращение очагов межнациональной напряженности, укрепления единства и территориальной целостности государства.

РОЛЬ И МЕСТО ВОЕННОЙ И НЕВОЕННОЙ СИЛЫ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Поздеев Павел Иванович

*магистрант кафедры «Теории и истории государства и права»
Московского Государственного
Гуманитарно-Экономического Университета
pavel.pozdeev.91@bk.ru*

В международных отношениях, с самого момента их зарождения и дальнейшего развития, сила являлась основополагающей категорией в процессе политического мышления.

Понятие силы веками оставалось практически неизменным, применение же силы на практике несет на себе отпечаток времени.

Длительное время в системе международных отношений закон силы всегда был выше силы закона.

Понятийный аппарат силы, как явления и предмета изучения юридической науки, в процессе развития человечества не претерпел существенных изменений, применение же силы в ее различных видах и формах напрямую зависит от действующих в определенный временной промежуток исторических реалиях. Изменения в силе как в явлении были обусловлены происходящими изменениями в развитии человечества, общества, технологий, государства и, конечно же, самих международных отношений. При этом стоит отметить то, что на протяжении долгого периода времени в международных отношениях принцип силы ставился выше принципа закона.

Международные отношения носят только рекомендательный характер и в них не предусмотрено таких институтов как, например, высший орган управления, который бы выносил свои приговоры о правомерности действий субъектов международных отношений, и прежде всего государств, и применял в отношении их различные меры правового характера. Отдельно взятое государство обладает монополией политической власти

только на территории собственного государства, а в масштабе международных отношений оно является одним из многих, формально наделенных правами субъектов таких отношений.

В связи с тем, что нормы морали в международных нормах применены быть тоже не могут, поскольку мораль основывается на определенном авторитете, а в международных отношениях не существует ни каких авторитетов, там, наоборот происходит постоянная борьба за лидерство, так называемая «война всех против всех». Вследствие чего, сила была практически единственным и законным способом разрешения споров между государствами.

Как писал американский эксперт по международному праву в начале двадцатого века: «В отсутствие какого-то общего и непредвзятого органа управления, который мог бы интерпретировать международные правила поведения и оценивать состояние международных отношений, каждое государство вполне естественно стремится не только расширить свой силовой потенциал во внешнем мире, но и предупредить, если это ему по плечу, любое возможное расширение влияния, соперничающего с ним государства. Инстинкт самосохранения в мире, состоящем из абсолютно независимых государств, вынуждает каждое из них стремиться обладать силой, дабы гарантировать себя от опасности подвергнуться агрессии со стороны».

В современном научном мире существует множество определений понятия «Сила», так Г. Моргентау, утверждает, что «сила есть власть над умами и действиями людей»¹, а Г. Киссинджер полагает, что во внешней среде «сила есть влияние»².

Согласно определению, данному в книге Дж. Стоссинджера «Мощь наций»: «Сила в международных отношениях есть возможность государства использовать свои реальные или потенциальные ресурсы таким образом, чтобы воздействовать на образ жизни и поведение других государств».

Но наиболее точное определение силы на наш взгляд дано Клаусом Норром.

---

¹ Morgenthau H. Politics among Nations. 4th ed. New York, 1967. P. 97.

² Kissinger H. American Foreign Policy. 3d ed. New York, 1977. P. 57.

Норр пишет: «Сила во внешнем мире может рассматриваться как обладание способностями, которые позволяют субъекту выступать с достоверными угрозами. Но она может трактоваться и как фактическая реализация воздействия на поведение стороны, которой угрожают. В первом случае сила — это качество, которым обладают сильные государства и которое можно аккумулировать; здесь сила — это возможность. Во втором случае сила — это результат, это уже оказанное воздействие. Она проявляется во взаимодействии, в столкновении. При первом подходе сила — это нечто такое, что государство может надеяться использовать в разнообразных будущих ситуациях. Во втором случае она возникает и формируется только в условиях конкретной ситуации. Сегодня большинство теоретиков понимают под силой реализованное воздействие, в то время как неспециалисты сводят ее к тем возможностям, которые позволяют выступать с угрозами»³.

Такой же позиции в определении силы придерживался и другой американский ученый Ф. Шуман, ставивший на первое место принцип взаимодействия. Он придерживался мнения о том, что настоящая сущность и предназначение может быть только в процессе международных отношений. Он полагал, что сила «становится таковой только в сравнении с силой других стран, отсутствие силы или бессилия произрастает из взаимодействия, соперничества, конфликта государств».

У определений, данных выше есть общие черты, а именно:

- стремление влиять на деятельность других государств в своих интересах;
- возможность оказывать влияние в различных формах одного государства на другое, а именно: прямые, косвенные, опосредованные, с помощью насилия, убеждения, обещания выгод, лишения имеющихся преимуществ, создания условий, при которых остается лишь одна альтернатива, один выход из положения.

На основании изложенного выше мы можем сделать вывод о том, что силовое воздействие может применяться не толь-

---

³ Knorr K. The Power of Nations. New York, 1975. P. 9.

ко в виде военного вмешательства, но и с применением экономических рычагов воздействия.

В современных мировых реалиях основным элементом и показателем развитости и силы государства является такая разновидность экономической деятельности как торговля, но при этом нужно учитывать то, какова разновидность этой торговли. Так, например, можно экспортировать природные ресурсы, а ввозить товары высокой технологичности, машины оборудование. Разновидностью такой экономики пользуется Россия. Однако цена такой экономической силы это – истощение природных богатств страны, ухудшение ее экологии. Подобная практика, ориентированная лишь на текущие потребности, вряд ли является источником силы государства на перспективу.

Также можно говорить о том, что значительное место в международных отношениях играет научно-техническая сила государства. Именно с помощью развития науки, образования, здравоохранения формируется основа, сильной и развитой экономики, определяющая мощь государства и возможность обеспечивать национальные интересы по всему их спектру.

Одним из первых государств, признавших значение и роль научно-технической силы во внешней политике, были Соединенные Штаты Америки.

С начала 70-х годов 20 Америка активно начала процесс построения так называемого «научного империализма» суть которого заключается в лидирующем положении США в научно-технической революции и их большом отрыве в этой области от остальных государств. Основная идея так называемого «научного империализма» США заключается в том, что Американское государство избавляется от «грязного производства» – добывающей и химической промышленности, предприятий, производящих товары массового потребления, отраслей переработки и хранения ядерных отходов. Все вредные и загрязняющие производства они открывают в других странах, а уже функционирующие стараются или модернизировать, сделав менее вредными или перевести их также на территорию другого государства. На территории своего государства США оставляет производства

таких видов как: научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, переподготовку кадров, информационные технологии, коммуникационные системы, разработку программных продуктов, биотехнологии, а также разработку программ развития целых государств, их образовательных и медицинских систем. Следствием такой политики США становится то, что практически весь мир в той или иной мере становится, зависим от Америки.

В настоящее время большое внимание уделяется такому виду силы как «информационная». Информация сама по себе является крайне выгодным капиталом в самом широком понимании, так как она служит основой принятия решений на любом уровне и выработки соответствующей политической линии. Отметим огромное значение информации и сетевых технологий для функционирования экономики, финансовой и банковской систем, военной сферы. Не меньшее значение имеют каналы передачи информации, ибо тот, кто владеет ими, может регулировать поступление информации для других и использовать наиболее важную информацию в своих интересах. Контроль над международными коммуникациями создает новые формы зависимости между государствами. На рубеже 20-21 вв. развернулась «четвертая информационная революция», во многом характеризующаяся максимальным внедрением мультимедийных, цифровых технологий и услуг и, соответственно, появлением новых корпораций мультимедийных гигантов и специализирующихся на электронной торговле фирм.

Действие и значение различных видов силы в международных отношениях неоднородно и не постоянно. На протяжении долгого времени главенствующее положение занимала военная сила, сейчас наравне с ней лидирующее место принадлежит информационной, экономической и научно-технической силе, завтра этот набор может выглядеть по-иному, и на передний план могут выйти силы, отождествляемые, например, с моралью, правом, образованием, благосостоянием населения. В настоящее время военная сила сохраняет свое первостепенное значение, однако представляется, что основные изменения в со-

временном мире, особенно на перспективу, связаны с использованием невоенных составляющих силы.

Применение военной и не военной силы в международных отношениях

В современном международном праве одним из основных принципов является принцип: «запрета применения силы или угрозы силой в отношениях между государствами. Данный принцип прописан в Уставе Организации Объединенных Наций, 2 статьей которого была запрещена не только агрессивная война, но также были запрещены угроза силой и ее применение в международных отношениях как против территориальной неприкосновенности, или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с целями Объединенных Наций.

Однако, современные процессы глобализации, интеграции, построенные на основе капитализма, всячески сподвигают центры мировой силы к господству над остальными странами мира, достижение которого невозможно без применения военной силы.

Основным центром силы в современном мире, бесспорно, являются США, а также его союзники, такие как Великобритания, Франция. Анализируя произошедшие в недалеком прошлом военные действия в различных частях мира, мы четко можем увидеть, что данные страны под эгидой установления «демократии» вторгались в суверенные и независимые страны и силовыми методами навязывали свое мировидение.

Так, США вместе с Великобританией начали военную операцию против Ирака в марте-апреле 2003г. в значительной степени ускорившую формирование новой по сути системы международных отношений. По итогам данной операции становится очевидным, что значительная часть мирового сообщества уступает напору Вашингтона, применяющего активные меры по радикальному перекраиванию мира по своему образцу. США позиционирует себя как доминирующая страна, которая желает получить контроль над энергетическими ресурсами Ирака.

США и Великобритания, воспользовавшись тем, что армия Ирака в то время, хоть по численности и превосходила их, но по оснащенности новым вооружением существенно отставала, а армия США и Великобритании применили в военной операции, самое новейшее вооружение. Можно даже сказать, что Ирак стал неким «испытательным полигоном».

В ходе военной операции были применены новинки военно-промышленного комплекса.

Ярким примером необоснованного применения военной силы в решении международных вопросов и «распространении демократии» со стороны так называемых сильнейших государств мира является военная операция межгосударственной коалиции во главе опять же с США в Ливии в 2011 году под названием «Одиссея. Рассвет»⁴. В коалиции приняли участие ряд стран, в частности Великобритания, Франция, США, Канада, Бельгия, Италия, Испания, Дания.

Они аргументировали свои действия тем, что якобы руководство этой страны грубым образом нарушает права человека и их действия направлены на защиту мирных жителей. При этом стоит обратить внимание на то обстоятельство, что при правлении Муамара Каддафи, Ливия была занесена в книгу рекордов Гиннеса как страна, в которой за период 2001-2005 гг. был самый низкий уровень инфляции – 3,1 %. Главное в этом то, что права человека, если их понимать, как право на достойное существование, в Ливии были реализованы в гораздо большей степени, чем, например, в таких демократических странах как Казахстан, Украина, Армения и др.

Итогами данной военной операции стало следующее:

- было произведено свержение режима, убит политический лидер страны Джамахирии Муарам Каддафи, правление, которого якобы пагубно влияло на развитие страны в целом и личности в частности;

- в ходе конфликта было убито 4145 человек и 3144 человек пропали без вести.

---

⁴ Кургиян С. Е. Политическое цунами // Аналитика событий в Северной Африке и на Ближнем Востоке 2011, С. 54.

Вопрос о пагубности режима Каддафи остается спорным и не однозначным, так как основы реализации прав человека нельзя рассматривать односторонне и однозначно, они зависят от особенностей менталитета и культурно-исторических особенностей каждой отдельной страны.

Еще одним примером противоправного применения военной силы является бомбардировка Югославии. Военные действия в данной стране проводились в период с 24 марта по 10 июня 1999 года.

Решение о начале военной операции в Югославии принял бывший в то время генеральным секретарь НАТО Хавьер Солана после провала переговоров во французских городах Рамбуйе и Париже, в ходе которых президент СРЮ Слободан Милошевич отказался подписать военные приложения к договору об урегулировании косовского кризиса.

Одним из официальных предлогов воздушно-наступательной операции руководством НАТО было названо "предотвращение геноцида против албанского населения в Косово".

Последним примером вмешательства США во внутренние дела других стран является «евронацистский переворот» в Киеве в феврале 2014 года. Необходимо отметить, что здесь США и их европейские союзники в большей степени применили так называемую «мягкую силу».

По мнению индийского политического эксперта и философа Аиджаза Ахмади «США, стремятся сделать Украину своим военным форпостом у российских границ, хотят, таким образом, стратегически окружить Россию; в то же время их "заигрывания" с фашистскими элементами на Украине могут привести к братоубийственной войне по югославскому сценарию»⁵.

Подводя итог всему изложенному выше, мы можем с уверенностью сделать вывод о том, что современное мировое сообщество находится на переломном этапе развития.

После того как США и ряд других стран долгое время остаются одними из ведущих стран мира, способных с помощью силовых методов навязывать свое видение мироустройства, им трудно поверить, что существуют другие способы решения международных споров и конфликтов.

---

⁵ Сайт РИА НОВОСТИ URL <https://ria.ru> (дата обращения 25.03.2019 г.)

КИБЕРТЕРРОРИЗМ КАК УГРОЗА МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Шалдина М.О.

*студентка Высшей школы юриспруденции
и судебно-технической экспертизы
Санкт-Петербургского политехнического
университета Петра Великого*

Кибертерроризм как явление имеет не столь богатую историю в сравнении с другими общественно опасными преступлениями, однако в реалиях современной действительности, когда интернет-пространство охватывает все больше сфер жизнедеятельности человека, эта проблема с каждым днем становится все более актуальной.

Также не стоит забывать, что на мировой арене сейчас существенно растет значимость информации, ее доступность и способы передачи, а вопросы ее сохранности волнуют, пожалуй, каждого владельца электронного девайса. Не стоит забывать и о том факте, что глобальная сеть охватывает весь земной шар и служит мостом связи для людей, находящихся в разных городах, странах, полушариях.

Вместе с развитием информационных технологий и скоростью их внедрения в различные сферы жизни увеличивается и риск угроз в области интернет-пространства, наблюдаются новые формы кибертерроризма как общественно опасного явления.

Для того, чтобы рассмотреть данную тему, предлагается изучить историю зарождения кибертерроризма как явления и проследить его развитие в мировом пространстве в нынешнее время.

Наиболее стандартной формулировкой представлено определение: кибертерроризм – это обобщенное название компьютерных правонарушений, включающих в себя файловые взломы, хищение информации, денежных средств, а также деятельность, направленная на создание и распространение компьютерных вирусов¹.

---

¹ Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка в 3 томах. – Изд-во «АСТ», 2006. – 75 с.

Введено в употребление понятие «кибертерроризм» в 1980-м году научным сотрудником Калифорнийского института безопасности Б. Коллином. В те годы предшественница Интернета – сеть *ARPANET* Управления перспективных разработок Минобороны США – объединяла всего несколько десятков компьютеров на территории одного государства.

Тем не менее Б. Коллин был уверен, что со временем возможности киберсетей будут взяты на вооружение террористами, хотя и полагал, что случится это никак не ранее первого десятилетия XXI в.

Время опередило ожидания: первые попытки кибератак были зафиксированы правоохранительными органами уже в 1990-х гг. (например, в 1993 г. террористы в Литве угрожали взорвать Игналинскую АЭС посредством перехвата компьютерного контроля над ней при помощи вредоносной программы типа «троянский конь», а в июне 1998 г. международная группа хакеров *Milw0rm* получила доступ к Индийскому центру атомных исследований *Bhabha Atomic Research Center* (BARC) и создала фальшивую страницу сайта устрашающего характера).

В 1997 г. специальный агент ФБР Марк Поллитт ввел в обиход новый юридический термин, предложив считать кибертерроризмом любую «умышленную, политически мотивированную атаку на информацию, компьютерные системы, программы и данные, которые приводят к насилию в отношении невоенных целей, групп населения или тайных агентов»², – поясняет Е.А. Капитонова в своей научно-исследовательской работе.

Этапы развития и становления кибертерроризма можно рассмотреть на официальном сайте «Парламентской газеты». Главным аргументом, поясняющим развитие именно информационного терроризма, является тот факт, что для обеспечения его деятельности не нужно затрачивать огромные финансовые средства, как это происходит с иными видами террористической деятельности.

---

² Е.А. Капитонова. Особенности кибертерроризма как новой разновидности террористического акта. – Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки, 2015. – 3-5 с.

Первая зафиксированная деятельность хакеров была прекращена работниками правоохранительных органов в США.

Само слово «хакер» (от англ. *to hack* – рубить, прерывать) имеет лексическое значение, связанное с пользователем компьютерного устройства, который ведет активное наступление в информационно-сетевом пространстве.

К объектам такой деятельности относятся чужие данные, серверы, сайты, подлежащие взлому со стороны хакеров, очень часто взломщики создают программы, выводящие из строя программное обеспечение устройств своих жертв³.

Ученые-лингвисты, занимавшиеся изучением данного вопроса, утверждают, что вышеназванный термин «*hack*» использовался с 1960-х годов среди студентов Массачусетского технологического института. Молодые люди оперировали моделями железных дорог и электропоездов, добиваясь ускорения движения вагонов, выполняя манипуляции с железнодорожными стрелками.

Примерно в этот же временной промежуток развитие свое получают первые компьютерные машины как технических прорыв, интерес к которому не мог не возникнуть у студентов-«хакеров».

Согласно Большому юридическому словарю «хакер» – это лицо, занимающееся незаконными действиями в области информатики, незаконным проникновением в чужие сети компьютеров, а также снятием защиты с информационных данных.

Также отмечено, что подобного рода деятельность имеет составы правонарушений гражданского и уголовного законодательства Российской Федерации, однако в нормативных правовых актах вышеназванное понятие не применяется.

Деятельность по незаконному взлому стала шире применяться в следующем десятилетии, а началось это с того, что ветеран вьетнамской войны Джон Дрейпер обратил внимание на подарочный свисток, вкладываемый в коробки с овсяными хлопьями на завтрак, издает звук с частотой 2600 герц, что, в свою

---

³ Д.А. Десятерик Альтернативная культура. Энциклопедия. – Изд-во: Ультра-Культура, 2013. – 93 с.

очередь, совпадает с частотой электрического сигнала доступа в телефонную сеть дальней связи. Дрейпер собственноручно сделал «голубую коробку» («*blue box*») со свистком, который свистел в мембрану телефона, а это давало возможность звонить по телефону абсолютно бесплатно. Мужчина стал известен под вымышленным именем «Капитан Кранч», слухи о нем и его «изобретении» разлетались с невероятной скоростью, а она стал своеобразным первооткрывателем хакерской деятельности. Далее общественность развернула целое социальное движение «фрикеров», которые шли по стопам Дрейнера-«Капитана Кранча», ставя целью не столько сохранность своих средств, сколько азарт.

Спустя еще одно десятилетие информационная сеть Интернет начинает использоваться активнее, и вышеупомянутые фриkerы обращают свои силы именно туда, как следствие была замечена волна краж паролей, данных, что уже свидетельствует о привычном нам виде кибертерроризма.

Следующий шаг в деятельности кибертерроризма – создание и запуск первого компьютерного вируса в сети Интернет в 1999 году⁴.

Далее же хакеры усиливали и усложняли способы воздействия на чужие данные, ресурсы, однако способы противодействия им также приобретали и новые грани, что происходит и сейчас. Причем проблема кибертерроризма, пришедшая с веком компьютерных технологий, зародившихся в Соединенных Штатах Америки, получила широчайшее распространение на всем земном шаре.

Российская Федерация не исключение из общего правила, к примеру сейчас особое внимание уделяется информационным технологиям, службам защиты информации, созданы нормативные правовые акты, регулирующие правоотношения данной сферы.

Таким образом, было рассмотрено понятие определения «кибертерроризм», уделено особое внимание истории и этапам

---

⁴ История кибертерроризма – кибертерроризм XXI века. URL: <https://www.pnp.ru/politics/istoriya-kiberterrorizma-kiberterrorizm-xxi-veka.html> (дата обращения 03.02.2017 г.).

его развития, изучены истоки термина «хакер», а также выделили исторических личностей, которые приложили усилия к первым попыткам осуществления незаконной деятельности внутри информационного поля.

Организационные меры по противодействию кибертерроризму осуществляются как на международном, так и на национальном уровнях.

Отметим, что в декабре 1998-го года Организация Объединенных Наций рассмотрела проблему, кроющуюся в информатизации и коммуникации. Инициатором выступила Россия. В связи с этим была подготовлена первая резолюция интересующей нас сферы. Начиная с этого времени каждый год в Организации Объединенных Наций происходит прием докладов от государств-членов организации. В этих актах имеет место выражение мнений по вопросу законного применения информационных технологий, страны проводят обмен идеями, мыслями относительно существующих по всему миру проблем.

Стоит отметить, что в целях решения спорных ситуаций были созданы специальные комиссии. Одна из них заседала в 2004 и 2005-х годах, однако на тот момент в ходе обсуждений мнений было представлено слишком много, и прийти к единому не удалось. Вторая такая комиссия приступила к обсуждению в 2009 и 2010 годах, и плоды их действия были более заметны, чем опыт предыдущей группы. Коллегия сформировала доклад относительно кибер-угроз, а также мер по их совместному уничтожению. Также были поставлены цели по дальнейшему мировому сотрудничеству в области защиты информационного поля от незаконных посягательств.

Отметим, что с начала XXI-го века действует Конвенция о компьютерных преступлениях, подписанная государствами – членами Совета Европы в Будапеште 23 ноября 2001 г.⁵ (далее – Конвенция). Этот акт регламентирует международную коллабо-

---

⁵ Конвенция Совета Европы о компьютерных преступлениях (23 ноября 2001 г., Будапешт) / Council of Europe – Treaty Office. – URL: <http://conventions.coe.int/Treaty/RUS/Treaties/Html/185.htm> (дата обращения: 26.03.2019 г.).

рацию по противодействию кибертерроризму, а также по борьбе с нарушениями конфиденциальности, целостности и доступности компьютерных данных и систем, а также всеми видами правонарушений, связанных с использованием компьютерных средств, с содержанием данных и с нарушением авторских и смежных прав. Большинство мер противодействия незаконной деятельности, предусмотренных Конвенцией, должны уменьшить опасность и частоту случаев кибертерроризма.

Однако, Российская Федерация не стала страной-подписантом названной Конвенции, так как уполномоченных на то должностных лиц и экспертов данной сферы не удовлетворило наличие пункта «b» статьи 32, которым регламентируется санкционированный доступ одного государства-участника к компьютерным данным, находящимся на территории другой страны, без предварительного получения согласия последнего⁶. В приведенной формулировке российская сторона усмотрела возможность нанесения ущерба суверенитету и национальной безопасности государств-участников. Представленное решение можно назвать правильным, так как любая страна-участник могла воспользоваться не по назначению таковыми данными, что, в свою очередь, могло, нанести урон национальным интересам страны, поставив под сомнение сам факт независимости нашей страны, ее самостоятельности и неподконтрольности другим.

Содружество Независимых Государств (далее – СНГ) как еще один пример международного объединения также работает в направлении защиты от кибертерроризма и покушений на информационные данные. Так, в 2001 году в столице Республики Беларусь, в Минске подписали Соглашение о сотрудничестве в борь-

---

⁶ Доклад группы правительственных экспертов по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности / Организация Объединенных Наций. – Нью-Йорк, 2012. – URL: http://www.un.org/disarmament/HomePage/ODAPublications/DisarmamentStudySeries/PDF/DSS_33_Russia_n.pdf (дата обращения: 26.03.2015 г.).

бе с преступлениями в области компьютерной информации⁷. Страны-участники рассмотрели такие термины, как: «преступления в сфере компьютерной информации», «вредоносные программы», «неправомерный доступ». Сформулирован был четкий перечень преступлений, наказания за которые находятся в пределах регулирования уголовным правом. Оговорили формы совместной работы в области их предупреждения и пресечения различного рода угроз.

Однако, трактование термина «кибертерроризм», а также его четкая причинно-следственная связь с самим терроризмом замечены не были. И это масштабное упущение, ведь нельзя вести работу по противодействию захвату информации, проводить деятельность по укреплению структур защиты данных и не использовать современную терминологию, упускать из виду такие очевидные для всего мира явления, как кибертерроризм.

Невозможно упустить и тот факт, что Российская Федерация ратифицировала Соглашение о сотрудничестве в борьбе с преступлениями в области компьютерной информации только в 2008 году, но с существенной оговоркой, что возможен отказ в исполнении запроса другой стороны может быть оглашен, если подобный запрос может пошатнуть принципы суверенитета Российской Федерации, ее безопасности и единства.

Если говорить о примерах реального действия кибертерроризма, 31 января популярная американская газета *New York Times* сообщила, что в течение четырех месяцев подвергается хакерским нападениям из Китая, что могло быть вызвано публикацией статьи о "скрытых богатствах" родственников премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао. Власти Китая назвали обвинения *New York Times* безосновательными. 1 февраля деловое издание *Wall Street Journal* заявило, что также подверглось атаке китайских хакеров.

---

⁷Соглашение о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в области компьютерной информации (Минск, 1 июня 2001 г.) // Исполнительный комитет СНГ. – URL: <http://www.cis.minsk.by/page.php?id=866> (дата обращения: 26.03.2015 г.).

В ночь на 28 ноября 2012 года хакеры атаковали один из серверов Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) и разместили на своем сайте адреса электронной почты ста сотрудников организации. Ответственность за произошедшее взяла на себя организация *Parastoo*, название которой является популярным женским именем в Иране, а в переводе с фарси означает "ласточка". Хакеры призвали сотрудников агентства, чьи контактные данные были украдены, подписать петицию с требованием проведения "открытого расследования" деятельности Израиля в области ядерной энергетики.

9 сентября 2012 года стало известно о кибератаке хакеров на новостной мобильный сервис телеканала "Аль-Джазира". Злоумышленники опубликовали ряд ложных новостных сообщений через официальный мобильный сервис "Аль-Джазиры". Ответственность за содеянное взяли на себя хакеры, которые именуют себя "Сирийской электронной армией" (*Syrian Electronic Army*).

Подводя итог рассмотрению кибертерроризма, следует отметить, что совершение высокотехнологичных террористических акций в XXI в. способно вызвать глобальный информационный кризис и поставить под угрозу существование отдельных регионов мира. Ситуация осложняется тем, что уголовно-правовое противодействие кибертерроризму в России и ряде других стран пока не в должной степени отвечает серьезности такой угрозы.

В этой связи совершенствование уголовно-правовой политики в области противодействия совершению кибератак террористами должно стать одним из приоритетных ее направлений.

ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРИСОЕДИНЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ И ГОРОДА СЕВАСТОПОЛЬ К СОСТАВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ширяев Родион Сергеевич

*студент кафедры международного права
Российского университета дружбы народов
shiryaev-rodion@mail.ru*

Крым всегда представлял собой место единения древнейших культурных традиций, где на стыке таких культур как греческая, византийская, балканская и русская миров развивалась отдельная, своеобразная культура. Нынешнее название полуострова, по одной из наиболее правдоподобных версий, происходит от тюркского слова «кырым», что означает «вал», «стена», «ров».

Ранее, до XIII в. полуостров назывался Таврика. Такое название происходит от наименования племен, которые раньше проживали на указанной территории – тавры. В XIII в. полуостров имел название Крымского улуса. С XV в. полуостров стали называть Таврией, а после его присоединения к России в 1783 г. – Тавридой. В V в. до н.э. в районе Керченского полуострова возникло греческое Боспорское государство, в III в. до н.э. в степной части Крыма – Скифское государство. Во второй половине I в. до н.э. небольшая часть побережья полуострова была захвачена римской армией. В то время через Крым проходил Великий шелковый путь, что являлось связующим звеном между Римской и Китайской империями.

В IV-V вв. полуостров стал объектом культурной экспансии со стороны Византии. С VII по IX вв. Крымский полуостров, за исключением Херсона, оказался в результате завоеваний в составе Хазарского каганата. С X в. восточная часть полуострова стала частью Тмутараканского княжества, а в XIII в. на его территорию обрушилось монголо-татарское нашествие, в результате чего был образован Крымский улус. После прекращения сущес-

тования Золотой орды в 1443 г. на его месте возникло Крымское ханство, которое с 1475 г. было зависимо от Турции.

Борьба Русского государства за Крым началась с конца XVII в., что было вызвано необходимостью обеспечения безопасности южных границ государства. Также было стратегически важно получить выход к Черному морю. Турецкая власть над полуостровом рухнула в результате Русско-турецкой войны 1768-1774 гг. Независимость от Турции была обретена Крымом в 1772 г.

После Великой Октябрьской революции 1917 г. территориальная система Российской империи прекратила свое существование. Были внесены существенные изменения. Так, в 1919 г. была учреждена Крымская республика по территориальному принципу, национальный же принцип не учитывался.

18 октября 1921 г. ВЦИК и СНК РСФСР издал декрет, в соответствии с которым образовалась Крымская Автономная Советская Социалистическая Республика в составе РСФСР. По этническому составу на тот момент русское население преобладало и составляло более 50 %.

Исторически Крым большую часть времени входил в состав России и занимал особое стратегическое положение и важность, т.к. на полуострове находилась самая важная морская военная база в Севастополе. Указом Президиума Верховного Совета СССР 30 июля 1945 г. по представлению Президиума Верховного Совета РСФСР Крымская АССР была упразднена, а на ее месте была создана Крымская область в составе России.

19 февраля 1954 г. полуостров вошел в состав в качестве области в Украинскую Советскую Социалистическую Республику. Указанное мероприятие реализовалось на основании совместного представления Президиума Верховного Совета РСФСР и Президиума Верховного Совета УССР, утвержденному решением Президиумом Верховного Совета СССР. Анализ указанных юридических документов, с точки зрения права, дает основания полагать об их нелегитимности.

При этом Севастополь входил в Крымскую область, не имея своей автономии. Следовательно, можно сделать вывод

о том, что такой переход на город Севастополь не распространялся.

С 1954 г. Крым находился под управлением УССР, а после распада СССР – в составе Украины в статусе Автономной Республики.

Государственность Крыма была восстановлена в результате Референдума 20 января 1991 г. Согласно результатам голосования, более 80% голосующих выразили свое мнение за воссоздание Крымской Автономной Советской Социалистической Республики как субъекта Союза ССР и участника Союзного договора. Решение этого референдума до настоящего времени никем не оспаривалось и не отменялось. Это решение референдума не оспорено и не отменено до настоящего времени. Таким образом можно сделать вывод, что полуостров уже на тот момент, исходя из волеизъявления народа, перестал быть частью Украины.

Несколько позже был принят новый закон, которым был восстановлен статус Крыма как составной части Украины. Указанное обстоятельство находилось в прямом и сильном противоречии с результатами референдума.

Таким образом можно сделать вывод, что присоединение Крымского полуострова к территории Российской Федерации явилось закономерным следствием волеизъявления крымского народа. Населением полуострова было реализовано право на самоопределение. Причем реализация этого права была осуществлена в условиях агрессивной и антинародной политики украинских властей. Дискриминационный политический курс официальных украинских властей в отношении народа Крыма явился причиной действий крымского народа по выходу из состава Украинского государства. Полагаем, что с точки зрения норм международного права, действия крымского населения, народа, были полностью правомерными, т.к. народом было реализовано на практике его право на самоопределение.

Ряд исследователей отмечают, что в Крыму украинскими органами власти реализовывалась системная политика, направленная на лишение государственного статуса Республики Крым

в составе Украины, нивелирования ее некоторой автономии¹. При этом, в процессе реализации указанной политики «были нарушены важные условия сохранения целостности Украины при столкновении этого принципа с принципом самоопределения народа Крыма».

Первое нарушение выразилось в том, что крымскому народу не было предоставлено право на реализацию своих интересов в составе Украинского государства. Дополнительно проводилась политика дискриминации по национальному признаку. Иными словами, у крымского народа отсутствовало, по сути, право на внутреннее самоопределение.

Другое нарушение заключается в том, что на момент осуществления самоопределения народов Крыма на Украине отсутствовало легитимное правительство, представляющее интересы всего населения государства.

В качестве примера можно привести проведение 16 марта 2014 г., в полном соответствии принципами, закрепленными Уставом ООН – равноправие и самоопределение народов, голосования народа Автономной Республики Крым и города Севастополь об отделении от Украины и создании самостоятельного государства – Республики Крым как субъекта международного права. Основная часть голосовавших – русские, а также украинцы и крымские татары.

В последствии законно избранные органы государственной власти Республики Крым и города Севастополь заявили ходатайство в Федеральное собрание Российской Федерации с просьбой рассмотреть вопрос о принятии Республики Крым и города Севастополь в состав России в качестве ее новых субъектов. Такое прошение Республики Крым и города Севастополь о принятии Республики Крым и города Севастополь в состав России в качестве ее новых субъектов была скреплена межгосударственным договором. Межгосударственный договор, заключенный

---

¹ Кабышев В.Т., Заметина Т.В. Принятие в Российскую Федерацию Республики Крым и города Севастополь – восстановление исторической справедливости: конституционно-правовой анализ // Вестник Саратовской государственной юридической академии. № 2 (97). 2014. С. 70–71.

между Республикой Крым, городом Севастополь и Российской Федерацией о принятии их в качестве субъектов Российской Федерации был ратифицирован Федеральным собранием РФ. В результате проведенных мероприятий с 18 марта 2014 г., юридически и фактически, в полном соответствии с международно-правовыми нормами, Республика Крым и город Севастополь вошли в состав Российской Федерации. В результате образовались два новых субъекта Российской Федерации: город федерального значения Севастополь и Республика Крым.

В соответствии с классической концепцией государственности Конвенции Монтевидео о правах и обязанностях государств 1933 г. государство как полноценный субъект международно-правовых отношений в обязательном порядке должно обладать следующими признаками:

- постоянное население;
- определенная территория;
- правительство;
- возможность взаимодействия с другими государствами.

Такой подход к государственности широко распространен среди зарубежных ученых², а также активно поддерживается международными учреждениями и даже судами при разрешении споров касательно проблем государственности³.

Если проанализировать положение Республики Крым на тот момент, то можно сделать однозначный вывод, что Республика отвечала всем требованиям государственности, а именно: имела свое правительство, постоянное население и была правомочна вступать в правоотношения в части заключения международных договоров. Также справедливо и утверждение, что Республика контролировала свою территорию.

В этой связи толкование Международным Судом ООН подхода Совета Безопасности ООН к некоторым декларациям

---

² Rosenne Sh. The Perplexities of Modern International Law // Hague Recueil. Vol. 291. 2001, P. 262.

³ Deutsche Continental Gas-Gesellschaft v. Polish State // ILR. Vol. 5. 1929. P. 13.

независимости, выраженное в консультативном заключении «О соответствии международному праву одностороннего провозглашения независимости Косово», имеет очень важное значение.

В своем заключении Судом было обращено внимание на очень важные и существенные аспекты. Некоторые участники апеллировали к резолюциям Совета Безопасности ООН, которыми были осуждены определенные декларации независимости относительно Южной Родезии, а также резолюцию Совета Безопасности № 541 (1983) относительно Северного Кипра и резолюцию Совета Безопасности № 787 (1992) относительно Сербской Республики. Таким образом Советом Безопасности был воплощен в жизнь принцип применения силы в уже постколониальном контексте.

Относительно более ранняя международная практика военной интервенции в пользу неколониального населения включает в себя примеры военного вмешательства Великобритании, Франции и России для защиты греческих националистов в 1827 г., военное вмешательство Франции в Сирии в пользу христиан-маронитов в 1860-1861 гг., агрессия США на Кубе в 1989 г.

Если говорить о современной практике военных вмешательств, то стоит обратить внимание на военную интервенцию Вьетнама в Кампучии в 1978-1979 гг., Танзании – в Уганду в 1979 г. Или, например, США, Соединенного Королевства, Франции и других в пользу курдского населения в Ираке в 1991 г.

Международный Суд приходит к выводу, что во всех вышеприведенных случаях Совет Безопасности ООН давал определение конкретной ситуации, существовавшей во время, когда эти декларации независимости принимались, т.е. они были актуальными на тот момент. Таким образом, незаконность, приданная декларациям независимости, следовала не из одностороннего характера этих деклараций как такового, а из того факта, что они были или могли быть связаны с незаконным использованием силы или другими вопиющими нарушениями норм общего международного права, в частности, имеющих императивный характер (*jus cogens*). В контексте Косово Совет Безопасности не занимал подобной позиции.

Характерной чертой вышеприведенных резолюций является то, что из реальной практической деятельности Совета Безопасности ООН не следует реализация общего запрета на односторонние декларации независимости. Следовательно, такие резолюции Совета Безопасности, что были рассмотрены Международным Судом, представляют собой проявление концепции коллективного непризнания, т.е. ситуациями, в которых Совет Безопасности призывал международное сообщество избегать признания определенных новых субъектов в качестве потенциально новых государств в контексте нарушений основополагающих международных обязательств в процессе их создания⁴.

Главное значение, в данном случае, имеет становление и развитие права народов на самоопределение и реализацию указанного права. Подобное явление наука определяет как ремедиальную сецессию. Содержание понятия ремедиальной сецессии включает в себя допустимость выхода каких-либо групп людей, связанных общими признаками, из государства в случае вопиющих нарушений их прав, а также прав человека в отношении указанной социальной группы, а также давления и применение агрессии и проведение дискриминационной политики. Говоря иначе, крымский народ воспользовался механизмом ремедиальной сецессии в обстоятельствах дискриминации по национальному признаку со стороны украинских властей. Данная правовая категория основана на обратном значении «защитительной оговорки», приведенной в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций. Данная оговорка упомянута Международным судом как законное средство отражения обычного международного права.

Стоит обратить особое внимание на следующее положение, установленное вышеприведенной Декларацией:

«Ничто в приведенных выше пунктах не должно истолковываться как санкционирующее или поощряющее любые дей-

---

⁴ The role of recognition in the law and practice of secession // *Secession: International Law Perspectives*. Cambridge University Press, 2006, P. 100-101.

ствия, которые вели бы к расчленению или к частичному или полному нарушению территориальной целостности или политического единства суверенных и независимых государств, соблюдающих в своих действиях принцип равноправия и самоопределения народов, как этот принцип изложен выше, и вследствие этого имеющих правительства, представляющие без различия расы, вероисповедания или цвета кожи весь народ, проживающий на данной территории». Идентичная защитительная оговорка была использована и в тексте Венской декларации и программе действий. Защитительная оговорка означает, что в ситуациях, в которых государства не следуют поведению, описанному во второй части оговорки, они не заслуживают защиты их территориальной целостности. Полагаем, что указанная позиция является очень справедливой и актуальной в контексте современных международных правоотношений, когда политическая обстановка в регионах остается достаточно накаленной.

Абсолютно такой же подход к реалиям международных правоотношений нашел свое отражение и во мнении судьи Вильдхабера, к которому присоединился судья Риссдал, в постановлении Европейского суда по правам человека от 18 декабря 1996 г. по делу «Лоизиду против Турции» и в деле «*Reference Re Secession of Quebec*» Верховного суда Канады, исходя из смысла которых следует, что если народ лишен со стороны официальных властей государства особо значимого для него реализации права на самоопределение, такой народ вправе в качестве исключительной меры реализовать свое право на самоопределение посредством сепарации.

Если рассматривать сепарацию в исторической ретроспективе, то в качестве самого известного и точного ее подтверждения на практике можно привести вооруженный конфликт Индии с Республикой Пакистан. И прежде всего потому, что Пакистаном игнорировались права восточно-бенгальского населения на его самоопределение, а также весьма грубым способом допускал нарушения прав человека в отношении этого народа. При этом органами международного сообщества Индия никогда не рассматривалась в качестве оккупанта и или агрессора. От между-

народного сообщества не последовало ни единого требования о немедленном выводе войск из Пакистана.

Указанный подход очевиден в международно-правовой практике. Также вышеизложенный принцип можно проследить на примере признания нового на тот период государства Бангладеш. Оно было признано в связи с проведением дискриминационной политики в отношении его народа, в результате чего и образовалось новое государство, признанное всеми странами международного сообщества.

Подведем краткие итоги. Право ремедиальной сепарации в настоящее время официально признано в качестве эффективного и необходимого международного инструмента в различных нормативно-правовых актах, в частности, в постановлениях и решениях международных судов и органов. Также признание данного инструмента вытекает и из международной практики государств и концепции международного права в целом. То есть исключительно и только в таком ракурсе надлежит придавать правовую оценку правомерности действий крымского народа по вопросу его самоопределения и принятия в качестве нового субъекта в состав России, так как самоопределение народа являлось на момент выходы из состава Украинского государства единственным средством для гарантированной защиты этого народа от антинародной, дискриминационной политики украинских властей.

Стоит еще раз обратить внимание, что ремедиальную сепарацию реально воплотить в жизнь и такая реализация будет считаться правомерной при условии, если выполняются следующие условия:

- имеются признаки государственности, установленные Конвенцией Монтевидео о правах и обязанностях государств;
- постоянное население;
- определенная территория;
- правительство;
- возможность взаимодействия с другими государствами;
- население подвергается дискриминационной политике, имеют место нарушения прав человека.

Если процедура сепарации соответствует вышеизложенным требованиям, то военные действия правительства изначального государства против собственного же населения является противозаконной и грубо нарушает нормы международного права.

Любое государство утрачивает свое право на защиту собственной территории в случае систематического нарушения таким государством прав человека, либо части населения, а также поддерживает такие нарушения со стороны третьих лиц.

В первой декаде XXI в. прочно обрела свои черты нижеприведенная норма обычного международного права. На государства возложена обязанность предупреждать и на корню пресекать преступления против народа, т.е. геноцид. К геноциду можно отнести разнообразные «мероприятия» вроде военных преступлений, этнических чисток, преступлений против человечности и т.п.

В случае, если государство допускает совершение таких преступлений, активно принимает участие в их совершении, или никоим образом не может воспрепятствовать их совершению на принадлежащей ей территории, международное сообщество должно незамедлительно принимать самые решительные и адекватные меры для защиты нарушенных прав, включая право применения военной силы, для защиты такого населения.

Необходимо, чтобы реакция была эффективной, своевременной, и пропорциональной. Указанное установлено постановлением ЕСПЧ от 16 июня 2015 г. в рамках рассмотренного дела «Саргсян против Республики Азербайджана». Власти Украины, в данном случае, способствовали и потакали по отношению к Крымскому народу совершению преступлений. Что можно рассматривать как преступления против собственного народа в целом. В этой связи видится вполне очевидно оправданной активная деятельность населения Крыма в отношении собственного самоопределения, т.е. ремедиальной сепарации и вхождение в последующем в состав Российской Федерации. При таких обстоятельствах очевидно, что правовой механизм территориальной целостности Украины не работает.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОБЩЕСТВА

Яркеева Диана Наиловна

*студентка Владимирского государственного университета
имени А.Г. и Н.Г. Столетовых*

Культура – это одно из важнейших слагаемых, определяющее могущество любой страны. Сколько народ повидал кровопролития, событий, которые привели к страшным демографическим, территориальным потерям, тяжёлым поражениям в войнах. Масштаб бесконечных страданий, гибели был беспрецедентен, но весь этот ужас не приведёт к коренному уничтожению народа. Пока жива культура – жив народ, нация. Культура – это некий стержень процветания русского народа и одновременно его душа. Порой разрушительный кризис ломает духовное состояние общества, спасти каждого из нас может нравственность и патриотизм. Уничтожение культуры – больше, чем война. Оно ломает, а в конечном итоге духовно убивает народ, что приводит к вырожждению нации¹.

Понятие «культура» включает в себя всё возможное: это и взаимоотношения между людьми, это и социальная структура общества, это и способ управления страной. Культура – это и то, какая обстановка царит в парламенте. То есть культура включает в себя всё. В этом отличие от узкого, бюргерского понимания культуры: если кто-то берёт в руки скрипку, то он якобы занимается культурой, а как он обращается с детьми – это уже другой вопрос.

Фольклор, язык, наш образ жизни, литература, традиции, историческая память, разного рода письменность и не только – это и есть национальная культура. Культура – это не просто про внутренний мир, чувства, эмоции, а про отражение жизни, духовной жизни нашего народа, которая даже в самые сложные периоды

---

¹ Культурология: учебник для военных вузов / под ред. О. Ю. Ефремова. СПб. : Питер, 2017.

страны способна исцелять и веять прекрасное в сознание народа. Потеря этого слагаемого может привести к исчезновению или разрушению народа. В качестве примера, можно привести уничтожение индейских культур при колонизации Америки (XV–XVIII вв.) – это культурное воздействие было самым масштабным в своем роде. Похожее действие предпринимались и отношении русского народа: со стороны фашистских захватчиков в XX в., Тевтонского ордена XIII в., польских завоевателей в XVII в.

На сегодняшний день особенно развивается экранная культура, которая в свою очередь тесно перекликается с научно-техническим прогрессом, создавая мощные технические артефакты, развивается информационная сфера общества, компьютерная культура, количество культурных контактов увеличивается с каждым днём – всё это позволяет глобально воздействовать на культуру общества и народ в целом. Эти возможности стали чаще конкурировать между государствами и народами, что привело к беспробитному превосходству и подчинению. С каждым днём войн современности всё больше (информационных, психологических, кибернетических, сетевых) и целью каждой является уничтожить противника ментально, без вступления в открытое противоборство, убить в нём веру. В таких боях основную роль играет воздействие на культуру противостоящего общества. Также существуют и иные формы истребления культуры, которые остаются востребованными с современным противоборстве. Оружием пытки, в этом случае, служит уничтожение культурного наследия, что напрямую воздействует на историческую, национальную память народа, являющуюся стержнем его национальной идентичности и самосознания. Посягательство на достоинство народов, идеалов и ценностей, определяющих дух нации, её силу и способность выдерживать такие исторические испытания – дело рук экстремистов разнообразного толка.

Примерами такого воздействия на культурное наследие народа может считаться взрыв талибами гигантских статуй Будды в Афганистане в 2001 г., разрушение десятков памятников культуры Древней Месопотамии в ходе бомбардировок Ирака в 2003 г., уничтожение шиитской святыни, усыпальницы имамов в Самаре во время гражданской войны в Ираке в 2006 г.

Масштаб боевых действий экстремизма всё чаще расширяет своё воздействие, что ведёт к стиранию мирового культурного наследия. «Культурная чистка» – так трактуются подобные действия, являющиеся новой формой конфликта. Так, по мнению И.Г. Боковой, являющейся в свою очередь болгарским политическим деятелем, дипломатом и генеральным директором ЮНЕСКО, стирание мирового культурного наследия стало новой формой ведения боевых действий. Уничтожение объектов культурного наследия – не стало сопутствующей потерей. Центром систематических ударов стали исторические места и памятники, ставшие вершиной мести экстремистов, которая несет в себе не только уничтожение и разграбление музеев и памятников, а «стирание культурных маркеров и идентичности».

Основная угроза на сегодняшний день исходит от боевиков «Исламского государства», которые активно уничтожают исторические культурные памятники в Сирии и Ираке. Множество актов вандализма включены в «Послужной список» террористов начиная от уничтожения шиитских мечетей до подрыва центральной библиотеки и варварского разгрома музея в иракском Мосуле, где погибли тысячи редких старинных книг и бесценных экспонатов. По подсчетам специалистов, с момента падения Мосула с июня 2014 по 13 февраля 2015 г. террористы разграбили и уничтожили не менее 28 религиозных зданий, представляющих историческую ценность. При этом ценные вещи собираются с целью контрабандного вывоза и продажи для финансирования террористической деятельности.

Весной 2015 года были стерты с лица Земли исторические руины двух древних городов, которые входили в список Всемирного наследия Юнеско – Хатра (III в. до н. э.) и Нимруда (XIII в. до н.э.). В том же году были уничтожены и частично разграблены руины города Дур-Шаррукин (VIII в. до н. э.). Через год в апреле вблизи Мосула боевиками «Исламского государства» был разрушен построенный на въезде в ассирийский город Ниневия – двухтысячелетний памятник архитектуры «Врата бога», который в своё время был самым крупным городом в мире.

Культурное наследие Сирии испытало похожую “встряску”. В период гражданской войны, с момента ее начала в 2011 г.

и до её середины 2015 г., здесь было уничтожено в порядке 300 памятников культуры и истории. Лето 2015 г. боевики ИГИЛ приступили к безжалостному разрушению памятников Пальмиры – города, олицетворявшего позднюю античность. Удар приняли Башамина (131 г.) и античные храмы Бэла (32 г н.э.), три погребальных башни, статуя льва Аллат, триумфальная арка и был разграблен национальный музей.

Есть мнение, что боевики “Исламского государства” вовсе не хаотично громят исторические памятники. В нью-йоркском институте Гейтстоун один из специалистов по вопросам стратегии и обороны утверждает, что террористы действуют по принципу “расчетного батальона”, определяющий цели для уничтожения. Можно сделать вывод, что на поток поставлена война с культурным наследием Сирии.

Приведённые выше факты, говорят о том, что культурная безопасность не ограничивается только национальными рамками, следовательно, существуют реальные угрозы мировому наследию культуры. Такое культурное воздействие чаще всего сопровождается стремлением изменить самопознание нации, которое возможно, например, при глобальных государственных переворотах, смене политического курса и т.п. В таком случае через разрушение и уничтожение культурного наследия идёт воздействие на самосознание народа. Ярким примером стали украинские события, где визитной карточкой стало уничтожение памятников, которую также называют “политикой декоммунизации”. Период начиная с ноября 2013 г. по сентябрь 2014 г. был сложным для страны, за этот год было демонтировано в порядке 400 памятников и бюстов В.И.Ленина. Также пострадали памятник М.И. Кутузову, памятник советскому солдату и т. п. Социологический опрос по этим действиям показывает, что к таким акциям положительно относится 15% населения, а оставшаяся большая часть воспринимает это как акт вандализма.

Угроза культурному наследию, культуре общества существует – это доказывает приведённый выше анализ.

Рассмотрение культурной безопасности с точки зрения поддержания национальной безопасности через развитие самосознания является важной тенденцией, помимо поддержания безопасности

в культурной сфере (например: упадка духовности населения, разрушение культурных памятников и предотвращение этнических конфликтов)². В вышеуказанном случае культура выступает фактором безопасности (не только объектом), который помогает обеспечить достижение безопасности как состояния системного равновесия. Общество можно назвать по-настоящему безопасным, когда люди в абсолютном большинстве, целенаправленно соблюдают обыденные нормы жизнедеятельности, т.е. культурные³.

А.Л. Маршак предложил определение культурной безопасности, которое часто используется и на сегодняшний день, оно гласит, что «Культурная безопасность — это такое социальное понятие, которое отражает социокультурные возможности общества, направленные на преодоление всех видов опасности (риски, угрозы, вызовы) и создание благоприятных условий для культурной жизни общества»⁴. Вполне уместным, на мой взгляд, может быть и определение, встречающееся в учебной литературе. Культурная безопасность – это вид национальной безопасности, который представляет собой состояние защищенности культуры общества, обеспечивающее предотвращение религиозных и этнических конфликтов, упадка духовности общества, его социальных групп и личности, разрушение культурного наследия, а также дальнейшее развитие культурного самосознания народа⁵.

В том или ином случае, главной задачей государства будет обеспечить культурную безопасность, т.е. защитить от иностранных религиозных влияний; воспитание и сохранение этнической культуры, национального и всемирного культурного наследия, культурной идентичности, языка, традиций; создание комплекса

---

² Романова А. П., Мармилова В. О. Культурная безопасность как важнейший фактор национальной безопасности // Человек. Сообщество. Управление. 2008. № 2. С. 84–94.

³ Флиер А.Я. Культура как фактор национальной безопасности // Ответственные науки и современность. 1998. № 3. С. 181–187.

⁴Маршак А. Л. Художественная жизнь как сфера культурной безопасности современной России: социокультурный подход // Теория и практика общественного развития. 2007. № 2. С. 114–119.

⁵ Культурология: учебник для военных вузов / под ред. О. Ю. Ефремова. СПб. : Питер, 2017.

условий для благоприятного развития культуры, свободного обмена культурными традициями и навыками между народами и т.д.

Целью предполагаемой деятельности является бить тревогу: стирание культурных ценностей – это военное преступление. Исследования, проходившие на современном этапе, предлагают несколько путей поддержания культурной безопасности в нашей стране: развитие духовно-культурного настроения российского общества; обеспечение защиты сознания российского общества от деструктивного информационно-психологического влияния; жёсткое воспитание будущего подрастающего поколения и т.п. При этом решая проблему культурной безопасности, очень важно разрешить основное её противоречие – с одной стороны, защиту своей культурной идентичности, а с другой – обеспечение культурной «открытости»⁶.

Изолируя национальную культуру от мировой культуры невозможно обеспечить культурную безопасность, т.е. необходимо рассматривать эту проблему с точки зрения расширенного культурного влияния. Главным условием сохранения странами своей суверенности, по мнению современным исследователей является культурная и духовная экспансия. Духовная экспансия – это комплекс созданных условий для воспитания у нации патриотического мировоззрения, расширения влияния на разум обществ зарубежных стран при помощи использования научных, культурных, идеологических, информационных ресурсов государства в целях активного участия в процессах духовной эволюции мирового социума, а также для продвижения национальной системы духовных ценностей. Культурная экспансия – это расширение влияния национальной культуры за государственные границы или первоначальные пределы. В таком случае нужно объединять возможности Русского мира, централизованно их использовать и воспитать в каждом причастном любовь к культуре России и русскому языку.

---

⁶ Ширяев В. Антиномии культурной безопасности // Власть. 2009. № 10. С. 98–100.

СЕКЦИЯ

**МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СНИЖЕНИЯ РИСКА БЕДСТВИЙ**

О РОЛИ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИИ В РЕАЛИЗАЦИИ СЕНДАЙСКОЙ РАМОЧНОЙ ПРОГРАММЫ ПО СНИЖЕНИЮ РИСКА БЕДСТВИЙ НА 2015–2030 ГОДЫ

Арефьева Елена Валентиновна

*д.т.н., доцент, главный научный сотрудник
Всероссийского научно-исследовательского института
по проблемам гражданской обороны
и чрезвычайных ситуаций МЧС России*

В России, по оценкам экспертов, ежегодный ущерб от чрезвычайных ситуаций только природного характера оценивается в 20–30 млрд рублей, что составляет более 90% от общего ущерба, вызванного чрезвычайными ситуациями. Несмотря на то, что российская система предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций обеспечивает оперативное реагирование, вызывает тревогу рост экстремальных природных опасных процессов, пожаров, рост урбанизации, соответственно рост нагрузок на системы жизнеобеспечения и др.

Международный и отечественный опыт свидетельствуют о том, что при обеспечении безопасности жизнедеятельности населения наиболее перспективным является деятельность по оценке и управлению риском чрезвычайных ситуаций. В Сендайской рамочной программе по снижению риска бедствий (далее – СРП), принятой на 3-й Всемирной конференции ООН по снижению риска бедствий в марте 2015 г. в Японии, определены следующие основные направления снижения рисков к 2030 году:

- 1) снижение смертности в результате стихийных бедствий;
- 2) уменьшение числа пострадавших людей в целом;
- 3) снижение размеров экономических потерь;
- 4) уменьшение масштабов разрушений инфраструктуры.

Необходимость реализации в Российской Федерации Сендайской рамочной программы на национальном и местном уровне определена стратегическими документами, такими как:

– Основы государственной политики Российской Федерации в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций на период до 2030 года (утверждена указом Президента Российской Федерации от 11.01.2018 № 12);

– Основы государственной политики Российской Федерации в области гражданской обороны на период до 2030 года, утв. Указом Президента РФ от 20.12.2016 № 696;

– Постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 10 февраля 2016 года «О состоянии защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций»;

– План деятельности МЧС России по реализации постановления Совета Федерации от 26.02.2016 № 70-СФ, утв. Первым заместителем Министра от 28.03.2016 № 2-4-35-30-14.

Основное внимание реализации Сендайской рамочной программы в Российской Федерации на национальном и местном уровнях сосредоточено на следующих задачах:

1) анализ и управление рисками чрезвычайных ситуаций на всех уровнях системы РСЧС, мониторинг и прогнозирование угроз чрезвычайных ситуаций на основе системы ЦУКС, обмен такой информацией с заинтересованными организациями и населением;

2) совершенствование управления и координации действий по повышению устойчивости городов, муниципальных образований и организаций, предпринимаемых соответствующими органами законодательной и исполнительной власти, ведомствами и организациями;

3) укрепление потенциала противодействия возникновению чрезвычайным ситуациям в научно-техническом, социально-экономическом, медико-санитарном, культурном и образовательном планах;

4) развитие систем раннего оповещения, повышение готовности и обеспечение эффективности реагирования, восстановления, реабилитации и реконструкции перед лицом различных природных и техногенных угроз;

5) расширение международного сотрудничества между государствами и международными организациями, развитыми и развивающимися странами.

СРП акцентирует внимание на управлении риском бедствий. Под управлением риском понимается скоординированная деятельность по уменьшению вероятности возникновения чрезвычайной ситуации, ее негативных последствий до допустимых или приемлемых значений. В Российской Федерации мероприятия по управлению риском ЧС на основе приоритетов СРП осуществляет Национальная платформа Российской Федерации в рамках Единой государственной системы по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций, ядром и координатором которой является МЧС России. Единая система действует на федеральном, межрегиональном, региональном, муниципальном и объектовом уровнях в РФ.

Национальная платформа – это ключевой механизм для повышения устойчивости урбанизированных территорий к бедствиям, реализации СРП и повышения устойчивости к бедствиям, включая деятельность по совершенствованию научных исследований и технологий в этом направлении. Национальная платформа обеспечивает координацию, осуществляет анализ, предлагает помощь и поддержку по интеграции мер снижения риска бедствий (далее – СРБ) в различных сферах деятельности государства и общества. Деятельность по СРБ реализуется путем создания сети центров управления в кризисных ситуациях, внедрения Комплексных систем обеспечения безопасности населения и территорий, путем создания и совершенствования систем оповещения и информирования населения, включая системы экстренного оповещения и оповещения на транспорте (ОКСИОН, КСЭНОН, СЗИОНТ и др.), путем реализации мер, обеспечивающих устойчивость экономической деятельности (декларирование промышленной безопасности опасных производственных объектов, гидротехнических сооружений, паспортизации опасных объектов).

В РФ успешно функционирует во всех муниципальных образованиях и субъектах Программный комплекс динамического анализа риска по видовому спектру чрезвычайных ситуаций (ПК ДАР). Комплекс содержит статистическую информацию о произошедших ЧС за период с 1992 года. Данный программный продукт постоянно обновляется, и информация от всех муниципальных

образований поступает в НЦУКС для обновления информации в базе данных по чрезвычайным ситуациям (далее – ЧС)¹.

В настоящее время в РФ в городах активно внедряется аппаратно-программный комплекс «Безопасный город», который объединяет на единой информационной основе все существующие городские системы видеонаблюдения, оперативных служб, мониторинга и прогнозирования опасностей и др. АПК «Безопасный город» реализуется на базе Единых диспетчерских служб города и является прообразом построения в городах РФ «Умных городов» (SMART CITY). Реализацией Сендайской рамочной программы на местном уровне является глобальная кампания по повышению устойчивости городов «Мой город готовится!»². Перспективным представляется сочетание рациональных методов и подходов глобальной кампании «Мой город готовится!» и АПК «Безопасный город».

Кроме того, во ВНИИ ГОЧС разработан инструментарий по дистанционной оценке риска (ДиОРиск) на основе анализа трех составляющих риска: опасности, уязвимости и потенциала противодействия³. Основная идея «ДиОРиск» дистанционной оценки риска заключается в том, что данные для оценки должны быть получены из открытых баз данных, автоматически запрашиваться и обрабатываться без привлечения экспертов. В методологии «ДиОРиск» за основу взяты три составляющих индекса риска: опасности, уязвимость и потенциал противодействия. Для работы программного продукта «ДиОРиск» используются геоинформационные технологии. Основные функции ГИС технологий обеспечивают:

---

¹ Арефьева Е.В. Применение цифровых технологий в снижении риска ЧС на региональном и муниципальном уровне. – Доклад на пленарном заседании на ежегодной научно-практической конференции «Человек, общество и государство в обеспечении безопасности жизнедеятельности современной России», Москва, 23 октября 2018 г.

² Арефьева Е.В. 10 принципов повышения устойчивости городов: используем методiku ООН // Системы безопасности. 2018. № 6. С. 32–34.

³ Арефьева Е.В., Олтян И.Ю., Фалеев М.И. Методология и технология дистанционной оценки риска // Проблемы анализа риска. Том 15. 2018. № 4. С. 18–30.

- привязку, систематизацию, отбор и интеграцию всей поступающей и хранимой информации по чрезвычайным ситуациям и потенциальным ЧС;
- комплексность и наглядность отображения информации для принятия решений по снижению риска ЧС;
- возможность динамического моделирования опасных процессов и явлений, приводящих к ЧС;
- возможность автоматизированного решения задач, связанных с учетом различных факторов;
- возможность оперативного анализа ситуации и выработки обоснованных решений в различных режимах ЧС;
- оповещение о чрезвычайных ситуациях;
- прогнозирование и мониторинг чрезвычайных ситуаций;
- планирование и проведение мероприятий по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций.

Программный комплекс «ДиОРиск»⁴ обеспечивает:

- 1) автоматизированный сбор исходных данных по составляющим: опасности, уязвимость, потенциал противодействия, что характеризует субъект Российской Федерации и муниципальных образований, входящих в состав субъекта;
- 2) расчет количественного значения индексов рисков чрезвычайных ситуаций в пилотном субъекте Российской Федерации и их визуализацию средствами ГИС-платформы;
- 3) выработку и обоснование мероприятий по снижению рисков ЧС в пилотном субъекте Российской Федерации;

Основные открытые данные Российской Федерации, использованные в «ДиОРиск» представлены на:

- портале открытых данных Российской Федерации;
- информационных порталах федеральных органов исполнительной власти;
- информационных порталах органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации;

---

⁴ Арефьева Е.В., Олтян И.Ю., Фалеев М.И. Методология и технология дистанционной оценки риска // Проблемы анализа риска. Том 15. 2018. № 4. С. 20.

– информационных порталах местных органов исполнительной власти.

В качестве основных опасностей в «ДиОРиск» рассматривается: наводнения и нагонные явления; сейсмическая активность; оползни, сели, лавины; природные пожары; ураганы, смерчи, сильные ветры; подтопления; техногенные ЧС на потенциально опасных объектах (радиационно-, химически- и пожаро-взрывоопасных, гидротехнических сооружениях); техногенные ЧС на транспортных коммуникациях.

В качестве уязвимости рассматриваются: уязвимость населения, включая уязвимые группы (инвалиды, дети и пр.); уязвимость потенциально опасных объектов (с учетом износа); уязвимость объектов ЖКХ (с учетом износа); уязвимость территории.

В качестве потенциала противодействия рассматриваются: наличие и охват систем оповещения и информирования; система реагирования на ЧС; запасы резервов материальных и финансовых ресурсов, медицинских средств и пр.

Сейчас программный комплекс дистанционной оценки риска реализован на основе открытых данных Краснодарского края, информация о результатах применения «ДиОРиск»⁵ имеется на сайте Российского научного общества анализа риска⁶.

На основе комплекса по каждому показателю глава субъекта (губернатор) может оперативно получать сравнительную оценку муниципальных образований, выявлять авангардные муниципальные образования и арьергардные, а также граждане могут знакомиться с результатами независимой дистанционной оценки риска.

В настоящее время во ВНИИ ГОЧС ведется работа по адаптации к РФ инструментария Глобальной кампании ООН по

---

⁵ Портал Российского научного общества анализа риска. URL: <http://www.sra-russia.ru/> (дата обращения: 10 апреля 2019 г.).

⁶ Арефьева Е.В., Олтян И.Ю., Фалеев М.И. Методология и технология дистанционной оценки риска // Проблемы анализа риска. Том 15. 2018. № 4. С. 22.

повышению устойчивости городов «Мой город готовится»⁷. Данный инструментарий будет способствовать реализации Сендайской рамочной программы на местном уровне в городах РФ.

Совершенствование научно-методического аппарата, технологий в области снижения риска бедствий, оценки устойчивости городских территорий к бедствиям способствует реализации Сендайской рамочной программы в РФ.

---

⁷ См.: Арефьева Е.В. Применение оценочной карты глобальной кампании ООН «Мой город готовится!» для самооценки устойчивости городов к рискам бедствий!». Международная научно-практическая конференция «Инновационные подходы к решению проблем «Сендайской рамочной программы по снижению риска бедствий на 2015–2030 годы», 19–20 октября, 2018 г., Казань, КАИ; Арефьева Е.В. 10 принципов повышения устойчивости городов: используем методику ООН // Системы безопасности. 2018. № 6. С. 32–34.

ВОПРОСЫ НЕВМЕШАТЕЛЬСТВА ВО ВНУТРЕННИЕ ДЕЛА СУВЕРЕННЫХ ГОСУДАРСТВ ПРИ ОКАЗАНИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ГУМАНИТАРНОЙ ПОМОЩИ В СИТУАЦИЯХ БЕДСТВИЙ

Круглов Дмитрий Андреевич

*аспирант кафедры международного права
Российский университет дружбы народов*

Все регионы планеты подвержены разного рода стихийным бедствиям. Любое государство может столкнуться с последствиями природных и техногенных катастроф, которые невозможно преодолеть без помощи извне, вне зависимости от уровня экономического развития этого государства. При этом очевидно, что развивающимся государствам сложнее справляться с последствиями бедствий, а зачастую это и вовсе невозможно без поддержки международного сообщества.

Практика оказания международной помощи пострадавшим от бедствий государствам демонстрирует высокий уровень межгосударственного сотрудничества. Однако истории известны случаи, когда в чрезвычайных условиях бедствий государства не желали получать помощь от других государств и международных организаций, запрещали поставки гуманитарных грузов из-за рубежа. Следует вспомнить охвативший КНДР в 1995–1999 гг. голод, вызванный наводнениями, засухами и, как следствие, неурожаями, в результате чего погибли, по разным оценкам, до 3 млн человек. Правительство КНДР, объясняя голод экономическими санкциями, запрещало поставки гуманитарных грузов, в том числе от международных организаций. Подобная ситуация имела место и в Мьянме в 2008 г., когда в результате сокрушительного тропического циклона «Наргис», по данным ООН, погибли 90 тыс. человек, около 2 млн человек остались без жилья, критически нуждались в продовольствии, питьевой воде, медикаментах и иных видах чрезвычайной помощи. Официальные власти Мьянмы конфисковывали прибывающие гуманитарные грузы,

объявили «нежелательным» прибытие в страну сотрудников зарубежных организаций, оказывающих помощь. И хотя впоследствии власти Мьянмы позволили возобновить поставки международной помощи, изначальное препятствование этому стоило многих жизней¹. Подобные случаи грубого пренебрежения правами человека под предлогом нежелания иностранного вмешательства даже породили на политическом уровне обсуждение вопроса о распространении концепции «ответственности по защите» на ситуации бедствий².

Приведённые примеры показывают, что международные гуманитарные инициативы, исходящие как от государств, так и от международных организаций, по экстренному оказанию помощи в ситуациях бедствий сталкиваются с трудностями. Например, необходимость получения разрешений на въезд и на работу в пострадавшем государстве для спасателей, врачей и иного персонала из других государств и международных организаций, наличие таможенных процедур при доставке страдающему населению гуманитарных грузов, медикаментов, медицинского оборудования, продовольствия, воды, предметов первой необходимости чревато существенными промедлениями и, как следствие, жертвами среди пострадавшего населения, которых можно было бы избежать.

Если подойти к решению данного вопроса с позиции международного права прав человека, то следует отметить обязательства государств по защите прав человека, налагаемые, прежде всего, Международным пактом об экономических, социальных и культурных правах 1966 г.³ и Международным пактом о

---

¹ Центр новостей ООН. Оказание гуманитарной помощи жителям Мьянмы сталкивается с трудностями. URL: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=9603#.V69uaMf-p8c> (дата обращения: 1 апреля 2019 г.).

² См.: *Лабюк О.* «Ответственность по защите» и право на вмешательство // *Международные процессы.* 2008. Т. 6. № 3. С. 59–66.

³ *Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 г.* // Док. ООН A/RES/2200(XXI).

гражданских и политических правах 1966 г.⁴ Речь идёт о правах человека, имеющих первостепенное значение в ситуациях бедствий, таких как право на жизнь, право на достаточный жизненный уровень, право на здоровье и медицинское обслуживание, право на достаточное жилище. В условиях бедствий возможности и ресурсы государств могут быть существенно ограничены, однако это не отменяет положения о том, что государства обязаны принимать меры в «максимальных пределах имеющихся ресурсов» (п. 1 ст. 2 МПЭСКП). В случае, если государство не может выполнить свои обязательства даже в минимальной степени по причине ограниченности или нехватки ресурсов, «оно должно продемонстрировать, что им были предприняты все усилия для использования всех имеющихся в его распоряжении ресурсов, с тем чтобы в приоритетном порядке выполнить эти минимальные обязательства»⁵. Более того, обязательство принимать меры в «максимальных пределах имеющихся ресурсов» даёт государствам «право получать средства, предлагаемые международным сообществом»⁶, и в целях выполнения обязательств по правам человека использовать как ресурсы, имеющиеся в самом государстве, так и ресурсы, которые оно может получить от международного сообщества в рамках международного сотрудничества и помощи⁷. Право на гуманитарную помощь юридически признано в международном гуманитарном праве в период международных вооружённых конфликтов и вооружённых конфликтов немежду-

---

⁴ Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. // Док. ООН A/RES/2200(XXI).

⁵ Комитет по экономическим, социальным и культурным правам. Замечание общего порядка № 3. Природа обязательств государств-участников // Док. ООН E/1991/23. П. 10.

⁶ Комитет по экономическим, социальным и культурным правам. Оценка обязательства по принятию мер «в максимальных пределах имеющихся ресурсов», предусмотренного Факультативным протоколом к Пакту // Док. ООН E/C.12/2007/1. П. 5.

⁷ См.: Там же.

народного характера⁸. Вместе с тем, в отношении ситуаций бедствий отсутствует чёткое закрепление такого права. Относительно необходимости поставок продовольствия в целях обеспечения права на достаточное питание в Замечании общего порядка № 12 КЭСКП подтвердил свою позицию, основанную на положениях п. 1 ст. 2 МПЭСКП, которая состоит в том, что государство должно продемонстрировать, что им были предприняты все усилия для использования всех находящихся в его распоряжении ресурсов в целях обеспечения в приоритетном порядке выполнения минимальных обязательств по праву на питание, при этом на государстве, заявляющем о своей неспособности выполнить своё обязательство по независящим от него причинам, лежит бремя доказывания того, что дело обстоит именно так и что оно безуспешно старалось добиться международной поддержки для обеспечения наличия и доступности необходимого продовольствия⁹. Таким образом, с учётом приведённых положений Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах и позиций КЭСКП, раскрывающих эти положения, можно считать, что в международном праве прав человека существование права населения на гуманитарную помощь в ситуациях бедствий признаётся.

Следует отметить, что при оказании международной помощи в ситуациях бедствий для преодоления их последствий пострадавшему государству бывает недостаточно поставок гуманитарных грузов и финансовой помощи, также может требоваться размещение сотрудников для проведения спасательных операций, технических специалистов и даже иностранных военнослужащих, поскольку во многих государствах деятельность по предупреждению и преодолению последствий стихийных бедствий

---

⁸ См., например: ст. 70 Дополнительного протокола I 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г., касающегося защиты жертв международных вооружённых конфликтов; ст. 18 Дополнительного протокола II 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г., касающегося защиты жертв вооружённых конфликтов немеждународного характера.

⁹ См.: Committee on Economic, Social and Cultural Rights. General Comment 12. Right to adequate food // UN Doc. E/C.12/1999/5 (1999). Par. 17.

и техногенных катастроф отнесена к компетенции военных ведомств.

Таким образом, ситуации, в которых пострадавшее в результате бедствий государство отказывается, опасаясь политического или иного влияния, от внешней помощи вопреки императивным принципам международного права, прежде всего принципа сотрудничества и принципа уважения прав человека, поднимают сложные юридические вопросы, в первую очередь связанные с соотношением указанных принципов с принципами суверенитета и невмешательства.

Устав ООН устанавливает обязательность межгосударственного сотрудничества. В качестве цели Организации Устав в п. 3 ст. 1 определяет, что она осуществляет «международное сотрудничество в разрешении международных проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера и в поощрении и развитии уважения к правам человека ...»¹⁰. Декларация о принципах международного права 1970 г. чётко определяет обязательный международно-правовой характер данного принципа: «Государства обязаны, независимо от различий в их политических, экономических и социальных системах, сотрудничать друг с другом в различных областях международных отношений с целью поддержания международного мира и безопасности и содействия международной экономической стабильности и прогрессу, общему благосостоянию народов и международному сотрудничеству, свободному от дискриминации, основанной на таких различиях»¹¹. Таким образом, международное право

---

¹⁰ Устав Организации Объединённых Наций от 26 июня 1945 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключённых СССР с иностранными государствами. Вып. XII. М., 1956. С. 14–47.

¹¹ Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединённых Наций от 24 октября 1970 г. // Док. ООН A/RES/2625(XXV).

устанавливает «обязанность всех государств сотрудничать друг с другом во всех областях международных отношений»¹².

Принцип суверенного равенства закреплён в ст. 2 Устава ООН. Однако его содержание не конкретизировано в Уставе. Декларация о принципах международного права 1970 г. устанавливает, что «все государства пользуются суверенным равенством. ... Понятие “суверенное равенство” включает следующие элементы: ... территориальная целостность и политическая независимость государства неприкосновенны; каждое государство имеет право свободно выбирать и развивать свои политические, социальные, экономические и культурные системы ...»¹³.

Обязанность государств не вмешиваться прямо или косвенно по какой бы то ни было причине в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию любого государства, закреплена в п. 7 ст. 2 Устава ООН. Хотя в западной литературе предпринимались попытки ослабить значение принципа невмешательства¹⁴ путём ограничительного толкования понятия «вмешательство», они не увенчались успехом. Данный принцип был развит в Декларации о принципах международного права 1970 г., которая установила, что любые формы вмешательства являются нарушением международного права, установила строгий и категоричный характер данного принципа, запретив вмешательство в прямом или косвенном проявлении. Хотя наиболее опасной формой вмешательства является применение вооружённой силы,

---

¹² Ушаков Н.А. Принцип сотрудничества государств // Курс международного права. В 7 т. Т. 2. Основные принципы международного права / Г.В. Игнатенко, В.А. Карташкин, Б.М. Клименко и др. М.: Наука, 1989. С. 201.

¹³ Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций от 24 октября 1970 г. // Док. ООН A/RES/2625(XXV).

¹⁴ См., например: Оппенгейм Л. Международное право. Т. 1, полутом 1. М.: Государственное издательство иностранной литературы, 1948. С. 386.

иные его формы «могут послужить не менее серьёзным посягательством на суверенитет и независимость государства»¹⁵.

Безусловно, приведённые принципы международного права являются выражением важнейших закономерностей и устоев современной системы международных отношений и международного права¹⁶, сфера их действия универсальна как по субъектам, так и по сферам регулирования международных отношений. Однако вопрос об их соотношении в контексте вопросов оказания международной помощи в ситуациях бедствий актуализирован существующими в настоящее время проблемами их соблюдения. В качестве примера следует вспомнить ситуацию в Гаити, где в результате землетрясения в 2010 г. погибло, по официальным данным, более 220 тысяч человек. Международное сообщество оказало значительную поддержку этому государству, при этом основная помощь была предоставлена Соединёнными Штатами Америки. Нисколько не умаляя роль США в поддержке Гаити после этой катастрофы, следует отметить, что для проведения спасательных работ Соединёнными Штатами были направлены вооруженные силы, численностью в 3500 солдат и 2200 морских пехотинцев¹⁷. И в течение долгого времени военный контингент США оставался на территории Гаити, некоторые подразделения присутствуют до сих пор. В феврале 2019 г. страну охватили массовые акции протеста¹⁸, вызванные, главным

---

¹⁵ Ушаков Н.А. Принцип невмешательства // Курс международного права. В 7 т. Т. 2. Основные принципы международного права / Г.В. Игнатенко, В.А. Карташкин, Б.М. Клименко и др. М.: Наука, 1989. С. 144.

¹⁶ См.: Лукашук И.И. Понятие и система основных принципов международного права // Курс международного права. В 7 т. Т. 2. Основные принципы международного права / Г.В. Игнатенко, В.А. Карташкин, Б.М. Клименко и др. М.: Наука, 1989. С. 5.

¹⁷ Спасательная операция на Гаити / BBC News. URL: https://www.bbc.com/russian/international/2010/01/100114_us_haiti_assistance.shtml (дата обращения: 5 апреля 2019 г.).

¹⁸ Baumann L. Protests, violence in Haiti prompts international call for 'realistic and lasting solutions' to crisis / UN News. URL: <https://news.un.org/en/story/2019/02/1032441> (дата обращения: 5 апреля 2019 г.).

образом, тяжелым социально-экономическим положением в стране, однако среди требований протестующих звучали и призывы к выводу вооружённых сил США с территории Гаити и прекращение экономического давления со стороны США¹⁹.

Ситуации, сложившиеся в Мьянме и Гаити после масштабных бедствий, обнажили проблему соотношения приведённых принципов международного права, когда обязанность государств сотрудничать и принимать международную помощь согласно установкам основных международных договоров в области прав человека вступает в некоторое противоречие с принципами суверенитета и невмешательства во внутренние дела. Но на самом деле никакого противоречия здесь быть не должно, и решение данного проблемного вопроса состоит в том, что международное сотрудничество в области оказания помощи в ситуациях бедствий должно осуществляться в строгом соблюдении предписаний *всех* основных принципов международного права. Государство, оказывающее помощь пострадавшему в результате бедствия другому государству, не может использовать свою гуманитарную деятельность в качестве предлога для последующего политического или экономического давления. Основные принципы международного права образуют систему, «они тесно переплетены и взаимодействуют»²⁰. Это вытекает из Устава ООН, который устанавливает принципы для достижения общих целей Организации, и особо подчеркивается в Декларации о принципах международного права 1970 г.: «при истолковании и применении изложенных выше принципов последние являются взаимосвя-

---

¹⁹ Esposito A. Haiti police fire rubber pellets at mourners as protests resume / Reuters World News. URL: <https://www.reuters.com/article/us-haiti-protests/haiti-police-fire-rubber-pellets-at-mourners-as-protests-resume-idUSKCN1QC01Y> (дата обращения: 5 апреля 2019 г.).

²⁰ Лукашук И.И. Понятие и система основных принципов международного права // Курс международного права. В 7 т. Т. 2. Основные принципы международного права / Г.В. Игнатенко, В.А. Карташкин, Б.М. Клименко и др. М.: Наука, 1989. С. 16.

занными, и каждый принцип должен рассматриваться в свете других принципов»²¹.

Ещё одним решением проблемных вопросов, связанных с оказанием международной помощи в ситуациях бедствий, может стать принятие на универсальном уровне всеобъемлющего многостороннего договора, касающегося общих аспектов обеспечения безопасности в ситуациях бедствий и устанавливающего общие международно-правовые рамки сотрудничества государств в этой сфере. На сегодняшний день такого универсального международно-правового акта не существует. Хотя Комиссией международного права ООН разработан проект статей «Защита людей в случае бедствий», сложно сказать, когда этот документ будет принят на правительственном уровне и будет ли вообще. Подобный универсальный международно-правовой акт мог бы закрепить принципы оказания международной помощи в ситуациях бедствий и решить проблемы, подобные тем, которые сложились вокруг ситуаций в Мьянме и Гаити. В частности, видится важным закрепление права пострадавших в результате бедствий на гуманитарную помощь, аналогично тому, как такое право закреплено в ст. 70 Дополнительного протокола I 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г. Хорошим примером может послужить и то, как в данной статье зафиксированы принципы оказания гуманитарной помощи: «операции по оказанию помощи, ... носят гуманитарный и беспристрастный характер и осуществляются без какого-либо неблагоприятного различия ... Предложения об оказании помощи ... не рассматриваются как вмешательство в вооруженный конфликт или как недружественные акты»²².

---

²¹ Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций от 24 октября 1970 г. // Док. ООН A/RES/2625(XXV).

²² Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I) // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLVI. М., 1993. С. 134–182.

Рассуждая о вопросах оказания помощи пострадавшим в результате бедствий и жертвам вооруженных конфликтов, важно помнить позицию Международного Суда ООН, который в решении по делу «О проливе Корфу» 1949 г. указал, что элементарные требования гуманности должны соблюдаться во время мира даже строже, чем во время войны²³.

---

²³ Международный Суд ООН. Дело о проливе Корфу. Решение от 9 апреля 1949 г. / The Corfu Channel Case (United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland v. Albania). Judgement of 9 April 1949 // ICJ Reports 1949. URL: <http://www.icj-cij.org/docket/files/1/1645.pdf>. P. 22.

**ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ БЕЗОПАСНОСТИ
В СЛУЧАЕ БЕДСТВИЙ КАК ЭЛЕМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ
СЕНДАЙСКОЙ РАМОЧНОЙ ПРОГРАММЫ
ПО СНИЖЕНИЮ РИСКА БЕДСТВИЙ
НА 2015–2030 ГОДЫ¹**

Лисаускайте Валентина Вlado

*канд. юрид. наук, доцент,
доцент кафедры международного права
и сравнительного правоведения Юридического института
Иркутского государственного университета*

В литературе существуют разные определения термина «культура безопасности» в зависимости от сферы применения. Однако, сама его сущность имеет схожее содержание и применение. Культура безопасности – это системно выстроенное на базе современной науки представление о совокупности взаимосвязанных угроз безопасности личности, общества и государства, мирового сообщества, сложившиеся в настоящее время от природных причин и преобразовательной жизнедеятельности человека, и о найденных путях предотвращения чрезвычайных ситуаций и катастроф².

Осознание населением критериев опасности природных явлений и антропогенных инцидентов является неотъемлемой составляющей готовности к бедствию и снижению уязвимости, снижению его последствий. Согласно Сендайской рамочной программе по снижению риска бедствий на 2015–2030 годы (далее – СРП), одним из ее приоритетных направлений указано, в том

---

¹ Доклад подготовлен при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №18-011-01091.

² Приктова А.С. Культура безопасности и возможности ее формирования в рамках изучения курса «Безопасность жизнедеятельности» // Современное образовательное пространство: психологическое благополучие и культура безопасности. Сборник докладов межрегиональной конференции с международным участием. 2017. С. 156 – 159.

числе, «понимание риска бедствий»³. Данное направление включает в себя, на наш взгляд, несколько аспектов:

- развитие науки о бедствиях, опасных природных явлениях, с целью разработки новых технологий прогнозирования уровня риска, технологий предотвращения бедствий;

- понимание риска через изучение, через обучение механизма защиты от бедствий с учетом их видов и специфики. Нас интересует именно этот аспект. Поскольку посредством обучения, в том числе, формируется культура, в нашем случае, культура безопасности в случае бедствий.

СРП раскрывает в своем содержании, как именно необходимо развивать это направление:

1. «Повышать уровень осведомленности... с помощью мероприятий по обмену опытом, практическими уроками и передовыми методами, а также обучения и просвещения по вопросам снижения риска бедствий, в том числе с использованием существующих механизмов подготовки и просвещения и практики коллективного обучения»⁴;

2. «Содействовать включению просвещения по вопросам, касающимся риска бедствий, смягчения их последствий, обеспечения готовности к ним, реагирования, восстановления и реабилитации, в программы формального и неформального образования, а также мероприятия по просвещению граждан на всех уровнях, и программы профессионального обучения и подготовки»⁵;

3. «Поддерживать национальные стратегии повышения уровня осведомленности и информированности общественности по вопросам снижения риска бедствий с помощью различных кампаний, социальных сетей и мероприятий по мобилизации

---

³ Сендайская рамочная программа по снижению риска бедствий на 2015 – 2030 гг. Женева: ООН. МСУОБ. С. 10.

⁴ Сендайская рамочная программа по снижению риска бедствий на 2015 – 2030 гг. Женева: ООН. МСУОБ. С. 11.

⁵ Сендайская рамочная программа по снижению риска бедствий на 2015 – 2030 гг. Женева: ООН. МСУОБ. С. 12.

общественности с учетом особенностей и потребностей аудитории»⁶.

Исходя из содержания данных положений, можно определить формы реализации, которые используют государства и международные организации в своей практике для формирования и поддержки на необходимом уровне культуры безопасности в случае бедствий. Необходимо подчеркнуть, что все указанные формы, как правило, реализуются одновременно в рамках одного проекта, либо имеют самостоятельный характер.

Обучение. Является широко применимой формой, поскольку включает в себя все уровни обучения. Для развитых стран – это и школьный уровень, уровень высшего и специального образования, уровень профессиональной подготовки, повышение квалификации. В первых двух случаях обучение должно иметь постоянный обязательный характер в виде учебной дисциплины. Такой подход действует в России. Для стран Азии и Ближнего востока действует программа ЮНЕСКО по обучению школьников основам культуры безопасности в случае бедствий. В 2006 г. ЮНЕСКО начала реализацию кампании «Снижение риска бедствия начинается в Школе». Достаточно большое количество стран, к сожалению, не имеют системы преподавания культуры безопасности, поэтому международные организации пытаются заполнить этот пробел своими проектами.

Соглашение Совета Европы об основных опасностях (далее – EUR-OPA) всегда отдавало абсолютный приоритет инициативам, направленным на развитие программ по образованию, обучению и информированию, что представляет собой «краеугольный камень» культуры риска и основу для разумной политики предотвращения рисков. Действия в этой области включены в Европейскую программу обучения в области наук о рисках, цель которой – стимулировать обучение в области наук о рисках на трех уровнях: школьный уровень; университетский уровень;

---

⁶ Сендайская рамочная программа по снижению риска бедствий на 2015 – 2030 гг. Женева: ООН. МСУОБ. С. 12.

профессиональный уровень⁷. В рамках EUR-OPA реализуются различные программы по обучению всех уровней. Так, еще в 1997 г. была реализована программа «Науки о риске: обучение на уровне школы». А в настоящее время продолжает осуществляться проект Европейского центра Никосии (Кипр) по созданию многоязычного интернет-сайта «Будьте в безопасности»⁸.

Учебная программа Соглашения EUR-OPA на университетском уровне направлена на содействие обучению региональных и местных риск-менеджеров в государственном и частном секторах, осуществляет конкретные учебные мероприятия, связанные с использованием новых инструментов, разработанных для поддержки управления рисками.

Профессиональная подготовка и повышение квалификации должны быть высокого качества. Не все страны имеют такую возможность, поэтому используют обучающие программы, предлагаемые международными организациями (например, Международной организацией гражданской обороны – МОГО). МОГО внедряет систему онлайн обучения, для упрощения всех организационных вопросов, а также сокращения расходов. В настоящее время, в отдельных странах (например, в Италии и Франции) существуют специальные образовательные центры, обучающие отдельным узким аспектам профессий, чья деятельность имеет отношение к управлению бедствиями, их прогнозированию и реагированию на них.

Еще одной составляющей образования является формирование знаний и навыков среди населения, для которых они не являются обязательными, исходя из профессиональной деятельности и возраста. То есть, это люди, которые уже давно прошли обязательное обучение культуре безопасности, а их работа не требует обязательного повышения квалификации в этой сфере. Тогда имеющиеся знания забываются, и повышается уровень риска уязвимости. Именно данная группа является наиболее

---

⁷ Официальный сайт EUR-OPA. URL: <http://www.coe.int/en/web/euro-parisks/home> (дата обращения 8 апреля 2019 г.).

⁸ Официальный сайт проекта «Будь в безопасности». URL: <http://www.besafenet.net/> (дата обращения: 8 апреля 2019 г.).

многочисленной, и ее привлечение к добровольному образовательному процессу представляет собой проблему для государств. Это, так называемый, постобразовательный уровень. В данном случае и предлагается использовать предложенные в Сендайской программе различные способы передачи информации: социальные сети, кампании, мероприятия, мы можем рассматривать их в качестве самостоятельной формы реализации.

Практические мероприятия. Могут реализовываться для населения в виде конкурсов, тренингов, открытых тематических площадок, наглядных выставок. Например, проведение наглядных учений на «День пожарника» на площадке у торгового центра. Таким образом, привлекается внимание людей, у них появляется интерес и представленная в виде «игры» информация частично остается в их сознании. Практические мероприятия необходимо реализовывать посредством привлечения общественных организаций, образовательных учреждений, частного сектора. Это достаточно серьезные финансовые и временные вложения, поэтому государство и различные фонды должны поддерживать заявки проектов на гранты подобного характера.

Использование социальной рекламы и общедоступных информационно-образовательных ресурсов. Можно рассматривать, как способ реализации формы «образование». Однако может иметь и самостоятельную форму реализации в направлении понимания риска бедствий и формирования культуры безопасности. Давно известно, что именно социальная реклама через средства массовой информации, рекламные стенды и другие форматы наиболее эффективна с точки зрения восприятия и принятия информации. Такой формой пользуются в области защиты прав детей, защиты прав женщин, соблюдения правил дорожного движения и т.п. Необходимо использовать этот формат и в отношении формирования культуры безопасности в случае бедствий. К сожалению, в нашей стране к социальной рекламе относятся несерьезно. Не учитываются позитивные последствия ее применения.

Социальная реклама рассматривается как составляющая социальной информационной среды, как фактор формирования ценностных основ посредством использования различных комму-

никационных моделей. Социальная реклама как инструмент социального пиара становится достаточно эффективной, если грамотно использовать ресурсный потенциал⁹. Таким образом, данная форма может эффективно использоваться, но для этого должны привлекаться государственные финансовые средства.

В настоящее время, направление СРП «понимание риска бедствий» в рассматриваемом нами аспекте активно реализуется международными организациями и государствами посредством создания интернет-площадок с общедоступной информацией относительно бедствий, их риска и правил поведения при возникновении бедствий. В рамках ООН функционирует сайт PreventionWeb¹⁰. База знаний PreventionWeb ежедневно пополняется новостями, публикациями, событиями, обучением и заданиями на тему риска бедствий и устойчивости.

В настоящее время реализуется образовательный проект Юридического института Иркутского государственного университета «Научно-образовательная платформа «Международное право бедствий», который представлен на сайте PreventionWeb и имеет свой онлайн курс. Проект включает в себя как образовательный, так и информационный элементы, поскольку, помимо обучения в качестве дополнительного курса, размещается информация о международной защите от бедствий на сайте института¹¹. Такой информационный ресурс представляет собой комплексный всесторонний проект объединения и распространения информации в области защиты от бедствий. Он доступен для специалистов, ученых и простого населения.

В рамках Европейского и Средиземноморского соглашения об основных опасностях (EUR-OPA) в 2018 г. было принято

---

⁹ Бакеева Д.А. Социальная реклама как инструмент социального пиара: структура и классификация ценностей (на примере соцрекламы города Саранска) // Журналистский ежегодник. 2016. № 5. С. 60–63.

¹⁰ PreventionWeb. URL: <https://www.preventionweb.net/events/view/63869?id=63869> (дата обращения: 8 апреля 2019 г.).

¹¹ Официальный сайт Юридического института ИГУ. URL: <http://www.lawinstitut.ru/ru/about/departments/international/Mezhdunarodnoepravobedstvij.html> (дата обращения: 8 апреля 2019 г.).

решение сделать свои информационные ресурсы и ресурсы специализированных центров доступными для населения, в том числе в контексте подачи информации¹². Действительно, специализированные центры создали много качественных и интересных, эффективных методик, о которых знают только специалисты.

Конечно, деятельность по формированию культуры безопасности в случае бедствий не является чем-то новым. Это давняя работа для развитых стран и международных структур. Но это новое направление для развивающихся государств, особенно не имеющих национальной инфраструктуры по управлению в чрезвычайных ситуациях. Однако изменения общества требуют поиска новых подходов для повышения качества и обеспечения безопасности жизни.

Проблемы, с которыми, на наш взгляд, сталкиваются участники международного сотрудничества по защите от бедствий при реализации рассматриваемого приоритетного направления Сендайской программы:

1. Финансирование – обучение постобразовательного уровня должно быть бесплатным, либо обязательным, исходя из профессиональной деятельности или должности. Для частичного решения вопросов финансирования необходимо привлечение внешних средств субсидирования, грантов.

2. Восприятие информации населением – на практике преподаватели и специалисты сталкиваются с нежеланием обучаться, если это необязательно. Нет желания воспринимать информацию. Поэтому необходимо использовать интерактивные методы работы. Формировать обучающий материал с привязкой к сфере деятельности лица, чтобы сформировать опосредованный интерес.

---

¹² European and Mediterranean major hazards agreement (EUR-OPA). Restructuring EUR-OPA; Priority activities in 2019, Strasbourg, 2 November 2018. AP/CAT(2018)05 APCAT(2018)05-Restructuring_EUR-OPA_clean_en.docx.pdf. URL: <https://rm.coe.int/restructuring-eur-opa-priority-activities-in-2019/16808c76a4> (дата обращения: 15 февраля 2019 г.).

Использовать для продвижения образовательной информации социальные сети. Менять подход в преподавании на всех уровнях обучения.

Для формирования культуры безопасности в случае бедствий необходимо, чтобы такая деятельность во всех представленных формах проявления должна быть системной, но при этом не должна перегружать информационный поток восприятия информации населением. То есть осуществляться периодически и в разных форматах.

Надо отметить, что образовательная составляющая достаточно традиционна для формирования идеологии или культуры. Однако, на сегодняшний день, для международных организаций и государств фактором эффективности и популярности выступают методика и форма такого обучения с учетом особенностей контингента, уровня получаемого образования и других критериев.

Относительно Российской Федерации следует сказать, что несмотря на наличие инфраструктуры в области управления чрезвычайными ситуациями, к сожалению, культура безопасности в случае бедствий существует на достаточно невысоком уровне. Это связано и с объективными, и с субъективными причинами. Поэтому мы находимся на начальном этапе формирования культуры безопасности в целом, и культуры безопасности в случае бедствий. Однако следует отметить, что в последние годы, после трагических техногенных ситуаций, население стало проявлять интерес к такой информации. А это хорошее начало для дальнейшего формирования и развития обучающих технологий необязательного, постобразовательного уровня формирования культуры безопасности в случае бедствий.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ИНИЦИАТИВЫ ПО ПРЕДОТВРАЩЕНИЮ РИСКОВ КАТАСТРОФ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Меретуков Заур Довлетбиевич

*аспирант департамента техносферной безопасности
Аграрно-технологического института
Российского университета дружбы народов*

Сендайская рамочная программа по снижению риска бедствий на 2015–2030 гг. (далее – СРП) была принята на Третьей Всемирной конференции в г. Сендае (Япония) 18 марта 2015 г. Она определяет комплекс мероприятий по уменьшению опасности бедствий на местном, национальном, региональном и международном уровнях. СРП включает реализацию комплекса экономических, структурных, юридических, социальных, медико-санитарных, культурных, образовательных, экологических, технологических, политических и институциональных мер. Критерием выполнения Сендайской рамочной программы к 2030 году является достижение семи глобальных целевых задач, определённых п. 18 СРП¹.

Сендайская рамочная программа является инструментом-преемником Хиогской рамочной программы действий (ХПД) на 2005–2015 гг.: создание потенциала противодействия бедствиям на уровне государств и общин. ХПД была разработана в целях придания дополнительного импульса процессу глобальной деятельности, предусмотренной Международными рамками действий для Международного десятилетия по уменьшению опасности стихийных бедствий 1989 г. и Йогогамской стратегией по обеспечению более безопасного мира: руководящие принципы предотвращения стихийных бедствий, обеспечения готовности и смягчения их последствий, Планом действий, принятым в 1994 г.,

---

¹ Сендайская рамочная программа по снижению риска бедствий на 2015–2030 годы. URL: <https://www.un.org/ru/> (дата обращения: 10 апреля 2019 г.).

и Международной стратегией уменьшения опасности бедствий 1999 г.²

Согласно СРП всем государствам предлагается интегрировать стратегии, связанные с уменьшением опасности бедствий, в свою политику, планы и программы в области устойчивого развития на всех уровнях. В целях реализации данной стратегии Россия существенно увеличила объём финансирования мероприятий по уменьшению опасности бедствий (в рамках федеральных целевых программ), который за последние годы составил 34,2 млрд рублей³.

В настоящее время проблема изменения климата как мультипликатор незащищённости в Центральной Азии достигла таких масштабов, что вызывает серьёзную обеспокоенность в связи с ситуацией в горных и густонаселённых районах, а также на южных границах Центральной Азии. Эти вопросы заслуживают постоянного внимания, поскольку горы Памира и Тянь-Шаня с расположенной между ними Ферганской долиной являются геополитически нестабильными районами, которые на протяжении многих лет характеризуются социально-экономической незащищённостью. Это можно объяснить тем, что горные районы традиционно особенно уязвимы к изменению климата: таяние ледников и вечная мерзлота нарушают водные режимы и ставят под угрозу экосистемы. В горных районах стихийные бедствия более распространены и более разрушительны, а население горных районов живёт в большей бедности и изоляции, чем жители низин. Относительная близость к границам России требует

---

² Тихомирова Ю.М. Стратегия управления рисками и международные соглашения о противодействии бедствиям в целях безопасности: меры реализации Сендайской рамочной программы ООН по снижению риска бедствий // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2017. № 11. С. 66-69.

³ Олтян И.Ю., Арефьева Е.В., Крапухин В.В., Ляховец Т.Л. О реализации в Российской Федерации Сендайской рамочной программы и глобальной кампании МСУОБ ООН по повышению устойчивости городов «Мой город готовится!» // Технологии гражданской безопасности. Том 14. 2017. № 2 (52). С. 32–39.

активного участия нашей страны в реализации Сендайской рамочной программы действий на основе межгосударственного сотрудничества и реализации межгосударственных соглашений.

В Российской Федерации реализация данной программы поручена таким ведомствам, как МЧС России, Росводресурсы, Росгидромет, Ростехнадзор, Рослесхоз, а также другим заинтересованным федеральным органам исполнительной власти и научным организациям⁴. В рамках реализации приоритетов Сендайской рамочной программы в МЧС России определена организация-координатор реализации Сендайской программы на национальном и местном уровне – это Всероссийский научно-исследовательский институт по проблемам гражданской обороны и чрезвычайных ситуаций (ВНИИ ГОЧС). Главная и первостепенная задача в реализации СРП – это создание нормативно-правовой документации, связывающей все органы исполнительной власти, участвующие в реализации СРП. Без законодательной основы успешная реализация федеральной программы невозможна.

Отступление и таяние ледников, а также изменение характера атмосферных осадков и таяния снега приводят к изменению гидрологического режима горных рек. Дефицит водных ресурсов и изменения в режимах рек Центральной Азии усугубляют нехватку энергетических ресурсов в горных районах, зависящих от гидроэнергетики. Это может привести к необеспеченности продовольствием жителей низин, зависящих от воды для орошения. В засушливые и маловодные годы конкуренция за пастбища и водные ресурсы на местах усилится, а отвод воды, который поставит некоторых в неблагоприятные условия, может привести к серьёзной напряжённости⁵.

---

⁴ Олтян И.Ю., Арефьева Е.В., Крапухин В.В., Ляховец Т.Л. О реализации в Российской Федерации Сендайской рамочной программы и глобальной кампании МСУОБ ООН по повышению устойчивости городов «Мой город готовится!» // Технологии гражданской безопасности. Том 14. 2017. № 2 (52). С. 32–39.

⁵ Сорокина И.В., Галиуллина Р.Л. Чрезвычайные ситуации на территории Российской Федерации в 2017–2018 годах: статистический анализ // Вопросы статистики. 2019. № 2. С. 64–67.

Прогнозируемые в ближайшем будущем последствия изменения климата в густонаселённых районах являются проблемой, многим грозит нехватка продовольствия и последствия аномальной жары, особенно в тех районах, где наблюдается конкуренция за природные ресурсы. Из-за массовой трудовой миграции, в основном, мужчин и молодёжи трудоспособного возраста, увеличивается нагрузка на женщин, детей и пожилых людей, которые оставшись одни, часто переживают неурожайные годы и подвержены экстремальным погодным условиям и стихийным бедствиям. Проблема изменения климата недостаточно учитывается при принятии решений, касающихся рационального использования водных ресурсов, производства энергии и продовольственного снабжения.

Все эти факторы создают сложности реализации данной программы в странах Центральной Азии. Сегодня существует ряд проблем, заключающихся в её недостаточно качественной реализации, отставании от сроков и нескоординированности между странами. Ситуация в Афганистане вызывает обеспокоенность, являясь угрозой безопасности для всех стран Центральной Азии, а изменение климата ещё больше дестабилизирует ситуацию. Вспышки нестабильности и народные волнения подрывают социально-экономическое развитие в горных странах и изолированных анклавах, приграничных районах и удалённых или густонаселённых полиэтнических районах.

Территории особого внимания в Центральной Азии – это густонаселённые районы и отдалённые районы на афганской границе, высокогорные районы, бассейны рек Амударья, Сырдарья, Зарафшан, Чу и Талас, бассейн реки Или и озеро Балхаш, Каспийское и Аральское море и прибрежная зона. Ситуация в Таджикистане представляет собой совокупность основных для региона тем – последствий изменения климата и экстремальных погодных условий в горных и густонаселённых районах, трансграничной напряжённостью, связанной с водными ресурсами и развитием энергетики и усугубляемой бедностью. Южные районы страны особенно чувствительны к изменению климата и экстремальным погодным условиям, а близость к Афганистану с

нестабильной обстановкой является постоянной угрозой национальной безопасности. Тем не менее, Таджикистан стал первопроходцем, учитывающим вопросы изменения климата при планировании экономики, увязывании инвестиций с долгосрочными последствиями изменения климата и признании взаимосвязи между устойчивостью к изменению климата и экономической безопасностью⁶.

Предлагаемые инициативы по управлению рисками катастроф в Центральной Азии в рамках Сендайской рамочной программы предполагают международную координацию действий правительств стран Центральной Азии с целью принятия и реализации неотложных мер не только на местном, но и на региональном уровнях с целью решения проблем, связанных с воздействием изменения климата и последствиями для безопасности. Продовольственная и энергетическая безопасность во многом определяется погодными и климатическими факторами. В Центральной Азии вода является одним из основных природных ресурсов, а водная безопасность – это приоритетная задача, особенно когда речь идёт о трансграничных водных ресурсах⁷.

Существует ряд проблем на всех уровнях реализации Сендайской программы, которые необходимо в дальнейшем решить соответствующими органами власти государств. Приоритетам в этом направлении должна стать охрана окружающей среды и последовательная и целенаправленная международная поддержка населения проблемных регионов.

---

⁶ Сорокина И.В., Галиуллина Р.Л. Чрезвычайные ситуации на территории Российской Федерации в 2017–2018 годах: статистический анализ // Вопросы статистики. 2019. № 2. С. 64–67.

⁷ Тихомирова Ю.М. Стратегия управления рисками и международные соглашения о противодействии бедствиям в целях безопасности: меры реализации Сендайской рамочной программы ООН по снижению риска бедствий // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2017. № 11. С. 66–69.

МЕРЫ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ВЫРУБКЕ ЛЕСОВ И ЛИКВИДАЦИИ ПОСЛЕДСТВИЙ НАВОДНЕНИЙ (ОПЫТ КОРЕЙСКОЙ НАРОДНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ)

ОруджовЭльчин Фахраддин оглы

*аспирант департамента техносферной безопасности
Аграрно-технологического института
Российского университета дружбы народов*

Лесные экосистемы играют ключевую роль в жизнеобеспечении: очистка воды и воздуха, снабжение продовольствием, подпитка грунтовых вод, сохранение биоразнообразия, буферные функции против стихийных бедствий и т.д. Исследования экономики природных экосистем показали их важность для благополучия людей. Одной из основных проблем в области изменения климата является борьба со стихийными бедствиями и экстремальными явлениями, такими как внезапные наводнения и сильная засуха. Изменение климата приводит к изменениям частоты, интенсивности, пространственной протяженности, продолжительности и времени экстремальных погодных и климатических явлений и может привести к беспрецедентным экстремальным погодным и климатическим явлениям; вполне вероятно, что частота сильных осадков или доля общего количества осадков в результате сильных падений увеличатся в XXI веке во многих районах земного шара. Поэтому сохранение лесов будет в значительной степени способствовать смягчению последствий стихийных бедствий, будет способствовать адаптации к изменению климата. Кроме того, это также поможет поглощать атмосферный углерод в процессе фотосинтеза, тем самым уменьшая концентрацию атмосферного углерода и, таким образом, внося значительный вклад в смягчение последствий изменения климата¹.

---

¹ Myeong S. Flood vulnerability and deforestation: A case study of North Korea, 2014. URL: <https://www.unisdr.org/we/inform/publications/50235> (дата обращения: 9 апреля 2019 г.).

Северная Корея в течение многих лет испытывала серьезные потери и ущерб от стихийных бедствий, особенно от наводнений. Наводнения в Северной Корее в 2018 году начались 28 августа, в результате погибли по меньшей мере 76 человек, в то время как еще 75 пропали без вести, более 800 зданий были разрушены, 10 700 человек остались без крова. В наибольшей степени пострадали провинции Северный и Южный Хванхэ. После наводнения произошли оползни, тысячи людей стали остро нуждаться в медицинском обслуживании, жилье, еде, безопасной питьевой воде. Основной причиной возникновения наводнения может быть влияние изменения климата. Тем не менее, вырубка лесов может быть одним из главных виновников ущерба от наводнения. Поскольку вырубка лесов не только уменьшает количество углерода, хранящегося в лесу, но также уменьшает естественную буферную функцию экосистемы против наводнений.

Северная Корея страдает от стихийных бедствий почти каждый год. Типы стихийных бедствий в Северной Корее – это наводнения, штормы, засухи, штормовые нагоны и прибрежные наводнения, циклоны и бактериальные инфекционные заболевания. Северная Корея особенно уязвима к стихийным бедствиям среди различных типов стихийных бедствий. Анализ данных о стихийных бедствиях (1987–2013 гг.) показывает, что 93 % людей, погибших в результате стихийных бедствий, стали жертвами наводнений, и что 77 % пострадавших были жертвами наводнений².

Наводнения являются основным видом бедствий в Северной Корее. Количество зарегистрированных бедствий увеличилось с 1980-х годов. Число людей, пострадавших от наводнений, достигло максимума в 1990-х годах, в 2000-х годах несколько сократилось. Тем не менее, число людей, погибших от наводнений, непрерывно увеличивалось с 1980-х годов.

---

² Nebehay S. Flooding kills dozens in North Korea, thousands left homeless: Red Cross, 2018. URL: <https://www.reuters.com/article/us-northkorea-floods/flooding-kills-dozens-in-north-korea-thousands-left-homeless-red-cross-idUSKCN1LM1PW> (дата обращения: 9 апреля 2019 г.).

Причиной такого количества жертв отчасти является изменение климата, а также изменение форм землепользования. Изменение климата в Северной Корее происходит быстрее, чем в других регионах, но особенно быстро происходит повышение средней температуры. Интенсивность осадков в Северной Корее увеличилась. Следовательно, Северная Корея становится все более подверженной риску наводнений и засух. Северная Корея очистила леса в 1980-х годах, при этом сильно усугубив ситуацию. Благодаря этим двум причинам Северная Корея становится все более уязвимой к стихийным бедствиям.

Северная Корея страдает от нехватки продовольствия и энергии с 1980-х годов. Чтобы преодолеть этот дефицит, она вырубала леса для заготовки дров, а также для расширения сельскохозяйственных угодий. Однако, хотя лесопокрытая площадь значительно уменьшилась, страна не смогла успешно нарастить выращивание сельскохозяйственных культур на расчищенных участках. Эти участки без растительности стали подвержены ливням. Кроме того, поскольку Северная Корея находится в типичной муссонной климатической зоне, большая часть годовых осадков выпадает в течение летнего сезона. Кроме того, у нее значительно холмистая местность по всей стране, что делает её более уязвимой к наводнениям. Площадь лесов Северной Кореи постоянно уменьшается³.

Из-за вырубки лесов Северная Корея теряет природную функцию защиты от наводнений. Следовательно, ливни наносят серьёзные повреждения стране. Поэтому необходимо срочно восстановить лесную экосистему, чтобы минимизировать ущерб. Хотя были предприняты усилия по восстановлению лесов, здесь трудно сажать и выращивать деревья, потому что верхний слой почвы на расчищенных участках сильно истощён.

Можно сказать, что обезлесение, безусловно, оказывает негативное влияние на уязвимость от наводнений. Северная

---

³ Pydynovsky K. Faith Eherts. Soulik to batter South Korea with wind, flooding into Friday. URL: <https://www.accuweather.com/en/weather-news/typhoon-soulik-to-batter-south-korea-with-wind-flooding-into-friday/70005851> (дата обращения: 9 апреля 2019 г.).

Корея расчистила лесные районы вблизи мест проживания людей с целью заготовки топлива и сельского хозяйства. Из-за рельефа местности, характера дождей и особенностей землепользования Северная Корея не смогла увеличить сельскохозяйственный сектор. Вместо этого страна теряет почву, когда идет дождь, и возрастает уязвимость от наводнений. Без верхнего слоя почвы трудно восстановить лесную экосистему. Без восстановления поврежденной лесной экосистемы уязвимость от наводнений станет еще выше.

Во многих развивающихся странах, где существуют трудности в обеспечении продовольственной безопасности и энергообеспечения населения, заготовка древесины является одним из наиболее распространенных подходов к преодолению этих трудностей. Поэтому развивающиеся страны теряют лесные массивы, что, в свою очередь, приводит к большей подверженности стихийным бедствиям. Пример Северной Кореи не является необычным, это типичная проблема, с которой сталкиваются многие развивающиеся страны.

С изменением климата в будущем потенциал климатических бедствий будет еще серьезнее. Частота стихийных бедствий и несчастных случаев постоянно увеличивается⁴.

Адаптация к изменению климата должна стать приоритетным направлением деятельности в Северной Корее. Предотвращение обезлесения и восстановление поврежденной лесной экосистемы является желательным и рекомендуемым подходом к смягчению последствий изменения климата. В целях адаптации к изменению климата и смягчения его последствий в Северной Корее должны быть предприняты усилия по восстановлению лесов. Если ей удастся восстановить лесные массивы и уменьшить уязвимость от наводнений, это станет хорошим примером для других развивающихся стран.

---

⁴ Watts J. North Korea shows signs of openness after flood. 2007. URL: [https://www.thelancet.com/journals/lancet/article/PIIS0140-6736\(07\)61459-7/fulltext](https://www.thelancet.com/journals/lancet/article/PIIS0140-6736(07)61459-7/fulltext) (дата обращения: 9 апреля 2019 г.).

СЕКЦИЯ

**ИНТЕГРАЦИОННОЕ ПРАВО
В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА**

ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЭКСПАНСИИ РЫНКОВ В РЕГИОНАЛЬНЫХ ТОРГОВЫХ СОГЛАШЕНИЯХ

Видус Денис Эдуардович

магистр юридических наук

На сегодняшний день страны, заключающие Региональные торговые соглашения (далее РТС) нередко включают в них нормы ВТО+, что в действительности имеет негативные последствия для многосторонней торговой системы поскольку, модифицируя нормы Соглашений ВТО, происходит их (норм) искажение. Согласно исследованиям, ВТО+ следует понимать, как положения РТС, которые попадают под сферу регулирования ВТО, где страны на двустороннем уровне принимают на себя обязательства, выходящие за рамки обязательств, принятых на многостороннем уровне (ВТО). В данную категорию включаются обязательства: по санитарным и фитосанитарным мерам, по техническим барьерам в торговле, по «антидемпингу», компенсационным мерам, а также, государственная помощь, обязательства по ГАТС, ТРИМС, ТРИПС, таможенное администрирование, государственные предприятия, экспортные налоги¹.

«Пионерами» в данной области являются ЕС и США, которые используя свою экономическую мощь и потенциал, обеспечивают своим компаниям конкурентное преимущество по сравнению с компаниями стран – контрагентов по РТС. Так, в соответствии со статьей 179 соглашения о Зоне свободной торговли (далее ЗСТ) ЕС – Чили обеспечивается функционирование государственных предприятий и предприятий, наделенных особыми или исключительными

---

¹ Horn H., Mavroidis P.C., Sapir A. Beyond the WTO. An anatomy of EU and US preferential trade agreements. Bruegel Blueprint Series. Volume VII. Bruegel, 2009. P. 4, 12, 13.

правами². С точки зрения ГАТТ деятельность государственных предприятий не запрещена, с условием, что, государственное предприятие будет руководствоваться коммерческими интересами в соответствии с обычной деловой практикой и т.д.³ Необходимо подчеркнуть, что в вышеназванной статье ЗСТ ЕС – Чили отмечается, что «государственные предприятия и предприятий, наделенных особыми или исключительными правами обязуются не вводить меры, искажающие торговлю товарами или услугами между Сторонами и действовать в соответствии с правилами конкуренции, если выполнение таких правил не препятствует выполнению конкретных задач⁴. Предположительно, что такие предприятия могут быть использованы ЕС в качестве средства для реализации ряда мер торговой политики, которые не соответствуют положениям ВТО. Как отмечается в исследованиях ВТО, государственные предприятия могут быть использованы для обеспечения защиты внутреннего рынка конкретной продукции путем установления очень высоких цен на импорт при перепродаже, тем самым отрицать тарифные уступки, которыми связаны и нарушать ст. II ГАТТ.⁵ Стоит добавить, что такую практику ЕС может осуществлять беспрепятственно, поскольку ст. 180 данного ЗСТ гласит, что «ни одна из Сторон не может прибегнуть

---

² Agreement establishing an association between the European Community and its Member States, of the one part, and Republic of Chile, of the other part / European Services Forum. URL: <http://www.esf.be/new/wp-content/uploads/2009/09/eu-chile-association-agreement-2002.pdf> (дата обращения: 24 июля 2015 г.).

³ The General Agreement on Tariffs and Trade 1994. / World Trade Organization. URL: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/gatt47_02_e.htm (дата обращения: 24 июля 2015 г.).

⁴ Agreement establishing an association between the European Community and its Member States, of the one part, and Republic of Chile, of the other part. / European Services Forum. URL: <http://www.esf.be/new/wp-content/uploads/2009/09/eu-chile-association-agreement-2002.pdf> (дата обращения: 24 июля 2015 г.).

⁵ Technical Information on State Trading Enterprises / World Trade Organization. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/statra_e/statra_info_e.htm (дата обращения: 24 июля 2015 г.).

к урегулированию споров в рамках настоящего Соглашения по любому вопросу, возникающему в рамках настоящего раздела»⁶ (в данный раздел входит ст. 179, регулирующая деятельность государственных предприятий). Таким образом, по нашему мнению Чили будет очень сложно отстоять свои интересы, в Ассоциированном комитете ЗСТ ЕС – Чили, в рамках данного ЗСТ, по вопросам, касающимся деятельности государственных предприятий и предприятий, наделенных особыми или исключительными правами.

Проведенные исследования относительно практики изъятий ЗСТ с участием США показывают, что США практикуют изъятие санитарных и фитосанитарных мер из своих двусторонних торговых соглашений (из 14 соглашений о ЗСТ 10 договоров содержат изъятие из – под юрисдикции). В отношении государственных предприятий США, в отличие от ЕС, проводит несколько иную торговую политику. Вместо изъятий США расширяют условия ст. XVII ГАТТ, в которой упоминается лишь импорт и экспорт товаров, осуществляемый государственными предприятиями.⁷ Например, в ЗСТ США – Чили государственные предприятия помимо импорта и экспорта товаров осуществляет функции по экспроприации, выдаче лицензий, одобрения коммерческих сделок, введения квот, денежных сборов или других комиссионных вознаграждений.⁸

Из некоторых договоров ЕС следует, что при заключении торговых соглашений (о Таможенном союзе, либо о Зоне

---

⁶ Agreement establishing an association between the European Community and its Member States, of the one part, and Republic of Chile, of the other part. URL: <http://www.esf.be/new/wp-content/uploads/2009/09/eu-chile-association-agreement-2002.pdf> (дата обращения: 24 июля 2015 г.).

⁷ The General Agreement on Tariffs and Trade 1994 / World Trade Organization. URL: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/gatt47_02_e.htm (дата обращения: 24 июля 2015 г.).

⁸ United States – Chile Free Trade Agreement. / Office of the United States Trade Representative. URL: https://ustr.gov/sites/default/files/uploads/agreements/fta/chile/asset_upload_file616_4010.pdf (дата обращения: 24 июля 2015 г.).

свободной торговли), ЕС пытается осуществить экспансию европейского права во внутреннее законодательство государств – партнеров. Так, в ЗСТ ЕС – Албания отмечается, что существующее законодательство Албании и будущие нормы должны быть совместимы с нормативно-правовой базой Сообщества (*Community acquis*). Сближение законодательства Албании должно фокусироваться на фундаментальных элементах нормативно – правовой базы ЕС: внутреннего рынка ЕС; конкуренции; интеллектуальной, промышленной и коммерческой собственности; государственных закупок; стандартов и сертификации; финансовых услуг; наземного и морского транспорта; защиты и стандартов окружающей среды; коммерческого права; бухгалтерского дела; защиты прав потребителей; защиты данных [...].⁹ Некоторые договоры расширяют сферу регулирования в меньших направлениях. Например, соглашения ЕС с Тунисом¹⁰, Алжиром¹¹ и Турцией¹² сводится к обязанностям предпринимать соответствующие шаги для обеспечения использования технических правил Сообщества и Европейских стандартов для

---

⁹ Stabilisation and Association Agreement between the European Communities and their Member States, of the one part, and the Republic of Albania, of the other part. / European Commission. URL: [http://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/PDF/?uri=CELEX:22009A0428\(02\)&rid=1](http://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/PDF/?uri=CELEX:22009A0428(02)&rid=1) (дата обращения: 4 июля 2015 г.).

¹⁰ Euro-Mediterranean Agreement establishing an association between the European Communities and their Member States, of the one part, and the Republic of Tunisia, of the other part / European Commission. URL: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2010/april/tradoc_146089.pdf (дата обращения: 24 июля 2015 г.).

¹¹ Euro-Mediterranean Agreement establishing an Association between the European Community and its Member States, of the one part, and the People's Democratic Republic of Algeria, of the other part / European Commission. URL: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2010/april/tradoc_146089.pdf (дата обращения: 4 июля 2015 г.).

¹² Decision No 1/95 of the EC-Turkey Association Council of 22 December 1995 on implementing the final phase of the Customs Union / European Commission. URL: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2003/december/tradoc_115267.pdf (дата обращения: 4 июля 2015 г.).

производственных целей, сельскохозяйственных продуктов и процедур сертификации.

Естественно что меры, которые не соответствуют «праву ВТО» (включая те меры, которые приняты в результате изъятий и расширений норм ВТО) в любом случае возможно оспорить в ОРС, т.к. нет никаких оснований для Третейской группы или Апелляционного органа быть связанными решениями органов по разрешению споров «не-ВТО».¹³ По нашему мнению, оспаривать меры, которые были приняты в рамках РТС достаточно не просто по нескольким причинам. Во – первых, в некоторых случаях будет оспариваться не сама мера, а норма ВТО+, которая включена в РТС, и которая не имеет отношения ни к одному из Соглашений ВТО. Заметим, что норма ВТО+ расширяет сферу действия аналогичной нормы ВТО поэтому, если и возможно оспорить какую-то меру, то только в рамках диспозиции аналогичной нормы одного из Соглашений ВТО. Во – вторых, при оспаривании вышеупомянутых мер, невозможно руководствоваться одними юридическими категориями и нормами. Так, ЕС для Чили – третий по значимости торговый партнер. Доля ЕС в торговле Чили, по данным Европейской комиссии за 2017 год составляла 14 %, при этом в ЕС из Чили импортируются продовольственная продукция, животные, медь и промышленные товары.¹⁴ В свою очередь США в 2017 году инвестировали в чилийские акции 25,9 млрд долларов, а с момента заключения ЗСТ США – Чили экспорт Чили в США вырос на 185 %.¹⁵ На наш взгляд, такие факты несомненно будут учитывать при проведении переговорной стадии урегулирования споров.

---

¹³ Argentina – Definitive Anti-Dumping Duties on Poultry from Brazil [Electronic resource]: Panel Report, 22 April 2003, WT/DS241/R, para. 7.41 / World Trade Organization. URL: https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/FE_Search/ExportFile.aspx?Id=4529&filename=Q/WT/DS/241R-00.pdf (дата обращения: 4 июля 2015 г.).

¹⁴ Сайт Европейской комиссии. URL: <http://ec.europa.eu/trade/policy/countries-and-regions/countries/chile/> (дата обращения: 10 июля 2015 г.).

¹⁵ Торговое представительство США. URL: <https://ustr.gov/countries-regions/americas/chile> (дата обращения: 12 июля 2015 г.).

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что практика включения норм ВТО+ в РТС, вносит негативный вклад в развитие многосторонней торговой системы. Как минимум, включения норм ВТО+ в РТС создает отрицательный пример для остальных стран. В действительности страны – члены РТС, помимо отмены тарифов друг для друга, вправе установить несколько иные правила торговли на двустороннем уровне, что в совокупности дает дискриминационный результат по отношению к третьим странам. Из нескольких вышеприведенных примеров мы, также можем заключить, что ЕС и США посредством использования своей экономической мощи лоббируют заключение асимметричных РТС, куда включают нормы ВТО+, которые могут быть достаточно эффективно использованы для защиты своих внутренних рынков и увеличения доли на внутреннем рынке страны – контрагента.

ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ – ПЕРВЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПРОЕКТ ДОБРОВОЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Дубровин Михаил Андреевич

*старший преподаватель кафедры международного права
и внешнеэкономической деятельности
Юридического института Владимирского государственного
университета имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых
301507@bk.ru*

Классическое понимание интеграции строится на её интерпретации как процесса, направленного на объединение отдельных дифференцированных частей, целью которых является удовлетворение сложившихся потребностей и/или укрепление и/или развитие межгосударственного сотрудничества. Теоретически, интеграция предполагает добровольность, но параллельное рассмотрение с практической стороны доказывает их расхождение. Данное состояние было замечено в частности А.Г. Дугиным¹, который предложил условную классификацию на действительную – процесс навязывания государствам западных потребностей в экономической, политической, культурной, технологической и информационной сферах; и потенциальную – процесс добровольного диалога культур и цивилизаций, взаимовыгодного обмена опытом и др. Однако следует учитывать философскую и политическую природу данного подхода, и применить базис концепции автора в рамках теории государства, но в качестве принудительной и добровольной интеграции.

Проявление принуждения в интеграционных государственных процессах наиболее отчетливо прослеживается в период колониализма. Обращаясь к мировой истории, по нашему мнению, допустимо сопоставлять периоды с Первой мировой

---

¹ Дугин А.Г. Тезисы о глобализме (глобализации) // Глобализация: сущность, проблемы, перспективы : материалы «круглого стола». М., 2003. С. 30.

войной (1914-1918 гг.) и Второй мировой войной (1939-1945 гг.). При этом первый период характеризуется противоборством государств империалистического типа за обладание территориями, а второй как окончание традиционного колониализма. Победа над национал-социалистической Германией и её союзниками послужила началом антиколониальной глобальной революции (деколонизации). Вновь созданные национальные государства шли либо по пути строительства социализма, либо становления капиталистического общества, поддерживая и развития биполярный мировой порядок.

Европа в после военный период чувствуя уязвимость и давление со стороны двух сверхдержав избрала путь региональной интеграции. Однако нельзя говорить о ежеминутном создании Европейского союза (далее ЕС). Будущие государства-участники были разобщены и разорены последствиями колониализма. Одной из первых попыток интеграционных начал была Декларация Шумана² 9 мая 1950 года (далее План Шумана). Предполагалось, что объединение в металлургической, железорудной и угледобывающей промышленности приведет к созданию более обширного регионального интеграционного объединения чем Европейское объединение угля и стали. Ряд других государств избрали другой путь – создание международной организации с более узко поставленными задачами и целями, направленными на обеспечение свободной торговли, такой как Европейская ассоциация свободной торговли (далее ЕАСТ).

Наличие двух объединений в рамках региона способствовало их тесному переплетению, и как следствие невозможности изолирования друг от друга. Образованная потребность в объединении международных организаций послужила причиной подписания в 1986 г. учредительного документа, получившего название Единого Европейского Акта (далее ЕЕА)³. Он нормативно

---

² Официальный сайт Европейского Союза. URL: https://europa.eu/european-union/about-eu/symbols/europe-day/schuman-declaration_en (дата обращения 30.04.2019 г.).

³ Официальный сайт Юридическая Россия. URL: <http://www.law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1375811> (дата обращения 30.04.2019 г.).

закрепил и уточнил положения в области добровольного сотрудничества в различных областях. В связи с чем, нельзя не согласиться с мнением Л.М. Энтина⁴, утверждающего, что принятие и реализация ЕЕА подготовила переход к новому этапу европейской интеграции – создание ЕС.

Последним и заключительным этапом добровольной интеграции послужило подписание 7 февраля 1992 года Договора об образовании ЕС⁵ (далее Маастрихтский договор), вступившего в законную силу 1 ноября 1993 г. Следует понимать, что первоначально процесс добровольной интеграции затронул только Бельгию, Великобританию, Грецию, Данию, Ирландию, Испанию, Италию, Люксембург, Нидерланды, Португалию, Францию и Федеративную Республику Германия, как страны подписавшие договор. В последующем расширение интеграции шло параллельно с увеличением влияния ЕС в экономической, внешнеполитической и правоохранительной сферах.

ЕС, безусловно, по нашему мнению, можно называть первым примером добровольной интеграции. Особенность добровольности кроется во внутренних координационных механизмах. Классическое построение международных организаций строится на привлечении новых государств, ранее не взаимодействующих друг с другом. В отличие от ЕС, в котором современное региональное интеграционное взаимодействие построено на фундаментах ранее образованных интеграционных объединений. Именно имеющихся базис, по нашему мнению, послужил причиной выхода за рамки экономического сотрудничества, и создания в равной степени политической структуры, способной быть равноценным участником международных отношений. С нормативной точки зрения добровольность подтверждается статьями

---

⁴ Европейское право. Право Европейского Союза и правовое обеспечение защиты прав человека: учебник для вузов / Л.М. Энтин – 2-е изд., пересмотр, и доп. – М.: Норма, 2007.

⁵ Официальный сайт информационно-справочной системы Гарант. URL: <https://base.garant.ru/2566557/> (дата обращения 30.04.2019 г.).

2, 3, 4, Маастрихтского договора⁶. Их нормативное содержание сводится к законодательно-закрепленному добровольному стремлению государств к объединению в экономической и политической сферах. При этом на первое место выводятся экономические стремления: создание единого рынка, валютной системы и др. В последующем повлиявшее на создание центрального органа власти, контролирующего внутренние интеграционные процессы и представляющего интересы добровольного сообщества на международной арене.

Добровольность в области интеграционного государственного взаимодействия, к сожалению, в рамках современных международных отношений является более исключительным явлением. Принуждение к принятию американской модели интеграции, которая заключается в межгосударственном взаимодействии исключительно в интересах метрополии, подтверждает образование системы неокOLONIALИЗМА, в условиях которой добровольная интеграция на основе равных возможностей не рассматривается и подавляется. При этом мы уверены, что заимствование добровольных начал в интеграционных процессах, концептуально, способно привести к положительному синергетическому эффекту, направленному на замещение принудительной интеграции в условиях современного глобализма, и как следствие, новой антиколониальной революции.

---

⁶ Официальный сайт информационно-справочной системы Гарант. URL: <https://base.garant.ru/2566557/> (дата обращения 30.04.2019 г.).

СОЦИАЛЬНАЯ ПОВЕСТКА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА: ОСНОВНЫЕ СФЕРЫ И НАПРАВЛЕНИЯ

Егорова Екатерина Никитична

*доцент кафедры европейского права
Московского государственного института (Университета)
международных отношений
Министерства иностранных дел России,
кандидат юридических наук
katemgimo@gmail.com*

Социальная политика Европейского Союза всегда находилась под пристальным вниманием институтов и органов ЕС и его государств-членов. Будучи одной из самых чувствительных сфер совместной компетенции Союза, социальная политика и уровень правового регулирования трудовых отношений являются своего рода индикатором успешности интеграционного образования. Полемика о том, что представляет собой Европейский Союз – экономический или социальный проект, периодически поднимался и в решениях Суда ЕС¹.

В фокусе интеграционного объединения социальная политика появилась с момента принятия Программы социальных действий в 1974 году². С тех пор в каждом учредительном и ревизионном договоре полномочия институтов и органов ЕС в области регулирования социально-трудовых вопросов расширялись. Уже к середине 2000-х годов можно говорить о формиро-

---

¹ См. подробнее: решение Суда ЕС по делу C-341/05 *Laval un Partneri Ltd v. Svenska Byggnadsarbetareförbundet, Svenska Byggnadsarbetareförbundets avdelning 1, Byggettan and Svenska Elektrikerförbundet* [2007] ECR I-11767 и решение Суда ЕС по делу C-438/05 *International Transport Workers' Federation and Finnish Seamen's Union v. Viking Line ABP and OÜ Viking Line Eesti* [2007] ECR I-10779.

² Источник информации – Официальный вестник ЕС – OJ C 387, 19.02.1976. P. 1-5.

вании самостоятельной отрасли – трудового и социального права ЕС³.

С момента начала своего председательствования в Европейской комиссии в 2015 году Жан Клод Юнкер объявил, что политика в области занятости и различных социальных и трудовправовых аспектах, будет поставлена в приоритетные цели деятельности Комиссии⁴.

Спустя два года 17 ноября 2017 года на Саммите социального развития, проводимом в Гетеборге (Швеция), лидеры ЕС официально обнародовали «Европейскую опору социальных прав». Ее подписали Жан-Клод Юнкер (Председатель Европейской комиссии), Антонио Таяани (Председатель Европейского парламента) и Премьер-министр Юри Ратас (от имени Председателя Совета ЕС).

Социальная опора содержит три раздела (объединяющих 20 ключевых социальных прав):

- Раздел 1 «Равные возможности в трудовой сфере и доступ к рынкам труда»;
- Раздел 2 «Справедливые условия труда»;
- Раздел 3 «Адекватная и устойчивая система социальной защиты».

Председатель Европейской комиссии инициировал путем принятия Социальной опоры развитие открытого панъевропейского рынка труда, который должен отвечать изменяющимся реалиям правового регулирования трудовых отношений. Имеется в виду расширение деятельности транснациональных компаний, все более широко применяющемся принципе «гибкости» регулирования трудовых отношений, развитием дистанционного труда, диджитализации, роботизации и цифровизации в области применения труда, поддержке занятости, стимулирование создания

---

³ См. подробнее: Основы трудового права ЕС: учебное пособие / Е.Н. Егорова. – М. Издательская группа «Граница», 2014.

⁴ Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions, Establishing a European Pillar of Social Rights, Brussels, 26.4.2017, COM(2017) 250 final.

новых рабочих мест, доступа к медицинским услугам, адекватную защиту от различных социальных рисков.

Жан Клод Юнкер также подчеркнул, что «Опора должна дополнять то, что уже было достигнуто совместными усилиями, когда речь идет о защите работников в ЕС»⁵.

Кроме этого, была выражена надежда на то, что социальные партнеры будут играть ключевую роль в этом процессе, делается ставка на усиление социального диалога.

Представляемый документ выражает в кратком виде основные вызовы социальной политики ЕС в XXI веке. Речь идет о правовом регулировании концепции образования на протяжении всей жизни (lifelong learning), балансе между построением карьеры (работой) и личной (семейной) жизни (work-life balance), вопросов обеспечения социальным жильем, поддержке людей с ограниченными возможностями, социального обеспечения для всех категорий работников, включая и нестандартные формы занятости, сотрудничество государств-членов в области предоставления трансграничного социального обеспечения, защиту здоровья работников на вредных производствах.

Одной из отличительных особенностей линии Европейской комиссии в части проведения социальной политики является идея инвестирования в людей или социальное инвестирование (social investment, investment in people). В частности, запланировано выделение одного миллиарда евро для реализации инициативы по обеспечению рабочими местами молодых людей, выпускников вузов.

«Гарантии для молодежи» (Youth Guarantee) представляет собой политическое обязательство, принятое государствами-членами в апреле 2013 года, чтобы дать каждому человеку в возрасте до 25 лет качественное предложение работы, продолжения образования, обучения или стажировку в течение четырех месяцев при отсутствии предложений о работе. Активная

---

⁵ Жан-Клод Юнкер, Председатель Европейской комиссии, Обращение 2015 г.: Time for Honesty, Unity and Solidarity, Strasbourg, 9 September 2015, SPEECH/15/5614.

роль в финансовой и методологической части отводится в данном направлении Европейскому социальному фонду.

Инициатива по образованию в течение всей жизни получила свое воплощение еще в 2016 году, когда была принята Европейской комиссией программа под названием Неделя профессиональных навыков (European Vocational Skills Weeks) – создания специальных курсов повышения квалификации и переподготовки для уже имеющих высшее образование и продолжительный опыт работы граждан ЕС.

Ключевым звеном социальной политики ЕС является свобода передвижения физических лиц, в частности работников. По данным Евростата 16 миллионов граждан ЕС живут и работают в отличном от своего гражданства государстве-члене ЕС, что в два раза больше, чем 10 лет назад. Ежедневно 1.7 миллиона граждан пересекают внутренние границы государств-членов ЕС⁶. С учетом этих растущих показателей Председатель Европейской комиссии в своем обращении к Европейскому парламенту в 2017 году⁷ предложил создать специальный контролирующий орган в области трудовых и социальных отношений (European Labour Authority).

Основными задачами этого органа являются:

- облегчение доступа отдельных лиц и работодателей к информации об их правах и обязанностях, а также к соответствующим услугам;
- поддержка сотрудничества между странами ЕС в трансграничном правоприменении соответствующего законодательства Союза, включая содействие совместным проверкам в области защиты трудовых и социальных прав;
- посредничество и содействие решению в случаях трансграничных споров между национальными властями или сбоев на рынке труда.

Задачей Европейской комиссии с 2015 года стала также установка ясных и честных правил, облегчающих

---

⁶ См. подробнее: <https://ec.europa.eu/eurostat>.

⁷ President Jean-Claude Juncker's State of the Union Address 2017 // Brussels, 13 September 2017.

сотрудничество по административным вопросам в отношении трудоустройства граждан ЕС между государствами-членами Союза⁸. В первую очередь речь идет о правиле в отношении работников-мигрантов (posted workers) – равная оплата за одинаковую работу в одном и том же месте. Были внесены изменения и в Директиву о рабочем времени по поводу условий предоставления ежегодного отпускного периода и отпуска по уходу за ребенком отцам.

Стоит отметить, что по состоянию на апрель 2019 года 16 миллионов граждан ЕС по-прежнему остаются безработными, из них, в том числе, 3,3 миллиона молодых людей. Усилия Европейской комиссии как раз направлены на преодоление негативных факторов в социальной сфере, обусловленных и последствиями миграционного кризиса, и финансового кризиса, затянувшегося еще с 2008 года, и возможными крайне противоречивыми результатами для внутреннего рынка ЕС, в первую очередь в области регулирования свободы передвижения работников, после выхода Великобритании из ЕС.

Инициатива Жана Клода Юнкера по созданию Опоры социальных прав безусловно представляет собой важный элемент построения успешного «социального» интеграционного объединения. Однако, стоит отметить, что данный документ является актом рекомендательного характера. Институтам и органам ЕС совместно с государствами-членами ЕС еще предстоит выработать соответствующие нормативно-правовые акты, которые закрепляли бы все намеченные инициативы Комиссии, что не так просто в силу весьма существенной разницы социально-экономических показателей различных стран ЕС.

---

⁸ Commission Staff Working Document Accompanying the document Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions, Establishing a European Pillar of Social Rights, Brussels, 26.4.2017, SWD(2017) 201 final.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СНГ И ОДКБ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Костин Сергей Андреевич

*соискатель кафедры международного и европейского права
Казанского (Приволжского) Федерального Университета
legaladress@list.ru*

С уходом в прошлое стратегической стабильности, основанной на концепции биполярного мира, правовая основа международной безопасности, в том числе и на европейском пространстве пришла в подвижное состояние.

В наши дни НАТО и ЕС стали прочно ассоциироваться с понятием европейской коллективной безопасности. Однако данные институты не включают в себя ряд восточноевропейских стран, объединенных под эгидой СНГ и ОДКБ. Находясь на стыке Европы и Азии, в силу участия восточноевропейских государств в деле обеспечения европейской безопасности, интересным представляется вопрос о степени инклюзивности данных институтов в контур обеспечения европейской безопасности.

Североатлантический альянс занял центральное место в европейской системе обеспечения коллективной безопасности проведя три «волны» расширения: первая (1998) ряды Организации пополнили Польша, Чехия и Венгрия; вторая (2001) – еще девять стран Восточной Европы: Литва, Латвия, Эстония, Словения, Румыния, Словакия, Македония и Болгария; вступление Албании и Хорватии в ряды Альянса (2009) ознаменовали третью волну расширения¹. А ряд восточноевропейских стран и стран центрально-азиатского региона, а именно Армения, Беларусь, Казахстан, Киргизия, Россия и Таджикистан объединились

---

¹ Тонких П. С. Отношения России с НАТО и ОБСЕ в контексте новой архитектуры евроатлантической безопасности // Договор о Европейской безопасности: импульс к развитию отношений России и Европы. М., 2011. С. 154–155.

под эгидой Организации Договора о Коллективной Безопасности.

Ключевым государством в ОДКБ, в контексте обеспечения европейской безопасности, является Российская Федерация, которая до определенного времени имела прямые институциональные отношения с Североатлантическим альянсом. Это обстоятельство позволяло надеяться на Россию, как на связующий элемент между двумя организациями. После перерыва, с апреля 2016 г. заседания Совета Россия-НАТО были возобновлены на постоянной основе². Однако, уже в апреле 2019 года, в условиях продолжающейся эскалации кризиса доверия, стороны констатировали «полное прекращение сотрудничества по гражданской и военной линиям»³.

Другой ключевой актор европейского пространства – Европейский Союз, начиная с девяностых годов прошлого столетия, для сотрудничества со странами Центральной Азии избрал двухсторонний формат, когда с каждой из стран заключается соглашение о партнерстве и сотрудничестве. В 2007 году, в целях интенсификации сотрудничества со странами Центральной Азии, была принята «Стратегия ЕС по Центральной Азии», где была подтверждена «приверженность Европейского Союза региональному и двустороннему сотрудничеству с центрально-азиатскими партнерами»⁴.

---

² Об отношениях Россия – НАТО (справка МИД РФ) [Электронный ресурс] // Официальный сайт МИД РФ. 2017. 28 дек. URL: «http://www.mid.ru/foreign_policy/rso/nato/-/asset_publisher/ObV.B8wSP5tE2/content/id/3011555» (дата обращения – 15 апреля 2019г.).

³ МИД РФ заявил о полном прекращении сотрудничества России и НАТО. Коммерсантъ от 15.04.2019. [Электронный ресурс] // URL: «<https://www.kommersant.ru/doc/3945186>» (дата обращения – 15 апреля 2019г.).

⁴ The EU and Central Asia: Strategy for a New Partnership. Brussels, 21 May 2007. No. 10113/07 AA/gso [Electronic resource] // URL: «https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/st_10113_2007_init_en.pdf» (date of application: 15.04.2019).

В настоящее время происходит обновление двусторонних соглашений о партнёрстве и сотрудничестве со странами Центральной Азии, в частности в 2015 году было подписано Соглашение о расширенном партнёрстве и сотрудничестве между Европейским Союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Республикой Казахстан, с другой⁵, в 2019 году планируется окончание разработки аналогичных соглашений между Киргизией и Узбекистаном с ЕС, Соглашение о партнёрстве и сотрудничестве между ЕС и Туркменистаном ожидает своей ратификации, срок действия соглашения между ЕС и Таджикистаном от 2010 года сохраняет свое действие. Учитывая сложившуюся тенденцию к двустороннему формату международных соглашений, следует ожидать, что в новой Стратегии ЕС по Центральной Азии, которая должна быть принята в 2019 году, данная тенденция сохранится.

В Глобальной стратегии ЕС 2016 года, применительно к Центрально-Азиатскому региону, сказано, что «нестабильность за пределами наших границ угрожает нашим жизненным интересам. Напротив, устойчивость – способность государств и обществ к реформам, таким образом, выдерживая и преодолевая внутренние и внешние кризисы, – приносит нам пользу»⁶. Основываясь на данном тезисе, можно предположить, что Европейский Союз прямо связывает стабильность в центрально-азиатском регионе с уровнем угроз на территории европейского пространства.

---

⁵ Соглашение о расширенном партнёрстве и сотрудничестве между Европейским Союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Республикой Казахстан, с другой стороны. Астана, 21 декабря 2015 года. Информационная система «ПАРАГРАФ» по законодательству Казахстана. [Электронный ресурс] // URL: «https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37496546» (дата обращения – 15 апреля 2019 г.).

⁶ A Global Strategy for the European Union's Foreign And Security Policy. June 2016. P. 23. An official website of the European Union. [Electronic resource] // URL: «https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eugs_review_web_0.pdf» (date of application: 15.04.2019).

Наряду с анализом ситуации в сфере традиционных угроз, следует обратить внимание на сферу взаимоотношений, связанных с новыми вызовами и угрозами. Так, в период с 2014 по 2016 гг. Европа столкнулась и ощутила последствия таких явлений как международный терроризм и незаконная миграция, когда ряд стран Европейского Союза подверглись атакам террористов⁷. В 2017 и 2019 годах данная негативная тенденция продолжилась⁸. Сейчас такие негативные явления как международный терроризм, незаконная миграция и торговля людьми принято относить к новым острым межрегиональным вызовам в области обеспечения безопасности.

На территории европейского пространства координация противодействия преступлениям, связанным с терроризмом, незаконной миграцией и торговлей людьми входит в компетенцию ряда международных организаций. Наиболее широкий формат создан в рамках Совета Европы, в лице Контртеррористического комитета СЕ (*CDCT*) (ранее *CODEXTER*)⁹.

Европейский Союз представлен рядом профильных органов, в частности речь идет об Агентстве Европейского Союза по безопасности внешних границ (*FRONTEX*), в компетенцию которого входит «координация оперативного сотрудничества союзных государств по управлению внешними границами; мониторинг анализа рисков; оценка уязвимости; управление информацией; оказание помощи государствам-членам в подготов-

---

⁷ Потемкина О.Ю. «Усиление угрозы терроризма в Европе и ответ Европейского союза». Аналитическая записка No9, 2016 (No39), Ин-т Европы Российской акад. Наук. С. 2. [Электронный ресурс] // URL: «<http://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/an39.pdf>» (дата обращения – 15 апреля 2019 г.).

⁸«Теракты в Европе в 2017-2018 годах». РИА Новости от 12 декабря 2018г. // URL: «<https://ria.ru/20181212/1547877167.html>» (дата обращения – 15 апреля 2019 г.).

⁹ Council of Europe Convention on the Prevention of Terrorism, Warsaw 2005. Council of Europe official website. [Electronic resource] // URL: «<https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=09000016808c3f55>» (date of application: 15.04.2019).

ке пограничников, разработка для них общих стандартов, обеспечивающих на европейском уровне обучение инструкторов национальных пограничных служб; участие в операциях по возвращению нелегальных мигрантов; сотрудничество со странами не входящими в ЕС»¹⁰. За координацию расследования преступлений, касающихся двух и более государств, отвечают Евроюст и Европол. Перечень компетенций Евроюста предусмотрен статьей 4 Решения Совета (2002/187/ЈНА)¹¹, Европола, также статьей 4 Решения Совета¹², которые включают в себя преступления террористической направленности.

По данным *FRONTEX*, существуют следующие маршруты проникновения нелегальных мигрантов в страны ЕС: Западноафриканский маршрут, Западно-средиземноморский маршрут, Западно-балканский маршрут, Восточно-средиземноморский маршрут, Черноморский маршрут, Централно-средиземномор-

---

¹⁰ Каюмова А.Р., Валеев Р.М. «Роль Европейского пограничного берегового агентства ЕС *FRONTEX* в борьбе с нелегальной миграцией и торговлей людьми». Региональные аспекты интеграции: Европейский Союз и Евразийское пространство: Монография = Regional aspects of integration : European Union and Eurasian space : Monograph / K. Malfliet, А.И. Абдуллин, Г.Р. Шайхутдинова [и др.]; отв. Ред. Р.Ш. Давлетгильдеев. – Москва : Статут, 2019. – 239 с. С. 155-158.

¹¹ Council Decision of 28 February 2002 setting up Eurojust with a view to reinforcing the fight against serious crime (2002/187/ЈНА). Official Journal of the European Communities. Eurojust official website. [Electronic resource] // URL: <http://www.eurojust.europa.eu/doclibrary/Eurojust-framework/ejdecision/Eurojust%20Decision%20%28Council%20Decision%202002-187-JNA%29/Eurojust-Council-Decision-2002-187-JNA-EN.pdf> (date of application: 15.04.2019).

¹² Regulation (EU) 2016/794 of the European Parliament and of the Council of 11 May 2016 on the European Union Agency for Law Enforcement Cooperation (Europol) and replacing and repealing Council Decisions 2009/371/ЈНА, 2009/934/ЈНА, 2009/935/ЈНА, 2009/936/ЈНА and 2009/968/ЈНА. Official Journal of the European Communities. [Electronic resource] // URL: <https://www.europol.europa.eu/publications-documents/regulation-eu-2016/794-of-european-parliament-and-of-council-of-11-may-2016> (date of application: 15.04.2019).

ский маршрут, Восточный маршрут. В рамках Восточного и Черноморского маршрутов, происходит проникновение из таких стран как Афганистан, Армения, Украина, Пакистан¹³.

Восточный и Черноморский маршруты проходят через страны-участницы ОДКБ и СНГ, в рамках которых создана прочная международно-правовая основа по борьбе преступлениями, имеющими террористическую направленность, нелегальной миграцией и торговлей людьми. В частности, в статье 8 Устава Организации Договора о Коллективной Безопасности говорится, что «члены координируют и объединяют свои усилия в борьбе с международным терроризмом и экстремизмом, незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, оружия, организованной транснациональной преступностью, нелегальной миграцией и другими угрозами безопасности государств – членов». Для этих целей, в соответствии со статьей 13 Устава ОДКБ был создан единый координационный механизм по вопросам противодействия незаконной миграции, специальный вспомогательный орган, именуемый Координационный совет руководителей компетентных органов государств-членов¹⁴.

Устойчивая институциональная основа, связанная с противодействием преступлениям, имеющим террористическую направленность, противодействием незаконной миграции и торговле людьми, реализована также и в рамках СНГ. В Организации выделяют отдельное направление сотрудничества в сфере безопасности, в которое входит более двадцати объединений по профильным областям. В частности, речь идет о таких органах отраслевого сотрудничества в сфере обеспечения безопасности как, Совет министров обороны государств; Координационный совет генеральных прокуроров; Совет руководителей органов

---

¹³ Frontex, Migratory map. European border and coast guard agency official website. [Electronic resource] // URL: «<https://frontex.europa.eu/along-eu-borders/migratory-map/>» (date of application: 15.04.2019).

¹⁴ Устав ОДКБ. Официальный сайт ОДКБ. [Электронный ресурс] // URL: «https://odkb-csto.org/documents/ustav_organizatsii_dogovora_o_kollektivnoy_bezopasnosti_/» (дата обращения – 15 апреля 2019 г.).

безопасности и специальных служб; Совет командующих Пограничными войсками; Антитеррористический центр; Совместная комиссия государств - участников Соглашения о сотрудничестве в борьбе с незаконной миграцией и ряде других органов, которые сосредоточили свое внимание на реализации целевых межгосударственных программ по борьбе с преступностью, международным терроризмом и экстремизмом, противодействию незаконной миграции и торговле людьми¹⁵.

Анализ документов ОДКБ и СНГ свидетельствует о наличии основательной институциональной базы по противодействию таким преступлениям как международный терроризм, нелегальная миграция и торговля людьми. А сравнение количественных показателей незаконного проникновения на территорию стран ЕС через Восточный и Черноморский маршруты нелегальных мигрантов, дает основание говорить о фактической частичной инклюзивности данных институтов в сферу обеспечения европейской безопасности.

Исходя из вышеизложенного, обоснованной представляется задача установления институционального сотрудничества между традиционными европейскими организациями в сфере обеспечения безопасности, с институтами, в рамках которых объединены страны Восточной Европы и Центральной Азии, с целью обеспечения их инклюзивности и формальной ответственности за решение вопросов, связанных с обеспечением европейской безопасности.

Реалии позволяют констатировать, что в плоскости традиционных угроз в сфере обеспечения европейской безопасности, проблема заключается в полном отсутствии институционального взаимодействия ОДКБ и СНГ с НАТО и ЕС. Однако, с появлением новых вызовов в сфере обеспечения европейской безопасности, можно говорить об областях сотрудничества, представляющих взаимный интерес. Так, если в среднесрочной и долгосрочной перспективах говорить об институционализации

---

¹⁵ Сотрудничество в сфере безопасности. Официальный сайт СНГ. [Электронный ресурс] // URL: «<http://www.e-cis.info/index.php?id=153>» (дата обращения – 15 апреля 2019 г.).

сотрудничества по линии НАТО – ОДКБ в сфере традиционных угроз не приходится, но альтернативное направление, связанное с противодействием международным террористическим организациям, отвечает взаимным интересам и позволило бы сместить акценты с имеющегося контрпродуктивного драйвера «противостояние» на интеграционный драйвер – «сотрудничество», модифицируя тем самым механизм взаимоподдержки, переходя от обеспечения коллективной безопасности к обеспечению международной и региональной безопасности.

С другой стороны, поток нелегальных мигрантов в рамках Восточного и Черноморского маршрутов, прямо говорят о назревшем институциональном формате сотрудничества по линии СНГ – *FRONTEX*, что прослеживается также в контексте тезисов Глобальной стратегии ЕС 2016 года¹⁶. Это обстоятельство свидетельствует о необходимости учитывать региональные механизмы ОДКБ и СНГ в контуре системы обеспечения европейской безопасности.

Резюмируя, следует отметить, что наличие политической воли является началом для поступательной подготовки международно-правовой основы, базирующейся на принципах международного права, обеспечивающих достаточную вовлеченность участников процесса на условиях транспарентности, что должно способствовать снятию напряженности в вопросах обеспечения безопасности в европейском регионе.

По нашему мнению, Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе, в данном контексте имеет серьезный потенциал, в силу ряда причин: имеет необходимый опыт реализации институциональных проектов в сфере традиционных угроз; обеспечивает равноправное участие традиционно европейских, восточно-европейских и центрально-азиатских государств; является межрегиональным механизмом, что позволяет бороться с вызовами на более широком пространстве; носит

---

¹⁶ A Global Strategy for the European Union's Foreign And Security Policy, June 2016. An official website of the European Union. [Electronic resource] // URL: [«https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eugs_review_web.pdf»](https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eugs_review_web.pdf) (date of application: 15.04.2019).

гибкий характер, что позволяет нивелировать риски политической турбулентности; имеет необходимые направления как в области традиционных угроз – военно-политическое измерение, так и в направлении новых «межизмеренческих» аспектов.

В рамках преодоления торможения институционализации и при выработке эффективных решений, формат ОБСЕ мог бы быть эффективно использован в качестве институционального и координационного элемента для европейских и центрально-азиатских стран и институтов как в области традиционных вызовов в сфере обеспечения европейской безопасности, так и в направлении борьбы с международным терроризмом, нелегальной миграцией и торговлей людьми.

ФОРМИРОВАНИЕ ОДНОРОДНОГО ПРАВОВОГО ПРОСТРАНСТВА В РАМКАХ ЕЭП В РЕЗУЛЬТАТЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУДА ЕАСТ И НАЦИОНАЛЬНЫХ СУДОВ

Машкова Екатерина Викторовна

ассистент
maschkova@gmail.com

Проект единого экономического пространства был реализован путем подписания Соглашения о Европейском экономическом пространстве (Соглашение о ЕЭП) 2 мая 1992 года в Порто (Португалия) между Европейским Союзом (ЕС) и государствами-членами Европейской ассоциации свободной торговли (ЕАСТ), которое вступило в силу 1 января 1994 года¹.

Особенность данного Соглашения заключается в том, что на его основе предполагалось создать «динамичное и однородное (гомогенное)» экономическое пространство, а в качестве основной цели соглашения было заявлено – поддержание гармоничного развития государств-партнеров по ЕЭП и содействие непрерывному сбалансированному укреплению торгово-экономических отношений между сторонами Соглашения.

В Соглашении о ЕЭП хотя и были заложены элементы однородности правового пространства, но достижение заявленных целей стало возможным исключительно благодаря работе органов ЕС/ЕАСТ/ЕЭП и желанию государств ЕАСТ/ЕЭП стать

---

¹ Agreement on the European Economic Area 1994 the Contracting parties, considering the objective of establishing a dynamic and homogeneous European Economic Area, have decided to conclude the Agreement on the European economic area (OJ No L 1, 3.1.1994, p. 3; and EFTA States' official gazettes). URL: <http://www.efta.int/media/documents/legal-texts/eea/the-eea-agreement/Main%20Text%20of%20the%20Agreement/EEAagreement.pdf> Швейцарская Конфедерация подписала Соглашение, но результаты проведенного в этой стране референдума по одобрению этого проекта были отрицательными.

участниками единого рынка. Как отмечает Х.-П. Гравер, подобные достижения, вероятно были бы невозможны в период переговоров о создании ЕЭП, а положения, вошедшие в текст Соглашения об обеспечении однородной интерпретации и сотрудничестве национальных судов и судов интеграции, оформлены, скорее, в форме пожелания, а не обязанности².

В делах *Erla María v Iceland Sveinbjörnsdóttir и Asgeirsson* Суд ЕАСТ³ сказал – глубина интеграции на пространстве ЕЭП является менее масштабной чем на пространстве ЕС, но ее цель выходит за рамки обычного международно-правового публичного соглашения, а правовой порядок установленный Соглашением, характеризуется созданием внутреннего рынка, защитой прав участников делового оборота и институциональной структурой, обеспечивающей в том числе и эффективный судебный контроль.

Таким образом, Суду ЕАСТ с самого начала своей деятельности предстояло сформировать свою позицию относительно целого ряда вопросов, касающихся характера принятых на себя государствами ЕАСТ/ЕЭП обязательств, а также выстроить отношения с национальными органами правосудия государств ЕАСТ.

Отдельно следует отметить, что Консультативные заключения Суда ЕАСТ не имеют обязательной силы и за выводами Суда, содержащимися в этих заключениях, стоит авторитет Суда. Как отметил сам Суд ЕАСТ, «консультативное заключение представляет собой специально установленное средство сотрудничества, которым следует пользоваться национальным органам правосудия» [31]⁴. К. Бауденбахер отмечает, что в слу-

---

² Hans Petter Graver *The Effects of EFTA Court Jurisprudence on the Legal Orders of the EFTA States*. Arena Working Papers WP 04/18 2004.

³ E-09/97 – *Erla María Sveinbjörnsdóttir v Iceland*. URL: http://www.eftacourt.int/cases/detail/?tx_nvccases_pi1%5Bcase_id%5D=33&cHash=c279442b9743ba12132cf7fb92f402ba.

⁴ E-01/94 – *Ravintoloitsijain Liiton Kustannus Oy Restamark*. URL: http://www.eftacourt.int/cases/detail/?tx_nvccases_pi1%5Bcase_id%5D=5&cHash=e67f3ad0168f02d86da997cebdfdcbae.

чае отказа национальных судов государств ЕАСТ/ЕЭП следовать мнению Суда ЕАСТ это приведет к нарушению государством ЕАСТ/ЕЭП Соглашения о ЕЭП, поэтому мнения Суда ЕАСТ в действительности не слабее, чем преюдициальные решения Суда ЕС⁵.

В консультативном заключении Ravintoloitsijain Liiton Kustannus Oy Restamark⁶ Суд ЕАСТ отметил, что целью ст. 34 Соглашения государств-членов ЕАСТ о создании Контролирующего органа ЕАСТ и Суда ЕАСТ⁷ является установление сотрудничества между Судом ЕАСТ и национальными органами правосудия государств-членов ЕАСТ, и что механизм сотрудничества предназначен для обеспечения единообразной интерпретации Соглашения о ЕЭП и оказания помощи национальным судам в случаях, когда они должны применять положения Соглашения о ЕЭП [7-9, 25]. Однако следует отметить, что диалог национальных судов государств ЕАСТ/ЕЭП и суда интеграционного объединения ЕАСТ был бы не возможен без выраженного согласия с обеих сторон.

Например, Верховный Суд Норвегии говорил, что, хотя консультативные заключения Суда ЕАСТ не носят обязательного характера, им должен быть предоставлен в рамках национального правопорядка исключительный вес, так как во-первых, задачей Суда ЕАСТ является обеспечение гарантии однородной интерпретации; во-вторых, Суд ЕАСТ обладает специализи-

---

⁵ Carl Baudenbacher The EFTA Court: An Actor in the European Judicial Dialogue. Fordham International Law Journal Volume 28, Issue 2 2004 Article 4. P. 360.

⁶ E-01/94 – Ravintoloitsijain Liiton Kustannus Oy Restamark. URL: http://www.eftacourt.int/cases/detail/?tx_nvcases_pi1%5Bcase_id%5D=5&cHash=e67f3ad0168f02d86da997cebdfdcbae.

⁷ Agreement between the EFTA states on the establishment of a Surveillance Authority and a Court of Justice 31.01.1994. (OJ L 344, 31.1.1994, p. 3; and EFTA States' official gazettes). URL: <http://www.efta.int/sites/default/files/documents/legal-texts/the-surveillance-and-court-agreement/agreement-annexes-and-protocols/Surveillance-and-Court-Agreement-consolidated.pdf>

рованными знаниями; и в-третьих, в рамках процедуры вынесения консультативного заключения предусмотрена возможность обмена мнениями между государствами-членами ЕАСТ/ЕЭП и органами ЕАСТ и ЕС⁸. Верховный Суд Норвегии также придерживается мнения, что в настоящий момент уже сложилась такая ситуация, при которой потребуется много времени в случае возникновения желания, чтобы отойти от установленных на пространстве ЕАСТ Соглашением о ЕЭП правил в интерпретации Суда ЕАСТ⁹. Верховный Суд Исландии также отмечал, что обстоятельства, при которых национальные суды могут отступить от толкований, данных Судом ЕАСТ, должны быть исключительные.

Конституционный Суд Лихтенштейна делал следующие заявления: во-первых, положения Соглашения о ЕЭП имеют силу во внутреннем праве страны, так как хотя Соглашение о ЕЭП и является элементом международного публичного права, но его положения самоисполнимы, при этом их трансформация во внутреннее законодательство не требуется; во-вторых, положения Соглашения о ЕЭП имеют приоритет в случае не соответствия им национального правового регулирования, примат положений Соглашения ограничен только основными принципами и фундаментальными правами, закрепленными в Конституции Лихтенштейна и Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод; и в-третьих, при применении

---

⁸ Request for an advisory opinion from the EFTA Court by Norges Høyesterett (Supreme Court of Norway) by decision of that court of 23 June 1999 in the case of Storebrand Skadeforsikring AS v. Veronika Finanger (Case E-1/1999) Official Journal C 223, 05/08/1999 P. 0007. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3AE1999P0001>

⁹ *Paranova A/S v Merck & Co., Inc, Merck, Sharp & Dohme B.V. and MSD (Norge) A/S - Norwegian Supreme Court Case Number 2002-582 (the Paranova Case)*. URL: <http://www.inta.org/Advocacy/Documents/INTAParanovaMerck.pdf>.

национального законодательства необходимо придать национальной норме «удобное» для ЕЭП толкование¹⁰.

Также необходимо отметить и позицию Верховного Суда Швейцарии, которая является государством-членом ЕАСТ, но не является участником Соглашения о ЕЭП¹¹. В частности Суд отметил, что «имеет право действовать в соответствии с правилами однородности», при этом Верховный Суд «высоко ценит судебный механизм ЕЭП и призывает государственные органы Швейцарии искать такие решения, которые могли бы обеспечить принцип однородности и для Швейцарии на настоящий момент»¹².

Таким образом можно сделать вывод, что своей авторитетностью Суд ЕАСТ фактически активизировал запросы национальных органов правосудия для получения консультативных заключений по вопросам толкования положений Соглашения о ЕЭП, тем самым обеспечив устойчивую взаимосвязь между национальными судами государств ЕАСТ/ЕЭП и судом Европейской ассоциации.

---

¹⁰ Carl Baudenbacher The EFTA Court: An Actor in the European Judicial Dialogue. *Fordham International Law Journal* Volume 28, Issue 2 2004 Article 4. P.363; A. Raflaub, Die Auswirkungen des Acquis Communautaire auf das Recht des EWR: dargestellt am Beispiel der Schweiz, *EuZW* 1992, S. 379.

¹¹ Communique and resolution adopted by Great Britain, Austria, Denmark, Norway, Portugal, Sweden, and Switzerland at the ossation of the establishment of the European Free Trade Association. Stockholm, 20 Nov., 1959 // Great Britan. *Foreign Policy and the Span of Empire*. P. 1689-1971.

¹² Carl Baundenbacher, Wachsende Dynamik im Bilateralismus, *Neue Zürcher Zeitung* of 14 January 2009.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ВЫХОДА ИЗ ЕС: БРЕКСИТ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

Мещерякова Ольга Михайловна

*д.ю.н., профессор кафедры международного права
Российского университета дружбы народов
ot23375@gmail.com*

На сегодняшний день Европейский Союз ввиду своей неоднородности, вызванной неравномерностью экономического развития его государств-членов, а также известным политическим решением начала двухтысячных о принятии в его ряды бывших государств-членов СЭВ – участников так называемого «социалистического лагеря», испытывает системный кризис. Более того, противоречия, возникающие в ходе углубления интеграции накапливаются и еще более обостряют и без того острые разногласия между государствами-членами по поводу дальнейшего вектора развития европейского интеграционного процесса. Эти разногласия связаны, прежде всего, с тем, что с расширением Европейского Союза национальные интересы новых государств-членов, получающих помощь от Европейского Союза в целях «выравнивания» их экономического развития, все более не совпадают с национальными интересами государств-доноров, за чей счет, собственно, и оказывается помощь государствам-членам ЕС, испытывающим экономические трудности.

Следует отметить, что на сегодняшний день количество «евроскептиков» в политическом истеблишменте, а также среди населения государств, вкладывающих значительные средства в бюджет Европейского Союза, неуклонно растет. Ситуация усугубляется также значительным притоком мигрантов, который неуклонно растет, и от которого страдает, прежде всего, население развитых государств-членов Европейского Союза, поскольку основной поток мигрантов устремляется именно туда. Однако и для государств-членов, являющихся получателями финансовой помощи от Европейского Союза, миграция также представляет

серьезную проблему, поскольку, в случае их отказа принимать мигрантов согласно квотам, выделенным Европейским Союзом, финансовые вливания в экономику этих государств со стороны Европейского Союза значительно сокращается.

Ввиду указанных причин растет негативное отношение к европейской интеграции в различных слоях населения так называемых «старых» государств-членов Европейского Союза. Поэтому не удивительно, что именно Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии первым провело национальный референдум о выходе из Европейского Союза, который состоялся 23 июня 2016 года¹. По итогам референдума с незначительным перевесом в числе голосов британцы сказали «нет» дальнейшему участию страны в европейском интеграционном процессе². Однако в стране возникли существенные разногласия между британскими политическими партиями, которые продолжаются и после референдума. Кроме того, усиливается раскол в британском обществе, поскольку только после запуска процедуры брексита британцы смогли почувствовать, какие именно неудобства их ожидают после выхода Соединенного Королевства из Европейского Союза. На сегодняшний день разногласия, как в британском обществе, так и среди политического истеблишмента этой страны лишь усугубляются в связи с жесткой позицией премьер-министра страны Бориса Джонсона, который занял жесткую позицию по вопросу о выходе Великобритании из Европейского Союза³.

---

¹ The New Hope for Britain // URL: <http://www.politicsresources.net/area/uk/man/lab83.htm>.

² Референдум о членстве Британии в Евросоюзе: ход, итоги и последствия / отв. Ред. А.В. Бударгин. – Доклады Института Европы, № 330. – М.: Институт Европы РАН, 2016. – С. 35; EU referendum: 50:50 split in latest poll of polls. The Week UK // <https://www.theweek.co.uk/brexit/65461/brexit-news>.

³ Corbyn J. Labour will campaign for UK to stay in the EU. URL: <http://www.theguardian.com/politics/2015/sep/17/jeremycorbyn-labour-campaign-for-uk-stay-in-eu>; Lambert S. Why Labour must listen to John Cruddas and use our patriotism to see off UKIP's threat to our working class vote. URL: <http://labourlist.org/2019/10/why-labour-must-listen-to-jon-cruddas-and-use-our-patriotism-to-see-off-ukipsthreat-to-our-working-class-vote/>.

Термин «Brexit» (от Britain и Exit (выход)) можно определить как процесс выхода Соединенного Королевства из Европейского Союза. Сама возможность покинуть Евросоюз существовала для государств-членов с самого начала интеграционного процесса, однако нововведение Лиссабонского договора не только подтверждает наличие возможности выйти из Европейского Союза, но и устанавливает процедуру реализации такого решения, принимаемого согласно конституционной процедуре каждым конкретным государством-участником интеграционного процесса. Процедура выхода из Евросоюза, также как и процесс вступления, требует заключения с ЕС соответствующего соглашения или установления определенного переходного периода в целях выхода без сделки.

Таким образом, реализация суверенной воли государств-членов Европейского Союза по выходу из этого интеграционного объединения, которое согласно результатам всенародного референдума больше не отвечает национальным интересам государства, требует заключения соглашения с Европейским Союзом. Такое соглашение необходимо, поскольку взаимодействие национального права государств-членов и права Европейского Союза за десятилетия развития и углубления интеграционного процесса настолько велико, что разорвать эти связи, иными словами, покинуть Евросоюз без сделки, означает существенные потери не только для государства в целом, но и, прежде всего, для его граждан. Ведь граждане Соединенного Королевства, являясь одновременно гражданами Европейского Союза, могли реализовать тот набор социальных прав, которые предоставляет европейское гражданство, на всей территории действия права Европейского Союза, а не только на территории своей страны. Следовательно, после запуска процесса выхода страны из Европейского Союза возможности реализации того набора социальных гарантий, которые предоставлялись британцам как гражданам Европейского Союза, существенно сужаются. Более того, брексит в значительной мере осложняет и внутривнутриполитическую ситуацию в стране. Важнейшей проблемой здесь являются передвижение лиц, а также товаров через границу между Северной Ирландией

и Республикой Ирландией. Кроме того, выход Великобритании из Европейского Союза может также усилить сепаратистские настроения в Шотландии, население которой может потребовать проведения референдума о выходе из состава Соединенного Королевства, если последствием брексита станет ухудшение качества жизни шотландцев.

В соответствии с ч. 1 ст. 50 Договора о Европейском Союзе, «любое государство-член в соответствии со своими конституционными правилами может принять решение о выходе из состава Союза»⁴.

Согласно части 3 этой же статьи, договоры Европейского Союза прекращают применяться к государству, изъявившему свою суверенную волю, направленную на выход из Европейского Союза, после того как соответствующее соглашение вступает в силу. В случае отсутствия соглашения между Европейским Союзом и покидающим его ряды государством, договоры Европейского Союза перестают действовать в покидающем ЕС государстве через два года с момента уведомления о выходе в порядке, установленном частью 2 статьи 50 Договора о Европейском Союзе⁵.

Таким образом, именно в соответствии с частью 3 указанной статьи Соединенное Королевство имеет возможность покинуть Европейский Союз без сделки, т.к. предусмотренный переходный период с момента уведомления о выходе ЕС истекает 31 октября 2019 года. Однако ввиду указанных выше причин в целях выхода из Европейского Союза для Соединенного Королевства целесообразнее заключить соглашение о выходе. Следовательно, согласно статье 50 Договора о Европейском Союзе, между государством-членом, принявшим решение о выходе, с одной стороны, и Европейским Союзом в лице Совета, заключается соглашение либо о продолжении сотрудничества в каких-то сферах в новом формате, либо об установлении какого-либо

---

⁴ Договор о Европейском Союзе // Европейский Союз: основополагающие акты в редакции Лиссабонского договора / отв. ред. С.Ю. Кашкин, – М., 2012. С. 2008-2009.

⁵ Там же.

переходного периода. При этом Совет Европейского Союза принимает решение квалифицированным большинством. Переговоры о деталях заключения такого соглашения иницируются в соответствии с частью 3 статьи 218 Договора о функционировании Европейского Союза. Согласно этой статье, Европейская комиссия или Верховный представитель по иностранным делам и политике безопасности Европейского Союза представляют рекомендации Совету, «который принимает решение, санкционирующее начало переговоров и определяет в зависимости от предмета соглашения представителей Европейского Союза на переговорах»⁶.

О возможности выхода Соединенного Королевства из Европейского Союза заговорили как о чем-то вполне реальном еще в 2011 году, когда еврозона переживала серьезный кризис, а в Европейском Союзе обсуждался вопрос о возможности мониторинга бюджетной ситуации в государствах-членах со стороны органов Европейского Союза. Великобритания сочла возможность такого мониторинга вмешательством во внутренние дела государств и с этого момента можно говорить о том, что процесс подготовки к брекситу начал набирать обороты. Кульминацией этого процесса стал национальный референдум о выходе Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии из Европейского Союза. За выход страны из Европейского Союза проголосовали 51,9 % участников референдума 2016 года, на который выносился этот вопрос⁷.

Тогдашний премьер-министр Великобритании Тереза Мэй на пресс-конференции в Брюсселе, состоявшейся по итогам ее встречи с председателем Европейской комиссии Ж.-К. Юнкером, заверила, что Великобритания безоговорочно выходит из Европейского Союза. Однако, как показало время, оговорки все

---

⁶ Договор о функционировании Европейского Союза // // Европейский Союз: основополагающие акты в редакции Лиссабонского договора / отв. ред. С.Ю. Кашкин, – М., 2012. С. 326.

⁷ См.: UK votes to leave the EU // http://www.bbc.com/news/politics/eu_referendum/results. 11.04.2019.

же необходимы для достижения консенсуса не только с Евросоюзом, но и в британском обществе.

К основным причинам, подтолкнувшим Соединенное Королевство к выходу из Европейского Союза, можно отнести следующее:

Страна, которая долгое время являлась членом Европейского Союза с так называемым, особым статусом, или, согласно терминологии, принятой в ЕС, государством «с изъятием», потребовала для себя еще больше привилегий, что поставило бы ее в еще более привилегированное положение по отношению к другим государствам-членам этого интеграционного объединения.

Уже существующий на сегодняшний день особый статус Соединенного Королевства в Европейском Союзе, который закреплён дополнительными протоколами к учредительным договорам, предоставляет этой стране значительные привилегии, прежде всего в экономической сфере, что не совсем сочетается с принципом равенства государств-членов Европейского Союза перед договорами⁸.

Страну, испытывающую серьезные затруднения во внешней торговле в силу внутренних причин перестали удовлетворять те правила, которые установлены Европейским Союзом в сфере торговли. Прежде всего, это касается торговых квот, предоставляемых Соединенному Королевству для торговли со странами Британского Содружества Наций, а также с такими странами как Китай, Индия и др.

В связи с указанными причинами целесообразность уплаты членских взносов в бюджет Европейского Союза, которые перераспределяются в пользу менее развитых в экономическом отношении государств-членов ЕС, давно вызывает нарекания в британском обществе. Более того, сегодняшний миграционный кризис в Европейском Союзе также стал одной из причин недовольства граждан этой страны членством в Европейском

---

⁸ См.: Протокол о некоторых положениях в отношении Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии по вопросам экономического и валютного союза // <http://eulaw.ru/treaties/constit/10,11.04.19>.

Союзе. Страна хочет сама определять алгоритмы своей миграционной политики. Соединенное Королевство не устраивает ситуация, когда Совет Европейского Союза распределяет между государствами-членами квоты на прием мигрантов.

Таким образом, несоответствие членства страны в Европейском Союзе ее долгосрочным интересам четко обозначилось в период, предшествующий проведению референдума (не в последнюю очередь, благодаря СМИ). Однако совершенно очевидно, что, как для рядовых граждан, так и для национального бизнеса этой страны негативные последствия выхода из ЕС, определенно, будут. Поэтому после проведения референдума, когда вопрос о выходе из ЕС был решен положительно, в британском обществе назревает раскол по указанному вопросу, а также имеет место обострение сепаратистских настроений в Северной Ирландии и в Шотландии, что может привести к серьезным последствиям. Поэтому анализ «первого опыта» выхода из ЕС показывает, что взаимодействие национального и европейского права настолько глубоко, что выход из ЕС требует существенных изменений в национальном законодательстве, а также может спровоцировать усиление сепаратистских устремлений национальных регионов того или иного государства.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СТАНДАРТИЗАЦИИ УСЛУГ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ

Постникова Елена Владимировна

*к.ю.н., доцент Департамента общих и межотраслевых
юридических дисциплин Национального исследовательского
университета «Высшая школа экономики»
epostnikova@hse.ru*

Сектор услуг является самым быстро растущим элементом международной торговли и составляет около 70 % ВВП Европейского Союза (ЕС). Однако лишь 6 % услуг предоставляется трансгранично в рамках ЕС в отличие от товаров (22 %) и до сих пор получатели и поставщики услуг сталкиваются с большим числом различных препятствий¹. В частности, свободному предоставлению услуг² в рамках внутреннего рынка ЕС препятствует существование как множества различных правил в разных государствах-членах ЕС, так и то, что далеко не все государства-члены информируют Европейскую Комиссию (далее Комиссию) о предпринимаемых новых мерах в отношении торговли услугами³. Стратегия для внутреннего рынка ЕС 2015 г. предусматривает принятие ряда мер, направленных на дальней-

---

¹ См.: Commission staff working document «Tapping the potential of European service standards to help Europe's consumers and businesses» Accompanying the document Communication «European Standards for the 21st century» {COM(2016) 358 final} Brussels, 1.6.2016 SWD(2016) 186 final URL: <http://ec.europa.eu/DocsRoom/documents/16823/attachments/2/translations/> (дата обращения 1 апреля 2019 г.).

² О свободе предоставления услуг см. статьи 56-62 Договора о функционировании Европейского Союза (Consolidated versions of the Treaty on European Union and the Treaty on the Functioning of the European Union // Official Journal C 115, 09.5.2008).

³ См.: Директива 2006/123 об услугах на внутреннем рынке (Directive 2006/123/EC of the European Parliament and of the Council of 12 December 2006 on services in the internal market // OJ L 376, 27.12.2006, p. 36–68).

шую либерализацию предоставления услуг⁴. И среди них развитие и использование европейской системы стандартизации в сфере предоставления услуг.

Стандарты незаменимы в развитии внутреннего рынка ЕС, поскольку способствуют повышению безопасности, конкурентоспособности, а также устранению различных препятствий торговле. И если обратиться к исследованиям, проведенным в Великобритании, то вклад стандартов в экономический рост очевиден.⁵ Можно даже сказать, что система европейской стандартизации представляет собой краеугольный камень единого внутреннего рынка ЕС. Стандартизация в сфере услуг помогает определить, что потребитель может ожидать от конкретной услуги и как именно она должна предоставляться поставщиком, например, с точки зрения своевременности, точности и пригодности. Как было объявлено в Пакете документов о стандартизации 2016 г., Комиссия стремится установить приоритеты и стимулировать разработку добровольных европейских стандартов в сфере предоставления услуг⁶.

К сожалению, доля европейских стандартов в сфере услуг совсем невелика, что ведет к фрагментации внутреннего рынка услуг в ЕС. По некоторым расчетам эта доля составляет

---

⁴ Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions «Upgrading the Single Market: more opportunities for people and business» COM/2015/0550 final URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52015DC0550&from=EN> (дата обращения 1 апреля 2019 г.).

⁵ British Standards Institution (BSI), ‘The Economic Contribution of Standards to the UK Economy’, 2015 (См.: Communication from the Commission «Upgrading the Single Market: more opportunities for people and business» COM/2015/0550 final URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52015DC0550&from=EN> (дата обращения 1 апреля 2019 г.)).

⁶ Service standards / Сайт Европейского Союза. URL: https://ec.europa.eu/growth/single-market/services/service-standards_en (дата обращения 10 апреля 2019 г.).

всего лишь 2 % от всех стандартов ЕС⁷. Разрабатывать такие стандарты стали относительно недавно и в ограниченном количестве. На 2016 г. существовало только около 100 актов ЕС по стандартизации по сравнению с почти 500 национальными актами⁸. Все чаще звучали призывы со стороны представителей промышленности, ассоциаций потребителей и других заинтересованных сторон к принятию мер на уровне ЕС, касающихся стандартизации в сфере предоставления услуг⁹. Такая необходимость была обозначена в докладе Группы высокого уровня по бизнес-услугам за 2014 год¹⁰.

Правовой основой стандартизации услуг являются, в частности, Регламент 1025/2012 о европейской стандартизации¹¹ (далее Регламент) и Директива 2006/123 об услугах на внутреннем рынке (далее Директива). Необходимо также обра-

---

⁷См.: Commission staff working document «Tapping the potential of European service standards to help Europe's consumers and businesses» Accompanying the document Communication «European Standards for the 21st century» {COM(2016) 358 final} Brussels, 1.6.2016 SWD(2016) 186 final URL: <http://ec.europa.eu/DocsRoom/documents/16823/attachments/2/translations/> (дата обращения 1 апреля 2019 г.).

⁸См.: Commission staff working document «Tapping the potential of European service standards to help Europe's consumers and businesses» Accompanying the document Communication «European Standards for the 21st century» {COM(2016) 358 final} Brussels, 1.6.2016 SWD(2016) 186 final URL: <http://ec.europa.eu/DocsRoom/documents/16823/attachments/2/translations/> (дата обращения 1 апреля 2019 г.).

⁹ Commission staff working document «Tapping the potential of European service standards to help Europe's consumers and businesses» Accompanying the document Communication «European Standards for the 21st century» {COM(2016) 358 final} Brussels, 1.6.2016 SWD(2016) 186 final URL: <http://ec.europa.eu/DocsRoom/documents/16823/attachments/2/translations/> (дата обращения 1 апреля 2019 г.).

¹⁰ The High Level Group on Business Services. Final report. European Union, 2014/ URL: <http://ec.europa.eu/DocsRoom/documents/4981/attachments/1/translations> (дата обращения 29 апреля 2019 г.).

¹¹ Regulation (EU) No 1025/2012 of the European Parliament and of the Council of 25 October 2012 on European standardization // OJ L 316/12, 14.11.2012.

тить внимание на некоторые иные документы, касающиеся как стандартизации в целом, так и стандартизации услуг, в частности. Так, в 2016 году Комиссией был опубликован пакет документов «Европейские стандарты для 21 века» и, в том числе, Сообщение Комиссии «Использование потенциала Европейских стандартов услуг, чтобы помочь потребителям и предприятиям Европы»¹². На основании данного Сообщения Европейский комитет по стандартизации разработал Стратегический план по стандартизации услуг – 2020¹³. А в 2017 году Европейский Парламент принял Резолюцию 2016/2274 о Европейских стандартах для 21 века¹⁴. В ноябре 2018 года Комиссия опубликовала Сообщение «Гармонизированные стандарты: Увеличение прозрачности и правовой определенности для полностью функционирующего единого рынка»¹⁵. Также следует упомянуть Ежегодные программы по европейской стандартизации¹⁶.

---

¹² Commission staff working document «Tapping the potential of European service standards to help Europe's consumers and businesses» Accompanying the document Communication «European Standards for the 21st century» {COM(2016) 358 final} Brussels, 1.6.2016 SWD(2016) 186 final URL: <http://ec.europa.eu/DocsRoom/documents/16823/attachments/2/translations/> (дата обращения 1 апреля 2019 г.).

¹³ «Strategic Plan on Services standardization» in support of CEN-CENELEC Ambitions 2020, and in recognition of the untapped potential for economic growth of the services market in Europe. URL: ftp://ftp.cen.eu/CEN/Sectors/List/Services/services_strategy-Final-2017-08-30.pdf (дата обращения 11 апреля 2019 г.).

¹⁴ European Parliament resolution of 4 July 2017 on European standards for the 21st century (2016/2274(INI)) // OJ C 334, 19.9.2018, p. 2–12.

¹⁵ Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee «Harmonised standards: Enhancing transparency and legal certainty for a fully functioning Single Market», Brussels, 22.11.2018 COM(2018) 764 final URL: <https://ec.europa.eu/docsroom/documents/32615> (дата обращения 12 апреля 2019 г.).

¹⁶См.: Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions «The annual Union work programme for European standardisation for 2019». Brussels, 11.10.2018. COM (2018) 686 final

Итак, Регламент 1025/2012 о европейской стандартизации распространяет свое действие и на сферу услуг.

Прежде чем, перейти непосредственно к общей характеристике стандартов в сфере услуг необходимо дать определение ключевым терминам.

Как закреплено в ст. 2 Регламента, "стандарт" представляет собой техническую спецификацию¹⁷, принятую признанным органом по стандартизации для многократного или постоянного применения, соблюдение которых не является обязательным. Термин же «техническая спецификация» означает документ, содержащий технические требования, которые должны выполняться в отношении товара, процесса, услуги или системы, и в котором излагаются характеристики упомянутых объектов стандартизации. Что касается услуг, то это, например, такие характеристики, как уровни качества, процесс предоставления, защита окружающей среды, здоровья или безопасности, а также требования к поставщику в отношении информации, которая должна быть доступна получателю, как указано в п. 1-3 статьи 22 Директивы 2006/123. То есть стандарт это документ, который содержит требования к объектам стандартизации.

Стандарты бывают следующих видов: международные, европейские, гармонизированные и национальные. «Европейский стандарт» это стандарт, который принимается Европейской организацией по стандартизации. Он обозначается аббревиатурой «EN». А термин «гармонизированный стандарт» означает Европейский стандарт, который принимается на основе запроса Комиссии во исполнение гармонизирующих правовых актов ЕС.

Европейские стандарты разрабатываются такими европейскими организациями по стандартизации как: Европейский комитет по стандартизации¹⁸, Европейский комитет по электро-

---

URL: <https://www.eesc.europa.eu/en/our-work/opinions-information-reports/opinions/annual-union-work-programme-european-standardisation-2019-communication> (дата обращения 12 апреля 2019 г.).

¹⁷ Или иначе техническое условие (англ.: *technical specification*).

¹⁸ Англ.: *European Committee for Standardisation (CEN)*.

технической стандартизации¹⁹ и Европейский институт по телекоммуникационным стандартам²⁰.

Европейские стандарты заменяют потенциально противоречивые национальные стандарты во всех государствах-членах Союза и, таким образом, облегчают доступ на рынки для тех, кто их использует. Стандарты создаются с учетом интересов всех заинтересованных сторон, таких как, например, производители, потребители и контролирующие или регулирующие органы в отношении производства конкретного товара, процесса или услуги.

После того, как Европейские организации по стандартизации разработали гармонизированный стандарт, Комиссия оценивает, соответствует ли он требованиям соответствующих правовых актов ЕС и первоначальному запросу на стандартизацию. Если Комиссия приходит к выводу, что стандарт соответствует праву ЕС, она принимает решение опубликовать ссылку на него в Официальном журнале Европейского Союза²¹. В результате, стандарт будет иметь юридические последствия согласно соответствующим правовым актам ЕС. Например, услуги, предоставляемые в соответствии с гармонизированными стандартами, имеют презумпцию соответствия соответствующим требованиям права ЕС.

В соответствии с пунктом 4 статьи 26 Директивы 2006/123 об услугах на внутреннем рынке государства-члены в сотрудничестве с Комиссией должны поощрять разработку добровольных Европейских стандартов с целью облегчения совместимости между услугами предоставляемыми поставщиками из разных государств-членов ЕС, информацией о них для получателей и качеством самих услуг.

Сайт Европейского комитета по стандартизации. URL: <https://www.cen.eu/about/Pages/default.aspx> (дата обращения 10 апреля 2019 г.).

¹⁹ Англ.: *European Committee for Electrotechnical Standardisation (CENELEC)*.

²⁰ Англ.: *European Telecommunications Standards Institute (ETSI)*.

²¹ Англ.: *Official Journal of the European Union*.

Можно выделить много общего между стандартами товаров и услуг. И те, и те являются добровольными, рыночными, основанными на консенсусе и разработанными в соответствии с одним и тем же процессом. Но есть важные различия, такие как тот факт, что услуги часто больше связаны с личностью поставщика, являются интерактивным процессом, и их качество зависит от производительности лица, предоставляющего услугу, и восприятия клиентов.

Как отмечает Комиссия в уже упомянутом выше Сообщении 2016 года, стандарты в сфере услуг могут носить отраслевой или горизонтальный характер. Отраслевые стандарты разрабатываются для использования в конкретном отраслевом секторе или в рамках определенного вида деятельности или в организациях, действующих в отдельном секторе. Они охватывают такие элементы, как качество услуг, термины и определения или процессы. Горизонтальные стандарты разрабатываются таким образом, чтобы соответствовать интересам операторов в сфере предоставления услуг, независимо от типа бизнеса, отрасли, размера или местоположения, и фокусируются на аспектах, которые являются общими для всех или, по крайней мере, для большинства секторов услуг. В 2013 году Комиссия поручила Европейскому комитету по стандартизации (Комитету) представить конкретные предложения по направлениям разработки горизонтальных стандартов услуг.²² В итоге Комиссия попросила, и Комитет согласился начать разработку стандартов в следующих трех областях: оценка качества предоставления услуг, договоры на предоставление услуг и закупки услуг.

В документах Европейского комитета по стандартизации выделяются следующие виды стандартов услуг²³: Стандарты

---

²² Mandate addressed to CEN, CENELEC, and ETSI for the programming and development of horizontal service standards. European Commission. M/517 EN/Brussels, 24 January 2013.

²³ «Strategic Plan on Services standardization» in support of CEN-CENELEC Ambitions 2020, and in recognition of the untapped potential for economic growth of the services market in Europe. URL: ftp://ftp.cen.eu/CEN/Sectors/List/Services/services_strategy-Final-2017-08-30.pdf (дата обращения 11 апреля 2019 г.).

описания услуг²⁴, Стандарты оценки (качества - *прим. автора*) услуг²⁵, Стандарты для поставщиков услуг²⁶, Организационные стандарты²⁷, Товары и технологии, сопровождающие предоставление услуг²⁸.

Рассмотрим вкратце различные виды стандартов.

– Стандарты, описывающие услугу являются наиболее распространенными. Следует подчеркнуть, что стандарты описания услуг могут охватывать один единственный аспект процесса предоставления услуги, например, для договоров на техническое обслуживание²⁹, или может охватывать все или несколько аспектов, таких как терминология, связанная с предоставлением конкретной услуги, спецификации обслуживания в целом или некоторые конкретные аспекты, такие как контракты или качество услуги. В качестве примера рассматриваемого стандарта можно привести стандарт по услугам переводчиков³⁰.

– В отличие от предыдущего вида стандартов стандарты оценки (качества) услуг далеко немногочисленны. Примером такого рода стандартов является стандарт в отношении измерения качества почтовых услуг³¹. Это прекрасный пример проиллюстрировать связь системы европейской стандартизации и сближения законодательств государств-членов ЕС. Так, в европейских стандартах в отношении почтовых услуг делается

---

²⁴ Англ.: *Service description standards*.

²⁵ Англ.: *Service evaluation standards*.

²⁶ Англ.: *Standards for service providers*.

²⁷ Англ.: *Organizational standards*.

²⁸ Англ.: *Products and technologies supporting service provision*.

²⁹ EN 13269:2016 ‘Maintenance - Guideline on preparation of maintenance contracts’.

³⁰ EN ISO 17100:2015 ‘Translation Services - Requirements for translation services’ (ISO 17100:2015).

³¹ EN 13850:2012 ‘Postal Services - Quality of Services - Measurement of the transit time of end-to-end services for single piece priority mail and first class mail’.

ссылка на Директиву 97/67 об общих правилах развития внутреннего рынка почтовых услуг и о повышении качества услуг³².

– Стандарты могут охватывать требования профессиональных навыков поставщиков услуг. Часто эти стандарты играют стратегическую роль для конкретного сектора услуг. Примером европейских стандартов в этой области является стандарт для обслуживающего персонала³³.

– Организационные стандарты охватывает стандартизацию, общую для всех организаций, такую как системы менеджмента (например, управление качеством, рисками, активами и инновациями), технологические и эксплуатационные требования, требования безопасности или требования социальной ответственности. В качестве примера можно назвать стандарт, устанавливающий дополнительные требования к международному стандарту для перевозки опасных грузов³⁴.

– Стандарты также могут определять требования или рекомендации в отношении других элементов, которые сопровождают предоставление услуг, таких как товары, необходимые для предоставления услуг, например, автомобили для аварийных служб или определенные технологии, используемые при предоставлении услуг (штрих-коды). Примерами стандартов, поддерживающих предоставление услуг, являются стандарт на измерение пространства в управлении недвижимостью³⁵.

Итак, какова же политика ЕС в отношении стандартизации в сфере предоставления услуг? В Сообщении Комиссии

---

³² Directive 97/67/EC of the European Parliament and of the Council of 15 December 1997 on common rules for the development of the internal market of Community postal services and the improvement of quality of service // OJ L 15, 21.1.1998, p. 14–25.

³³ EN 15628:2014 ‘Maintenance - Qualification of maintenance personnel’

³⁴ EN 12798:2007 ‘Transport Quality Management System - Road, Rail and Inland navigation transport - Quality management system requirements to supplement EN ISO 9001 for the transport of dangerous goods with regard to safety’.

³⁵ EN 15221-6:2011 ‘Facility Management - Part 6: Area and Space Measurement in Facility Management’.

«Использование потенциала европейских стандартов услуг, чтобы помочь потребителям и предприятиям Европы» в целях поддержки разработки и использования европейских стандартов в секторе услуг и решения существующих проблем предлагался комплекс действий, направленных на: усовершенствование подхода к установлению приоритетов в разработке европейских стандартов в сфере услуг на основе системы мониторинга национальных стандартов услуг; сокращение соответствующих национальных препятствий; более эффективное информирование поставщиков услуг.

В частности, на основании данного Сообщения Европейский комитет по стандартизации опубликовал Стратегический план по стандартизации услуг - 2020, направленный на усовершенствование правового регулирования, отвечающего интересами поставщиков и получателей услуг. Его целями являются: повышение осведомленности о стандартизации услуг; способствовать вовлечению заинтересованных сторон в различные сферы услуг; разработать критерии, которые могли бы помочь определить приоритетные сектора с более высоким потенциалом, чтобы извлечь выгоду из стандартизации; определить, на каком уровне (национальном, европейском или международном) европейская система стандартизации может лучше отвечать потребностям, существующим в различных секторах услуг.

А вот если говорить о гармонизированных европейских стандартах, то в ноябре 2018 года Комиссия опубликовала Сообщение «Гармонизированные стандарты: Увеличение прозрачности и правовой определенности для полностью функционирующего единого рынка», в котором дается обзор функционирования европейской системы стандартизации и перечисляются конкретные действия, которые Комиссия предпримет в ближайшем будущем.

Таким образом, Европейская система стандартизации услуг, безусловно, играет важную роль в развитии внутреннего рынка услуг ЕС, но она еще далеко несовершенна и находится на стадии постоянного реформирования.

**СОТРУДНИЧЕСТВО СЧЕТНОГО КОМИТЕТА
ПО КОНТРОЛЮ ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ
РЕСПУБЛИКАНСКОГО БЮДЖЕТА
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН С ОРГАНАМИ АУДИТА
ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ ЕАЭС**

Сакбайкызы Асел

*докторант кафедры международного права
ЕНУ им. Л.Н. Гумилева*

На начальном этапе исследования нас интересовал вопрос истории возникновения финансового контроля, появление уполномоченного органа по финансовому контролю государства. Из трудов историков, экономистов и юристов в той или иной мере исследовавших историю возникновения государственного органа, осуществляющего финансовый контроль или государственный аудит, вытекает, что финансовый контроль берет свое начало еще со времен Древнего Египта, Вавилона и Китая. Согласно проведенному поиску можно полагать, что финансовый контроль появился еще в 2000-е годы до нашей эры. Без контрольных функций государству невозможно достичь эффективного использования бюджетных средств и активов государства. По этой причине любая страна была вынуждена создавать контролирующие органы, те есть субъект, который обладает компетенциями в сфере государственного финансового контроля. В древнем мире такие функции осуществляли специально уполномоченные лица, специализированный государственный орган в сфере финансового контроля тогда еще не функционировал.

Основным объектом финансового контроля выступает финансы государства, в которые входят государственный бюджет, внебюджетные государственные фонды и иные активы государства. В современном мире в каждой стране существует уполномоченный орган, который контролирует процесс формирования, использования и отчетности государственных денежных средств. В Республике Казахстан такой компетенцией обладает

Счетный Комитет по контролю за использованием республиканского бюджета Республики Казахстан (далее – Счетный комитет РК). Он был образован в 1996 году согласно Указу Президента Республики Казахстан «Об утверждении Положения о Счетном комитете по контролю за исполнением республиканского бюджета».

Что касается высших органов государственного аудита в государствах-членах Евразийского экономического союза, то ими являются следующие государственные органы:

- 1) в Российской Федерации – Счетная палата;
- 2) в Республике Беларуси – Комитет государственного контроля;
- 3) в Кыргызской Республике – Счетная палата;
- 4) в Республике Армения – Аудиторская палата.

Международное сотрудничество Счетного комитета РК в финансово-контрольной сфере с ВОГА зарубежных стран является одним из основных факторов благополучного существования бюджетной системы и стабильного укрепления финансов государств и развития государств в целом в современном мире.

Полномочия Счетного комитета РК по осуществлению международного сотрудничества в сфере государственного аудита и финансового контроля законодательно закреплены. Так в Указе Президента Республики Казахстан «Об утверждении Положения о Счетном комитете по контролю за исполнением республиканского бюджета» от 1996 года установлено, что Счетный комитет осуществляет международную деятельность, то есть взаимодействует с соответствующими органами других государств и их международными объединениями, заключает соглашения о сотрудничестве, участвует в проведении совместных, параллельных проверок и экспертно-аналитических мероприятий, входит в состав указанных международных объединений ¹.

---

¹ См. пункт 20 статьи 16 Указа Президента Республики Казахстан «Об утверждении Положения о Счетном комитете по контролю за исполнением республиканского бюджета» от 5 августа 2002 года № 917. URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/U020000917_. (дата обращения 2 апреля 2019 г.).

Статья 34 Закона Республики Казахстан «О государственном аудите и финансовом контроле» от 2015 года также определяет полномочия Счетного комитета в сфере международной деятельности². На законодательной основе Счетный комитет активно осуществляет свою деятельность в сфере международного сотрудничества. Заключает соглашения с высшими органами государственного аудита (далее – ВОГА) стран ближнего и дальнего зарубежья о взаимном сотрудничестве по таким направлениям, как обмен опытом в области государственного финансового контроля, взаимодействие в сфере профессионального обучения и повышения квалификации кадров, организация совместных исследований и проведение семинаров, рабочих встреч, обмен актами национального законодательства, методиками, которые относятся к вопросам осуществления государственного финансового контроля.

Таким образом, правовой основой в области осуществления международной деятельности Счетного комитета Республики Казахстан являются национальные законодательства, международные соглашения и меморандумы о взаимном сотрудничестве.

Международное сотрудничество высшими органами государственного аудита в сфере финансового контроля осуществляется с целью развития нормативно-правовой базы государственного аудита и финансового контроля, обмена опытом и информацией, проведение совместных и параллельных проверок.

В вопросах международного сотрудничества в сфере финансового контроля следует обратить внимание на Лимскую декларацию руководящих принципов контроля ИНТОСАИ³ (далее –

---

² Закон Республики Казахстан «О государственном аудите и финансовом контроле» от 12 ноября 2015 года № 392-V ЗПК. URL:<http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000392>. (дата обращения 2 апреля 2019 г.).

³ Международная организация высших органов финансового контроля (INTOSAI). ИНТОСАИ была основана в 1953 году по инициативе тогдашнего президента ВОА Кубы Эмилио Фернандеса Камю. В это время на первый конгресс ИНТОСАИ на Кубе собрались 34 члена высших органов аудита. В настоящее время ИНТОСАИ насчитывает 194

Лимская декларация) от 1977 года, которая делает упор на независимость государственного аудита. В Меморандуме о взаимопонимании между Счетным комитетом по контролю за исполнением республиканского бюджета Республики Казахстан и Счетной палатой Российской Федерации по проверке равными по положению от 2012 года приводится понятие термину «независимость». А именно, независимость – это свобода высших органов финансового контроля (далее - ВОФК) действовать в вопросах аудита в соответствии с его аудиторским полномочием, без какого бы то ни было внешнего руководства и вмешательства⁴. Таким образом, Казахстан и Россия в Меморандуме, руководствуясь Лимской декларацией, определяют, что высшие органы финансового контроля должен обладать функциональной, организационной и финансовой независимостью. Независимость ВОФК, а также его руководителей (руководителей его коллегиальных органов) должны быть закреплены в Конституции⁵.

На сегодняшний день международная деятельность Счетного комитета РК осуществляется на двухстороннем и многостороннем уровне.

В рамках двустороннего сотрудничества Счетный комитет Республики Казахстан на постоянной основе осуществляет

полноправных члена, 5 ассоциированных и 1 аффилированный член. Сайт Международной организации высших органов финансового контроля: URL: <http://www.intosai.org/ru/about-us.html> (дата обращения 4 апреля 2019 г.).

⁴ Меморандум о взаимопонимании между Счетным комитетом по контролю за исполнением республиканского бюджета Республики Казахстан и Счетной палатой Российской Федерации по проверке равными по положению от 2012 г. Сайт Счетного комитета Республики Казахстан. URL: <http://www.esep.kz/upload/iblock/ab3/RF.pdf> (дата обращения 7 апреля 2019 г.).

⁵ Меморандум о взаимопонимании между Счетным комитетом по контролю за исполнением республиканского бюджета Республики Казахстан и Счетной палатой Российской Федерации по проверке равными по положению от 2012 г. Сайт Счетного комитета РК. URL: <http://www.esep.kz/upload/iblock/ab3/RF.pdf> (дата обращения 7 апреля 2019 г.).

взаимодействие с высшими органами государственного аудита стран Содружества Независимых Государств (далее – СНГ), Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) и других зарубежных стран. Так Счетным комитетом Республики Казахстан на сегодняшний день подписаны 29 соглашений о сотрудничестве с 22 странами ВОГА: Азербайджана, Армении, Беларуси, Бельгии, Великобритании, Грузии, Китая, Кувейта, Кыргызстана, Латвии, Люксембурга, Молдовы, Объединенных Арабских Эмиратов, Пакистана, Польши, России, Таджикистана, Турции, Украины, Франции, Южной Кореи, Эстонии. С государствами входящих в состав ЕАЭС всего подписано 6 соглашений.

Международное сотрудничество Счетного комитета РК с ВОГА зарубежных стран строится на основе равенства сторон, соблюдения принципа суверенитета и интересов государств партнеров и принципа невмешательства во внутренние дела другого государства.

В 2006 году ВОГА Казахстана, Азербайджана и России провели параллельную проверку по вопросам определения эффективности использования водных биологических ресурсов Каспийского моря.

В 2008 году ВОГА Казахстана и Украины провели параллельный аудит эффективности планирования, освоения и контроля использования бюджетных средств, выделяемых на ликвидацию чрезвычайных ситуаций.

В 2009 году ВОГА Казахстана, России и Кыргызстана в г. Астане проведен «круглый стол» на тему «Взаимодействие высших органов финансового контроля с контрольно-надзорными органами в рамках реализации антикоррупционной государственной политики».

В 2012 году Счетной палатой Российской Федерации проведена дружественная проверка деятельности Счетного комитета.

В 2014 году совместно со Счетной палатой Российской Федерации проведено экспертно-аналитическое мероприятие по мониторингу реализации совместных российско-казахстанских проектов в сфере энергетики.

В соответствии с Перспективным планом Счетного комитета на 2015-2019 годы в 2018 году предусмотрена организация дружественной проверки деятельности Счетного комитета Офисом национального аудита Эстонии⁶.

В рамках многостороннего сотрудничества Счетный комитет является членом Международной организации высших органов государственного аудита (ИНТОСАИ), а также ее региональных объединений – ЕВРОСАИ⁷ и АЗОСАИ⁸. Кроме того, Счетный комитет взаимодействует с высшими органами государственного аудита по линии Евразийского экономического союза, Содружества Независимых Государств, Шанхайской Организации Сотрудничества (ШОС)⁹ и Организации

---

⁶ Сотрудничество в рамках международных объединений высших органов государственного аудита. Сайт Счетного комитета Республики Казахстан. URL: <http://www.esep.kz/r3/inter/obshchaya-informatsiya/> (дата обращения 8 апреля 2019 г.).

⁷ Организация высших органов финансового контроля Европы (*EUROSAI*) является одной из региональных организаций Международной организации высших органов финансового контроля (*INTOSAI*), которая объединяет в своих рядах ВОФК 194 стран в качестве полноправных членов, 5 – в качестве ассоциированных членов и 1 – в качестве аффилированного члена. *INTOSAI* имеет ранг организации, поддерживающей деятельность Организации Объединенных Наций. *EUROSAI* была основана в 1990 году. Сайт Организации высших органов финансового контроля Европы. URL: <https://www.euroesai.org/ru/about-us/about-euroesai>. (дата обращения 4 апреля 2019 г.).

⁸ Азиатская организация высших аудиторских учреждений (*ASOSAI*) является одной из региональных организаций Международной организации высших органов финансового контроля (*INTOSAI*). Международная Азиатская организация была создана в 1979 году с 11 членами. В настоящее время членство выросло до 46 высших органов финансового контроля. Вышеуказанная организация является региональной организацией *INTOSAI*. Сайт Азиатской организации высших аудиторских учреждений АЗОСАИ. URL: http://asosai.org/asosai/about/brief_history.jsp?gubun=ABOUT01 (дата обращения 4 апреля 2019 г.).

⁹ Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) является постоянно действующей межправительственной международной организацией, о создании которой было объявлено 15 июня 2001 года в Шанхае (КНР)

Экономического Сотрудничества (ЭКОСАИ)¹⁰. Нужно отметить, что в 2016 году Счетный комитет избран в состав Совета Правления ЭКОСАИ на 2017-2019 годы.

С созданием Евразийского экономического сообщества (далее – ЕврАзЭС), а в последующем ЕАЭС ВОГА государств-участников осуществлялись параллельные проверки в части эффективного поступления ввозных таможенных пошлин странами Евразийского экономического союза. В ходе обсуждения в 2013 году результатов проверки по соблюдению в 2012 году уполномоченными органами государств-участниц Соглашения об установлении и применении в Таможенном союзе порядка начисления и распределения ввозных таможенных пошлин вышшими органами финансового контроля Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации были установлены случаи возвратов таможенных пошлин, подлежащих

Республикой Казахстан, Китайской Народной Республикой, Кыргызской Республикой, Российской Федерацией, Республикой Таджикистан, Республикой Узбекистан. Ей предшествовал механизм "Шанхайской пятерки". В настоящее время: государствами-членами ШОС восемь стран являются – Республика Индия, Республика Казахстан, Китайская Народная Республика, Кыргызская Республика, Исламская Республика Пакистан, Российская Федерация, Республика Таджикистан, Республика Узбекистан. Сайт Шанхайской организации сотрудничества. URL: <http://rus.sectso.org>. (дата обращения 6 апреля 2019 г.).

¹⁰Экономическая организация высших органов финансового контроля (ЭКОСАИ). Международная экономическая организация *ECOSAI* является региональным форумом высших органов финансового контроля государств Юга и регионов Центральной Азии. Указанная организация основана в 1994 году и направлена на содействие государственной аудиторской профессии в странах-членах путем обмена идеями, опытом и путем проведения семинаров, конференций и учебных курсов. В настоящее время в члены *ECOSAI* входят 10 стран высших органов финансового контроля. Сайт Экономической организации высших органов финансового контроля. URL: <http://www.ecosai.org.pk>. (дата обращения 6 апреля 2019 г.).

распределению между бюджетами сторон. В 2014 году было проведено обсуждение результатов проверки по соблюдению вышесказанного соглашения в 2013 году высшими органами финансового контроля Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации, **установлены случаи возвратов** таможенных пошлин, подлежащих распределению между бюджетами сторон.

26 ноября 2015 году на совместном заседании высших органов финансового контроля (аудита) Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации, были рассмотрены результаты совместной проверки соблюдения в 2014 году вышеназванного Соглашения, по результатам которого нарушений установлено не было.

Итоги совместной проверки соблюдения в 2015 году уполномоченными органами государств уже Протокола о порядке зачисления и распределения сумм таможенных пошлин, их перечисления в доход бюджетов государств-членов Евразийского экономического союза обсуждались в рамках пяти государств (Армения, Кыргызстан, Беларуси, Казахстан и Россия). По итогам заседания было отмечено, что порядок распределения уполномоченными органами государств – членов ЕАЭС ввозных таможенных пошлин между бюджетами государств за 2015, 2016 и 2017 годы, что в целом был соблюден. Следует отметить, что общая сумма ввозных таможенных пошлин, поступивших в бюджеты Сторон, за 2017 год составила 11 628,9 млн долларов США, а в 2016 году – 9 816,9 млн долларов США, по сравнению с 2016 годом в целом наблюдается рост поступлений на 1 812,0 млн долларов США.

Высшие органы государственного аудита членов-государств ЕАЭС при проведении совместного контрольного мероприятия соблюдения в 2017 году Протокола о порядке зачисления и распределения сумм таможенных пошлин, их перечисления в доход бюджетов государств-членов Евразийского экономического союза основывались на ниже следующих документах:

– пункте 53 Протокола о порядке зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин (иных пошлин,

налогов и сборов, имеющих эквивалентное действие), их перечисления в доход бюджетов государств-членов (приложение № 5 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года);

– соглашение о проведении совместного контрольного мероприятия Аудиторской палатой Республики Армения, Комитетом государственного контроля Республики Беларусь, Счетным комитетом по контролю за исполнением республиканского бюджета Республики Казахстан, Счетной палатой Кыргызской Республики и Счетной палатой Российской Федерации в 2018 году;

– годовая программа Контрольной палаты Республики Армения на 2018 год (для Аудиторской палаты Республики Армения);

– план работы Комитета государственного контроля Республики Беларусь на первое полугодие 2018 года (для Комитета государственного контроля Республики Беларусь);

– перечень объектов государственного аудита на 2018 год (для Счетного комитета Республики Казахстан);

– план аудиторской деятельности на 2018 год (для Счетной палаты Кыргызской Республики);

– плану работы Счетной палаты Российской Федерации на 2018 год (для Счетной палаты Российской Федерации).

Во время функционирования ЕвразЭС его бюджет (по сравнению с ЕАЭС) был не большим. Однако уже тогда началось проведение совместных проверок. Учитывая рост поступлений и увеличение бюджета ЕАЭС, возникает острая необходимость усиления финансового контроля государствами-участниками ЕАЭС.

Кроме того, Счетный комитет Республики Казахстан ежегодно направляет своего представителя на заседания и сессии высших органов государственного аудита ИНТОСАИ, ЕВРОСАИ, АЗОСАИ, ЭКОСАИ, также на Совет руководителей ВОФК стран СНГ, государств-участников ЕАЭС и ШОС. Счетный комитет Республики Казахстан принимает участие в конференциях, круглых столах и различных мероприятиях осуществляемые ВОГА вышеперечисленных организаций.

В связи с этим особую актуальность приобретает дальнейшее расширение сотрудничества в рамках стран ЕАЭС. В этом нам позволяет схожесть правых систем, экономического развития государств.

В ходе совместной деятельности ВОГА проведены значительно объемные и кропотливые работы, но тем не менее хотелось бы увидеть еще некоторые улучшения по финансовому контролю и аудиту. Например, на основе имеющего глоссария терминов, используемых в стандартах государственного финансового контроля (аудита) ВОФК государств-участников СНГ¹¹, необходимо разработать единый глоссарий терминов государствами ЕАЭС. Необходимо подчеркнуть, что выше упомянутый глоссарий терминов СНГ устарел и требует обновления. Кроме того считаем, что приведены недостаточно терминов по вопросам финансового контроля, по проведению и процедуре проверок.

Помимо этого, возникает необходимость о разработке единых стандартов эффективного использования бюджетных средств. Хотелось бы отметить, что в ходе разработки стандартов кроме ВОГА должны участвовать как иные органы финансового контроля, так и субъекты по формированию, использованию и исполнению бюджетных средств государства.

Счетный комитет Республики Казахстан активно применяет метод аудита эффективности, работая уже не просто на результат как при финансовом аудите или аудите соответствия, а применяя наработки ВОГА развитых государств.

Учитывая нормы закрепленные в отдельных соглашениях о сотрудничестве, можно заметить что направления международного сотрудничества ВОГА государств-членов ЕАЭС идентичны.

---

¹¹ Глоссарий терминов, используемых в стандартах государственного финансового контроля (аудита) высших органов финансового контроля государств-участников Содружества Независимых Государств. Утверждено Решением Совета руководителей высших органов финансового контроля государств-участников Содружества Независимых Государств от 5 сентября 2013 года, г. Астана. URL: <http://www.esep.kz/upload/iblock/12a/Glasariy.pdf>. (дата обращения 9 апреля 2019 г.).

Когда говорим о финансовом контроле, нельзя не упомянуть о финансово-экономической безопасности государства. Если в каждой стране будет четко разработана система контроля собственных средств, тогда и будет эффективное использование бюджетных средств государства. Для этого необходимо разрабатывать общие стандарты стран ЕАЭС не только по проведению проверок, а также по формированию и использованию бюджетных средств и активов государства. Конечно, в этом случае возникает необходимость изучения опыта развитых стран и передовых мировых организаций, как Международный валютный фонд (МВФ), Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Система финансов качества, Всемирного Банка и Европейского союза.

Учитывая выше сказанное можно сделать вывод о том, что система финансового контроля в государствах ЕАЭС совершенствуются. Данный обмен опытом и взаимное отношение дает пользу и перспективу в деятельности ВОГА государств-участниц ЕАЭС. Приобретая зарубежный опыт Счетный комитет Республики Казахстан в итоге выходит на новый уровень государственного аудита, уходя все дальше от традиционного финансового контроля, где основным критериям является выявление нарушений и привлечение к юридической ответственности.

ВАЛЮТНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В РАМКАХ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ: ЕДИНАЯ ЕВРОПЕЙСКАЯ ВАЛЮТА

Сарсембаев Д.М.

докторант ЕНУ им. Л.Н. Гумилева

Единая валютная единица в виде советского рубля с эмиссионным центром в лице Государственного Банка СССР, находящегося в г. Москве, преобразовавшись в 1990 году в региональную резервную валюту, хоть и ненадолго, но все же пережила Советский Союз, что опять-таки подтверждает утверждение о том, что деньги являются не признаком государства, а в первую очередь причиной его возникновения. И то, что является причиной возникновения, соответственно может послужить и причиной падения цивилизаций.

Точка невозврата к СССР в процессе борьбы за политическую власть между Б. Ельциным и М. Горбачевым была достигнута не декларацией СНД РСФСР от 12.06.1990 № 22-1 «О государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики», а Постановлением съезда народных депутатов Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 22 июня 1990 года «о разграничении функций управления организациями на территории РСФСР (Основы нового Союзного договора)», в соответствии с которым была предусмотрена реорганизация Российского республиканского банка Госбанка СССР в Государственный банк РСФСР, подчиненный Верховному Совету РСФСР, с наделением его полномочиями в области денежно-кредитной политики. Именно с этим постановлением связывают начало периода (с июня 1990 г. до декабря 1991 г.) противостояния Российского государственного банка и Госбанка СССР. Именно данное противостояние в конечном итоге и привело к распаду Союза. Будет спра-

ведливо сказать, что Б. Ельцин не желал раскола СССР, а лишь его преобразования, но его просчеты запустили необратимый процесс. Первый шаг к демополизации эмиссии советского рубля и соответственно децентрализации, а точнее потери власти был сделан.

13 июля 1990 года было принято Постановление ВС РСФСР от 13.07.1990 «О Государственном банке РСФСР и банках на территории республики», в соответствии с которым Комиссии Совета Республики Верховного Совета РСФСР по бюджету, планам, налогам и ценам, Совету Министров РСФСР, Госбанку РСФСР было поручено представить на рассмотрение очередного Съезда народных депутатов РСФСР проекты законов «О Государственном банке РСФСР», «О банках и банковской деятельности в РСФСР».

2 декабря 1990 года был принят Закон РСФСР от 2 декабря 1990 г. «О Центральном банке РСФСР (Банке России)» в соответствии с которым за Банком России было закреплено право на осуществление в установленном законодательством РСФСР порядке выпуск в обращение и изъятие из обращения денежных знаков на территории РСФСР. Государственный банк СССР был лишен монополии на эмиссию денег, которая 70 лет гарантировала за союзом право на такой признак как власть, обеспечиваемая тем, что каждый год руководства всех союзных республик тянулись в Москву за рублем.

11 декабря 1990 года монополия на эмиссию советского рубля была окончательно сметена Законом СССР от 11.12.1990 n 1828-1 «О Государственном банке СССР» № 1828-1. В пункте 1 статьи 5 закона было предусмотрено, что «Госбанк СССР и центральные банки республик в рамках резервной системы выполняют следующие функции: а) осуществляют эмиссию денег и организуют их обращение...».

Когда до Москвы дошло осознание последствий демополизации эмиссии денег, под разными предлогами была предпринята попытка изменить облик денежных знаков и 22 января 1991 г. была предпринята последняя в истории СССР денежная реформа (получившая в народе название «павловской» в честь ее

создателя, министра финансов СССР Валентина Павлова), которая выражалась в изъятии из обращения банкнот образца 1961 года и введение банкнот нового образца. Одним из лозунгов этой реформы была борьба с фальшивыми купюрами, которые шли из запада. Вот, тут возникает вопрос, кто организовывал поставку фальшивых купюр? У центральных банков прибалтийских стран, которые с свое время оказались под натиском обвинений Е. Гайдар в печатанье денег, скорее всего не было соответствующих станков и соответствующих кадров, но было право, которым они были наделены Законом от 11 декабря 1990 года. И при неимении опыта и средств производства, почему бы печатаное этих самых денег не заказать у того же запада? Следует отметить, что Республика Казахстан при вводе в 1993 году своей национальной валюты так и сделала.

К сожалению, предпринятые реформы не только не дали намеченных результатов, но и еще сильнее ударили по экономике и по доверию к тогда еще национальной валюте. И, в принципе это было ожидаемо, так как предпосылок для роста экономики в тот момент не было, а со сменой облика купюр, право республик на эмиссию оставалось в силе. И так как эмиссия советского рубля оказалась в руках каждой республики и за данным стечением обстоятельств последовала вышедшая из-под контроля гиперинфляция, которая разорвала экономики всех союзных стран и распад стал неизбежен.

Попытки отыграть все обратно были безуспешны. Так, к тому времени уже признав политическую независимость, 8 стран постсоветского пространства (Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Молдавия, Россия, Таджикистан, Узбекистан) подписали 9 октября 1992 года Соглашение о Единой денежной системе и согласованной денежно-кредитной и валютной политике государств, которое предполагало возврат к единому эмиссионному центру пока еще находившегося в обращении советского рубля посредством временной передаче права на эмиссию Центральному Банку РФ до создания Межгосударственного банка с наделением его в последующем соответствующим полномочием. Но у данной региональной валюты уже были сущес-

твенные правовые изъяны, которые препятствовали процессу централизации. В первую очередь, это было связано с тем, что соглашение подписали только 8 из 15 республик, которые эмитировали советский рубль, так как оставшиеся 7 республики к тому моменту уже вели независимую валютную политику и эмитировали свои национальные валюты. Предпринятые меры по защите рублевой зоны от такой самостоятельной политики отдельных стран путем принятия Соглашения о защите интересов государств рублевой зоны в случае введения отдельными государствами национальной валюты (Москва, 6 июля 1992 года) не дали ожидаемых результатов. Соглашение так и не вступило в силу. Второй причиной послужило то, что эмиссия советского рубля, перешедшая к национальным банкам уже независимых республик, производилась ими исходя из своих внутренних интересов, в разрез общих, что также раздувало гиперинфляции. Осознав, что обратная централизация советского рубля была невозможна Россия увидела спасение своей экономики в отказе от данной валюты в пользу российского рубля.

26 июля 1993 года Российская Федерация официально отказалась от советского рубля. Остальные союзные республики остались один на один с проблемами окончательно рухнувшей региональной валютной системой. Но, с другой стороны, именно эту дату можно отнести к дате обретения 8 республиками полной независимости. Республика Казахстан ввела свою национальную валюту «тенге» 15 ноября 1993 года.

В последующем Россия пыталась в рамках Договора стран СНГ о создании Экономического Союза от 24 сентября 1993¹ и на двустороннем уровне договориться со странами содружества, в том числе с Республикой Казахстан², о создании рублёвой зоны нового типа, но только Республика Беларусь подписала

---

¹ Статья 17 Договора стран СНГ о создании Экономического Союза от 24 сентября 1993.

² Соглашение об объединении денежной системы Республики Казахстан с денежной системой Российской Федерации (подписано в г. Москве 23.09.1993).

соглашения об объединении денежных систем. Но даже это не привело к созданию в двух странах рублевой зоны в чистом виде.

Кроме того, Россия, как в прочем и все остальные 14 союзных республик, ввергла себя в зависимость от доллара США и на смену региональной валютной системе между странами бывшего союза пришла согласованная валютная политика основанная по большей части на долларе, но ориентированная на создание в конечном итоге новой региональной валюты. Вместе с тем, процесс по созданию единого валютного рынка с 1993 год по сегодняшний день можно назвать вялотекущим, с отдельными фазами активизации инициатив.

В Договоре стран СНГ о создании Экономического Союза от 24 сентября 1993 года было закреплено намерение стран дружества о планомерном создании валютного союза. Так, в статье 4 Договора предусмотрено, что Договаривающиеся Стороны согласились, что последним этапом интеграции будет валютный (денежный) союз.

В статье 7 Договора об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях от 1996 года также установлено, что на последующих этапах стороны Договора осуществляют переход к единым стандартам и практике регулирования банковской деятельности и, в зависимости от достигнутой степени интеграции, будут вводить единую валюту. Однако это был последний правовой интеграционный документ, в котором говорилось бы о единой валюте.

Следует отметить, что препятствием продвижения данной идеи служил целый ряд факторов. Во-первых, никто из независимых государств (кто-то в большей степени яро, кто-то в меньшей) не хотел возвращения к старой системе Союзного управления. И создание нового единого эмиссионного центра по старым правилам благополучно бы привело к этому. Второй немаловажной причиной медленного движения к валютной интеграции была достаточная долларовая ликвидность, которая кроме всего прочего (займы и иные инвестиции) создавалась за счет продажи в Европу природных ресурсов и которая позволяла всем странам СНГ, уже вошедшим к тому времени с подписанием

Статей Соглашения МВФ в долларovou зону, спокойно производить между собой взаиморасчеты. Следует отметить, что, то, что отдельные расчеты между странами СНГ, а в отдельных случаях в значительной степени, производятся в рублях, говорит не только о том, что ее экономика является наиболее диверсифицированной, но также и о том, что в России самый большой запас долларовой ликвидности. И довольно часто при расчетах в рублях доллар хоть и косвенно, но все же участвует в платеже, так как каждая страна, будь то Республика Казахстан или Республика Беларусь или иная страна постсоветского пространства, которая задействована в рублевых платежах, знает, что, продав свой товар за рубль, она сможет спокойно на валютном рынке у той же России обменять его на доллар. О региональном значении российского рубля можно будет говорить только в том случае, когда страны СНГ или хотя бы ЕАЭС будут применять ее официально в качестве резервной валюты.

Третья причина, связана с тем, что для экономики Российской Федерации, как, впрочем и для Республики Казахстан, проблемы торговли друг с другом и соответственно валютного сотрудничества, призванного обеспечить организацию такой торговли, стоят не на первом месте, а после торговли с Европой. Для Казахстана торговля с Россией в отдельные периоды вообще ушла на третье место, что уж говорить о его торговле с Республикой Беларусь и иными государствами ЕАЭС или СНГ.

Четвертая, но не менее важная причина заключалась в том, что в начале 2000 годов страны СНГ и в первую очередь РФ вошли в новый цикл потребления ресурсов, связанных со строительством жилья, который обеспечивал рост благосостояния населения, в том числе, за счет движения рабочей силы и материалов внутри интеграционного региона, задействованных в строительной индустрии, и на фоне которого проблемы, связанные с интеграционными процессами единого рынка на постсоветском пространстве, казались всем не столь значительными.

Вместе с тем, идея единой валюты не раз высказывалась в рамках различных официальных региональных площадок политического взаимодействия и после 1996 года.

Основным агитатором введения наднациональной валюты был Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев. Он не раз критично высказывался в отношении мировой резервной валюты – доллара США и категорически выступал против использования национальной валюты какого-либо государства в качестве официального межнационального средства платежа.

В 2003 году на встрече со спикером Совета Федерации Сергеем Мироновым в Астане он предложил ввести в рамках единого экономического пространства Республики Беларусь, Республики Казахстан, России и Украины единую валюту «алтын». В 2009 году Президент Республики Казахстан на II Астанинском экономическом форуме вновь предложил ввести в рамках ЕврАзЭС наднациональную валюту «евраз», эту же идею (немного видоизмененную), но уже с привлечения такой страны как Китай, он озвучил в рамках Шанхайской Организации Сотрудничестве, там он предложил ввести единую наднациональную расчетную единицу.

Более осторожным в этом вопросе на первом этапе была Республика Беларусь. Она долгие годы, исходя из своих интересов в торговле с Россией, не раз высказывала идею, связанную с переходом к национальной валюте Российской Федерации, но исключительно во взаиморасчетах между странами. Но одно дело, когда данная валюта используется в качестве резервной и средством межгосударственных расчетов и совсем другое, если бы российская валюта ходила бы на руках внутри Белоруссии. И в январе 2019 году на встрече с действующим и бывшими главами МИД Белоруссии А. Лукашенко четко обозначил, что не видит российский рубль в качестве единой валюты для Белоруссии. Он отметил необходимость перехода к единой наднациональной валюте с эмиссионным центром в Санкт-Петербурге, что в принципе стало поддержкой позиции, изначально высказанной Первым Президентом РК Н. Назарбаевым.

В 2014 году было возобновлено обсуждение вопроса введения единой валюты. В частности, было определено, что единая валюта будет введена не позднее 2025 года.

Вместе с тем, с созданием ЕАЭС политика Астаны сбила обороты. Так, Глава государства РК отметил, что для введения единой валюты необходимо решить ряд вопросов, связанных

с обеспечением единого уровня экономики всех государств, единого подхода в торговле и достижением согласия сторон на единую валюту. Внешне складывается впечатление, что данная политика Казахстана выстроилась в один ряд с позицией Кремля и российских экспертов, которые утверждают о том, что введение наднациональной валюты является долгосрочной задачей. Так, на Международном финансовом конгрессе, который состоялся в 2018 году в Санкт-Петербурге Член Коллегии (министр) по интеграции и макроэкономике ЕЭК Т. Валовая отметила, что «на текущем этапе интеграции нет серьезных политических и экономических предпосылок для введения единой валюты». Она также отметила «необходимость увеличения взаимной торговли, расширения использования национальных валют между государствами-членами, формирования эффективных механизмов сотрудничества между странами»³.

Но если Республика Казахстан в этом вопросе исходит из объективных факторов интеграционных процессов, то Москва давно проводит активную политику по приданию рублю статуса региональной резервной валюты, о чем В.В. Путин будучи и Президентом, и Премьер-министром, не раз отмечал^{4/5}. А принимая во внимание одно из последних его выступлений, которое прошло в рамках ежегодной пресс-конференции в 2018 году⁶, Москва прямо нацелена в долгосрочной перспективе на признание за рублем статуса региональной резервной валюты, что соответственно идет в разрез созданию новой наднациональной валюты расчетов в рамках ЕАЭС. Исходя из этого становится

---

³ Эффекты от интеграции финансовых рынков к 2025 году: рост инвестиционной привлекательности государств ЕАЭС, повышение доходов бизнеса и увеличение отчислений в бюджеты. www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/13-06-2018-2.aspx.

⁴ Путин: рубль стал фактически конвертируемой валютой. <https://www.vesti.ru/doc.html?id=257822>.

⁵ В. Путин: Рубль постепенно становится резервной валютой <https://www.rbc.ru/economics/01/08/2011/5703ea2d9a79477633d36025>.

⁶ ПРЯМАЯ РЕЧЬ-Ежегодная пресс-конференция президента РФ Владимира Путина. <https://ru.reuters.com/article/topNews/idRUKBN1OJ11G-ORUTP>.

понятна позиция И. Валовой о необходимости расширения торговли именно посредством национальных валют, в которой российской рубль имеет превалирующую долю в сравнении с другими национальными валютами. Данная политика однозначно ведет к укреплению позиции России внутри региона и соответственно зависимости от нее других его участников. В этой связи перед данными странами стоит три выбора: 1) либо постепенно признать эмиссионную власть Москвы и идти к интеграции, больше напоминаящей СССР; 2) или на примере ЕС и Великобритании рассмотреть возможность введения наднациональной резервной валюты без участия России. Третий вариант – контрольный, т.е. продолжать держаться за долларом США, что по последним событиям видно, что он пока единственный рабочий вариант. Однако, тут следует отметить, что несмотря на то, что страны ЕАЭС в вопросе валютного сотрудничества переключились на создание условий для привлечения в регион долларовой ликвидности в рамках разрабатываемой Концепции формирования общего финансового рынка ЕАЭС, откладывание введения единой наднациональной валюты видится не просто недальновидным, но и таящим в себе дополнительные политические угрозы. Так, нельзя забывать о том, что Россия находится под давлением санкционных мер, которые скорее всего будут усиливаться, а может привести к тому, что у рубля могут в будущем возникнуть проблемы с конвертацией, в первую очередь на доллар США, и это в свою очередь, сможет оказать негативное влияние на взаимную торговлю в регионе. Поведение США показывает, что в вопросе ликвидности она не считается даже с Европейским Союзом, а в отношении стран ЕАЭС позволяет себе вольности в виде заморозки активов. Кроме того, Китай, который является на сегодняшний день источником долларовой ликвидности будет предоставлять ее исходя из собственных интересов и своих правил, главным из которых является «сами инвестируема – сами осваиваем инвестиции-сами на этом зарабатываем». К тому же в таких странах как Республика Казахстан китайский доллар воспринимается неоднозначно. Так, попытки властей привлечь китайскую долларовую ликвидность посредством предоставления пахотных земель натолкнулись на протесты

среди населения, в связи с чем Президенту РК пришлось приостановить земельные реформы.

Как показала история, централизация эмиссии единой валюты приводит к потере независимости, что, конечно, может устраивать только одну страну, а децентрализованный подход (на примере событий 90-х годов в СССР) к гиперинфляции и распаду.

Основанная проблема децентрализованной эмиссии заключается в том, что она происходит не согласовано, и каждое государство участвующее в такой системе выпуска валюты исходит в первую очередь из внутренних проблем, и как правило без учета проблем соседних стран и уж тем более не задумывается о последствиях, которые может оказать такая эмиссия на соседние страны. А опыт показывает, что последствия носят значительный и негативный характер. Правовая договоренность об обеспечении согласованности и соблюдении финансовой дисциплины при децентрализованной эмиссии малоэффективны, так как в международном праве вопрос применения санкций не так однозначен, как во внутреннем праве. В этом вопросе необходимо применить иные механизмы, обеспечивающие устойчивое доверие к региональной эмиссионной системе как со стороны всех государств-участников, так и их населений.

В этой связи странам ЕАЭС видится целесообразным при введении наднациональной валюты рассмотреть возможность применения технологии криптовалют, которые предполагают, с одной стороны, децентрализацию эмиссионного выпуска, но с другой стороны, превентивную транспарентность, которая в свою очередь, и сможет обеспечить эмиссионную дисциплину среди стран-участниц и разумно согласованную ограниченность такой эмиссии.

Так, система криптовалют позволит каждой стране участнице быть в постоянном курсе об общем объеме электронной денежной массы, находящимся в обороте, и об ежедневной эмиссии таких денег каждой страной участницей. Кроме того, в данной системе возможно установление неконтролируемого эмитентами ограничителя эмиссии, что также будет гарантировать недопустимость произвольного и чрезмерного выпуска денег.

ВЕКТОРЫ БУДУЩЕГО РАЗВИТИЯ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА ПО ИТОГАМ РЕФОРМЫ 2015 Г.

Тучина Мария Валерьевна

*преподаватель кафедры интеграционных процессов
МГИМО МИД России,
соискатель кафедры европейского права
МГИМО МИД России
m.v.tuchina@gmail.com*

Неспособность Суда общей юрисдикции (далее СОЮ) справиться с постоянно увеличивающейся нагрузкой стала все более заметной проблемой¹. Увеличению рабочей нагрузки способствовало ряд причин². С момента создания в 1989 г. юрисдикция СОЮ (ранее Суд первой инстанции)³ расширилась несколько раз. Первоначально ограничиваясь только делами о конкуренции, делами о гражданской службе Сообщества и исками о возмещении ущерба, к настоящему времени СОЮ компетентен рассматривать также иски на действия институтов ЕС⁴. Расширяющаяся законодательная деятельность ЕС еще больше способствовала увеличению количества поданных исков. Общее число новых дел, рассматриваемых СОЮ, неуклонно возрастало в последние

---

¹ Коммюнике Суда Европейского Союза. URL: <https://curia.europa.eu/jcms/upload/docs/application/pdf/2015-05/8-en-argumentaire-270.pdf> (дата обращения 27 апреля 2019 г.).

² Коммюнике Суда Европейского Союза. URL: <https://curia.europa.eu/jcms/upload/docs/application/pdf/2015-05/8-en-argumentaire-270.pdf> (дата обращения 27 апреля 2019 г.).

³ Европейское право. Право Европейского Союза и правовое обеспечение защиты прав человека: Учебник для вузов / Рук. авт. колл. и отв. ред. д.ю.н., проф. Л.М. Энтин. – 2-е изд., пересмотр. и доп. – М.: Норма, 2005. – 960 с. – с. 203.

⁴ Европейский Союз: Основопологающие акты в редакции Лиссабонского договора с комментариями. – М.: ИНФРА-М. 2008. – 698 с. – с. 438.

годы, с 474 дел в 2007 году, до 722 дел в 2011 году и до 912 дел в 2014 году⁵. Очевидно, что СОЮ оказался плохо подготовлен к решению возникшей проблемы. Именно это привело к длительным задержкам в судебном разбирательстве и вынесении решений⁶.

В течение последних лет различные инициативы выдвигались для решения стремительно увеличивающейся судебной нагрузки. Однако ни одна из них не предлагала эффективного решения. В 2004 году был создан Суд по делам гражданской службы (далее СДГС)⁷, призванный облегчить рассмотрения дел и сократить продолжительность судебного разбирательства. Очевидно, что СДГС на первоначальном этапе сократил срок судебного разбирательства в СОЮ. Однако количество новых дел каждый год снова возрастало. А СДГС столкнулся с трудностями при назначении небольшого числа судей, опять же из-за политической сватки, которая отсрочила повторное назначение судей.

Невзирая на длительные дебаты, Регламентом от 16 декабря 2015 г. был изменен Протокол 3 Статута Суда ЕС⁸. Так было положено начало внутреннего структурного реформирования судебной системы Европейского Союза.

В рамках предложенной реформы количество судей к 1 сентября 2019 году должно быть увеличено до 56 (два судьи от

---

⁵ Официальный отчет Суда ЕС за 2014. URL: https://curia.europa.eu/jcms/upload/docs/application/pdf/2015-04/en_ecj_annual_report_2014_pr1.pdf (дата обращения 27 апреля 2019 г.).

⁶ Коммюнике Суда Европейского Союза. URL: <https://curia.europa.eu/jcms/upload/docs/application/pdf/2015-05/8-en-argumentaire-270.pdf> (дата обращения 27 апреля 2019 г.).

⁷ Решение Совета ЕС от 2 ноября 2004 г. об учреждении Суда по делам гражданской службы. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32004D0752&qid=1556566146014&from=EN> (дата обращения 27 апреля 2019 г.).

⁸ Регламент от 16 декабря 2015 г. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32015R2422&from=EN> (дата обращения 27 апреля 2019 г.).

каждого государства-члена)⁹. На сегодняшний момент реализован второй этап реформы: упразднен СДГС, юрисдикция которого передана СОЮ¹⁰, и увеличен количественный состав последнего. Эксперты, тем не менее, обсуждают дальнейшие перспективы и возможности развития судебной системы ЕС.

В данной статье делается попытка кратко изложить несколько актуальных направлений дальнейшего развития судебной системы Союза.

Во-первых, представляется очевидным в текущей ситуации эффективнее использовать «инструменты», имеющиеся у Суда ЕС. На мой взгляд, к таким инструментам относятся мнения Генеральных адвокатов. Довольно часто некоторые из них принимаются во внимание и учитываются при вынесении решения. Другие же, и, как правило, конечно, не самые лучшие, – не принимаются в расчет. Однако более точный учет и анализ мнений Генерального адвоката, и доведение их до сторон дела и национальных судов, очевидно, будет способствовать лучшему пониманию и толкованию позиций Суда. Генеральные адвокаты являются важным инструментом в улучшении диалога между ЕС и национальными судами.

Вторым направлением развития стало бы более эффективное построение информационно-аналитической системы, обеспечивающей деятельность СОЮ. В настоящее время информационно-техническое обеспечение Суда ЕС работает неэффективно. Решение данного вопроса позволило бы улучшить, в частности, анализ показателей производительности Суда. До сих пор такой анализ оставался очень ограниченным. Год за годом институты ЕС публикуют только отчеты, указывающие, что «коли-

---

⁹ Регламент от 16 декабря 2015 г. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32015R2422&from=EN> (дата обращения 27 апреля 2019 г.).

¹⁰ Регламент от 6 июля 2016 года о передаче юрисдикции Суда по делам гражданской службы Суду общей юрисдикции. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32016R1192> (дата обращения 27 апреля 2019 г.).

чество судебных дел никогда не было таким высоким»¹¹. Однако сами по себе абсолютные цифры не отражают ничего в отношении действительной производительности. Наоборот, такие данные порождают ложные представления. Во-первых, необходимо сравнить результаты с входными данными и сопоставить рабочую нагрузку с судебским и административным ресурсами. Например, в 2017 году председателей СОЮ заявил, что количество заявлений «зашкаливает»¹². Однако, как следует из данных, предоставленных в Официальном отчете Суда ЕС за 2003 г. в СОЮ было 15 судей и 30 помощников, и подано 466 дела¹³. В 2004 и 2007 годах ресурсы СОЮ удвоились. В нем числилось от 15 до 27 судей и от 30 до 81 секретаря по правовым вопросам (каждый кабинет получил дополнительного секретаря)¹⁴. В 2015 году институты ЕС решили количественно удвоить СОЮ. В 2016 году насчитывалось уже 44 судьи и 132 юридических секретаря¹⁵. Таким образом, с 2003 по 2016 гг. число дел удвоилось, количество судей утроилось, а число секретарей по юридическим вопросам увеличилось в четыре раза¹⁶. В данной дискуссии, в том числе подчеркивается необходимость учета других факторов помимо

---

¹¹ Коммюнике Суда Европейского Союза. URL: <https://curia.europa.eu/jcms/upload/docs/application/pdf/2015-05/8-en-argumentaire-270.pdf> (дата обращения 27 апреля 2019 г.).

¹² Официальный отчет Суда общей юрисдикции за 2017. URL: https://curia.europa.eu/jcms/upload/docs/application/pdf/2018-04/_ra_2017_en.pdf (дата обращения 27 апреля 2019 г.).

¹³ Официальный отчет Суда ЕС за 2003. URL: https://curia.europa.eu/jcms/upload/docs/application/pdf/2008-09/st03cr_2008-09-30_10-05-10_763.pdf (дата обращения 27 апреля 2019 г.).

¹⁴ Официальный отчет Суда ЕС за 2004. URL: https://curia.europa.eu/jcms/upload/docs/application/pdf/2008-09/st04cr_2008-09-30_10-30-43_179.pdf (дата обращения 27 апреля 2019 г.).

¹⁵ Официальный отчет Суда ЕС за 2007. URL: https://curia.europa.eu/jcms/upload/docs/application/pdf/2008-09/07_cour_stat_2008-09-29_13-39-23_731.pdf (дата обращения 27 апреля 2019 г.).

¹⁶ Официальный отчет Суда ЕС за 2016. URL: https://curia.europa.eu/jcms/upload/docs/application/pdf/2017-03/ra_jur_2016_en_web.pdf (дата обращения 27 апреля 2019 г.).

абсолютных чисел. Во-первых, загруженность делами меняется. Что касается, например, СОЮ, количество дел о конкуренции снизилось, тогда, как число дел по интеллектуальной собственности (в частности, о товарных знаках) резко возросло. Безусловно, присутствует тенденция к сокращению рабочей нагрузки. Наконец, при оценке производительности следует также учитывать инвестиции в техническое обеспечение судебной системы ЕС. В настоящее время учреждение ежегодно инвестирует более 15 миллионов евро в информационно-техническое оснащение. Эти улучшения предназначены для уменьшения рабочей нагрузки за счет автоматизации многих административных и аналитических функций. Как правило, это должно помочь уменьшить количество персонала в каждом конкретном случае. Что и произошло в некоторых административных службах, например в отделе переводов. Однако этого не коснулось кабинетов судей. Представляется, что расширение количественного состава СОЮ, безусловно, создает новые организационно-административные проблемы, которые технически необходимо оперативно решать.

И, третий вектор дальнейшего развития судебной системы ЕС – учреждение специализированных судов. Несмотря на то, что в официальных документах Суда ЕС приведены доводы о том, что «создание таких судов не является реальной альтернативой»¹⁷. В более долгосрочной перспективе по-прежнему необходимо провести глубокую реформу судебной системы ЕС и обновление работы специализированных судебных инстанций. Перспектива новой реформы, вероятно, не обрадует высокое руководство Союза. Законодательные дебаты об удвоении числа судей в СОЮ и упразднении СДГС были длительными и противоречивыми. Тем не менее, окончательный вариант идущей реформы представляется далеко неидеальным. В настоящий момент реформой упразднен СДГС (в соответствии со ст. 257

---

¹⁷ Коммюнике Суда Европейского Союза. URL: <https://curia.europa.eu/jcms/upload/docs/application/pdf/2015-05/8-en-argumentaire-270.pdf> (дата обращения 27 апреля 2019 г.).

Договора о функционировании Европейского Союза (далее ДФЕС)¹⁸). Это было сделано несмотря на многочисленные преимущества специализированного суда – качество, производительность, гибкость и снижение финансовых затрат (к примеру, согласно ст. 6 Приложения 1 Протокола «О статуте Суда Европейского Союза» СДГС мог «опираться на службы Суда и СОЮ»¹⁹).

Еще один аспект, которому следует уделить внимание, архитектура судебной системы ЕС. Договор о Европейском Союзе (далее ДЕС) в ст. 19 закрепляет трехзвенную судебную структуру²⁰. И непросто так законодатель определил судебную систему ЕС как состоящую из трех звеньев. Представляется, что только такая архитектура судебной системы позволит Суду ЕС лучше сосредоточиться на основной своей миссии, закрепленной в ст. 19 ДЕС – «обеспечивать соблюдение права при толковании и применения Договоров»²¹. Это позволило бы избежать увеличения числа судей в СОЮ, который стал бы непосредственно апелляционной инстанцией для специализированных судов. Число судей в специализированных судах может быть увеличено или уменьшено в соответствии с объективными потребностями (взамен удвоения количественного состава судейского корпуса СОЮ). Могут быть также введены более гибкие процедурные правила. Кроме того, это позволило бы столь необходимой профессионализации правосудия ЕС.

Все эти аспекты не обсуждались при законодательных рассматриваниях в 2011–2016 годов. Представляется, что законодательное право Суда ЕС на внесение изменений в Статут должно быть отменено. Такая привилегия не существует ни в одном

---

¹⁸ Европейский Союз: Основополагающие акты в редакции Лиссабонского договора с комментариями. – М.: ИНФРА-М. 2008. – 698 с. – с. 343.

¹⁹ Европейский Союз: Основополагающие акты в редакции Лиссабонского договора с комментариями. – М.: ИНФРА-М. 2008. – 698 с. – с. 446.

²⁰ Европейский Союз: Основополагающие акты в редакции Лиссабонского договора с комментариями. – М.: ИНФРА-М. 2008. – 698 с. – с. 186.

²¹ Европейский Союз: Основополагающие акты в редакции Лиссабонского договора с комментариями. – М.: ИНФРА-М. 2008. – 698 с. – с. 186.

государстве-члене и ни в одной судебной инстанции в рамках глобальных интеграционных группировок.

В заключение следует отметить, что растущие протесты со стороны национальных судов (и регулярные в академическом дискурсе) подтверждают, что Суд ЕС должен сосредоточиться на своей основной деятельности (в частности, на применении Хартии основных прав). Для этого ЕС должен вернуться к разумному замыслу Ниццкого договора²². Институциональная реформа судебной системы, предусмотренная Ниццким договором, была одной из самых инновационных особенностей учредительных договоров ЕС и одним из самых важных изменений в международном праве во второй половине двадцатого века. В прошлом она сыграла важную роль и внесла значительный вклад в развитие правопорядка в Европе²³. Однако сейчас настало время адаптироваться к некоторым аспектам. В связи с этим следует учитывать два важных элемента. Во-первых, многое изменилось, и рецепты прошлого уже не работают. Требуется дополнительные усилия и идеи.

Во-вторых, необходимо начать углубленные дебаты о будущем судебной системы ЕС. В 2011 году некоторые государства-члены предложили создать аналитическую группу из внешних экспертов из разных стран. Дебаты о будущем развитии судебной системы Союза должны быть более прозрачными и более продуктивными, чем предыдущие. Независимые эксперты должны своевременно провести серьезную оценку затрат и выгод всех решений. И именно тот факт, что этого не было сделано при текущем реформировании, порождает нестабильность и не способствует оптимальному функционированию всей судебной системы ЕС.

---

²² Европейское право. Право Европейского Союза и правовое обеспечение защиты прав человека: Учебник для вузов / Рук. авт. колл. и отв. ред. д.ю.н., проф. Л.М. Энтин. – 2-е изд., пересмотр. и доп. – М.: Норма, 2005. – 960 с. – с. 204.

²³ Европейское право. Право Европейского Союза и правовое обеспечение защиты прав человека: Учебник для вузов / Рук. авт. колл. и отв. ред. д.ю.н., проф. Л. М.Энтин. – 2-е изд., пересмотр. и доп. – М.: Норма, 2005. – 960 с. – с. 203.

СУДЫ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВОСУДИЯ (НА ПРИМЕРЕ СУДА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА И СУДА ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА)

Хачатрян Эдгар Артурович

*аспирант кафедры международного права
Дипломатической академии МИД России
Edgarkhachatryan1@gmail.com*

Если в середине двадцатого столетия существовал лишь один постоянно действующий международный судебный орган – Международный Суд Организации Объединённых Наций, то в последней четверти двадцатого столетия число и виды международных судебных органов возросло существенно.

В настоящее время функционируют такие международные судебные органы, как Международный Суд ООН, Суд Европейского Союза, Международный Трибунал по морскому праву, Европейский Суд по правам человека, Орган по разрешению споров Всемирной торговой организации, Суд Евразийского Экономического Союза, Экономический Суд Содружества Независимых Государств, арбитраж Североамериканской Ассоциации свободной торговли, Международный Уголовный Суд и другие международные суды и арбитражи. По мнению профессора А.С. Смбалян «произошло не только увеличение количества ОМП, но и качественное изменение самой природы международного правосудия. Оно выражается в наличии у большинства ныне действующих ОМП обязательной юрисдикции, их специализации, демократизации процесса судопроизводства, выражающегося в расширении субъектного состава участников процедуры разбирательства»¹. Международные суды создаются на основе международного договора, например, Марракешское соглашение

---

¹ Смбалян А.С. Решения органов международного правосудия и их роль в укреплении международного правопорядка. : дисс. ... докт. юрид. наук. – М. : РУДН, 2013. – С. 70.

об учреждении ВТО, которым создан Орган по разрешению споров ВТО, либо Договор о ЕАЭС, которым учреждён Суд Евразийского экономического союза. Международные судебные органы могут также создаваться на основе резолюций Совета Безопасности ООН, например, именно так был учрежден уже прекративший свою деятельность Международный трибунал по бывшей Югославии.

Количественное увеличение международных судебных органов является выражением усиления нормативного регулирования в рамках системы международного права»². С такой оценкой можно согласиться. Действительно, увеличение числа международных судебных органов является свидетельством интенсификации международного сотрудничества, повышения доверия к международно-правовым инструментам регулирования международных отношений и повышения эффективности международного права в целом. Профессор Г.Г. Шинкарецкая в этой связи отмечает, что «в высоко институционализированных системах разрешения споров обязательство сотрудничества фактически является обязательством *erga omnes parte*: это значит, что каждое государство-участник связано таким обязательством по отношению ко всем другим государствам-участникам, поэтому соблюдение такого обязательства составляет общий интерес»³.

В этой связи возникает вопрос о том, представляют ли международные судебные органы систему или же их деятельность носит несвязанный друг с другом характер. Анализ решений международных судебных органов показывает, что международные суды и арбитражи активно ссылаются на решения друг друга. Взаимное цитирование носит регулярный, а не случайный характер. Это явление получило в научной литературе

---

² Romano C. The Proliferation of International Judicial Bodies: the Pieces of the Puzzle // International Law and Politics. – 1999. – Vol. 31. – P. 728-729.

³ Шинкарецкая Г.Г. Судебные средства разрешения международных споров (тенденции развития) : дис. ... д-ра юрид. наук. – М. : Ин-т госва и права РАН, 2010. – С. 71.

специальное название – «межсудебный диалог»⁴, который в свою очередь ведет к формированию глобального судейского сообщества. Так, зарубежный исследователь вопросов международного правосудия А.-М. Слотер утверждает, что формируется «презумпция интегрированной глобальной правовой системы», которая «основывается на концепции единой глобальной экономики, при которой границы все больше теряют свое значение, и сопутствующей ей правовой системе, где спорящие стороны могут выбирать среди множества судебных органов тот, который и будет рассматривать спор, а каждый из этих судебных органов имеет не меньшую, нежели иные, заинтересованность в разрешении спора»⁵.

Неразрешенные споры могут создавать угрозу международному миру и безопасности. И даже неурегулированность споров, которые такой угрозы не создают, может вести к напряженности в международных отношениях. Деятельность международных судебных органов способствует также укреплению системы международного права, потому что решения по спорным вопросам принимаются на основе правовых норм. Учитывая согласительный характер юрисдикции международных судов и арбитражей признание государствами обязательности решений международных судебных органов, равно как и обращение с запросом о консультативных заключениях являются свидетельством признания авторитетности и эффективности самого международного права. Что касается цитирования правовых позиций друг друга, то оно способствует последовательности толкования принципов и норм международного права, укреплению правовых позиций международных судов и арбитражей. Таким образом, есть основания для вывода, что увеличение числа международных судов и арбитражей оказывает позитивное влияние на международное право и международные отношения в целом.

---

⁴ См.: *L'Heureux-Dube C. The Importance of Dialogue: Globalization and the International Impact of the Rehnquist Court // Tulsa Law Journal. – 1998. – Vol. 34. – P.17.*

⁵ *Slaughter A-M. Judicial Globalization // Virginia Journal of International Law. – (1999)-2000. – Vol. 40. – P. 1115.*

В этой связи возникает вопрос о том, обладают ли судебные органы региональных интеграционных объединений особенностями, которые позволяют выделить их в отдельную группу международных судов. Некоторые отечественные ученые применительно к деятельности международных судебных органов употребляет выражение «международная судебная система» и «система международного правосудия»⁶. Отдельные ученые обращают внимание на формирование системы международного правосудия по отраслевому признаку. Например, М.Р. Хубиева указывает на формирование «целой сети международных органов, разрешающих морские споры, и каждый из них должен рассматриваться как часть этой сети»⁷. Профессор А.С. Смбалян использует более широкий термин «система органов международного правосудия», охватывающий все международные суды, арбитражи и трибуналы. По ее мнению, «в схематическом плане система ОМП⁸ представляет собой горизонтальную, равноуровневую систему, развитие которой проистекает непосредственно благодаря деятельности составляющих ее элементов – ОМП – без какого-либо внешнего регулирования. Горизонтальная система ОМП является самоорганизующейся. Система ОМП может функционировать только при сохранении у каждого из них всей полноты независимости судебной власти. Такая независимость – условие *sine qua non* не только самого существования системы ОМП, но и востребованности и авторитета международного правосудия как такового»⁹. С этим следует согласиться. Действительно, каждый отдельно взятый международный суд и арбитраж

---

⁶ См.: Международное право: учебник для бакалавров // Отв. ред. К.А. Бекяшев. – М. : Проспект, 2014. – С. 323; Толстых В.Л. Курс международного права: Учебник. – М. : Волтерс Клувер, 2010. – С. 456-457.

⁷ Хубиева М.Р. Практика международных судов и арбитражей, предусмотренных в Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. : автореф. ... канд. юрид. наук. – М. : Ин-т гос-ва и права РАН, 2012. – С. 11.

⁸ Органы международного правосудия.

⁹ Смбалян А.С. Решения органов международного правосудия и их роль в укреплении международного павопорядка. : дисс. ... докт.юрид. наук. – М. : РУДН, 2013. – С. 111.

в юридическом смысле обладают полной независимостью от других международных судов и арбитражей. Они учреждаются на основании отдельных международных актов (международных договоров либо решений международных организаций), у них четко определенная компетенция (за исключением Международного Суда ООН, компетенция которого носит универсальный характер), собственные источники применимого права. Это, однако, не является препятствием для вывода о наличии системы международного правосудия, которая формируется спонтанно.

Рассмотрим далее вопрос об особенностях судебных органов региональных интеграционных объединений в системе международного правосудия. Особенность судебных органов региональных интеграционных объединений, прежде всего, в том, что участники таких интеграционных объединений наделяют соответствующий судебный орган обязательной юрисдикцией осуществления нормоконтроля актов общего применения, под которыми мы понимаем нормативно-правовую базу (как простую совокупность принципов и норм, например) либо право (как самостоятельную правовую систему, если таковая сформировалась, как например, в ЕС) соответствующего регионального интеграционного объединения. Таким образом, судебные органы региональных интеграционных объединений выполняют не только классические функции разрешения международных споров (традиционные для всех без исключения международных судебных органов), но и функции нормоконтроля, которые изначально не были присущи международным судам и арбитражам, однако, со временем стали неотъемлемыми для судов интеграционных объединений. Во-вторых, посредством концепций приоритета права интеграционного объединения над национальным правом государств-участников и прямого действия первого, судебные органы продвинутых региональных интеграционных получили право «вытеснять» (фактически, отменять, как в ЕС) национальное законодательство государств-участников. Подобного рода функция иным международным судебным органам не присуща. Это – первая и главная отличительная особенность судебных органов региональных интеграционных объединений. Во-вторых, госу-

дарства-участники некоторых региональных объединений высокой степени интеграции наделили соответствующие судебные органы правом подготовки преюдициальных заключений¹⁰. Классические международные суды и арбитражи таким правом не обладают. Следует подчеркнуть, что, например, для Суда ЕС преюдициальная функция стала основной. Так, в 2015 г. Суд ЕС вынес 436 преюдициальных заключений при общем количестве решений равном 713¹¹, в 2016 г. – 470 преюдициальных заключений при общем количестве решений равном 704¹², а в 2017 г. – 533 преюдициальных заключений при общем количестве решений равном 739¹³. В-третьих, одной из функций судебных органов региональных интеграционных объединений является единообразное толкование права интеграционного объединения, выстраивание и укрепление соответствующего регионального объединения. В-четвертых, ввиду того, что право региональных интеграционных объединений (например, право ЕС и ЕАЭС) обладает прямым действием и приоритетом над национальным правом государств членов, в региональных интеграционных объединениях высокой степени интеграции частные лица, как правило, получают право доступа с соответствующий судебный орган.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что суды региональных интеграционных объединений обладают особенностями, не присущими классическим международным судам и арбитражам. Это, в частности, дало основания для предположения, что суды интеграционных объединений обладают качествами квазиконституционных судов¹⁴. С этим в принципе можно согласиться, потому что функция нормоконтроля сближает судебные органы региональных интеграционных объединений с конституционными судами. В этой связи, в российской науке международного права появился новый термин – интеграционное

---

¹⁰ Таким правом обладает, например, Суд ЕС.

¹¹ Court of Justice of the European Union Annual Report 2015 p. 9.

¹² Court of Justice of the European Union Annual Report 2016 p. 13.

¹³ Court of Justice of the European Union Annual Report 2017 p. 91.

¹⁴ Шинкарецкая Г.Г. «Классические международные суды и их роль в поддержании правопорядка» // Современное право», 2012, № 12. С. 125.

правосудие. Так, по мнению профессора С.Ю. Кашкина, интеграционное правосудие – это «особая разновидность международного правосудия, которое по мере своего развития и распространения приобретает многие оригинальные черты, в том числе и заимствуемые из судебных систем суверенных государств»¹⁵. С этой точкой зрения следует согласиться. Действительно, с одной стороны, юридические основания учреждения судебных органов региональных интеграционных объединений аналогичны основаниям классических международных судебных органов – как правило, это международный договор. Однако, как было указано выше, судебные органы региональных интеграционных объединений выполняют функции, не присущие классическим международным судам и арбитражам. Можно предположить, что при решении любого спора, при подготовке консультативного либо преюдициального заключения суды интеграционных объединений руководствуются целью укрепления правопорядков соответствующего регионального объединения. Иными словами, интеграция представляет собой базовую, основополагающую идею, пронизывающую деятельность судебных органов региональных интеграционных объединений на всех этапах. Причем речь идет не об экономической, а именно о правовой интеграции. И это вполне понятно, поскольку судебные органы оперируют юридическим инструментарием. Правовая интеграция достигается посредством укрепления соответствующих региональных правопорядков. Практика Суда ЕС является ярким тому подтверждением.

Вышеизложенное позволяет сформулировать следующие выводы. **Во-первых**, неразрешенные споры могут создавать угрозу международному миру и безопасности, и даже неурегулированность споров, которые такой угрозы не создают, может вести к напряженности в международных отношениях. В этой связи увеличение числа международных судебных органов и учет ими решений друг друга способствуют более эффективной реализации принципа мирного разрешения международных споров. **Во-вторых**, учитывая согласительный характер юрисдикции

---

¹⁵ Кашкин С. Ю. «Интеграционное правосудие: сущность и перспектива». М. Норма, 2017 г. С. 7.

международных судов и арбитражей признание государствами обязательности решений международных судебных органов, равно как и обращение с запросами о консультативных заключениях являются свидетельством признания авторитетности и эффективности самого международного права. **В-третьих**, несмотря на то, что каждый отдельно взятый международный суд и арбитраж обладает независимостью от других международных судебных органов, учреждается на основании отдельных международных актов, имеет четко определенную компетенцию и собственные источники применимого права, международные суды и арбитражи являются частью единой системы международного правосудия. **В-четвертых**, особенности выполняемых судебными органами интеграционных объединений функций дают основания для вывода о том, что суды региональных интеграционных объединений представляют собой особую категорию международных судов – интеграционных судов. Такими функциями, являются: обязательная юрисдикция осуществления нормоконтроля над нормативно-правовой базой (совокупность принципов и норм, например) либо правом (самостоятельная правовая система) соответствующего регионального объединения; подготовка некоторыми региональными судебными органами преюдициальных заключений; «вытеснение» (фактически отмена) национального законодательства государств-участников, противоречащего нормативно-правовой базе либо праву соответствующего регионального объединения.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ШОС И БРИКС

Шилина Мария Геннадьевна

*аспирантка факультета права
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
mary.shilina@gmail.com*

Динамизм и инклюзивность мировой экономики играют ключевую роль в решении задач, поставленных в Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 г.¹ По данным опубликованного в 2019 г. доклада Организации Объединенных Наций (ООН) «Мировое экономическое положение и перспективы, 2019 год»², в настоящее время угроза для экономического развития исходит, в первую очередь, от ослабления поддержки многостороннего подхода, на пути применения которого встали значительные препятствия, включая тенденцию к активизации односторонних действий. В докладе подчеркивается, что институты и соглашения, играющие ключевую роль в многосторонней системе, подвергаются все большему давлению (особенно в таких областях, как международная торговля, международное финансирование развития). Многие из задач, поставленных в Повестке дня до 2030 г., требуют коллективных и совместных действий. Таким образом, для продвижения вперед в достижении устойчивого развития ключевое значение имеет укрепление международного сотрудничества.

---

¹ Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей от 25 сентября 2015 года 70/1. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года [Электронный ресурс] URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/70/1> (дата обращения: 13.03.2019).

² Мировое экономическое положение и перспективы, 2019 год: область, край (U.N. Report World Economic Situation and Prospects 2019 (WESP/2019), 22 Jan 2019) [Электронный ресурс] URL: <https://unctad.org/en/pages/PublicationWebflyer.aspx?publicationid=2331> (дата обращения: 13.03.2019).

Многостороннее международное экономическое сотрудничество между государствами Евразийского континента, а также их сотрудничество с внеконтинентальными партнерами в течение последних двух десятилетий стремительно развивается. Евразия приобретает статус самого динамичного региона в мире. На ее пространстве действуют различные многосторонние форматы сотрудничества: сеть международных организаций (Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и др.), банков и фондов (Новый банк развития БРИКС, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Фонд Шелкового пути), платформ многостороннего сотрудничества (БРИКС) и форумов (форум Боао).

В новых геополитических реалиях проблемы сосуществования и взаимосвязи различных форматов межгосударственного экономического сотрудничества становятся все более актуальными. Встает научный вопрос о том, какой вариант построения многостороннего взаимодействия является наиболее эффективным для совместного экономического развития? Какое международно-правовое регулирование использовать в данном процессе?

Мы утверждаем, что гармоничная система существующих форматов многостороннего сотрудничества может быть сформирована на основе частичного сопряжения наиболее гибких и влиятельных из них, а более тесная их взаимосвязь в перспективе сможет привести к экономической интеграции всех участников данного процесса. Оптимальным путём к достижению цели интеграции между ключевыми развивающимися странами может быть объединение некоторых уже существующих в Евразийском регионе многосторонних объединений.

ШОС и БРИКС – наиболее значимые элементы в меняющейся архитектуре международной экономической интеграции. Данные объединения государств представляют собой новые

развивающиеся^{3,4} модели межгосударственного многостороннего партнерства, являясь квинтэссенцией не западных взглядов на построение новой многополярной международной системы⁵; они также являются самыми крупными с точки зрения как территории, так и населения. Государства-члены ШОС и страны БРИКС составляют ядро развивающихся стран⁶, и их взаимоотношения и более тесное взаимодействие, вероятно, определяют характер дальнейшего развития международного экономического порядка.

С развитием экономической интеграции ШОС и БРИКС, система политических и экономических соглашений, определенная договорно-правовая база постепенно должна их связывать. Сегодня основной правовой связью между объединениями видится заключение Меморандума о взаимопонимании между Секретариатом ШОС и БРИКС. Расширение сотрудничества на основе Меморандума будет способствовать сближению двух объединений, и общая система экономических соглашений может быть выстроена более четко. В то же время трудность заключается в том, что БРИКС и ШОС являются институционально разными. Вопрос о том, какой институт должен представлять БРИКС в рамках данного документа открыт, так как БРИКС представляет собой неинституционализированное объединение.

---

³ Lukin A. (2015). Shanghai Cooperation Organization: Looking for a New Role. Valdai International Discussion Club. [Электронный ресурс] URL: <http://eng.globalaffairs.ru/valday/Shanghai-Cooperation-Organization-Looking-for-a-New-Role-17576> (дата обращения 13.03.2019).

⁴ EDB: BRICS+ may become a new format for global economic integration (2017) [Электронный ресурс] URL: <https://eabr.org/en/press/news/edb-brics-may-become-a-new-format-for-global-economic-integration/> (дата обращения 13.03.2019).

⁵ The SCO and Prospects for the Development of a Big Eurasian Partnership (BEP) (2017) [Электронный ресурс] URL: <http://greater-europe.org/archives/3035>. (дата обращения 13.03.2019).

⁶ Lisovolik Y. (2018) Imago Mundi: soglasovannye dejstviya kontinentov v napravlenii «YUg – YUg» [Электронный ресурс] URL: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/soglasovannye-deystviya-kontinentov/> (дата обращения 13.03.2019).

В плане организации саммитов или иных встреч должностных лиц БРИКС все функции принадлежат принимающей стороне, исполняющей полномочия председателя. Не создаются специальные органы и для выполнения тех программ, которые принимаются странами БРИКС (этим занимаются органы каждой страны так же, как это делается при имплементации международно-правовых обязательств). При этом, хотя БРИКС не имеет собственного секретариата и постоянно действующего наднационального аппарата, существует множество форматов обсуждения общих вопросов: проходят регулярные министерские консультации, функционирует Деловой совет БРИКС, Совет экспертных центров БРИКС. Тем не менее, новейшие реалии требуют создания специального механизма БРИКС, с помощью которого могла бы осуществляться координация экономического сотрудничества с другими развивающимися странами, в том числе с государствами-членами ШОС. На наш взгляд, механизмом координации могут стать специальные регулярные встречи БРИКС на уровне министров иностранных дел (с возможностью подключения представителей ШОС).

Необходимость заключения указанного выше Меморандума, оптимальность и целесообразность частичного сопряжения ШОС и БРИКС обуславливается рядом причин.

Во-первых, концептуальные взгляды на построение многополярного мира, и основные ценности обоих объединений совпадают. Об этом свидетельствуют, в частности, принципы «шанхайского духа», являющиеся основой сотрудничества в ШОС, а также принципы, закрепленные в Стратегии развития ШОС до 2025 г.⁷ В рамках БРИКС схожие принципы закрепляются в Стратегии экономического партнерства БРИКС⁸.

Во-вторых, соединение целесообразно ввиду того, что членский состав данных объединений частично совпадает. Региональное сотрудничество в ШОС и трансконтинентальное

---

⁷ The Development strategy of the Shanghai Cooperation Organization // URL: <http://eng.sectsco.org/documents/>

⁸ The Development strategy of the Shanghai Cooperation Organization // URL: <http://eng.sectsco.org/documents/>

в БРИКС дополняют друг друга. Совместное рассмотрение, обсуждение и решение вопросов экономического развития может привести к большей результативности принимаемых решений. Сегодня важными внешнеполитическими мероприятиями видятся совместные Саммиты БРИКС и ШОС. На встречах лидеров объединений может быть оптимально реализовано практическое взаимодействие в экономической сфере, на них возможно сделать больший акцент на таких тенденциях, как рост новых не западных финансовых институтов и институтов развития. Многообещающ, с данной точки зрения, предстоящие саммиты ШОС и БРИКС в 2020 г. в Челябинске⁹.

В-третьих, более тесное взаимодействие повлечет интенсификацию работы над конкретными взаимовыгодными проектами. Основные перспективные направления работы были определены в программных документах объединений. В 2014-2015 гг. к совместным Саммитам в Уфе в их рамках были подготовлены стратегии дальнейшего развития. Так, в БРИКС разработана Стратегия экономического сотрудничества стран БРИКС и Общие принципы углубления экономического партнерства стран БРИКС; в ШОС была подготовлена Стратегия развития до 2025 г., призванная придать «импульс выхода организации на новый уровень»¹⁰. Отметим, что включение вопросов реализации инициативы «Один Пояс, Один Путь» и концепции Большого Евразийского партнерства¹¹ в совместную повестку дня будет способствовать развитию обеих структур. Скоординированное многостороннее сотрудничество по реализации совместных проектов поможет найти взаимоприемлемые решения, согласовать

---

⁹ Состоялось заседание Оргкомитета по подготовке саммитов ШОС и БРИКС в России [Электронный ресурс] URL: <http://www.nkibrics.ru/posts/show/5c1111506272697aca170000> (дата обращения 01.04.2019).

¹⁰ Лавров: стратегию развития ШОС до 2025 года обсудят на саммите в Уфе. РИА Новости [Электронный ресурс] URL: <http://ria.ru/economy/20150603/1067978983.html#ixzz3edeBLzsw> (дата обращения 01.04.2019).

¹¹ Karaganov S. (2016). From East to West, or Greater Eurasia. [Электронный ресурс] URL: <http://eng.globalaffairs.ru/pubcol/From-East-to-West-or-Greater-Eurasia-18440> (дата обращения 01.04.2019).

национальные интересы, и в результате сформулировать общую экономическую стратегию развития.

Особенно актуальна инвестиционная кооперация государств данных многосторонних объединений в инфраструктурных проектах¹². Страны БРИКС занимают заметное место в движении прямых иностранных инвестиций в глобальной экономике, и государства ШОС заинтересованы в инвестициях стран БРИКС. За счёт развития транспортной инфраструктуры возможно существенное развитие инфраструктурной связности. В частности, сотрудничество БРИКС и ШОС в рамках проекта объединения ЭПШП с Транссибом и БАМом, и реализация проекта строительства высокоскоростной магистрали Москва – Пекин может повлечь значительный положительный эффект¹³.

В-четвертых, действенным видится взаимодействие данных структур в валютно-финансовой сфере. В текущих условиях не проработанности финансовых инструментов в ШОС, такое сопряжение сможет повлечь большую эффективность организации. Создание Банка развития ШОС и создание Специального счета ШОС предполагается перспективным, однако этот процесс вряд ли будет активизирован в ближайшем будущем. В этой связи, важно объединить усилия для укрепления деятельности Нового банка развития БРИКС. Сегодня Новый банк имеет три страны-члена ШОС (Китай, Россия и Индия) и может оказать финансовую поддержку реализации инфраструктурных проектов ШОС. Кроме того, члены обоих объединений также входят в число крупнейших акционеров Китайского АБИИ. Такая комбинация приведет к большей эффективности участия ШОС и БРИКС в сети новых проектов сотрудничества. Финансовое укрепление

---

¹² Ткаченко И.Ю. Сопряжение проектов БРИКС и ШОС: российские интересы. [Электронный ресурс]. URL: <http://grazit.ru/sopryajenie-proektov-briks-i-shos-rossijskie-interesi.html> (дата обращения: 25.02.2019).

¹³ Минтранс: проект ВСМ Пекин - Москва - Европа будет реализован к 2035 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/4431364> (дата обращения: 25.02.2019).

объединений будет способствовать созданию современной многополярной мировой финансовой системы.

В-пятых, представляется значимым развитие координации ШОС и БРИКС в сфере энергетического сотрудничества. Вопросы энергетики в БРИКС не находят общего решения. Энергетическое сотрудничество стран ШОС в настоящее время развивается на двусторонней основе. Считаем, что эффективным может стать создание совместного Энергетического клуба стран БРИКС и ШОС, как информационной и дискуссионной площадки для обсуждения и координации энергетических стратегий. В рамках Клуба возможно координировать энергетическую политику, развивать сотрудничество в сфере освоения новых видов энергии и других сферах, обмениваться опытом. К заседаниям Клуба действительно привлекать также представителей бизнес-сообщества. Необходимо в данной связи отметить, что в рамках ШОС уже формируется Энергетический клуб как специализированное учреждение, объединяющее производителей, потребителей и транзитеров энергоресурсов. Клуб ШОС представляет собой неправительственный совещательный орган, объединяющий представителей государственных и деловых кругов, а также информационно-аналитических, научно-исследовательских центров, действующих в сфере топливно-энергетического комплекса государств ШОС. Оптимально подключение стран БРИКС к заседаниям Клуба ШОС, а в перспективе преобразование его в площадку для совместного обсуждения энергетических стратегий большинства развивающихся стран.

В-шестых, перспективны для развития государств обоих объединений совместные проекты в агропромышленном комплексе (АПК), которые, в частности, могут касаться инвестиционных проектов по рынкам конкретных сельскохозяйственных товаров. Нарращиванию поставок сельскохозяйственной продукции из России в Китай способствовало подписание протоколов между странами о фитосанитарных требованиях к поставляемому из России зерну в декабре 2015 г.

Сегодня для преодоления большинства аграрных проблем требуются инновационные решения, в связи с этим, на наш

взгляд, перспективно создание общего межгосударственного аграрного института инноваций ШОС и БРИКС, его разработка структуры и определение механизмов его работы. Отметим, что в рамках БРИКС для поддержки и продвижения инноваций на аграрных рынках уже прорабатываются возможные механизмы и методология построения Аграрного института развития БРИКС. Вопрос был частично поднят в Форталезской декларации¹⁴, принятой по итогам VI саммита стран БРИКС (2014). Концепция Аграрного института развития БРИКС разрабатывается на основе теории самоорганизации¹⁵. Основное требование к Аграрному институту развития БРИКС состоит в том, что он должен обеспечивать самоорганизацию и кооперацию всех заинтересованных участников на паритетных началах для реализации социально и экономически значимых инноваций.

Дальнейшая устойчивая экономическая интеграция между многими развивающимися странами, и в том числе между государствами ШОС и странами БРИКС, не может развиваться без прогресса в создании скоординированных структур между крупнейшими региональными интеграционными механизмами. Экономическая разобщённость может быть преодолена путем создания совместных или объединения уже существующих международных объединений, платформ и институтов для координации экономических стратегий. Эксперты отмечают, что «комплексное обновление регионального фактора глобального управления» может стать «ключом к успешной перестройке мировой

---

¹⁴ Форталезская декларация (принята по итогам шестого саммита БРИКС, г.Форталеза, Бразилия, 15 июля 2014 г.) [Электронный ресурс] URL: https://brics.mid.ru/document/-/asset_publisher/VmQiT1IAUALV/content/fortalezskaadeklaracia?_101_INSTANCE_VmQiT1IAUALV_languageId (дата обращения 01.04.2019).

¹⁵ Фомина Ю.А., Редчикова Н.А. Аграрный сектор стран БРИКС: проблемы и возможности для развития // Вестник ОмГУ. Серия: Экономика. 2015. №1. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/agrarnyy-sektor-stran-briks-problemy-i-vozmozhnosti-dlya-razvitiya> (дата обращения: 19.04.2019).

экономической архитектуры»¹⁶. При этом, установление правовых основ взаимодействия является важнейшим условием. Укрепление международных норм и многосторонних механизмов регулирования видится прочной основой для «равноправного развития стран мирового хозяйства»¹⁷.

Проведенный анализ показывает, что развитие более тесной взаимосвязи между ШОС и БРИКС является оптимальным. Совместные усилия по укреплению данной взаимосвязи будут способствовать эффективной экономической интеграции евразийских государств и их внеконтинентальных партнеров, продвижению вперед в достижении целей устойчивого развития. На основе динамично формирующегося многостороннего международного сотрудничества между развивающимися странами возможно построение нового наиболее эффективного типа геоэкономического партнерства.

---

¹⁶ Лисоволик Я. Алгоритм глобальной интеграции: управление силами гравитации [Электронный ресурс] URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/algorithm-globalnoy-integratsii-upravlenie-silami-gravitatsii-/?sphrase_id=28205473 (дата обращения 01.04.2019).

¹⁷ Геотектоника мировых альянсов: на пути к Пангея Ульtima? [Электронный ресурс] URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/geotektonika-mirovykh-alyansov-na-puti-k-pangeya-ultima/> (дата обращения: 10.04.2019).

СЕКЦИЯ

**МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА
КОРЕННЫХ НАРОДОВ.
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ГОД ЯЗЫКОВ
КОРЕННЫХ НАРОДОВ**

ПРАВОВОЙ СТАТУС КОРЕННЫХ НАРОДОВ В НИКАРАГУА

Рахман Анита Зульфизуровна

*магистрант кафедры международного права
Юридического института РУДН
anita.rahman@mail.ru*

Никарагуа – многонациональное и поликультурное государство Латинской Америки, 10 % населения которого насчитывают представители различных коренных народов, что требует гарантии мирных отношений между ними и остальных граждан страны, а также всеобъемлющих социальных условий, обеспечивающих достойный уровень жизни. Правительство страны в целом старается держать курс сплоченной нации, согласно которому каждый народ вносит свой вклад в общую культуру Никарагуа. Эта цель подвигает органы власти и управления страны обсуждать такие темы в отношении коренных народов, как их организационные формы управления, многоязычие, традиционная медицина, самобытная культура, взаимосвязь с окружающей средой. Национальная Ассамблея (парламент страны) занимается вопросами разработки внутреннего законодательства и соблюдения положений международных документов по защите прав коренных народов и потомков представителей африканского континента.

Конституция Никарагуа 1987 года (далее – конституция) признает ряд прав коренных народов и этнических общин, которые они могут осуществлять независимо от режима автономии и властей. В основном это коллективные права, требующиеся во взаимоотношениях с другими народами и отдельными гражданами государства.

В частности, ст. 5 Конституции гласит о признании государством существования коренных народов, которые пользуются правами, обязанностями и гарантиями, закрепленными в Конституции, в особенности, теми, что направлены на сохранение самобытности, укрепление собственных форм организации власти и принятие самостоятельных решений на местном уровне. Отдельно упоминается

право коллективной собственности на исконные территории и пользование природными ресурсами. Гарантируется доступ членов общин к различным формам государственной, частной, ассоциативной собственности, а также к созданию кооперативов и сообществ без дискриминации и в целях обогащения и выполнения своих социальных функций. Данная статья демонстрирует один из значимых результатов развития правового статуса коренного населения, ранее не имевшего отражения в Конституции, а, следовательно, и не осуществлявшегося на практике.

Статья 8 Конституции еще раз в отдельном порядке подтверждает равноправие всех народов государства, поскольку в ней говорится о том, что народ Никарагуа имеет многонациональный характер и является неотъемлемой частью нации Центральной Америки.

Согласно ст. 9, Никарагуа твердо выступает за единство центральноамериканских государств, поддерживает и поощряет все усилия, направленные на обеспечение политической и экономической интеграции и сотрудничества всех населяющих регион народов без исключения, а также усилия по созданию и сохранению мира. Никарагуа, вдохновленная идеологией Симона Боливара, стремится к единству всех народов от Латинской Америки и Карибского бассейна.

Возвращаясь к вопросу о природных ресурсах, отметим ст. 177 Конституции, где говорится, что в договорах о рациональном использовании природных ресурсов, расположенных на территории коренных народов, государство обязано учитывать мнение общинных представительных органов перед тем, как реализовывать на ней добывающие и иные проекты. Впоследствии данное положение легло в основу Закона Никарагуа «О местном самоуправлении коренных народов атлантического побережья» 1987 года¹, ст. 64 которого гласит об обязательстве консультаций

---

¹ Закон Никарагуа «О местном самоуправлении» 1987 года (ст. 64) (Ley de la autonomía de las regiones de la costa atlántica de Nicaragua) // [http://legislacion.asamblea.gob.ni/Normaweb.nsf/\(\\$All\)/9F88A9114C4CA12F062570A100578099?OpenDocument](http://legislacion.asamblea.gob.ni/Normaweb.nsf/($All)/9F88A9114C4CA12F062570A100578099?OpenDocument) (дата обращения 10 марта 2019 г.).

с представителями общин, входящих в органы местного самоуправления.

Ст. 181 Конституции имеет особое значение в плане предоставления автономии коренным народам, поскольку подчеркивает, что Региональные советы обязаны проводить предварительные консультации с ними и получать от них добровольное согласие в вопросах, касающихся использования природных ресурсов на их исконных землях. Члены общин вправе принимать активное участие в принятии решений об управлении и осуществлении проектов в природной зоне. Ценность ст. 181 в том, что право на консультации является одним из стандартов в области защиты прав коренных народов и этнических общин, и важно, что это закреплено в Конституции страны.

Тесная связь между правами человека, правом собственности коренных народов на традиционные земли и правом окружающей среды не ограничивается только Латинской Америкой. Международные документы по правам человека и окружающей среде, подписанные Республикой Никарагуа, являются важной правовой поддержкой коренных народов для его полноценного существования. Кроме того, международными документами устанавливаются механизмы контроля об актуальном состоянии в отношении их и соблюдении взятых обязательств, и эти механизмы интегрированы в правовую систему государства. Включение их в национальное законодательство предоставляет дополнительные гарантии соблюдения правительством прав коренных народов.

В первую очередь, отметим принятую Никарагуа в рамках Организации американских государств Американскую конвенцию о правах человека 1969 года², что свидетельствует о том, что коренное население вправе обращаться за надлежащей защитой в Межамериканскую Комиссию и Межамериканский Суд по правам человека в случае нарушения их прав. Конституция страны почти полностью повторяет статьи, закрепленные в Конвенции. Ст. 46 Кон-

---

² Американская конвенция о правах человека 1969 года // <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=16783#06412294295872785>.

ституции провозглашает защиту прав человека со стороны государства, их поощрение и безоговорочное уважение, которые закреплены не только в Американской конвенции, но и во Всеобщей декларации, Международном билле прав человека. Важность включения такого рода норм международных договоров в Конституцию заключается в том, что они автоматически становятся обязательными положениями конституционного уровня.

Отметим влияние практической деятельности работы ООН по вопросам защиты прав коренных народов на национальное законодательство и в целом политики государств по данной проблематике. ГА ООН провозгласила период с 1994 по 2004 год Десятилетием коренных народов мира³. В результате этого мероприятия правительства, в том числе Республики Никарагуа, взяли на себя обязательство предпринять все возможные меры по повышению условий жизни и развития коренных народов на своей территории. В частности, это привело к формированию в Никарагуа Национального комитета по проведению Международного десятилетия коренных народов (CANADIPI) по указу президента.

Всемирный Банк в 1991 году принял Директиву № 4.20 о необходимости проведения кредитных проектов в пользу коренных народов⁴ и Руководящее положение № 4.01 о необходимости проведения исследований воздействия хозяйственной деятельности на природную зону проживания коренного населения⁵. По обоим документам были выработаны Руководящие принципы для государств-заемщиков (в число которых входит Никарагуа), направленные на обеспечение участия коренных народов в принятии решений по проектам, относящимся к ним и финансируемым Банком.

---

³ Резолюция 59/174 ГА ООН от 20 декабря 2004 года // <https://www.ohchr.org/RU/Issues/IPeoples/Pages/InternationalDecade.aspx> (дата обращения 7 марта 2019 г.).

⁴ Директива № 4.20 Всемирного Банка 1991 года // https://siteresources.worldbank.org/OPSMANUAL/Resources/210384-1170795590012/OP410_Russian.pdf (дата обращения 7 марта 2019 г.).

⁵ Руководящее положение №4.01 Всемирного Банка 1991 года // <http://www.cawater-info.net/bk/dam-safety/files/bp401-ru.pdf> (дата обращения 7 марта 2019 г.).

В 1990 году Межамериканский Банк Развития создал похожий документ под названием «Стратегии и процедуры по вопросам защиты коренных народов, участвующих в займовых проектах, финансируемых МБР»⁶, и Никарагуа также приняла его.

На национальном уровне для обеспечения защиты прав человека Национальная Ассамблея Никарагуа в 1996 году приняла закон № 212 «О прокуратуре по защите прав человека, а в 1999 году была учреждена должность Генерального прокурора по защите прав человека⁷. Однако на данный пост не могут претендовать представители коренного населения, так как, согласно ст. 18 закона, кандидат должен быть членом национальной организации по защите прав человека, а в стране среди коренных народов подобных официальных организаций нет. Тем не менее, в обязанности Генерального прокурора входит контроль за соблюдением норм о правах коренного населения, обеспечение гарантий защиты их личной свободы, чести и достоинства, языка, религии, традиций и обычаев.

Исследуя документы, касающиеся защиты окружающей среды, в пределах которой проживают коренные народы, в отношении Никарагуа следует подчеркнуть следующее:

1) Никарагуа признала Повестку дня на XXI Всемирной Конференции ООН по окружающей среде и развитию, состоявшейся в Рио-де-Жанейро в 1992 году, подчеркнув важное значение активного участия всех граждан без исключения в принятии решений и пообещав приложить усилия для того, чтобы граждане страны были вовлечены в процесс обсуждения на демократической основе. Таким образом, Никарагуа взяло на себя обязательство достичь целей устойчивого развития, в том числе развития человеческого потенциала, использования природных ресурсов и сохранения окружающей среды.

---

⁶ Анализ национального законодательства Никарагуа относительно прав коренных народов. (Diagnostico de la legislacion nacional sobre los pueblos indigenas de Nicaragua). Centro de Asistencia Legal a Pueblos Indigenas. 2000. URL: http://calpi.nativeweb.org/doc_5.html (дата обращения 10 марта 2019 г.).

⁷ Rivera Brayan B., Changala Quaglia R., Rivera Herrera R. Pueblos indígenas y afrodescendientes: legislación básica en Nicaragua. Asamblea nacional de Nicaragua. Managua. 2012. P. 93.

2) Никарагуа присоединилась к Конвенции о биологическом разнообразии от 5 июня 1992 года, в п. j ст. 8 которой устанавливает, что государство, в соответствии со своим национальным законодательством, обеспечивает уважение, сохранение и поддержание знаний, нововведений и практики коренных народов, ведущих традиционный образ жизни и имеющих значение для сохранения и устойчивого использования биологического разнообразия⁸.

3) На региональном уровне страна ратифицировала Конвенцию о сохранении биоразнообразия и охране окружающей среды Центральной Америки, ст. 2 которой гласит, что подписавшие ее государства подтверждают свое суверенное право хранить и использовать свои биологические ресурсы согласно национальной политике, а также осуществлять контроль за любой деятельностью в районе проживания коренного населения, чтобы она не причиняла ущерба биологическому разнообразию⁹.

На основании данных международно-правовых документов были разработаны и приняты национальные законы Никарагуа. Среди них:

Закон «О сохранении окружающей среды и природных ресурсов, защите биологического разнообразия и уважении традиций коренных народов на их исконной территории».¹⁰ Согласно закону, было создано Управление по защите окружающей

---

⁸ Конвенция о биологическом разнообразии 1992 года (п. j ст. 8) // http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/biodiv.shtml (дата обращения 6 марта 2019 г.).

⁹ Конвенция о сохранении биоразнообразия и защиты лесных территорий Центральной Америки 1992 года (ст. 2) - (Convenio para la conservacion de la biodiversidad y proteccion de areas silvestres prioritarias en America Central de 1992) // <http://www.minex.gob.gt/MDAА/DATA/MDAА/201011081600034231992-65%20Convenio%20Conservacion%20Biodiversidad%20y%20Proteccion%20Areas%20Silvestres.pdf> (дата обращения 12 марта 2019 г.).

¹⁰ Анализ национального законодательства Никарагуа относительно прав коренных народов. (Diagnostico de la legislacion nacional sobre los pueblos indigenas de Nicaragua). Centro de Asistencia Legal a Pueblos Indígenas. 2000. // http://calpi.nativeweb.org/doc_5.html (дата обращения 10 марта 2019 г.).

среды и природных ресурсов при Генеральной прокуратуре о защите прав человека. Закон предусматривает специальный Регламент, согласно которому граждане обязаны самостоятельно контролировать экологическое состояние своего региона и обращать повышенное внимание к территориям проживания общин коренных народов. Исходя из закона, коренные народы обеспечивают генетическое разнообразие Никарагуа, поэтому необходимо проведение с ними консультаций в целях защиты их самих и их земель от ущерба.

Согласно декрету № 44-91 и Указу президента № 32-96 1991 года, на территории народов маягна, сумо, авас, тингни и мискито планировалось создать природный заповедник, что помогло бы сохранить традиционный уклад жизни данных общин и биоразнообразие тропических влажных лесов, однако это положение ограничивало бы право коллективной собственности. Данный проект в конечном счете не был претворен в жизнь.

Далее, в 1996 году правительство Никарагуа издало закон «Об официальном использовании языков коренного населения атлантического побережья»,¹¹ вытекающий из ст. 162 Конституции. Закон устанавливает, что помимо испанского языка, члены общин побережья имеют право на образование на родном языке, тем самым обучаясь по двуязычной системе. Также он содержит положение об учреждении дня языков коренного населения. Государство, в рамках как национального правительства, так и региональных советов, должно предоставлять необходимые ресурсы для реализации специальных образовательных билингвальных программ, поощрять и популяризировать изучение языков коренных народов. Законом установлено, что необходимая общественная информация о здоровье, природопользовании, инструкции в наземном, водном и воздушном транспорте, правила безопасности на рабочих местах и прочие документы должны быть продублированы на языках общин атлантического бере-

---

¹¹ Rivera Brayan B., Changala Quaglia R., Rivera Herrera R. Pueblos indígenas y afrodescendientes: legislación básica en Nicaragua. Asamblea nacional de Nicaragua. Managua. 2012. P. 138.

жья, а также важно прибегать к услугам переводчиков. Это касается и СМИ. Закон подкрепляется ст. 5 Трудового кодекса о необходимости доступа коренных народов к знанию своих трудовых прав на родном языке.

Закон Никарагуа «О самоуправлении коренных народов атлантического побережья» 1987 года¹² признает право общин сохранять и развивать собственные формы организации общества и право на свободный выбор собственных органов управления и ведение дел согласно своим традициям. Закон подтверждает также право народов на собственные формы коллективного землепользования и традиционную структуру власти (советы старейшин, общинные советы, судьи и т. д.). Ст. 18 провозглашает, что отправление правосудия в коренных общинах осуществляется специальными традиционными правилами, отражающими их культурные особенности. Однако способы разрешения конфликтов не должны противоречить Конституции государства. Данная статья гласит, что судебная власть уважает и гарантирует коренным народам режим автономии в принятии собственных решений внутри общин. Закон также предусматривает создание официальных органов судебной власти для коренных народов, членами которых будут лица из их же числа. Протоколы, резолюции и другие документы, составленные на языках общин в рамках судебного дела, имеют полную действительность даже без перевода на испанский язык. Перевод может быть осуществлен по мере необходимости. Органы местного самоуправления на побережье Атлантики признают существование общинных органов и обязуются уважать их независимо от того, являются ли они официальными и традиционными (созданными на основе обычаев и традиций, а не исходя из результатов выбора населения).

---

¹² Закон Никарагуа «О самоуправлении коренных народов атлантического побережья» 1987 года (*Ley de la autonomía de las regiones de la costa atlántica de Nicaragua*) // [http://legislacion.asamblea.gob.ni/Normaweb.nsf/\(\\$All\)/9F88A9114C4CA12F062570A100578099?OpenDocument](http://legislacion.asamblea.gob.ni/Normaweb.nsf/($All)/9F88A9114C4CA12F062570A100578099?OpenDocument) (дата обращения 10 марта 2019 г.).

Другой закон страны «О семьях из числа коренных народов» 1996 года¹³ в ст. 8 и 9 подчеркивает, что дети и подростки из общин атлантического побережья должны быть обеспечены со стороны государства правом на традиционный уклад жизни, культуру, образование, религию и язык, то есть коллективными правами общин. Дети, претендующие на усыновление, остаются предпочтительно с представителями той же культуры.

Закон Никарагуа № 230 «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс и пресечении насилия в семье» 1996 года¹⁴ в п. 10 ст. 2 предусматривает, что в случае коренных народов меры безопасности будут применяться в соответствии как с традиционными процедурами, так и действующим законодательством. Эта статья кажется противоречивой, однако на практике общинные судебные органы в абсолютном большинстве применяют нормы обычного права.

Еще один закон страны «О земельной реформе» 2002 года¹⁵ запрещает эксплуатации крестьян из числа коренного населения и способствует реализации права на коллективную собственность общинных земель, преследуя социальные и экономические цели нации в целом. В ст. 30 говорится, что государство обязано предоставить коренным народам такое количество земли, которое им необходимо для полноценной жизни. На своей территории члены общин могут работать и коллективно, и индивидуально и использовать природные ресурсы так, как они считают нужным в целях повышения уровня жизни. Предоставлением коренным

---

¹³ Закон Никарагуа «О семьях из числа коренных народов» 1996 года (Ley de Familia y los Pueblos Indígenas) // https://oig.cepal.org/sites/default/files/1996_nic_ley_familia.pdf (дата обращения 10 марта 2019 г.).

¹⁴ Закон Никарагуа №230 «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс и пресечении насилия в семье» 1996 года (Ley No. 230 de reformas y adiciones al Código Penal para Prevenir y sancionar la violencia intrafamiliar) // https://oig.cepal.org/sites/default/files/1996_nic_ley230.pdf (дата обращения 10 марта 2019 г.).

¹⁵ Закон Никарагуа «О земельной реформе» 2002 года (Ley de la Reforma sobre las Tierras) // <http://www.ilo.org/dyn/natlex/docs/ELECTRONIC/92476/107759/> (дата обращения 10 марта 2019 г.).

народам права на собственность и хозяйственную деятельность занимается Бюро сертификации сельскохозяйственной деятельности с 1998 года, но его работу нельзя назвать успешной. Дело в том, что природные условия в разных областях страны разные, но стандарты пользования землей одинаковые, и это создает большие неудобства.

Ввиду необходимости четкого разграничения территорий коренных народов и владений государства, президент страны в 1996 году издал Указ «О создании Национальной комиссии по демаркации земель коренных народов на побережье Атлантического океана»¹⁶. Комиссией были разработаны критерии, которые будут использоваться в процессе демаркации традиционных земель общин. Председательствует в ней сам президент Никарагуа. К работе Комиссия приступала редко и фактически своих задач в полном объеме не выполняла, а в настоящее время ее деятельность приостановлена совсем. Несмотря на это, сейчас правительство в территориальных вопросах пытается активно консультироваться с представителями коренного населения.

Закон Никарагуа №218 от 1996 года «О высшем образовании»¹⁷ провозглашает возможность для университетов Никарагуа устанавливать бюджетные квоты для представителей коренного населения. Закону уже следуют Блуфилдский университет Карибского бассейна и Университет карибского побережья Ни-

---

¹⁶ Указ «О создании Национальной комиссии по демаркации земель коренных народов на побережье Атлантического океана» 1996 года (Reforma al Creacion de la Comisión Nacional para la Demarcación de las Tierras de las Comunidades Indígenas de la Costa Atlántica). // [http://legislacion.asamblea.gob.ni/Normaweb.nsf/%28\\$All%29/F59730333B3F6FA5062571B200559533](http://legislacion.asamblea.gob.ni/Normaweb.nsf/%28$All%29/F59730333B3F6FA5062571B200559533) (дата обращения 10 марта 2019 г.).

¹⁷ Закон Никарагуа №218 «О высшем образовании» 1996 года (Ley de Educación Superior) // <http://legislacion.asamblea.gob.ni/normaweb.nsf/3133c0d121ea3897062568a1005e0f89/3d152316522e55d1062571220059f7e0?OpenDocument> (дата обращения 12 марта 2019 г.).

карагуа. Также данные учебные заведения предоставляют специальные расширенные программы для студентов из числа коренных народов.

Как мы видим, национальное законодательство Никарагуа в отношении коренных народов несовершенно из-за того, что положения многих нормативных актов имеют декларативный характер. На практике права коренных народов весьма ущемлены. В доказательство этому отметим, что граждане страны в 2014 году сформулировали петицию в адрес правительства, направленную на защиту прав коренных народов и обвиняющую власти в их игнорировании. Активисты выразили обеспокоенность в связи с ненадлежащим обеспечением безопасности труда рабочих из числа коренных народов, занимающихся добычей омаров на побережье. По их оценке, условия, в которых находятся водолазы, опасны и не соответствуют минимальным стандартам безопасности. Заявители утверждают, что государству выгоднее использовать дешевый труд членов общин, чем использовать специальные ловушки. Наконец, граждане обратились к правительству с просьбой поощрять право народов на самоопределение и поддерживать существование выборов в их собственные органы власти. Правительство, по утверждениям заявителей, финансирует кампании по преследованию лидеров коренных общин.

Правительство не рассмотрело вопрос о праве на консультации и добровольное, осознанное согласие, но подчеркнуло, что оно действительно поддерживает выборы лидеров коренных народов и что в ходе последних коренными общинами было избрано 90 лидеров. Государство заверило, что она привержена дальнейшему укреплению прав коренных народов, несмотря на препятствия, с которыми сталкивается правительство¹⁸.

---

¹⁸ Основные положения о правах коренных народов Никарагуа, проживающих на побережье Тихого океана, в северной части страны и на Карибских островах. (Linea basal de los pueblos indigenas de Nicaragua según su ascendencia en las regions Pacifico, centro norte y Caribe). Movimiento indigena nicaraguense. Managua. 1999 // https://vk.com/doc264638281_488760570?hash=ee4ac38545b8c40dfe&dl=9224cfb005a7629970.

Важно отметить ратификацию государством Конвенции МОТ № 169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах»¹⁹. Она является важным правовым инструментом при таких обстоятельствах, поскольку помимо того, что Никарагуа берет на себя обязательства обеспечивать коренному населению его права и свободы, МОТ вправе проводить мониторинг в стране, требовать выполнения взятых обязательств, информации по проводимым мерам, отчетов и докладов. А настоящий момент МОТ требует от Никарагуа создания Национальной комиссии по вопросам коренных народов, чьим председателем должен быть член одной из общин. Также для того, чтобы уменьшить пропасть между коренным и остальным населением, МОТ рекомендует поощрять участие кандидатов от коренных народов в выборах депутатов, мэров, президента. Сейчас МОТ подготавливает документ с требованиями принятия конкретных мер для Национальной Ассамблеи Никарагуа.

---

¹⁹ Конвенция МОТ № 169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах» // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/iol169.shtml.

ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ЯЗЫКА МОРДВЫ И ПРОБЛЕМЫ ЕГО ЗАЩИТЫ КАК ЯЗЫКА ОДНОГО ИЗ КОРЕННЫХ НАРОДОВ РОССИИ

Сушкова Юлия Николаевна

*доктор исторических наук, доцент
заведующая кафедрой международного и европейского права
Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева
yulenkam@mail.ru*

Одним из важнейших компонентов этноса является язык - особая сигнальная, коммуникативная система, при помощи которой он сохраняет и транслирует мировоззрение, знания, традиции, культуру. В современном мире сложилось общепризнанное восприятие родного языка не только как неотъемлемой части нематериального культурного наследия, уникального достояния народа, но и фундаментальной основой его жизнедеятельности. Лев Николаевич Толстой писал по этому поводу: «Как ни говори, а родной язык всегда останется родным...»¹.

Регулирование этноязыковых процессов, как на международном, так и на внутригосударственном уровнях, требует выработки комплексной стратегии и конкретных мер по сохранению и развитию этнического многообразия в целостной системе, включая, наряду с языком, другие разноплановые его компоненты, а именно этническую территорию, особенности духовной и материальной культуры, религию, виды хозяйствования, общность экономической жизни, информационные связи и, прежде всего, самосознание. Существенным фактором обеспечения сохранения и развития коренных народов России является федерализм, его национально-государственная составляющая, воплощенная, главным образом, в республиках как центрах этнонациональной консолидации. Только в условиях тесного взаимодействия федеральных и региональных властей возможно эффективное решение проблем коренных народов.

---

¹ <https://socratify.net/quotes/lev-tolstoi/25264> (дата обращения: 19.04.2019 г.).

На международном уровне сложились определенные теоретико-методологические подходы к решению проблем коренных народов по сохранению и развитию их языков. Важнейшими документами обеспечения прав народов выступают Международные пакты о правах человека от 16 декабря 1966 года. Что касается непосредственно языков, то большое значение придается документам ЮНЕСКО, в числе которых Всеобщая декларация о культурном разнообразии 2001 года, Международная конвенция об охране нематериального культурного наследия 2003 года и Конвенция об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения 2005 года².

Поддержание национальных культур, создание условий для сохранения и развития языкового многообразия в Европе – важнейшая задача Совета Европы, предоставивший в 1992 году государствам-членам возможность защищать языковое наследие через подписание 5 ноября в Страсбурге Европейской Хартии региональных языков и языков меньшинств (миноритарных языков). «Сознавая, что защита и поддержка региональных языков или языков меньшинств в различных странах и регионах Европы

---

² Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии от 2 ноября 2001 года. // ЮНЕСКО Акты Генеральной конференции. Тридцать первая сессия. Том 1. Резолюции. 2002. С. 72-75; Конвенция об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения от 20 октября 2005 года (Преамбула; ст.6, п. 2 (b)) // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_expression.shtml; Международная конвенция об охране нематериального культурного наследия от 17 октября 2003 года (ст. 2, п. 2 (a)) // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml; Рекомендация ЮНЕСКО «Об участии и вкладе народных масс в культурную жизнь» 26.11.1976 года (пункт II (g)) // ЮНЕСКО. Акты Генеральной конференции. Девятнадцатая сессия. Том 1. Резолюции. 1977. С. 150; Рекомендация ЮНЕСКО «О сохранении фольклора» от 15.11.1989 года. // ЮНЕСКО. Акты Генеральной конференции. Двадцать пятая сессия. Том 1. Резолюции. 1990. С. 176-180; Рекомендация о развитии и использовании многоязычия и всеобщем доступе к киберпространству от 15 сентября 2003 года (Преамбула) // ЮНЕСКО. Акты Генеральной конференции. Тридцать вторая сессия. Том 1. Резолюции. 2004. С. 78-83.

представляет собой важный вклад в строительство Европы, основанной на принципах демократии и культурного разнообразия в рамках национального суверенитета и территориальной целостности; принимая во внимание особые условия и исторические традиции в различных регионах европейских государств», – сообщается в преамбуле Хартии. Существенными условиями принятия данного документа выступают исторически сложившиеся различия в правовом статусе региональных языков или языков меньшинств в Европе.

В соответствии с Хартией «региональные языки» или «языки национальных меньшинств», под которыми понимаются языки, которые «традиционно используются на данной территории государства» и «отличаются от официального языка (языков) этого государства». Они не включают в себя ни диалекты государственного языка (языков) этого Государства, ни языки мигрантов (ст. 1). Под правовую защиту попадают языки жителей государства, относящихся к группе, численно меньшей, чем остальное население государства (ст. 1). Речь идет о языках, выступающих средством общения части населения в определенном географическом районе (территории), а также используемых жителями государства, которые отличаются от языка или языков остального населения государства, но которые несмотря на традиционное их использование не могут связываться с каким-либо его конкретным районом³.

Поскольку этноязыковая ситуация в каждом государстве имеет специфические черты, Хартия не устанавливает единых требований ко всем странам. Договаривающаяся сторона обязана принять к исполнению, как минимум 35 обязательств из 68, содержащихся в Хартии. Степень выполнения этих обязательств каждой страной также может быть различной. Например, согласно статье 8 («Образование») государство может по своему усмотрению выполнить обязательства относительно того или иного уровня образования. Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств создает весьма эффективный механизм для государств, задумывающихся о перспективах сохранения языкового многообра-

---

³ Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств от 5 ноября 1992 года // <http://docs.cntd.ru/document/1902299>.

зия, как части национального достояния. Достоинством Хартии является поддержка языков в повседневной жизни (обозначение дорожных знаков, использование в здравоохранении, образовании, СМИ, взаимодействие с органами государственной власти).

Россия обязалась при вступлении в Совет Европы в 1996 году ратифицировать Хартию, подписала ее в 2001 году (распоряжение Президента РФ от 22 февраля 2001 года № 90-рп), но поныне ее не ратифицировала. С целью ускорения ее ратификации в Россию приглашались соответствующие экспертные группы из Совета Европы, осуществляющие комплексный мониторинг по этноязыковой ситуации в различных регионах России. Республика Мордовия являлась одним из «пилотных регионов» по исследованию объективных условий реализации Хартии. Так, с 3-4 ноября 2009 года в Саранске состоялся семинар «Национальные меньшинства в России: развитие языков, культуры, СМИ и гражданского общества», организованный Советом Европы, Министерством регионального развития Российской Федерации, Представительством Европейской Комиссии Европейского Союза в России при партнерстве Государственного комитета Республики Мордовия по национальной политике, Поволжского центра культур финно-угорских народов.

Провозглашение в международных документах прав национальных меньшинств и коренных народов оказывает существенное влияние на установление и реализацию этих начал в национальных законодательствах конкретных государств.

Федеральным законом России «О национально-культурной автономии» от 17 июня 1996 года установлено, что органы государственной власти России, органы государственной власти субъектов Российской Федерации обеспечивают проведение государственной политики, направленной на сохранение и развитие национальных (родных) языков; оказывают финансовую, организационную и иную поддержку национально-культурным автономиям в разработке и реализации государственных программ в области сохранения и развития национальных (родных) языков⁴.

---

⁴ ФЗ РФ №74 «О национально-культурной автономии» от 17.06.1996 года (последняя редакция) // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10722/.

25 июля 2018 года был принят федеральный закон «О языках народов Российской Федерации». Государственная Дума утвердила в окончательной редакции поправки в Закон «Об образовании в Российской Федерации» относительно изучения родного языка, государственных языков национальных республик Российской Федерации. На законодательном уровне закреплено, что федеральные государственные образовательные стандарты дошкольного, начального общего и основного общего образования предоставляют возможность получения образования на родных языках из числа языков народов России, изучения государственных языков республик нашей страны, родных языков из числа языков народов России, в том числе русского языка как родного (часть 5.1 введена ФЗ от 03.08.2018 N 317-ФЗ). При этом, как подчеркивал Председатель Комитета по образованию и науке В.А. Никонов, перевод государственных языков национальных республик из обязательной школьной программы в факультативную не предполагался и не предполагается⁵.

Будет осуществляться свободный выбор родного языка, который будет изучать ребенок в школе, а также родного языка в качестве языка обучения (если это позволяют возможности системы образования того или иного региона), родителями или законными представителями ребенка перед поступлением в первый и пятый классы по заявлениям (ФЗ от 03.08.2018 N 317-ФЗ). Принятие данного закона, по признанию самого депутата В.А. Никонова, открывает лишь «начало большого пути, который должен привести, безусловно, к усилению внимания государства к проблеме родных языков».

В соответствии с положениями Конституции России сфера, связанная с защитой прав коренных народов, находится в совместном ведении федерального центра и регионов. Исходя из общих принципов международного права, общенациональной

---

⁵ ФЗ РФ № 317 «О внесении изменений в статьи 11 и 14 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»» от 03.08.2018 года (последняя редакция) // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_304090/.

концепции национальной политики Российской Федерации, Конституция Республики Мордовия, преамбула которой провозглашает заботу «о сохранении и самобытном развитии народов, проживающих на ее территории», устанавливает следующие нормы: 1) Государственными языками Республики Мордовия являются – русский и мордовский (мокшанский, эрзянский) языки (ст. 13); 2) Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка. Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности (ст. 18); 3) Каждый вправе определять и указывать свою национальную принадлежность. Никто не может быть принужден к определению и указанию своей национальной принадлежности. Каждый имеет право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества (ст. 25); 4) Каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь, распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними (ст. 27); 5) Не допускается пропаганда и агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда войны, социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства (ст. 28); 6) Каждый вправе в соответствии с международными договорами Российской Федерации обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты (Ст. 45)⁶.

В настоящее время в Республике Мордовия (далее – РМ) функция по регулированию языковой политики национальных меньшинств возложена на Министерство культуры, национальной политики, туризма и архивного дела Республики Мордовия.

---

⁶ Конституция Республики Мордовия от 21 сентября 1995 года (с изменениями на 25.12.2017 года) (Преамбула, ст. 13, 18, 25, 27, 28, 45) // <http://docs.cntd.ru/document/804950314>.

27 февраля 2019 года были внесены изменения в Закон РМ «О государственных языках Республики Мордовия», что значительно расширяет возможности использования мордовского языка. В частности, установлено право выступления на мордовском (мокшанском, эрзянском) языке не только на заседаниях Государственного Собрания Республики и его органов, как это было предусмотрено законом ранее, но и при проведении заседаний, совещаний, собраний в иных органах государственной власти РМ, органах местного самоуправления.

Закон «О государственных языках Республики Мордовия»⁷ был принят в 1998 году и с тех пор дважды претерпевал изменения. Закон направлен на «обеспечение использования, сохранение и равноправное развитие государственных языков Республики Мордовия, обеспечение конституционного права граждан на пользование родным языком» (преамбула в ред. Закона РМ от 12.03.2010 года, № 4-3). В Республике Мордовия гарантируется осуществление политических, экономических, социально-культурных, личных и иных прав и свобод человека и гражданина вне зависимости от знания или незнания какого-либо языка (ст. 4 в ред. Закона РМ от 12.03.2010 года, № 4-3). Порядок утверждения норм современного мордовского (мокшанского и эрзянского) литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Республики Мордовия, правил орфографии и пунктуации определяется Правительством Республики Мордовия (ст. 5). Предусматриваются разработка и реализация республиканских целевых программ, направленных на сохранение, изучение и развитие государственных языков РМ.

Регламент Государственного Собрания РМ, утвержденный 14 февраля 2002 года, в редакции от 7 сентября 2016 года содержит статью 16, в соответствии с которой работа в Государственном Собрании осуществляется на русском или мордовском (мокшанском и эрзянском) языках. Депутат Государственного Собрания, желающий выступить на ином языке народов Российской Федерации, заблаговременно уведомляет об этом Председателя

---

⁷ Закон РМ «О государственных языках РМ» от 24 апреля 1998 года (в ред. законов РМ от 12.03.2010 года №4-3 и от 19.12.2011 года № 78-3).

Государственного Собрания. Такое выступление обеспечивается переводом на русский язык.

Весомым изменением в Закон в 2019 года является предоставление права выступления на мордовском (мокшанском, эрзянском) языке не только на заседаниях Госсобрания и его органов, как это уже предусмотрено действующей редакцией статьи 12 Закона, но и при проведении заседаний, совещаний, собраний в иных органах государственной власти Республики Мордовия, органах местного самоуправления (при условии предварительного уведомления руководителя соответствующего органа). Кроме этого, вносимыми изменениями уточняются формулировки отдельных статей действующего Закона терминологически. Органы государственной власти РМ обеспечивают на территории республики «создание системы образовательных учреждений с обучением на родном языке или изучением родных языков» (ст. 8). Создаются условия для научных исследований мордовского языка, подготовки специалистов.

Законом определяется, что «делопроизводство в органах государственной власти РМ, органах местного самоуправления осуществляется на русском, а при необходимости – также на мордовском языке» (ст. 11). Официальные документы, удостоверяющие личность гражданина или сведения о нем (свидетельство о рождении, браке, смерти, документы об образовании, кроме учреждений образования, имеющих федеральный статус), оформляются на государственных языках РМ. СМИ РМ обеспечивают использование мордовского языка. В Республике Мордовия охраняются традиционные названия местных объектов (населенных пунктов, рек, озер, улиц, площадей и др.). Правительство РМ определяет перечень территорий и объектов, где географические наименования и надписи, дорожные указатели должны оформляться на государственных языках РМ в соответствии с законодательством РФ и международными стандартами. Республика Мордовия содействует сохранению мордовского языка за ее пределами, обеспечивая центры национально-культурных автономий кадрами, учебно-методической, художественной литературой.

Поскольку интересы полиэтничного населения республики обеспечивают не только указанные органы и учреждения, нередко ставится вопрос о том, чтобы государственные языки республики использовались в действующих там территориальных органах государственной власти России, учреждениях и организациях.

Приведем пример из опыта применения мордовского языка в судопроизводстве. С образованием Мордовского округа в рамках Средне-Волжской области 13 июля 1928 года выпускник юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, мордвин по происхождению, Тимофей Васильевич Васильев был направлен из Москвы в Саранск в качестве уполномоченного по организации Мордовского окружного суда, а вскоре на заседании пленума окружного исполкома 6 августа был утвержден его первым председателем. В Мордовском округе была установлена двухзвенная судебная система – народные и окружные суды. В 23 районах округа было избрано 44 народных судьи. Мордовский окружной суд был в составе председателя, двух его заместителей и пяти членов, имел президиум и кассационные коллегии – по уголовным и гражданским делам. Окружной суд избирался окружным исполкомом на один год.

Пленум окружного суда был высшим судебным центром в округе и состоял из всех наличных членов суда, но не менее половины их общего числа. Васильев Т.В. рассматривал наиболее сложные дела, проводил заседания пленумов. Существенное значение имела деятельность Т.В. Васильева по проведению мероприятий, направленных на использование мордовского языка в государственном делопроизводстве. Президиум Средне-Волжского Краевого (в то время Областного) Исполнительного комитета Советов, рассматривая 21 ноября 1928 года (протокол № 14, п. 6) вопрос об итогах 1-го областного совещания по работе среди национальных меньшинств, вынес решение приступить к практической проработке мероприятий по коренизации государственного аппарата, выдвигать на руководящие должности представи-

телей «национальных меньшинств». Было предложено Мордовскому, Бугурусланскому, Оренбургскому, Ульяновскому и Кузнецкому окружным исполкомам обеспечить в 1928-1929 гг. перевод не менее чем в 20 % районов (где компактно проживали национальные меньшинства) и сельских советов Мордовского автономного округа делопроизводства на их языки, а также принять срочные меры к «укомплектованию» окружных и районных аппаратов техническими работниками из основных национальностей области⁸.

Относительно коренизации судебного аппарата на пленарном заседании Мордовского окружного суда 19 октября 1928 года было предложено народным судам районов с преобладающим мордовским населением (Старо-Шайговский, Кочкуровский, Zubово-Полянский, Рыбкинский, Ачадовский, Козловский, Атяшевский, Дубенский) при рассмотрении дел, в которых участвующими лицами являются представители мордвы, «производить судоговорение на мордовском языке», при этом, разумеется, нарсуды обязывались для «обеспечения родного судоговорения вызывать соответствующих народных заседателей». Пленум Окружного суда с учетом перспективы расширения делопроизводства на мордовском языке посчитал целесообразным начать данную работу с двух районов, чтобы обретенный опыт использовать в будущем. При участии в деле сторон, относящихся к разным народам, суд обязывался спросить, на каком языке они желают «вести судоговорение», а при отсутствии между сторонами соглашения он по своему усмотрению самостоятельно решал вопрос о языке «судоговорения». При участии сторон, являющихся представителями русского народа судопроизводство должно было осуществляться по-русски⁹.

Т.В. Васильев отмечал, что данное Постановление Окружного суда, несмотря на его «исключительную осторожность в деле коренизации аппарата («сначала в виде опыта»)),

---

⁸ Васильев Т.В. Мордовия. НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск. 2007. С. 138.

⁹ Васильев Т.В. Мордовия. НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск. 2007. С. 139.

встречено было со стороны некоторых работников окружных советских учреждений критически. «Суть этой «критики», – писал он, – заключалась в недопонимании значения коренизации. Многие окружные аппараты не были приспособлены к обслуживанию мордовских масс на родном языке, а потому – говорили критики – «Окружной суд своими поспешными мерами сможет затруднить работу в других учреждениях». Для обозначения данной проблемы приводились разного рода примеры. Например, суд ведет судебное заседание на мордовском языке, а присутствующий на этом заседании прокурор выступает на русском языке, так как он совершенно незнаком с языком судоговорения. Или такие случаи, когда следователь производит следствие на русском языке, а суд продолжает это дело на мордовском. По этому поводу давались в печати специальные разъяснения, что вытекающие из коренизации аппарата организационные недочеты надо разрешать не по линии запрещения Окружному суду проводить коренизацию, а по линии усиления темпов коренизации аппарата и в других учреждениях».¹⁰ Думается, прогрессивный опыт работы Васильева в деле коренизации может служить методологической базой для более глубокого понимания современного конституционных прав человека на пользование родным языком.

Поньше не получило должного осмысления значение языков коренных народов России, как действенного механизма национальной безопасности. Язык выполняет функции как приобщения к нему, так и разобщения, отчужденности. Так, уникальным способом сокрытия информации, в том числе и о противоправной деятельности, был так называемый арготический язык, считающийся одним из типов этносоциальных диалектов, обладающих не только конспиративной (тайной, эзотерической, закрытой для посторонних) функцией, но и непонятной для непосвященных в нее лексикой. Арготическая речь (тайноречие) обеспечивала общающимся на ней сохранение профессиональных тайн, которые не доверялись даже их детям.

---

¹⁰ Васильев Т.В. Мордовия. НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск. 2007. С. 140.

В заключении отметим, что мордва – коренной, государствообразующий, титульный народ Республики Мордовия. Он говорит на мордовском (мокшанском и эрзянском) языке, признанным в Республике Мордовия в соответствии с Конституцией Республики Мордовия 1995 года, наряду с русским, государственным языком. Федеративное устройство России, ее исторически сложившаяся полиэтничность обуславливают необходимость реализации политики полилингвизма, предполагающей более широкое применение на территории государства языков его коренных народов. Признавая и гарантируя своим гражданам право на сохранение и развитие их самобытной культуры и национального (родного) языка, право на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества, Российская Федерация создает реальные предпосылки для построения правового государства.

КРАТКИЙ ОЧЕРК ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ОСЕТИНСКОГО ЯЗЫКА

Чеджемов Сергей Русланович

*кандидат исторических наук, доктор педагогических наук,
профессор кафедры теории и истории государства и права
и кафедры педагогики и психологии*

*ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный
университет им. К.Л. Хетагурова»*

srchedgemov@mail.ru

В ноябре 2019 года исполняется ровно 20 лет с момента решения тридцатой сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО об учреждении международного дня родного языка (International Mother Language Day), который отмечается ежегодно во всем мире 21 февраля с целью защиты языкового и культурного многообразия.

Предыстория этого уходит своими корнями в глубь истории и данная дата совпадет с Днём движения за бенгальский язык, который отмечается в Бангладеше как день памяти о кровавых событиях 1952 года – день, когда пакистанская полиция расправилась со сторонниками признания бенгальского языка в качестве официального языка в восточном Пакистане (Бангладеш с 1971 года).

Родной язык всегда являлся и будет является одним из центральных звеньев в определении народа и этноса. С другой стороны, он играет важную роль в сохранении и развитии национальной культуры, этнических особенностей и другое. В общественном сознании укоренилось мнение, что родным языком является язык той нации, к которой он принадлежит в силу национальной идентификации физического лица, т.е. в смешанном браке, например, это может быть нация отца или матери. Однако, не менее важным фактором при этом является учет того обстоятельства, что национальная принадлежность, определенная таким образом, зачастую не соотносится с той национальностью,

носителем духовных ценностей которой он является, поскольку его «культурно-генетический код» другой.

Психолого-педагогическое определение родного языка отождествляется с понятием «материнский язык», т.е. язык, который он услышал впервые от матери и на котором человек думает, т.е. Лакмусовой бумажкой выявления этого являются выражения эмоции человека, – вспомним знаменитую радистку Кэт из классического советского сериала «Семнадцать мгновений весны», рожающую в фашистском рейхе «на русском языке».

Применительно к осетинскому народу следует признать, что еще до официального присоединения Осетии к России в 1774 году, в 1743 году в Санкт-Петербурге при Синоде была образована Осетинская духовная комиссия, которая в 1744 году, согласно постановлению Сената, была направлена в Северную Осетию. Она состояла из 21 человека духовного звания. Возглавил комиссию архимандрит Пахомий¹. С 1745 года она начинает успешно действовать на землях, населенных осетинами.

Политика «мягкой силы» воплощенная в деятельности этой комиссии принесла свой результат. В 1749 году осетинское посольство выехало в Санкт-Петербург. В состав посольства вошли авторитетные представители всех земель, населенных осетинами. Целью посольства было обсуждение с российским правительством вопросов о вхождении осетин в состав Российской империи и распространении в Осетии православного христианства.

Члены осетинского посольства во главе с Зурабом Магкаевым в 1751 году обратились в Синод с просьбой открыть в Осетии школу. В связи с этим Синод поручил руководителю Осетинской духовной комиссии архимандриту Пахомию подробно выяснить обстоятельства и возможность открытия школы, наметить место для ее открытия, подобрать кадры учащихся и определиться с языком преподавания. Правительство России и это хорошо просматривается в тексте письма императрицы Екатерина II генерал-фельдмаршалу князю Г.А. Потемкину стремилось

---

¹ Материалы по истории осетинского народа. Орджоникидзе. Государственное издательство Северо-Осетинской АССР. 1942. Т. 5. С. 388.

к тому, чтобы «не чинить народам тамошним притеснений или принуждений»².

Архимандрит Пахомий предлагал открыть школу в Куртатинском ущелье в количестве 30 учащихся, преподавание вести вначале на грузинском языке, а затем, «когда будут переведены грузинские церковные книги, перейти на осетинский язык»³. Таким образом в русской школе для осетин первоначальным языком обучения предлагался грузинский язык. Это решение можно объяснить фактом того, что уже имелась учебная литература на грузинском языке, да и многие осетины владели грузинским языком, обучались в Грузии и со времен царицы Тамары и между Грузией и Аланией существовали прочные политические и культурные связи.

Обучение на грузинском языке с точки зрения педагогики было оправданным мероприятием, по мере создания учебной литературы на осетинском языке, все обучение переводилось на родной язык. Тем не менее некоторые исследователи, трудно сказать из каких соображений, считали этот план русификаторским, а задачу самой школы усматривали в том, чтобы «подготовить агентов России из местного населения»⁴.

Первоначальный проект открытия школы в Куртатинском ущелье претворить в жизнь не удалось в виду политических соображений – формально в те годы Осетия не входила в состав Российской империи, и школа была открыта в приграничной с Осетии русской крепости Моздок в 1764 году. Спустя два года был набран состав учащихся и учащихся. Моздокская школа была учебным заведением, работающим по принятым в те годы правилам обучения, без строго определенной учебной программой.

Учебные занятия, в большинстве своем проходили в форме нравственной проповеди. Учащие имели специальное

---

² Полное собрание законов Российской империи. СПб. 1830. Т. 22. № 16194. С. 388.

³ Материалы по истории осетинского народа. Орджоникидзе. Государственное издательство Северо-Осетинской АССР. 1942. Т. 5. С. 207.

⁴ Материалы по истории осетинского народа. Орджоникидзе. Государственное издательство Северо-Осетинской АССР. 1942. Т. 5. С. 6.

духовное образование. Школа функционировала по образцу существовавших в то время в России аналогичных школ, в которых «педагогическая подготовка учителей признавалась ненужной»⁵. Однако ряд историков, не разобравшись в специфике вопроса критиковали ее деятельность как в советской историографии, так уже и в не идеологизированных условиях⁶.

Помимо просветительских задач школа выполняла и задачи политического свойства – ориентации широких кругов осетинского народа на политическое, экономическое и культурное сближение с Россией. Эти цели школы отчетливо проявляются в письме Екатерины II астраханскому губернатору Якобию, которому в административном порядке подчинялась школа. Екатерина II писала о том, что «нет лучшего способа воспитания осетин приверженцами России, чем их просвещение»⁷.

Выпускники школы явились первым отрядом осетинской интеллигенции, многие из них продолжали свое образование в крупных учебных заведениях. Только в 1784 году после окончания Моздокской школы девять ее выпускников продолжали свое образование в Астраханской духовной семинарии⁸. Помимо этого, школа сыграла большую роль в создании осетинского алфавита, азбуки, книг на осетинском языке.

В период деятельности школы в Моздоке на основе церковнославянской графики предпринимались попытки издания осетинских книг. Первая азбука на осетинском языке была составлена Гайозом Токаевым и Павлом Генцауровым. Гайоз стал

---

⁵ Панарин Ф.Г. Педагогическое образование в России (историко-педагогические очерки). М. Педагогика. 1979. С. 14.

⁶ История Северо-Осетинской АССР. С древнейших времен и до наших дней. В 2-х томах. Изд. 2-е, перераб. и доп. Орджоникидзе. Ир, 1987. Т. 1; Кобахидзе Е.И., Ладонина Н.А. Развитие образовательного потенциала Осетии во второй половине XIX века. Монография. Владикавказ. СОИГСИ ВНЦ РАН. 2017. 321 с.

⁷ Материалы по истории осетинского народа. Орджоникидзе. Государственное издательство Северо-Осетинской АССР. 1942. Т. 5. С. 4.

⁸ История Северо-Осетинской АССР. С древнейших времен и до наших дней. В 2-х томах. Изд. 2-е, перераб. и доп. Орджоникидзе. Ир. 1987. Т. 1. С. 203.

в 1793 году после упразднения Осетинской духовной комиссии и образования Моздокской епархии ее первым архиепископом. Им же была переведена на осетинский язык и издана на основе церковнославянской графики в 1798 году в Московской синодальной типографии дошедшая до наших дней книга на осетинском языке – «Начальное учение человеком, хотящим учиться книг Божественного писания».

По поводу национальности Гайоза, у историков нет единства. Некоторые считают его грузином, некоторые осетином. Но и среди тех, кто считал его грузином, высказывалось интересное мнение. Так, видный представитель осетинской интеллигенции Г.М. Цаголов в статье «Осетинская письменность», писал в 1915 году на страницах газеты «Терские ведомости»: «работа по переводу книги была выполнена кем-либо из тех, первых интеллигентных осетин, которые к тому времени окончили уже курс в Астраханской духовной семинарии»⁹.

В любом случае издание этой книги явилось мощным стимулом для развития осетинской письменности и культуры и показателем просветительской роли России в регионе. Данные филологические понятия играют определенную политическую роль в истории нашего многонационального государства. Общеизвестно, все народы до появления у них письменности жили в течение веков и тысячелетий в мире устной культуры, передававшейся от поколения к поколению. Это были предания, песни, пословицы и поговорки, мифы и т.д. Появление книжной культуры, причем не только печатной, но и рукописной делает возможным появление в языке этноса принципиально нового момента – отделение письменного языка от разговорного.

Нам представляется, что в некоторых научных, в том числе и энциклопедических изданиях дается не совсем верное определение так называемых «бесписьменных или младописьменных народов и языков». Под ними понимаются именуются такие, «у которых нет развитых литературно-книжных традиций на

---

⁹ Цаголов Г.М. Осетинская письменность // Терские ведомости. 1915. 8 ноября; Цит. по: Антология педагогической мысли осетинского народа. Сост. Э.К. Каргиев, С.Р. Чеджемов. Владикавказ. 1993. 416 с.

родном языке. Младописьменные языки – языки, получившие письменность после 1917 года, либо в XIX – начале XX века. В СССР большинство письменных систем было разработано в начале 1930-х годов. Для языков, получивших письменность ещё позже – в 1970-1990-х годах – используется термин «новописьменные языки»¹⁰.

По нашему мнению, создание алфавита является признаком мало письменности, а даже издание одной книги знаменует собой качественно новый период культурного развития. Такой народ некорректно именовать мало письменным. Термин «новописьменные» языки целесообразно применять в отношении народов, у которых была письменность, затем прервалась по тем или иным причинам, чаще политического свойства, а уже затем письменность появляется, причем на основе графики, ранее не применяемой в создании их прежнего алфавита.

В истории осетинского народа отдельного разговора заслуживает тема двуязычия - билингвизма, т.е. языковая практика людей осуществлять коммуникацию при помощи двух языков. Однако билингвизм различен по содержанию с таким понятием, как диглоссия¹¹ представляющий собой один из вариантов билингвизма, при котором на определённой территории или в обществе сосуществуют два языка или две формы одного языка,

---

¹⁰ Бокарев Е.А., Дешериев Ю.Д. Младописьменные языки народов СССР. Л. Изд-во Академии наук СССР, 1959; Письменные языки мира. Языки Российской Федерации: Социолингвистическая энциклопедия. Книга 1. М. 2003; Языки народов России. Красная книга: Энциклопедический словарь-справочник. М. 2002; Казакевич О.А., Кибрик А.Е. Малые языки на постсоветском пространстве // Малые языки и традиции: существование на грани. М. 2005. Выпуск 1.

¹¹ Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л. 1974. С. 313-318; Жукова И. Н., Лебедько М. Г., Прошина Л. Г., Юзефович Н. Г. Словарь терминов межкультурной коммуникации. ФЛИНТА. Наука. 2013. С. 36-46.

применяемые их носителями в различных функциональных сферах¹². Фактически уже в XIX веке в Осетии осетино-русское двуязычие получает свое распространение, которое впоследствии становится определяющим в культурном развитии осетин¹³.

Внутри осетинского общества в это же время намечается тенденция диглоссии на примере иронского и дигорского диалектов и уже в эпоху советской власти, в период коренизации, т.е. перевода обучения на осетинский язык. В 20-30-е годы прошлого столетия было определено, что основой осетинского языка является иронский диалект с цокающим произношением. Однако в условиях советской власти, отмечал Х.С. Черджиев, коренизация обучения вызвала настойчивые возражения некоторой части учителей и многих родителей, которые считали, что «преподавание на осетинском языке лишает детей возможности овладения русским языком»¹⁴.

Выход в свет печатной книги и появление книжной культуры для судеб осетин имел большое значение. Оно олицетворяет соприкосновение двух художественных традиций: устной и письменной, фольклорной и книжно-литературной. У разных народов в разное время, в зависимости от их внутреннего развития, происходило слияние этих двух традиций. В авторских произведениях печатной литературы фольклор стал присутствовать качестве сюжетных линий. Таким образом он получал распространение. Его узнавали далеко за пределами жизни обитания народа, его создавшего и он становится доступным читающей аудитории всего мира.

В тоже время появление печатного слова ставило один из диалектов языка в привилегированное положение обрекая

---

¹² Белл Р.Т. Социоллингвистика. Цели, методы и проблемы. М. 1980; Ferguson Ch., Diglossia «Word». 1959. V. 15. № 4.

¹³ Галазов А.Х., Исаев М.И. Народы - братья, языки - братья. Орджоникидзе. Ир. 1987. 267с.

¹⁴ Черджиев Х. С. Очерки по истории народного образования в Северной Осетии. Орджоникидзе. Северо-Осетинское книжное издательство. 1958. С. 41.

остальные на постепенный уход из обихода общественно-политического, а затем и семейно-бытового. Советское государство, заботясь о развитии образования и культуры принимало определенные меры узаконивающее это положение и в качестве санкционных мер самими «мягкими» среди которых являлось выставление неудовлетворительных оценок-отметок по «родному» языку.

Положение стало меняться лишь после принятия Конституции РФ 1993 года и Конституции РСО-Алания 1994 года, узаконившие положение языков народов страны на территории Северной Осетии. Так, в статье 15 действующей конституции РСО-Алания говорится:

«1. Государственными языками Республики Северная Осетия-Алания являются осетинский и русский.

2. Осетинский язык (иронский и дигорский диалекты) является основой национального самосознания осетинского народа. Сохранение и развитие осетинского языка является одной из важнейших задач органов государственной власти Республики Северная Осетия-Алания.

3. В Республике Северная Осетия-Алания народам, проживающим на ее территории, гарантируется право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения»¹⁵.

Резюмируя вышеизложенное хочется сделать вывод о том, что сложившаяся практика культурной работы, в том числе и в сфере языкового строительства, служит гарантом сохранения национальной самобытности народов, входящих в состав РФ и способствует укреплению духовной целостности и развития страны.

---

¹⁵ Конституция РСО-Алания 1994 года (ст. 15) // <http://docs.cntd.ru/document/304200016>.

СЕКЦИЯ

**МЕЖДУНАРОДНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ
ПРАВО**

ЗАЩИТА ДЕТЕЙ ВО ВРЕМЯ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ (МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ)

Акулинина Инесса Александровна

студентка Российского университета дружбы народов

Во время вооруженных конфликтов погибают и получают ранения тысячи людей, в том числе и дети. Они страдают от голода, от нехватки медицинской помощи, от разлуки с семьей. Большинство детей получают психологические травмы, видя сцены насилия и смерти, что сказывается на их дальнейшей социализации.

Следует отметить факт, что дети по причине физического и психологического состояния, являются наиболее уязвимыми субъектами во время вооруженного конфликта. Дети не понимают, что такое смерть, а значит являются более внушаемыми и управляемыми лицами. Проблема обеспечения защиты подрастающего поколения является очень актуальной в условиях все возрастающего числа вооруженных конфликтов. Это подтверждается определяющей ролью воспитания детей в процессе формирования гарантий жизнеспособности общества и жизнедеятельности человека.

В соответствии со статьей 1 Конвенции о правах ребенка от 20 ноября 1989 года «ребенком является каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста, если по закону, применимому к данному ребенку, он не достигает совершеннолетия ранее»¹. Вместе с тем, ст. 4 раздела II Гражданского кодекса Японии закрепляет, что несовершеннолетним является лицо, не достигшее 20-летнего возраста².

Статистические данные свидетельствуют о высоком уровне вовлеченности детей в вооружённые конфликты, о высокой

---

¹ Конвенция о правах ребенка от ООН 20.11.1989 // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР от 7 ноября 1990 г. N 45 ст. 955.

² Халфина Р.О. Гражданское право Японии. – М.: Прогресс, 1983. С. 334.

смертности и ухудшении общих условий проживания для несовершеннолетних. По данным Детского Фонда ООН за последнее десятилетие, в ходе вооруженных конфликтов, погибло 2 миллиона детей, 6 миллионов остались без крова, 12 миллионов получили ранения или остались инвалидами, и менее 300 тысяч детей-солдат участвуют в более 30-ти конфликтах в различных уголках мира³. Данные факты наглядно свидетельствуют об уязвимости детей перед лицом вооруженного конфликта. Под уязвимостью подразумевается недостаточность специальной защиты для сохранения способности жить. Права детей в период вооруженного конфликта целесообразно рассматривать и с точки зрения института семьи, так как счастье и благополучие ребенка зависит от защищенности семьи в целом.

Становление института международной защиты детей во время вооруженного конфликта началось в рамках деятельности Лиги Наций из-за последствий Первой Мировой Войны. До этого вопрос защиты детей регулировался на уровне семьи, местном и национальном уровне. В довоенном периоде отсутствовали принципы защиты детей во время войны. Данный факт привел к сотрудничеству государств, что способствовало созданию системы защиты прав детей во время вооруженного конфликта. Данная система состоит из норм обычного гуманитарного права (ОМП), IV Женевской Конвенции о защите гражданского населения во время войны 1949 г., Дополнительного протокола I и II к Женевским конвенциям 1977 г., Конвенции о правах ребенка 1989 г., Конвенции о наихудших формах детского труда 1999 г., Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка, касающегося участия детей в вооруженных конфликтах 2000 г. Тем не менее, основываясь на фактах, можно утверждать, что проблема незащищенности детей является главенствующей, несмотря на наличие большого числа международных норм.

---

³ Children and armed conflict: Report of the Secretary-General. UN Document A/62/609-S/2007/757. New York, 21 December 2007, Paragraph 86. URL: <https://unispal.un.org/DPA/DPR/unispal.nsf/0/0819721E7BD2E5F4852573E5005058C9> (дата обращения 01.04.2019).

IV Женевская конвенция фиксирует положения по защите детей, которые непосредственно не участвуют в вооруженном конфликте. Согласно Конвенции дети, как часть гражданского населения, подпадают под действие всех положений, касающихся обращения с покровительствуемыми лицами, которые определяют основной принцип гуманного обращения с людьми, включающий уважение к жизни, физическую и психическую неприкосновенность, уважение человеческого достоинства, запрещение оскорбительного и унижающего обращения, запрещение осуждения и применения наказания без суда⁴. В отношении детей, как и всего гражданского населения, запрещаются пытки, телесные наказания, медицинские и научные опыты, коллективные наказания, репрессалии, меры запугивания или террора, взятие заложников, незаконное депортирование и т.д.⁵.

В вышеуказанном акте существуют нормы, направленные на защиту детей в постконфликтный период. Статья 14 предусматривает, что для детей могут создаваться специальные безопасные зоны, в который ребенок будет проходить реабилитацию. Статья 17 гласит, что дети подпадают в категорию гражданских лиц, которые должны быть эвакуированы из осажденных или находящихся в окружении зон. Согласно статье 23 Конвенции должен разрешаться свободный пропуск посылок, предназначенных для детей до 15 лет⁶.

Стороны конфликта должны обеспечить преимущества в отношении питания, медицинского ухода детям, которые нахо-

---

⁴ Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны от 12 августа 1949 года. Ст. 3 // Международная защита прав и свобод человека. Сборник документов. – М.: Юридическая литература, 1990. С. 512 – 569.

⁵ Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны от 12 августа 1949 года. Ст. 13, 27, 30 – 34, 147 // Международная защита прав и свобод человека. Сборник документов. – М.: Юридическая литература, 1990. С. 512 – 569.

⁶ Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны от 12 августа 1949 года. Ст. 23 // Международная защита прав и свобод человека. Сборник документов. – М.: Юридическая литература, 1990. С. 512 – 569.

дятся на оккупированной территории (ст. 50). В этой же статье предусматривается, что оккупирующая держава обязана содействовать работе учреждений, попечению которых вверены дети на оккупированной территории. Дети до 15 лет должны получать дополнительное питание в соответствии с их физиологическими потребностями (ст. 89). Статья 38 содержит положение, что дети до 15, принадлежащие к стороне противника, пользуются специальными преимуществами в той же степени, что и граждане данного государства.

Согласно Конвенции стороны должны «принимать необходимые меры, чтобы дети до 15 лет, осиротевшие или разлученные со своими семьями вследствие войны, не были предоставлены сами себе, и чтобы облегчить при всех обстоятельствах их содержание, выполнение обязанностей, связанных с их религией, и их воспитание». Оккупирующее государство должно установить личность ребенка, но не должно изменять его гражданское состояние, например, передавать в другую семью⁷.

Из вышесказанного следует, что IV Женевская конвенция фиксирует принципы защиты детей во время вооруженного конфликта.

В связи с научно-техническим прогрессом стали разрабатываться новые виды оружия. Положения IV Женевской конвенции уже были не достаточны. В данной конвенции были и уязвимые стороны: не прописаны вопросы ограничения средств и методов ведения войны. В 60 гг. международная неправительственная организация Международный Комитет Красного Креста пришла к выводу о недостаточности норм в Женевской конвенции, а также о необходимости пересмотра некоторых положений. В связи с этим, было принято решение принять к Женевским конвенциям 1949 г. Дополнительные протоколы, а не раз-

---

⁷ Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны от 12 августа 1949 года // Международная защита прав и свобод человека. Сборник документов. – М.: Юридическая литература, 1990. С. 512 – 569.

рабатывать новую конвенцию, чтобы избежать риска утраты уже предоставленной правовой защиты⁸.

В 1977 году на Дополнительной конференции было принято два Дополнительных протокола к Женевским конвенциям 1949 года. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (далее Протокол I) впервые закрепил четкий принцип защиты детей. «Дети пользуются особым уважением и им обеспечивается защита от любого рода непристойных посягательств. Стороны, находящиеся в конфликте, обеспечивают им защиту и помощь, которые им требуются ввиду их возраста или по любой другой причине» (ст. 77)⁹. Дополнительный протокол II к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера (далее Протокол II) зафиксировал что «детям обеспечиваются необходимые забота и помощь»¹⁰.

Так же Дополнительные протоколы предусматривают нормы о недопущении участия детей до 15 лет в военных действиях. Воюющие стороны должны отдавать предпочтения более взрослым людям для оказания сопротивления противнику. В случае, если ребенок был арестован, то сторона должна предоставить ему отдельное от взрослых помещение¹¹.

---

⁸ Инаева Д.Д. Дети в вооруженных конфликтах // Молодой ученый. – 2017. – № 4. – С. 594-596.

⁹ Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов от 8 июня 1977 года // URL: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/6lkb31.htm> (дата обращения 03.04.2019).

¹⁰ Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера от 12 августа 1949 года // URL: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/6lkb31.htm> (дата обращения 03.04.2019).

¹¹ Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов от 8 июня 1977 года // URL: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/6lkb31.htm> (дата обращения 03.04.2019).

Можно сделать вывод, что Женевская конвенция 1949 года и Дополнительные протоколы 1977 г. сформировали институт защиты детей во время вооруженного конфликта независимо от характера конфликта (международного или немеждународного).

Важным документом, направленным на обеспечение защиты детей, является Конвенция о правах ребенка 1989 года. В ст. 38 Конвенции предусматривается, что государства-участники обязуются уважать нормы международного гуманитарного права, относящиеся к детям, и обеспечивать их соблюдение. Так же государства должны принимать все возможные меры к тому, чтобы дети, не достигшие 15-летнего возраста, не принимали прямого участия в военных действиях. Государства также должны воздерживаться от принятия на службу в свои вооруженные силы лиц, не достигших 15 лет¹².

При разработке данной конвенции было спорно о включении положений 38 статьи. Многие стороны, в том числе Международный Комитет Красного Креста, были против закрепления данной нормы, аргументируя это тем, что защита детей во время вооружённого конфликта уже содержится в IV Женевской конвенции и в Дополнительных протоколах к ней. Контраргументом было то, что отсутствие данного положения привело бы к ущемлению прав ребенка, и Конвенция не смогла бы иметь всеохватывающий характер.

Споры были вызваны также проблемой определения возрастного ограничения для участия ребенка в вооруженном конфликте. Такие страны как Бельгия, Швеция, Нидерланды, а также некоторые международные организации и Детский фонд ООН предлагали поднять возраст ребенка для участия в боевых действиях до 18 лет. Данное мнение противоречит I Дополнительному протоколу к Женевским конвенциям, т.к. в соответствии с данным актом участниками боевых действий могут быть

---

¹² Конвенция о правах ребенка от ООН 20.11.1989 // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР от 7 ноября 1990 г. N 45 ст. 955.

лица достигшие 15-летнего возраста¹³. С вышесказанным мнением были не согласны развивающиеся страны, поскольку в их законодательстве предусматривалась возможность участия в военных действиях детей не достигший, иногда, и 15 лет¹⁴.

В результате стороны определились, что минимальный возраст для участия в военных действиях является 15 лет. После вступления Конвенции в силу в 1989 году, началась работа по принятию Дополнительного протокола, целью которого являлось увеличение призывного возраста детей для участия в военных действиях до 18 лет. Однако Дополнительный протокол не вступил в силу.

Можно утверждать, что полностью запретить участие детей в вооруженных конфликтах невозможно, поскольку внутреннее право определяет возраст призыва гражданина на службу. Но Конвенция о правах ребенка устанавливает минимальный возраст для военной службы – 15 лет. Факультативный протокол от 25 мая 2000 года к Конвенции о правах ребенка, касающийся участия детей в вооруженных конфликтах, повышает возраст до 18 лет, с оговоркой – государство может ссылаться на сложную военную обстановку для того, чтобы правомерно оправдать участие несовершеннолетних лиц в конфликте, в случае, если призыв имеет добровольный характер, он производится с согласия родителей или законных опекунов, несовершеннолетние были полностью уведомлены о вооруженном конфликте¹⁵.

Участие детей в вооруженном конфликте сопряжено со следующими проблемами: непосредственное участие детей

---

¹³ Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов от 8 июня 1977 года // URL: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/61kb31.htm> (дата обращения 08.04.2019).

¹⁴ Инаева Д.Д. Дети в вооруженных конфликтах // Молодой ученый. – 2017. – № 4. – С. 594-596.

¹⁵ Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся участия детей в вооруженных конфликтах от 25 мая 2000 года // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/rightschild_protocol1.shtml (дата обращения 08.04.2019).

в вооруженных конфликтах (их вербовка, использование в качестве солдат, использование в качестве живого щита); легкая доступность стрелкового оружия и использование его детьми в вооруженных конфликтах; сексуальная эксплуатация детей во время войны (изнасилование и другие серьезные сексуальные надругательства над детьми, в том числе и со стороны миротворческого контингента); реализация программ постконфликтной реабилитации и последующей реинтеграции детей¹⁶.

На сегодняшний день действуют международные организации, в сферу деятельности которых входит принятие мер, направленных на обеспечение прав детей во время вооруженного конфликта. Примерами таких организаций являются: Организация Объединённых Наций, в лице Детского фонда ООН, Международный Комитет Красного Креста, Международный союз спасения детей (*Save the Children*).

Детский фонд ООН или ЮНИСЕФ (англ. *UNICEF, United Nations International Children's Emergency Fund*) является международным органом помощи детям под эгидой ООН. Он был создан 11 декабря 1946 года по решению Генеральной Ассамблеи ООН. Целью данного органа было защита детей в постконфликтный период Второй мировой войны. ЮНИСЕФ оказывает значительную защиту детям, оказавшимся в сложной ситуации во время вооруженного конфликта¹⁷. Именно сейчас ЮНИСЕФ призывает Правительство Чада освободить из тюрьмы более 80 детей-солдат, которые участвовали в войне, совершили особо тяжкие преступления¹⁸. Можно понять, что дети

---

¹⁶ Рахимов С.Ф. Международно-правовая защита детей в период вооруженных конфликтов в деятельности международных организаций и в практике международных уголовных судебных органов. Диссертация к.ю.н. – Казань 2010. С. 56.

¹⁷ Сайт Детского фонда Организации Объединенных Наций URL: <https://www.unicef.org> (дата обращения 10.04.2019).

¹⁸ Эвелин Калдоа. ЮНИСЕФ борется за детей солдат. URL: <https://rus.postimees.ee/127114/yunisef-boretsya-za-detey-soldat> (дата обращения 10.04.2019).

стали преступниками из-за вербовки их взрослыми, а значит являются жертвами вооруженного конфликта.

Особое внимание ЮНИСЕФ уделяет ситуации в Афганистане. Совместно с Миссией ООН в Афганистане в 2004 году осуществили программу по демобилизации 5 тыс. афганских детей-солдат. Демобилизация была проведена в рамках кампании по реинтеграции в мирную жизнь молодых людей, пострадавших от войны. В декабре 2003 года ее осуществление уже началось в северо-восточных районах страны. Были сформированы местные комитеты по содействию демобилизации в провинциях Бадахшан, Баглан, Бамиан, Кундуз и Таклар¹⁹.

Так же Детский фонд ведет переговоры с сепаратистской организацией «Тигры освобождения Тамил Илама», которая вербует детей для участия в военных движениях. Набор детей в группировку продолжается, но, по последним данным, уменьшился в два раза²⁰.

Международный Комитет Красного Креста (далее МККК) является одной из организаций, которая лично ведет переговоры с воюющими сторонами конфликта, касающиеся предоставления помощи и защиты детям-участникам войны. Помощь заключается как в материальной, так и в психологической поддержке, что оказывает большое влияние на подрастающее поколение. В сферу деятельности данной организации входит: поиск пропавших детей во время вооруженных конфликтов, содействие в воссоединении пропавших родственников, снабжение водой, едой и другими необходимыми продуктами для обеспечения жизни детей²¹. Примером оказания гуманитарной помощи детям является создание в 2014 году учебного цен-

---

¹⁹ Сайт Организации Объединённых Наций. URL: <https://news.un.org/ru/story/2004/01/1048421> (дата обращения 11.04.2019).

²⁰ Доклад Генерального секретаря о детях и вооруженном конфликте в Шри-Ланке от 25 января 2009 года. // URL: https://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/2006/1006&Lang=R&Area=UNDOC (дата обращения 11.04.2019).

²¹ Сайт Международного Комитета Красного Креста URL: <https://www.icrc.org/ru/who-we-are> (дата обращения 11.04.2019).

тра для детей-солдат в Демократической Республике Конго. В данном центре происходит обучение детей, их социализация в обществе. В 2007 году МККК участвовал в поиске детей, пропавших во время военных действий в Перу²².

Анализируя вышесказанное, можно прийти к выводу, что проблема участия детей в вооруженном конфликте является актуальной. На современном этапе развития международного гуманитарного права существуют нормы, закрепляющие правовой статус детей-участников войны, что оказывает значительное положительное влияние на положение детей. Однако окончательно запретить участие детей в вооруженных конфликтах не представляется возможным. Требуется конкретизировать нормы об участии в военных действиях: установить полный и обязательный запрет на участие детей до 18 лет, чтобы они не становились «средством» ведения войны.

---

²² Сайт Международного Комитета Красного Креста. «Дети во время войны». URL: <https://www.icrc.org/ru/document/deti-vo-vremya-voyn> (дата обращения 12.04.2019).

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ «ИНТЕРНАЦИОналиЗИРОВАННЫХ» ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

Алтухов Алексей Владимирович

*аспирант кафедры международного права
Российского университета дружбы народов*

Вооруженные конфликты постоянно эволюционируют, приобретая черты, не совсем свойственные вооруженным конфликтам в классическом понимании Женевских конвенций 1949 года и Дополнительных протоколов к ним 1977 года.

Все чаще встречаются конфликты, сочетающие в себе элементы, как внутренних, так и международных конфликтов – интернационализованные вооруженные конфликты. «Такие конфликты, будучи по характеру внутригосударственными, в результате вмешательства третьей иностранной стороны приобретают черты, характерные для международных вооруженных конфликтов»¹.

Данная тенденция не получила отражения в международно-правовом регулировании. Существующие источники международного гуманитарного права не содержат каких-либо положений относительно интернационализованных вооруженных конфликтов. Поэтому возникает закономерный вопрос о применимом праве в интернационализованных вооруженных конфликтах. В доктрине международного права единого решения на этот счет нет.

Заслуживают внимания два основных подхода для определения применимого права в интернационализованных вооруженных конфликтах – фрагментированный (или смешанный) и глобальный.

---

¹ Николаев А.М., Алтухов А.В. Применение международного гуманитарного права в интернационализованных вооруженных конфликтах // Евразийский юридический журнал. 2018. № 10 (125). С. 31.

Согласно первому подходу при интернационализированном вооруженном конфликте необходимо проводить различие между его международными и немеждународными элементами. То есть определение применимого международного гуманитарного права – право международных вооруженных конфликтов, право немеждународных вооруженных конфликтов или оба – происходит путем рассмотрения каждого двусторонних отношений между сторонами (государственными и негосударственными) вооруженного конфликта отдельно в свете имеющихся фактов.

Данный подход получил поддержку ученых² и был подтвержден Международным Судом, Международным трибуналом по бывшей Югославии и Международным уголовным судом.

В деле «О военной и военизированной деятельности в Никарагуа и против Никарагуа» (Никарагуа против США) Международный Суд счел, что конфликт между США и Никарагуа является международным, соответственно, в этом случае применяется право международных вооруженных конфликтов, а конфликт между силами «контрас» и силами правительства Никарагуа носит внутренний характер, и в отношениях между ними применяется право немеждународных вооруженных конфликтов (п. 219)³.

Международный трибунал по бывшей Югославии по делу Душко Тадича определил, что конфликт в бывшей Югославии имел как внутренние, так и международные элементы (п. 77) и сама ситуация «в разное время и в разных местах характеризуется как внутренние или международные вооружен-

---

² См., например: Gasser H.-P. Internationalized Non-International Armed Conflicts: Case Studies of Afghanistan, Kampuchea and Lebanon // American University Review. 1983. Vol. 33/1. P. 145-161; Schindler D. International humanitarian law and internationalized internal armed conflicts // International Review of the Red Cross. ICRC, 1982. № 230. P. 255-264.

³ Military and paramilitary activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America). Judgment. June 27, 1986. ICJ. URL: <https://www.icj-cij.org/files/case-related/70/070-19860627-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 26.04.2019).

ные конфликты, или как смешанный внутренне-международный конфликт»⁴ (п. 73).

Аналогичным образом в решении по делу Кордича и Черкеза Международный трибунал по бывшей Югославии пришел к выводу, что «определение того, является ли конфликт международным или внутренним, должно рассматриваться в каждом отдельном случае, то есть каждый случай должен рассматриваться по существу. Соответственно, в случае признания внутреннего конфликта международным в отдельном районе Боснии и Герцеговины недопустимо делать вывод о международном характере внутреннего конфликта в другом ее районе» (п. 320)⁵.

По делу «Прокурор против Томаса Лубанги Дыло» Палата Предварительного Производства Международного уголовного суда дала уточнения, что внутренний вооруженный конфликт, который действует на территории государства, может стать международным или, в зависимости от обстоятельств, быть международным по характеру в дополнение к внутреннему вооруженному конфликту в случаях, если:

- другое государство вмешивается в конфликт с помощью своих войск (прямое вмешательство);
- некоторые из участников внутреннего вооруженного конфликта действуют от имени этого вмешивающегося государства (косвенное вмешательство) (п. 209)⁶.

---

⁴ Prosecutor v. Dusko Tadic aka “Dule”. Case № IT-94-1-AR72. Decision on the Defence Motion for Interlocutory Appeal on Jurisdiction. October 2, 1995. ICTY Appeals Chamber. URL: <http://www.icty.org/x/cases/tadic/acdec/en/51002.htm> (дата обращения: 26.04.2019).

⁵ Prosecutor v. Dario Kordic, Mario Cerkez. Case № IT-95-14/2-A. Judgement. December 17, 2004. ICTY Appeals Chamber. URL: http://www.icty.org/x/cases/kordic_cerkez/acjug/en/cer-aj041217e.pdf (дата обращения: 26.04.2019).

⁶ The Prosecutor v. Thomas Lubanga Dyilo. Case № ICC-01/04-01/06. Decision on the confirmation of charges. January 29, 2007. ICC Pre-Trial Chamber I. URL: https://www.icc-cpi.int/CourtRecords/CR2007_02360.PDF (дата обращения: 26.04.2019).

Что касается второго подхода, вторая группа ученых высказывается в пользу общей интернационализации вооруженного конфликта при наличии иностранного вмешательства и, как следствие, о применении к нему полного комплекса норм международного гуманитарного права.

Во второй половине XX века неоднократно с таким предложением выступал Международный Комитет Красного Креста (далее – МККК). В 1971 году МККК представил на Конференции правительственных экспертов по вопросу о подтверждении и развитии международного гуманитарного права, применяемого в период вооруженных конфликтов, проект положения, согласно которому «в случае если в период немеждународного вооруженного конфликта одна или другая сторона, или обе стороны извлекают выгоду из участия в конфликте вооруженных сил, предоставляемых третьей стороной, участвующие в конфликте стороны должны в полном объеме соблюдать международное гуманитарное право, применимое в период международных вооруженных конфликтов»⁷.

Данная инициатива не была поддержана. Утверждалось, что это предложение поспособствует увеличению масштаба таких конфликтов, так как оно поддержит мятежные стороны в активном стремлении к вмешательству третьих государств с целью извлечения выгоды от применения права международных вооруженных конфликтов⁸.

В 1972 году МККК предложил по тому же вопросу применять в полном объеме международное гуманитарное право к вооруженным конфликтам немеждународного характера, когда в поддержку обеих сторон вмешиваются третьи государства⁹.

---

⁷ Report on the Work of the Conference of Government Experts on the Reaffirmation and Development of International Humanitarian Law Applicable in Armed Conflicts. Geneva: ICRC, 1971. P. 50.

⁸ Report on the Work of the Conference of Government Experts on the Reaffirmation and Development of International Humanitarian Law Applicable in Armed Conflicts. Geneva: ICRC, 1971. P. 51-52.

⁹ Report on the Work of the Conference of Government Experts on the Reaffirmation and Development of International Humanitarian Law Applicable in Armed Conflicts. Geneva: ICRC, 1972, Vol. I. P 97-98.

В 1978 году делегация норвежских экспертов на Конференции правительственных экспертов по вопросу о подтверждении и развитии международного гуманитарного права, применяемого в период вооруженных конфликтов, предложила вообще отказаться от разделения вооруженных конфликтов на категории и применять единое право для всех видов вооруженных конфликтов. Но и эти инициативы не нашли поддержки.

Таким образом, на данный момент единого подхода для определения применимого права в интернационализованных вооруженных конфликтах не выработано. Однако необходимо отметить, что как превалирующая доктрина, так и международная юриспруденция последовательно склоняются к применению фрагментированного подхода. При этом важно, что данный подход отражен в практике международных судебных органов.

ПРЕВЕНТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ СНИЖЕНИЯ ПОТЕРЬ УЧАСТНИКОВ И НЕ УЧАСТНИКОВ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

Вахтеров Андрей Васильевич

*заместитель Председателя информационной комиссии
Московского комитета ветеранов войны
waw126410@mail.ru*

Воденисова Ксения Александровна

*практикующий юрист
KseniaVodenisova@yandex.ru*

В Российской Федерации сложились действенные правовые механизмы защиты участников боевых действий и мирного населения в районах военных конфликтов (далее правовые механизмы снижения потерь). Эффективность подобных механизмов продемонстрирована российскими военнослужащими в Сирии. Прологом такой эффективности стал опыт по защите участников военных конфликтов, накопленный Россией в ходе военных конфликтов на протяжении всей истории развития государства.

Современную российскую правовую систему «правил ведения войн», сложившуюся в период Великой Отечественной войны можно представить тремя блоками¹:

---

¹ Более подробно см. Воденисова К.А. Меры правовой защиты участников военных конфликтов (на примерах Великой Отечественной войны): статья // Актуальные проблемы современного международного права: Материалы XVI международного конгресса «Блищенковские чтения» (Москва, 14 апреля 2018 г.). В 3 ч. – М.: ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», 2018. Ч. III. С. 409-419.

Правовые механизмы снижения потерь непосредственных участников боевых действий и мирного населения в современной российской юриспруденции условно их можно разделить на две большие группы.

1. Правовые механизмы обеспечения максимальной защиты и снижения риска потерь мирного населения от воздействия воюющих сторон, сюда входят:

- создание нормативной правовой базы по защите жизни, здоровья и защите личного имущества мирных граждан;
- меры по снижению потерь среди мирного населения от прямого воздействия боевых действий;
- превентивные мероприятия (эвакуация из районов боевых действий, предоставление гуманитарных коридоров и т.д.);
- компенсация возмещения нанесённого вреда мирному населению²;
- оказание помощи населению по восстановлению хозяйства после боевых действий.

2. Правовые механизмы регламентации деятельности Вооружённых Сил, других воинских и специальных военизированных

---

² Более подробно см.: Вахтеров А.В. Проблемы правового обеспечения гуманитарных операций в районах военных конфликтов (из опыта проведения контртеррористических операций в Северокавказском регионе) // Актуальные проблемы современного международного права: Материалы XVI международного конгресса «Блищенковские чтения» (Москва, 14 апреля 2018 г.). В 3 ч. – М.: ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», 2018. Ч. III. С. 402-408.

ванных формирований (далее военизированные формирования) в районах боевых действий, к которым относятся:

- нормативная правовая база, регламентирующая поведение военнослужащих и сотрудников военизированных формирований (далее военнослужащие) в районах боевых действий;
- организация процесса воспитания военнослужащих, направленная на формирование у них устойчивых навыков соблюдения, установленных правил;
- система уголовного преследования военнослужащих за совершение преступлений против мирного населения, основанная на нормах международного гуманитарного и отечественного права;
- практика предварительного дознания и расследования преступлений и правонарушений, допущенных военнослужащими (институт военных дознавателей);
- меры защиты прав военнослужащих-участников боевых действий и членов их семей³.

При рассмотрении обеих групп правовых механизмов следует выделять общую и особенную части.

Общая часть формируется за счёт нормативной правовой базы, которая в настоящее время состоит из постоянной части (в виде норм международного гуманитарного права и отечественного законодательства) и временных норм правового характера, создаваемые в зависимости от места, обстоятельств и характера военных действий.

Нормы особенной части разделяются на две подгруппы:

1. военная правовая система – специальные правовые нормы, применяемые в отношении военнослужащих («военное законодательство») и правила военнослужащих при ведении боевых действий;
2. временные правовые меры, применяемые для защиты мирного населения в районе боевых действий.

---

³ См.: Вахтеров А.В. Проблемы правового обеспечения гуманитарных операций ... // Актуальные проблемы современного международного права: Материалы XVI международного конгресса «Блищенковские чтения» (Москва, 14 апреля 2018 г.). В 3 ч. – М.: ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», 2018. Ч. III. С. 402-408.

Создание нормативной правовой базы

Создание нормативной правовой базы «правил ведения войны» в зоне ведения боевых действий обусловлено рядом особенностей.

В новейшей истории, со второй половины XIX века и до 2-й Мировой войны, в основном т.н. «правил ведения войн» – положения и нормы, зафиксированные в международных договорах, декларациях и конвенциях⁴.

При этом каждый конфликт имеет свои особенности, что определяет необходимость принятия воюющими сторонами временных правовых норм и нормативных правил, определяющих правила поведения представителей воюющих сторон и местного населения.

Изучение фондов Центрального архива Министерства Обороны Российской Федерации (далее ЦАМО) позволило составить следующую конструкцию механизма правового регулирования в районе боевых действий в период Великий Отечественной войны.

Из приведённой схемы видно, что основу правовой конструкции составляют Постановления Государственного Комитета Обороны⁵, НКО СССР⁶, издававшиеся с учётом норм между-

⁴. Напр. См.: Парижскую декларацию 1856 г.; Женевскую конвенцию 1864 г.; Санкт-Петербургскую конвенцию 1868 г. и др.

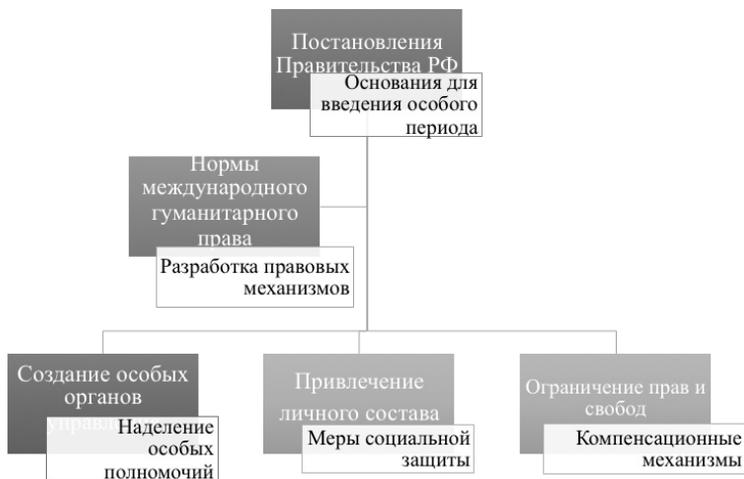
⁵ Государственный комитет обороны (сокр. ГОКО или ГКО) – созданный на время Великой Отечественной войны чрезвычайный орган управления, обладавший всей полнотой военной, политической и хозяйственной власти в СССР.

народного права, регулирующих правила ведения войн в тот период. Интересен в данной конструкции ГКО – временный орган с чрезвычайными полномочиями, решения которого были обязательными для всех граждан, организаций и органов власти.

Непосредственное исполнение решений названных выше органов возлагалось на нижестоящие воинские формирования, соединения, части и учреждения.

В частности, фронты (отдельные армии) определяли общие условия на соответствующем театре военных действий (далее ТВД) исходя из местных условий, а входящие в состав фронтов (армий) соединения и части действовали уже непосредственно из полученных директивных указаний⁷.

Подобная конструкция действует в настоящее время в отечественной юридической практике, с значимым дополнением – социальный фактор.

⁶ Народный комиссариат обороны – Военное министерство в СССР в период Великой Отечественной войны.

⁷ Более подробно см. примеры, приведённые в статье Воденисова К.А. Меры правовой защиты участников военных конфликтов ... М.: ФГА-ОУ ВО «Российский университет дружбы народов», 2018. Ч. III. С. 409-419.

Отличием современной конструкции является наличие соответствующего блока в российском законодательстве, действующего на постоянной основе. Например, законодательные положения о введении военного положения, которые основаны на ч.ч. 2 и ст. 87 Конституции Российской Федерации и разработанным на их основе Федеральном конституционном законе от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении»⁸.

Создания и совершенствования правовых механизмов снижения потерь в российском праве изначально были мерой вынужденной. И хотя предтеча таких механизмов в российском военном законодательстве прослеживается с довольно-таки ранних времён⁹, практическая основа заложена в течении Великой Отечественной войны. Поводом послужили огромные потери, понесённые страной, особенно среди мирного населения.

При общих правилах определённые различия были очень существенными.

Примером могут служить Постановления ГКО (далее Постановления), изданные в связи с выходом Красной Армии на государственную границу СССР и переноса боевых действий на территории других государств¹⁰.

В Постановлениях общими были положения определяющие:

- зоны ответственности войсковых формирований (фронтов) на территории иностранных государств;
- назначение ответственных за исполнение Постановлений.

---

⁸ Федеральный конституционный закон от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении» // «Российская газета» от 2 февраля 2002 г. № 21 // «Парламентская газета» от 2 февраля 2002 г. № 24 // Собрание законодательства Российской Федерации от 4 февраля 2002 г. № 5 ст. 375. Сайт Справочно-информационной системы «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/184121/> (дата обращения 12.04.2019 г.).

⁹ См. напр. Ст. 21-25 гл. VII Соборного уложения от 29 января 1649 г. Сайт Справочно-информационной системы «Гарант» URL: <https://base.garant.ru/57791500/e88847e78ccd9fdb54482c7fa15982bf/>.

¹⁰ См.: Воденисова К.А. Меры правовой защиты участников военных конфликтов ... В 3 ч. – М.: ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», 2018. Ч. III. С. 409-419.

Особенная часть в каждом Постановлении определялась в зависимости от политической обстановки, местных условий и наработанной практики.

Например, Постановление № 6282-1944 г. регламентировало общие принципы общения и взаимодействия с Польским Комитетом Национального Освобождения, представлявшим местные органы власти на освобождённых территориях, непосредственно самим органам местной власти предоставлялась полная самостоятельность¹¹.

Нахождение советских войск на территории Румынии, в недавнем прошлом – союзника фашистской Германии, регламентировалось Постановлением ГКО от 10.4.1944 г. № 5594с «О задачах Красной Армии в связи с вступлением на территорию Румынии», в котором порядок общения с местными органами власти и задачи военной администрации расписывались подробно¹².

Военное законодательство

Институт военного законодательства, кроме норм права включает в себя ряд правовых и иных механизмов, направленных на соблюдение, установленных правил.

Правовая регламентация поведения военнослужащих на войне имеет глубокие корни. В основу современных правовых систем легли преобразования, проведённые шведским королём Густавом-Адольфом во время Тридцатилетней войны, главными принципами которых стали:

- установление соответствующего законодательства;
- неукоснительное исполнение законов;

---

¹¹ Постановление ГКО от 31.7.1944 г. № 6282сс (далее Постановление № 6282-1944 г.) «О задачах советских войск в связи с вступлением на территорию Польши» // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. V. Кн. 2. Границы СССР восстановлены (1 июля – 31 декабря 1944 г.). – М.: Кучково поле, 2007. – С. 102-104.

¹² Постановление ГКО от 10.4.1944 г. № 5594с «О задачах Красной Армии в связи с вступлением на территорию Румынии» // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. V. Кн. 1. Вперёд на запад (1 января – 30 июня 1944 г.). – М.: Кучково поле, 2007. – С. 307-310.

- хорошее материальное обеспечение¹³.

Особенностью российской военной правовой системы является организация процесса воспитания военнослужащих, направленная на формирование у них устойчивых навыков соблюдения, установленных правил¹⁴. Значение воспитания военнослужащих возрастает в периоды ведения боевых действий. Воспитательная работа соответствующим образом регламентируется и организуется в процессе боевой учёбы¹⁵.

Для эффективности работы всей системы уголовного преследования военнослужащих за совершение преступлений против мирного населения в воинских частях введён институт военных дознавателей, предназначенный для проведения предварительного дознания и первоначального расследования преступлений и правонарушений, допущенных военнослужащими. Институт военных дознавателей действенный правовой инструмент командиров воинских частей по принятию незамедлительных мер по предотвращению и профилактике правонарушений среди военнослужащих.

Меры по защите прав военнослужащих-участников боевых действий и членов их семей¹⁶ носили в период Великой Отечественной войны, временный и в основном вынужденный характер.

---

¹³ Бобровский П.О. К характеристике военного искусства и дисциплины в войсках XVII и начала XVIII столетия. СПб. 1891. С. 7-8.

¹⁴ Вахтеров А.В. Воспитание духовно-нравственных начал в правосознании как основа эффективности государственного управления: статья / Психопедагогика в правоохранительных органах. Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации (Омск) – 2008. № 1. – С. 22-24.

¹⁵ Директива начальник Политуправления Северо-Западного Фронта от 28.4.1943 г. исх. № 0141 // ЦАМО: Фонд (далее Ф.) 19 оасб, опись (далее оп.) 14292, дело (далее д.) 5, лист (далее л.) 101; более подробно см.: Воденисова К.А. Меры правовой защиты участников военных конфликтов ... М.: ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», 2018. Ч. III. С. 409-419.

¹⁶ См.: Вахтеров А.В. Проблемы правового обеспечения гуманитарных операций ... // Актуальные проблемы современного международного права: Материалы XVI международного конгресса «Блищенковские чтения» (Москва, 14 апреля 2018 г.). В 3 ч. – М.: ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», 2018. Ч. III. С. 402-408.

В современном российском военном законодательстве сформировался целый блок, который условно можно разделить на:

- законодательство о льготах и компенсациях участников боевых действий, основу которого составляет Федеральный закон от 12 января 1995 г. № 5-ФЗ «О ветеранах»¹⁷;
- порядок присвоения статуса участника боевых действий и назначения соответствующих выплат и льгот, в соответствии с Постановлениями Правительства Российской Федерации от 9 февраля 2004 г. № 65 «О дополнительных гарантиях и компенсациях военнослужащим и сотрудникам федеральных органов исполнительной власти, принимавших участие в анти-террористических операциях и обеспечивающих правопорядок и общественную безопасность на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации» и от 8 декабря 2005 г. № 747 «О внесении изменений в Постановление Правительства Российской Федерации от 9 февраля 2004 г. № 65»¹⁸.

Меры, применяемые для защиты мирного населения в районе боевых действий

Говоря о защите мирного населения, следует понимать, что в районах боевых действий вводится ряд временных ограничений, обязательных для исполнения всеми, в том числе гражданскими лицами из числа местного населения.

В этом плане интересен приказ по 46 механизированной бригаде от 12 ноября 1942 г. об эвакуации в 24 часа населения из 25-30 км прифронтовой полосы.

В числе прочего предусмотрены следующие меры:

---

¹⁷ Федеральный закон от 12 января 1995 г. № 5-ФЗ «О ветеранах» // «Российская газета» от 19 января 1995 г. № 19 // Собрание законодательства Российской Федерации от 16 января 1995 г. № 3 ст. 168. Сайт Справочно-информационной системы «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/10103548/#friends> (дата обращения 12.04.2019 г.).

¹⁸ Из справки Временной оперативной группировки органов и подразделений МВД России в составе объединённой группировки войск (сил) на территории северокавказского региона Российской Федерации (далее ВОГОиП ОГВС) от 24.01.2008 г. № 172817.

«При выселении граждан принять все меры, вплоть до применения силы к лицам упорно сопротивляющимся, – явно саботирующих – арестовывать и направлять органам НКВД...

Население ... эвакуировать с попутно идущими машинами и повозками, независимо какой части они принадлежат...

На машину брать 3-4 семьи, разрешая груз не более 3-4 пуда на человека...

У всех эвакуированных должны быть справки ... о сданном продовольствии.

Освобождение домов после эвакуации и не занимаемые воинскими частями в присутствии представителей местной власти закрыть и забить гвоздями. Освобождённые дома частями по убытию так же закрывать.

Под личную ответственность командиров частей ... обеспечить охрану населённых пунктов от расхищений ...

... через представителя заготконторы принять все продукты, оставленные населением и выдать им чековые требования...»¹⁹.

В приведённом отрывке важно обратить внимание на две момента.

Порядок применения силы при оказании сопротивления военнослужащим со стороны мирного населения. У военнослужащих есть право ареста и передачи сопротивляющихся специальным органам, которыми в приведённом примере являются органы НКВД (или органы внутренних дел)²⁰. Применение оружия возможно лишь в случае вооружённого сопротивления.

Т.е. – налицо регламентированное разделение права на применение силы в отношении мирного населения.

Одним, в силу их обязанностей, предоставлено право применить силу в отношении мирных граждан, в т.ч. и для предотвращения беспорядков, другим – проводить предварительное

---

¹⁹ Приказ по 46-й механизированной бригаде от 12 ноября 1942 г. № 044 // ЦАМО, ф. 46 мех бр., оп. 2 д. 5, л. 64 с об.

²⁰ НКВД или Народный комиссариат внутренних дел – центральный орган государственного управления СССР по борьбе с преступностью и поддержанию общественного порядка в 1934-1946 годах.

расследование и проверку в отношении задержанных, третьим (в данном случае – военной прокуратуре) – привлекать к ответственности и/или передавать в органы юстиции (суды военного трибунала) для определения меры вины и наказания.

Своеобразная система сдержек-противовесов, четко определяющая и дозирующая право применения силы. У военнослужащего есть право применять силу только в рамках его компетенции, в отношении задержанных гражданских лиц, даже подозреваемых в причастности к незаконным военными формированиями (далее НВФ), есть обязанность передать в органы дознания и предварительного расследования, которые в свою очередь задержанного и все материалы предварительного расследования обязаны передать в органы военной юстиции для принятия судебного решения.

Попытка военнослужащего заниматься расследованием или дознанием без должных на то полномочий – дело наказуемое, в т.ч. и в уголовном порядке (резонансное дело Буданова-Кунгаевой²¹).

Изъятие продуктов осуществляется: у населения – по распискам, у организаций – по чековым требованиям. Оба документа представляли право на получение компенсаций на новом месте (или по возвращению на старое место) месте жительства в денежной или натуральной форме (теми же продуктами питания или стройматериалами для восстановления разрушенного жилья).

В современных условиях локальных военных конфликтов борьба с НВФ проводится без выселения (эвакуации) основной массы местного населения. По мере возможности боевое противостояние с боевиками НВФ выводится за границы населённых пунктов.

---

²¹ **Дело Буданова** – судебный процесс над командиром 160-го гвардейского танкового полка, полковником Ю. Будановым, который обвинялся в похищении, изнасиловании и убийстве в 2000 г. 18-летней чеченской девушки Эльзы Кунгаевой. Процесс начался в феврале 2001 г. в Северо-Кавказском окружном военном суде. В 2003 г. Буданов был признан виновным и приговорён к десяти годам лишения свободы. URL: <https://ru.wikipedia.org> (дата обращения 12.04.2019 г.).

Для достижения этой цели применяется:

- организация гуманитарных коридоров при осаде населённых пунктов, занимаемыми незаконными вооружёнными формированиями;
- оказание гуманитарной помощи населению в районах проведения КТО.

При организации гуманитарных коридоров местному населению предоставляется возможность покинуть место возможных боевых действий, чем существенно снижаются риски гибели гражданских лиц.

Второе направление – гуманитарная помощь населению оказавшегося в районе масштабных КТО. Сюда входит:

- доставка продовольствия, медикаментов, средств первой необходимости;
- организация сети мобильных госпиталей для оказания первой медицинской помощи пострадавшим;
- разминирование освобождённых районов и восстановление разрушенных коммуникаций.

Выполнение перечисленных мероприятий возлагается на специальные войсковые части и специализированные подразделения силовых ведомств.

Следует отметить, что в России после Гражданской войны сформировалась практика использования воинских формирований для оказания помощи мирному населению в восстановлении разрушенного войной хозяйства. Отголоском тех лет являются функции инженерных войск МО России в мирное время по выполнению ряда общественно-значимых задач:

- очищают местность от взрывоопасных предметов;
- участвуют в ликвидации последствий техногенных аварий и катастроф, стихийных бедствий;
- предупреждают разрушение мостов и гидротехнических сооружений во время ледоходов²².

---

²² Сайт МО России. URL: <https://structure.mil.ru/structure/forces/ground/structure/engineers.htm> (дата обращения 12.04.2019 г.).

Важным направлением защиты мирных граждан является грамотная социально-правовая политика государства в отношении местного населения.

С одной стороны, реализация социальной политики государства в отношении населения, проживающего в районах ведения боевых действий (выплата пенсий, социальных пособий, инвестиции в инфраструктуру и т.д.), защищает интересы мирных граждан, с другой, лишает НВФ социальной базы.

Введение особого режима на территориях боевых действий, создаёт неудобства местному населению (комендантский час, рейды по проверке домовладений на предмет выявления боевиков НВФ, блокирование дорог блокпостами и т.д.) и требует жесткого контроля со стороны органов государственной власти за исполнением местными органами социального законодательства.

В тоже время местного населения часто возникают претензии по возмещению вреда, нанесённого участниками боевых действий, имуществу.

В районах проведения контртеррористических операций (далее КТО), проводимых на территории Северокавказского региона (далее СКР), сложилась практика разрешения имущественных споров в судах.

Для законного разрешения сложившихся тяжёлых проблем в составе временных администраций на территории проведения КТО формировались временные правовые подразделения из опытных специалистов, как это было сделано летом 2007 г. в Республике Ингушетия.

Для приведения в законодательные рамки положения, сложившегося в северокавказских республиках в лету 2007 года в состав Временной оперативной группировки органов и подразделений МВД России в составе объединённой группировки войск (сил) на территории северокавказского региона Россий-

ской Федерации введены Группы правового обеспечения, сформированные по мере выполнения поставленных задач²³.

Выводы

1. Создание и дальнейшее развитие правовых механизмов защиты участников военных конфликтов, построенное на соблюдении норм международного гуманитарного права, гуманитарных мероприятий – действенный механизм предотвращения массовой гибели мирного населения в районах боевых действий.

2. Специализированное силовое обеспечение проведения гуманитарных операций способствует стабилизации обстановки, максимально снижая риск потерь среди мирного населения.

3. Снижение социальной напряжённости и предотвращение разрастания конфликта напрямую зависит от выполнения государством социальных обязательств перед населением, оказавшимся в районе боевых действий

4. Разрешение спорных вопросов в судах и создание в районах боевых действий временных специализированных правовых подразделений способствуют ликвидации причин возникновения конфликта.

5. Чёткая правовая регламентация применения силы в районах боевых действий военизированными структурами снижает риск неправомерного применения силовых мер по отношению к мирному населению.

---

²³ См.: Вахтеров А.В. Проблемы правового обеспечения гуманитарных операций ... М.: ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», 2018. Ч. III. С. 402-408.

КВАЛИФИКАЦИЯ ДЕЙСТВИЙ ИЗРАИЛЯ В СИРИЙСКОЙ АРАБСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА

Горбенко Ольга Витальевна

*выпускник кафедры международного права
Российского университета дружбы народов
O.G.N.Y@yandex.ru*

В настоящее время Израиль является одним из немногих государств, на территории которого постоянно совершаются террористические акты. Длительные ирано-израильский и арабо-израильский конфликты, которые на данный момент не имеют своего логического завершения, в свое время дали толчок указанным выше нападениям.

Корни арабо-израильского конфликта уходят далеко в те времена, когда Израиля, как государства, не существовало. Разногласия начались с момента определения положения евреев в Палестине и Османской империи в соответствии с исламским религиозным правом, в котором указывалось, что права и статус религиозных меньшинств гораздо меньше мусульманских прав. Дискриминация со стороны мусульманского населения и со стороны властей, представителями которой являлась преимущественно арабская знать, оставила нестираемый след в отношениях двух народов.

Что касается отношений между Израилем и Исламской Республикой Иран, то на данный период времени их можно описать одним словом – «вражда». Сравнительно недавно эти два государства связывала крепкая дружба, которой пришел конец в момент свержения монархии в Иране в 1979 году. Также на отношения повлияла борьба Израиля против террористической шиитской организации Хезболла¹, которая получает поддержку и

---

¹ Хезболла – военизированная ливанская шиитская организация и политическая партия, выступающая за создание в Ливане исламского государства по образцу Ирана.

финансовую помощь от Сирии и Ирана. Более того, радикальное движение, созданное Хезболлой, поддерживает и продвигает лозунг уничтожения государства Израиль как такового.

Военная доктрина Израиля определяет терроризм, как основной фактор, который оказывает негативное воздействие на международное и внутривосточное положение государства. Доктрина основана на атакующей стратегии или «стратегии устрашения и наказания агрессора» и поэтому подразумевает возможность нанесения упреждающих ударов по важным стратегическим объектам противника или ведения превентивной войны в случаях, когда возникновение вооруженной конфронтации неизбежно. Ярким примером упреждающих ударов является уничтожение авиации Египта, Сирии и Иордании на аэродромах израильскими военно-воздушными силами во время «шестидневной войны» в 1967 году².

Возвращаясь к вооруженному конфликту в Сирийской Арабской Республике (далее САР), можно сказать, что после того, как правительственные войска начали одерживать военные успехи, ситуация приняла другие обороты и вышла на новый этап. Достаточно долгое время Израиль следил со стороны за развитием конфликта в Сирии. В момент, когда САР стала более зависима от Ирана и начала укреплять свои позиции, правительство Израиля приняло решение действовать незамедлительно.

За последние два года Сирия неоднократно отражала атаки Израиля, который, в свою очередь, редко брал на себя ответственность за осуществленные удары. Так, 25 декабря 2018 года Израиль нанес несколько авиаударов по окрестностям Дамаска, используя гражданские самолеты в качестве прикрытия и создав своими действиями прямую угрозу двум пассажирским самолетам. Министерство иностранных дел Российской Федерации выступило с заявлением, что «подобные действия являются грубым нарушением международного права» и «противо-

---

² Шестидневная война между Израилем и Египтом, Сирией и Иорданией // Военное обозрение. 05.06.2012 г. URL: <https://topwar.ru/15067-shetidnevnaaya-voyna-mezhdu-izrailem-i-egiptom-siriy-i-ior-daniy.html> (дата обращения 12.04.2019 г.).

речат положениям резолюций Совета Безопасности Организации Объединенных Наций (далее СБ ООН), включая резолюцию 1701, суть которой выражается в прекращении Израилем всех наступательных военных операций»³.

После, в январе 2019 года, МИД САР направило Генеральному секретарю Организации Объединённых Наций, Антониу Гутеррешу, жалобу на реализованный Израилем воздушный удар. В своем послании правительство САР утверждает, что «данные действия Еврейского государства преследуют определенную цель – продлить террористическую войну и кризис в Сирии»⁴.

Несмотря на нарастающее напряжение и критику со стороны международного сообщества, 21 января 2019 года военно-воздушные силы Израиля нанесли ряд ударов вблизи аэропорта Дамаска и осуществили несколько авиаударов по элитному подразделению в составе иранского Корпуса стражей исламской революции «Аль-Кудс», которое располагается в южной части Сирии. Данная атака является нетипичной, так как Израиль публично взял на себя ответственность за произошедшее. Премьер-министр Израиля, Биньямин Нетаньяху, выступил с заявлением, что «данная операция была ответом на выпуск ракеты со стороны Сирии в сторону северной части Голанских высот, которая была успешно сбита системой «Железный купол» и уточнил, что «государство не намерено закрывать глаза на акт агрессии и, принимая во внимание тот факт, что Иран выступает с лозунгами об уничтожении Израиля и расширяет свое военное присутствие в Сирии, будет продолжать политику, направленную на нанесение ущерба тому, кто пытается причинить вред». Более того, премьер-министр напомнил о том, что «Израиль оставляет за собой право на превентивную самооборону»⁵.

---

³ Резолюция 1701 (2006), принятая Советом Безопасности на его 5511-м заседании 11 августа 2006 года. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902133016> (дата обращения 12.04.2019 г.).

⁴ Сирия пожаловалась на Израиль в ООН. // 9ТВ. 12.02.2019 г. URL: <http://9tv.co.il/news/2019/01/12/266054.html> (дата обращения 12.04.2019 г.).

⁵ Израиль рассказал, зачем атакует Сирию. // TVC. 21.01.2019 г. URL: <https://www.tvc.ru/news/show/id/153482> (дата обращения 12.04.2019 г.).

Данные действия Израиля являются грубым нарушением принципов международного права (далее МП) и Устава ООН, в частности статьи 51, согласно которой, такое понятие как превентивный удар – есть грубое нарушение МП. Чаще всего государства, прибегающие к подобным мерам, ссылаются на данную статью, несмотря на то, что она не содержит такого понятия, как «упреждающий удар» или «превентивная война».

Такие известные юристы-международники, как Ян Браунли, Антонио Кассезе, Л.А. Скотников и другие, придерживаются мнения, что превентивная самооборона не имеет никаких соответствий с положениями Устава ООН о применении силы. Также они пришли к выводу, что в случае, когда предполагается наличие вооруженного нападения, государства вправе совершить такие действия, в соответствии с международным правом, как: проведение мобилизации или других внутренних «приготовлений», обращение к Совету Безопасности ООН, который в соответствии с Уставом ООН имеет полномочия предпринимать меры в случае нарушения мира, угрозы миру и акта агрессии⁶.

Министр иностранных дел Ирана Джавад Зариф на Мюнхенской конференции по безопасности выступил с заявлением, в котором говорилось, что в случае эскалации конфликта со стороны Ирана будут предприняты ответные меры. Также, поступила критика в сторону европейских держав за отсутствие противодействия Соединенным Штатам Америки (далее США) и Израилю⁷. МИД РФ, в лице главы Сергея Лаврова, отметило вопиющее нарушение суверенитета Сирийской Арабской Республики и выразило возмущение действиям Израиля, потребовав прекратить наносить подобные удары.

---

⁶ Саврыга К.П. Экстерриториальное использование силы против негосударственных акторов в международном праве. // Электронный журнал «Актуальный вопрос». 2016 г. URL: http://nbpublish.com/library_get_pdf.php?id=38298 (дата обращения 12.04.2019 г.).

⁷ Глава МИД Ирана предупредил о высоком риске войны с Израилем // РБК. 17.02.2019 г. URL: <https://www.rbc.ru/politics/17/02/2019/5c6939fb9a794732eee8438f> (дата обращения 12.04.2019 г.).

На данный момент, ситуация вокруг вмешательства Израиля становится все более напряженной. Немаловажно упомянуть Голанские высоты, которые являются спорной территорией между Сирией и Израилем. В результате шестидневной войны в 1967 году, часть южной Сирии была оккупирована и Израиль в одностороннем порядке распространил юрисдикцию на данную территорию. СБ ООН счел данный шаг незаконной аннексией и согласно документам высоты значатся временно оккупированной территорией Сирии⁸.

В марте 2019 года президент США Дональд Трамп на официальном уровне признал израильский суверенитет над Голанскими высотами⁹, что в последствии вызвало абсолютно негативную реакцию со стороны международного сообщества, так как согласно резолюции СБ ООН № 297 «любые односторонние решения установить свою юрисдикцию, законы и управление на данной территории Сирии являются недействительными и не имеют юридической силы»¹⁰. В ООН отметили, что «позиция организации неизменна – Голаны являются оккупированной сирийской землей»¹¹.

Подобные поступки со стороны США осложняют взаимоотношения Израиля с арабскими странами, что в последствии может привести к усугублению положения на всем Ближнем Востоке. Данные действия, как со стороны США, так и со стороны Израиля, разрушают международно-правовую базу, благо-

---

⁸ Резолюция Совета Безопасности ООН № 497 от 17 декабря 1981 г. URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/497\(1981\)](https://undocs.org/ru/S/RES/497(1981)) (дата обращения 12.04.2019 г.).

⁹ Трамп подписал документ о признании суверенитета Израиля над Голанами. // ТАСС. 25.03.2019 г. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6256767> (дата обращения 12.04.2019 г.).

¹⁰ Резолюция Совета Безопасности ООН № 497 от 17 декабря 1981 г. URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/497\(1981\)](https://undocs.org/ru/S/RES/497(1981)) (дата обращения 12.04.2019 г.).

¹¹ Результаты заседания СБ ООН по Голанским высотам. // RussiaToday. 28.03.2019 г. URL: <https://russian.rt.com/world/article/616071-golanskie-vysoty-oon-siriya> (дата обращения 12.04.2019 г.).

даря которой продолжается поиск путей урегулирования конфликтов.

В настоящий момент, Организация Объединенных Наций должна принять всевозможные меры в отношении Израиля, дабы пресечь подобное поведение государства, и напомнить, что аналогичные действия являются грубым нарушением международного права, вопрос сохранности которого должен быть приоритетным у каждого участника организации.

ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНОЙ ПОМОЩИ: ПРАВОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

**Кавкалова Юлиана Юрьевна,
Арлинский Павел Дмитриевич**

*студенты Всероссийского университета юстиции
(РПА Минюста РФ)
iulianakavkalova@gmail.com
arlinskiypavel@gmail.com*

Международное гуманитарное право является одной из наиболее важных отраслей международного публичного права, т.к. в наше время сложно представить мир без вооруженных конфликтов, природных катаклизмов, ситуаций, когда то или иное государство не может самостоятельно обеспечить в полной мере права и свободы граждан, избавить их от страданий, лишений и т.д.

Следовательно мировое сообщество пришло к выводу, что права и свободы человека неотчуждаемы и благородная цель государств – взаимно помогать друг другу в ситуациях, когда государство, претерпевающее «катастрофу», само не в состоянии реализовать права граждан. Именно с этой целью появился такой правовой институт, как «гуманитарная помощь».

Под гуманитарной помощью понимается вид безвозмездной помощи (содействия), предоставляемой для оказания медицинской и социальной помощи малообеспеченным, социально незащищенным, пострадавшим от стихийных бедствий и других чрезвычайных происшествий группам населения, для ликвидации последствий стихийных бедствий и других чрезвычайных происшествий, а также на расходы на транспортировку, сопровождение и хранение указанной помощи (содействия)¹.

---

¹ Федеральный закон РФ от 23 июля 2008 г. «О безвозмездной помощи (содействии) Российской Федерации и внесении изменений и дополнений в отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и об установлении льгот по платежам в государственные внебюджетные фонды в связи с осуществлением безвозмездной помощи (содействия) Российской Федерации» // Российская газета от 12 мая 1999 г. № 90. Ст. 1.

Гуманитарная помощь базируется на трех основных принципах: нейтралитет (государство оказывающее данную помощь не может делать это в корыстных целях или занимать чью-то позицию во внешне-политическом споре), гуманность (направленность на помощь людям), беспристрастность (осуществление помощи населению вне зависимости от того, какой оно национальности, религии, расы, политического мировоззрения, вероисповедания и т.д.).

Основные направления, которые можно выявить в практике международных отношений, являются снабжение бедствующего населения средствами первой необходимости: питьевой водой, продуктами питания, медикаментами; а также гарантия безопасности от угроз насилия и запугивания, предоставление убежища, поиск и спасение пострадавших. Существует перечень обстоятельств, при которых есть возможность оказывать гуманитарную помощь, а именно в случаях: вооруженных конфликтов, войны, природных катастроф.

Возникает вопрос: а на ком в первую очередь лежит обязанность обеспечить нуждающееся население всем необходимым? Это обязанность государства, в котором произошла катастрофа или начались военные действия или же это обязанность лидеров мирового сообщества? Следует обратиться к уставу Организации Объединенных Наций, а именно к императивному принципу «невмешательства во внутренние дела»² из которого на первый взгляд следует, что иностранные государства не в праве каким-либо образом влиять на возникшую ситуацию в другом государстве. Мы считаем, что в данном действии третьих государств целью является не само вмешательство или стремление изменить определенный распорядок сил в государстве, а соблюдение другой императивной нормы «Jus cogens» – «уважение прав и основных свобод человека и гражданина». Как следует из статьи 25 Всеобщей Декларации прав и свобод человека: «каждый человек имеет право на такой жизненный уровень включая пищу, одежду, жилище, медицинский уход и

---

² Устав ООН. г. Сан-Франциско 26 июня 1945 года. п.7 Ст. 2.

необходимое социальное обслуживание...»³. Если обратиться к судебной практике, то в деле «Никарагуа против США» Международный суд ООН постановил, что, если в грузах гуманитарной помощи отсутствует оружие или его прототип, то данное действие нельзя считать вмешательством.

Во внутригосударственном праве большинства государств выражается поддержка в оказании помощи жертвам стихийных бедствий. Значит с этой целью допускается осуществлять гуманитарную помощь за пределами своих границ. Но также остается вопрос: это право или обязанность оказывать гуманитарную помощь? В соответствии с резолюцией Генеральной Ассамблеи 46/182 ответственность за оказание помощи населению несет государство, претерпевающее катастрофу⁴. А оказать помощь другому государству – это лишь право, возможность, предоставляемая Женевскими конвенциями.

Однако оказание государством гуманитарной помощи в военном конфликте – всегда неоднозначно и связана в первую очередь с желанием «Сильного» упрочить свои положения в данном регионе. На практике действительно то или иное государство предпринимает эти действия, руководствуясь своими геополитическими интересами – вмешаться во внутренние дела другого государства. Данное деяние является гуманитарной интервенцией. Но такое решение может быть принято только в Совете безопасности ООН, а оказание гуманитарной помощи такой процедуры не требует, соответственно, чтобы воспользоваться ситуацией и осуществить вмешательства во внутренние дела, государство прикрывает свои действия, противоречащие нормам международного права именно институтом гуманитарной помощи.

---

³ Всеобщая декларация прав человека. 10 декабря 1948 года. Резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН. Ст. 25.

⁴ Резолюция ГА ООН. Укрепление координации в области чрезвычайной гуманитарной помощи ООН. 19 декабря 1991 г. A/RES/46/182.
URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/587/14/IMG/NR058714.pdf?OpenElement> (дата обращения 12.04.2019 г.).

В качестве примера этого явления можно привести следующие ситуации:

- Вмешательство Организации Североатлантического договора (далее НАТО) в вооруженный конфликт на территории Боснии и Герцеговины в 1995 г. и в Косовский конфликт 1999 г.
- Вмешательство Великобритании, Франции и США в вооруженный конфликт на территории Ливии (2011 г.).
- Попытка вмешательства США и поддержание самопровозглашенного президента в Венесуэле.

Данные примеры объясняются тем, что во время проведения поставок грузов с гуманитарной помощью, за волонтерами может следовать вооруженная группа сопровождения, с целью обеспечения их безопасности. Резолюция Совета Безопасности № 836 указала, что это положение распространяется на так называемые «охраняемые конвои»⁵. Однако у бедствующего государства в случаях военных действий есть право отказаться принять помощь, но на это должны быть разумные причины⁶. Если же в регионе голод, в этом случае у государства нет права отказать в принятии гуманитарной помощи.

Казалось бы, такой необходимый институт, без которого в принципе невозможно представить современные взаимоотношения между субъектами международного права – не является императивной нормой. В перечне принципов международного права, которые содержатся в уставе ООН, отсутствует конкретная норма, обязывающая помогать пострадавшим от войны или иной чрезвычайной ситуации. То есть без определенного соглашения у остальных государств нет «строгого» обязательства помогать, и в случае неисполнения данного обязательства, государство не несет никаких последствий. По нашему мнению, эта диспозитивность, отсутствие жесткого механизма еще больше

---

⁵ Резолюция Совета Безопасности. 4 июня 1993. S/RES/836. URL: <https://undocs.org/ru/S/PV.3228> (дата обращения 01.04.2019 г.).

⁶ Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г. // Защита жертв международных вооруженных конфликтов. 1977. Ст. 3.

создает возможность осуществлять гуманитарную помощь именно с целью вмешательства во внутренние дела.

Главная проблема заключается в том, что не существует специального международно-правового акта, в котором предусмотрены материальные и процессуальные нормы, которые регламентируют оказание гуманитарной помощи населению и главная задача мирового сообщества состоит в том, чтобы создать такой документ. Для минимизации противоречий необходимо, чтобы государства и государствовподобные образования могли оказывать помощь лишь в случаях предварительного договора между этими государствами, предусматривающего обязанность осуществить гуманитарную помощь государству, на территории которой развернулись военные действия, а также сохранить определенный круг межправительственных организаций, которые выступали бы в роли арбитра и выражали бы волю не конкретного государства, а мирового сообщества в целом.

Следует разработать специальный механизм принятия решений, чтобы избежать применения института гуманитарной помощи не по назначению. Необходимо сохранить полномочия ООН, и Управления по координации гуманитарных вопросов (УКГВ), которое несет ответственность за объединение гуманитарных организаций в целях обеспечения согласованного реагирования на чрезвычайные ситуации. Эта задача решается посредством Межведомственного постоянного комитета, членами которого являются учреждения системы ООН, ответственные за оказание чрезвычайной помощи⁷.

Также есть смысл выделить государства, объявляющие о своем нейтралитете, например Швейцарию, чье правительство регулярно тратит значительное количество средств на помощь государствам, пережившим природные катаклизмы, особенно землетрясения и наводнения. Этим занимается Швейцарский корпус гуманитарной помощи – «SKH». В данном случае доказательством добросовестных намерений является нейтралитет

---

⁷ Организация Объединенных Наций. Координация гуманитарной помощи. URL: <https://www.un.org/ru/sections/what-we-do/deliver-humanitarian-aid/> (дата обращения 01.04.2019 г.).

страны, и отсутствие военных и иных интересов. Также Швейцария официально способствует развитию и исполнению целей «Международного Комитета Красного Креста», причем самым главным является именно то, что правительство не имеет политических рычагов давления и деятельность организации регламентируется на основе Женевских конвенций и Статута Международного Комитета Красного Креста.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ЖУРНАЛИСТОВ В УСЛОВИЯХ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

Кусков Артём Вадимович

студент Российского университета дружбы народов

В настоящее время значительно выросло количество горячих точек во всем мире, а вместе с тем и насильственная деятельность в отношении тех, кто пытается осветить истинную сущность происходящего – журналистов. Нельзя не обратить внимание на статистику, подтверждающую, что на период с 1992 года по сегодняшний день в мире погибло 1338 журналистов, осуществляющих свою деятельность. Что касается последних лет – в Украине, в 2014 году, лишились жизни не менее 17 журналистов, в 2018 году по всему миру погибло 54 корреспондента. Представители средств массовой информации гибнут в Сирии, Ливии, Афганистане и многих других странах. А в 2019 году 20 января был убит репортёр Рафаэль Маруа в северном мексиканском штате Нижняя Калифорния одним из членов преступной группировки¹.

Преступления, направленные против журналистов в условиях вооруженных конфликтов, направлены на предотвращение доступа к информации. Что среди прочего затрагивает реализацию права на свободу мнений и их выражения. В условиях грубых нарушений норм международного права, журналисты играют ключевую роль, оказывая колоссальное влияние на международную общественность и привлекая внимание к грубым нарушениям норм международного гуманитарного права.

Международное гуманитарное право является отраслью международного права, в котором закрепляются положения,

---

¹ Численность убитых журналистов идет вниз от рекордных отметок. Сайт Committee to Protect Journalists. URL: <https://cpj.org/ru/2016/12/post-105.php> (дата обращения 13.03.2019).

предусматривающие особую защиту отдельным категориям лиц – покровительствуемым, к числу которых относятся и журналисты.

Проект Конвенции о защите журналистов в опасных командировках, разработанный ООН в 1971 году определяет, что журналистом является «любой корреспондент, репортёр, фотограф, оператор, ассистент, принимающий участие в создании фильма, радио- или телепередачи»².

В рамках международного гуманитарного права, были приняты Женевские конвенции 1949 г., а также два протокола к ним 1977 года, положения которых делят журналистов на две основные категории: гражданские (свободные) журналисты и военные корреспонденты. Военными корреспондентами являются журналисты, которые получили аккредитацию при вооружённых силах и имеют от них соответствующее разрешение, позволяющее следовать за вооружёнными силами, а также сопровождать военные формирования, не являясь их членами³. В случае попадания в плен, прикомандированные журналисты приобретают правовой статус военнопленного. Иные представители средств массовой информации входят в категорию независимых гражданских или «свободных» журналистов. В силу развития информационных технологий, в том числе появления прямых трансляций, мобильных и интернет-связей, позволяющих журналистам независимо от военных частей транслировать информацию в считанные секунды, утрачивают актуальность данные положения Конвенции. Это обусловлено тем, что основное отличие «свободных» журналистов от военных состоит в том, что последние имеют право на статус военнопленного. Именно в отсутствии существенных критериев разграничения категорий

---

² Проект Конвенции ООН о защите журналистов в опасных командировках в зонах вооруженного конфликта, 1 августа 1975 г. Статья 2 (а). Документ ООН A/10147. URL: <https://undocs.org/ru/A/10147>.

³ Женевская конвенция III от 12 августа 1949 г. об обращении с военнопленными. Статья 4. // Женевские конвенции от 12 августа 1949 г. и Дополнительные протоколы к ним. М.: МККК, 2005.

журналистов представляется целесообразным уравнивать правовой статус представителей средств массовой информации.

Ещё одной немаловажной особенностью правового регулирования прав журналистов в условиях вооруженных конфликтов в системе международного гуманитарного права является различие между вооруженными конфликтами международного и немеждународного характера. Это препятствует формированию общего свода норм международного гуманитарного права, позволяющего учесть всевозможные обстоятельства вооруженных столкновений. Соответственно, вид вооруженного конфликта влияет на объем прав журналистов, выполняющих свои профессиональные обязанности в условиях вооруженных конфликтов, поскольку международное гуманитарное право практически не предоставляет журналистам гарантий в условиях вооружённого конфликта немеждународного характера.

Кроме того, сегодняшнее международное гуманитарное право предоставляет правовую защиту аккредитованным военным корреспондентам, и так называемым «свободным», не прикомандированным к военным формированиям журналистам. Только, если для реализации правовых гарантий аккредитованных журналистов обязанность по их защите возложена на военных, то для «свободных» журналистов обязанность по защите их прав ни на кого не возложена и в целом, не предусмотрена, вследствие чего, допускается ситуация грубого невнимания к выполнению их профессиональной деятельности, а также к угрозам их жизни и здоровью. Такая ситуация является дискриминационной в контексте единства гарантий прав безопасности журналистов независимо от их принадлежности и прикомандирования к одному из участников конфликта, независимо от профессионального статуса, гражданства, позиции по отношению к конфликту и правовой категории.

Говоря о гарантиях защиты журналистов, следует упомянуть о реализации защиты и сохранности имущества, необходимого им для выполнения своих профессиональных обязанностей. Всё оборудование журналиста является гражданским имуществом, которое, согласно нормам Протокола к Конвенции-

ям, строго запрещено подвергать нападению⁴. Защита средств массовой информации как гражданского имущества регулируется также пунктом 3 статьи 52 Протокола I, согласно которому объекты, обычно предназначенные для гражданских целей, включая оборудование, необходимое для выполнения профессиональной деятельности журналистов – теле – и радиооборудование, пользуются так называемой «презумпцией использования в гражданских целях» в том случае, если на этот счет возникает сомнение⁵.

Международное гуманитарное право в полной мере регламентирует правила работы журналиста в горячих точках, в том числе, и в регионах вооруженных конфликтов. В то же время оно ограничивает доступ журналистов к определённым источникам информации. К числу таких ограничений относятся установление комендантского часа, обязательное наличие специальных документов, удостоверяющих статус работника СМИ. Данные ограничения устанавливают определённые рамки, что осложняет ведение профессиональной деятельности журналиста, а также реализацию правовых гарантий в целях защиты представителей средств массовой информации как гражданских лиц.

Кроме того, нормы международного права ограничивают и защиту журналистов посредством установления пределов данной защиты.

Пределы защиты представляют собой приостановление состояния действительной защищенности. Следует сказать, что это не влечет за собой прекращение права на эту защиту, оно сохраняется, однако не реализуется.

---

⁴ Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов, от 8 июня 1977 г. Статья 48. URL: <https://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/2540377/>.

⁵ Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов, от 8 июня 1977 г. Статья 52 (3) URL: <https://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/2540377/>.

Приостановление права на защиту влечёт за собой потерю и фактической защиты. Пределы защиты журналистов в вооружённых конфликтах – это установленные нормами международного гуманитарного права границы, выход за которые презюмируется на определенной совокупности юридических фактов и всегда приводит к прекращению состояния защиты журналиста, а иногда и предоставлению права на защиту⁶.

В теории международного гуманитарного права пределы защиты журналистов классифицируются на объективные и субъективные. Объективные пределы устанавливаются самими нормами международного гуманитарного права, субъективное поведение журналиста здесь не имеет юридического значения. Объективная защита выражается в наличии у журналиста удостоверения, отличительного знака, аккредитации или определенного гражданства. Так, согласно положениям Женевской конвенции 1949 г., журналист должен получить удостоверение, которое будет являться официальным разрешением на право следования за вооруженными силами, а так же, служить доказательством, которое противник может потребовать, чтобы определить его статус в случае захвата в плен⁷. К субъективным пределам защиты можно отнести поведение журналиста, когда он самостоятельно своими действиями приобретает статус комбатанта, т.е. проявляет активность, непосредственно и существенно способствующую успеху военных действий. Кроме того, основаниями прекращения защиты журналиста может являться нахождение журналиста вблизи военного объекта либо внутри него.

На сегодняшний день предоставляется возможным, а в силу растущего количества жертв журналистов в условиях

---

⁶ Магомедов М.Ш. Международно-правовое регулирование пределов защиты журналиста во время вооружённого конфликта // Московский журнал международного права. 2007. № 4 (68). С. 273–274.

⁷ Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов, от 8 июня 1977 г. Статья 79 (3). URL: <https://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/2540377/>.

вооруженных конфликтов при выполнении ими профессиональных обязанностей, необходимым совершенствовать механизмы защиты прав журналистов в период вооружённых конфликтов путём расширения области регулирования норм международного гуманитарного права касательно правового статуса журналиста с учетом специфики профессиональной деятельности в условиях вооруженных конфликтов. Это будет способствовать становлению целостного комплекса прав, которым в любом случае будет обладать журналист, а также исключать возможность умаления прав журналиста. Предлагается уравнивать правовой статус журналиста, не разграничивая категории прикомандированных и «свободных», что искоренит дискриминирующие обстоятельства в условиях экстремальных ситуаций. При расширении прав журналиста в условиях вооруженных конфликтов, предоставляется необходимым установить перечень обязанностей представителей СМИ, а также меры ответственности за совершение неправомерных действий, таких как распространение ложной информации и т.д.

На наш взгляд, в условиях XXI века, мировое сообщество близится к формированию новой комплексной отрасли в системе международного права – международного права массовой информации, которую следует определять, как совокупность специальных международных принципов и норм, регулирующих права и обязанности субъектов международного права в процессе использования средств массовой информации.

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ»

Ладутько Кристина Фуадовна

*студентка 3 курса юридического факультета
им. М. М. Сперанского Института права
и национальной безопасности Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ*

Современное международное право не устанавливает единого определения понятия культурных ценностей. В большинстве актов это понятие определяется не указанием его существенных признаков, а методом перечисления и категорий, используется несовершенная юридическая техника¹. Как в международном, так и в национальном праве создаются коллизии между понятиями «культурное наследие», «культурное достояние», «культурная собственность».

Возникновение понятия «культурные ценности» в международном праве связано с окончанием Первой мировой войны, когда стал актуален вопрос о реституции ценностей, утраченных государствами в ходе военных действий. Термин был разработан в конце 40-х – начале 50-х гг. 20 века².

Гагская конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта 1954 г.³ (первый документ, использовавший понятие культурных ценностей) устанавливает, что «...культурными ценностями считаются независимо от их

---

¹ Смирнова Д. В. Определение понятие культурных ценностей в отечественном и международном законодательстве // Юридические науки. 2017. № 11. С. 706.

² Бородин А. В., Осокин Р. Б. Понятие и признаки культурных ценностей // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 4. С. 102.

³ Гагская конвенция о защите культурных ценностей в случае вооружённого конфликта от 14 мая 1954 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1957. № 3. Ст. 54.

происхождения и владельца: а) ценности, движимые или недвижимые, которые имеют большое значение для культурного наследия каждого народа; б) здания, главным и действительным назначением которых является сохранение или экспонирование движимых культурных ценностей; в) центры, в которых имеется значительное количество культурных ценностей...».

В Конвенции о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности 1970 г.⁴ указано, что «культурными ценностями считаются ценности религиозного или светского характера, которые рассматриваются каждым государством как представляющие значение... и которые относятся к перечисленным ниже категориям...». Называются 15 категорий ценностей.

Рекомендация о международном обмене культурными ценностями 1976 г.⁵ указывает, что «под «культурными ценностями» подразумеваются предметы, которые являются выражением или свидетельством человеческого творчества или же эволюции природы и которые, по мнению компетентных органов отдельных государств, представляют или могут представлять собой... ценность или интерес, включая...». То есть, Рекомендация называет некоторые существенные признаки понятия («предметы, которые являются...»), но также использует метод перечисления и категорий.

Рекомендация о сохранении культурных ценностей, подвергающихся опасности в результате проведения общественных или частных работ 1968 г.⁶ указывает, что «под термином «куль-

---

⁴ Конвенция о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности от 14 ноября 1970 г. // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLIV. М., 1990. С. 506–513.

⁵ Рекомендация ЮНЕСКО о международном обмене культурными ценностями от 26 ноября 1976 г. // Международные нормативные акты ЮНЕСКО. М.: Логос, 1993. С. 352–368.

⁶ Рекомендация о сохранении культурных ценностей, подвергающихся опасности в результате проведения общественных или частных работ от 19 ноября 1968 г. // Международные нормативные акты ЮНЕСКО. М.: Логос, 1993. С. 323–331.

турные ценности» понимаются: а) недвижимые объекты...; б) движимые ценности, имеющие культурное значение, включая ценности...».

Рекомендация также добавляет, что «термин «культурные ценности» относится не только к... зарегистрированным... местностям и сооружениям, но и к незарегистрированным остаткам прошлого, а также к современным местностям и сооружениям...». Таким образом, дефиниции, используемые в Рекомендации, представляются наиболее юридически несовершенными из всех приведенных (курсивом выделена тавтология и контекстуально инородная лексика), в том числе это относится к переводу документа на русский язык (который является одним из официальных языков Организации Объединенных Наций – далее ООН – и её специальных учреждений, таких, как Организация Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры – далее ЮНЕСКО).

В современной российской юридической традиции понятие культурных ценностей идентично понятию культурной собственности⁷. Эти понятия взаимозаменяемы (*cultural objects*, *cultural property*), в зависимости от контекста международного акта они переводятся соответствующе⁸. Например, в Конвенции УНИДРУА (Международного института по унификации частного права ООН) по похищенным или незаконно вывезенным

---

⁷ Малкина Л. Н. К вопросу о культурном наследии // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2014. № 3 (86). С. 279.

⁸ Афанасьева Е. Г. Дояль. С. Имплементация Конвенции УНИДРУА о культурной собственности в национальное право: пример Италии. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4, Государство и право: Реферативный журнал. 2003. №1. С. 110. (Перевод научной статьи Doyal S. Implementing the UNIDROIT Convention on Cultural Property into Domestic Law: The Case of Italy. Columbia J. of Transnational Law. N. Y., 2001. Vol. 39, № 3. P. 337-400).

культурным ценностям 1995 г.⁹ понятия *cultural objects, cultural property* переведены на русский язык как «культурные ценности». Однако стоит отличать понятие «культурной собственности» от права собственности на объекты культуры¹⁰.

Также международное право отдельно выделяет понятие культурного наследия (*cultural heritage*). Конвенция ЮНЕСКО об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 г.¹¹ относит к культурному наследию три категории недвижимых объектов: памятники, ансамбли и достопримечательные места. Также Руководство по выполнению Конвенции об охране всемирного наследия ЮНЕСКО (1999 г.) содержит шесть критериев определения культурного наследия. Представляемый объект должен удовлетворять хотя бы одному из них.

Понятия культурного наследия и культурных ценностей соотносятся как часть и целое. Основные отличия культурного наследия от культурных ценностей таковы:

- культурное наследие значимо для самобытности культурно самостоятельной социальной группы (обычно это народ, этнос), оно обеспечивает непрерывность идентичности этой группы;
- явления сегодняшней культуры не могут рассматриваться в качестве элементов культурного наследия, культурному наследию присуща старина¹²;
- культурным наследием может являться только результат человеческого творчества (а не эволюции природы), оно антропогенно¹³.

---

⁹ Конвенция УНИДРУА по похищенным или незаконно вывезенным культурным ценностям от 24 июня 1995 г. // Международное частное право. Сборник документов. М.: БЕК, 1997. С. 499–506.

¹⁰ Мартыненко И. Э. Собственность на объекты культурного наследия. // Юридическая наука. 2014. №2. С. 70.

¹¹ Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия от 16 ноября 1972 г. // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLIV. М., 1990. С. 496–506.

¹² Малкина Л. Н. К вопросу о культурном наследии. // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2014. № 3 (86). С. 280.

Реже в международных актах употребляется понятие культурного достояния (*cultural patrimony*). На настоящий момент культурное достояние признается разновидностью культурного наследия. Как отмечает исследователь Малкина Л. Н., «культурное достояние определяется как культурное наследие, классифицируемое таковым исключительно государством происхождения и поэтому не подлежащее экспорту из страны». В таком контексте и значении это понятие употребляется в Хартии Курмайёр 1992 г.¹⁴ При этом в Хартии отсутствует сама дефиниция понятия.

Одним из наиболее совершенных определений на сегодняшний день представляется определение, данное в Рекомендации о международном обмене культурными ценностями 1976 г. Это одно из немногих определений, которое называет и достаточно полно раскрывает признаки культурных ценностей. Однако в нем также применяется метод категорий и перечисления, и оно определяет культурные ценности как «предметы», то есть, материальные объекты. В этой связи возникает вопрос о том, правомерно ли существование термина «нематериальные культурные ценности», поскольку в актах ЮНЕСКО используется термин «нематериальное культурное наследие», а всякое культурное наследие является культурной ценностью.

Таким образом, проблема определения понятия культурных ценностей состоит прежде всего в том, что в международном праве отсутствует единый методологический подход к определению. Каждый международный акт трактует одно и то же понятие по-разному. При определении понятия культурных ценностей в международных актах практически всегда используется метод перечисления и категорий. Формулировки старых

---

¹³ Медведева Н. В., Стоналова А. С. Понятие «культурное наследие» и основные теоретические подходы к его изучению. // Материалы Афанасьевских чтений. 2016. № 3 (16). С. 140.

¹⁴ Хартия Курмайёр от 12 августа 1994 г. (Charter of Courmayeur) // UNESCO, ISPAC. URL: http://www.unesco.org/new/fileadmin/MULTIMEDIA/HQ/CLT/pdf/Charter_Courmayeur_en.pdf.

терминов не совершенствуются содержательно, но вместо них вводятся новые: например, понятие культурного достояния. Отсутствуют международные критерии определения культурных ценностей (при этом ЮНЕСКО выработаны критерии определения культурного наследия).

Также стоит отметить, что в международном праве отсутствует единая методология создания дефиниций, отсутствуют общепринятые правила юридической техники. С одной стороны, этот фактор является предпосылкой для образования правовых коллизий. С другой стороны, он обуславливает гибкость международного права (каждый принятый международный акт выражает согласованную волю государств по какому-либо вопросу в определенный момент времени).

Универсальное закрепление дефиниции культурных ценностей в международном праве способствовало бы эффективной охране культурных ценностей. Некоторые исследователи убеждены, что проблема многозначности терминов не может быть устранена полностью, а выработка единого термина сложна ввиду объективных причин¹⁵.

При этом практика последних лет показывает, что пути решения есть: так, метод перечисления используется не всегда; когда того требует правоприменительная практика, вводятся новые, более узкие понятия (такие, как культурное достояние), а акты ЮНЕСКО последних лет по вопросам культурного наследия отличаются своими четкими дефинициями. То есть, анализ правовых актов позволяет делать вывод, что составители некоторых международных актов довольно близки к решению этой проблемы.

---

¹⁵ Смирнова Д. В. Определение понятие культурных ценностей в отечественном и международном законодательстве // Юридические науки. 2017. № 11. С. 706.

ДЕТИ-СОЛДАТЫ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ПРАВО

Монастырский Фёдор Сергеевич

*студент 4 курса кафедры международных отношений
зарубежной истории и документоведения
Самарского национального исследовательского университета
имени академика С.П. Королёва*

Современная политическая обстановка, характеризующаяся различным рода вооруженными конфликтами, носящими перманентный характер и имеющими разную степень интенсивности, предусматривает активное вовлечение в них лиц моложе 18 лет. Вербовка детей в вооруженные силы в качестве комбатантов – одна из характерных черт современных локальных конфликтов, ярко проявляющаяся в различных горячих точках по всему земному шару. Ярким примером может служить деятельность повстанцев Афганистане, включавшая в себя вербовку и дальнейшее использовавшие детей в качестве террористов-смертников¹. Против повторения подобных случаев выступают международные организации, занимающиеся, помимо других вопросов, защитой прав детей в различных областях правоотношений: Организация Объединенных Наций (далее ООН) и её специализированные учреждения (Международная организация труда, Всемирная организация здравоохранения, Организация Объединенных Наций по вопросам науки, культуры и образования. Организацией, которая занимается исключительно детскими проблемами, является детский фонд ООН, но решением проблемы использования детей-солдат, в силу всей её серьезности и неоднозначности, занят Совет Безопасности ООН. Данный постоянно действующий орган ООН прилагает усилия для реше-

---

¹ Martin Chulov. Raid Uncovers Al-Qaida Network of Child Suicide Bombers in Iraq // The Guardian, 4 December 2008. URL: <https://www.theguardian.com/world/2008/dec/04/iraq-alqaida-network-child-bombers> (Дата обращения 12 апреля 2019 г.).

ния этой проблемы с 1999 года. Аспект защиты детей в условиях вооруженного конфликта учитывается и при проведении миротворческих операций, он включается в мандаты миротворческих операций с 2001 года. В своей работе по защите детей миротворцы руководствуются резолюциями, призванными обеспечить защиту детей, затронутых вооруженными конфликтами². Однако, согласно докладу Генерального секретаря Организации Объединенных Наций о положении детей в условиях конфликта, в 2017 году случаи вербовки и использования детей в вооруженных конфликтах участились и это стало особенно заметно в Центральноафриканской Республике и в Демократической Республике Конго³. В связи с этим, проблема использования детей-солдат в международных конфликтах не теряет своей актуальности. Вербовка детей для участия в конфликтах продолжается и, учитывая расположение приведенных выше территорий, можно выделить причины, по которым решение данной проблемы критически осложняется: географическая удаленность и изолированность районов вооруженных конфликтов, невозможность мониторинга ситуации в виду опасности для международной группы экспертов, отсутствие согласия о применении и использовании норм «Гуманитарной интервенции», отсутствие стабильных акторов, с которыми можно вести диалог, и несовершенство международно-правовой системы. Последняя причина из перечисленных выше обращает на себя внимание в первую очередь. Следует заметить, что вербовка детей

---

² Операции ООН по поддержанию мира URL: <https://www.un.org/ru/peacekeeping/issues/children/> (Дата обращения 12 апреля 2019 г.).

³ Ежегодный доклад о положении детей в условиях конфликта: в 2017 году участились преступления против детей, совершаемые с неопикуемой жестокостью Office of the Special Representative of the Secretary-General for Children And Armed Conflict URL: <https://childrenandarmedconflict.un.org/ru/%D0%B5%D0%B6%D0%B5%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D1%8B%D0%B9-%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4-%D0%BE-%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B8-%D0%B4%D0%B5%D1%82%D0%B5%D0%B9-%D0%B2-%D1%83/> (Дата обращения 12 апреля 2019 г.).

осуществляется даже с учётом правовых норм, предусмотренных международным законодательством в международном гуманитарном праве.

Нельзя не заметить, что само понятие детей-солдат противоречит традиционному различию, которое существует между такими категориями как дети и взрослые. За детьми-солдатами не признают тех свойств, которые обычно присущи детям (например, уязвимость), как не признают за ними и признаков, отличающих взрослых солдат (чувство ответственности, военная этика). В правовом аспекте, различие между взрослыми солдатами и детьми-солдатами довольно размыто. Ясно лишь, что понятие «ребенок-солдат» идет вразрез с принципами Женевской декларации прав ребенка.

Очевидная причина рассматриваемой проблемы кроется во всех документах – это отсутствие или различная интерпретация термина «Ребёнок». Проблема правовой формулировки этого термина начала интересовать мировое сообщество сразу после принятия конвенции о правах ребенка. Суть вопроса заключалась в отсутствии конкретной идентификации возрастного периода, по которому должен определяться «ребенок». Проблематика в те времена еще не была привязана к определению комбатанта, более остро поднималась проблема законодательства в отношении абортот. Однако даже после дискуссий по упомянутому вопросу точной и универсальной формулировки возраста, с которого личность перестаёт считаться ребенком, в международном законодательстве не появилось. Изменился скорее подход к определению. В результате в Конвенции о правах ребёнка, принятой резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 года содержится весьма размытое определение: «ребенком является каждое человеческое существо до достижения 18 летнего возраста, если по закону, применимому к данному ребенку, он не достигает совершеннолетия ранее»⁴. Также

---

⁴ Конвенция о правах ребенка, принятая резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 года URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (Дата обращения 12 апреля 2019 г.).

неточно и определение ребенка и в статьях Женевской конвенции от 12 августа 1949 года о защите гражданского населения во время войны⁵. Более того, в тексте дополнительных протоколов к Женевским конвенциям (п.2 ст.77) содержатся противоречивые обязательства, которые отличаются друг от друга по содержанию и по характеру⁶. Первое обязательство касается средства достижения результата (принять «все практически возможные меры» для того, чтобы дети до 15 лет не участвовали в военных действиях), а не самого результата. Второе же обязательство направлено на результат: стороны, участвующие в конфликте, не могут вербовать в свои вооруженные силы детей, не достигших 15-летнего возраста. Различие этих обязательств влекут за собой правовые последствия, т.к. если сторона, нарушившая п.2. ст.77 Дополнительного протокола к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающегося защиты жертв международных вооруженных конфликтов (протокол I) будет нести ответственность за вербовку ребенка, младше пятнадцати лет, то эта сторона конфликта сможет быть освобождена от ответственности по этому же пункту в случае если будет заявлено о самостоятельных действиях этих детей при учёте неэффективных мер, принятых обвиняемой стороной для их недопущения.

В связи с ростом числа вооруженных конфликтов по всему миру и участвующим включением в них все большего количества лиц несовершеннолетнего возраста, актуальной ви-

---

⁵ Женевская конвенция от 12 августа 1949 года о защите гражданского населения во время войны, принятая 12 августа 1949 года Дипломатической конференцией для составления международных конвенций о защите жертв войны, заседавшей в Женеве с 21 апреля по 12 августа 1949 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_civilian_1.shtml (Дата обращения 12 апреля 2019 г.).

⁶ Ст. 77. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I). Протокол I принят на дипломатической конференции в Женеве 8 июня 1977 года. URL: https://www.icrc.org/ru/doc/assets/files/2013/ap_i_rus.pdf (Дата обращения 12 апреля 2019 г.).

дится необходимость предпринять следующие шаги в решении проблем участия детей-солдат в международных конфликтах:

Согласование различных норм международного права, касающегося детей-солдат. А именно «Конвенции о правах ребенка», «Римского статута Международного уголовного суда», «Дополнительного протокола II Женевской конвенции». Через создание инициативных(-ой) групп(-ы) государств на базе G-20 для вынесения на Ген.Ассамблею ООН как наиболее представительный орган на международной арене, следующих мер:

- Внесение поправки в Статью 8 часть b пункт 26 «Римского статута Международного уголовного суда» о вербовке детей солдат, путем изменения возраста с 15 до 18 лет. В данной интерпретации статья будет звучать нижеследующим образом: «набор или вербовка детей в возрасте до восемнадцати лет в состав национальных вооруженных сил или их использование для активного участия в боевых действиях». В подобной трактовке она будет согласована со статьёй 1 «Конвенции о правах ребенка» и исключит юридическую возможность ухода из-под ответственности Международного уголовного суда и непопадание под определение «военного преступника» лиц, использующих детей-солдат старше 15, но младше 18 лет.

- Внесение аналогичных поправок в статью 4 пункт 3 подпункт «Дополнительного протокола II Женевской конвенции» и аналогичное изменение возраста с 15 до 18 лет. Аналогично, она будет согласована с вышеуказанными нормами международного права (далее МП) и будет звучать так: «Дети, не достигшие восемнадцатилетнего возраста, не подлежат вербовке в вооруженные силы или группы, и им не разрешается принимать участие в военных действиях». Нет абсолютной гарантии, что это позволит свести количество правовых ошибок к нулю, однако это позволит более эффективно применять нормы МП и обеспечит более широкий спектр возможностей для минимизации возможности ухода из-под уголовной ответственности потенциальных военных преступников.

КОНЦЕПЦИЯ «ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЗАЩИТУ»: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА

Назарова Нурия Абибуллоевна

*студентка кафедры международного права
Российского университета дружбы народов*

Права человека — это не привилегии, их нельзя даровать и нельзя лишиться. Они являются неотъемлемым достоянием абсолютно каждого, носят неотчуждаемый и всеобщий характер. Человек должен обладать всеми правами и свободами без какой-либо дискриминации по цвету кожи, пола, расы, религии, национальному либо социальному происхождению. На государстве лежит забота о своем народе. Именно государство должно обеспечивать соблюдение этих прав и именно оно несет ответственность за неисполнение своих обязательств в данной области.

С 1980-го года в международном праве появляется концепция «гуманитарная интервенция». Нормативного закрепления данное понятие не содержит, однако на доктринальном уровне оно обозначает применение силы в отношении государства, на территории которого нарушаются права человека. Данное вмешательство происходит без согласия советуемого государства и часто в отсутствие санкции Совета Безопасности Организации Объединённых Наций (далее СБ ООН) для предотвращения массовых, систематических и грубых нарушений прав человека на данной территории. Впервые обоснование применения данной концепции было дано в конце 1980-х гг. профессором международного права Парижского университета Марио Беттати и французским политиком Бернаром Кушнером. В 1987 г. Они создали работу «Le Devoir d'Ingerence» («Обязанность вмешаться»), в которой писали о том, что мировое сообщество, в случае возникновения гуманитарных катастроф не только обладает правом, но и обязано вмешиваться во внутренние дела государств для предотвращения данных преступлений¹.

---

¹ Bettati M, Kouchner B. Le devoir d'intelligence: peut-on les laisser mourir? Paris, Denoel publishers, 1987.

27 марта 2000 г. в своем Докладе на 54 сессии Ассамблеи тысячелетия ООН Генеральный Секретарь Кофи Аннан выступил с предложением объединения государств в целях выработки более эффективной политики борьбы с систематическими нарушениями прав человека. Концепция, предложенная им, была воспринята крайне неоднозначно. Несмотря на все аргументы в пользу гуманитарной интервенции, она все же могла быть использована для прикрытия необоснованного вмешательства во внутренние дела государств. Также были высказаны предположения по поводу того, что она может подтолкнуть сепаратистские движения к умышленному провоцированию правительств государств на совершение грубых нарушений прав человека, что приведет к вмешательству извне, которое будет содействовать успеху их дела².

Вопрос применения данной концепции действительно является очень актуальным. С одной стороны, и защита прав человека, и суверенное равенство государств, и территориальная неприкосновенность являются императивными принципами международного права, закрепленными в Уставе ООН и ряде других международных договоров. Но с другой стороны, стоит задаться вопросом, какой из них должен превалировать, когда между ними возникает коллизия. Какие действия стоит предпринять, когда уже ни дипломатия, ни другие меры принудительного характера не могут быть использованы в целях мирного разрешения конфликта. Если речь идет о применении такой концепции, как гуманитарная интервенция, то в каких случаях целесообразно предпринять принудительные, и в частности военные действия против другого государства в целях защиты находящихся в опасности людей, и что является не менее важным, каковы последствия ее применения.

В связи с актуализацией данной проблемы, в сентябре 2000 г. в Канаде была образована Международная Комиссия по вопросам вмешательства и внутреннего суверенитета (МКВГС),

---

² Доклад Генерального секретаря о работе организации. 30 августа. 2000. A/55/1. URL: // <http://www.un.org/russian/document/sgreport/a-55-1/ch1-1.htm> (дата обращения 20 апреля 2019 г.).

возглавляемая бывшим министром иностранных дел Австралии Г. Эвансом и специальным советником Генерального секретаря ООН М. Сахнуном. Комиссия должна была выработать более широкое понимание понятия вмешательства в целях защиты населения, указать конкретные основания и принципы применения данного вмешательства на территорию другого государства.

В докладе, подготовленном МКВГС, понятие гуманитарная интервенция заменяется формулировкой «ответственность по защите» или «обязанность защищать», поскольку вмешательство, которое предпринимается государством, направлено исключительно на защиту населения. В Докладе закрепили обязанность суверенных государств по защите своего населения от катастроф, которые можно избежать, однако если государства не способны либо не хотят предотвращать данные конфликты, то мировое сообщество должно взять данную ответственность по обеспечению защиты на себя. Комиссией были выделены шесть критериев военного вмешательства: надлежащие полномочия, справедливое дело, благое намерение, последнее средство, соразмерность и вероятность успеха. Далее мы рассмотрим более детальное каждый из них³.

В соответствии с Уставом ООН Совет Безопасности (далее СБ) является одним из шести главных органов ООН, на которую возложена главная ответственность за поддержание мира и безопасности. По мнению Комиссии, нет более подходящего органа, который бы решал вопрос о применении военного вмешательства в целях защиты прав человека. Для того, чтобы вмешательство являлось законным, необходимо обратиться в СБ ООН за получением его санкции во всех случаях до проведения любых таких действий. Статья 42 Устава ООН предоставляет СБ применение таких мер, которые окажутся необходимыми для поддержания или восстановления международного мира или безопасности в том случае, если невоенные действия окажутся недостаточными для предотвращения конфликта.

---

³ Доклад Международной комиссии по вопросам вмешательства и государственного суверенитета. 14 августа 2002 г. A/57/303. URL: <https://undocs.org/ru/A/57/303> (дата обращения 15 апреля 2019 г.).

Содержание принципа «справедливое дело» заключается в том, чтобы понять, какова должна быть степень ущерба для оправдания военного вмешательства. На этот счет Комиссия указывает, что вмешательство оправданно при наличии обстоятельств, которые в широком плане можно объединить в две группы:

1. крупномасштабные человеческие жертвы, фактически или в высшей степени вероятные, связанные или не связанные с геноцидом, как результат либо преднамеренных действий государства, либо его бездействия или неспособности действовать, либо паралича государственной власти; или

2. крупномасштабные «этнические чистки», фактические или в высшей степени вероятные, осуществляемые путем убийства людей, насильственного вытеснения с обычных мест проживания, актов террора или изнасилования⁴.

Важнейшей целью военного вмешательства является прекращение или предотвращение страданий людей. Любое применение военной силы не по целевому назначению не может быть оправдано. Условиями соблюдения критерия «благое намерение» заключаются в применении вмешательства исключительно на коллективной, а не на односторонней основе, реальная поддержка населением государства, на территории которого нарушаются права человека и учет мнения других стран региона и их поддержка при данном вмешательстве⁵.

Принудительное военное вмешательство может быть применено лишь в том случае, если использованы все иные меры по предотвращению кризиса. Если попытки найти компромиссы под наблюдением или при посредничестве со стороны международного сообщества потерпели неудачу и существует

---

⁴ Доклад Международной комиссии по вопросам вмешательства и государственного суверенитета. 14 августа 2002 г. С. 40-44. A/57/303. URL: <https://undocs.org/ru/A/57/303> (дата обращения 17 апреля 2019 г.).

⁵ Доклад Международной комиссии по вопросам вмешательства и государственного суверенитета. 14 августа 2002 г. С. 45. A/57/303. URL: <https://undocs.org/ru/A/57/303> (дата обращения 17 апреля 2019 г.).

угроза или уже совершается крупномасштабное насилие, следует рассматривать вопрос о военном вмешательстве⁶.

Критерий соразмерности заключается в том, что масштаб и продолжительность вмешательства должны быть минимальными для достижения поставленной задачи. Средства должны быть соразмерны целям и не выходить за их пределы⁷.

Комиссия считает, что применение военного вмешательства возможна в том случае, когда существует обоснованный шанс достичь успеха, а именно, прекратить ту жестокость и несправедливость, которая применяется в отношении населения государства. Военное вмешательство не будет оправданным, если не удастся защитить население либо же, если в ходе операции оно вызовет еще более крупный конфликт.

В 2004-ом году по поручению Генерального секретаря ООН Кофи Аннана была создана Группа высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам. Перед ней были поставлены задачи по оценке существующих вызовов и угроз, анализ существующих стратегий и институтов по оказанию противодействия этим угрозам, а также вынесение общих рекомендаций по обеспечению коллективной безопасности для всего мира.

В соответствии докладом Группы суверенитет, являющийся одним из основных признаков государства, включает в себя обязанность заботиться о благосостоянии своего народа. Однако государства не всегда обладают возможностью и желанием по выполнению своего долга. В этих обстоятельствах принципы коллективной безопасности означают, что мировое сообщество берет на себя обязательство в соответствии с Уставом ООН и Всеобщей декларацией прав человека по обеспечению необходимой защиты. Были выдвинуты основания санкционирования Советом Безопасности применения силы в слу-

---

⁶ Доклад Международной комиссии по вопросам вмешательства и государственного суверенитета. 14 августа 2002 г. С. 46 A/57/303. URL: <https://undocs.org/ru/A/57/303> (дата обращения 20 апреля 2019 г.).

⁷ Доклад Международной комиссии по вопросам вмешательства и государственного суверенитета. 14 августа 2002 г. С. 46-47. A/57/303. URL: <https://undocs.org/ru/A/57/303> (дата обращения 20 апреля 2019 г.).

чае, когда речь идет о геноциде и других массовых убийствах, этнической чистке или серьезных нарушениях международного гуманитарного права, которые суверенные правительства не смогли или не пожелали предотвратить; среди этих критериев – серьезность угрозы, тот факт, что это должно быть «крайним средством», а также пропорциональность ответных мер⁸. В 2005 году Кофи Аннан в своем докладе «При большой свободе» поддержал рекомендации Группы высокого уровня и отметил, что предложенные критерии могут быть учтены Советом Безопасности при санкционировании применения силы⁹.

Дальнейшее закрепление данной концепция нашла в Итоговом документе Всемирного саммита 2005 года. В пунктах 138 и 139 закреплялось, что международное сообщество, действуя исключительно через Организацию Объединенных Наций, предпринимает мирные средства для разрешения существующего конфликта. Однако в случае необходимости, если мирные средства окажутся недостаточными, а национальные органы власти явно будут не в состоянии защитить свое население от геноцида, военных преступлений, этнических чисток и преступлений против человечности, то международное сообщество обязано предпринять коллективные действия, своевременным и решительным образом в соответствии с Уставом, в том числе на основании главы VII, для предотвращения данных преступлений¹⁰.

---

⁸ Доклад группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам. 2 декабря 2004 года. A/59/565. URL: <https://undocs.org/ru/A/59/565> (дата обращения 20 апреля 2019 г.).

⁹ Доклад Генерального секретаря «При большей свободе: к развитию, безопасности и правам человека для всех». 21 марта 2005 года. A/59/2005. URL: <https://undocs.org/ru/A/59/2005> (дата обращения 20 апреля 2019 г.).

¹⁰ Итоговый документ Всемирного саммита 2005 г. 16 сентября 2005 года. A/RES/60/1 от 24.10.2005, раздел 37: «Обязанность защищать население от геноцида, этнических чисток и преступлений против человечности». URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/outcome2005.shtml. (дата обращения 22 апреля 2019 г.).

При согласовании окончательно текста Итогового документа, Специальный комитет сохранил все основные выводы Группы высокого уровня, но сократил перечень правовых оснований для проведения военных операций в гуманитарных целях, а также, что особенно важно, убрал все «лазейки» для принятия решений о таких операциях в обход СБ ООН. В качестве примера можно привести возможность использования процедуры, выработанной в 1950 г. при принятии резолюции Генеральной Ассамблеи (далее ГА) ООН 377 А (V) «Объединение во имя мира» («Uniting for Peace») на тот случай, когда СБ ООН будет не в состоянии принимать решения во исполнение главы VII Устава ООН вследствие отсутствия единогласия между его постоянными членами. Эта процедура предусматривает созыв чрезвычайной специальной сессии ГА ООН по просьбе СБ или большинства членов ГА для принятия двумя третями голосов рекомендации «о коллективных действиях... включая, при необходимости, применение вооруженных сил»¹¹.

В преддверии Пленарного заседания Группы высокого уровня были собраны письменные заявления государств с их позицией по вопросу об «ответственности за защиту». В заявлениях указаны следующие критерии: позиция государства, ее обоснование и другие замечания и дополнения.

Представители Канады полностью одобряют концепцию и считают, что в Итоговом документе нет элемента важнее, чем идея концепции «Ответственность за защиту» («Responsibility to protect»), далее R2P). Франция также выступила в поддержку R2P и обосновала это тем, что суверенитет является неотъемлемой частью государства, однако при систематических нарушениях прав человека, возможно его ограничение, но лишь с санкционирования Совета Безопасности ООН. Германия считает, что положения документа, касающиеся R2P - это минимум, с которым государства должны договориться по защите гражданских лиц. Применение военной силы должно быть законным и осторожным. Неспособ-

---

¹¹ Котляр В.С. «Ответственность при защите и арабская весна» // Международная жизнь. 2012. С. 99–113.

ность реагировать в прошлом привела к ужасающим последствиям, именно поэтому Ирландия приняла данную концепцию, но лишь в исключительных случаях, и при условии, что будут применены мирные средства, которые не приведут к разрешению конфликта. Корея одобряет и к тому же, призывает участников прийти к соглашению по R2P. При составлении текста, представители Кореи предлагали добавить к тексту «в крайнем случае» и создать конкретные механизмы и условия для выполнения этой ответственности, которые должны быть надлежащим образом определены и разграничены, с тем чтобы снять ответственность в связи с посягательством на суверенитет. К странам, которые также выразились за принятие концепции R2P относятся Великобритания, Швеция, Португалия, Норвегия, Перу¹². Что касается позиции США по этому вопросу, то со своей стороны, они готовы предпринять коллективные действия через Совет Безопасности на основании главы VII Устава ООН и, в соответствующих случаях, в сотрудничестве с соответствующими региональными организациями, если мирные средства окажутся недостаточными, а национальные власти не желают или не в состоянии защитить свое население¹³.

Представители Российской Федерации выступили с отказом в принятии концепции. По их мнению, нет достаточно ясного понимания по поводу R2P, к тому же, в нынешней ситуации ООН сама способна реагировать на возникающие ситуации и предпринимать надлежащие меры для ее урегулирования. Иранцы выступают за исключительный суверенитет государства и считают, что суверенитет и территориальная целостность не могут быть подорваны. Такого же мнения придерживаются представители Пакистана и Сирии. Они считают, что меры по

---

¹² Проект Итогового документа 2005 года. Позиции государств в отношении ответственности за защиту. URL: http://www.responsibilitytoprotect.org/files/Chart_R2P_11August.pdf (дата обращения 20 апреля 2019 г.).

¹³ Проект Итогового документа 2005 года. Позиции государств в отношении ответственности за защиту. С. 10. URL: http://www.responsibilitytoprotect.org/files/Chart_R2P_11August.pdf (дата обращения 20 апреля 2019 г.).

содействию защите гражданских лиц не должны становиться основанием для нарушения принципов невмешательства или ставить под сомнение национальный суверенитет и территориальную целостность государств¹⁴.

В 2009 году к 63-й сессии Генассамблеи ООН был подготовлен Доклад Генерального секретаря ООН «Выполнение обязанности защищать». В Докладе подчеркивается, что наилучший способ не допустить, чтобы государства или группы государств злоупотребляли обязанностью защищать, заключается во всесторонней разработке ООН стратегии, стандартов, процессов, инструментария и практических методов, связанных с выполнением обязанности защищать¹⁵.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что и в настоящее время концепция «ответственность за защиту» не является достаточно устоявшейся. Концепция, прежде всего, является системой взглядов, и несмотря на ее активное использование, она не может быть позиционирована как новая юридическая норма. Говорить и о том, что основы данной концепции приобрели статус международно-правового обычая нельзя, поскольку сложно проследить устоявшуюся практику либо признание ее в качестве правовой нормы (*opinio juris*) со стороны государств. Поскольку эта концепция имеет рекомендательный характер, то и отношение к ней каждое государство определяет индивидуально: следовать ей или нет. Для того, чтобы концепция стала обязательной, необходимо принять многосторонний договор, например, Конвенцию Организации Объединенных Наций об ответственности за защиту, который и создаст юридически обязательные нормы для подписавших ее сторон.

---

¹⁴ Проект Итогового документа 2005 года. Позиции государств в отношении ответственности за защиту. С.7-9. URL: http://www.responsibilitytoprotect.org/files/Chart_R2P_11August.pdf (дата обращения 20 апреля 2019 г.).

¹⁵ Доклад Генерального секретаря ООН «Выполнение обязанности защищать». 12 января 2009 г. A/63/677. URL: <https://documents-ddsny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N09/206/12/PDF/N0920612.pdf> (дата обращения 20 апреля 2019 г.).

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ УСЫНОВЛЕНИЯ ИНОСТРАНЦАМИ ДЕТЕЙ – ГРАЖДАН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Прокудина Юлия Николаевна

*студентка Высшей школы юриспруденции
Санкт-Петербургского политехнического университета
prokudinaj@rambler.ru*

8 февраля 2019 года министром Просвещения Российской Федерации был внесен в Правительство России законопроект об изменении процедуры усыновления несовершеннолетних. Общеизвестный факт, что процедура усыновления является сложным и долговременным процессом. Более 40 тысяч детей в Российской Федерации остаются без попечения родителей и хотят обрести новый дом. Но многие боятся идти на подобный шаг не из-за груза ответственности за чужого ребенка, а из-за сложности реализации данного процесса. Но если усыновления внутри страны – долговременный и затруднительный процесс, то международное усыновление еще более проблематичное явление из-за его субъектного состава. Потому что данный тип осложняется правовыми нормами другого государства.

В национальном законодательстве усыновление или удочерение признается приоритетной формой устройства детей, оставшихся без попечения родителей. В ст. 124 Семейного Кодекса Российской Федерации (СК РФ) установлено, что данный процесс допускается иностранными гражданами или лицами без гражданства только в случаях, если не предоставляется возможность передать этих детей на воспитание в семьи граждан Российской Федерации, либо на усыновление родственникам детей независимо от гражданства и места жительства этих родственников¹. Как же быстро и своевременно понять, что устройство российского ребенка невозможно в российскую семью? Как

---

¹ Федеральный закон от 29 декабря 1995 г. «Семейный Кодекс Российской Федерации» // Российская газета 22 октября 2007 г. № 33.

учесть «желательность преемственности воспитания ребенка и его этническое происхождение, религиозную и культурную принадлежность и родной язык» и при этом дать ребенку надежду на создание новой семьи?

Вопрос усыновления иностранными гражданами и лицами без гражданства российских детей всегда был остр и злободневен. Во многих иностранных государствах процедура усыновления реализуется сложнее, чем в России. Например, в Германии усыновляемый должен «влиться» в новую семью, как в родную, поэтому ребенку необходимо прекратить все контакты с биологическими родителями. Усыновление в немецком государстве возможно только обоими супругами. Предельный возраст усыновителей должен быть 21 год для женщин и 25 – для мужчин. В германском законодательстве есть возможность признать усыновление недействительным, в российском государстве данного решения нет.

Во Франции для осуществления процедуры простого усыновления необходимо согласие его биологических родителей. Кроме того, судья должен получить не просто согласие ребенка на усыновление, но и установить характер сложившихся между ним и усыновляемым отношений. Данная норма императивно закреплена в Гражданском кодексе Франции «Могут быть усыновлены только дети, знакомые с усыновителями в течение, по меньшей мере, шести месяцев».

В США нет единого подхода к вопросу усыновления: каждый штат решает его самостоятельно. В США усыновление ребенка возможно только для определенных категорий жителей США. Семейная пара должна быть в браке не менее двух лет. Если усыновлять собирается одинокий человек, его возраст минимальный – 25 лет, уровень дохода семьи или одинокого усыновителя должен на 25 % превышать средний уровень дохода данного региона США. Также каждый претендент на усыновление обязан сдать отпечатки пальцев и пройти проверку в полиции и ФБР².

---

² Печкунова М.С. Правовые основы усыновления детей иностранными гражданами, по законодательству Российской Федерации // Гуманитарные научные исследования. 2018 № 3 [Электронный ресурс]. URL: <http://human.snauka.ru/2018/03/24864> (дата обращения: 20.03.2019).

В 2015 году процент усыновление детей не гражданами Российской Федерации составило 11 %. При этом самыми популярными странами, граждане которых усыновляли или удочеряли российских детей стали Италия, Испания, Франция, Германия.

Правовое регулирование в области усыновления осуществляется с помощью международной конвенции «О защите детей и сотрудничестве в отношении иностранного усыновления», принятой в Гааге 29 мая 1993 г. и подписанной Российской Федерацией 7 сентября 2000 года. Однако данный международный договор не ратифицирован на территории России, поэтому юридической силы не имеет.

Как пишет юрист А.В. Чешев: «Процедура международного усыновления требует повышенного внимания, поскольку усыновляемые дети передаются на воспитание в семьи иностранных граждан, как правило, на территорию другого государства»³. Это обуславливается необходимостью формирования особого порядка международного усыновления и системы мер контроля за усыновленными детьми в целях защиты их прав и законных интересов на территории иностранного государства. Сложность правового регулирования данных семейных правоотношений обуславливается тем, что их участники имеют гражданство двух и более государств, а значит обязаны соблюдать и собственное законодательство.

Существует ряд ограничений, которые не дают возможность предполагаемым усыновителям дать ребенку хорошую обстановку для полноценного и всестороннего развития, не смогут предоставить ему необходимое образование, заботу или даже любви. На сегодняшний день усыновителями в Российской Федерации способны стать все совершеннолетние лица, но есть исключения.

Я считаю, что при заключении международного усыновления органы опеки обязаны проверить международного законодательства на факт законности. Ведь во многих государствах предельный возраст составляет 21-25 лет. И в случае несоблю-

---

³ Чешев А.В. Правовые основы усыновления иностранными гражданами российский детей // Legal Concept 2010. С. 4.

дения международной нормы, если в законодательстве существует основание признания усыновления недействительным, как будет реализовывать решение суда на территории нашего государства?

Обращусь к научной работе студентов КубГАУ А.И. Балащенко и В.И. Нелиной. Авторы акцентируют внимание не только на требования к процедуре усыновления, но и к такому явлению, как «незаконному усыновлению иностранными гражданами». Следует отметить, что в практике встречаются случаи, когда усыновление детей, связано злоупотреблением должностными полномочиями, с взяточничеством, фальсификацией документов и прочими незаконными действиями со стороны будущих опекунов.

При усыновлении/удочерении детей могут возникать альтернативы, связанные с обеспечением безопасности детей-граждан России (или иного государства), усыновленных/удочеренных иностранными гражданами⁴. Помимо этого, незаконными являются действия по усыновлению (удочерению) детей, передаче их под опеку (попечительство), на воспитание в приемные семьи, совершенные в нарушение установленного законом Российской Федерации порядка.

С 2013 года в России установлен запрет по усыновлению детей иностранными гражданами, а именно гражданами США. С одной стороны причинно-следственную связь в данном юридическом факте понять можно. Но не ограничивает ли это международную норму, касающихся прав ребенка? В пункте 1 ст. 20 Конвенции о правах ребенка, ратифицированной Верховным Советом СССР 13.06.1990 г. В данной норме зафиксировано: «Ребенок, который временно или постоянно лишен своего семейного окружения или который в его собственных наилучших интересах не может оставаться в таком окружении, имеет право на особую защиту и помощь, предоставляемые государством». Согласно 21 ст. данного международного договора, хотя между-

---

⁴ Балащенко А.И., Нелина В.И. Проблемы усыновления российских детей иностранными гражданами. Усыновление в России URL: <https://sibac.info/studconf/science/xvi/70009> (дата обращения: 20.03.2019 г.).

народное усыновление и признается альтернативным способом внутригосударственного усыновления, но Федеральный закон Российской Федерации от 28 декабря 2012 года № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод гражданина Российской Федерации» нарушает вышеупомянутую международную норму.

Таким образом, такое явление как международное усыновление имеет ряд правовых проблем и преград. Не смотря на то, что за последние годы в национальное законодательство были внесены изменения касающиеся усыновления, пути преодоления устоявшихся проблем не были решены. Издание закона «Димы Яковлева» с одной стороны, создала базис для защиты прав и законных интересов детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, ограничив право граждан США усыновлять детей Российской Федерации. Но с другой стороны, данный закон создал массу споров и дискуссий о нарушении международных норм, в частности Соглашение между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о сотрудничестве в области усыновления (удочерения) детей.

Последствием вступления в силу выше упомянутого закона стало обращение в Европейский суд по правам человека американских усыновителей, в отношении которых были начаты, но не завершены в 2012 г. процедуры принятия российскими судами решений об усыновлении российских детей.

17 января 2017 г. Европейский судом было принято решение, которым постановлено, что запрет России на усыновление детей дискриминирует потенциальных родителей из США. «В частности, запрет не позволил принять российских детей в США по признаку национальной принадлежности заявителей, и был применен независимо от статуса процедуры усыновления ребенка», – говорится в документе. В пользу 45 американских истцов, которым было отказано в усыновлении детей, несмотря на то что они уже начали эту процедуру, в соответствии с реше-

нием суда Россия в качестве покрытия морального ущерба должна выплатить 75 тыс. евро⁵.

Также одна из проблем, акцентированной в работе, – это международное незаконное усыновление, связанное с нарушением национального и международного законодательств. Причинами нарушений служит злоупотребление должностных полномочий, с взяточничеством, фальсификацией документов и прочими незаконными действиями со стороны будущих опекунов. Например, усыновление братьев и сестер разными семьями, нарушение приоритета усыновления, умолчание, заведомо ложное предоставление сведений об обстоятельствах, отнесенных к усыновлению.

В связи с внесением изменений в скором времени в законодательство в области усыновления, возможно, какие-то из этих аспектов правового регулирования устраняться. Но, с моей точки зрения, необходимо детально регламентировать требования, предъявляемые к иностранным гражданам и лицам без гражданства, желающим усыновить российских детей, а также при решении судебных споров о вопросах усыновления не забывать о нормах законодательства стран, от куда потенциальный усыновитель. Также я считаю в нашей стране необходимо ввести на законодательном уровне такое правовое явление как незаконное усыновление, которое будет признано в судебном порядке.

---

⁵ Россию осудили не по-детски. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2017/01/17/10479515.shtml>.

СТАТУС СОТРУДНИКОВ ЧВОК ПО МЕЖДУНАРОДНОМУ ГУМАНИТАРНОМУ ПРАВУ

Сайфуллин Эмиль Камильевич

*магистрант 2 курса Института законодательства
и сравнительного правоведения при Правительстве РФ
emil-vostok@list.ru*

Частные военные и охранные компании (далее ЧВОК) стали неотъемлемым элементом глобальной безопасности. Государства, международные организации, транснациональные компании и даже физические лица ежедневно прибегают к услугам ЧВОК в различных регионах мира. В свою очередь список этих услуг крайне широк: от вооружённой охраны, строительства и логистики в зонах вооружённых конфликтов, до разведки и консалтинга. При этом мировой рынок ЧВОК – это уже сотни компаний с миллиардными оборотами. Несмотря на значительные размеры индустрии ЧВОК и занимаемое заметное место в военных операциях многих стран, деятельность сотрудников ЧВОК остаётся не урегулированной международным правом.

Важность определения международно-правового статуса человека на войне невозможно переоценить. Именно от статуса зависит правовое положение во время вооружённого конфликта и последствия участия в нём. Каждый статус даёт определённые права и накладывает определённые обязанности. От статуса зависит имеет ли лицо право на участие в боевых действиях, является ли он военнопленным или гражданским лицом, разведчиком или шпионом и т.д. Круг вопросов, определяемых статусом очень широк.

Даже несмотря на то, что ЧВОК зачастую действуют в зонах вооружённых конфликтов, их правовой статус не определён. Проблема в том, что действующее международное гуманитарное право не знает такой категории как частные военные и охранные компании. А неопределённость статуса сотрудников

ЧВОК порождает неопределённость их ответственности и ответственности их руководства.

Самое распространённое заблуждение – статус ЧВОК следует приравнять к статусу наёмничества. Причём встречается такое мнение и в СМИ, и в экспертной среде.

В статье 47 Первого дополнительного протокола 1977 года к Женевским конвенциям 1949 года, в пункте 2 дано определение наёмника:

«Наемник — это любое лицо, которое: а) специально вербовано на месте или за границей для того, чтобы сражаться в вооруженном конфликте; б) фактически принимает непосредственное участие в военных действиях; в) принимает участие в военных действиях, руководствуясь, главным образом, желанием получить личную выгоду, и которому в действительности обещано стороной или по поручению стороны, находящейся в конфликте, материальное вознаграждение, существенно превышающее вознаграждение, обещанное или выплачиваемое комбатантам такого же ранга и функций, входящим в личный состав вооруженных сил данной стороны; д) не является ни гражданином стороны, находящейся в конфликте, ни лицом, постоянно проживающим на территории, контролируемой стороной, находящейся в конфликте; е) не входит в личный состав вооруженных сил стороны, находящейся в конфликте; и ф) не послано государством, которое не является стороной, находящейся в конфликте, для выполнения официальных обязанностей в качестве лица, входящего в состав его вооруженных сил»¹.

Интересно, что ст.47 не ставит наёмников вне закона, а лишь лишает их статуса комбатанта или военнопленного в пункте 1. Преступный же характер наёмничества закреплён в Конвенции о ликвидации наемничества в Африке 1977 г. и Международной конвенции о борьбе с вербовкой, использова-

---

¹ Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I). Женева, 8 июня 1977 года. URL: http://www.icrc.org/rus/assets/files/2013/ap_i_rus.pdf (дата обращения 29.04.2019).

нием, финансированием и обучением наемников 1989 г., там же практически цитируется определение данное в ст. 47 Первого протокола 1977 г.

Из анализа приведённого определения становится понятен критерий почему ЧВОК – это не наёмники. ЧВОК не могут и не принимают непосредственное участие в боевых действиях, в отличие от наёмников. У ЧВОК нет такого права. Это основополагающее начало для самой сути ЧВОК.

ЧВОК – это частная военная и охранная компания, т.е. легально работающее, зарегистрированное в установленном законом порядке юридическое лицо. Компания эта платит налоги, её сотрудники официально оформлены и помимо зарплаты, получают все те же социальные гарантии, что и рядовой офисный работник любой корпорации, коих кстати в ЧВОК работает порой столько же, сколько непосредственно и оперативных сотрудников – операторов ЧВОК. Крупные ЧВОК имеют разветвлённую сеть офисов по всему миру, более того их акции торгуются на биржах.

Очень важный момент состоит в том, что информацию о ЧВОК, всегда можно востребовать в национальных государственных регистрирующих ведомствах или реестрах юридических лиц. ЧВОК действуют в рамках правового поля и государства происхождения, и государства пребывания, и страны заказчика, и конечно же международного права. Ни одна из широчайшего круга услуг предоставляемых ЧВОК не противоречит закону. При этом ЧВОК зачастую это не вооружённые специалисты: они осуществляют оценку рисков ведения бизнеса в регионах повышенной опасности, проводят мониторинговые операции, строят лагеря для беженцев, прорабатывают каналы снабжения, оказывают посреднические услуги с представителями местного населения либо вооружёнными группировками для стабилизации обстановки в конкретной локации в интересах заказчика.

Стоит отметить, что многие ЧВОК оказывая одновременно разнообразный спектр услуг от строительства, инкассации ценностей и логистики до разведки и вооружённой охраны часто не называют себя частной военной или охранной компа-

нией, не желая ассоциироваться с этим понятием, хотя по факту являясь полноценной ЧВОК.

Согласно международному гуманитарному праву, существует только одна категория, которая имеет юридическое основание и право участвовать в боевых действиях уничтожая при этом живую силу и технику противника, а также его военные объекты – это комбатанты. Очень важно, что за эти действия комбатанты не несут уголовную ответственность, если, конечно, при этом не было совершено военных преступлений.

Пункт 2 ст. 43 I Дополнительного Протокола 1977 года к Женевским конвенциям 1949 года гласит: «Лица, входящие в состав вооруженных сил стороны, находящейся в конфликте (кроме медицинского и духовного персонала, о котором говорится в статье 33 Третьей конвенции), являются комбатантами, т.е. они имеют право принимать непосредственное участие в военных действиях»².

Кроме того, в статье 1 Приложения к Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны 1907 года можем встретить набор признаков обязательных для комбатанта: «Военные законы, права и обязанности применяются не только к армии, но также к ополчению и добровольческим отрядам, если они удовлетворяют всем нижеследующим условиям: 1) имеют во главе лицо, ответственное за своих подчиненных; 2) имеют определенный и явственно видимый издали отличительный знак; 3) открыто носят оружие и 4) соблюдают в своих действиях законы и обычаи войны. Ополчение или добровольческие отряды в тех странах, где они составляют армию или входят в ее состав, понимаются под наименованием армии»³.

---

² Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I). Женева, 8 июня 1977 года. URL: http://www.icrc.org/rus/assets/files/2013/ap_i_rus.pdf (дата обращения 29.04.2019).

³ Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны, 18 октября 1907 года с приложением: Положение о законах и обычаях сухопутной

Статья же 2 указанного Приложения говорит, что «Население незанятой территории, которое при приближении неприятеля добровольно возьмется за оружие для борьбы с вторгающимися войсками и которое не имело времени устроиться, согласно статье 1, будет признаваться в качестве воюющего, если будет открыто носить оружие и будет соблюдать законы и обычаи войны».

В итоге, к списку комбатантов кроме военнослужащих прибавляются ещё несколько категорий таких как ополчение, добровольческие отряды и стихийно взявшееся за оружие население, чтобы считаться комбатантами последние должны соответствовать только части указанных требований – открыто носить оружие и соблюдать законы и обычаи войны. Эти же положения, в расширенном варианте закреплены в статье 4 Женевской конвенции от 12 августа 1949 года об обращении с военнопленными. Сотрудники ЧВОК формально соответствуют практически всем составляющим статуса комбатанта: открыто носят своё оружие, имеют знаки отличия, а зачастую даже форменную одежду, ими всегда руководит ответственное лицо, и в своих действиях они соблюдают законы и обычаи войны. Но вот только ЧВОК не имеют права принимать непосредственного участия в боевых действиях, и соответственно комбатантами не являются.

Далее, в пункте 3 статьи 43 I Дополнительного Протокола 1977 года к Женевским конвенциям 1949 года можно встретить следующее: «Всякий раз, когда сторона, находящаяся в конфликте, включает в свои вооруженные силы полувоенную организацию или вооруженную организацию, обеспечивающую охрану порядка, она уведомляет об этом другие стороны, находящиеся в конфликте»⁴.

войны. URL: <https://www.icrc.org/rus/resources/documents/misc/hague-convention-iv-181007.htm> (дата обращения 29.04.2019).

⁴ Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I). Женева, 8 июня 1977 года. URL: http://www.icrc.org/rus/assets/files/2013/ap_i_rus.pdf (дата обращения 29.04.2019).

Таким образом, в случае если государство-наниматель на период действия договора с ЧВОК, сделает её подразделения частью своей армии, то ЧВОК теоретически может стать комбатантом и принять непосредственное участие в боевых действиях. Но на практике, государства не идут на этот шаг, да и навряд ли когда-нибудь пойдут. В глазах заказчиков это лишит ЧВОК всех выгод и преимуществ: это меняет всю экономику взаимоотношений, перекадывая финансовые риски на государство. Вместо оперативного заключения контракта с возможностью расторгнуть его в любой момент, придётся проводить продолжительный процесс включения сотрудников ЧВОК в состав Армии, и процесс этот скорее всего потребует одобрения национального парламента. И самое главное, именно государство будет отвечать за все противоправные действия сотрудников ЧВОК, уже как за своих солдат.

Также не стоит забывать, что заказчиками ЧВОК помимо государства могут выступать и физические лица, и бизнес структуры, и международные организации, которые не обладают вооружёнными силами куда можно было бы включить ЧВОК. И поэтому применение этой нормы на практике маловероятно. Легко представить ситуацию, при которой, сотрудников ЧВОК захватывает в плен одна из сторон конфликта. Тогда бы им помог статус военнопленного. Военнопленные обладают всей полнотой прав на человеческое отношение, медицинское обслуживание, питание, достойные условия содержания и главное беспрепятственное возвращение домой после завершения вооружённого конфликта.

Интересный факт: согласно статье 62 Конвенции об обращении с военнопленными 1949 года – военнопленным, в случае привлечения их к любой работе, должна выплачиваться заработная плата, которая не может быть ниже одной четвертой швейцарского франка за рабочий день. Однако операторы частных военных и охранных компаний в силу отсутствия статуса комбатанта, в случае их пленения не будут считаться военнопленными, что не даст им возможность пользоваться всеми правами этого статуса. Далее, наделение ЧВОК статусом комбатан-

тов позволило бы помимо законного участия в боевых действиях быть и легальными объектами атаки противником. Ведь нанося удары по военным объектам и живой силе противника, неизбежно будут атакованы и сотрудники ЧВОК работающие там. В таком случае, у атакующей стороны может возникнуть ответственность за убийство сотрудников ЧВОК как гражданских лиц.

Определение статуса сотрудников ЧВОК как гражданских лиц, является одной из дискуссионных и поддерживаемой некоторыми экспертами идей. В самом деле, большая часть оказываемых «частниками» услуг не требует ношения оружия или вовсе присутствия в зоне конфликта. Это гражданская работа в декорациях войны: ремонт техники, настройка сложной аппаратуры, логистика, аналитическая работа, учебная и образовательная деятельность и многое другое. Вооруженные бородатые парни на броневиках составляют лишь часть от штата ЧВОК, и порой это меньшая часть.

Однако, тогда обнаруживается коллизия, при которой сотрудники ЧВОК, признанные гражданскими лицами, автоматически переходят под защиту международного гуманитарного права и не могут являться объектами нападений. Таким образом, получается, что вооружённые сотрудники ЧВОК, действующие в интересах одной из воюющих сторон и извлекающими из всего происходящего выгоду, получают тот же статус и те же привилегии что и мирные жители, в силу непреодолимых сил, оказавшиеся на территории, где ведутся боевые действия.

Из этого простого примера становится понятным, что недопустимо приравнивать сотрудников ЧВОК к статусу гражданских лиц.

В сложившейся ситуации, хочется обратить внимание на подпункт 4 пункта А статьи 4 Женевской конвенции об обращении с военнопленными 1949 года, в которой перечислены категории относящиеся к статусу «военнопленные»: «Лица, следующие за вооруженными силами, но не входящие в их состав непосредственно, как, например, гражданские лица, входящие в экипажи военных самолетов, военные корреспонденты, постав-

щики, личный состав рабочих команд или служб, на которых возложено бытовое обслуживание вооруженных сил, при условии, что они получили на это разрешение от тех вооруженных сил, которые они сопровождают, для чего эти последние должны выдать им удостоверение личности прилагаемого образца»⁵.

Представляется, что именно эта норма среди действующего международного гуманитарного права наиболее приближена к сути и природе ЧВОК и определяет статус их сотрудников. Она отражает общий характер их деятельности. Большой плюс статуса сотрудников ЧВОК, как «лиц, следующих за вооружёнными силами» в том, что он не наделяет их правом непосредственно принимать участие в боевых действиях, но при этом в случае попадания в плен они получают статус военнопленного. Разумеется, эта норма не охватывает всех возможных случаев деятельности ЧВОК, однако для решения текущих проблем до принятия международно-правового договора регулирующего деятельность ЧВОК, лучшего примера не найти.

---

⁵ Женевская конвенция от 12 августа 1949 года об обращении с военнопленными. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_prisoners_1.shtml (дата обращения 29.04.2019).

К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ ДОБРОВОЛЬЦЕВ В СОВРЕМЕННЫХ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТАХ ПО МЕЖДУНАРОДНОМУ ГУМАНИТАРНОМУ ПРАВУ

Смирнов Михаил Гурамович

к.ю.н., доцент, РГУ нефти и газа

В свете значительной политизации современных вооружённых конфликтов следует отметить, что поток добровольцев значительно возрос. Не говоря о регионе Ближнего Востока, где значительное количество воюющих у каждой из сторон составляют наёмники и добровольцы, а также военные советники всех заинтересованных государств, можно отметить и ситуацию на востоке Украины, где значительное количество воюющих оказались в окопах не по призыву, а из корыстных или идеологических побуждений. В связи с вышеописанными тенденциями, многие государства-«доноры» добровольцев начали изменять уголовное законодательство, с целью воспрепятствовать участию своих граждан в вооружённых конфликтах. Обратимся к примерам из новейшей истории.

В Беларуси 26 сентября 2017 года был осуждён военно-служащий ДНР Алексей Ершов на 2 года заключения. Обвинение было выдвинуто по двум статьям Уголовного кодекса Республики Беларусь – наёмничество и участие в иностранных вооружённых формированиях. Удалось доказать участие в вооружённых формированиях иностранного государства. Однако возник вполне логичный вопрос – наёмник или доброволец? Можно ли преследовать добровольца за его действия? Нет ли противоречия между нормами международного гуманитарного права и национальными уголовными законами?

Среди источников, позволяющих квалифицировать данное понятие, следует назвать Первый дополнительный протокол 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г. и Конвенцию 1989 года «О борьбе с вербовкой, использованием, финансированием обу-

чением наёмников». Среди квалифицирующих признаков выделяют следующие:

А) лицо было специально завербовано для участия в вооружённом конфликте.

Б) лицо принимает участие в конфликте с целью личной выгоды, получая при этом вознаграждение больше, чем аналогичные военнослужащие местной армии;

В) лицо не является гражданином воюющей страны и не проживает на территории такой страны;

Г) лицо не входит в личный состав вооружённых сил;

Д) лицо не направлено своим государством с официальной миссией.

С другой стороны, доброволец имеет ряд отличных от наёмника квалифицирующих признаков. IV Гагская конвенция о законах и обычаях сухопутной войны приводит следующие требования для квалификации наёмников (Глава 1, статья 1):

А) имеют во главе командование, ответственное за своих подчинённых;

Б) имеют определённый и явственно видимый издали знак отличия;

В) открыто носят оружие;

Г) соблюдают в своих действиях законы и обычаи войны.

Ополчение или добровольческие отряды в тех странах, где они составляют армию или входят в её состав, понимаются под наименованием армии».

V Гагская конвенция о правах и обязанностях нейтральных держав и лиц в случае сухопутной войны в статье 4 говорит: «На территории нейтральной державы в пользу воюющих не могут формироваться военные отряды и открываемы учреждения для вербовки», одновременно статья 6 гласит, что «ответственность нейтральной державы не возникает вследствие того, что частные лица отдельно переходят границу, чтобы поступить на службу одного из воюющих».

Вместе с тем, уголовное законодательство ряда стран предусматривает ответственность таких лиц, добровольно воюющих в иностранных государствах. Так, Уголовный кодекс

Республики Беларусь с 2016 года предусматривает ответственность по статье 361-3 «Участие на территории государства в вооружённом формировании или конфликте, вербовка либо подготовка к такому участию». Уголовный кодекс Республики Казахстан с конца 2016 года ввёл дополнения в статью 172 «Умышленное неправомерное участие гражданина РК в вооружённом конфликте или военных действиях на территории иностранного государства при отсутствии признаков наёмничества».

Впрочем, запрет на участие своих граждан не является новеллой в уголовном законодательстве многих стран. Так, Уголовный кодекс ФРГ в разделе «Преступные деяния, направленные против обороны страны» содержит статью «Вербовка для иностранной военной службы», Уголовный кодекс Израиля содержит статью 122 «Вербовка в иностранные вооружённые силы», Уголовный кодекс Швеции содержит статью 12, относящуюся к разделу «О преступлениях против безопасности Королевства» - «лицо, которое в пределах королевства вербует и склоняет к участию в иностранных армиях.. подлежит наказанию». Наконец, даже старейший уголовный закон Англии подразумевает наказание для добровольцев. В 1870 году Акт о службе иностранному государству запретил британским подданным воевать на стороне того государства, с которым Британия не воюет вместе против общего противника.

В Российской Федерации для лиц, участвующих в иностранных вооружённых формированиях, предусмотрена статья 208 «Организация незаконного вооружённого формирования или участие в нём», часть вторая которой касается именно добровольцев. Здесь следует отметить, что в России к вопросу несоответствия статуса добровольцев и подошли менее категорично – «Участие в вооружённом формировании, не предусмотренном федеральным законом, а также участие на территории иностранного государства в вооружённом формировании, не предусмотренном законодательством данного государства, в целях, противоречащих интересам Российской Федерации...».

Следовательно, можно сделать вывод, что участие добровольцев в целях, соответствующих интересам России, допускается.

Следует привести несколько примеров, иллюстрирующих отличия классического наёмника от добровольца. Например, известный в мире «солдат удачи» Боб Денар, которого французские СМИ окрестили «королём наёмников». Первоначально известный под именем Жильбер Буржо, он воевал в Конго в 1960 годы XX века против правительства Патриса Лумумбы и небезызвестного революционера Эрнесто Гевары, совмещая, по сути, интересы правительства Бельгии и собственное желание заработать. В 1978 году Денар прославился рейдом на Коморские острова, в ходе которого было свергнуто правительство антизападной ориентации. Следует признать, что собственный коммерческий интерес здесь опять же совпадал с интересами Франции и государств антикоммунистической идеологии. Прибыль Боба Денара выразилась в том, что являясь командующим президентской гвардией Коморских островов, он до последующего переворота в 1989 году стал крупнейшим бизнесменом и миллионером в захваченном им государстве.

Таким же классическим примером наёмничества может быть дело «полковника Каллэна», наёмника, захваченного в Анголе в 1976 году. Вместе с группой белых наёмников он воевал в антиправительственной группировке ФНЛА против правительственной МПЛА, был захвачен с группой таких же наёмников в плен и предан суду, который вошёл в историю как «процесс наёмников в Луанде». На суде был доказан корыстный интерес захваченных наёмников к участию в военных действиях, наёмники были осуждены на различные сроки тюремного заключения, «полковник Каллэн» и ещё несколько «серых гусей» были казнены.

С другой стороны, можно обратиться к опыту гражданской войны в Испании 1936-1939 годов. На стороне Республики выступало более 32 тысяч человек иностранных добровольцев, число которых и национальная принадлежность приводятся в таблице.

Сводная таблица иностранных добровольцев в Испанской республике 1936-1939 гг.		
национальная принадлежность	количество	подразделение
французы/бельгийцы	10 тысяч/3 тысячи	14я интербригада «Марсельеза»
немцы/австрийцы	5 тысяч/2 тысячи	11я интербригада «Тельман»
итальянцы	3354 человека	12 интербригада «Гарibaldi»
американцы	2800 человек	15 интербригада, батальоны «Линкольн» и «Вашингтон»
британцы	2300/526	15 интербригада, батальон «Том Манн»
Славяне (поляки, югославы, венгры, чехи)	Около 5 тысяч	13 интербригада «Домбровский»
Всего/погибшие	32 тысячи человек/погибли 7852	

Большинство добровольцев отправились на войну по линии Коминтерна и левых партий, прежде всего, коммунистических. Тем не менее, в противодействии фашизму участвовали и люди демократических убеждений, например, в Мадриде долгое время находился всемирно известный писатель Эрнест Хемингуэй, написавший по мотивам испанской войны книгу «По ком звонит колокол», в одно время с ним на стороне Республики выступал другой известный борец с фашизмом и тоталитаризмом Джордж Оруэлл. Все добровольцы получали от Республики оружие, вещевое и продовольственное содержание, однако не могли рассчитывать на сколько-нибудь значительное денежное вознаграждение. Напротив, многие добровольцы привозили с

собой пожертвования от сограждан, сочувствующих их борьбе с фашизмом Франко. Советские «добровольцы» (как их называла отечественная пресса), с точки зрения международного права были военными советниками, поскольку отправка оружия, снаряжения и личного состава велась целенаправленно, на основании советско-испанских соглашений. Их статус был отличен как от добровольцев (которые добирались на войну самостоятельно, часто с риском уголовного преследования на родине), так и от наёмников – советские военные специалисты не получали никакого дополнительного вознаграждения и не имели корыстных мотивов. Более того, их миссия официально подтверждалась и контролировалась правительством СССР.

Таким образом, можно сделать вывод о несоответствии современных уголовных законов различных стран Гаагским конвенциям 1907 года. Современное международное гуманитарное право признаёт за добровольцами статус комбатантов и право на защиту.

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ ВИДЫ ОРУЖИЯ В КОНТЕКСТЕ УСТАНОВКИ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА

Смирнов Михаил Гурамович

к.ю.н., доцент

РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина

Развитие права всегда отражало развитие общества, что можно считать аксиомой. Технические новинки неизбежно проходили через анализ законодателя и правовое оформление. Это могли быть как национальные законы или даже ведомственные стандарты, так и международные правовые акты. В большинстве случаев задача законодателя заключалась в упрощении эксплуатации различными службами новых видов техники. Также активно внедрялись новые стандарты безопасности, как было, например, в морском и воздушном праве. Говорить о гуманизации законов необходимости не было, поскольку в технических новинках отсутствовала моральная составляющая.

Однако сфера средств ведения войны с течением времени потребовала отдельного правового регулирования. Развитие философской мысли в Европе XIX века привело к усилению вопросов морали и нравственности, воспитания людей и позитивного развития человечества. Идеи Гуго Гроция, заложенные в начале XVII века в работе «*De jure belli ac pacis libri tres*» («Три книги о праве войны и мира») привели к идее ограничения средств и методов ведения войны и, в конечном счете, созданию международного гуманитарного права.

Говоря о средствах ведения войны, следует выделить т.н. «гаагские ограничения», которые были сформулированы к 1907 году по результатам Гаагских конференций 1899 и 1907 годов. В дальнейшем средства ведения войны многократно ограничивались или запрещались, но подход к регулированию оставался неизменным.

Во-первых, средство ведения войны должно стремиться к избирательному характеру действия. То есть оружие и бое-

припасы, наносящие удар по большой площади, с вероятностью нанесения ущерба гражданским лицам, будет запрещаться или ограничиваться. Во-вторых, оружие не должно наносить излишних страданий, а лишь выводить противника из строя. В последние годы XIX века в эту категорию попали отравленные и разрывные пули. Однако в задачу настоящей статьи не входит ретроспективный анализ всех средств ведения войны, которые были ограничены или запрещены.

Попробуем дать оценку некоторым современным достижениям в сфере развития вооружений с точки зрения международного права.

Высокоточное оружие – оружие, имеющее технические возможности наведения боеприпаса на цель с помощью радиолуча или иным образом на протяжении всего участка полёта до цели. Поскольку высокоточное оружие прямо соответствует положениям IV Гаагской конвенции «О законах и обычаях сухопутной войны» 1907 года, следует предположить, что развитие высокоточных систем будет продолжено. Также следует отметить, что высокоточное оружие позволяет игнорировать ещё один важный принцип международного гуманитарного права – запрещение средств, имеющих неизбирательный характер действия. Статья 51 первого Дополнительного протокола к Женевским конвенциям 1949 года «О защите жертв войны» прямо указывает квалифицирующие признаки:

а) нападения, которые не направлены на конкретные военные объекты;

б) нападения, при которых применяются методы или средства ведения военных действий, которые не могут быть направлены на конкретные военные объекты; или

с) нападения, при которых применяются методы или средства ведения военных действий, последствия которых не могут быть ограничены, как это требуется в соответствии с настоящим Протоколом;

и которые, таким образом, в каждом таком случае поражают военные объекты и гражданских лиц или гражданские объекты без различия.

Следует предположить, что управляемые боеприпасы, в первую очередь ракеты, будут всё больше применяться на театре военных действий (ТВД) с городской застройкой, а также в тех местностях, где не были удалены гражданские лица.

Оружие массового поражения нелетального характера. К таковым относятся различные химические вещества, прежде всего, не попадающие под действие Гаагской конвенции «О законах и обычаях сухопутной войны» 1907 года, которая в статье 23 прямо запрещает «употреблять оружие, снаряды или вещества, способные причинять излишние страдания» (пункт Д). С другой стороны, химические вещества нелетального действия не попадают под определение химического оружия, как сказано в Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении, поскольку для того, чтобы вещество относилось к химическому оружию, оно «...за счет своего химического воздействия на жизненные процессы может вызвать летальный исход, временный инкапситурующий эффект или причинить постоянный вред человеку или животным» (статья 2, пункт 2 Конвенции). Также следует отметить, что нелетальные химические вещества не только разрешаются к применению, но и специально определяются в Конвенции 1993 года, как «химическое средство для борьбы с беспорядками», к которому относятся любой химикат, «способный быстро вызывать в организме человека раздражение органов чувств или физические расстройства, которые исчезают в течение короткого промежутка времени после прекращения воздействия» (статья 2, пункт 7). Следовательно, любые средства слезоточивого, обжигающего или психического действия могут быть использованы без претензий со стороны международных организаций.

Следует отметить, что Конвенция 1974 года «О запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении» имеет более радикальный характер, запрещая использование любых патогенных микроорганизмов, не важно: летального или нелетального действия. С другой стороны, мож-

но отметить, что конвенция не запрещает исследования в сфере бактерий и вирусов, а при наличии развитой биохимической промышленности и множества производств двойного назначения, воссоздать завод по производству боевых биологических веществ не представляется сложной технической задачей. Применительно к США следует отметить, что в 2001 году администрация президента Дж. Буша отказалась ратифицировать Протокол к Конвенции, который создавал механизм взаимных проверок выполнения конвенций.

Перспективным направлением в данной области являются модификации естественных заболеваний, которые позволяли бы скрыть искусственный характер вмешательства. К примеру, вирус гриппа в природе многократно эволюционировал самостоятельно, поэтому создание новых его версий не будет привлекать внимания. Также следует предположить продолжение исследований в сфере сельскохозяйственных вирусов и возбудителей болезней у животных. В условиях низкого фитосанитарного и ветеринарного контроля в большинстве государств мира, прежде всего развивающихся, подрыв экономического потенциала конкурента представляется вполне исполнимой задачей. Следует отметить, что опыт целенаправленного заражения растений имеется у США как минимум со второй половины 1950-х годов XX века.

Говоря о традиционных направлениях разработок, следует упомянуть различные нелетальные формы поражения, когда противник не уничтожается, а гарантированно выводится из строя. Из известных возбудителей проводились исследования с туляремией. Также, упоминая о достижениях генетики, следует предположить теоретическую возможность использования биологического оружия против определённых генетических и расовых групп населения.

Среди перспективных направлений следует упомянуть оружие с высокой степенью готовности. Ограничения стратегических вооружений в основном затрагивают два аспекта – количество носителей ядерного оружия и количество самих ядерных зарядов. Все современные международные соглашения имеют

в основе соглашения времён Холодной войны, когда СССР и США наращивали т.н. «ядерную триаду». Однако современные системы вооружений допускают нанесение удара обычными боеприпасами со стратегических носителей. Следовательно, создание модульных стратегических систем позволяет обходить все запреты Договоров «Об ограничении стратегических вооружений» (ОСВ-1, 2), Договоров «О сокращении наступательных вооружений» (СНВ-1,2,3) и некоторых сходных договоров вроде Договора «О ракетах средней и меньшей дальности» 1987 года.

Здесь следует выделить две основные задачи промышленно развитых государств. Во-первых, в США была принята доктрина «Быстрого глобального удара», допускающая применение обычных боеприпасов со стратегических носителей. Во-вторых, разработка систем двойного назначения, по сути, привела к необходимости новых международных соглашений. Так, оснащение беспилотных летательных аппаратов дальнего действия субракетами не нарушает положений Договора «О мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений» (англ. «NEW START»). Также создание космического аппарата типа «шаттл» с системой запуска с его борта спутников даёт возможность обойти положения Договора 1967 года «Об общих принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела», поскольку статья 4 договора запрещает размещение в космосе и на небесных телах оружия массового уничтожения, испытание любых видов такого оружия и военные маневры, но ничего не говорит о подготовке космических аппаратов с обычными видами вооружений. Кроме того, если подходить к договору с формальной стороны, то применение оружия «шаттлом» после схождения с орбиты и покидания космического пространства (100-105 км) не будет считаться нарушением Договора.

Оружие с элементами ИИ – применение многоуровневых селективных систем и роботизированных поражающих боеприпасов приведёт к увеличению качества гуманных средств

ведения войны с точки зрения Гаагских и Женевских конвенций. Однако одновременно усложнение конструктивных элементов боеприпасов электроникой приведёт к их удорожанию. В результате может возникнуть экономическая проблема, когда стоимость затрат на войну будет превышать стоимость результата такой войны. В свою очередь, армии стран, не располагающих значительными бюджетами, будут стремиться применять самые недорогие средства поражения, оставаясь, по сути, на уровне XX века.

Среди перспективных видов оружия следует выделить такие нетрадиционные, как инфразвуковое (вызывающее панику или прострацию), лазерное (вызывающее временное ослепление), кинетическое (применение кинетических стрел при орбитальной бомбардировке). Поскольку отдельными конвенциями их положение не регулируется, то и разработка с последующей постановкой на вооружение не будет считаться нарушением норм международного права. Впрочем, если будет доказан необратимый вред здоровью или неизбирательный характер действия такого оружия, то будет создан правовой казус требовать отказа от таких систем или ограничения их применения.

Таким образом, можно сделать вывод, что все перечисленные в статье перспективные виды оружия будут находиться под влиянием норм международного гуманитарного права. С другой стороны, в интересах мира и международной безопасности как можно скорее регламентировать международными нормами перспективные средства ведения войны.

СОВРЕМЕННЫЕ ВООРУЖЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ: ПРОБЛЕМЫ И ВЫЗОВЫ

Филатова Виктория Викторовна

*к.ю.н., доцент, доцент кафедры международного
и интеграционного права юридического факультета
имени М.М. Сперанского Института права и национальной
безопасности РАНХиГС при Президенте РФ
victoria-vf@mail.ru*

*«Война – зло. Её ведут с помощью больших
несправедливостей и насилия, но для честных людей
и на войне существуют некоторые законы.
Нельзя гнаться за победой, если выгоды какие она дает,
будут приобретены путем низости и преступления»
Плутарх, древнеримский историк*

В настоящее время в современном мире наблюдается увеличение числа вооруженных конфликтов. Причем, если ранее, вооруженные конфликты носили преимущественно международный характер, то для второй половины XX начала XXI века характерно увеличение вооруженных конфликтов немеждународного характера. Все подобные конфликты характеризуются негативными последствиями, среди которых можно отметить, в частности, терроризм, потоки беженцев, разрушение памятников истории и культуры. Несмотря на разработку и принятие большого количества конвенций по международному гуманитарному праву, число гражданских лиц среди жертв современных вооруженных конфликтов продолжает увеличиваться. Кроме того, подобные конфликты, как правило, отличаются интенсивностью, что создает угрозу дестабилизации целых регионов. Так, например, распад СССР и Югославии привел к возникновению более чем десяти этнополитических конфликтов¹.

---

¹ Акимов Н.А. Вооруженные конфликты: понятие, виды, причины, способы разрешения // Военно-юридический журнал. 2010. № 4. С. 3.

Также необходимо отметить, что конфликты, произошедшие в последние десятилетия в различных странах мира, показывают, что принципиально меняется состав участников вооруженных конфликтов. Международное сообщество, другие государства все чаще вмешиваются во внутригосударственные вооруженные конфликты, что требует переосмысления места и роли норм международного гуманитарного права в подобных конфликтах и ставит перед международным гуманитарным правом новые вызовы.

Современные вооруженные конфликты выявили в действующем международном праве значительное число неразрешенных проблем. Среди них такие как: статус незаконных комбатантов, статус сотрудников частных военных и охранных предприятий, участвующих в конфликте, установление границ понятия «непосредственное участие в военных действиях», соблюдение норм международного гуманитарного права в ходе миротворческих операций ООН и ряд других².

По мнению Русиновой Н.В., большинство современных вооруженных конфликтов носят так называемый ассиметричный характер, что проявляется в составе участников конфликта, в степени оснащенности сторон и в используемых методах ведения войн³. Следствием такой «ассиметрии» являются попытки злоупотреблений защитой, которая предоставляется международным гуманитарным правом. Большинство из этих проблем Международный Комитет Красного Креста относит к «вызовам современных вооруженных конфликтов»⁴.

---

² Русинова В.Н. Права человека в вооруженных конфликтах: проблемы соотношения норм международного гуманитарного права и международного права прав человека: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2017. С. 4.

³ Русинова В.Н. Права человека в вооруженных конфликтах: проблемы соотношения норм международного гуманитарного права и международного права прав человека: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2017. С. 4.

⁴ International Humanitarian Law and the Challenges of Contemporary Armed Conflicts, Report, Document prepared by the International Committee of the Red Cross, Geneva, October 2015 // URL: <http://www.icrc.org/en/document/international-humanitarian-law-and-challenges-contemporary-armed-conflicts> (дата обращения 15.04.2019 г.).

Именно поэтому представляется актуальным проанализировать современные вооруженные конфликты с точки зрения международно-правового статуса сторон конфликтов и применимости норм международного гуманитарного права к участникам вооруженных конфликтов различного характера.

Традиционно, вооруженные конфликты делятся на международные вооруженные конфликты, под которыми понимается объявленная война или другой вооруженный конфликт между двумя или несколькими государствами, даже если одна из сторон не признает состояние войны⁵. Женевские конвенции также применяются в случае оккупации всей или части территории государства, даже если эта оккупация не встретит вооруженного сопротивления. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I) 1977 г.⁶ к международным вооруженным конфликтам относит ситуации в которых народы ведут борьбу против колониального господства и иностранной оккупации, против расистских режимов в осуществление своего права на самоопределение. Например, борьба Армии Фронта национального освобождения Алжира за независимость от Франции.

В отличие от международных вооруженных конфликтов, вооруженные конфликты немеждународного характера характеризуются военными действиями на территории какого-либо государства между его вооруженными силами и антиправительственными вооруженными силами или другими организованными вооруженными группами. Дополнительный протокол к Женев-

---

⁵ Ст. 2 Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны 1949 г. // Международная защита прав и свобод человека. Сборник документов. – М.: Юридическая литература, 1990. С. 512 – 569.

⁶ Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I) 1977 г. // Права человека. Сборник международных договоров. Т. I (часть вторая). Универсальные договоры. – Нью-Йорк и Женева: Организация Объединенных Наций, 1994. С. 1027 – 1106.

ским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера (Протокол II) 1977 г.⁷ конкретизирует признаки таких конфликтов, это: нахождение организованных вооруженных групп под ответственным командованием, осуществление контроля над частью территории государства, который позволяет вести непрерывные и согласованные военные действия и применять указанный Протокол II. Например, к вооруженным конфликтам немеждународного характера можно отнести – вооруженный конфликт между регулярными войсками Сальвадора и Фронтом национального освобождения имени Фарабундо Марти (далее ФНОФМ); вооруженные конфликты на постсоветском пространстве.

Однако, в настоящее время, с учётом усложнившейся правовой природы вооруженных конфликтов, выделяют так называемые интернационализированные вооруженные конфликты. Это вооруженные конфликты немеждународного характера, в которых на стороне одной или нескольких сторон конфликта участвуют иностранные войска или направленные иностранным государством или от его имени вооруженные иррегулярные формирования или наемники⁸. Обстоятельства возникновения подобных вооруженных конфликтов многочисленны и не имеют международно-правовой квалификации. Примером такого конфликта может служить вооруженный конфликт, в который вмешивается иностранное государство, в поддержку повстанческой группировки, осуществляющей борьбу с официальным правительством государства.

Проблемы, возникающие в подобных ситуациях связаны с тем, что достаточно сложно определить применимое право в

---

⁷ Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера (Протокол II) 1977 г. // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLVI. – М., 1993. С. 182 – 191.

⁸ Словарь международного права / Т.Г. Авдеева, В.В. Алешин, Б.М. Ашавский и др.; отв. ред. С.А. Егоров. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2014. С. 45.

целях установления правового положения лиц, участвующих в конфликте и оказания им защиты. Эти проблемы усугубляются еще и тем, что ни Женевские конвенции 1948 г., ни Дополнительные протоколы к ним 1977 г. не содержат каких-либо специальных положений относительно интернационализированных вооруженных конфликтов⁹.

Существует несколько точек зрения относительно того, какие нормы международного гуманитарного права следует применять в ситуации интернационализированного вооруженного конфликта. Многие ученые высказываются в пользу адаптации международного гуманитарного права для применения к немеждународным вооруженным конфликтам с иностранным вмешательством, требуя, чтобы нормы международного вооруженного конфликта применялись ко всем случаям, когда иностранное государство предпринимает действия в пользу одной из сторон в конфликте¹⁰.

Представляется, что подобный подход, является приемлемым, хотя и не разделяется всем мировым сообществом. Тем не менее, применение норм международного гуманитарного права не фрагментарно, безусловно может снизить уровень нарушений норм международного гуманитарного права, что положительно скажется на защите лиц, вовлекаемых в вооруженных конфликтах.

В период возрастающей глобализации проблемы сохранения мира, с которыми сталкивается современное общество, могут быть разрешены только совместными действиями на национальном и особенно на международном уровне¹¹.

---

⁹ Алтухов А.В. Проблема реализации норм, принципов и запретов международного гуманитарного права в условиях существующих вооруженных конфликтов 27.07.2018 // URL: <https://narodirossii.ru/?p=23660> (дата обращения 15.04.2019).

¹⁰ Алтухов А.В. Проблема реализации норм, принципов и запретов международного гуманитарного права в условиях существующих вооруженных конфликтов 27.07.2018 // URL: <https://narodirossii.ru/?p=23660> (дата обращения 15.04.2019).

¹¹ Ершова Ю.Н. Конституционные основы регулирования права на мир // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 12. С. 66.

Таким образом, на основании изложенного можно сделать следующие выводы: действующее международное гуманитарное право в целом отвечая потребностям современных международных отношений, вместе с тем, выявляет ряд проблем, разрешение которых требует совершенствования норм международного гуманитарного права, прежде всего, повышения эффективности их применения. В настоящее время проблемы квалификации и правового статуса участников вооруженных конфликтов являются как никогда актуальными. Государства должны предпринимать усилия по широкому распространению норм Женевских конвенции 1949 г. о защите жертв войны и других соответствующих норм международного гуманитарного права.

Ведь, как отметил председатель Международного Комитета Красного Креста Петер Маурер, в своем выступлении на Московской конференции по международной безопасности, проходившей 4 апреля 2018 г.: «...По самой своей природе международное гуманитарное право — практический инструмент. Оно может определять поведение и побуждать тех, кто связан его нормами, к проявлению сдержанности. Право — это основа, это общий язык, дающий противоборствующим сторонам возможность в конечном итоге сесть за стол переговоров и прийти к взаимопониманию...»¹².

---

¹² Сайт Международного Комитета Красного Креста. URL: <https://www.icrc.org/ru/document/prezident-mkkk-gumanitarnoe-pravo-luchshaya-zashchita-ot-dvoynyh-standartov>. (дата обращения 18.04.2019 г.).

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА ВО ВРЕМЯ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

Щетинский Глеб Валерьевич

*студент кафедры международных отношений
зарубежной истории и документоведения
Самарского национального исследовательского университета
имени академика С.П. Королёва
attano83@gmail.com*

С момента распада биполярной системы, международные отношения вступили в новую фазу развития. Современный мировой порядок характеризуется колоссальной нестабильностью и появлением на карте мира огромного числа горячих точек. Во времена, когда локальные войны зачастую протекают с участием огромного числа участников, нарушения прав человека, со стороны военных лиц стали обыденностью. Даже самые развитые и дисциплинированные военные формирования государств мира периодически совершают военные преступления. В данной статье, автор ставит задачу проследить на примере военных операций Организации Североатлантического договора (далее НАТО), основные случаи нарушения прав человека во время военных операций, а также методы борьбы с ними, как со стороны государств участников конфликтов, так и со стороны Организации Объединённых Наций (далее ООН).

Международное гуманитарное право требует, чтобы стороны в вооруженном конфликте защищали гражданских лиц и некомбатантов, ограничивали средства или методы, которые допустимы во время войны, и соблюдали правила, регулирующие поведение оккупационных сил. Нарушения международного гуманитарного права рассматриваются как военные преступления. Одним из примеров нарушений прав человека во время вооруженных конфликтов и международного гуманитарного права может служить операция «Союзная Сила», проведенная силами НАТО в период с 24 марта по 10 июня 1999 года. С са-

мого начала операции «Союзная Сила», военные и политические ведомства государств-членов НАТО подчеркивали намерение максимально ограничить число жертв среди гражданского населения и сократить любой возможный ущерб гражданским объектам. Практическое выполнение этого обязательства привело к принятию целого ряда решений, касающихся целей, выбора оружия и средств нападения. Несмотря на меры предосторожности, которые включали в себя применение более высокого процента высокоточных боеприпасов таких как «Paveway II LGB» и «JDAM», чем в любом другом крупном конфликте в истории, стоит выделить, что жертв среди гражданского населения избежать не удалось. На этом основании Human Rights Watch провела тщательное расследование гибели гражданских лиц в результате гуманитарной интервенции НАТО¹. На основании этого расследования, Human Rights Watch выявила около 90 отдельных инцидентов с участием гражданских лиц в течение 78 дней бомбардировок. Известно, что в ходе этих инцидентов погибло около 500 и было ранено 820 югославских гражданских лиц. Human Rights Watch определила, что в 62 из 90 случаев, жертвы среди гражданского населения являются следствием бомбардировок военных объектов, обозначенных в ходе предварительного планирования операции «Союзная Сила» и которые являются важнейшими военными объектами для Вооружённых сил Югославии. Все же 9 инцидентов являются результатом нападений на невоенные объекты, которые, по мнению многих организации и в том числе Human Rights Watch являются незаконными, и стратегическая важность которых ставится под сомнение². К таким инцидентам можно отнести бомбардировку здания Радио и Телевидения Сербии 23 апреля 1999 года, которая повлекла за собой 16 погибших гражданских лиц. К похожим инцидентам можно так же можно отнести бомбардировку Белградской тепловой станции и семь мостов, которые не выполняли важных

---

¹ John Shattuck. *Freedom on Fire: Human Rights Wars and America's Response*. Harvard University Press (2005) p. 54.

² Chandra Lekha Sriram, Olga Martin-Ortega, Johanna Herman. *War, Conflict and Human Rights: Theory and Practice* (2009). P. 93.

военных функций. Помимо этого, 33 инцидента произошли в результате бомбардировок объектов, находящихся в густонаселенных городских районах (включая шесть случаев, произошедших в Белграде).

Несмотря на исключительное применение высокоточного оружия при бомбардировке целей в густонаселенных районах, Белград пережил столько же инцидентов, связанных с гибелью гражданских лиц, сколько и любой другой город. Применение кассетных бомб стало решающим фактором гибели гражданских лиц по меньшей мере в трех инцидентах. В целом, применение кассетных бомб США и Великобританией может быть подтверждено в семи инцидентах по всей Югославии. От применения этого оружия погибло от 90 до 150 гражданских лиц. Эти инциденты послужили отправной точкой для реформирования методов ведения войны. В случае вопроса о применимости кассетных боеприпасов, то необходимо указать, что после наиболее серьезного инцидента, связанного с гибелью гражданских лиц произошедшего 7 мая в Нише, в результате которого 14 гражданских лиц было убито и 28 получили ранения, Правительство США издала директиву по которой ограничивалось применение кассетных бомб (по крайней мере, силами ВВС США). Запрет на дальнейшее применение кассетных боеприпасов, значительно сказался на уровне гибели гражданских лиц по мере продолжения войны³. Тем не менее, Королевские военно-воздушные силы Великобритании продолжали использовать кассетные бомбы, что указало на необходимость универсальных, а не национальных норм в отношении применения кассетных боеприпасов. В дальнейшем этот вопрос был урегулирован Конвенцией по кассетным боеприпасам. Касательно остальных инцидентов, стоит указать, что в дальнейшем, были выделенные такие важные проблемы как:

- атака объектов сомнительной военной легитимности (на примере бомбардировки здания Радио и Телевидения Сербии);

---

³ John Shattuck. Freedom on Fire: Human Rights Wars and America's Response. Harvard University Press (2005) p. 144.

- принятие мер предосторожности для выявления присутствия гражданских лиц и транспорта при нападении на автоколонны и мобильные цели (на примере инцидента атаки на гражданскую автоколонну близ города Джяковица);

- принятие мер предосторожности для выявления присутствия гражданских лиц и транспорта при нападении на автоколонны и мобильные цели (на примере инцидента атаки на гражданскую автоколонну близ города Джяковица);

- причинение чрезмерных жертв среди гражданского населения, не приняв достаточных мер для проверки того, что военные объекты не имели концентрации гражданских лиц (на примере инцидента в Корисе).

Устранение этих проблем стало важным пунктом в программе дальнейшего уменьшения жертв среди гражданского населения. Некоторые из этих проблем были решены изменением методов ведения боевых действий в зоне боевых действий и улучшением координации проводимых операций для уменьшения жертв среди гражданских лиц.

Несмотря на предпринятые программы по уменьшению жертв среди гражданского населения и уже имеющийся опыт, основанный на инцидентах, связанных с жертвами в прошлых операциях НАТО, необходимо указать, что некоторые приведенные выше проблемы были так же замечены во время другого конфликта, который так же известен массовым нарушением прав человека. Вторжение в Ирак выявило те же самые проблемы, которые были замечены и во время операции «Союзная Сила». По оценкам различных международных организаций, в ходе вторжения и в первый год оккупации погибло более 10 000 гражданских лиц. По данным организации Human Rights Watch широкое применение кассетных бомб и многочисленные попытки нанесения точечных ударов по высокопоставленным Иракским должностным лицам, зачастую основанные на сомнительных разведанных, привели к гибели сотен иракских гражданских лиц в первые дни вторжения. Коалиционные силы (далее Коалиция) подвергли иракское гражданское население значительному «сопутствующему ущербу» в результате развертывания напалмоподобных зажигательных бомб Mark 77 и широ-

кого применения боеприпасов с обедненным ураном, которые в краткосрочной перспективе высвобождают опасный радиоактивный мусор и создают долгосрочную экологическую опасность для людей, которые подвергаются воздействию загрязненной ураном почвы или воды⁴. Однако к этому списку так же можно добавить, что одна из категорий нарушений прав человека была связана с реакцией государств-членов Коалиции таких как США и Великобритания на действия иракских повстанцев. Оккупация вызвала ожесточенное вооруженное сопротивление со стороны воинствующих суннитских и шиитских слоев иракского населения. Столкнувшись с растущей волной оппозиции, государства-члены Коалиции совершали многочисленные нарушения Международного гуманитарного права в своих попытках подавить мятеж, способствуя циклу сопротивления и репрессий, которые усугубляли повседневный кризис безопасности для обычных иракских граждан⁵. Американские и британские силы стреляли и убивали демонстрантов, бомбили гражданские районы, вторгались в дома в поисках повстанцев, разрушали дома и уничтожали имущество в качестве коллективного наказания, жестоко обращались с заключенными и нарушали глубокие культурные нормы гендерного и социального уважения. Коалиционные силы использовали захват заложников для искоренения подозреваемых повстанцев, произвольно арестовывали и содержали под стражей неопределенное время без предъявления обвинений или доступа к адвокатам. Почти девяносто процентов всех заключенных в содержались в тюрьме Абу-Грейб, где было замечено массовое количество нарушений прав человека, помимо этого были большинство были арестованы без достаточных оснований для того, чтобы признать их ви-

---

⁴ John Hagan, Joshua Kaise, Anna Hanson. *Iraq and the Crimes of Aggressive War: The Legal Cynicism of Criminal Militarism* Cambridge Studies in Law and Society (2015) p. 35.

⁵ John Hagan, Joshua Kaise, Anna Hanson. *Iraq and the Crimes of Aggressive War: The Legal Cynicism of Criminal Militarism* Cambridge Studies in Law and Society (2015) p. 114.

новными в нарушении закона или агрессии против государств-членов Коалиции.

Даже после вторжения Коалиции в Ирак переход государства к функционирующей и устойчивой демократии, основанной на верховенстве права, далек от завершения. Права наиболее уязвимых иракских граждан, особенно женщин и задержанных, нарушаются безнаказанно, и те, кто хотел бы разоблачить должностные преступления или злоупотребления со стороны вооруженных групп, подвергаются огромному риску. Будущее Ирака как общества, основанного на уважении основных прав человека, в значительной степени зависит от того, будут ли Иракские власти адекватно защищать эти права и создавать надежную национальную систему уголовного правосудия, воплощающую международные стандарты в отношении пыток, свободного выражения мнений и насилия в отношении женщин и других уязвимых слоев общества. Многочисленные доклады Human Rights Watch подтверждают, что даже спустя большое количество времени и несмотря на многочисленные подвижки в сторону уменьшения нарушений прав человека, нарушения прав человека в Ираке и жертвы среди гражданского населения происходят на постоянной основе как следствие вторжения Коалиции в 2003 году⁶.

Вышеизложенные примеры подчеркивают, что нарушение прав человека во время вооруженных конфликтов – одна из главных проблем, которую до сих невозможно полностью отрегулировать. Отклики вышеизложенных конфликтов хоть и помогли выявить проблемы в решении вопросов международного гуманитарного права, но также выявили невозможность имплементации всех принятых решений из-за верховенства национального права, когда интересы государства ставятся выше международных.

---

⁶ John Hagan, Joshua Kaise, Anna Hanson. *Iraq and the Crimes of Aggressive War: The Legal Cynicism of Criminal Militarism* Cambridge Studies in Law and Society (2015) p. 260.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие проф. А.Х. Абашидзе</i>	3
--	---

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

<i>Приветственное слово А. Отке</i>	7
<i>Приветственное слово Е. Угриновича</i>	8
<i>Приветственное слово F. Palombino</i>	10
<i>Приветственное слово N. Schrijver</i>	11
<i>Приветственное слово Г. Лукьянцева</i>	14

СЕКЦИЯ «ТЕОРИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА»

<i>Амиров Д.Р.</i> Сравнительно-правовой анализ некоторых иммунитетов дипломатических и консульских средств передвижения иностранных государств на территории Российской Федерации	23
<i>Ануфриева Л.П.</i> Понятие «Общие принципы права» в теории международного права	32
<i>Бурьянов С.А.</i> Глобальные процессы и перспективы развития международного права.....	42
<i>Егорова У.С., Шилова О.П.</i> Квалификация актов Ultra Vires в деятельности международных межправительственных организаций	54
<i>Землянкин Е.В., Фартунов Е.А.</i> Соотношение дипломатических и консульских привилегий и иммунитетов... ..	64
<i>Карбальо М.С.</i> Решение международного суда ООН проводить переговоры по доступу к Тихому океану (Боливия – Чили)	72
<i>Ломсадзе Н.М.</i> Соотношение принципов права наций на самоопределение и территориальная целостность государства.....	83
<i>Мезяев А.Б.</i> К вопросу о признании Российской Федерацией новых правительств в Африке.....	89

Ончукова М.О. Концепция общего наследия человечества в теории и практике современного международного права	100
Прокудина Ю.Н. Правовые основы усыновления иностранцами граждан Российской Федерации	107
Рахманов Ш.Н. Деятельность Комиссии международного права ООН по кодификации и прогрессивному развитию дипломатического права международных организаций.....	113
Ромашев Ю.С. Устные международные договоры в системе источников международного права	123
Рыбаулин В.А. Вселенские соборы первого тысячелетия н.э. как прообраз международных конференций и организаций....	130
Савельев В.М. Принцип Pacta Sunt Servanda в современных условиях международных отношений.....	140
Сарсембаев М.А. Право и логика Казахстанской и международной транспортной логистики.....	150
Тлепина Ш.В. Законодательство постсоветских стран, регулирующее порядок и пределы действия международного права на их территории.....	164
Черниченко С.В. Суверенное равенство государств и вопрос об их реальном равноправии	174
Шахмурадов А.Р. Международная правосубъектность Мальтийского Ордена	177
Щербакова Е.А. Юридические аспекты и сущность соматических прав человека.....	182

СЕКЦИЯ «МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО: НОВЫЕ УГРОЗЫ И ВЫЗОВЫ»

Байрамов Фарман Джангир оглы Современные международные отношения: особенности и актуальные проблемы	191
Бухарбаева С. Международно-правовое регулирование биомедицинских исследований с использованием человеческих эмбрионов	196

Вохминцев И.В. Новые вызовы современному праву международной безопасности	206
Горбунова А.А. Соотношение эвтаназии и права на жизнь	212
Дорожкина Е.А. Международное образовательное право: понятие, система, перспективы	219
Ермекова А. К вопросу о регулировании робототехники и искусственного интеллекта в международном праве	225
Каражан Б.С. Вопросы ответственности транснациональных корпораций в современном международном праве	234
Карпов В.А. Северокорейская ядерная программа: международно-правовые аспекты	243
Кодиров А.З. Мирное разрешение территориальных споров (на примере Голанских высот)	247
Козлова А.А. Международно-правовые аспекты противодействия незаконному обороту человеческих органов в рамках ВОЗ	253
Красицкая Е.С. Право вето в Совете безопасности ООН – ключевой аспект в повестке реформирования ООН	260
Кулушов А. Экстерриториальное применение международных договоров по правам человека.....	269
Кутовая М.И. Применение смертной казни в свете международного права	276
Лобанов Е.И., Дичь О.Д. Противодействие международному ядерному терроризму	284
Малаев Д.В. Имидж как субъективный фактор восприятия государства.....	289
Мальсагова А.С.-С. Международно-правовые последствия признания США: от Косовского прецедента до Голанских высот	294
Мельников Д.Г., Никитенко В.А. Проблемы международно-правового регулирования применения робототехники	300

Мельшина К.Ю. Экстремизм как социально опасное противоправное деяние по международному праву (историко-правовой анализ)	308
Михайлов И.Р. Основные проблемы в функционировании СНГ	320
Михеева В.И. Проблемы малых островных развивающихся государств в фокусе целей устойчивого развития	326
Мысина А.И. Сотрудничество государств – участников Интерпола в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий	335
Патидинов А.В. Современные технологии и вопросы обеспечения безопасности государств	342
Рахимов К.Х. Международно-правовые последствия выхода США из договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД)	347
Сизова О.С. Сравнительный анализ концепции по определению понятия «коррупция»	355
Симонов Р.М., Фролкина А.Н. Толерантность, принципы равенства и «позитивная» дискриминация: их соотношение	359
Симонова А.Е. Биологическое оружие: традиционные и новые угрозы	365
Смылова В.Н. Радикализация и протестная активность населения в свете угроз национальной и международной безопасности	368
Поздеев П.И. Роль и место военной и невоенной силы в международных отношениях.....	379
Шалдина М.О. Кибертерроризм как угроза международной безопасности: история и современность	387
Ширяев Р.С. Правовой анализ присоединения Республики Крым и города Севастополь к составу Российской Федерации ..	395
Яркева Д.Н. Современные проблемы культурной безопасности общества	405

СЕКЦИЯ «МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ СНИЖЕНИЯ РИСКА БЕДСТВИЙ»

- Арефьева Е.В.* О роли науки и технологии в реализации Сендайской рамочной программы по снижению риска бедствий на 2015–2030 годы 413
- Круглов Д.А.* Вопросы невмешательства во внутренние дела суверенных государств при оказании международной гуманитарной помощи в ситуациях бедствий 420
- Лисаускайте В.В.* Формирование культуры безопасности в случае бедствий как элемент реализации Сендайской рамочной программы по снижению риска бедствий на 2015–2030 годы..... 430
- Меретуков З.Д.* Международные инициативы по предотвращению рисков катастроф в Центральной Азии... 438
- Оруджов Эльчин Фахраддин оглы* Меры по противодействию вырубке лесов и ликвидации последствий наводнений (опыт Корейской Народно-Демократической Республики) 443

СЕКЦИЯ «ИНТЕГРАЦИОННОЕ ПРАВО В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА»

- Видус Д.Э.* Правовые механизмы экспансии рынков в региональных торговых соглашениях 449
- Дубровин М.А.* Европейский Союз – первый международный проект добровольной интеграции 455
- Егорова Е.Н.* Социальная повестка Европейского Союза: основные сферы и направления 459
- Костин С.А.* Международно-правовой анализ деятельности СНГ и ОДКБ по обеспечению региональной безопасности..... 464
- Машкова Е.В.* Формирование однородного правового пространства в рамках ЕЭП в результате взаимодействия суда ЕАСТ и национальных судов 473

Мещерякова О.М. Правовые основы выхода из ЕС: брексит и его последствия	478
Постникова Е.В. Правовое регулирование стандартизации услуг в Европейском Союзе	485
Сакбайкызы Асел Сотрудничество Счетного комитета по контролю за исполнением республиканского бюджета Республики Казахстан с органами аудита государств-членов ЕАЭС	495
Сарсембаев Д.М. Валютное регулирование в рамках евразийской интеграции: единая европейская валюта	506
Тучина М.В. Векторы будущего развития судебной системы Европейского Союза по итогам реформы 2015 г.	516
Хачатрян Э.А. Суды интеграционных объединений в системе международного правосудия (на примере суда Европейского Союза и суда Евразийского экономического союза).....	523
Шилина М.Г. Международно-правовые проблемы в деятельности ШОС и БРИКС	531

**СЕКЦИЯ «МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА
КОРЕННЫХ НАРОДОВ. МЕЖДУНАРОДНЫЙ ГОД
ЯЗЫКОВ КОРЕННЫХ НАРОДОВ»**

Рахман А.З. Правовой статус коренных народов в Никарагуа	543
Сушкова Ю.Н. Правовая регламентация языка Мордвы и проблемы его защиты как языка одного из коренных народов России	555
Чеджемов С.Р. Краткий очерк из истории развития осетинского языка	567

СЕКЦИЯ «МЕЖДУНАРОДНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ПРАВО»

<i>Акулинина И.А.</i> Защита детей во время вооруженных конфликтов (международно-правовые аспекты)	577
<i>Алтухов А.В.</i> Правовое регулирование «интернационализованных» вооруженных конфликтов	587
<i>Вахтеров А.В., Воденисова К.А.</i> Превентивные механизмы снижения потерь участников и не участников военных конфликтов.....	592
<i>Горбенко О.В.</i> Квалификация действий Израиля в Сирийской Арабской Республике через призму международного гуманитарного права	606
<i>Кавкалова Ю.Ю., Арлинский П.Д.</i> Институт гуманитарной помощи: правовое измерение.....	612
<i>Кусков А.В.</i> Международно-правовая защита журналистов в условиях вооруженных конфликтов.....	618
<i>Ладутько К.Ф.</i> Проблема определения понятия «культурных ценностей»	624
<i>Монастырский Ф.С.</i> Дети-солдаты и международное гуманитарное право.....	630
<i>Назарова Н.А.</i> Концепция «ответственность за защиту»: международно-правовая оценка.....	635
<i>Прокудина Ю.Н.</i> Правовые основы усыновления иностранцами детей – граждан Российской Федерации.....	644
<i>Сайфуллин Э.К.</i> статус сотрудников ЧВОК по международному гуманитарному праву	650
<i>Смирнов М.Г.</i> К вопросу о статусе добровольцев в современных вооруженных конфликтах по международному гуманитарному праву	658
<i>Смирнов М.Г.</i> Перспективные виды оружия в контексте установки международного гуманитарного права.....	664
<i>Филатова В.В.</i> Современные вооруженные конфликты: проблемы и вызовы	670
<i>Щетинский Г.В.</i> Ответственность за нарушение прав человека во время вооруженных конфликтов	676

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОГО
МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА**

В двух частях

Часть I

Издание подготовлено в авторской редакции

Компьютерная верстка *Е.Н. Собанина*
Дизайн обложки *Ю.Н. Ефремова*

Подписано в печать 17.06.2019 г. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 40,22. Тираж 100 экз. Заказ 1028.

Российский университет дружбы народов
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Типография РУДН
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3, тел. 952-04-41

Для заметок

Для заметок
